

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ
ДЛЯ ОПИСАНІЯ
МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТИФЛИСЬ.

Типографія: Канцелярія Главнначальствующаго гражданскою частію на Кавказѣ,
К. Козловскаго и И. Мартиросіянца.

1896.

Оглавление.

Предисловіе съ указателемъ предметовъ (мотивовъ сказокъ) и именъ <i>Л. Г. Лопатинскаго</i>	Стр. * **
--	-----------------

Отдѣль первый.

Историческія приписки двухъ кинелосовъ и хронологическій перечень событій по нѣкоторымъ другимъ источникамъ <i>Е. С. Такайшвили</i>	1— 60
Два акта католикоса Доментія III, данные въ Константинополѣ <i>Е. С. Такайшвили</i>.	61— 72
Мусульманское представленіе о Кавказскомъ хребтѣ <i>Н. Остроумова</i>.	73— 78
Каникулярная поѣздка по Эриванской губерніи и Карсской области <i>В. Дьвицкаго</i>.	79—180
Елисаветполь и его окрестности въ ориентологическомъ отношеніи, съ нѣкоторыми сказаніями мѣстныхъ татаръ о птицахъ <i>Е. Емельянова</i>	181—200
Воспоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ <i>С. Мельникова-Разведенкова</i>.	1— 75
Замѣтки <i>Е. Вейденбаума</i> и <i>Л. Л.</i>	76— 78

Отдѣль второй.

Сказки, собранныя воспитанниками Закавказской учительской семинаріи	1—106
1. Богатырь-Гасанъ <i>А. К. Велибекова</i>	1— 8
2. Царенчъ Асланъ и дивъ <i>А. С. Гашибаязова</i>	8— 12
3. Невѣрная жена и вѣрная невѣста <i>А. Кіясбекова</i>	12— 17
4. О двухъ братьяхъ <i>Н. Мурадова</i>	18— 26

5. Патамъ-бѣднякъ <i>А. К. Эфендіева</i>	27— 57
6. Святая рыба <i>А. Кіасбекова</i>	51— 56
7. Золотая рыба <i>С. Аджалова</i>	57— 60
8. Гусейнъ-богатырь <i>М. Мурадова</i>	60— 68
9. О двухъ братьяхъ, Шакуръ и Шакуратъ <i>М. К.-Таше- кенова</i>	68— 76
10. Богатырь Едмей, сынъ Едея <i>А.-бека Боташева</i>	76— 88
11. О восточномъ и западномъ царяхъ <i>П. Ростомова</i>	88— 90
12. О названіи рѣки Цхенисъ-цвали <i>А. Цицати</i>	90— 91
13. Амиранъ <i>А. Тондзе</i>	91— 95
14. Поселеніе тушинъ въ Алванъ <i>А. Бобіева</i>	95— 96
15. Царь-пастухъ <i>С. Табалияца</i>	96— 98
16. Три головы <i>А. Бабалияца</i>	98— 99
17. Паломникъ <i>А. Мирзоева</i>	99—102
18. Подвѣгъ искупленія <i>А. Бабалияца</i>	103—104
19. Три наставленія <i>Ѳ. Стамболиева</i>	104—106

Народные праздники, обычаи и повѣрья ра-

чинцевъ <i>Г. Джанаридзе</i>	107—150
---	---------

Адыгскіе (черкесскіе) тексты *П. Тамбіева* . 153—328

1. Отцовскіе друзья	153—166
2. Три добрыхъ совѣта	166—181
3. Жалкій бродяга однимъ махомъ побиваетъ больше ты- счи	181—196
4. Нарунъ-Незнайко	196—225
5. Воспитанникъ великана	225—243
6. Хакучицекъ Маршановъ и чортъ	244—247
7. Преданіе о лѣсѣ Тхаматъ	247—249
8. Борьба со змѣею	249—251
9. Непрительское войско и слѣпой	251—252
10. Молодецъ-Яферымъ	252—258
11. Еловъ Батынко	258—265
12. Отрывокъ изъ хакучинской пѣсни	265—266

Замѣтка *Л. Л.* 266—267

13. Письма о выселенія горцевъ въ 1864 г.	268—269
---	---------

Замѣтки *Хр. Гроздова* и *Л. Л.* 269

Объяснительный Словарь *Л. Л.* 270—301

Грамматическія замѣтки *Л. Л.* 302—327

Списокъ болѣе важныхъ печатокъ. 327—320

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ I отдѣлѣ XXI-го выпуска Сборника помѣщаются статьи историческаго и описательнаго содержанія. Первая статья „Историческія приписки двухъ кинкелесовъ и хронологическій переченьъ событій по нѣкоторымъ другимъ источникамъ“ Е. С. Тавайшвили открываетъ цѣлую серію матеріаловъ для исторіи Грузіи. О происхожденіи и характерѣ историческихъ записей кинкелесовъ¹⁾ вообще и двухъ помѣщаемыхъ въ настоящемъ трудѣ въ частности сказано все необходимое самимъ авторомъ во введеніи въ настоящему труду. Записи сопровождаются цѣнными примѣчаніями; введеніемъ и такими же примѣчаніями снабженъ и хронологическій переченьъ событій, взятый изъ рукописи, озаглавленной „Описаніе событій“, и имѣющей несомнѣнное значеніе для провѣрки и дополненія нѣкоторыхъ данныхъ, сообщаемыхъ грузинскими историками. То же самое слѣдуетъ сказать и о хронологическихъ перечняхъ, взятыхъ изъ другихъ источниковъ. Тотъ же авторъ помѣщаетъ здѣсь „Два акта католикаса Доментія III, данные въ Константинополѣ“ съ переводомъ ихъ на русскій языкъ, описаніемъ рукописей и примѣчаніями въ текстѣ. Изданіе подобныхъ актовъ имѣетъ несомнѣнное значеніе для освѣщенія нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ исторіи Грузіи.

Въ статьѣ Н. П. Остроумова „Мусульманское представленіе о Кавказскомъ хребтѣ (Бухи-Кафъ)“

¹⁾ Отъ греч. слова *κίρκλος* кругъ, круговой бѣгъ юда; подъ вліяніемъ грузинскаго произношенія получился носовой зв. и также и въ имени собст. Доментій отъ *Doménios*.

приурочивается название **Кафъ** не къ Кавказу ¹⁾, но въ Гиндукушу, при чемъ и баснословные Гогъ и Магогъ, упоминаемые въ Библии и Куранѣ, отнесены къ жителямъ этой горной страны.

Описательный характеръ носятъ статья В. П. Дѣвицкаго „**Каникулярная поѣздка по Эриванской губернии и Барсской области**“. Авторъ исколесилъ не только ближайшія мѣста къ Арарату и всю долину Аракса, столько разъ описанныя другими, но и заглядывалъ въ такія уголки края вдоль турецкой границы, въ особенности со стороны зарскаго плоскогорья, гдѣ не побывала еще нога образованнаго туриста, вносящаго въ записную книжку свои наблюденія.

Статья В. А. Емельянова „**Елисаветполь и его окрестности въ орнитологическомъ отношеніи, съ нѣкоторыми сказаніями мѣстныхъ татаръ о птицахъ**“ заключаетъ въ себѣ не только описаніе ближайшихъ окрестностей г. Елисаветполя, прежней Ганджи, но и естественно-историческій очеркъ пернатого царства, при чемъ затронута также этнографическая сторона края.

Статья С. Ѳ. Мельникова-Разведенкова „**Воспоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ**“ знакомитъ насъ съ весьма отдаленнымъ историческимъ прошлымъ греческихъ колоній по обоимъ берегамъ Керченскаго пролива и прилегающихъ къ нему странъ и указываютъ на близкую связь народовъ Кавказа (говорю о завоспорской части царства Спартокидовъ) съ классическимъ греческимъ міромъ. Къ этой статьѣ приложены замѣтки многоуважаемаго Е. Г. Вейденбаума съ объясненіемъ нѣкоторыхъ географическихъ названій.

*
*
*

Во II отдѣлѣ заключаются сказки нѣкоторыхъ народовъ тюркскаго племени (адербейджанскихъ татаръ, киргизовъ и

¹⁾ Слово „Кафъ“ взято изъ персидскаго **کوه کاف**, и потому можетъ означать всякій горный хребетъ.

горскихъ татаръ), кавтвельскаго (грузинъ, тушинъ), армянъ и грековъ.

Напечатанные въ нынѣшнемъ выпускѣ адыгскіе (черкесскіе) тексты, по своему содержанію, представляютъ довольно богатый этнографическій матеріалъ; пять сказокъ принадлежатъ закубанскимъ кабардинцамъ, а остальные семь—вахской вѣтви адыгскаго народа (хакутинцамъ и одна пѣсня абадзехамъ).

Всѣ сказки (кромя адыгскихъ) записаны воспитанниками Закавказской учительской семинаріи.

Сперва приступлю къ татарскимъ сказкамъ.

Сказка „Богатырь Гасанъ“ (записана Абдуль-Керимомъ Велибековымъ) развиваетъ мотивъ о похищеніи красавицы и смѣломъ подвигѣ ея избавленія изъ плѣна. Это весьма обычный и любимый мотивъ не только кавказскихъ сказокъ, но и сказокъ другихъ народовъ. Въ роли похитителя является дивъ, между тѣмъ какъ въ большей части другихъ сказокъ—змѣй, змѣй-Горынычъ русскихъ сказокъ. Наша сказка составлена изъ двухъ частей, связанныхъ между собою только внѣшнимъ образомъ. Въ первой части мотивъ освобожденія красавицы разработанъ почти такъ же, какъ и въ велико-и мало-русскихъ сказкахъ „Цветигорошекъ“¹⁾ и другихъ. Мать посылаетъ своего сына-богатыря на выручку сестры и брата, похищенныхъ дивомъ. Богатырь убиваетъ дива и освобождаетъ сестру и брата. Но братъ оказался неблагодарнымъ: на пути домой онъ убиваетъ своего освободителя. Къ мотиву неблагодарности брата²⁾ прицелся и мотивъ о матери-предательни-

¹⁾ Аванасевъ, Народныя русскія сказки т. IV стр. 74. Маминская, Вайкі і загадки ludu ukр. (Н. О. Сумцовъ. Малорусскія сказки). Рождественный мотивъ въ освобожденіи Гасеромъ жены, увезенной хорскими царями. Потанинъ, ст. „Ордынскія параллели“. Этнографическое Обзорѣніе, 1893, вып. III, 16. Аварская сказка „Морской конь“, Сборникъ свѣдѣній о кавк. горцахъ, т. II, отд. II, 13.

²⁾ Параллели указаны Аванасевымъ IV 71.

цѣ ¹⁾: мать радуется смерти сына, и когда тотъ, оживленный тремя голубями-ангелами ²⁾, является домой и убиваетъ своего неблагодарнаго брата, то мать доноситъ на него царю. Желая погубить героя сказки, царь отправляетъ его въ лѣсъ, полный дикими звѣрями, но онъ возвращается невредимымъ и затѣмъ покидаетъ родину.

Это обстоятельство послужило переходомъ ко второй части сказки, въ которой изложены еще два случая избавленія красавицы. Нашъ герой съ двумя склячками, которыхъ онъ предварительно одолеваетъ, располагается жить въ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ важдаго изъ нихъ, въ отсутствіе товарищей, посѣщаетъ старичокъ, ростомъ въ полъ-аршина, съ бородой въ аршинъ, и отвѣдываетъ отъ обѣда, приготовляемаго оставшимся. Таинственный посѣтитель—это „мужичокъ-съ ногогокъ, борода-съ локотокъ“ русскихъ сказокъ ³⁾. Въ грузинской сказкѣ „Судьба“ ⁴⁾, на которую наша сказка по этой подробности въ особенности похожа, въ этой роли является „великанъ“, а въ другихъ грузинскихъ сказкахъ: „Кажанди“ ⁵⁾—священникъ, „Боровій сынъ“ ⁶⁾—людоедъ; въ аварской сказкѣ „Медвѣжье ухо“ ⁷⁾—заячій веданикъ, въ удинской „Рустамъ“ ⁸⁾—чудовище, а въ нѣмецкой ⁹⁾—подземный человѣкъ. Въ каждой изъ этихъ сказокъ качества товарищей-склячекъ нѣтъ.

Въ завязавшейся со старичкомъ борьбѣ нашъ герой уда-

¹⁾ Тема о матери-предательницѣ указана Н. О. Сумцовымъ въ соч. „Магнорусскія сказки по сборникамъ Кольберга и Машинской“ стр. 104. Параллели: мингральская св. „Девъ и царская дочь“ въ Сборникѣ мат. для описанія мѣст. и племенъ Кавк. XVІІІ, III, 18 и айсорская „Окаменѣлое царство“ Ibid. 79.

²⁾ Въ буковинско-русской сказкѣ убитаго брата исцѣляетъ „живая вода“, Аван. IV, 102.

³⁾ Аван. IV, 121.

⁴⁾ Сборникъ мат. X, III, 57.

⁵⁾ Сб. XVІІІ, III, 398.

⁶⁾ Сб. IX, II, 192.

⁷⁾ Сб. XIV, II, 128 и Сб. свѣд. о кавк. горц. II, II, 17.

⁸⁾ Сб. VI. Прил. ко II отд. 21.

⁹⁾ Kinder-und Hausmärchen братьевъ Гриммовъ.

ромъ ложки отрываетъ у него голову; голова съ туловищемъ катятся вонъ изъ жилища; идя по слѣдамъ крови, нашъ герой доходитъ до дна колодца и спускается туда, между тѣмъ какъ товарищи остаются наверху. Внизу онъ находитъ въ трехъ разныхъ комнатахъ по дѣвицѣ, которыхъ и освобождаетъ. Сначала вытаскиваютъ товарищи двухъ дѣвицъ, а третья, самая красивая, какъ бы предугадывая измѣну ихъ, совѣтуетъ герою лѣзть первому, но онъ не соглашается. Тогда она совѣтуетъ ему, въ случаѣ если бы товарищи его оставили, броситься на чернаго изъ двухъ борющихся барановъ, который его отброситъ на бѣлаго, а тотъ—на бѣлый свѣтъ. Герой сдѣлалъ наоборотъ и остался въ подземномъ царствѣ. Мотивъ оставленія героя въ подземельѣ распространенъ по всему земному шару, и потому сообщеніе литературныхъ параллелей завело бы насъ слишкомъ далеко. Борющіеся *бѣлый* и *черный бараны*—это мнѣшеское представленіе о борьбѣ въ природѣ свѣта и тьмы—дня и ночи, смѣняющихъ другъ друга. Въ сказкѣ „Похожденія царевича Георгія“ ¹⁾ попытка героя сѣсть на бѣлаго барана удается только послѣ двухлѣтняго ожиданія, между тѣмъ какъ въ аварской „Медвѣжье ухо“ ²⁾ остается, какъ и въ нашей, безуспѣшной. Въ мингрельской сказкѣ „Слѣпой царь“ ³⁾ смѣну дня и ночи выражаютъ *бѣлая* и *черная козы*, а въ татарской—„Меливъ-Мамедъ“ ⁴⁾—*бѣлый* и *черный клубки*.

Для выхода на свѣтъ Божій сказка пользуется привычнымъ сказочнымъ приѣмомъ. Герой останавливается у одной старухи и узнаетъ, что какъ разъ сегодня должны отдать царевну на сѣденіе змѣю, залегающему источнику; онъ убиваетъ змѣя и освобождаетъ царевну. Въ благодарность царь

¹⁾ Сб. XIII, II, 64.

²⁾ Сб. свѣд. о кавк. горц. II, II, 22.

³⁾ Сб. XVIII, III, 46.

⁴⁾ Сб. XIII, II, 310.

предлагаетъ ему спасенную дочь въ жены, но онъ отказывается и проситъ указать средство для выхода на свѣтъ бѣлый. Царь совѣтуетъ искать птицы Рохъ. Нашъ герой убиваетъ крокодила, поѣдавшего ея дѣтенышей, а въ благодарность птица выноситъ его на свѣтъ Божій. На пути наверхъ онъ кормитъ птицу кускомъ мяса отъ своего бедра, но потомъ она залѣчиваетъ его рану и даетъ свое перышко на случай какой-нибудь бѣды. Герой узнаетъ, что товарищи готовятся сыграть свадьбу. Онъ убиваетъ ихъ, двухъ дѣвушекъ выдаетъ замужъ, а третью—беретъ себѣ. Наша сказка въ своей средней части и концѣ ближе подходитъ къ вышеупомянутой аварской сказкѣ и грузинскимъ, но по многимъ деталямъ она приближается къ русскимъ ¹⁾. Специальный мотивъ о благодарной птицѣ воспроизводится во множествѣ сказокъ ²⁾. Роль птицы Рохъ нашей сказки въ большей части русскѣхъ сказокъ, аварской и двухъ грузинскихъ („Судьба“ и „Кажанди“) исполняетъ *орель*; въ одной русской („Несчастный садъ“) — *грибъ-птица*, армянской („Коровій сынъ“) — *синамарка*, а въ курдской („Махмудъ-охотникъ, Озманъ-богатырь и Асад-воитель“) ³⁾ — *симуръ* ⁴⁾. Въ одной подробности сказки нѣсколько расходятся. Въ удинской сказкѣ „Рустамъ“ герой прощаетъ неблагодарныхъ товарищей, а въ аварской сказкѣ „Медвѣжье ухо“, какъ и въ нашей, мститъ товарищамъ за измѣну; въ армянской сказкѣ „Коровій сынъ“ онъ не наказываетъ ихъ, но зато беретъ себѣ всѣхъ красавицъ.

¹⁾ „Три царства—жѣдное, серебряное и золотое“ Азан. I, 264, въ особенности вариантъ подъ лит. а; „Несчастный садъ“, Сб. VII, I, 123; „Сказка о трехъ братьяхъ крестьянскихъ“, Сб. XV, II, 29; „Царенко Навишній“, Рудченко, Нар. южнорусс. сказки I, 115.

²⁾ Литература предмета у Сумцова „Разборъ этнографическихъ трудовъ“ Е. Р. Романова, стр. 79.

³⁾ С. А. Егізаровъ, Курманджійскіе тексты въ Запискахъ Кавк. отд. Имп. русс. геогр. общ. XIII, 89.

⁴⁾ Какъ арм. *синамарка*, такъ и курд. *симуръ*—это искаженіе персидскаго *симуру*.

Одна подробность—о превращеніи вѣдьмою брата героя сказки въ осла и возвращеніе ему прежняго вида имѣеть цѣлью отгнѣить неблагодарность къ своему избавителю-брату. И другія сказки знаютъ этотъ мотивъ, но въ большинствѣ случаевъ онъ касается чудеснаго оборотничества любовниковъ.

Въ сказкѣ „Царевичъ Асланъ и дивъ“ (записана А. С. Гашибазовымъ) разрабатываются мотивы о матери-предательницѣ и притворной болѣзни, столь распространенныя въ сказкахъ Европы, Азии и Африки ¹⁾. Въ особенности много общаго съ ней имѣютъ сказки: малорусская „Побѣдитель-змѣевъ“ ²⁾, армянская „Меликъ-Мамедъ“ ³⁾ и великорусская „Притворная болѣзнь“ ⁴⁾. Царь осуждаетъ свою жену на смертную казнь, но сынъ ее спасаетъ и увозитъ въ страну сорока дивовъ. Мать соплаась съ однимъ изъ дивовъ и порѣшила извести сына. Она притворяется больной, и посылаетъ его за разными снадобьями, добываніе которыхъ сопряжено съ опасностью для жизни. За такими же снадобьями отправляется пасынокъ въ ниже: капризатіной набардинской сказкѣ „Нарунъ“. Исполняя первое порученіе, сынъ-богатырь добываетъ льявъ, которые его потомъ выручаютъ изъ бѣды. Льявата играютъ ту же роль, что собака, волченокъ или медвѣженокъ въ русскихъ сказкахъ ⁵⁾. Исполнивъ второе порученіе, сынъ-богатырь овладѣваетъ красавицей. Онъ ей велѣлъ дожидаться его три дня, а самъ отправляется къ притворно-больной матери. Желая сдѣлать сына безпомощнымъ, мать связываетъ его *струнами*. Для этой цѣли

¹⁾ Варианты на мотивъ о матери-предательницѣ цитованы выше. „Българскіе варианты въ „Разборѣ этногр. трудовъ Романова“ Сумцова 79;—на притворную болѣзнь—Ав. IV, 263.

²⁾ Н. Ф. Сумцовъ. Малорусск. сказки по Сбор. Кольберга, 104.

³⁾ Сб. XIII, II, 206.

⁴⁾ Ав. II, 224 а.

⁵⁾ Ав. IV, 263. Кольбергъ „Рокисіе“ ск. „Коварная сестра“ (дат. по Сумцову). Рудченко, I, 139 (въ сказкѣ „Эмія“ также упоминается „лещо“).

служить въ цитованной у Аонасыева словацкой сказкѣ *шелковый шмурь*.

Аслану выкалываютъ глаза и бросаютъ въ оврагъ, но тамъ его поднимаютъ караванчики и везутъ въ невѣстѣ, справившей уже по немъ поминки. Она его узнаетъ по брошенному въ стаканъ кольцу. Такъ же по перстню, брошенному въ вазу, узнаетъ Баратты-хана ¹⁾ его жена. Опусканіе кольца въ кубокъ обще-распространенный сказочный мотивъ.

Невѣста лѣчитъ отъ слѣпоты своего жениха, подмѣтивъ случайно, какъ изъ борющихся лягушекъ одна возвращается зрѣніе другой. Чудесное излѣченіе отъ слѣпоты можно сравнить съ чудеснымъ возвращеніемъ въ жизни Нартъ-жанъ, при чемъ руководителями служатъ борющіися змѣи ²⁾.

Въ концѣ сказки Асланъ убиваетъ коварную мать и дива. Местъ въ русской сказкѣ имѣетъ болѣе нравственную подкладку: сынъ предоставляетъ мать суду Божьему. Такъ же поступаютъ герои и западно-славянскихъ сказокъ.

Сказка „Невѣрная жена и вѣрная невѣста“ (записана Агагаромъ Кіясбековымъ) проводитъ мысль о томъ, что нельзя огуломъ осуждать женщинъ: если, съ одной стороны, есть невѣрныя жены, готовныя не только измѣнить своему мужу, но и посредствомъ убійства отдѣлаться отъ него, то, съ другой—найдутся вѣрныя невѣсты, которыя свято хранятъ память своего погибшаго жениха, мстятъ его врагамъ и даже лишаютъ сами себя жизни, не желая жить безъ него. Оба эти положенія разъясняются двумя сказочными эпизодами о двухъ женщинахъ—измѣнницѣ и вѣрной, подобно тому какъ и въ чеченской сказкѣ „Лял-Султа“ ³⁾, съ которой наша сказка, въ особенности во второй своей части,

¹⁾ Г. Н. Потанинъ „Ординскія параллели къ поэмамъ ломбардскаго цикла“. Этн. обозр. 1893. III, 30.

²⁾ Сб. XII. Эпизодъ изъ сказаній о Сосруко 143. В. Ф. Миллеръ въ своемъ отиисѣ къ вып. XII указываетъ на варианты.

³⁾ Сб. слѣд. о кавк. горцахъ IV, II, 14.

имѣть много общаго. Въ невѣрности жены убѣждается персидскій шахъ Аббасъ, которому народныя преданія приписываютъ такую же страсть къ *переодѣванію*, какъ багдатскому халифу Гарунъ-аль-Рашиду въ „Тысяча одной ночи“. Съ историческою личностію Шахъ-Аббаса связано и преданіе о переодѣваніи его лудильщикомъ, чтобы видѣть царицу Тамару ¹⁾, и другое—съ цѣлью добиться взаимности у красавицы ²⁾, но впечатлѣніе, вынесенное отъ посѣщенія бѣдной дѣвушки было совсѣмъ иное: онъ убѣдился, что есть на свѣтѣ честныя женщины.

Послѣдствіемъ коварнаго убійства мужа женою было распоряженіе шаха истребить всѣхъ женщинъ въ своемъ государствѣ. Отмѣна этого распоряженія послѣдовала послѣ того, какъ шахъ узналъ о вѣрности невѣсты со словъ столѣтняго старца. Вѣрная невѣста оказалась воинственной: она перебиваетъ поодиночкѣ всѣхъ почти сорокъ богатырей за несоблюденіе рыцарскаго правила—встрѣчать опасности во всеоружіи, истребляетъ цѣлую непріятельскую рать и мститъ жестоко за смерть своего жениха. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть нѣкоторыхъ чертъ богатырскихъ дѣвъ-воиновъ русскихъ и кавказскихъ сказовъ и древне-нѣмецкихъ Нибелунговъ.

Сказка „О двухъ братьяхъ“ (записана И. Мурадовымъ) по своему основному мотиву—превращенію дѣвушки въ мужчину можетъ быть сближена съ имеретинскою сказкой „О дочери царскаго эконома“ ³⁾, хотя въ многихъ деталяхъ и даже завязкѣ обѣ сказки расходятся.

¹⁾ Сб. VII, II, 96.

²⁾ Сб. XIII, II, 163.

³⁾ Сб. XIX, II, 35. Сравнивая нашу сказку съ этой интересной имеретинскою сказкой, записанной въ г. Кутансѣ, я, кромѣ сообщенныхъ А. А. Боголюбенскимъ классическихъ параллелей, могу указать еще на то, что дочь царя драконовъ многими чертами своими, а также сценой бѣгства напоминаетъ Мидію (Меден): сама она не бѣжитъ, такъ какъ избраннику ея сердца предстояло еще превращеніе въ юношу, но для того чтобы удалось его бѣгство, она жертвуетъ отцомъ-дракономъ (греческая Мидія жертвуетъ братомъ Авсиртомъ).

Два названных брата идут искать счастья-доли: одинъ на востокъ, другой на западъ; при прощаніи они даютъ другъ другу обѣщаніе соединить бракомъ своихъ дѣтей. Раньше напелъ свое счастье тотъ, который пошелъ на западъ: онъ дѣлается царемъ; но царемъ дѣлается и другой, отправившійся на востокъ, при чемъ при его избраніи играетъ роль *птица*, какъ и въ сказкахъ другихъ народовъ ¹⁾. Оба царя женятся: у восточнаго царя родилась дочь, а у западнаго— три дочери. Когда дочь восточнаго царя подросла, онъ проситъ западнаго прислать своего сына, думая, что у того сынъ. Въ своемъ затрудненіи западный царь открывается дочерямъ, и онѣ, желая его выручить, одна за другой вызываются ѣхать въ мужскомъ платьѣ въ царю восточному. Но только младшая обладала тѣми богатырскими качествами, которыми надѣляются женщины сказки разныхъ народовъ ²⁾. Дальнѣйшее развитіе разсказа похоже въ общихъ чертахъ на имеретинскую сказку. Расходятся онѣ въ слѣдующихъ деталяхъ:

1) Въ нашей сказкѣ визирь старается напугать дѣвицу и заставить ее вернуться, но это ему не удается: она убиваетъ визиря съ его людьми; въ имеретинской сказкѣ отецъ самъ рѣшается напугать свою дочь, но, убѣдившись въ ея безстрашии, онъ напутствуетъ ее на дальнѣйшіе подвиги.

2) По прибытіи въ городъ восточнаго царства, переодѣтая дѣвушка останавливается въ домѣ одной старушки—обычный эпическій пріемъ сказокъ; въ имеретинской—дѣвушка прямо отправляется въ царю.

3) Въ нашей сказкѣ въ переодѣтую дѣвушку влюбляется царевна, а въ имеретинской—царица; какъ та, такъ и дру-

¹⁾ Параллели мною указаны въ Пред. къ XX вып. Сб.

²⁾ „Василиса Поповна“ и др. варианты у Ас. IV, 462; Брунгильда въ Нибелунгахъ; „Богатырь-женщина“ въ кабард. сказаніи, Сб. XII, I, 51; арм. сказка „Невѣста-всадникъ“ Сб. VII, II, 79; аварская сказка „О Балаѣ и Бота“, Сб. свѣд. о кавк. горц. II, 56 и др.

гая заставляють храбрую дѣвушку добывать разныя снадобья: первая—для излѣченія отъ болѣзни, а вторая—отъ бесплодія. Параллели мотива о розыскѣ снадобьевъ указаны выше.

4) Руководителемъ дѣйствій дѣвы-богатырши являются: въ нашей сказкѣ пророкъ, а въ имеретинской—вѣщій конь, данный ей дочерью царя драконовъ. Вообще послѣдней подробностью и всѣми деталями, относящимися къ царю драконовъ, имеретинская сказка богаче; притомъ она не только отличается сдѣпленіемъ эпическихъ мотивовъ, но и болѣе сложнымъ своимъ составомъ.

5) Приключенія въ окаменѣломъ царствѣ ¹⁾ въ обѣихъ сказкахъ тождественны, но въ нашей—наказываетъ полуокаменѣлаго царя ангелъ, а въ имеретинской—злой духъ.

6) Превращеніе дѣвушки въ юношу совершается въ нашей сказкѣ посредствомъ соединенныхъ молитвъ пророка, ангела и дѣвушки, а въ имеретинской оно является результатомъ проклятія змѣя-дьявола, убиваемаго дѣвушкой.

7) Конецъ нашей сказки проще: нашъ женихъ женится на дочери восточнаго царя, а въ имеретинской—бросаетъ царя, у котораго онъ служилъ экономомъ, и ѣдетъ къ дочери царя-дракона, своей невѣстѣ.

Параллели сказаній о половой метаморфозѣ существуютъ въ классической литературѣ, въ восточныхъ сказкахъ и средневѣковыхъ легендахъ ²⁾. Въ сказкахъ съ подобнымъ содержаніемъ нашло свое выраженіе задушевное желаніе малокультурнаго человѣка имѣть во что бы то ни стало сыновей; дѣвушка, какими бы качествами она ни обладала, считается еще и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ уголкахъ Закавказскаго края лишнимъ бременемъ въ семьѣ, но теперь уже

¹⁾ Ср. Ае. IV, 360; айсорскую сказку „Окаменѣлое царство“ XVIII, III, 78.

²⁾ См. Отзывъ проф. В. О. Миллера о XIX вып. Сб., съ ссылкой на изслѣдованіе акад. А. П. Веселовскаго „Croisants-grecsens“. Сборникъ (Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ XXII, 3, 1881 г.

замѣчаются признаки переменъ взгляда и одинаковаго отношенія къ дѣтямъ обоюго пола.

Сказка „Патамъ-бѣднякъ“ (записана А.-К. Эфендиевымъ) отличается оригинальною комбинаціей отдѣльныхъ частей: это не одна сказка, но соединеніе въ одно цѣлое нѣсколькихъ сказочныхъ мотивовъ. Завязкой служитъ внезапное обогащеніе бѣдняка Патама, дающаго, правда, отъ своего избытка другимъ, но желающаго удивить всѣхъ своею щедростію. Въ числѣ нищихъ, явившихся къ нему ежедневно за милостыней, нашелся дервишъ; онъ объявилъ щедрому хозяину, что видѣлъ человѣка, по имени Ферхадъ, который его превосходитъ своею щедростію. Задѣтый за живое, Патамъ мѣняется съ дервишомъ одеждою и идетъ отыскивать этого богача. Отыскавъ его и убѣдившись въ справедливости словъ дервиша, Патамъ проситъ богача рассказать ему исторію своего обогащенія, но тотъ отсылаетъ его къ другому—купцу Заххаку за разъясненіемъ его страннаго образа дѣйствій, а тотъ, въ свою очередь, направляетъ его къ кузнецу Искендеру, чтобы узнать, что такое съ нимъ случилось. Наконецъ, Искендеръ рассказываетъ Патаму бывшій съ нимъ случай, а когда Заххавъ услышалъ исторію Искендера, то, съ своей стороны, рассказалъ все Патаму, а затѣмъ сдѣлалъ то же самое и Ферхадъ. Любопытство Патама удовлетворено, и онъ снова водворяется въ своемъ домѣ, но съ тѣхъ поръ совращаетъ размѣры своей безумной щедрости, убѣдившись въ томъ, что благотворительностью должно руководить желаніе сдѣлать доброе дѣло, а не постороннія побужденія.

Обмѣнъ своимъ мѣстомъ и платьемъ—это извѣстный сказочный мотивъ. Въ нашей сказкѣ, а равно и въ армянской „Алиханъ“¹⁾ подобный обмѣнъ проходитъ для изъясвившаго желаніе помѣняться безнаказанно; но иногда бываетъ наоборотъ: ему приходится раскисываться въ своей довѣрчи-

¹⁾ Сб. VII, II, 164.

вости ¹⁾. Въ армянской сказкѣ царь Кулиханъ ²⁾, помѣнявшійся своей ролью съ дервишомъ, лишается, правда, престола, которымъ завладѣваетъ дервишъ, но за свою преданность волѣ Божьей дѣлается царемъ въ другомъ мѣстѣ.

Перехожу теперь къ отдѣльнымъ сказочнымъ эпизодамъ.

1. Искендеръ обладалъ прекраснымъ голосомъ и потому былъ муазиномъ въ мечети. Однажды, за четверть часа до полудневной молитвы, его подхватила птица и унесла въ такое мѣсто, гдѣ ему пришлось дрожать за свою жизнь. Ровно въ двѣнадцать часовъ онъ былъ снова на минаретѣ, но когда хотѣлъ пройтъ молитву, то оказалось, что онъ лишился голоса. Послѣ этого онъ бросаетъ родной городъ, оставляетъ беременную жену на попеченіе матери, а самъ идетъ на чужбину, гдѣ дѣлается кузнецомъ. Обогадивши себя своимъ трудомъ, онъ черезъ пятнадцать лѣтъ возвращается на родину и, войдя незамѣтно въ домъ, застаётъ свою жену спящей съ какимъ-то молодымъ человекомъ. Не зная, что это его сынъ, онъ убиваетъ жену, сына и мать. За свой опрометчивый поступокъ ему приходится испытывать угрызенія совѣсти и страдать всю жизнь. Герой греческой сказки „Три наставленія“, напечатанной въ настоящемъ выпускѣ Сборника (стр. 106), поступилъ въ аналогичномъ случаѣ совершенно иначе: онъ вспомнилъ данный ему совѣтъ и не убилъ ни жены ни сына.

2. Отецъ Заххака былъ первымъ богачомъ въ городѣ. При домѣ его отца былъ прекрасный садъ, куда ежегодно весною прилетали, въ видѣ голубей, въ гости къ его сестрѣ дочери хурійскаго царя; каждый разъ онѣ, сбросивъ съ себя птичьи шкурки, купались въ пруду. Заххакъ спрятался од-

¹⁾ Напр., въ русской повѣсти о Басаргѣ; въ монгольской сказкѣ о Бальнь-сенге и въ XXIII главѣ Шиддекура; см. ст. Потанина въ Этн. Обзор. XII, 57; XVII, 165.

²⁾ Сб. VII, II, 219.

нажды за вѣстомъ и завладѣлъ шкуркой младшей изъ сестеръ. Зная о томъ, что ей улетѣть обратно уже нельзя, она сама соглашается быть женой Заххава. Сначала жизнь ихъ была счастлива, но потомъ вышло иначе: вслѣдствіе необдуманнаго поступка мужа, разсвирѣпѣвшая жена убиваетъ дѣтей и, принявъ видъ голубя, улетаетъ обратно къ отцу. Мотивъ о купаньи въ озерѣ трехъ сестеръ, прилетавшихъ птицами, общераспространенный не только въ сказкахъ кавказскихъ, но и другихъ народовъ. Обыкновенно шурека одной изъ нихъ, самой красивой, дѣлается добычей юноши, подсмотрѣвшаго купающихся сестеръ. Въ нашей сказкѣ царевна не дѣлаетъ даже попытки получить шкурку обратно и примиряется со своею судьбою; въ аварской же сказкѣ „Морской конь“¹⁾, на которую наша сказка похожа по многимъ деталямъ, дочь морского царя проситъ юношу вернуть ей шкурку, но онъ не хочетъ, вслѣдствіе чего онъ и овладѣваетъ красавицей. Этою послѣдней подробностью аварская сказка ближе подходит къ сказкамъ другихъ народовъ. Но видъ *голубей* принимаютъ сестры не во всѣхъ сказкахъ: въ русской былинѣ о Марѣ Лебеди-Бѣлой онѣ прилетаютъ на озеро въ видѣ *лебедей*, а въ тюркской сказкѣ о Каратты-ханѣ²⁾ дѣвица принимаетъ видъ *утки*. Упомяну еще объ одной подробности. Въ нашей сказкѣ говорится о трехъ дочеряхъ *хорійскаго* царя. Название это, въ нѣсколько измѣненной формѣ, встрѣчается въ сказаніи о Гасэрѣ³⁾. Этотъ богатырь, родственникъ по многимъ чертамъ богатырямъ русскихъ былинъ и нартовскихъ сказаній, ведетъ войну съ тремя *хорскими* царями, увезшими его жену. По моему мнѣнію, ключъ къ объясненію этихъ названій слѣдуетъ искать въ древней формѣ названія Хивы — Ха-

¹⁾ Сб. XIV, II, 98.

²⁾ Этн. Об. 1893, III, 30.

³⁾ Статья Поталина „Ординскія параллели въ поэмахъ ломбардскаго цикла“ въ томъ же вып. Обзор.

ресми или Хоаресми, и если мое предположеніе вѣрно, то это можетъ послужить и указаніемъ въ объясненію, по какому пути ордынскіе сюжеты могли вторгнуться на кавказскую почву.

3. Ферхадъ, несмотря на предостереженія умирающаго отца, безразсудно растрчиваетъ полученное наслѣдство, вмѣстѣ со своими товарищами-кутилами. Когда онъ обнищалъ, то прежніе друзья отъ него отвернулись, и тогда Ферхадъ обращается за помощію къ старому товарищу отца. Тотъ ему совѣтуетъ добыть у дива съ семью головами золототворную лампаду, но предвѣщаетъ, что путь къ башнѣ дива усѣянъ препятствіями¹⁾. Ферхадъ рѣшается идти. На пути встрѣчаются чудовища и разные чудесные предметы; онъ оказываетъ имъ всевозможныя услуги или скрываетъ ихъ недостатки, и они пропускаютъ его. Такимъ образомъ Ферхадъ проникаетъ въ башню. Тамъ онъ освобождаетъ заключенную царевну и, схвативъ лампаду, садится на лучшаго коня дива и убѣгаетъ при помощи благодарныхъ чудовищъ и чудесныхъ предметовъ. Этой своей чертой сказка подходитъ къ мотиву о благодарныхъ животныхъ, столь распространенному въ сказкахъ всѣхъ народовъ²⁾. Благодарность выражается не только тѣмъ, что герой сказки не задерживается на пути, но и тѣмъ, что преслѣдовавшій его дивъ не пропускается дальше. Последней подробностью наша сказка напоминаетъ такую же черту въ другихъ сказкахъ: во время бѣгства любящей четы погоня задерживается бросаніемъ разныхъ чудесныхъ предметовъ³⁾.

Золототворная лампада дѣлается для героя сказки неизсякаемымъ источникомъ богатства. Тема о растрчиваніи безпутнымъ сыномъ отцовскаго наслѣдства и о вторичномъ его обогащеніи разрабатывается и въ другихъ сказкахъ. Въ

¹⁾ Это нѣчто въ родѣ заставъ Ильи Муромца.

²⁾ Сб. IX, II, 83; XII, 117; XIII, 83, 130, 313. Литература мотива указана въ статьѣ Н. О. Сумцова „Малорусскія сказки“.

³⁾ Ав. „Морской царь и Василисса Премудрая“ IV, 125.

чеченской сказкѣ ¹⁾ богатство возвращается къ сыну совершенно иначе: онъ вѣшается на веревкѣ приготовленной заранѣе отцомъ, но обрывается, при чемъ посыпались золотыя деньги, припасенныя отцомъ на случай нужды сына. Конецъ обѣихъ сказокъ одинъ и тотъ же: нравственное обновленіе безпутнаго сына.

Сказки „Святая рыба“ (записана А. Кіясбековымъ) и „Золотая рыба“ (записана С. Аджаловымъ), сходныя по своему замыслу и деталямъ, представляютъ варіантъ татарской же сказки „Рыба разноцвѣтная“ ²⁾, мингрельской „Красивая рыба“ ³⁾ и туркменской „Золотой сазанъ“ ⁴⁾.

Особенности этихъ сказокъ слѣдующія.

1) Незнакомецъ-оборотень, съ цѣлью заставить заговорить нѣмую царевну, рассказываетъ ей сказку съ невѣроятнымъ заключеніемъ, при чемъ въ первой сказкѣ онъ обращается къ *попугаю*, во второй—къ *подушкѣ*, а въ татарской, раньше напечатанной—къ *двери*; въ мингрельской и туркменской нѣтъ этой подробности.

2) Сказка, рассказываемая оборотнемъ царевнѣ, составляетъ отдѣльный эпизодъ. Три царевича (въ татарской—сыновья купца), совскатели руки двоюродной сестры, отправляются на чужбину, гдѣ они надѣляются каждый порознь какимъ-нибудь необыкновеннымъ качествомъ или диковинкой: старшій даромъ узнавать то, что происходитъ гдѣ бы то ни было; средній добываетъ коверъ-самолетъ ⁵⁾, а младшій приобрѣтаетъ умѣніе вылѣчить даже умирающаго. Въ сказкѣ „Рыба самоцвѣтная“ эти дары даются братьямъ въ другомъ порядкѣ: умѣніе лѣчить приобрѣтаетъ старшій, даръ прозрѣ-

¹⁾ Сб. свѣд. о кавк. горц. IV, 31.

²⁾ Сб. IX, II, 75.

³⁾ Сб. X, II, 326.

⁴⁾ Сказки мангышлакскихъ туркменъ, Сб. свѣд. о кавк. горц. VIII, VII, 14.

⁵⁾ Литература мотива о чудесныхъ предметахъ изложена въ цитованномъ уже сочиненіи проф. Н. О. Сумцова.

ня—средній, а чудесные предметы—младшій. Этотъ эпизодъ входитъ также въ составъ грузинской сказки: „О сынѣ царскаго служителя“¹⁾, но, какъ и въ нашей, передается безъ излишнихъ подробностей.

3) Въ нашей сказкѣ царевна присуждаетъ умирающую невѣсту брату, вылѣчившему ее, а въ раньше напечатанной татарской—обладателю чудесныхъ предметовъ.

4) Во второй сказкѣ нѣтъ этого эпизода, но зато она имѣетъ другой эпизодъ, общій у нея съ первой сказкой. На караулѣ стояли трое: столяръ, портной и мулла; чтобы не уснуть, первый вытесываетъ изъ бревна человѣческую фигуру, второй ее одѣваетъ, а третій горячей молитвой оживляетъ. Цѣль и этого разсказа заинтересовать нѣмую царевну и этимъ заставить ее заговорить. Этотъ эпизодъ составляетъ вариантъ грузинской сказки „О сынѣ царскаго служителя“, но аксеуары этой сказки совершенно другія.

5) Въ обѣихъ сказкахъ царевна присуждаетъ право на дѣвуху, происшедшую чудеснымъ образомъ изъ деревяннаго чурбана, муллѣ, а въ грузинской—плотнику.

6) Въ первой изъ рассматриваемыхъ сказокъ высказываетъ изо рта испуганной царевны *ящерица*, во второй и туркменской—*змья*, въ раньше напечатанной татарской—*жаба*, а въ одной грузинской—*чертенята*²⁾; мингрельская сказка не знаетъ этой подробности.

7) Вторая сказка имѣетъ сравнительно съ татарской „Разноцвѣтная рыба“ еще одну подробность: вравью, выпущенной изъ жила оборотня, излѣчивается царь-отецъ; въ татарской—царь умираетъ, а сынъ наследуетъ престолъ.

Остается упомянуть еще обо одной татарской сказкѣ „Нѣмая царевна“³⁾, сходной съ нашими по нѣкоторымъ

¹⁾ Сб. XIX, II, 119.

²⁾ Сообш. А. С. Хахановымъ В. Ө. Миллеру, см. Прил. Сб. XII, 74.

³⁾ Сб. VI, II, 94.

деталямъ. Въ этой сказкѣ исцѣленіе отъ нѣмоты получается отъ другой причины—по волшебству колдуна.

Сказка „Гусейнъ-богатырь“ (записана М. Мурадовымъ) по своему замыслу вполне соответствуетъ аварской сказкѣ „Охай“¹⁾. Въ нашей сказкѣ бѣдный пастухъ проситъ отца высватать ему дочь перваго богача въ деревнѣ; богачъ, желая дать почувствовать всю неумѣстность сватовства бѣдняка, требуетъ въ видѣ калыма такую сумму, уплатить которую тотъ не въ состояніи. Въ аварской сказкѣ сынъ пастуха упрашиваетъ отца высватать за него царевну; царь непрочь выдать дочь замужъ, но требуетъ отъ пастуха доказательствъ его смѣлости и ловкости. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи обѣ сказки существенно отличаются отношеніемъ отца невѣсты въ искателю руки дочери, что и даетъ извѣстное направленіе дѣйствіямъ того и другого. Желая заработать требуемую сумму, герой нашей сказки, необыкновенный силачъ, занимается въ работники, но потомъ появленіе въ городѣ, гдѣ онъ жилъ, пехлевана, записного борца, даетъ ему случай проявить свою силу на поприщѣ арены. На него обращаетъ вниманіе Шахъ-Аббасъ и даетъ ему порученіе взять съ сосѣдняго языческаго государства контрибуцію и добыть сестру царя. Устранивъ всѣ препятствія при содѣйствіи своего помощника-айара, онъ достигаетъ своей цѣли и дѣлается намѣстникомъ завоеванной страны. Въ аварской сказкѣ герой поступаетъ въ обученіе къ Охай, владѣтелю подземнаго міра и при помощи его дочери обучается смѣлости и ловкости. Доказавъ на дѣлѣ предъ царемъ свое искусство, онъ женится на царевнѣ, но беретъ себѣ въ жены также и дочь Охая. Наша сказка умалчиваетъ о судьбѣ дочери богача, хотя уплатить калымъ за нее герою было бы уже не трудно; она также обходитъ вопросъ о томъ, кому досталась царевна: нашему ли герою, или Шахъ-Аббасу.

Какъ въ нашей сказкѣ, такъ и въ раньше напечатан-

¹⁾ Сб. свѣд. о кавк. горц. II, 22.

ныхъ „Мелнѣзъ-Мамадъ и Мелинѣзъ-Шумшидъ“¹⁾ и „Мелинѣзъ-Мамедъ“²⁾ бросается въ глаза пристрастіе закавказскихъ татаръ къ проявленіямъ физической силы: смотрѣтъ на борьбу силачей это любимѣйшее ихъ зрѣлище, и пехлеваны (у татаръ пелюаны) пользуются у нихъ большимъ почетомъ³⁾.

Любопытна также въ сказкѣ роль *айаровъ*. Это нѣчто въ родѣ слуги-невидимки русской сказки, при помощи котораго герой совершаетъ свои подвиги. Въ числѣ именъ, придаваемыхъ въ русскихъ сказкахъ такому слугѣ, есть и Урза-Мурза⁴⁾, каковое присвоено и нашему айару.

Въ киргизской сказкѣ „О двухъ братьяхъ, Шакурѣ и Шакуратѣ“ (записана М. Кентаевымъ-Ташекиновымъ) выставляется на первый планъ нелюбовь злой мачехи къ дѣтямъ мужа отъ первой жены. Этотъ весьма распространенный мотивъ народный эпосъ разнообразить на всѣ лады и обставляетъ всевозможными подробностями. Обыкновенно въ сказкахъ нелюбовь мачехи обрушивается на падчерицу, но здѣсь дѣлаются жертвой пасынки. По наущенію мачехи, отецъ велѣлъ слугамъ умертвить въ степи младшаго сына и представить ему окровавленную рубашку, но они его пощадили и намочили рубашку въ крови барана. Послѣ этого и старшій сынъ бросаетъ отцовскій домъ, и оба брата очутились въ степи безпомощными. Младшій погибаетъ отъ укуса змѣи, но потомъ возвращается къ жизни молитвами богомольцевъ. Съ этого времени пути обоихъ братьевъ раздѣлились, и дальнѣйшая ихъ судьба зависитъ уже отъ врожденныхъ имъ нравственныхъ и физическихъ качествъ: послѣ дѣлаго ряда невѣроятныхъ приключеній они дѣлаются могущественными царями. При личномъ свиданіи, они рѣшились посѣтить своего

¹⁾ Сб. VI, II, 114.

²⁾ Сб. XIII, II, 84.

³⁾ Сб. XX, I, 145, ст. А. Захарова „Домашній и социальный бытъ женщины у закавказскихъ татаръ“.

⁴⁾ Ае. IV, 272.

отца. Находятъ они его въ нищетѣ: онъ былъ лишенъ власти своими подданными за дурное обращеніе съ сыновьями; но они восстанавливаютъ отца на престолѣ и заставляютъ развестись съ женой, ихъ мачехой.

Укажу на одну подробность въ нашей сказкѣ. Младшій изъ братьевъ, Шакуръ, въ незнакомомъ городѣ увидѣлъ человѣка, везущаго на арбѣ *сундукъ*; продавецъ старается заманить покупателя обѣщаніемъ счастья. Шакуръ купилъ этотъ сундукъ, а когда его открылъ, то въ немъ оказалась заключенной дѣвушка рѣдкой красоты.

Скрыть подобнымъ образомъ красавицу отъ глазъ постороннихъ—это обыкновенный эпическій приемъ, но насколько разнообразны побужденія, по которымъ герои сказки или другія лица прибѣгаютъ къ этому средству, настолько же различается и мѣсто, куда они заключаютъ красавицъ. Такъ, въ монгольскомъ сборникѣ Шиддикуръ ¹⁾ одинъ человѣкъ женится обманнымъ образомъ на красивой дѣвушкѣ, но, желая отъ нея отдѣлаться, запираетъ ее въ *корзину* и, присыпавъ землѣю, удаляется. На насыпь съ корзиной наѣхалъ царевичъ, велѣлъ ее раскопать и освободилъ заключенную дѣвицу. Въ армянской сказкѣ „Сахва-Юсуфъ“ ²⁾ герой, желая спасти свою возлюбленную, заключаетъ ее въ *ящикъ* и отправляетъ къ своей матери. Въ армянской же сказкѣ „Невѣста-всадникъ“ ³⁾ старуха-волшебница, чтобы доставить красавицу влюбленному царю, заперла ее въ *бочку* и пустила по теченію рѣки.

Балкарское сказаніе (въ текстѣ невѣрно напечатано—*карачаевское*) „**Вогатырь Ецемей, сынъ Ецея**“ (записано А. Боташевымъ) принадлежитъ къ разряду нартовскихъ сказаній, столь распространенныхъ среди туземцевъ Сѣвер-

¹⁾ Этн. Об. 1892 II—III, 19.

²⁾ Сб. VII, II, 198.

³⁾ Сб. VII, II, 82.

наго Кавказа. Въ Сборникѣ было напечатано нѣсколько та-
кихъ сказаній адыгскихъ (кабардинскихъ), осетинскихъ и гор-
ско-татарскихъ; не было до сихъ поръ только чеченскихъ ¹⁾.
Въ этомъ отношеніи предстоитъ еще много работы, но когда
будутъ собраны эти сказанія и приведены въ порядокъ, то
тогда, можетъ-быть, окажется, что разрозненные, повидному,
пѣсни и сказанія, составляютъ цѣльную эпическую поэму.

Карачаевское сказаніе „Ачимезъ“ ²⁾ и кабардинское
„Ашемезъ“ ³⁾ составляютъ варианты нашего сказанія. Кара-
чаевскій вариантъ мѣстами свомканъ и, повидному, сокра-
щенъ, а въ кабардинскомъ нѣкоторыя детали измѣнены, но
главная мысль въ обоихъ остается одна и та же, что и въ
балкарскомъ сказаніи. И въ осетинскомъ мальчиѣ-богатырѣ
Тотрадѣ ⁴⁾, сынѣ Алымбека, мы имѣемъ дѣло съ кабардин-
ско-карачаевскимъ Ашемезомъ или балкарскимъ Едемеемъ.
Замѣчу кстати, что слово „Едемей“ составляетъ искаженіе
кабардинскаго Ашемезъ (аще оружіе, вооруженный—мезъ лѣсъ,
лѣсной; стало-быть, лѣсной витязь).

Отмѣчу нѣкоторыя общія черты во всѣхъ четырехъ ска-
заніяхъ.

1) Наше сказаніе начинается съ картины игры въ аль-
чики. Едемей, мальчиѣ десяти лѣтъ, играя со своими ровес-
никами, далъ имъ почувствовать все превосходство своей силы.
Тогда ему пришлось отъ нихъ услышать упреки въ томъ,
что онъ до сихъ поръ не отомстилъ за смерть своего отца
Едея ⁵⁾. Едемей бѣжитъ къ матери, чтобы узнать отъ нея,
кто этотъ убійца. Мать сначала отказывается ему сообщить

¹⁾ Дагестанскіхъ горцевъ не считаю, такъ какъ ихъ нартовскія сказанія
носятъ нѣсколько иной характеръ: нарты въ Дагестанѣ служатъ синонимами
великановъ (см. ст. Услара въ Сб. свѣд. о кавк. горд. I, 28).

²⁾ Сб. III, II, 140.

³⁾ Сб. XII Каб. тексты. 38.

⁴⁾ См. „Какъ Сосрыко поссорился съ Агннбеомъ“, Сб. свѣд. о кавк.
горд. V, IV, 12.

⁵⁾ Это слово составляетъ искаженіе каб. Аше.

имя убійцы, но онъ прибѣгнулъ къ хитрости: попросилъ мать подать ему въ рукѣ горячей кукурузы, а когда она это сдѣлала, то схватилъ ея руку такъ сильно, что она подъ вліяніемъ физической боли назвала убійцу отца—Кубу. Такъ же выпытываетъ у своей матери имя убійцы и герой во всѣхъ трехъ сравниваемыхъ сказкахъ. Мотивъ *допрашиванія матери*, иногда и съ пристрастіемъ, встрѣчается не только въ другихъ кавказскихъ сказкахъ: въ сванетской „Ростомъ“¹⁾, мингрельской „Три брата Марганіевыхъ“²⁾, армянской „Хачи“³⁾ и въ осетинской „Какъ Сосрыко поссорился съ Алымбекомъ“⁴⁾; онъ извѣстенъ и сказкамъ другихъ народовъ: въ русскомъ сказаніи объ Ерусланѣ Лазаревичѣ допрашиваетъ свою мать Урусланъ Уруслановичъ, а у Фирдоуси десятилѣтній Сохрабъ допытывается у матери о своемъ отцѣ, при чемъ прибѣгаетъ и въ угрозы⁵⁾. Въ иранскомъ богатырскомъ мальчишѣ слѣдуетъ искать прототипъ кавказскаго; русскій Урусланъ это только далекій отзвукъ иранскаго, при чемъ посредствующимъ звеномъ послужилъ Кавказъ.

2) Въ карачаевскомъ сказаніи раньше эпизода о допрашиваніи матери сообщается о причинахъ вражды Ачимеза къ Хубуну (Кубѣ нашей сказки). Этимъ карачаевскій вариантъ дополняетъ нашъ и кабардинскій. Дальше говорится о томъ, что задолго еще до отправления въ походъ героя выступилъ мстить злодѣю братъ убитаго Ачи, Насыранъ, но онъ стоялъ на берегу разлившейся Кубани, не имѣя возможности переправиться. Походомъ Насыранъ на Тлебицу начинается *каб. сказаніе*, и войско точно также стоитъ безъ всякаго дѣла на берегу многоводнаго Идыла (Волги). Въ осетинской та же роль

¹⁾ Сб. XVIII, I, 125.

²⁾ Сб. X, III, 17.

³⁾ Сб. VII, II, 224.

⁴⁾ Сб. свѣд. о кавк. горц. V, IV, 12.

⁵⁾ В. О. Миллеръ, Экскурсы въ область русс. нар. эпоса. 127 Прил. 156. Тамъ же указаны и другія параллели.

присуждена Сосрыко, а въ нашемъ сказаніи теткѣ героя, Едеевой: она стоитъ уже десять лѣтъ на берегу огромной рѣки (названія нѣтъ) въ ожиданіи племянника.

3) Во всѣхъ четырехъ сказаніяхъ подробности о розыскѣ мальчикомъ оружія и боевого воя отца почти тѣ же, а равно и рассказъ объ отправленіи въ походъ и трехдневной борьбѣ съ противникомъ. Куба нашей сказки и Хубунъ въ карачаевской соотвѣтствуютъ Глебицѣ въ кабардинскомъ сказаніи и Сосрыко въ осетинскомъ.

4) Исходъ борьбы не одинаковый во всѣхъ сказаніяхъ. Въ нашемъ сказаніи Едемей падаетъ, пронизанный многими пулями, но когда Куба притащилъ его трупъ къ себѣ домой, то мальчикъ оживаетъ отъ тренія чудеснымъ полотенцемъ. Затѣмъ онъ убиваетъ Кубу, овладѣваетъ его женою и богатствами, но потомъ падаетъ отъ руки Сосрыко, который при помощи своей матери-волшебницы одерживаетъ верхъ надъ мальчикомъ-богатыремъ. Осетинское сказаніе не знаетъ эпизода борьбы съ Кубой, но заставляетъ Тотрадза погибать прямо отъ руки Сосрыко. Въ карачаевскомъ и кабардинскомъ сказаніяхъ Апхемезъ, притворившись мертвымъ, убиваетъ своего противника и возвращается побѣдителемъ домой.

5) Заслуживаетъ нашего вниманія еще одна подробность. Въ нашемъ и кабардинскомъ сказаніяхъ противникъ мальчика-богатыря, во время трехдневнаго боя, ищетъ *исцѣленія* отъ ранъ каждый день вечеромъ у своей жены: въ нашемъ сказаніи она его исцѣляетъ, натирая волшебнымъ полотенцемъ, а въ кабардинскомъ—то же дѣйствіе производитъ одно ея дыханіе. Эта деталь встрѣчается и въ монгольскомъ сказаніи о Гэсэрѣ, а именно въ тангутской его версіи, въ которомъ войны оживаютъ вслѣдствіе окропленія старухой-волшебницей¹⁾. У иранскаго Рустема мотивъ болѣе возвышенный: онъ воз-

¹⁾ См. статью Потанина „Марья Лебедь-Бѣлая въ былинахъ и сказкахъ“ Э. О. 1892 II—III, стр. 13.

становляетъ свои силы послѣ молитвы Богу. Чудесное *оживленіе* героя сказки находить свою аналогію въ чудесномъ дѣйствіи „Живой воды“ сказокъ русскихъ и другихъ народовъ ¹⁾).

Теперь перехожу въ грузинскимъ сказкамъ.

Сказка „О восточномъ и западномъ царяхъ“ (записана П. Ростомовымъ) развиваетъ тему о препирательствѣ загадками и состязаніи въ остроумныхъ отвѣтахъ. Препирательство происходитъ между царями восточнымъ и западнымъ, но въ помощь западному царю является мальчикъ, который и остается побѣдителемъ. Подобнымъ образомъ герой румынской сказки Петръ помогаетъ Бѣлому царю разгадать три загадки, заданныя враждебнымъ царемъ Краснымъ ²⁾). Въ слѣдующемъ выпускѣ Сборника будетъ напечатана сказка „Гультаазри“, подходящаго содержанія и въ особенности своими деталями напоминающая румынскую.

Преданіе „О названіи рѣки Цхенись-цкали“ (записано А. Цицаги) служитъ примѣромъ того, какъ народъ старается иногда себѣ объяснить названія рѣкъ, горъ и урочищъ, въ особенности если названія эти ему понятны по этимологическому составу словъ: рѣка Цхенись-цкали означаетъ „Лошадиная вода“; то же почти означаетъ *Ἰπλος* Стравона.

Сказаніе объ „Амиранѣ“ (записано А. Тоидзе) имѣетъ сюжетомъ трагическую судьбу этого Промисея картвельскихъ народовъ и иронцевъ (осетинъ). Наше преданіе связываетъ Амирана съ горой Казбекомъ подобно тому, какъ кабардинское ³⁾ упоминаетъ о прикованномъ къ Эльбусу старикѣ (не называя его, впрочемъ, по имени); оно составляетъ вариантъ грузинскихъ однородныхъ сказаній ⁴⁾). Однако,

¹⁾ Ас. IV, 199.

²⁾ Ас. IV, 315.

³⁾ Сб. XII, I, 37.

⁴⁾ Сб. X, III, 47; II, II, 158; XVII, II, 135.

напечатанныхъ въ Сборникѣ сказаній объ Амиранѣ еще мало, чтобы можно было возстановить цѣльный образъ этого сказочнаго богатыря, какимъ онъ рисуется народному воображенію. Обращу вниманіе на одну любопытную подробность въ нашемъ сказаніи. Когда Амиранъ бывалъ на небѣ, то Иисусъ Христосъ воспретилъ ему уносить оттуда огонь, но онъ не послушался, видя, что люди въ огнѣ нуждаются; этимъ онъ навлекъ на себя гнѣвъ Божій. Этой детали я не встрѣчалъ ни въ одномъ изъ вариантовъ объ Амиранѣ. Это тотъ же самый Проміѳей, который, изнывая отъ страданій, жалуется:

....θνητοῦς γὰς γέρα
 πορὸν ἀνάγκαις ταῖσδ' ἐνέβουγμαί τάλας¹⁾

Aeschylī Promētheus vincetus v. 107—108.

Варианты сванскій²⁾, осетинскій³⁾ и отчасти абхазскій⁴⁾ принадлежатъ уже къ другому типу: въ нихъ можно разсматривать нѣкоторыя черты или иранскаго Рустема, борющагося съ дивами, или мифическаго Иракла, освобождающаго людей отъ разныхъ чудовищъ и освободившаго также Проміѳея. На кавказской почвѣ попытка къ освобожденію исходила отъ обыкновеннаго смертнаго: она осталась безъ результата, и Амиранъ въ народномъ представленіи страдаетъ и въ настоящее время.

Въ другомъ свѣтѣ представляется *Арманъ* средне-азиатскихъ киргизовъ⁵⁾: онъ служитъ для обозначенія названія злой, нечистой силы, какъ и низвергнутый въ подземную пропасть иранскій *Ариманъ*—олицетвореніе отрицательнаго начала въ природѣ. Если преданіе объ *Амиранѣ* можетъ быть

¹⁾людямъ давъ дары,
 Страдаю вѣчно здѣсь цѣпами скованный.

²⁾ Сб. X, III, 6.

³⁾ Сб. VII, II, 20.

⁴⁾ Сб. XIII, II, 34.

⁵⁾ Этн. Об. 1891. IV, Потанина „Изъ области киргизскихъ вѣрованій“, 35.

поставлено въ связь съ *Ариманомъ*¹⁾, то, очевидно, у народовъ картвельскаго племени, среди которыхъ процвѣтала древне-персидскій культъ еще раньше принятія христіанства, его личность приняла уже другія очертанія.

Преданіе „О поселеніи тушинъ въ Алваніи“ (записано А. Тоидзе) интересно въ томъ отношеніи, что названіе этого селенія напоминаетъ намъ названіе *алванскаго* народа, исчезнушаго уже съ лица земли²⁾.

Армянская сказка о „Царѣ-пастухѣ“ (записана С. Табагянцемъ) приписываетъ пастуху такія мудрыя изреченія, какія обыкновенно связываются съ Соломономъ. Она составляетъ вариантъ другой армянской сказки подъ тѣмъ же заглавіемъ³⁾, но она бѣднѣе подробностями, при чемъ вторая ея половина—объ исцѣленіи отъ слѣпоты, не обоснована, какъ слѣдуетъ.

Армянскій рассказъ „Три головы“ (записанъ А. Бабалянцемъ) заключаетъ въ себѣ жизненные наблюденія, выраженные въ формѣ изреченія. Царь опредѣляетъ достоинство трехъ головъ, снесенныхъ съ убитаго врага: лучшей оказалась голова человѣка мыслящаго.

Армянское преданіе „Паломникъ“ (записано А. Мирзоевымъ) имѣетъ отношеніе къ принципиальному пониманію нѣкоторыхъ положеній христіанской этики⁴⁾. Главная мысль заключается въ томъ, что всякое доброе дѣло на пользу страждущаго человѣчества, содѣянное отъ чистаго сердца и съ христіанскимъ смиреніемъ, можетъ замѣнить подвигъ пономничества.

Нравственная идея лежащая въ основѣ армянской легенды „Подвигъ искупленія“ (записана А. Бабалянцемъ)

¹⁾ Ср. Предисловіе къ XVII вып. Сборника, стр. VI.

²⁾ Если не считать *удинъ* остатками алванцевъ.

³⁾ Сб. XIII, II, 78. См. отзывъ проф. В. Ф. Миллера о XIII выпускѣ Сбор.

⁴⁾ Ср. 16 гл. Ев. отъ Лукк.

выражена совершенно вѣрно собирателемъ въ примѣчаніи къ тексту.

Греческая сказка „Три наставленія“ (записана Ѡ. Стамболиевымъ) даетъ матеріалъ для аналогій. Мотивъ о надѣленіи *тремя совѣтами* или *наставленіями* имѣетъ широкое распространеніе, но обыкновенно въ сказкахъ варьируетъ не только содержаніе этихъ совѣтовъ, но и подобранные къ нимъ сказочные эпизоды. Параллелью къ нашей сказкѣ служатъ: напечатанная въ настоящемъ выпускѣ каб. сказка „Три добрыхъ совѣта“, армянская „Три юноши“ ¹⁾, сирійская (айсорская) „Задилъ“ ²⁾, кабардинская „Три наставленія“ ³⁾ и малорусская „Три предостереженія“ ⁴⁾. Наша сказка записана въ такъ называемой Цалкѣ, гдѣ живутъ греки, православнаго вѣроисповѣданія, но говорящіе по-турецки.

*
* *

Въ статьѣ Г. Джапаридзе „Народные праздники и повѣрья рачинцевъ“ описывается въ краткихъ очеркахъ, какіе обычаи соблюдаются рачинцами при празднованіи большихъ годовыхъ праздниковъ и праздниковъ мѣстныхъ, какъ напр.: Бослоба, четвергъ поросать и др. Оказывается, что у рачинцевъ, этого отпрыска грузинскаго народа, живущаго въ горахъ, на верховьяхъ Ріона, много общаго съ обычаями гурійцевъ ⁵⁾, хотя имѣются и свои особенности. Затѣмъ излагаются авторомъ обычаи рачинцевъ въ разныхъ случаяхъ жизни. Свадебные обычаи, составляющіе самую любопытную сторону народной жизни, изложены авторомъ довольно обстоятельно. Остается желать, чтобы онъ обратилъ еще вниманіе и на пѣсни, которыя поются во время свадьбы; въ нихъ сохра-

¹⁾ Сб. VII, II, 83.

²⁾ Сб. XVIII, II, 92.

³⁾ Сб. свѣд. о кавк. горц. VI, III, 33.

⁴⁾ Мал. сказ. по сборникамъ Кольберга и Машинской Н. Ѡ. Сумцова.

⁵⁾ Въ статьѣ Т. Мамаладзе „Народные обычаи и повѣрья гурійцевъ“.

нилось, вѣроятно, еще много старины. Въ концѣ статьи описаны авторомъ космогоническія повѣрья, представляющія, впрочемъ, мало оригинальнаго по сравненію съ такими же повѣрьями гурійцевъ и другихъ народовъ картвельскаго племени.

*
* *

Помѣщенные въ Сборникѣ адыгскія сказки записаны на адыгскомъ же языкѣ, кромѣ абадзехской пѣсни, г. Паго Тамбиевымъ.

Сказка „Отцовскіе друзья“ оригинальна какъ по своему замыслу, такъ и по всѣмъ деталямъ. Въ ней приводится идея, что только та дружба прочна, которая основана на взаимной симпатіи и сознаніи обязанностей въ отношеніяхъ другъ къ другу. Вѣрные друзья, готовые съ другомъ пойти въ огонь и воду, нашлись только у старика-отца, а друзья сына измѣнили ему и не захотѣли раздѣлять съ нимъ всѣхъ опасностей бѣгства.

Сказка „Три добрыхъ совѣта“ принадлежитъ къ той же категоріи сказокъ, что и выше напечатанная греческая „Три наставленія“. Добрые совѣты даются въ сказкахъ по разнымъ поводамъ. Такъ, въ кабардинскомъ вариантѣ „Отцовское завѣщаніе“ ¹⁾ подаетъ отецъ предъ своею смертію совѣты сыну. Въ другихъ сказкахъ съ подобнымъ содержаніемъ добрые совѣты даются или слугѣ за вѣрную службу (въ армянской и малорусской) или за деньги (айсорской); въ нашей же сказкѣ они даются взаимно за оказанную услугу. Первый совѣтъ или сворѣе предостереженіе оправдывается въ отношеніяхъ героя сказки къ женѣ пріемнаго отца (вталыка). Онъ отвергаетъ ея любовь и за это подвергается преслѣдованіямъ, но, руководствуясь вторымъ совѣтомъ, избѣгаетъ готовившейся ему съ ея стороны гибели, которая обрушилась на злую женщину, чѣмъ оправдалась пословица: „Не рои другому

¹⁾ Сб. свѣд. о кавк. горц. VI, III, 33.

лму, самъ въ нее попадешь!" Отвергнутая любовь чужой жены напоминает многими своими чертами библейскій мотивъ о Іосифѣ и женѣ Потифара. Такъ же, какъ и египтянка, кабардинская женщина рветъ на себѣ платье, обвиняя юношу въ покушеніи на ея цѣломудріе. И въ литовской сказкѣ „О семи мудрецахъ“ ¹⁾ встрѣчается эта подробность. Судьбу Іосифа пришлось нашему герою испытать еще разъ, когда онъ попалъ въ домъ женщины, у которой былъ мужъ-лягушка. Но, слѣдую третьему совѣту, онъ вторично отвергаетъ незаконную любовь, чѣмъ и избавляетъ себя отъ опасности, а закодированнаго юношу отъ тяготѣвшаго надъ нимъ рока.

Мотивъ о превращеніи царевича или царевны въ лягушку, рака и др. встрѣчается въ русской сказкѣ „Ракъ-царевичъ“ ²⁾, татарской „Царевичъ-лягушка“ ³⁾, армянской „Царскій сынъ и лягушка“ ⁴⁾ и сказкахъ другихъ народовъ ⁵⁾.

Наша сказка обрывается круто, и потому въ ней ничего не сказано о томъ, какимъ образомъ царевичъ подвергся превращенію въ лягушку. Въ этомъ видѣ конецъ ея скорѣе подходитъ на третій эпизодъ напечатанной выше сказки „Три наставленія“.

Сказка „Жалкій бродяга однимъ махомъ небиваетъ больше тысячи“ принадлежитъ къ извѣстнымъ и у другихъ народовъ произведеніямъ народнаго юмора, находящаго во всемъ смѣшную сторону или какіе-нибудь недостатки. Насмѣшекъ не избѣгли и богатыри, созданные народной фантазіей. Жалкій и невзрачный на видъ трусишка разыгрываетъ роль храбреца; народъ преклоняется предъ нимъ, хотя никто не видѣлъ его геройскихъ подвиговъ. Оказывается, что воѣ

¹⁾ Живая Старина, 1894 г. III и IV, 490.

²⁾ Сб. XV, II, 88.

³⁾ Сб. VI, II, 141.

⁴⁾ Сб. XIX, II, 155.

⁵⁾ Ае. IV. 343; ср. три русскихъ варианта сказки „Царевна-лягушка“, Ае. II, 523.

введены въ заблужденіе надписью на палкѣ, съ перечисленіемъ многочисленныхъ жертвъ, сраженныхъ его богатырской рукой. Но въ оправданіе бродяги-Бзеге можно сказать то, что онъ очутился въ роли богатыря помимо своего желанія: надпись на палкѣ—это продѣлка проѣзжавшаго мимо всадника. Въ другихъ сказкахъ наоборотъ: путешникъ самъ себя присваиваетъ роль богатыря. Въ татарской сказкѣ „Сказка о трусь“¹⁾ шуточный герой, положивъ 40 мухъ, сдѣлалъ надпись на дощечкѣ „Герой Ягуджъ однимъ ударомъ положилъ сорокъ душъ“. Въ аварской сказкѣ „Богатырь Назнай“²⁾ герой точно также самъ написалъ о себѣ, что положилъ 500 душъ. Иванъ-Дуракъ, Гома Беренниковъ³⁾, Богатырь Голь Воянсовой⁴⁾ русскихъ сказокъ приписываютъ себѣ или число болѣе умеренное „Однимъ махомъ сто побивахомъ“, или хватаютъ уже черезъ край: „На одинъ помахъ убилъ сорокъ богатырей, а мелкой шешки смѣты нѣтъ!“ Въ нѣмецкой сказкѣ жертвъ меньше: Sieben auf einen Schlag! и столько же въ буковинско-русской сказкѣ⁵⁾.

Если въ лицѣ Бзеге осмѣиваются богатыри-мужчины, то зато выставляется на видъ богатырь-женщина. Это типъ такой же дѣвушки-воина, какой выводитъ на сцену кабардинское сказаніе „Красавица-Елена и Богатырь-женщина“⁶⁾ и какой знаютъ сказки другихъ народовъ (выше указаны параллели). Разница заключается въ томъ, что въ другихъ сказкахъ героямъ приходится добиваться руки дѣвушки-воина такими же или даже болѣе громкими подвигами храбрости, между тѣмъ какъ въ нашей сказкѣ дѣвушка, зная о трусости Бзеге, сама совершаетъ за него подвиги и все устраниваетъ такъ, чтобы

¹⁾ Сб. VI, II, 109.

²⁾ Сб. свѣд. о кавк. горц. II, II, 71.

³⁾ Ао. III, 425.

⁴⁾ Ао. IV, 519.

⁵⁾ Ао. IV, 523.

⁶⁾ Сб. XII, 51.

еще болѣе распространилась молва объ его храбрости. Только когда уже нельзя было ему устраниваться отъ участія въ битвѣ, она отправляетъ его на войну, но приказываетъ братьямъ во всемъ подражать ему. И въ русской сказкѣ „Ома Беренниковъ“ ¹⁾ царь приказываетъ, чтобы всѣ на Омеку смотрѣли: что онъ станеть дѣлать, и они бы то же дѣлали. Бзеге раздѣвается донага, а за нимъ и всѣ всадники. Точно также сбрасываетъ съ себя одежду герой русской сказки и аварской „Назнай“ ²⁾. Почему герой это дѣлаетъ, объяснено только въ послѣдней сказкѣ—медвѣжьей его болѣзнию. Нашъ герой взялъ съ собою собачку-моську, но роль ея въ сказкѣ остается невыясненной; но въ русской сказкѣ собака имѣетъ свое значеніе: появленіе ея послужило сигналомъ къ нападенію на враговъ. Атака на враговъ представляется въ нашей сказкѣ въ карриатурномъ видѣ: Бзеге, увлекаемый своимъ чудо-конемъ изъ породы альтъ ³⁾, несется голымъ со всѣми всадниками, но въ страхѣ невольный витязь схватывается за вѣтку дерева, чтобы пропустить коня, а самому остаться на деревѣ. Вѣтка ломается, и онъ съ вѣткой въ рукахъ устремляется на враговъ, чѣмъ приводитъ ихъ въ смятеніе. Аварская сказка не знаетъ этой комичной подробности; русская сказка хотя и упоминаетъ о вѣткахъ березы, но онѣ служатъ для другой цѣли. Почти та же картина несущагося во всю прыть всадника, съ палкой въ рукѣ, встрѣчается въ одной венгерской сказкѣ ⁴⁾.

Мотивъ сказки „Нарунъ-Незнайко“ цользуется всемирнымъ распространеніемъ ⁵⁾. Сказка начинается съ того, что мальчикъ беретъ къ себѣ брошеннаго въ стени жеребенка, изъ котораго потомъ вышелъ конь изъ породы альтъ (у

¹⁾ Ао. II, 435.

²⁾ Сб. свѣд. о кавк. горц. II, II, 75.

³⁾ Объ этой породѣ коней говорится ниже.

⁴⁾ Ао. IV, 523.

⁵⁾ Ibidem, 205.

осетинъ—*алыпъ*). Мальчикъ этотъ, повидимому, обладалъ даромъ *узнавать* по нѣкоторымъ примѣтамъ чудо-коней ¹⁾. Съ сверхестественными качествами этой породы коней мы уже познакомились по напечатанной въ Сборникѣ сказкѣ „Адемир-канъ“ ²⁾. Тамъ они мчатся чрезъ моря и горы быстрѣ птицы, перепрыгиваютъ чрезъ крѣпостныя стѣны и ломаютъ всякіе запоры. Въ нашей сказкѣ конь-алыпъ представляется одареннымъ даромъ рѣчи и умѣніемъ подавать мудрыя совѣты. Такими же дарами обладаетъ не только чудо-конь въ сказаніи „Ецемей, сынъ Едея“, но и въ русской былинѣ о Батѣ-Батыевичѣ, въ которой конь предупреждаетъ Илью объ опасности ³⁾. Въ сказкахъ закавказскихъ народовъ онъ уже облекся въ форму крылатаго раши—это конь Рустема *рахша*, принявшій въ русской сказкѣ о Ерусланѣ Лазаревичѣ названіе *арашъ* (какъ и у абхазцевъ). И сказки другихъ народовъ: германцевъ, румынъ, славянъ упоминаютъ о коняхъ съ чудесными свойствами ⁴⁾. Между прочимъ, и минусинскіе татары рассказываютъ о такихъ коняхъ ⁵⁾.

Когда мальчикъ сдѣлался уже юношей, то родная мать, со своимъ любовникомъ, рѣшилась его извести; но раньше нужно было повончить съ чудеснымъ конемъ. Она притворилась больной и сказала мужу, что только тогда выздоровѣетъ, когда напьется крови коня-алыпа. Юноша идетъ въ коню-жаловаться на свою судьбу. Вдругъ конь заговорилъ человѣческимъ голосомъ и посовѣтовалъ бросить отцовскій домъ. О матери, желающей извести сына, говорилось въ сказкѣ „Царевичъ Асланъ и дивъ“, гдѣ и указаны параллели. Этой чертой наша сказка въ особенности приближается къ русской

¹⁾ О роли мальчиковъ узнававшихъ чудесныхъ коней по нѣкоторымъ примѣтамъ, упоминаетъ В. Ф. Миллеръ въ Осет. Этюдахъ I, стр. 154.

²⁾ Сб. VI, II, 49.

³⁾ В. Ф. Миллеръ, Экскурсы въ область русс. нар. эпоса, 115.

⁴⁾ Аз. IV, 205.

⁵⁾ Ibid.

сказкѣ „Незнайко“¹⁾, гдѣ злая мать хочетъ съѣсть сердце и печень коня „Черный Вихорь“. Вообще объ эти сказки идутъ параллельно, только въ нашей сказкѣ на помощь Наруну являются другіе два брата коня, каждый другой масти, какъ и въ чеченской сказкѣ „О трехъ братьяхъ“²⁾ и въ малорусскихъ: „Иванъ Ивановичъ“ и „Незнайко“³⁾, между тѣмъ какъ въ русской сказкѣ является на помощь герою только одинъ конь. Вѣщій конь совѣтуетъ Наруну, въ случаѣ бѣды, вырвать пазъ гривы волосокъ и согрѣть на огнѣ, а затѣмъ явится все необходимое, точно такъ же, какъ и въ русской сказкѣ „Свинка-золотая щетинка, утка-золотыя перышки, золоторогій олень и золотогривый конь“⁴⁾. Въ сказкѣ „Незнайко“ отъ героя требуется меньше усилій: ему приходится только вздохнуть, чтобы конь предсталъ предъ нимъ; въ другихъ русскихъ сказкахъ въ нему предъявляются уже нѣсколько большія требованія: желая имѣть предъ собою коня, онъ долженъ сказать известное слово: „Сивко-Бурко, вѣщій каурко (воронко)“, или прибавить иногда: „стань предо мною, какъ листъ предъ травкою!“⁵⁾.

По совѣту коня Нарунъ поступаетъ въ хану садовникомъ и на всѣ предлагаемыя ему вопросы отвѣчаетъ только: „нарунъ—не знаю“, но въ него влюбляется младшая дочь хана. Всѣ эти детали встрѣчаются не только въ грузинской сказкѣ „Овростіани“⁶⁾, но и въ другихъ сказкахъ. Сцена выбора жениха, известная и по другимъ вариантамъ, воспроизводится почти съ тѣми же деталями и въ выше цитованной русской сказкѣ: „Свинка-золотая щетинка и т. д.“ Въ обѣихъ сказкахъ царевна обноситъ всѣхъ гостей виномъ, и ея выборъ останавливается на Незнайкѣ.

¹⁾ Сб. VII, I, 141.

²⁾ Н. Семеновъ, Туземцы сѣверо-восточнаго Кавказа, 128.

³⁾ Рудченко. Нар. малорусс. сказки I, 104, 109.

⁴⁾ Ае. II, 77.

⁵⁾ Ае. II, 68.

⁶⁾ Сб. XVIII, II, 333.

По выходѣ ханскихъ дочерей замужъ, возгорается война, и Нарунъ совершаетъ чудеса храбрости, выѣзжая каждый день на другомъ конѣ. Такъ же храбро расправляется съ врагами Магометанъ Магометановичъ въ вышеупомянутой русской сказкѣ „Незнайко“. Не менѣе побѣдоносно борются съ врагами и герои: армянской сказки „Царевичъ, отданный дервишу“ ¹⁾, нѣмецкой сказки Желѣзный Иванъ—Eisenhans и грузинской—Окростіани. Герой аварской сказки ²⁾ не довольствуется для борьбы съ врагами конемъ: онъ беретъ еще съ собою льва и собаку. Малорусскій „Незнайко“ борется при помощи своихъ коней не съ врагами, но со змѣемъ ³⁾.

Ханъ ослѣпъ, и старшіе два зятя ѣдутъ добывать для него оленьяго молока. Не найдя его нигдѣ, они на обратномъ пути встрѣчаютъ переодѣтаго Наруна, который съ готовностью берется найти молоко, но только подъ условіемъ—позволить приложить къ задней части тѣла каждаго изъ нихъ по клейму. Они даютъ свое согласіе. Молоко они получаютъ, но не настоящее; настоящее доставляетъ Нарунъ, чѣмъ исцѣляетъ отъ слѣпоты хана. Сказка оканчивается къ благополучію Наруна и посрамленію гордыхъ зятей хана. Поѣздка двухъ старшихъ зятей встрѣчается при такой же обстановкѣ въ русской сказкѣ „О трехъ братьяхъ царевичахъ“ ⁴⁾, но цѣль ихъ поѣздки совершенно иная. Мотивъ о добываніи героемъ сказки *звѣринаго молока* пользуется большимъ распространеніемъ. Молоко лѣчитъ отъ дѣйствительной или притворной болѣзни, причемъ чуть ли не каждая сказка заставляетъ героя добывать его отъ другого животного. Кромѣ *оленьяго*, для этой цѣли служатъ молоко *тигровое* (въ арм. сказкѣ „Отцовское завѣщаніе“ ⁵⁾),

¹⁾ Сб. XIII, II, 104.

²⁾ Сб. свѣд. о кавк. горц. II, II, 121.

³⁾ Рудч. I, 118.

⁴⁾ Сб. XV, II, 11.

⁵⁾ Сб. XIII, II, 106.

львиное (въ авар. сказкѣ „Арсланъ-ханъ и Батыръ-ханъ“ ¹⁾) и нѣк. русскихъ), *волчье, медвѣжье* и *кабанье* (въ русскихъ сказкахъ ²⁾). Точно такъ же сказками варьируется мотивъ о *накладываніи* клейма. Кромѣ означенной въ нашей сказкѣ части тѣла, клеймо прикладывается къ спинѣ (въ авар. сказкѣ), къ пяткамъ (въ тат. Авиль-Касимъ и Авиль-Мамадъ ³⁾); въ груз. сказкѣ „Окростіани“ ⁴⁾ зятья даютъ лошади героя ударить себя въ спину копытомъ, а въ русской сказкѣ „Свинка-золотая щетинка и т. д.“ ⁵⁾ умные зятья позволяютъ дуралу отрѣзать у себя за диковники, за которымъ ихъ послалъ тесть, по мизинцу съ правой руки, по пальцу съ ноги и изъ спины по ремню.

Сказка „Воспитанникъ великана“ оригинальна не столько по своему замыслу, сколько по деталямъ. По совѣту великана богатый князь срываетъ четыре яблока, и у него рождаются чрезъ четыре мѣсяца четыре сына; младшаго онъ долженъ былъ по условію отдать великану на воспитаніе. Мотивъ о *чудесномъ зачатіи* извѣстенъ въ сказкахъ всѣхъ народовъ ⁶⁾, при чемъ предметы, которые бываютъ причиной зарожденія человѣка, весьма разнообразны, не говоря уже о зачатіи „по щучьему велѣнію“ въ русскихъ сказкахъ ⁷⁾. Въ кавказскихъ сказкахъ чаще всего проявляетъ свою чудодѣйственную силу—яблоко ⁸⁾, но, источникомъ чудеснаго зачатія бываютъ также: черепа, яйца, зерна, лобія, горошинки ⁹⁾.

¹⁾ Сб. свѣд. о кавк. горц. II, II, 121.

²⁾ Ас. II, 200.

³⁾ Сб. III, II, 118.

⁴⁾ Сб. XVIII, II, 334.

⁵⁾ Ас. II, 78.

⁶⁾ Литература указана у Сумцова, Малорусскія сказки по Сбор. Кольберга и Машинской, 119.

⁷⁾ Ас. IV, 189.

⁸⁾ Сб. II, II, 121; III, II, 118, 119; VII, II, 164; IX, II, 120; XVIII, III, 17, 23, 85; XX, II, 18.

⁹⁾ Сб. VII, II, 77; XII, 13; XV, 71; XV, 54; XVIII, I, 78; XVIII, III, 393; XX, II, 44.

Нашъ великанъ, взявшій себѣ на воспитаніе мальчика, соотвѣтствуетъ дервишу, диву, чудовищу, богатырю ¹⁾ или мельнику ²⁾ закавказскихъ сказокъ. Когда великанъ является въ аулъ, чтобы взять по условію мальчика, то ему предшествуетъ бурный порывъ вѣтра, какъ и змѣямъ, похищающимъ красавицъ.

Дальнѣйшая судьба воспитанника напоминаетъ участь воспитанника идеи ³⁾, но только по проявленію богатырской силы. Сперва нашъ герой выказываетъ свою силу тѣмъ, что укрощаетъ богатырскаго коня. Эта черта приводитъ намъ на память приемы укрощенія коня нартами Едеемъ или Ашемезомъ ⁴⁾, но въ то время какъ Ашемезъ ломаетъ на непокорномъ конѣ только три визиловыхъ палки, нашъ герой ломаетъ ихъ семь. Убѣдившись въ необыкновенной силѣ своего воспитанника, великанъ посылаетъ его на выручку своихъ двухъ братьевъ, плѣненныхъ царемъ великановъ. Послѣдняго нашъ герой удивляетъ своей силой, и добивается освобожденія плѣнныхъ. Благодарный великанъ отпускаетъ своего воспитанника въ его аталыкамъ. По дорогѣ домой онъ принимаетъ участіе въ состязаніи, устроенномъ ханомъ между соплатателями руки его дочери. Нашъ герой побѣждаетъ соперниковъ и овладѣваетъ рукой невѣсты. Съ невѣстой и богатствами онъ возвращается въ родной аулъ, къ своимъ аталыкамъ.

Въ другихъ сказкахъ невѣсты заставляютъ жениховъ совершать разные подвиги, но если онѣ сами отличаются богатырскими свойствами: смѣлостью, ловкостью и силою, то вступаютъ съ женихами въ борьбу или заставляютъ ихъ предлагать себѣ такую замысловатую загадку, которой бы они не въ состояніи были объяснить; въ нашей же сказкѣ, для того

¹⁾ Сб. III, III, 119.

²⁾ Сб. XVIII, III, 25.

³⁾ Минг. сказка „Сказка о царевичѣ и воспитанникѣ идеи“ X, III, 279.

⁴⁾ См. выше.

чтобы добиться руви дѣвицы, соискатели должны состязаться въ силѣ и ловкости; этой послѣдней подробностью наша сказка отличается отъ другихъ, помѣщенныхъ въ Сборникѣ, и стоитъ среди нихъ особнякомъ. Обращаю еще вниманіе на святость отношеній, основанныхъ на аталычествѣ, въ особенности въ черкесскомъ народѣ: воспитанникъ питаетъ большую привязанность къ своимъ приемнымъ родителямъ-аталыкамъ, чѣмъ въ роднымъ отцу и матери.

Мотивъ сказки „Хакучионецъ Маршановъ и чертъ“ основанъ на повѣрѣіи, что Богъ молніей поражаетъ чертей, скрывающихся подъ деревьями, за людьми и пр. Вариантовъ имѣется много не только въ русскихъ сказкахъ ¹⁾, но и сказкахъ литовцевъ, лопарей, монголовъ и другихъ народовъ. Въ нашей сказкѣ чертъ прячется въ газырѣ джигита, а въ литовской „О Перкунѣ“—въ подоткнутой юбкѣ женщины ²⁾. Нашъ герой не выдаетъ чорта, за что получаетъ благодарность, но женщина литовской сказки предоставляетъ его удару молніи Перкуна.

Въ преданіи „О лѣвѣ Тхалгагъ“ сохранились слѣды древнихъ жертвоприношеній въ священныхъ родахъ черкесовъ. Истинный смыслъ не только нѣкоторыхъ названій божествъ, но и жертвоприношенія уже утерянъ.

Въ сказкѣ „Ворьба со змѣемъ“ передается объ условіи джигита въ борьбѣ со змѣемъ. Побѣда званчивается для него злополучно: змѣиная кровь коснулась его и коня, и они погибаютъ. Такъ же гибнетъ богъ Торъ и Беовульфъ, герой англосаксонскаго эпоса ³⁾.

Рассказъ „Непріятельское войско и ольшой“ принадлежитъ къ разряду народныхъ анекдотовъ, но съ истори-

¹⁾ Сужковъ. Разборъ этнографическихъ трудовъ Е. Р. Романова. Этн. Об. 1896 I, Ст. Демидовича „Изъ области вѣрованій и сказаній бѣлоруссовъ“.

²⁾ Живая Старина 1894. III и IV, 487.

³⁾ Ае. Поэт. возр. славянъ на природу II, 521.

ческой подкладкой: онъ приноровленъ къ личности князя, родъ котораго пользовался прежде большою извѣстностью.

Въ сказкѣ „Молодецъ-Јаферми“ приводятся рассказчикомъ три случая безавѣтной преданности товарищу, за что онъ всякій разъ удостоивается отъыва „јаферми, т. е. молодецъ!“ Вѣру въ силу и укрѣпляющія свойства крови убитаго врага слѣдуетъ отнести къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда человѣчество стояло еще на ступени первобытной культуры.

Былина „Ешовъ Батыныко“ составляетъ вариантъ напечатанной въ XII вып. Сб. кабардинской былины „Пши-Бадиново“, съ пропускомъ нѣкоторыхъ подробностей и незначительными отступленіями. Въ нашемъ сказаніи герой является на сцену не со всеми былинными атрибутами юноши-сокольника, подобно кабардинскому Пши-Бадиново и героямъ русскихъ и нѣмецкихъ сказокъ и иранскихъ къ нимъ параллелей ¹⁾: нѣтъ налицо летающихъ позади птицъ и рѣзвѣщихся по сторонамъ ловчихъ собакъ, хотя блестящая внѣшность богатыря сравнивается поэтически съ мерцающими звѣздами и серебристымъ свѣтомъ луны. Вторая половина былины изменена: въ каб. вариантѣ князь-дѣдушка, желая задобрить Пшибадиново, отдастъ ему свою сестру, послѣ чего идетъ угощеніе и пляска; въ нашей же былинѣ нарты посылаютъ Сосруко въ догонку за разсердившимся Батыныко, съ обѣщаніемъ отдать ему красивую рабыню, но потомъ берутъ назадъ свое обѣщаніе, вслѣдствіе чего герой, въ союзѣ съ Сосруко, перебиваетъ всѣхъ нартовъ, за исключеніемъ пастуха коровъ, Чемыхо. Въ концѣ былины помѣщается краткій эпизодъ о зарожденіи Сосруко, знакомый въ болѣе подробномъ изложеніи по каб. варианту ²⁾.

Въ примѣчаніяхъ къ тексту Пши-Бадиново указаны мною параллели осетинскія и горско-татарскія и установлена связь

¹⁾ В. О. Миллеръ, Эскурсы, 139.

²⁾ Сб. XII, II, 13.

между сказаніями всѣхъ этихъ народовъ, касающимся подвиговъ нашего богатыря. Еще Батыныко и Шиш-Бадиноко—несомнѣнно двойники, и если разсматривать первое имя—*ргаепѣпеп „Еше“*, то нельзя не видѣть тождества этой личности съ Аше—Едеемъ, убитымъ Хубуномъ—Кубой; второе имя, очевидно, отчество—*сынъ* Батыно, у кабардинцевъ Баддино, а у горцевъ-татаръ Бѣдене. Такимъ образомъ, возстановляется *генеалогія* нартовскихъ богатырей: Баддино, Аше, Ашемезъ.

Въ нашемъ сказаніи упоминается имя божества Уашхо. Это божество, общее черкесамъ и осетинамъ, принадлежитъ первой изъ этихъ народностей, если судить по этимологіи слова: *уа* (каб.)=*куа* (кях.) гора, *ѣша* голова=*уаѣша* (*куаѣша*) вершина горы; стало-быть, названіе горы можетъ означать обитающаго на ней *горнаго духа*, именемъ котораго черкесы и осетины *клялись*. Это, повидимому, черкесскій *Zsúcs*, возстающій на кавказскомъ Олимпѣ, горѣ Эльбрусѣ, высочайшей изъ вершинъ Кавказа; по-черкесски она называется *Опшамашо* (*Уаѣша-махо*) дневная, свѣтлая какъ день—*ясная гора*. Осетины до сихъ поръ празднуютъ 4 ноября память *Уасхо*, низведеннаго на степень второстепеннаго божества ¹⁾.

*
**

Вслѣдъ за „Объяснительнымъ Словаремъ“ къ адыгскимъ текстамъ идутъ Грамматическія замѣтки, дополняющія Кабардинскую грамматику, вышедшую въ Тифлисѣ 1890 г., а равно и „Замѣтка о фонетическихъ особенностяхъ халечинскаго и абадзехскаго говоромъ кяхскаго или чакскаго нарѣчія.

Л. Лопатинскій.

Г. Тифлисъ,
25 сентября 1893 г.

¹⁾ Сб. свѣд. о кавк. горц. III, II. 39.

Указатель предметовъ (мотивовъ сказокъ).

(Цифры указываютъ на стр. II отдѣла).

- Б.** *Борьба* съ дивомъ 2, 10;—со змѣемъ 6, 71, 250;—съ кроводиломъ 7;—съ пелюаномъ 62. *Борющіяся* барапа два: бѣлый и черный 6. *Боатырь*—женщина 18, 92. *Бронетка* съ сѣрыми глазами 175. *Буря*—предвѣстницейя появленія великана 231. *Благодарный* чортъ 247.
- В.** *Вытаскиваніе* наверхъ изъ подземелья 5. *Вѣдьма* (=волдунья) подбиваетъ на трудную задачу 18. *Выбрасываетъ* нѣмая изо рта ящерицу 56. *Волшебное* полотноце исцѣляетъ 83. *Возраженіе* мужа послѣ продолжительнаго отсутствія 106. *Вѣтка* оторванная въ рукахъ героя 194. *Вытаптываетъ* садъ Незнайка 218. *Вызовъ* жениховъ 219. *Выборъ* жениховъ 219. *Воспитываетъ* мальчика великанъ 231. *Время* непродолжительное кажется весьма продолжительнымъ (вѣчностію) 35.
- Г.** *Голуби*—ангелы обсуждаютъ судьбу героя 3. *Голова*, оторванная отъ туловища, катится 5;—съ убитаго врага 18. *Глаза* выколотые вытѣчываются по примѣру боровшихся лягушекъ 12. *Голый* герой несетя верхомъ на враговъ 194.
- Д.** *Дивъ* съ семью головами;—отнимаетъ дѣтей 1. *Дятельшей* (=птенцовъ) поѣдаетъ кроводила 6. *Добываніе* рѣдкихъ (чудесныхъ) предметовъ 9;—снадобьевъ для излѣченія 18. *Диковинки*=чудесные предметы. *Дѣлаетъ* добычи 56. *Допрашиваніе* матери 77. *Доброе* дѣло 99. *Домъ* въ степи 191, 237.
- Ж.** *Жена* невѣрная 13;—убиваетъ мужа 13. *Женихъ* ищетъ денегъ на калямъ 61. *Жертва* для умилостивленія моря 72. *Жертвоприношеніе* языческое 249. *Жертвенная* корова 249.
- З.** *Змѣй* загораживаетъ (залегаетъ) ключъ воды 6. *Змѣи* ядовитыя въ чашѣ вина 264. *Завѣтъ* молчать 94. *Заманиваніе* мужчинъ 181, 263. *Зерниное* молоко 222. *Зминая* кровь убиваетъ 251. *Задабриваніе* богатыря рабыней 264.
- И.** *Испытаніе* вѣрности товарища 58;—супруговъ 18. *Ищутъ* своей доли въ двухъ противоположныхъ концахъ 18. *Избавленіе* населенія отъ змѣя 70;—отъ кабана 195. *Игра* въ альчики 76. *Измѣненіе* нѣмоты 56;—слѣпоты 224.
- К.** *Колдунья* (=вѣдьма) возвращаетъ заколдованному прежній видъ 3. *Кольцо*, брошенное въ чашу 11. *Каратель*—ангелъ 18. *Кладъ* найденный 27. *Караульщикъ* три: первый вытесываетъ человѣческую фигуру, второй ее одѣваетъ, а третій—одушевляетъ 55. *Караульщикъ* (сторожъ) сада 217. *Клеймо* накладывается на известной части тѣла 223. *Комъ* боевой и досѣхи отца 78;—вѣщій предупреждаетъ объ опасности 81;—даетъ совѣты 215; конь—альца 195;—*кома* три: гнѣдой, вороной,

- бѣлый 216. *Кровь* коня для излѣченія 215;—умирающаго какъ средство подкрѣпленія 258.
- Л. *Львята*-спутники 9. *Лягушки* дерутся и выкалываютъ себѣ глаза 12. *Лишаетъ* себя жизни невѣста на могилѣ жениха 17. *Лампада* золототорная 47. *Любовника* матери 196, 214.
- М. *Мѣстопребываніе* дива 2. *Мать* желаетъ зла сыну 3;—хочетъ извести сына 9, 214;—притворяется больной 9;—запрещаетъ отцу брать на руки ребенка 41. *Мяса* кусокъ отъ бедра для Рохъ-птицы 7. *Мужь-лягушка* 181. *Махамъ* однимъ побиваетъ больше тысячи 190.
- Н. *Насмѣство* отповское рсточается 43. *Наставленія* три 104, 175. *Наирваніе* (наваживаніе) перышка 7;—волоса 216. *Наказаніе* злой матери 12. *Неблагодарный* братъ 3. *Невѣста* вѣрная 17. *Неудачная* погоня 48. *Нѣмая* царевна 52. *Несообразности*, чтобы размѣшить нѣмую царевну 53. *Немобовъ* мачехи къ пасынкамъ 68. *Незнайко* 220;—борется съ врагами 221.
- О. *Оживленіе* 3, 70, 85. *Отправленіе* на выручку дѣтей, похищенныхъ дивомъ 2;—въ гѣсу на вѣрную смерть 4. *Остановка* въ гѣсу въ избушкѣ 4;—у старухи въ незнакомомъ городѣ 18. *Отмычатъ* себѣ дверь дома намоченными кровью пальцами 14. *Оставленіе* въ подземномъ царствѣ 5. *Окаменелое* царство 18. *Отлучка* изъ дому на много лѣтъ 37. *Отсыланіе* одного къ другому 29. *Обжечь* мѣстомъ и платемъ 27. *Отцы* прогоняетъ сына 57. *Обращеніе* къ попугаю 53;—подушкѣ 58. *Осмысленіе* добровольное 98;—насмѣшственное 11. *Отцовскіе* друзья надежнѣе друзей сына 161. *Отвернутая* любовь чужой жены 176. *Освобожденіе* населенія отъ дикаго кабана 195. *Огурца* три: переспѣлый, спѣлый, недоспѣлый 219. *Олежѣ* молоко 222.
- П. *Превращеніе* въ осла 2;—дѣвушка въ юношу 18. *Посылаетъ* въ гѣсу старичокъ: самъ въ аршинъ, а борода въ полъ-аршина 4. *Птица-Рохъ* выносить на бѣлый свѣтъ 7. *Птица* подхватываетъ героя сказки 33;—при избраніи царя 18. *Птичью* шкурку присваиваетъ себѣ герой сказки во время куняны трѣхъ дѣвѣцъ 89. *Перышко* на случай бѣды 7. *Притворная* болѣзнь 9. *Поминки* по жениху 11. *Переодѣваніе* царя 12. *Полукаменный* царь 18. *Перекрестокъ* дороги 48. *Помощникъ* въ борьбѣ 64. *Приближеніе* противника издали 82. *Предчувствовать* во снѣ приближеніе врага 86. *Помощь* въ борьбѣ матери-волшебницы (Сатаны) 87. *Препираніе* загадками 89. *Прикованный* къ скалѣ великанъ 92. *Подковы* навыворотъ, чтобы сбить съ толку преслѣдующихъ 95. *Подвижъ* искушенія 103. *Папка* съ надписью о ложныхъ подвигахъ 190. Изъ *плети* раздавленной вытекаетъ жидкость 241. *Пляска* старухи 249. *Путь* семидневный 264. *Птенцы*=дѣтеныши. *Препятствія* на пути 77. *Предостереженія* три 104, 175.
- Р. *Руководитель*-пророкъ 18. *Расточается* наследство 43. *Рыба* (золотая, святая) пойманная 51;—для излѣченія царя 57. *Рана* на рукѣ дѣвушки-воица 192.
- О. *Силачъ*-сынъ 9;—*силачъ*-сынъ занимается воровствомъ 1. *Спускается* въ подземелье герой сказки 5. *Славная* царевна отмѣчаетъ себѣ

- своего избавителя 6. *Спасаетъ* сына свою мать 7, 8. *Скачки* 8. *Спутники-львята* 9. *Струны* лишь могутъ связать руки 11. *Страшнѣиша* на пути 77. *Сватаются* три брата за одну 53. *Сватается* бѣднякъ за дочь богатаго 61. *Слуи*, вмѣсто сына, убиваютъ баравя 69. *Сундукъ* съ дѣвицей 73;—съ юношей 73. *Сбиваетъ* съ толку противника богатырь-мальчикъ 82. *Столбы* съ призами 103. *Совѣта* три 104, 175. *Срокъ* просилъ герой сказки 179. *Сестра* семи богатырей 191. *Состязаніе* для полученія руки царевны 242. *Сабля* сама точится 251.
- Т.** *Товарища* два случайные 4;—три=караульщика. *Точка* черная издали видѣется 180.
- У.** *Убийство* жены и сына послѣ многолѣтней отлучки 37;—дѣтей матерью 41. *Уловки* въ борьбѣ 66. *Укрощаетъ* богатырь коня 78, 239. *Уювъ* табуновъ 80, 240, 257. *Ушей* лишаетъ противника герой сказки 87. *Утайка* драгоценнаго камня 96. *Узнаетъ* мальчикъ коня-альфа 214. *Удостоенъ* названія „молодецъ!“ 256.
- Х.** *Хлѣбомъ-солью* чужимъ не брезгай 179.
- Ц.** *Царевна* въ башнѣ дива 47. *Цари* восточный и западный 88. *Царь* пастуховъ 97.
- Ч.** *Число* (эпическое) *три*:—голубя 3;—дѣвушки въ подземельѣ 5;—дочку царя 18, 241;—дороги 48;—брата сватаются 58;—караульщика 55;—дня борьбы 83;—головы 98;—совѣта 104, 175;—коня 216—огурца 219; *сема*:—лѣтъ похода 14; дивъ съ семью головами 47;—этажей дворца 34;—богатырей 191;—вишневыхъ палокъ 239;—дней 251;—дней пути 264; *сорок*:—братьевъ дивовъ 8;—богатырей 15; *сто* 181. *Чудесные* предметы 53. *Чудесное* зачатіе 238, 265. *Чортъ* благодарный 247;—ищетъ защиты отъ молніи 246. *Чертовка*=дочь чорта 247.
- Ъ.** *Ъзда* верхомъ на кабанѣ 116.
- Я.** *Ямы* не рои другому, самъ въ нее попадешь 178. *Яблоко* оплодотворяетъ 238.

Указатель именъ.

А. Ага-Керимъ 4. Алазанская долина 95. Алваны 96. Амиранъ 91. Анзоровъ 163. Айаръ-мирза 64. Арчиъ 91. Асланъ 8. Ахмедъ 58. Б. Батыныко 262. Бзеге 190. Бухтуннасъ 64. Г. Гаврилъ 3. Гаркушъ 64. Гасанъ 1. Гусейнъ 60. Гюль-Мамедъ 4. Д. Джамаль-Эддинъ 51. Дуэпшовъ 266. Дюфня-гюзили 8. Е. Едемей 76. Есей 76. Едеева 79. Ешо 262. И. Пбрагимъ 54. И. Каноко 291. Куденетовъ 163. Куба 77. Кубань 263. Л. Лиахва 91. М. Маговъ 250. Маршановъ 246. Мурванъ 91. Н. Накерало 95. Нарунъ 220. О. Ордане 246. П. Персіа 15. Р. Рохъ-птица 6. О. Самедъ 16. Со-сруко 87. Т. Тамбіевъ 163. Темирбанъ 267. Тушины 95. Тхашагъ 247, 263. Туркестанъ 14. У. Уашко 263. Уруцъ 263. Ц. Цхенисъ-цвали 90. Ч. Чемыхо 265. Чинъ (Китай) 52. Ш. Шахе 246, 250. Шахъ-Аббасъ 12, 60, 63.

Л. Л.

ОТДѢЛЪ I.

Историческія приписки двухъ кинкловъ и хронологическій перечень
событій по нѣкоторымъ другимъ источникамъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГРУЗИИ.

I.

Нижеслѣдующія историческія записи извлечены изъ кинклова, помѣщеннаго въ сборникъ рукописей и принадлежащаго „Библиотекѣ общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія“ въ Тифлисѣ. Переплетъ, означенный подъ № 252, заключаетъ въ себѣ пять рукописей разнаго формата, письма, содержанія и разныхъ временъ. Рукописи идутъ въ переплетѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) параклитонъ Св. Георгія; 2) чинъ рукоположенія священноначальниковъ по грузинскому обычаю; 3) кинкловъ; 4) чинъ рукоположенія и выбора священноначальниковъ по русскому обычаю (переводъ съ русскаго); 5) слово Θεодора Великаго о ризѣ Богородицы (чтенія на 31-ое августа). Не вдаваясь въ подробное описаніе всѣхъ этихъ рукописей, я остановлюсь только на интересующемъ насъ кинкловѣ; но предвари-

тельно считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о происхожденіи и характерѣ историческихъ записей кинклосовъ вообще.

Кинклосы составляли въ Грузіи необходимое приложение церковныхъ книгъ и служили календаремъ для опредѣленія дня пасхи и подвижныхъ праздниковъ. Въ видѣ отдѣльныхъ тетрадей, подобно нашей рукописи, кинклосы встрѣчаются рѣже. Такъ какъ кинклосы представляли готовые хронологическія таблицы, то бытописатели Грузіи отмѣчали современныя событія на поляхъ кинклосовъ противъ соответствующихъ корониконовъ. Такимъ образомъ поля кинклосовъ испещрялись историческими записями, и съ теченіемъ времени кинклосы превращались въ историческія хроники, писанныя современниками событий. Иногда почеркъ нѣкоторыхъ историческихъ записей и текста кинклоса бываетъ одинаковый, и это явленіе служитъ доказательствомъ того, что переписчикъ кинклоса списалъ и тѣ историческія приписки, которыя находились въ подлинникѣ, а тѣ приписки, которыя одѣланы другими руками, указываютъ на повднее, сравнительно съ рукописью, происхожденіе такихъ записей. Когда желали имѣть въ кинклосѣ сводъ историческихъ и хронологическихъ фактовъ разныхъ временъ, то въ него вносили въ видѣ приписокъ свѣдѣнія изъ разныхъ источниковъ, такъ что бывають случаи, когда мы можемъ указать, откуда почерпнуты тѣ или другія свѣдѣнія кинклоса. Отсюда въ записяхъ кинклосовъ иногда попадаются явныя ошибки, но это въ общемъ не умаляетъ значенія ихъ свѣдѣній. Какого бы происхожденія и характера ни были историческія записи кинклосовъ, собраніе и обнародованіе ихъ имѣетъ большое значеніе для исторіи Грузіи, тѣмъ болѣе что грузинскія лѣтописи вообще небогаты хронологическими свѣдѣніями. Хронологическія

данныя встрѣчаются большею частью въ записяхъ кинкловъ и разныхъ рукописей, а также въ церковныхъ и гражданскихъ актахъ, дошедшихъ до насъ въ большомъ количествѣ. Записи кинкловъ иногда имѣютъ мѣстный характеръ и тѣмъ обнаруживаютъ, въ какой части Гуріи велись записи. Это обстоятельство еще больше увеличиваетъ значеніе историческихъ свѣдѣній кинкловъ, потому что явленія мѣстныя очень часто ускользаютъ отъ вниманія главныхъ лѣтописей Гуріи. Въ общемъ кинкловы съ историческими записями и по формѣ и по характеру очень похожи на „Пасхальную хронику“ Евсевія и имѣютъ гораздо больше значенія для исторіи Гуріи, чѣмъ „Пасхальная хроника“ для византійской. Пока обнародованы только записи кинклова Шемокмедскаго гулани ¹⁾, которыя пролили не мало свѣта на хронологию исторіи Гуріи. Теперь мною предлагаются приписки двухъ кинкловъ, изъ которыхъ первый, помѣщенный въ вышеуказанномъ сборникѣ, 23×18 сент., написанъ на прекрасной бумагѣ церковно-заглавными буквами—„асомтавриди“ и заключаетъ въ себѣ 14 листовъ, написанныхъ то красными, то черными чернилами. Кинкловъ нашъ не полонъ, т. е. не содержитъ въ себѣ полного цикла, или 532 г., а прерывается на 513 годѣ. Въ началѣ рукописи кинковарью читаемъ:

ესე ქორონიკონი დაიწერა სხიითა ისრუსელიძისაათა სრული უცთობელი.

„Этотъ корониконъ (кинкловъ) полный и безошибочный написанъ по іерусалимскому образцу“.

На полѣ перваго листа строчнымъ „хуцури“ и черными чернилами замѣтка:

¹⁾ См. Бакрадзе. Археологическое путешествіе по Гуріи и Адчарѣ, стр. 150—154.

ეს ქარონიკონი რამდენჯერ არის დაბრუნებული არა
სწერია.

„Сколько раз обращенъ этотъ корониконъ, не на-
писано“.

Противъ приписки 1579 г. въ оригиналѣ запись:

ესე არს აწინდელი ქარონიკონი, რომელსა დაწერა;
а немного дальше на полѣ—გო, т. е. გიორგი.

„Это есть нынѣшній корониконъ, въ который на-
писано. — Георгій“.

По смыслу этой замѣтки и нѣкоторыхъ другихъ въ
этомъ родѣ можно заключить, что въ первоначальныхъ
источникахъ, изъ которыхъ взяты подобныя замѣтки, за-
писи дѣлались современниками событий. Упоминаемый въ
разбираемой записи Георгій, быть можетъ, есть авторъ
нашей замѣтки. Приписокъ рукою текста позднѣе XVIII
вѣка не встрѣчается. Послѣдняя запись такого рода
имѣется подъ 1784 г. Рукопись и по палеографическому
своему характеру относится къ XVIII вѣку.

Историческія приписки нашего кинклоса обнимаютъ
періодъ времени отъ второй половины XV в. до 20-ыхъ
годовъ XIX вѣка. Однѣ изъ этихъ записей сдѣланы ру-
кою текста и, какъ видно, онѣ были въ оригиналѣ, съ
котораго списанъ нашъ кинклосъ. Такія записи обыкно-
венно начинаются киноварными заглавными буквами „ху-
цури“. Другія записи сдѣланы тоже церковно-строчными
буквами, но безъ начальныхъ киноварныхъ буквъ; онѣ
едва ли современны рукописи, что можно заключить изъ
того, что почеркъ и чернила послѣднихъ равняются отъ
первыхъ; замѣчается разница также въ ореографіи: въ
послѣднихъ встрѣчается ḡ, что ни разу не попадаетъ въ
первыхъ записяхъ. Наконецъ, записи, сдѣланныя скоро-
писью „мхедрули“, большею частью принадлежатъ уже
этому столѣтію. Послѣднія мы означаемъ знакомъ *, если

не указываемъ въ примѣчаніяхъ. Записи, начинающіяся кинноварными заглавными буквами въ оригиналѣ, у насъ начинаются въ грузинскомъ текстѣ прописными буквами; слова вообще приводятся безъ обычныхъ сокращеній рукописнаго текста и знаковъ препинанія оригинала.

- ქზჂ. აქა კოსტანტინეპოლი დაიჭირეს თათართა. ჟ დდე რისხვსა დუთისაჲ! 132—1444. Въ этотъ годъ турки завоевали Константинополь. О, день гнѣва Божія! ¹⁾.
- ქოჁ. აქა დედის იმედი მიიკუვალა ათაბაკი. 178—1490. Въ этотъ годъ умерла атабегша Дедись-имеди ²⁾.
- ქსჂ. აქა დიდი უვარუვარე მიიკვალა ათაბაკი. 186—1498. Въ этотъ годъ умеръ атабегъ Кваркваре Великій ³⁾.

¹⁾ Выраженіе: „въ этотъ годъ“ я употребляю вездѣ вмѣсто буквального выраженія текста: „вдѣсь“. Константинополь былъ взятъ турками, какъ извѣстно, въ 1453 г., 29 мая. Ошибка, аналогичная съ даннымъ нашего кинклоса, встрѣчается и въ *Chronique géorgienne* (Brosset. *Chronique géorgienne. Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg, VI-me série, t. V, pp. 220—315*) и повторяется также въ записи другого нашего кинклоса (см. ниже). Въ хронологическихъ данныхъ царевича Вахушта (Brosset. *Dates recueillies par Vakhoucht. Hist. de la Géorgie, t. II. livr. 1, pp. 376—406*) ошибка эта исправлена.

²⁾ По свидѣніямъ *Dates Вахушта, Chronique géor. и Suite des Annales* (Brosset. *Hist. de la Géor. t. II, livr. 1, pp. 322—376*), Дедись-имеди, жена атабега Кваркваре III, умерла въ 1491 г., 54 лѣтъ отъ роду, при чемъ днемъ смерти Вахуштъ считаетъ 18 декабря, *Chronique géor.*—15 декабря, а *Suite*—18 сентября.

³⁾ *Dates*: въ 1500 г.; *Suite*: въ 1500 г., 1 июля, 82 лѣтъ; *Chr. géor.*: въ 1507 г., 1 июня, 92 лѣтъ.

- 188** — 1500. Въ этотъ годъ умерь свѣтъ христіанства атабегъ Кайкосро ¹⁾).
- 198** — 1510. Въ этотъ годъ пришли турки, ноября 23-го, и сожгли Куталескую и Гелатскую церкви ²⁾).
- 204** — 1516. Въ этотъ годъ умерь атабегъ Мведчабукъ Великій ³⁾).
- 221** — 1533. Въ этотъ годъ Мамія Дадіани и Мамія Гуріели отправились войною на Джикетию. Мамія Дадіани и сынъ Гуріели Георгій были убиты, а Гуріели, три брата его и войска были взяты въ плѣнь ⁴⁾).
- 223** — 1535. Мурджхитская битва, причина гибели христіанъ. Въ этотъ годъ у Ахалкалаки сразились царь
- 188**. აქა მიოცუალა ქრისტეანობისა ნათელი ქიხოსრო ათაბაკი.
- 198**. აქა მოვიდეს თათარნი, ნოემბერსა კვ, და დაწვეს საუდარი ქუთათისი და გაეღათი.
- 204**. აქა დიდი შხეგაბუკ მიოცუალა ათაბაკი.
- 221**. აქა გაილაშკრა მამია დადიანი და მამია გურიელი ჯიქეთს და მოკლეს მამია დადიანი და გიორგი გურიელის შვილი, და ტუუს იქმნა გურიელი და სამნი მისნი ძმანი და ლაშქარნი.
- 223**. მურჯხითის ომი ქრისტიანეთა წაკედენისა მიზეზი.
აქა შეიბა მეფეთ მეფე ბაგრატ და ათა-

¹⁾ Dates и Chr. géor.: въ 1502 г., 6 мая, 53 лѣтъ; Suite: въ 1502 г., 20 мая.

²⁾ Dates: въ 1512 г.; Suite: въ 1509 г.; Chr. géor.: въ 1509 г., 23 ноября. Включось Шемокмедскаго гулани (см. Вакрадзе. Археологическое путешествие по Гуріи и Адчаръ, стр. 150): въ 1512 г.

³⁾ Dates: въ 1516 г.; Chr. géor.: 1516 г., 3 июня.

⁴⁾ Chr. géor. и Suite указываютъ тотъ же самый годъ, только Dates—1532 г.

ბაკი უვარუვარე ახალ-
ქალაქს და გაემარჯ-
ვა მეფეს, კვლთ დარ-
ჩა უვარუვარე და მი-
სი ლაშქარნი, და
დაიპურა ძემან ალექს-
სანდრესმან სრუ-
ლიად საათაბაგო.

БѦѦ. აქა არის წყლიწადი
შუდი ათხს ოცდა ორი
ვიდრე აქამოდღე.

БѦѦ. აქა დაიჭირა მეფემან
ბაგრატ ლეონ და-
დიანი.

БѦК. და გაიპარა და მოვი-
და შინა.

БѦѦ. აქა დაჯდა ტბევრად
ხახულარი წყმედიძე
მამა საბა.

парей Баграсть и атабагъ
Кваркваре. Царь побѣ-
дилъ. Кваркваре и его
войско были взяты въ
плѣнь, и сынъ Але-
ксандра покорилъ все Са-
атабаго ¹⁾.

224—1536. Въ этотъ годъ
прошло 7022 года до на-
стоящаго времени ²⁾.

236—1548. Въ этотъ годъ
парь Баграсть плѣнилъ
Леона Дадіани ³⁾.

238—1550. Но онъ (Ле-
онъ) убѣжалъ тайкомъ
и пришелъ домой ⁴⁾.

244—1556. Въ этотъ годъ
итбеваремъ сдѣлался
Хахулари Цкмедидзе,
отець Саба ⁵⁾.

¹⁾ Мурджитскую или Мурджахетскую битву всё три вышеуказан-
ные источника относятъ къ этому же году. Название Мурджити или
Мурджахети у Вахушта въ его географіи не упоминается, но мы зна-
емъ, что подъ этимъ именемъ извѣстно село недалеко отъ Ахалкалаки,
на лѣвомъ берегу р. Кирхъ-булаха. Баграсть этой записи есть Баграсть III
имеретинскій, сынъ царя Александра II.

²⁾ Тутъ счетъ идетъ, конечно, отъ сотворенія міра по греческому
счисленію, но 7022 г. соотвѣтствуетъ 1514-му, а не 1536-му году
короникона. Слѣдовало выставить 7044 г.

³⁾ Dates: въ 1546 г. Другіе источники объ этомъ молчатъ.

⁴⁾ Въ другихъ источникахъ годъ бѣгства Леона не указанъ.

⁵⁾ Въ другихъ историческихъ хроникахъ Грузіи нѣтъ упоминанія
объ этомъ, только изъ одного гуджара знаемъ, что нѣкій Саба былъ

საჩქ. აქა იყო დიდი ქაძი იმერეთს. ამავე ქორანიკონსა, თვესა ივნისსა კდ, გაურისხდა ღმერთი ხოსროსა, ვანტანგის შვილსა, უდალატა მეფეს გიორგის, ძესა ბაგრატიასსა, ტუვეიქმნა ძმის წულო მეფისა, ძე კოსტანტინესი, ვანერა მეფე მშვიდობით.

საზს. აქა ღაღა-ფაშა გამოვიდა.
ესე არს აწინდელი ქორანიკონი, რომელსა დაიწერა. გიორგი.

256—1568. В этот годъ въ Имеретіи была сильная чума. Въ этотъ же годъ, 24-го генваря мѣсяца, разгнѣвался Богъ на Хосро, сына Вахтанга; измѣнилъ онъ царю Георгію, сыну Баграта. Царскій племянникъ, сынъ Константина, былъ взятъ въ плѣнъ, царь же остался невредимъ ¹⁾.

267—1579. В этотъ годъ пришелъ Лала-паша ²⁾. Это есть нынѣшній корониконъ, въ который написано.— Георгій.

посвященъ католикосомъ Доментіемъ въ епископы тбетскіе и что Саба обѣщался быть покорнымъ Доментію (Hist. de la Géog. t. II, liv. 2, p. 472). Но изъ гуджара не видно, о какомъ Доментіи идетъ рѣчь (ихъ было трое). Если только Саба нашей записи есть тотъ самый, о которомъ упоминаетъ гуджаръ, то католикосъ Доментій упомянутого гуджара долженъ быть Доментій первый, хотя Вахуштъ опредѣленіе его католикосомъ приписываетъ царю Симоу I (1558—1600). Святительство Доментія II началось въ 1660 г. (Hist. de la Géog. t. II, liv. 1, p. 75).

¹⁾ Dates указываютъ на этотъ же годъ, но относительно племянника Вахуштъ ничего не говоритъ; нѣтъ у него также упоминанія о чумѣ. Брѣшъ того, Хосро у Вахушта названъ племянникомъ, а не сыномъ Вахтанга. Вахтангъ былъ братъ Баграта III, отца Георгія. Сынъ Константина былъ Ростомъ, который родился въ 1561 г.; значитъ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ 7-ми лѣтъ (Hist. de la Géog. t. II, liv. 1, p. 258—259).

²⁾ Приходъ Лала-пашы всѣ источники относятъ къ 1578 г.

- ბო. აქა მანუჩარს უდადობა-
ტეს ფაშებმა ათაბაქს. 270—1582. Въ этотъ годъ
атабегу Манучару па-
ши измѣнили ¹⁾.
- ბოზ. * ახალციხელი. აქა
ელენე დაიბადა. 274—1586. Въ этотъ годъ
родилась Елена Ахал-
цихская ²⁾.
- ბოჩ. აქა დაიჭირეს სამცხე
ისმხელთა. 275—1587. Въ этотъ годъ
измаильтяне заняли Сам-
цхе ³⁾.
- ბოზ. ამა ქორონიკონსა და-
ვით ადმაშენებელს გე-
ლათი დაუწყია და
ქორონიკონი მობ-
რუნებულნი არი. 277—1057. Въ этотъ годъ
Давидъ Возобновитель
началъ строить Гела-
ти. Корониконъ обра-
щенъ ⁴⁾.
- ბოტ. აქა შამოგბა მეფე
როსტომს დადიანი
და გაემარჯვა მეფე
როსტომს, და და-
იპურეს ქართველნი. 279—1591. Въ этотъ годъ
съ царемъ Ростомомъ
сразился Дадіани, и царь
Ростомъ побѣдилъ. Гру-
зинъ (карталинцевъ) по-
корили ⁵⁾.

¹⁾ Въ этомъ всё источники согласны.

²⁾ Объ этой Еленѣ см. ниже запись 1603 г.

³⁾ Подъ этимъ годомъ Suite и Simon. géog. упоминають о по-
стройкѣ турками Ахалциха и Гори (см. примѣчаніе подъ этимъ годомъ
зписи слѣдующаго книжлоса).

⁴⁾ Выраженіе: „корониконъ обращенъ“ указываетъ на 13 обраще-
ніе, а не на 14-ое; иначе говоря, цифру короникона надо прибавить къ
780 г. $780 + 277 = 1057$. Но годъ этотъ не вѣрно показанъ, ибо Да-
видъ Возобновитель царствовалъ 1089—1125 г. (Hist. de la Géog.
t. I, p. 345). Въ 1057 г. въ Грузіи царствовалъ Багратъ IV. Есть
данныя, свидѣтельствующія о томъ, что въ Гелатахъ храмъ существовалъ
и при Багратѣ IV (см. Г. Церетели. Полное собраніе надписей на стѣ-
нахъ и камняхъ и приписокъ къ рукописямъ Гелатскаго монастыря. Стр.
11—12. Древности Восточныя, т. I, вып. II).

⁵⁾ По другимъ свѣдѣніямъ, Дадіани, наоборотъ, помогъ Ростому

- Б'УС.** აქა დაიპყრა სრულეობით დუკალეთოსეთი და აღიღო ციხე და სოფლები მეფემან როსტომ იმერეთისამან. 289—1601. Въ этотъ годъ имеретинскій царь Ростомъ покорилъ всю Два-летію и Осетію и взялъ ихъ крѣпости и села ¹⁾.
- Б'Ч.** * აქა ელენე კახ მეფემან წაიუჭანა. 291—1603. Въ этотъ годъ кахетинскій царь женился на Еленѣ ²⁾.
- Б'ЧЧ.** აქა მიიკვალა მეფე გიორგი იმერეთისა, მე მისი დიდი აღუქ- 325—1637. Въ этотъ годъ умеръ имеретинскій царь Георгій. Сынъ его Але-

прогнать картлинскаго царя Свинона и самому воцариться въ 1590 г. (Hist. de la Géog. t. II, liv. 1, p. 264).

¹⁾ Исторія Ростома ничего не говоритъ объ этомъ (Ibid. p. 263—265).

²⁾ Въ Кахетинъ отъ 1574 по 1605 г. царствовалъ Александръ II, который былъ женатъ на Тинатинѣ, дочери Бардзима Амилхвары. Но въ 1603 г. Давидъ, сынъ Александра, свергнулъ съ престола своего отца и самъ царствовалъ шесть мѣсяцевъ. Давидъ былъ женатъ на Кетеванѣ, дочери мухранскаго князя Ашотана. Послѣ смерти Давида, въ 1603 г., Александръ благословилъ на царство другою своего сына Георгія, но тѣмъ же мѣсяцемъ самъ принялъ бразды правленія. Упомянутый Георгій оволо того времени сваталъ дочь Ганджійскаго паши Кайхосро, на которой, по мнѣнію грузинскаго посла при дворѣ Бориса Годунова, Кирилла Ксантопуло, и долженъ былъ жениться тѣмъ же годомъ. Не она ли Елена нашей записи и записи 1586 г.? Кайхосро, по объясненію Кирилла, былъ великій человекъ, но магометанской вѣры, а жена и дочь его были христіане. Быть-можетъ, Кайхосро былъ изъ Ахалциха (Сандже) и по принятіи мусульманства назначенъ Ганджійскимъ пашою (Hist. de la Géog. t. II, liv. 1, pp. 154, 157, 634 А. Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Москва. 1889, стр. 387, 390. Переписка грузинскихъ царей съ російскими государями, стр. X—XII. Bull. hist.-phil., t. II. p. 303—304).

სანდრე მეფედ დაჯდა.

აქა საფრიძე გედეონ მტბევრს დაჯდა.

ჩხჩ. აქა საფრიძეს მტბევრს იშხნელობა და მწყვერლობა მოუვიდა ხვანთქრისგან.

ჩხ. აქა ჯვარცმის აქეთათას: ქ. მ. ბ. წელიწადი გამოსრულა.

ჩხჟ. აქა მიიკვალა დიდი მამუკა ბატონის-შვილი იმერეთისა: დადიანმა ლეონ დაამავა, და იქავ მიიკვალა.

კსანდრე Великій сдѣлался царемъ ¹⁾.

Въ этотъ же годъ Гедeonъ Сафридзе сдѣлался мтбеваремъ.

338—1650. Въ этотъ годъ мтбевари Сафридзе получилъ отъ султана *тимуль* ишхнея и мацквереля ²⁾.

340—1652. Въ этотъ годъ отъ Распятія (Христа) прошло 1642 года ³⁾.

342—1654. Въ этотъ годъ умеръ имеретинскій царевичъ Мамука Великій: Леонъ Дадіани изувчилъ; тамъ онъ (въ Мингреліи) и умеръ ⁴⁾.

¹⁾ Вахуштъ смерть имеретинскаго царя Георгія III и вступленіе на престолъ Александра относятъ къ 1639 г., но царь Теймуразъ въ письмѣ своемъ къ царю Михаилу Феодоровичу отъ апрѣля мѣсяца 1639 года, между прочимъ, говоритъ: „Въ эту зиму умеръ тесть мой царь Георгій, и воцарился зять мой Александръ“. (Переписка грузинскихъ царей съ российскими государями, стр. 23, 34). Судя по этому, Георгій могъ умереть или въ концѣ 1638 г., или въ началѣ 1639 г.

²⁾ О Гедeonѣ Сафридзе въ исторіи Грузіи нѣтъ упоминанія.

³⁾ Въ грузинскихъ источникахъ очень часто вмѣсто „отъ Рождества Христова“ употребляется выраженіе: „отъ Распятія Христа“, но въ данномъ случаѣ вычисленіе все-таки сдѣлано невѣрно: 340 короніонъ соотвѣтствуетъ 1652 г., а не 1642-му. Запись эта сдѣлана не-красивою скорописью мхедрули.

⁴⁾ Извѣстный своею беззаветною храбростію царевичъ Мамука, братъ имеретинскаго царя Александра, былъ взятъ въ плѣнъ и ослѣ-

ჩჳჩ. აქა შამოებენ მეფეს ალექსანდრეს ბანძას დადიანი ლიპარი, გურიელი ქიხოსრო, ფარათ-ფაშა, და ურუმის ჯარი გურიელს იახლა, დადიანს ქართველი ლაშკარი, მეფე როსტომ ათხუვა. მეფეს ალექსანდრეს გაემარჯვა.

ჩჳხ. აქა მიიჯვალა უოკვლთა მეფეთა მჯობი დიდი მიფე ალექსანდრე იმერეთისა.

ჩჳც. აქა მოვიდა ლეონ დადიანი და შამოება მეფეს ბაგრატს ქუთათის, ანძილახის საუდარს უკან, და მეფეს ბაგრატს გაემარჯვა.

346—1658. Въ этотъ годъ сразились съ царемъ Александромъ въ Бандзѣ Дадіани Липарѣ (Липаритѣ), Гуріели Кайхосро и Фаратъ-паша. Съ Гуріели находилось турецкое войско, а съ Дадіани карталинское, которое одолжилъ царь Ростомъ. Царь Александръ побѣдилъ ¹⁾.

347—1659. Въ этотъ годъ умеръ лучший изъ всѣхъ царей, имеретинскій царь Александръ Великій ²⁾.

351—1663. Въ этотъ годъ пришелъ Леонъ Дадіани и сразился съ царемъ Багратомъ въ Кутаисѣ, позади Андзилахской перкви. Царь Багратъ побѣдилъ ³⁾.

პლენ ლეონი დადიანი. იგი უმერს ვა უკაანიშო გოდა ვა ტიორში ვა მინგრელი (Hist. de la Géog. II, 1, p. 270—273).

¹⁾ Указанный годъ и приведенныя свѣдѣнія вполне подтверждаются исторією Грузіи (Ibid. p. 273—275).

²⁾ Dates: въ 1660 г.

³⁾ Dates указываютъ тотъ же самый годъ, только въ исторіи Грузіи нѣтъ подробностей, гдѣ произошла битва (Hist. de la Géog. II, 1, p. 280—281, 396).

- ԲԻԿ.** Եթս მიიკვალა ლევან 355—1667. Въ этотъ годъ დადიანი. умеръ Леванъ Дадіани ¹⁾.
- ԲԻԿ.** ამს ქორონიკონსა თა- 356—1668. Въ этотъ годъ შამ ჩამოიყვანა კახ- паша привезъ парицу баტონის ქალი დარე- Дареджану, дочь кахе- ჯან დედოფალი, გა- тинскаго владѣтеля, и აბატონეს, მაგრამ воцарилъ ее, но лечхум- ქუთათის ლეჩხუმ- ცы убили ее въ Кутаисѣ, ლებმა მოკლეს და и Баგრატъ снова воца- ისევ ბაგრატს დარ- рился ²⁾.
- ԲԻԿ.** Եթს დაესხა ქუთათის 362—1674. Въ этотъ годъ მეფე ბაგრატს ასან- Асанъ-паша и Гуріели Георгій напали на царя Баграта въ Кутаисѣ. და თჳსს გაემარჯვა: Царь вступилъ въ бой. წვრილი კაცი დაკო- Паша побѣдилъ: про- ცეს და ცხენოსანი- стыхъ (წვრილი კაცი) უბილი, კონныхъ сброси- ლი) გარდაყარეს. ли въ Чухту ³⁾.

¹⁾ Леванъ II Дадіани умеръ, по Вахушту, въ 1680 г., по дру- гихъ извѣстіямъ—въ 1681 г. (Ibid. p. 397, 288, п. 1). Едва ли объ немъ здѣсь рѣчь.

²⁾ Вахуштъ угадываетъ этотъ же годъ, а Chr. géog. относитъ вступленіе Дареджаны въ Имеретію къ 1664 г. Послеъ Дареджаны одинъ годъ царствовалъ въ Имеретіи Гуріели Дмитрій, а затѣмъ снова воца- рился Багратъ. Дареджана была убита правителемъ Лечхума Хосіа Лас- хисъ-швили, а по Chr. géog.—Хосіа Ахмедіани (Hist. de la Géog. II, 1, p. 282—283, п. 1).

³⁾ По Вахушту и Шардену, это случилось въ 1672 г. (Hist. de la Géog. II, 1, p. 284, 285, п. 1). Подробностей битвы исторія не сохранила. Что подразумѣвается подъ группою „Чхта“, трудно сказать;

- ქაჩ.** აქა მიიკვალა მეფე ბაგრატ იმერეთისა, ძე ალექსანდრესი. ვამ შემკვდრე ბატონის გარდაშენება!
- ქოჩ.** აქა როკითს მეფეს ალექსანდრეს გურიელი გიორგი შამოება და მეფეს გაემარჯვა.
- ქოჩ.** აქა შამოება გოდოგანს მეფე არჩილს მეფე ალექსანდრე და გაემარჯვა არჩილ მეფეს.
- ქსტ.** * ამა ქორონიკონსა მიიკვალა კანელი ბატონის შვილი მარიამ უოელთა სიკეთათა გასრულებული. უფალო, მოიხსენე სასუფეველსა შინა ცხათასა. ახალციხეს.
- 369—1681. Въ этотъ годъ умеръ царь имеретинскій Багратъ. Увы, пресъчение наследственнаго владѣтеля! ¹⁾
- 373—1685. Въ этотъ годъ Гуріели Георгій сразился въ Рокитѣ съ царемъ Александромъ, и царь побѣдилъ ²⁾.
- 379—1691. Въ этотъ годъ царь Александръ сразился въ Годоганѣ съ царемъ Арчиломъ. Царь Арчиль побѣдилъ ³⁾.
- 381—1693. Въ этотъ годъ умерла въ Ахалцихѣ преисполненная всѣхъ добродѣтелей кахетинская паревна Марія. Боже, помани ее въ царствіи небесномъ! ⁴⁾.

но мнѣ извѣстно, что одна рѣчка въ Гуріи, впадающая въ Чоловъ, называется Чахата.

¹⁾ Другіе источники указываютъ этотъ же годъ (Ibid. p. 289). Багратъ IV не оставилъ наследника царской крови, а сына его Александръ, внослѣдствіи Александръ IV, былъ отъ незаконной жены.

²⁾ Вахуштъ указываетъ 1684 г. (Ibid. p. 291, 398). Принимая второго нашего вникалоса относить это къ 1687 г.

³⁾ По Вахушту, въ 1690 г. (Hist. de la Géor. II, 1, p. 295, 398).

⁴⁾ Неизвѣстно, о какой Маріи тутъ идетъ рѣчь.

1744. აქა ეკურაზა მონაზ- 392—1704. Въ этотъ годъ
ვნათ ბაგრატი იმერე- постриглась въ монахи-
თის მეფის ასული ни Тинатина, дочь име-
თინათინ, იუო წლის რетинскаго царя Багра-
ტა. Ей было 26 лѣтъ ¹⁾.
1745. აქა დეკენმბერსა შა- 397—1709. Въ этотъ годъ,
მოებენ მეფე გიორ- въ декабрѣ, Георгій Да-
გის მადლაკს დადი- діани съ одишцами и съ
ანი გიორგი, ოდიშა- нѣкоторыми изъ имере-
რი თანა ახლდაენ, тинѣ сразился съ па-
ზოგიერთი იმერლე- ремъ Георгіемъ въ Ма-
ბიკ თანა ახლდენ, глакѣ. Царь Георгій по-
და მეფეს გიორგის бѣдилъ ²⁾.
016. აქა შიოცვალო მარია 419—1731. Въ этотъ годъ
დედოფალი, დადი- умерла царица Марія,
ანის ასული, მეფე урожденная Дадіани, же-
ალექსანდრეს მეუღ- на царя Александра ³⁾.
017. აქა გაემარჯვა მეფე 420—1732. Въ этотъ годъ
ალექსანდრეს ჩი- въ Чихорѣ одержалъ по-

¹⁾ Тинатина въ русскихъ источникахъ называется Ниною. Она вышла замужъ за Левана III Дадіани около 1689 г. Въ 1724 г. она съ Вахтагомъ VI выѣхала въ Россію (Hist. de la Géorg. II, 1, p. 578—579). Когда она постриглась въ монахини и сколько ей было въ то время лѣтъ, но другимъ источникамъ неизвѣстно. Судя по вышеупомянутымъ даннымъ, она родилась въ 1678 г.

²⁾ Вахуштъ приводитъ тотъ же самый годъ, но мѣстомъ битвы указываетъ Парцхалакашеви (Ibid. p. 305, 400).

³⁾ Годъ смерти Маріи Вахуштъ не указываетъ, а вторую женитьбу Александра относитъ къ 1732 г. (Ibid. p. 316, 403). Броссе смерть Маріи относитъ къ 1732 г., а вторую женитьбу къ 1734 г. (Ibid. p. 644).

ზორს. ოტია დადიანი დაიჭირეს, რაჭის ერისთავი და აბაშიძე გაიქცა.

О.Ч.Д. აქა მიიკვალა მეფე ადგიქსანდრე.

О.Ч.Ч. აქა გაემარჯვა ხრესილზედ მეფე სოლომონს. დადიანი თან ახლდა. ახალციხისა და აჭარის ჯარი სულ იყო. ერისთავი აბაშიძე, წულუკიძე ახლდენ, გოლა-თაშა დაირჩინეს, აბაშიძე მოკლეს, წულუკიძე დაიჭირეს, თათარი გასწვიდეს და ზოგი ცოცხალი შეიპყრეს.

О.К.Ч. აქა ერისთავი წაახდინა მეფე სოლომონ¹⁾.

ბედუ царь Александръ. Отія Дадіани былъ взятъ въ плѣнъ. Эриставъ Рачинскій и Абашидзе бѣжали¹⁾.

439—1751. Въ этотъ годъ умеръ царь Александръ²⁾.

446—1758. Въ этотъ годъ царь Соломонъ одержалъ побѣду въ Хресилѣ. Съ нимъ былъ и Дадіани. Ахалцихскія и аджарскія войска всѣ *тутъ* были; ихъ сопровождали эриставы Абашидзе и Цулукидзе. Гола-папу плѣнили, Абашидзе убили, а Цулукидзе былъ взятъ въ плѣнъ. Однихъ изъ турокъ взяли въ плѣнъ, другихъ истребили³⁾.

456—1768. Въ этотъ годъ царь Соломонъ погубилъ эристава⁴⁾.

¹⁾ Вахуштъ относитъ это къ 1734 г. (Ibid. p. 318, 403).

²⁾ По другимъ источникамъ, въ мартѣ 1752 г. (Ibid. 644).

³⁾ Къ этому же году относить все это историкъ Папуна Орбелиани (Hist. de la Géorg. II, 2, p. 201): Этотъ же годъ указанъ въ принисѣхъ князюса Шемокмедснато гулани (Ваградзе. Арх. пут. по Гуріи и Адчарѣ, стр. 152).

⁴⁾ Эта фраза приведена въ рукописи некрасивою скорописью „мхოდрули“ этого столѣтія.

- 0.176.** აქა რუსი მოვიდა 457—1769. Въ этотъ годъ въ Имеретію вступили русскіе.
- 0.177.** აქა რუსის ჯარმან და მეფე სოლომონ ქუთათისი აიღეს ფერის ცვაღეებას. ამავჲ წყელსა ბაღდათი, შორაპანი და ცუცუთი აიღეს. 458—1770. Въ этотъ годъ, въ день Преображенія, русское войско и царь Соломонъ взяли Кутаисъ. Въ томъ же году взяли Багдадъ, Шорапанъ и Цуцвтъ (Цуцвать).
- 0.178.** აქა გაემარჯვა ჩხერს მეფე სოლომონს, ხუთი ათასი ლეკის და თათრის ჯარი იყო, აბაშიძე ჩამოუძღვა, თათარი და ლეკი სულ გასწყვიტეს და აბაშიძე გაიქცა. 462.—1774. Въ этотъ годъ царь Соломонъ одержалъ побѣду въ Чхерѣ. Было 5,000 лезгинскаго и турецкаго войска, которыхъ привелъ Абашидзе. Турокъ и лезгинъ совсѣмъ истребили. Абашидзе бѣжалъ.
- 0.179.** აქა მიიყვალა მეფის ძე კათალიკოზ-გაენათელი იოსებ. 464—1776. Въ этотъ годъ умеръ католикосъ-генатели, царевичъ Іосифъ.
- 0.180.** აქა მიიყვალა დედოფალი მარიამ. 466—1778. Въ этотъ годъ умерла царица Марія.
- 0.181.** აქა გაემარჯვა მეფე სოლომონს, დადიანი კაცია თანა ანდდა რუხვს, აფხაზი, ჩერქეზი, თათარი თერთმეტი ათასი კაცი იყო, გააქციეს, ამოსწყვიტეს და მრავ-
- 468—1780. Въ этотъ годъ царь Соломонъ вмѣстѣ съ Кація Дадіани одержалъ побѣду въ Рухѣ. Черкесовъ, абхазовъ и турокъ было всего 11,000. *Однихъ изъ нихъ* обратили въ бѣгство, *другихъ*

- ვალი ცოცხალი შე-
იპყრეს.
- О.О.Ч. აქა მიიკვავდა ქრის-
ტეანობისა ნათელი
მეფე სოლომონ.
- О.О.Ъ. აქა არჩილის ძე სო-
ლომონ მეფე იქმნა
იმერეთისა, ივლისის
თვეს *).
- О.У.К. აქა მეფე დავით მი-
იკუდას ახალციხეს.
- О.У.Ф. აქა სოჯა ყენი მო-
ვიდა ტფილისს.
- О.У.Ч. აქა მეფე ირაკლი მი-
იკუდას.
- О.У.Ф. აქა მეფე ქართლისა
გიორგი მიიკუდას.
- О.Ч.К. აქა ლენხუმი აიღო
მეფე მეორემ სოლო-
მონ.
- истребили и многихъ взя-
ли въ плѣнь.
- 472—1784. Въ этотъ годъ
умеръ свѣтъ христіан-
ства, царь Соломонъ ¹⁾.
- 477—1789. Въ этотъ годъ,
въ іюлѣ мѣсяцѣ, царемъ
Имеретіи сдѣлался Соло-
монъ, сынъ Арчила. ²⁾.
- 483—1795. Въ этотъ годъ
умеръ въ Ахалцихѣ царь
Давидъ ³⁾.
- 484—1796. Въ этотъ годъ
пришелъ въ Тифлисъ
Шахъ-Каджаръ.
- 485—1797 (?). Въ этотъ годъ
умеръ царь Ираклій.
- 489—1801. Въ этотъ годъ
умеръ грузинскій царь
Георгій.
- 491—1803. Въ этотъ годъ
царь Соломонъ II поко-
рилъ Лечхумъ.

¹⁾ Соломонъ I умеръ въ 1782 г., 23 апрѣля (Hist. de la Géog. II, 1, p. 644).

²⁾ Отсюда начиная, всѣ записи сдѣланы въ текстѣ некрасивою скорописью ихедрули нынѣшняго столѣтія и поблекшими чернилами.

³⁾ Другіе источники тоже указываютъ на этотъ годъ, только числа мѣсяца не приводятъ. (Hist. de la Géog. II, 2, p. 254—255).

⁴⁾ Рѣчь идетъ объ имеретинскомъ царѣ Давидѣ II, который дѣйствительно умеръ въ Ахалцихѣ; но въ которомъ году, Броссе не указываетъ (Ibid. p. 644).

- О. Ч. Ч.** აქა პირველად რა- 493—1805. Въ этотъ годъ
ჭას ქამი იყო. въ Рачѣ въ первый разъ
была чума.
- О. Ч. В.** აქა რუსთა დაიპყრეს 498—1810. Въ этотъ годъ
იმერეთი. русскіе заняли Имере-
тію.
- О. Ч. С.** აქა ახალციხეს მე- 499—1811. Въ этотъ годъ
ძაადგეს. окружили Ахалпихъ.
- Ф.** აქა ბუნაპარტე მე- 500—1812. Въ этотъ годъ
ვიდა მოსკოვშიდ და Бонапартъ вступилъ въ
რუსთა განდევნეს. Москву, но русскіе про-
აბავე წყელს და წას- гнали его. Въ этотъ же и
რუდს წყელს იყო предшествоващій годъ въ
სიყმილი და ქამი იმე- Имеретіи были голодъ и
რეთს. чума.
- Ф. Ч.** აქა მოვიდა მთავარ- 503—1815. Въ этотъ годъ
მმართველი რტის- главный начальникъ Рти-
ჩევი იმერეთს. щевъ пріѣхалъ въ Име-
აქა მიიკვალა შეფე ретію. Въ этотъ же годъ
არჩილის ძე სოლო- умеръ въ Требизонтѣ
მონ ტრაპიზონს. Соломонъ, сынъ паря
Арчила.
- Ф. В.** აქ ქუთათელი და გე- 508—1820. Въ этотъ годъ,
ნათელი წაიყვანეს марта 5-го дня, увезли
რუსეთს. მარტის ე въ Россію кутатели и
დღესა. генатели.

II.

Помѣщенныя ниже историческія записи взяты изъ кнѣклоса, приложеннаго къ рукописному часослову „Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія“, № 1204. Рукопись 22×16 сент., написана на

бумагъ церковно-строчными буквами грузинскаго алфавита и черными чернилами. Заглавія и начальныя буквы исполнены кивоварью. Рукопись разбита, листы въ безпорядкѣ, многіе пропали; теперь налицо всего 233 листа. Кромѣ часослова, наша рукопись содержитъ въ себѣ еще много разныхъ свѣдѣній, большею частью въ отрывкахъ, волѣдствіе пропажи листовъ. Тутъ мы встрѣчаемъ: 1) заклинанія противъ разныхъ болѣзней; 2) предсказанія погоды по временамъ года въ зависимости отъ основанія въ пасхали; 3) предсказанія по поводу затменія солнца и луны и различныхъ фазисовъ послѣдней; 4) объясненіе сновъ; 5) разныя изреченія и нравственныя наставленія; 6) перечень неблагоприятныхъ и опасныхъ дней каждаго мѣсяца. Неблагоприятными, оказывается, бываютъ: сумерки 23 сентября; разсвѣтъ 3, 9 и 20 октября; разсвѣтъ 8 и 20 ноября; сумерки 3 и 20 декабря; разсвѣтъ 2 и 11 января; разсвѣтъ 23 и 26 февраля; сумерки 4 и 20 марта; разсвѣтъ 3 и 20 апрѣля; разсвѣтъ 6 и 20 мая; утро 4 и ночи 13 и 12 іюня; день 6 и ночь 20 іюля; день 6 и ночи 4 и 20 августа. Эти дни названы днями проклятыхъ кометъ (კჳმატი დღე წყეულისა). Кромѣ этого, одинъ листъ рукописи сохранилъ намъ отрывки стиховъ, написанныхъ рукою текста, но въ видѣ прозы. Если текстъ расположить въ видѣ стиховъ, то получимъ:

ამა ჩემსა ქალაქშიდან მუნ შეიქმნა კოცა დიდი,
სამსა ბერსა კაც ვერ ნახეუდი სიკუდილისა გარდაპიდი,
აქ შემოკრფით კუბოშიდან სოფლისაგან განაკიდი,
და რაც რამ გ(ვ)ქონდა აქ მოვიდეთ ცხენ ჯორებსა გარდაკიდი.

ასი ათასი მოკუემნი თანა მუვა სინდთა ¹⁾ ჯარია.
დაღობანდითა და ჩაცმითა მოკაზუმით მკლავ მაგარია,

¹⁾ Чтеніе этого слова гадательное, быть-можетъ უამია.

ოთხი ათასის ქორწილის მე გარდამკვდელი ვარია და აწ ხედავთ, ასრე გავსრულდი, თქვენცა აქა ხართ მგ ზავარია.

მასე თქვა: სოფლის ცუდია წუთის ხანის წამება, გულსა ჩამეკმო, რა ვნახე, ჭირი ჭირზედა წამება, აწრდილი არს და სიზმარი ამა სოფლისა წამება, და იგი სფეუდეს სამუნოდ, ვინცა თავს იღვა წამება.

აქა კიდეუ სხვა კუბოსა შემოვიდენ.

ტირიან სოფლის სიმუხთენს, კართა გარე გამოვიდეს, კუბო იუო სხვა კიდევე, გაადეს და შემოვიდეს, მუნ სასხდომი საკელმწიფო იგი ნახეს, რა მოვიდეს, და ზედ ეწერა ანდერეძი, თვალთა ცრემლი გადმოდრიდეს:

მე ქაშიბ მქვიან სახელად, დაშტანის შვილის შვილია, ვიუავი დიდი კელმწიფე, მემბრძოლი ავა ჩვილია, მუნ განვისუსწნე ამ სოფელს, რაც ხანი ხმელთა ვივლია, და მიმუხთელა მცრუმან სოფელმან, აწ კარი გლახ გამივლია.

მქონდა ქონება ვხედაუთ, ვერ ვისგან ანაზიდები^{*)}, ლაშქარი მახლდის, მტერი მუვის შაშისგან განარიდები, პირ-მთვარენი და პირ-მზენი წინა გვისხდეს ლამაზი დები, და უველასა ტანსა ემოსა ზარქაში განაზიდები.

ანაზდად კარზედ მოგვადგა სიკვდილი შეუპოველი, ლაშქრთა უბრძანეთ: მოიდეთ საჭურჭლე ჩემი უოველი.

По содержанию стихи эти представляют эпитафию, написанную на двухъ склепахъ. Въ первой изъ нихъ покойникъ рассказываетъ, что въ его городѣ началось страшное истребленіе, отъ котораго и трехъ стариковъ не уцѣлѣло; далѣе онъ говоритъ, что все его богатство теперь сосредоточено въ данномъ склепѣ, что онъ имѣлъ сто тысячъ хорошо вооруженнаго и храбраго синдокаго (?)

*) Въ текстѣ стоитъ ანაზიდუე.

войска, что въ своей жизни онъ справлялъ четыре тысячи свадебъ и теперь пришелъ къ такому концу, который ожидаетъ и читателей. Потомъ приводятся слова Моисея, что жизнь въ этой вселенной непрочна, и высказывается мнѣніе, что вѣчно живетъ только тотъ, кто принялъ вѣнецъ мученичества.

Затѣмъ посѣтителі, оплакивающіе суету вселенной, посѣтили другой склепъ, открывъ его, они увидѣли царскій тронъ со слѣдующею эпитафіею, заставившею ихъ пролить слезы:

„Меня зовутъ Кашибъ, я внукъ Даштана, я былъ великій царь и сильный воитель, но измѣнилъ мнѣ непостоянный міръ, и я здѣсь нашелъ покой отъ дѣлъ мірскихъ. Я имѣлъ несмѣтное богатство и войска, отъ которыхъ трепетали враги; сестры мои были раскрасавицы, лицомъ похожія на солнце и луну и всѣ были одѣты въ парчахъ вышитыхъ. Вдругъ стала у дверей смерть упрямая, и мы приказали войскамъ достать всѣ наши сокровища“ ... (тутъ стихи прерываются).

Отъ кинклоса, находящагося въ нашей рукописи, сохранились только три листа съ историческими записями, обнимающими періодъ времени отъ второй половины XV в. до начала XVIII вѣка. Судя по количеству цифръ, помѣщенныхъ на каждомъ листѣ, кинклосъ нашъ долженъ былъ заключать въ себѣ семь листовъ, но изъ нихъ до насъ дошли только листы второй, четвертый и пятый. Часословъ нашъ, какъ видно, долго употреблялся въ церкви, и поэтому онъ весь закопченъ и обильно покрытъ каплями отъ восковыхъ свѣчей. Рукопись была прислана мнѣ изъ Гуріи покойнымъ кн. Г. Д. Гуріели и передана мною въ „Библіотеку общества распространенія грамотности“. Рукопись, по всей вѣроятности, обязана своимъ происхожденіемъ Гуріи, а потому немудре-

но, что помѣщенные въ ней историческія записи главнымъ образомъ имѣютъ въ виду событія изъ гурійской исторіи. Въ одномъ мѣстѣ рукописи рукою текста сдѣлана запись:

ქრისტე შეწუაღე ცოფვილი ნიკოლოზ მადდელი.

„Боже, помилуй священника Николая“. Быть-можетъ, упомянутый Николай есть переписчикъ нашей рукописи. Рукопись, вѣроятно, переписана въ 1717 г. Такое заключеніе я вывожу изъ того обстоятельства, что въ нашемъ часословѣ приводится таблица съ подробнымъ указаніемъ, на какіе дни падаютъ подвижные праздники. Счетъ составленъ на 17 лѣтъ: онъ начинается съ 1717 г. и кончается 1734 г. Въ началѣ счета, между прочимъ, сказано: „Отъ Р. X.—1717 л., а отъ сотворенія міра до сего времени —7225 л.“ 7225-й годъ отъ сотворенія міра равняется по греческому счисленію 1717-му году послѣ Р. X. Если бы рукопись не была переписана въ 1717 г., то и таблица не начиналась бы этимъ годомъ, и не было бы употреблено выраженіе: „до сего времени“. Последняя историческая запись нашего кинклоса соотвѣтствуетъ 1702-му году, дальнѣйшіе листы, вѣроятно, тоже съ записями, пропали. Всѣ записи сдѣланы рукою текста и всѣ начинаются кинноварными заглавными буквами, кромѣ четырехъ. Одна запись противъ 150 короникона не имѣетъ историческаго значенія; она гласитъ: *კრუღამცა ანს ვინც შემიძაღოს* — „Да будетъ проклятъ, кто мнѣ помѣшаетъ“. Проклятіе, быть-можетъ, относится къ тѣмъ, которые захотятъ измѣнить хронологію записей или цифры кинклоса. Историческія записи нашего кинклоса имѣютъ немаловажное значеніе для исторіи Гуріи: хронологію нѣкоторыхъ событій изъ исторіи этого края мы впервые узнаемъ изъ этихъ записей, а свѣдѣнія, почерпаемыя нами изъ другихъ источниковъ, провѣряются и отчасти дополняются ими.

- სწჳ.** აქა კონსტანტინო- 132—1444. Въ этотъ годъ
ლი დაიჭირეს თა- турки завоевали Кон-
თართა. стантинополь ¹⁾.
- სწწ.** აქა შაჰთამაზ ჩადგა 244—1556. Въ этотъ годъ
ქართლს დასომხითს Шахъ-Тамазъ заѣлъ въ
და აღათხრა სრუ- Карталинია и Сомхити
ლიად ხევთამდის. и совершенно опусто-
шилъ страну до Хевы
(Арагвскаго ущелья ²⁾).
- სწჩ.** აქა გურიელი როს- 248—1560. Въ этотъ годъ
ტომ გარდაკდა, მი- умеръ Гуріели Ростомъ;
სი ძე გიორგი გუ- сынъ его Георгій одѣ-
რიელად დაჯდა. лался гуріелемъ ³⁾.
- სწც.** აქა სვამონ მეფე ქარ- 257—1569. Въ этотъ годъ
თელისა დაიჭირეს во время битвы турки
თათართა ომშიდ. взяли въ плѣнъ карта-
ლიнскаго царя Свимона ⁴⁾.
- სწძ.** აქა ლეონ დადიანი 259—1571. Въ этотъ годъ
ცხენმან მოკლა. лошадь убила Леона Да-
დიани ⁵⁾.
- სწწ.** აქა შისმაილი გარ- 266—1578. Въ этотъ годъ
დაოკვადლა. умеръ Шахъ-Исмаилъ ⁶⁾.

¹⁾ Объ этой ошибкѣ мы уже говорили по поводу такого же сообщенія предыдущаго князюса (см. выше, стр. 5 прим. 1).

²⁾ По свѣдѣніямъ Вахушта, Шахъ-Тамазъ въ первый разъ опустошилъ Грузію въ 1553 г., а во второй разъ въ 1556 г. (Hist. de la Géog. II, 1, p. 386). Стало-быть, тутъ имѣется въ виду второе опустошеніе. Последнее событіе Chr. géog. (p. 227) относитъ къ 1553 г.

Сомхитією называется грузинская Арменія, въ отличіе отъ Сомхетіи—настоящей Арменіи.

³⁾ Dates: въ 1564 г.

⁴⁾ Dates: то же самое.

⁵⁾ Dates: 1572 г.

⁶⁾ Suite: въ 1578 г., 23 ноября.

- Б0.** აქა ათაბაგს აწყუტრს 270—1582. Въ этотъ годъ
უღაღაბტის. გეგმარჯა, атабегу изменили въ Ап-
табани გაიტყია. куръ. Побѣдилъ. Турки
ბეжали ¹⁾.
- Б0.Ч.** აქა ახალციხე აშენეს 275—1587. Въ этотъ годъ
ურუმთა, აბამითგან турки построили Ахал-
(читай ადამითგან) წელთა შუდი ათას цихъ, въ дѣто отъ Ада-
ოთხმეოცდა ათ ოთხ- ма 7094. Какъ дальше
მეტია. ნახეთ ამას пойдетъ дѣло, увидите! ²⁾.
- Б0.Ч.** აქა გ'ნქა აშენეს. 276--1588. Въ этотъ годъ
პостроили Г'нку ³⁾.
- Б0.ტ.** აქა გურიელს მამიას 279—1591. Въ этотъ годъ
აფხაზზე გაემარჯა. Гურიели Мамія побѣдилъ
აბхазовъ ⁴⁾.
- БУ.Ч.** აქა დედოფალი ათაბა- 285—1597. Въ этотъ годъ
გის ქალი მოიყვანეს. привезли царицу, дочь
атабега ⁵⁾.

¹⁾ Dates: то же самое.

²⁾ Счетъ отъ сотворенія мира по греческому счисленію соотвѣтствуетъ 1586 г., каковой годъ подтверждается и турецкими источниками; слѣдовательно, въ счетѣ по коринѳскому допущена ошибка на одинъ годъ. Эта ошибка повторяется и въ Chr. géog. и въ Suite. Первоначальнымъ источникомъ этого извѣстія служитъ „Хроника Месхійскаго Псалтыря“, изданная мною на груз. языкѣ въ книгѣ „Три историческія хроникѣ“ (стр. 113).

³⁾ Трудно сказать, какое названіе подразумѣвается подъ группою Г'нка но если допустить натяжку и подразумѣвать გონია ქალაქი (Гоніа-калаки)—городъ Гонія, то мы должны замѣтить, что крѣпость въ Гоніа была основана турками еще раньше, а именно въ 1553 г. (Hist. de la Géog. II, 1, p. 257, 343); городъ могли построить и позже.

⁴⁾ Dates: то же самое.

⁵⁾ Въ 1597 г., по Вахушту, царь Ростовъ женился на Тинатнѣ, дочери атабега (см. Dates).

- Б5К.** აქა დიდი გურიელი 288—1600. Въ этотъ годъ
გიორგი მიოცვალა. умеръ Гуріели Георгій
Великій ¹⁾).
- Б48.** აქა სჰმეან დაიბადა 294—1606. Въ этотъ годъ
ბატონისშვილი. родился сынъ владѣтеля
Свимонъ ²⁾).
- Б4Ъ.** აქა დედოფალი თი- 297—1609. Въ этотъ годъ
ნათინ მიოცვალა. умерла царица Тинати-
აქ აშენეს ბაილეოს на ³⁾).
- საყდარი. Въ этотъ же годъ въ
Байлетѣ построили цер-
ковь ⁴⁾).
- Б4В.** აქ მამია გურიელმან 298—1610. Въ этотъ годъ
აჭარა დააჭირა. Гуріели Мамія завоевалъ
Адчару ⁵⁾).
- Б4Г.** აქა დადიანი მანუჩარ 299—1611. Въ этотъ годъ
ცხენმან მოკლა. лошадь убила Манучара
Дадіани ⁶⁾).
- Б.** აქა მანუჩარ ბატონის 300—1612. Въ этотъ годъ
შული მიოცვალა. умеръ сынъ владѣтеля
Манучаръ ⁷⁾).

¹⁾ Dates: то же самое.

²⁾ Тутъ рѣчь идетъ, вѣроятно, о сынѣ Гуріели Маміи Свимонѣ, рожденіе котораго Вахуштъ относитъ также къ 1606 г. (Dates).

³⁾ По Вахушту, Тинатина, жена царя Ростома, умерла въ 1610 г. (Dates).

⁴⁾ Байлети—село на берегу р. Супсы, въ Гуріи. Небольшая, но красивая, Байлетская церковь съ ея древностями описаны у Д. Бакрадзе въ его „Археолог. путешествіи по Гуріи и Адчарѣ“ (стр. 269—272); но вопросъ о времени постройки церкви оставался до сихъ поръ открытымъ.

⁵⁾ Dates: въ 1609 г.

⁶⁾ Dates: то же самое.

⁷⁾ Неизвѣстно, о какомъ Манучарѣ тутъ идетъ рѣчь. По Вахушту

РЧР. აქა ვახტანგ გურიელი მიიკვამლა. ქაიხოსროს გურიელად დაჯდა. 328—1640. Въ этотъ годъ умеръ Гуріели Вахтангъ. Гуріелемъ сдѣлался Кайхосро ¹⁾).

(Dates), умеръ въ 1614 г. атабегъ Манучаръ, но едва ли о немъ здѣсь говорится.

¹⁾ О Вахтангѣ Гуріели мы имѣемъ самыя противорѣчивыя известія. Историкъ Вахуштъ рассказываетъ, что Дадіани Мамія, прогнавъ Георгія II Гуріели въ Константинополь въ 1583 г., призвалъ Вахтанга, изъ Гуріельскаго рода, и сдѣлалъ его гуріелемъ. Послѣ смерти Вахтанга въ 1586 г. Георгій II снова овладѣлъ Гурією и умеръ въ 1600 г., оставивъ наслѣдникомъ сына своего Мамію. Послѣдній въ 1609 г. отнялъ у турокъ Адчару и правилъ до 1625 г.; а въ этомъ году Мамія былъ убитъ собственнымъ своимъ сыномъ Свиномомъ, и гуріелемъ сдѣлался сынъ Вахтанга Кайхосро. Приписка княгоса Шемокмедскаго гулани убійство Маміи относитъ къ 1627 г. Съ другой стороны, до насъ дошелъ актъ, подписанный самимъ Вахтангомъ, въ которомъ онъ рассказываетъ исторію постройки Зарамской церкви въ Шемокмедахъ въ 1572 г., и въ которомъ онъ признаетъ себя сыномъ Гуріели Георгія II и братомъ Гуріели Маміи. Относительно генеалогическихъ свѣдѣній Д. Баградзе, конечно, отдаетъ предпочтеніе свѣдѣніямъ акта, а чтобы оправдать хронологію, онъ дѣлаетъ предположеніе, что Вахтангъ управлялъ Гурією еще въ 1572 г., когда номинальнымъ владѣтелемъ считался Георгій II. Вахтангъ былъ женатъ на Тшарѣ, дочери атабега, которая послѣ смерти Вахтанга вышла замужъ за Манучара Дадіани въ 1592 г. Она вмѣстѣ съ сыномъ Кайхосро упоминается въ одной надписи въ Шемокмедахъ. Все эти свѣдѣнія никакъ нельзя согласить съ данными нашего княгоса, но не считаться съ нашею записью тоже нельзя, потому что она отчасти находитъ подтвержденіе въ русскихъ источникахъ того времени. Изъ русскихъ источниковъ намъ известно, что Леванъ II Дадіани отдалъ одну свою дочь на воспитаніе Гуріели Вахтангу, который жилъ около 1640 г. Нужно полагать, что Вахтангъ нашей записи и русскихъ источниковъ есть другой Вахтангъ, а не тотъ, о которомъ говоритъ историкъ Вахуштъ и актъ 1572 г. (Hist. de la Géor. II, 1, pp. 261, 264, 267, 268, 391, 651. Bull. hist.—philologique, t. III, p. 106, 107. Переписка грузинскихъ царей съ російскими государями, стр. LVII. Археолог. пут. по Гуріи и Адч. стр. 122, 129—133).

- ԲԿԻ.** Եթ Զուրաբանես Բեբլու-
տաբლი Երանաձեյ. 336—1648. Въ этотъ годъ
привезли царицу Хуарам-
зе ¹⁾.
- ԲԿ.** Եթ Դանոբաձ Բաբու-
նիսՅզլու Գուրգու. 340—1652. Въ этотъ годъ
родился сынъ владѣтеля
Георгій ²⁾.
- ԲԿԻ.** Եթ Զուրաբանես Բեբլու-
տաբლი Թамарու. 355—1667. Въ этотъ годъ
привезли царицу Тама-
ру ³⁾.
- ԲԿԿ.** Եթ Դանոբաձ Բաբու-
նիսՅզլու Խաչатур-
ու. 358—1670. Въ этотъ годъ
родился сынъ владѣтеля
Кайхосро ⁴⁾.
- ԲՕԿ.** Եթ Բուրգետս Յեյոբե,
Գուրգու Գურიелու
Մուկուլես, Մոսի Յզլու
Խաչатурու Դաճաձ. 375—1687. Въ этотъ годъ
была битва въ Рокетѣ.
Георгія Гуріели убили.
Гуріелемъ сдѣлался сынъ
его Кайхосро ⁵⁾.

¹⁾ Хварамзе—жена вышеупомянутого Гуріели Кайхосро I († 1658),
урожденная Гошадае. Ее упоминаетъ земохетская надпись въ Гурин и
актъ ея сына Гуріели Георгія III (Арх. пут. по Гурин и Адчарѣ, стр.
231, 232, 292, 293, 336). Когда она вышла замужъ, по другимъ
источникамъ неизвѣстно.

²⁾ Рѣчь идетъ о Гуріели Георгія III, сынѣ Кайхосро и Хуарам-
зе. Годъ его рожденія по другимъ источникамъ неизвѣстенъ, смерть же
относятъ въ 1684 г. (Н. Г. II, 1, р. 651. Ар. пут. по Гур. и Адч.,
стр. 292—293, 336).

³⁾ Рѣчь идетъ о жевѣ Гуріели Георгія III, Тамарѣ, урожденной
Чиджавадзе. Когда она вышла замужъ, по другимъ источникамъ не-
извѣстно.

⁴⁾ Этотъ Кайхосро—сынъ Гуріели Георгія III († 1689); годъ
его рожденія по другимъ источникамъ неизвѣстенъ.

⁵⁾ По Вахушту, битва въ Рокетѣ была въ 1684 г. Георгій Гу-
ріели былъ убитъ, и братъ его Малакія сдѣлался гуріелемъ, а послѣ
ухода послѣдняго въ Ахалцихъ въ 1685 г. гуріелемъ сдѣлался Кайхо-

- ჲოჲ. აქა მამია გურთიელი 378—1690. Въ этотъ годъ
დაჯდა ბატონად. владѣтелемъ одѣлался
Гуріели Мамія ¹ .
- ჲოჲ. აქა მოიყვანეს დე- 379—1691. Въ этотъ годъ
დოჟელი ელენე აბა- привезли паричу Еле-
შიძის ქადი. ну, урожденную Абашидзе ²)
- ჲუჲ. ამა ქორთიკონსა 385—1697. Въ этотъ годъ
(მიოცვალა) ათანასე (умеръ?) Атанасе Нико-
ნიკողოზის შვიდი. лозишвили (сынъ Нико-
лая) ³).
- ჲჲ. აქა ბატონისშვიდი 390—1702. Въ этотъ годъ
გიორგი დაიბადა. родилося сынъ владѣтеля
Георгій ⁴).

III.

Нижеслѣдующій хронологическій перечень фактовъ или, какъ онъ заглавленъ, „Описаніе событій“ хранится теперь въ Тифлисѣ въ „Библіотекѣ общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія“, № 2515 *).

სო (Hist. G. II, 1, p. 398). Въ актахъ Гуріа, наѣстныхъ у Баградзе, Малакія не упоминается (Арх. пут. по Гур. и Адч., стр. 336).

¹) По Вахушту, въ 1689 г. турки убили Гуріели Байхосро и гуріелемъ сдѣлали Малакію, а потомъ Мамію († 1717), сына Георгія. Этогъ Мамія третій подъ симъ именьемъ. (H. G. II, 1, 398).

²) Елена Абашидзе была жена вышеупомянутаго Гуріели Мамія III. Годъ этого брака по другимъ источникамъ неизвѣстенъ.

³) Слово „умеръ“ въ текстѣ не разбирается, и мы его вводимъ по догадкѣ, не ручаясь за вѣрность. Кто этотъ Атанасе, неизвѣстно.

⁴) Рѣчь идетъ о Гуріели Георгіи IV, сынѣ Мамія III. Годъ его рожденія по другимъ источникамъ неизвѣстенъ. Умеръ онъ въ 1726 г. (Ар. пут. по Гур. и Адч., стр. 336).

*) Рукопись была передана мнѣ священникомъ В. Карбеловымъ, которому и приношу искреннюю свою благодарность.

Текстъ писанъ на синей бумагѣ довольно красивыми, но не особенно крупными гражданскими буквами грузинскаго алфавита—„мхедрули“—и черными чернилами. Письмо „мхедрули“ здѣсь не представляетъ скорописи, а имѣетъ характеръ кругловатый. Въ рукописи, въ формѣ тетради *in folio*, всего 8 страницъ, которыя обозначены арабскими цифрами. По краямъ каждой страницы по двѣ вертикальныя клѣтки, соединенныя между собою сверху и снизу двумя горизонтальными линиями. Въ первой лѣвой клѣткѣ выставлены гражданскими буквами годы отъ Р. Х., а во второй—по короникону. Противъ корониковъ приведены записи. Противоположныя клѣтки пустуютъ, только на первой страницѣ въ одной изъ нихъ обозначены позднѣйшею рукою и арабскими цифрами соответствующіе грузинскимъ корониконамъ годы отъ Р. Х. На каждой страницѣ внизу подъ горизонтальными линиями указано слово, которое начинается слѣдующую страницу. Последняго явленія не замѣчается только на послѣдней страницѣ, и, судя по этому, рукопись не дефектна, хотя въ концѣ текста мы не видимъ корониса, или знака конца.

По содержанію наша рукопись представляетъ хронологическій перечень фактовъ отъ 1659 по 1791-ый годъ, но всѣ эти факты касаются преимущественно Восточной Грузіи, т. е. Карталиніи и Кахетіи, а также Ширвана, Азербейджана и Персіи, и ни одного событія не упоминается изъ исторіи Западной Грузіи, или Имеретіи, Мингрелии и Гуріи. Это обстоятельство не оставляетъ сомнѣнія, что первоначальные источники, изъ которыхъ составленъ сводъ въ нашей рукописи, обязаны своимъ происхожденіемъ Восточной Грузіи. Всего вѣроятно, что записи наши велись въ г. Тифлисъ, что можно заключить по нѣкоторымъ подробнымъ свѣдѣніямъ изъ

жизни г. Тифлиса, а также по выраженіямъ и оборотамъ, наблюдаемымъ въ нѣкоторыхъ записяхъ. Если бы авторъ или, скорѣе, авторы записей не жили въ Тифлисѣ, то мы вмѣсто выраженій — შემოვიდა ტფილისს (шемовида Тбилиссъ) — შემობდა ტფილისს (шемобданда Тбилиссъ), მოადგა ტფილისს (моадга Тбилиссъ) и т. д., означающихъ въ буквальномъ переводѣ — „пришелъ къ намъ въ Тифлисъ, подступилъ къ намъ къ Тифлису“ и т. д. (мы, конечно, подобныя фразы переводили не буквально), — имѣли бы по свойству грузинскаго языка — შვიდა ტფილისს (шевида Тбилиссъ), შებდა ტფილისს (шебданда Тбилиссъ), მოადგა ტფილისს (миадга Тбилиссъ) и т. д. Мѣстоименныя инфиксы первыхъ выраженій показываютъ, что говорящее лицо находится тамъ, куда вступаютъ, или къ чему подступаютъ. Отсутствіе этихъ инфиксовъ во вторыхъ выраженіяхъ, наоборотъ, обозначаютъ, что говорящее лицо находится въ сторонѣ отъ предмета, къ которому направляется дѣйствіе.

Авторами большинства записей, вошедшихъ въ нашу рукопись, вѣроятно, были армяне. Этимъ и можно объяснить довольно частыя извѣстія о смерти тифлискихъ меликовъ, которые, какъ извѣстно, были изъ армянъ и имѣли большое значеніе для армянскаго населенія г. Тифлиса. Для тифлискихъ армянъ смерть мелика была событіемъ немаловажнымъ; поэтому неудивительно, что кончину ихъ они считали нужнымъ передать памяти. Объ одномъ изъ нихъ, меликѣ Зурабѣ и его сынѣ Автандилѣ, авторъ записи не безъ состраданія замѣчаетъ, что они *безъ вины* были умерщвлены палочными ударами. Для грузинъ, наоборотъ, мелики не имѣли такого значенія, и поэтому въ грузинскихъ хроникахъ нѣтъ упоминанія объ ихъ смерти, хотя о событіяхъ XVII и XVIII вѣковъ грузинскіе историки даютъ болѣе или ме-

нѣе подробныя свѣдѣнія. По упомянутой причинѣ, извѣстія нашихъ записей о смерти меликовъ мы не могли провѣрить другими свѣдѣніями. Иногда нѣкоторыя записи не оправдываютъ поступка грузинскихъ царей, какъ на примѣръ, плѣненія хановъ въ 1751 г., тогда какъ у грузинскихъ авторовъ выставляется на видъ измѣна, затѣянная ханами, и тѣмъ оправдывается дѣйствіе царей. Это тоже отчасти можетъ служить признакомъ того, что авторъ записи не грузинъ. Еще болѣе нагляднымъ доказательствомъ того, что нѣкоторыя записи, вошедшія въ нашу рукопись, принадлежать армянамъ, служатъ армянскія слова и названія, встрѣчающіяся въ текстѣ записей. Такъ, духовное лицо католиковъ названо въ записи 1718 г. армянскимъ словомъ „окевартеръ“. Въ другомъ мѣстѣ подь 1742 г. упоминается о страшномъ землетрясеніи и указывается, что это случилось 24-го іюля, въ день субботній „Вартеура“. „Вартеуръ“ равняется армянскому слову „Вардаваръ“—Преображеніе. Нечего говорить, что, если бы эти записи принадлежали грузину, то мы не встрѣтили бы подобныхъ выраженій въ текстѣ.

Видимо, событія въ первоначальныхъ источникахъ, какъ и обыкновенно бываетъ, были описаны по короникону, и тотъ, кто сдѣлалъ имъ сводъ въ нашей рукописи, прибавилъ къ нимъ годы отъ Р. Х. Это можно видѣть изъ того, что, начиная отъ 1755 года, мы въ нашей рукописи имѣемъ только корониконы, и нѣтъ уже соотвѣтствующихъ годовъ отъ Р. Х. Подъ конецъ сводчику какъ бы надоѣло это вычисленіе, и онъ его бросилъ. Кромѣ того, въ этихъ вычисленіяхъ мы замѣчаемъ ошибку, и ошибка эта, разъ допущенная, систематически проводится до конца. Дѣло въ томъ, что, начиная съ 1724 г., годы отъ Р. Х. не соотвѣтствуютъ годамъ, указываемымъ корониконами. Разница на десять лѣтъ, и

она продолжается до конца. Такая систематичность едва ли могла быть въ первоначальныхъ записяхъ, писанныхъ въ разное время и, по всему вѣроятію, разными лицами. Что годы по короникону вѣрны, это явствуетъ изъ того, что они большею частью всегда оправдываются другими источниками. Поэтому въ переводѣ мы выставляемъ годы отъ Р. Х., соответствующіе годамъ корониконовъ. Такое же исправленіе мы дѣлаемъ и въ грузинскомъ текстѣ ¹⁾).

Кѣмъ и когда переписана наша рукопись, неизвѣстно, но, судя по матеріалу и характеру письма, она должна принадлежать къ первымъ годамъ текущаго столѣтія.

По достоинству наше „Описаніе событій“ служить прекраснымъ матеріаломъ для проверки и дополненія нѣкоторыхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ грузинскими историками Вахуштомъ, Сехніею Чхеидзе, Папуною Орбелиани, Оманомъ Мдивани, царевичемъ Давидомъ и другими, а также историковъ, писавшихъ о Персіи XVII и XVIII вв., какъ напримѣръ, Малькольма, Ганвея, Крузинскаго и другихъ. Трудовъ послѣднихъ, кромѣ Малькольма, къ сожалѣнію, мы не имѣли въ рукахъ и упоминаемъ объ нихъ постольку, поскольку ихъ свѣдѣнія вошли въ примѣчанія Броссе въ его *Histoire Moderne de la Géorgie*. Чѣмъ особенно интересенъ нашъ источникъ, такъ это тѣмъ, что онъ часто указываетъ числа мѣсяцевъ, которыхъ зачастую мы не находимъ въ другихъ источникахъ. Кромѣ того, нѣ-

¹⁾ Кромѣ того, въ грузинскомъ текстѣ мы не сохраняемъ, какъ и въ предыдущихъ текстахъ, знаковъ прерыванія оригинала и выбрасываемъ букву *ჟ*, которая за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, обыкновенно всегда повторяется передъ каждою записью, послѣ корониконовъ, и которая составляетъ начальную букву слова *ჟესოც* — „Христосъ“. Знаками прерыванія служатъ въ нашемъ оригиналѣ двѣ точки, точка, а иногда и запятая. Сокращенныя слова рукописнаго текста, что, впрочемъ, весьма рѣдко допускается въ нашей рукописи, мы приводимъ въ полной формѣ.

которые факты въ нашей рукописи имѣютъ иное освѣщеніе, чѣмъ какое мы привыкли видѣть въ извѣстныхъ до сихъ поръ источникахъ. По достовѣрности сообщаемыхъ фактовъ относительно нашего перечня можно одѣлать такое общее замѣчаніе: чѣмъ ближе событія къ Восточной Грузіи, тѣмъ хронологія ихъ точнѣе, чѣмъ дальше, тѣмъ чаще встрѣчаются неточности относительно мѣста и времени.

აღწერა ჩო-მელთაჲ
შესდომილთა საქმეთა
ქრისტეს აქეთით და ქარ-
თულის ქორონიკონით
და თჳს ჩიციხუთ.

Описание нѣкоторыхъ
событій отъ Рождества
Христова и по грузин-
скому короникону, съ
указаніемъ числа мѣ-
сяца.

ჩვენი — 688. როსტომ მეფე
მოიკურა, გორგობის
იწ.

1658—346. Царь Ростомъ
умеръ, ноября 17-го ¹⁾).

ჩვენი — 690. შაჰნავაზ გამეფ-
და, იანვარს ა.

1659—347. Шахъ-Навазъ
воцарился, января
1-го ²⁾).

¹⁾ Chronique géorgienne (р. 298) и грузинскій историкъ Сех-
нია Чхедзе относятъ смерть карталинскаго царя Ростома къ 1659 году;
но числа мѣсяца не указываютъ. По Вахушту, Ростомъ умеръ въ 1658
г. (Н. Г. II, 1, pp. 74, 395; II, 2, pp. 5, 8).

²⁾ Вахуштъ воцареніе Вахтага V, или Шахъ-Наваза I, относятъ
къ тому же 1658 г., въ которомъ умеръ, по его сообщенію, царь
Ростомъ (ibid.), но Chr. géog. (р. 298—299) сообщаетъ, что сардаръ
Папуна Цицишвили, посланный немедленно послѣ смерти Ростома
курьеромъ въ Персію, вернулся назадъ къ Новому году съ гра-
мотою шаха, кою шахъ назначалъ царемъ Карталіи Шахъ-Наваза I.
Судя по всему сказанному, Ростомъ умеръ 17-го ноября 1658 г., а

- 1662—350. Ходжа-Меликъ-Бебуда умерь, іюля 7-го.
- 1684—372. Случилось большое выселение (хизноба), августа 6-го ¹⁾).
- 1698—386. Ходжа - Зада умерь, марта 6-го.
- 1712—400. Царь Вахтангъ поѣхалъ изъ Тифлиса въ Испагань, мая 1-го ²⁾).
- 1714—402. Али-Кули-Ханъ былъ назначенъ Тифлискимъ ханомъ и пріѣхалъ, октября 31-го ³⁾).
- 1718—406. Шахъ-Навазъ, объявленный царемъ, пріѣхалъ изъ Имеретіи въ г. Тифлисъ ⁴⁾).
- 1718—406. Сурхавъ опу-
- 1662—350. Ходжа-Меликъ-Бебуда умерь, іюля 7-го.
- 1684—372. Случилось большое выселение (хизноба), августа 6-го ¹⁾).
- 1698—386. Ходжа - Зада умерь, марта 6-го.
- 1712—400. Царь Вахтангъ поѣхалъ изъ Тифлиса въ Испагань, мая 1-го ²⁾).
- 1714—402. Али-Кули-Ханъ былъ назначенъ Тифлискимъ ханомъ и пріѣхалъ, октября 31-го ³⁾).
- 1718—406. Шахъ-Навазъ, объявленный царемъ, пріѣхалъ изъ Имеретіи въ г. Тифлисъ ⁴⁾).
- 1718—406. Сурхавъ опу-

Шахъ-Навазъ воцарился послѣ полученія грамоты шаха, 1-го января 1659 г.

¹⁾ ხიზნობა (хизноба) означаетъ выселение жителей съ цѣлью скрыться отъ непріятелей или отъ заразной болѣзни.

²⁾ Вахуштъ указываетъ 23-ье апрѣля этого же года (Dates), а Сехиѳа Чхеидзе 22-ое апрѣля того же года (Н. Г. II, 2, р. 31).

³⁾ Али-Кули-Ханъ, или Иесе, братъ царя Вахтанга VI, былъ назначенъ въ 1714 г. царемъ Карталинѳи. По Вахушту, онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ изъ Персіи въ сентябрѣ 1714 г. (Н. Г. II, 1, pp. 111, 400; II, 2, р. 32).

⁴⁾ Вахуштъ пріѣзды Шахъ-Наваза, или Вахтанга VI, въ Тифлисъ относитъ къ августу 1719 г. (Dates).

- ნისები წაახდინა, მოკლ-
ლაქენი მრავალნი მოს-
წყუდნა, მკათათჳს იე,
დღესა სამშაბათსა.
- ჩლიპ—შშ. პატრების საყდა
რი დააქციეს, და ოქე-
ვარტერი ტფილისის ქა-
ლაქს ჰბრძანდებოდა,
ღვინობისთვეში.
- ჩლიპ—შთ. თავრიზის რო-
მელიმე ადგილი ჩა-
ძვრა საშინელის ძრვი-
საგან, აპრილის ივ.
- ჩლიპ—შთ. მირვეიზის შვლი
მაჰმუდ მოვიდა, ისპანნი
დაიჭირნა, აპრილის ივ.
- 1718—406. Разрушили цер-
ковь патеровъ; оке-
варъ-теръ ²⁾ нахо-
дился въ городѣ Ти-
флисѣ, въ мѣсяцѣ октя-
брѣ.
- 1721—409. Нѣкоторыя мѣ-
ста Тавриза провали-
лись отъ страшнаго
землетрясенія, апрѣ-
ля 16-го.
- 1721—409. Пришелъ Мах-
мудъ, сынъ Мирвейса,
заявъ Испагань, апрѣ-
ля 16-го ³⁾.

¹⁾ *Болнисеби* есть множественное число отъ Болниса. Этимъ ав-
торъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что были опустошены всѣ деревни и не-
большой городъ Болнисскаго ущелья. Эта фраза въ такой же формѣ встрѣ-
чается и у Вахушта, который относитъ все это къ 1717 г. (Dates).

²⁾ „Океваръ-теръ“—выраженіе армянское. Дословно—„духовный
владыка“. Старинная его форма: „ногеворъ-теръ“; теперь говорить—„оке-
воръ-теръ“. Разъясненіемъ этого и нѣкоторыхъ другихъ словъ изъ вос-
точныхъ языковъ я обязанъ профессору Н. Марру.

³⁾ Сехніа Чхеидзе указываетъ 10-ое октября 1722 г. (Н. Г. II,
2, р. 37). По Вахушту, Махмудъ подступилъ къ Испагани въ мартѣ
1722 г. (Н. Г. II, р. 82, грузинскій текстъ. Дата эта въ переводѣ
Броссе пропущена, см. Н. Г. II, 1, р. 116. Dates Вахушта указы-
ваютъ апрѣль (?) 1722 г.). Афганцы подступили къ Испагани черезъ три
дня послѣ битвы при деревнѣ Гульнабадъ 8 марта (нов. стilia) 1722 г.
и заняли городъ, послѣ изъявленія покорности шаха, 12 октября того же

- 1721—409. Сурхавъ съ лезгинскимъ войскомъ и Аджи-Даутъ заняли Шемаху, августа 9-го ¹⁾.
- 1722—410. Царь Вахтангъ отправился съ войскомъ изъ Тифлиса въ Ганджу, сентября 15-го ²⁾.
- 1722—410. Царь Вахтангъ пріѣхалъ изъ Ганджи въ Тифлисъ, ноября 10-го ³⁾.
- 1723—411. Махмадъ-Кули-Ханъ, или Константинъ, подступилъ къ городу Тифлису. Крѣпостныя ворота заперли, января 29-го ⁴⁾.
- 1723—411. Махмадъ-Кули-Хана прогнали отъ Сеидъ-Абата, апрѣля 12-го ⁵⁾.
- 1721—409. შურხავს სურხავ-მას ლეგის ჯარით და ჭაჭი დაუთმა დაიჭირეს, მარიამობის თ.
- 1722—410. ტფილისის ქალაქიდან მეფე ვახტანგ ლაშქრით განჯას წაბძანდა, ენკენისთვის ი.
- 1722—410. მეფე ვახტანგ განჯიდან ქალაქს ტფილისს შემობძანდა, გიორგობის ი.
- 1723—411. მაჰმად ეულიხან, რომელი არს კოსტანტინე, ქალაქს ტფილისს მოადგა, და ციხის კარები დაკლიტეს, იანვარს კო.
- 1723—411. მხამად ეულიხან სეიდაბათიდან გააქციეს, აპრილის იბ.

года (Н. Г. II, 2, р. 37, п. 2. Паткановъ. Дневникъ осады Испагани мѣсяцами. Прилож. къ XVII тому Зап. Им. Ак. Наукъ, № 3, стр. 5—17. Бутковъ. Матеріалы для Нов. Ист. Кавказа, ч. 3-ья, стр. 10).

¹⁾ Этотъ годъ указывается и Бутковымъ (ibid. стр. 9). Въ другихъ источникахъ мы имѣемъ 15-ое августа 1721 г. (Н. Г. II, 2, р. 34, п. 3).

²⁾ По Вахушту, въ сентябрѣ 1722 г. царь Вахтангъ второй разъ поѣхалъ въ Ганджу (въ первый разъ онъ ѣздилъ въ маѣ этого же года). Dates.

³⁾ Вахуштъ не указываетъ, когда пріѣхалъ Вахтангъ изъ Ганджи, но сообщаетъ, что царь оставался тамъ три мѣсяца (Н. Г. II, 1, р. 118).

⁴⁾ Вахуштъ (Dates) и Сехніи Чхеидзе указываютъ тоже январь мѣсяцъ этого же года (Н. Г. II, 2, р. 37—38).

⁵⁾ Вахуштъ относитъ пораженіе Махмадъ-Кули-Хана при Табор-

1723—30. ურუმის ჯარი ტფილისს ქალაქს შემოვიდა, თიბათვის ი.

1724—30. მეფე ვახტანგ და მისი შვილი ბაქარ და დედოფალი რუსუდანი, ტფილისიდან წარვიდნენ მოსკოვს, რუსეთის გემდღწიფესთან, თიბათვის კ.

1724—30. რუსეთის კედმწიფე პეტრე ალექსის ძე მიიჯჳბა და მისი მეუღლე ეკატერინა გაკედმწიფება, ფებერვლის ივ.

1724¹⁾—30. თამაზ-ხან მოვიდა, შამახის დიჭირა, ჯარიბა გამოართო, წავიდა ურუმის, სურხავის ქიქსიანა მთარბივა, გა-

1723—41. Турецкое войско вступило въ городъ Тифлисъ, іюня 10-го¹⁾.

1724²⁾—41. Царь Вахтангъ, его сынъ Бакаръ и царица Русадана выехали изъ Тифлиса въ Москву къ русскому государю, іюня 20-го³⁾.

1724—42. Русский государь Петръ Алексѣевичъ умеръ, и его супруга Екатерина вступила на престоль, февраля 16-го⁴⁾.

1734¹⁾—42. Тамазъ-Ханъ, придя, занялъ Шемаху, взыскалъ штрафъ, отправился въ Кумухъ, опустошилъ страну Сур-

ской горѣ въ 16-му апрѣля этого же года (Dates). См. также у Сехиѣ Чхендзе (Н. Г. II, 2, p. 38).

¹⁾ Въ этомъ же году, въ іюнь мѣсяцѣ, Вахуштъ указываетъ приходъ турокъ. По Ганвею, 12-го іюня турки уже находились подъ стѣнами Тифлиса (Н. Г. II, 1, p. 123, п. 1).

²⁾ По Вахушту, Вахтангъ VI выѣхалъ въ Россію 15-го іюля 1724 г. (Dates). Но Вахтангъ поѣхалъ въ Россію изъ Имеретіи черезъ Рачу, поэтому изъ Тифлиса онъ долженъ былъ выѣхать раньше.

³⁾ Корониконъ этой даты указываетъ не 1724, а 1734 годъ. Чтобы согласовать его съ годомъ отъ Р. X., слѣдовало поставить годъ—412, но въ обоихъ случаяхъ дата невѣрна, потому что Петръ Великій умеръ, какъ извѣстно, 28 января 1725 г.

⁴⁾ Начиная отсюда, въ оригиналѣ годы отъ Р. X. на 10 лѣтъ отступаютъ отъ годовъ короникововъ.

მობრუნდა და განჯას
გარ-მოადგა, ფვინობის-
თვის ი.

ჩლო — უპბ. ტფილისის მე-
ფიქი აშნარ-ბეგ ისაყ ფა-
შამ ჩამოაწრა, ენგენის-
თვის ი.

ჩლო — უპმ. ქაღაქიდაძე ოს-
მალი გავიდა და ხანჯაღ-
ხანი შემოვიდა, მართამო-
ბისთვის.

ჩლო — უპმ. თამაზ-ხან მო-
ვიდა ტფილისს ქაღაქს,
კ დღე დადგა, წაბანდა
ჭარზედ, შემდეგობად
შამახოს და დაფისტანს,
ფვინობისთვის.

ჩლო⁴⁾ — უპდ. თამაზ-ხან წაბ-
ბანდა მუღამში და იქ

ხავა ი, вернувшись,
окружилъ Ганджу, ок-
тября 10-го ¹⁾.

1734—422. Исакъ - Паша
повѣсилъ тифлисскаго
мелика Апхаръ-Бека,
сентября 10-го.

1737—425. Осмалы (турки)
ушли изъ Тифлиса, и
вступилъ туда Хан-
джалъ-Ханъ, въ мѣсяцѣ
августѣ ²⁾.

1737—425. Тамазъ-Ханъ
пришелъ въ городъ Ти-
флисъ, остался 20 дней,
отправился на Дчаръ,
затѣмъ — на Шемаху и
Дагестанъ, въ мѣсяцѣ
октябрѣ ³⁾.

1736⁴⁾—424. Тамазъ-Ханъ
отправился въ Мугань

¹⁾ Сехнiя Чхендзе указываетъ эти событiя въ этомъ же году, при чемъ осаду Ганджи Тамазъ-Ханомъ относитъ тоже къ октябрю мѣсяцу, но числа не указываетъ (Н. Г. II, 2, р. 47). Этотъ же годъ указанъ и у Вахушта (Dates).

²⁾ Вахуштъ указываетъ 1734 г. (Н. Г. II, 1, р. 130 и Dates).

³⁾ Вахуштъ и Сехнiя Чхендзе указываютъ 1735 г. По словамъ послѣдняго, Шахъ-Тамазъ вступилъ въ Тифлисъ 6 октября 1735 г. и выѣхалъ изъ него 25-го числа того же мѣсяца (Н. Г. II, 1, р. 130; II, 2, р. 49—50). То обстоятельство, что за послѣдними двумя фактами слѣдуютъ факты 424 короникона или 1736 г. и такимъ образомъ нарушается хронологическая послѣдовательность — показываетъ, что тутъ, вмѣсто 423 (უკ) короникона, ошибочно выставленъ 425 (უკ).

⁴⁾ Въ оригиналѣ по ошибкѣ написано 1733—1826.

იქმნა ერანის კელმწიფედ, დაიდგა თავსა გვრგვანი და დაირგო საკელმწიფოთა ჯილა, მარტის იბ.

ჩლოვ — 304. შამახია აჭყარეს, ახსუს ციხეში ჩამოასხეს ქალაქის ქოჩი, მარტის ე.

ჩლოვ — 303⁴⁾. სპასალარი იბრეიმ ხან, ნ(ა)დირმის ძმა, წავიდა ტარზედ, ჰადრიბეყანის ლაშქრით და დაპარცხდა, ზემო სანგარში იყო, დვინობის-თვის იტ.

и тамъ одѣлался иранскимъ государемъ: надѣлъ на голову корону съ государственнымъ перомъ (султаномъ), марта 12-го ¹⁾.

1736—424. Выселили шемахійцевъ, городскихъ жителей (кочи) ²⁾ загнали въ крѣпость Ахоу, марта 5-го ³⁾.

1738—426⁴⁾. Спасаларъ Ибраимъ - Ханъ, братъ НаDIRь-Шаха, отправился на Дчаръ съ азербейджанскимъ войскомъ и потерпѣлъ поражение; онъ былъ въ

¹⁾ Сехнiя Чхеидзе и Вахуштъ указываютъ этотъ же годъ, только число мѣсяца у послѣдняго не 12-ое марта, а 9-ое. Гавней указываетъ 11-ое марта (Н. Г. II, 1, р. 132, п 1; р. 404; II, 2, р. 50). По другимъ свѣдѣнiямъ, НаDIRь былъ объявленъ шахомъ Ирана 5-го февраля 1736 г. и короновался 26-го числа того же мѣсяца. (См. Бишмишевъ. Походы НаDIRь-Шаха. Тифлисъ. 1889 г., стр. 101—102).

²⁾ „Кочи“ слово персидское; въ словарь Чубанова переводится какъ „кочевой“, „кочующий народъ“, но означаетъ еще: 1) передвиженiе лагеря, переселенiе, выселенiе куда-либо; 2) жена, дѣти, домохозяйцы, семья; 3) жители; 4) помощь, служба. Это слово въ нашемъ источникѣ встрѣчается нѣсколько разъ.

³⁾ Сехнiя Чхеидзе указываетъ этотъ же годъ (Н. Г. II, 2, р. 53), но Вахуштъ относитъ все это къ 1739 г. (Dates). См. также Буткова Мат. для Нов. Ист. Кавк. I, стр. 210, III, стр. 66. Гдѣ собственно Ибраимъ потерпѣлъ поражение и былъ убитъ, источники не даютъ опредѣленнаго указанiя (Н. Г. II, 1, р. 133, п. 2).

⁴⁾ Въ рукописи 303—425.

Верхнемъ окопѣ, октяб-
бря 18-го.

- 1739—427.** Сынь Надиръ-
Шаха *убилъ* сына
Шахъ-Тамаза и совер-
шенно уничтожилъ его
фамилію и родственни-
ковъ, мая 1-го ¹⁾).
- 1739—427.** Шахъ-Надиръ
занялъ Кандагаръ съ
крѣпостью ²⁾).
- 1739—427.** Шахъ-Надиръ
отправился на Индію.
Произошло большое
сраженіе, и, побѣдивъ
оружіемъ, Шахъ-На-
диръ занялъ Шайджа-
набатъ ³⁾).
- 1740—428.** Шахъ-Надиръ
отправился на Бухару,
одержалъ большую по-
бѣду и взялъ лазуре-
- 1739—427.** შაჰნადირის
შვიდმან შაჰთამაზის შვი-
ლი და მისი გუბარნი და
ნათესავნი სრულიად
ამოსწყუტა, მაისს ა.
- 1739—427.** შაჰნადირმან
ყანდაგარი დაიჭირა ცი-
ხითურთ.
- 1739—427.** შაჰნადირ წაბ-
ძანდა აინდოეთზედ (sic).
იქმნა დიდი ბრძოლა, და
მძლეველმან კმლითა
შაიჯანაბათი დაიპურა.
- 1740—428.** შაჰნადირ წაბძან-
და ბუხარაზედ, ჰსძლო
ძლიერად და ღანგ-
თემურის საფლავის ქვა

¹⁾ Вахуштъ указываетъ этотъ же годъ (Dates).

²⁾ Сехніа Чхендзе указываетъ 4-ое марта 1738 г., и съ этимъ согласны и другіе источники (Н. Г. II, р. 53, п. 2). Окончательно персы овладѣли Кандагаромъ 16-го марта 1738 г. (Походы Надиръ-Шаха, стр. 144).

³⁾ Сехніа Чхендзе и другіе источники указываютъ этотъ же годъ (Н. Г. II, 2, р. 54, п. 2). 19-го марта Надиръ торжественно выѣхалъ въ г. Дели, или Шайджанабатъ, по другимъ—Шахджанабадъ (Походы Надиръ-Шаха, стр. 200. Мат. для Нов. Ист. Кавк., т. I, 209, III, 66—67).

ღაჯუბარდი წამოიღო,
მკათათვის ა.

1428 — 1430. სურხავის შვილი
აღსუს ციხეზედ მოვიდა
და მოასარა უყო, გაბო-
ვიდნენ ავაღაჯში უი-
ზილ-ბაშნი. იქმნა ბრძო-
ლა, და უიზილბაშთ ფე-
კის ჯარი სრულიად
მოსრეს, დვინობისთვის
ი.

1430 — 1431. მაჰმადირმან ბუ-
ხარა დაიპყრა და სამარ-
ყანდამდის ჯარი გაუ-
სია, და ღანგთემურის
საფლავის ქვა მახმად
ხან ახალი ხან სარდარს
გამოატანა და თურქ-
მანის ღაშქარიც ოცი
ათასი თან აახლო ამ
ქაში.

вый надгробный камень
Лангъ-Темура (Тамер-
лана), июля 1-го ¹⁾.

1740 — 1742. Сынъ Сурхава
подошелъ къ крѣпости
Ахсу и окружилъ ²⁾ ее.
Кизилбаши (персы)
пришли въ Агагаджъ.
Произошло сраженіе,
и кизилбаши совершен-
но уничтожили левгин-
ское войско, октября
10-го.

1741 — 1742. Шахъ-Надиръ
занялъ Бухару, напу-
стилъ войска до Самар-
канда и выслалъ до-
мой надгробный камень
Лангъ-Темура черезъ
сардаря Махмადъ-Ханъ-
Ахали-Хана. въ то же
время давъ ему въ со-
провожденіе 20,000
туркменскаго войска ³⁾.

¹⁾ Походъ на Бухару дѣйствительно относится къ этому же году.
23-го августа Надиръ расположился лагеремъ въ 20-ти верстахъ отъ
Бухары, эмиръ которой немедленно изъявилъ покорность (Походы На-
диръ-Шаха, стр. 212. Матеріалы для Нов. Ист. Кавк. I, 208; III, 68).

²⁾ მოასარა უყო (моасара уко—сдѣлалъ осаду). „Моасара“, или
„моһасара“, слово арабскаго корня, вошедшее въ персидскій и турецкій
языки и означающее осаду. Этого слова въ грузинскихъ лексиконахъ нѣтъ.

³⁾ Объ этомъ событiи уже упомянуто въ предыдущемъ примѣчи-
нiи. Повторенiе его здѣсь и другая вариация содержанiя записи показы-

1741—429. შაჰ-ნადირ წაბ-
ძანდა ფეგზედ. მივიდა,
კუმუსს დაჯდა და ავა-
რს ჯარი გაუსოვა და
ფეგის დიდი ქოჩი წა-
მოასხა, მარიამობისთვის
ოვ.

1741—429. Шахъ-Надиръ
отправился на лезгинъ;
пришелъ и остановился
въ Кумухъ, напустилъ
на аваровъ войско и за-
бралъ большое количе-
ство лезгинскаго насе-
ленія, августа 16-го ¹⁾).

1742—430. იმამ უელი-ხან
ქადაქსა ტფილისს ხა-
ნად დაჯდა, მეფეი ზე-
რება და მისი შვიდი ავ-
თანდილ უდანამაულოდ
ჯობის ცემით ორნივე
ტფილისში დაკოცა.

1742—430. Имамъ-Кули-
Ханъ сѣлъ ханомъ въ
Тифлисѣ. Онъ безъ ви-
ны умертвилъ въ Ти-
флисѣ палочными уда-
рами мелика Зураба и
его сына Автандила ¹⁾).

1742—430. იქმნა ძრვა სამი-
ნეფი. ერთსა შინა დღე-
სა ექვს-გზის, და კანე-
თის სამეფოსა შინა ში-
რქსლი სამდჷდედ-მთა-
ვრო აღავერდის ეკლე-

1742—430. Въ одинъ день
семь разъ повторялось
страшное землетрясе-
нiе, и Алавердская цер-
ковь, первая епископ-
ская кафедра въ Кахе-

вазуть, по нашему мнѣнiю, что тотъ, кто сдѣлалъ сводъ хронологиче-
скихъ фактовъ въ нашей рукописи, взялъ упомянутыя записи изъ двухъ
разныхъ источниковъ.

¹⁾ Вахуштъ и другiе источники оправдываютъ эту дату (Н. Г.
II, 1, pp. 134, 405. Мат. для Нов. Ист. Кавк. III, 70—74. Походы
Надиръ-Шаха, стр. 214—216).

²⁾ Дѣло идетъ, вѣроятно, о Хоросанскомъ Имамъ-Кули-Ханѣ, кото-
рый, по извѣстiю историка Папуны Орбелиани, пришелъ набоиъ въ Кар-
талинiю въ 1740 г. (Н. Г. II, 2, p. 57). Объ его поступкѣ съ ме-
лякомъ Зурабомъ и его сыномъ другiе источники ничего не говорятъ.
Въ „Гуджаръ Баратовыхъ изъ Бетави“ Имамъ-Кули-Ханъ носятъ про-
звище сумасшедшаго хана и, судя по нашему извѣстiю, не даромъ. (За-
писки Вост. Отд. Им. Русск. Арх. Общ., т. VIII, стр. 118).

სია დაიქცა, და დიდოს
სოფელოც დაიდუპა,
მთვარის ოთხს, მკათა-
თვის კდ, ვართვეკურის შა-
ბათს დღეს.

1743—1744. შაჰნადირ და-
დისტნიდამ გამობრუნ-
და და წარვდა, ქალა-
თის ციხე დაიჭირა, მი-
ადგა მუსულის, რომელ-
არს ნინევი, ციხე შემო-
საფრა, მრავალი ფეშ-
ქაში გამოართო, გამო-
ბრუნდა, იმამ ჭუსეინს
ზიარათი ჰქმნა.

тинскомъ царствѣ, бы-
ла разрушена, и селе-
ніе Дидо погибло, въ
4-ый день луны, іюля
24-го, въ день суббот-
ній Вартевур (Преоб-
раженія) ¹⁾.

1743—1744. Шахъ-Надиръ
вернулся изъ Дагестана
и, отправившись,
занялъ Калатскую крѣ-
пость, подошелъ къ Мо-
сулу, что — Ниневія;
окружилъ крѣпость,
взялъ многочисленныя
подарки и, повернувъ,
пошелъ на поклоненіе ²⁾
Имаму Усейну ³⁾.

¹⁾ Вахуштъ (Dates) и Папуна Орбелиани указываютъ эту же да-
ту, при чемъ послѣдній относитъ это явленіе къ августу мѣсяцу, но
прибавляетъ, что землетрясеніе продолжалось 40 сутокъ (Н. Г. II, 2,
р. 67). Слово ვართუერ (Вартевуръ) равняется армянскому „Вардаваръ“ —
Преображеніе (дословно — праздникъ розъ). Преображеніе у армянъ подвиж-
ной праздникъ, который тѣмъ не менѣе всегда падаетъ на воскресный
день. Значитъ, землетрясеніе происходило наканунѣ армянскаго Преобра-
женія.

²⁾ ზიარათი ჰქმნა (ziarati khinna — сдѣлалъ ziarati). „Ziarati“ сло-
во арабскаго корня, означаетъ посѣщеніе святыхъ мѣстъ, поклоненіе
святому. Этого слова нѣтъ въ грузинскихъ лексиконахъ. Имавъ Усейнъ —
святой Кербалы, особенно чтимый шиитами.

³⁾ Вахуштъ тоже указываетъ на этотъ годъ (Н. Г. II, 1, рр.
135, 405). Въ другихъ источникахъ — 1744 г. (Походы Надиръ-Шаха,
стр. 216).

1746 — ულდ. შამახიაში მყოფნი ღამბაქრნი შაჰნადირისანი უკუუდგნენ შაჰნადირს, ცხვრა-მოჭრილი ყაენის შვილი გამოიყუანეს, დასვეს და შამახია დაიპყრეს. ამასჟერ წიელსა იქმნა ბრძოლა. მრავალი მოლაშქრე მოისრა, ნასრულა მირზა, შაჰნადირის შვილი, ბორასანიდამ მოვიდა, ისევ შამახია დაიჭირა.

1746—434. Войска Шах-Надира, находящаяся въ Шемахѣ, отложились отъ него. Они привели шахскаго сына, у котораго носъ былъ отрѣзанъ, оставили его *шахомъ* и заняли Шемаху. Въ этомъ же году была борьба. Много воюющихъ погибло. Насрула-Мирза, сынъ Шах-Надира, пришелъ изъ Хорасана и опять завоевалъ Шемаху ¹⁾.

1747 — ულუ. ოსმალიდამ უსუთუ-ფამამ ხაზინა მოიტანა, დაღისტანში გასაგზავნად, არაგვისპირს ირაკლი შეფემან შეუკრა გზა. დააყრევინეს, და უკანვე გაბრუნდნენ ოსმალინი ახალ-ციხეს, თიბათვის ი.

1747—435. Усупъ - Паша привезъ казну изъ Турции съ тѣмъ, чтобы послать ее въ Дагестанъ. Царь Ираклій преградилъ ему путь на берегу Арагвы и отбилъ ее. Турки вернулись назадъ въ Ахалцихъ, июня 10-го ²⁾.

1747 — ულუ. თამარ დედოფალი, მეფის ირაკლის

1747—435. Царица Тамара, мать царя Ира-

¹⁾ Ганвей указываетъ этотъ же годъ. Папуна Орбелиани даетъ нѣкоторыя подробности этого событiя (Н. Г. II, 2, р. 77, п. 4).

²⁾ Вахуштъ и Папуна Орбелиани относятъ все это къ 1744-му году (Н. Г. II, 1, pp. 135—136, 405; II, 2, р. 83—84).

- მეორის დედა, მიიჯტა-
ლა, აპრილის ივ.
- 1747—**სლმ.** ტფილისის ქა-
ლაქიდამ არბაბის შემოგ-
დებით აურა მოხდა და
წარსჳდა ანანურს, თე-
ბერვლის ი.
- 1747—**სლმ.** მეფე თეიმურაზ
წაბძანდა მაშათს შაჰნა-
დირის კარზედ.
- 1747—**სლმ.** შაჰნადირს მა-
შათის ქოჩში თავისი და-
მის მცჳნდონი, ჳამაშა ტე-
შიკები, დაესხნენ და და-
მით ხმლით დაგათეს, და
- კლია II, умерла апрѣ-
ля 13-го ¹⁾).
- 1747—435. Вслѣдствіе уста-
новленія *подати* „арба-
би“, *населеніе* подня-
лось изъ Тифлиса и
отправилось въ Ава-
нуръ, февраля 5-го ²⁾).
- 1747—435. Царь Тейму-
разъ отправился въ Ме-
шедъ, ко двору Шахъ-
Надира ³⁾).
- 1747—435. На Шахъ-На-
дира въ лагерѣ Мешед-
да напали ночью свои
же караульные, „*хамаша-
кешики*“ ⁴⁾, и изру-

¹⁾ Вахуштъ и Папуна Орбелиани относятъ смерть Тамары къ 1746 г. Тамара похоронена въ Мцхетѣ, и эпитафія гласитъ, что она умерла въ субботу 12 апрѣля, въ 3 часа, 1746 г. (Brosset. Voyage arch. 1-er Part. p. 26. Н. Г. II, 2, p. 107, п. 2. Въ послѣднемъ примѣчаніи Броссе днемъ смерти считаетъ 13-ое апрѣля, согласно нашему извѣстію).

²⁾ Вахуштъ (Dates), Папуна Орбелиани и Оманъ Мдивани относятъ требованіе этой подати къ этому же году. Царевичъ Давидъ ошибочно относитъ этотъ фактъ къ 1745 г. Подробнѣе всѣхъ объ этомъ говоритъ Папуна Орбелиани (Н. Г. II, 2, pp. 115—117, 210, 229).

³⁾ Всѣ авторы, упомянутые въ предыдущемъ примѣчаніи, кромѣ царевича Давида, согласны съ этою датой. По извѣстію Папуны, Теймуразъ выѣхалъ изъ Тифлиса 10-го мая (Н. Г. II, 2, pp. 118, 210, 229).

⁴⁾ „*хамаша-кешики*“ означаетъ по-персидски постоянную стражу, тѣлохранителей.

შაჰნადირის მკედრობა
განიფანტა, თიბათვის კ.

1747—435. ადილშაჰ დაჯდა კელმწიფედ, შაჰნადირის ძმის წყელი, რომელსა პირჯულ ეწოდა ალი ყელი ხან, ხოლო შაჰნადირის შვილი რიზა ყელი პირხამ დაიპყრა ხორასანს ქალათი და დაჯდა უენად, და მეფე თეიმურაზ იმის დროს წაბრძანდა მამათისაკენ და ცოცხალი ვერ ნახა ადილშამ, რაცა შაჰნადირის შვილები იყო, უოველივე დაჰკოცა და თვით იქმნა უენად სრულიად ერანისა.

1748—436. ალი ხანმან ჯარი შეჰყარა განჯიდამ ტფილისის ქალაქის დასაპყრობლად. ტფილისიდამ ჯარი გავიდა საომრად, ოქრო-ყანის თავ-

ბილი ვეუსკი. Войско Шахъ-Надира разсѣялось, іюня 20-го ¹⁾).

1747—435. Государемъ сдѣлался Адиль - Шахъ, племянникъ Шахъ-Надира, котораго прежде звали Риза-Кули-Ханомъ. Сынъ Шахъ-Надира, Риза-Кули-Мирза, занялъ въ Хорасанѣ Калатъ и сдѣлался шахомъ. Царь Теймуразъ въ его время направился къ Мешеду, но не засталъ его въ живыхъ: Адиль-Шахъ умертвилъ всѣхъ сыновей Шахъ-Надира и самъ сдѣлался шахомъ всего Ирана.

1748—436. Желая завоевать городъ Тифлисъ изъ Ганджи, Алиханъ собралъ ополченіе. Изъ Тифлиса войско выступило на бой.

¹⁾ По другимъ извѣстіямъ, Шахъ-Надиръ былъ убитъ 23 іюня 1747 г. Подробности объ его смерти собраны у Броссе изъ разныхъ источниковъ (Н. Г. II, 2, 119, п. 2). Но скорѣе вѣроятно, что 23 іюня только узнали въ Исфагани о смерти Надира (Походы Надиръ-Шаха, стр. 221).

ზედ იქმნა ბრძოლა. ადონანის ჯარი დამარცხდა, მრავალთ თავი მოჰკეჭნეს, და ტფილისსა შინა მრავალი შეპურობილი მოასწეს.

Битва произошла надъ Окроканами. Войско Хана потерпѣло поражение. У многихъ отрѣзали головы, а многихъ, взятыхъ въ плѣнъ, пригнали въ Тифлисъ ¹⁾).

ჩვენ — ულვ. აბდუღა-ბეგ წავიდა განჯას, ბარდისთავში ემირ ასღან ხან სარდრიდამ ხუთი ათასი კაცი წარმოას(ს)ხა ყიზილბაშის ჯარი და მოადგა ქალაქსა ტფილისს. ტფილისიდან ქეჭვითი ჯარი გავიდა, გორხანის თავზედ ხუთი დიდი თიფი ყიზილბაშის დამარცხეს. ტფილისის ჯარმან გაიმარჯვა, ტფილისელი კაცი ორი მოკეჭდა, ერთი დაიჭრა. იმათის ჯარიდამ ათას შვიდასი კაცი დაიხრცა: ზოგი მოკეჭდა, ზოგი ცოცხალი დაიჭირეს, და მე-

1748—436. Абдуль - Бегъ поѣхалъ въ Ганджу. Изъ Барды отъ сардаря Эмиръ-Асланъ-Хана взялъ пять тысячъ кизилбашскаго войска и подступилъ къ городу Тифлису. Изъ Тифлиса выступило пѣшее войско. Надъ Горханами пять большихъ кизилбашскихъ полковъ (тифи) ²⁾ были разбиты. Тифлисскія войска одержали верхъ. Изъ тифлисцевъ было убито два человекъ, раненъ одинъ. Изъ ихъ (непріятельскаго) войска

¹⁾ Объ этомъ болѣе подробно говоритъ Папуна Орбеліани (Н. Г. II, 2, p. 123).

²⁾ „Тифи“ слово персидское; въ лексиконахъ не встрѣчается, но, по словамъ профессора В. Жуковскаго, „тифъ“ на бахтіарскомъ нарѣчій означаетъ „горсть воиновъ конныхъ или пѣшихъ“ (см. Матеріалы для персидскаго языка). Сложное слово—„серъ-тифъ“ по-персидски означаетъ „начальника войска, полковника“.

ფემან ირაკლიმ დაჭერილთა მურახასის უყო და თავიანთ ქმნესანაში გაუშუა, ბზობის პარასკევი დღე იყო, აპრილისა.

погибло 1700 человекъ. Нѣкоторые были убиты, другіе взяты живыми. Плѣнникамъ царь Ираклій оказалъ помилованіе ¹⁾ и отправилъ въ ихъ страну. Была пятница Вербной недѣли, 1-ый день апрѣля ²⁾.

ჩენა—ულთ. მეფე თეიმურაზ და მეფე ერეკლე ჭარხედ წავიდნენ საბრძოლვად, ჭარიდამ ჰაჯი ჩაღაბზედ, ჰაჯი ჩაღაბმან მეფენი დაამარცხა, ამის მიზეზით, რომ მეფეთ ჯარი დიდი იყო და დიდს ჯარს თავი ვერ დაუჭირეს. ქართველნი და კანნი ოთხი ათასი დააკლდა, ზოგი მოკვდა, ზოგი აღსანამა მოამთო, ზოგი ცოცხალი დაიჭირეს, ყველი-

1751—439. Царь Теймуразъ и царь Ираклій отправились воевать на Дчаръ, изъ Дчара — съ Аджи-Чалабомъ. Аджи-Чалабъ разбилъ царей по той причинѣ, что у царей было большое войско и съ большимъ войскомъ они не справились. Карталинцы и кахетинцы потеряли 4000 человекъ: нѣкоторые были убиты, другіе утонули въ Алаза-

¹⁾ მურახასი უყო („მურახასი უყო). „Мурახასи“ слово арабскаго корня, въ словарь Чубниова переведено какъ „отпускъ, увольненіе“, но можетъ означать еще „нисхождение“, „разрѣшеніе“, „дозволеніе“, „помилованіе“.

²⁾ Объ этомъ событіи упоминаютъ Папуна Орбелиани и царевичъ Давидъ, но у нихъ нѣтъ подробностей, какія указываются здѣсь (Н. Г. II, 2, pp. 123, 129—130).

ერის ოთხშაბათი დღე
იყო, ფებერვლის ია.

1751—439. მეფე ირაკლი
ერევანს წაბძანდა, ავღა-
ნი აზატ-ხან თაერიზი-
დამ ერევანს მოვიდა,
იქმნა ომი ძლიერი, აზატ-
ხან დამარცხდა, აზატ-
ხან ნახჩევნისაკენ გაიქ-
ცა, მაკათვის კჭ.

1752—440. მეფე თეიმუ-
რაზ და მეფე ერეკლე
ტფილისიდან ლაშქრით
განჯას წაბძანდენ. [გან-
ჯის ხანი შავერდი ხან
ცინიდან მრავლის ფემ-
ქაშით მიეგება და მეფე
ნი ნახა, ეგრეთჟს უარა-

ნი, а нѣкоторые были
взяты живыми. Была
среда масленицы, 11-ый
день февраля ¹⁾).

1751—439. Царь Ираклий
отправился въ Эривань.
Къ Эривани же под-
ступилъ изъ Тавриза
афганецъ Азатъ-Ханъ.
Сраженіе было сильное.
Азатъ-Ханъ потерпѣлъ
пораженіе и бѣжалъ по
направленію къ Нахи-
чевани, іюля 28-го ²⁾).

1752—440. Царь Тейму-
разъ и царь Ираклий
отправились съ вой-
скомъ изъ Тифлиса въ
Ганджу. Ханъ ганджій-
скій Шаверди-Ханъ,
выйдя изъ крѣпости,
встрѣтилъ царей съ

¹⁾ Вахушты указываетъ этотъ же годъ (Dates). Пауна Орбелиани и Оманъ Мдивани даютъ подробности этого событія, но хронологія ихъ едва ли вѣрна, ибо первый упоминаетъ объ этомъ подъ 1750 годомъ, а второй подъ 1752 (Н. Г. II, 2, pp. 159, 212).

²⁾ Относительно хронологія и подробностей тутъ мы должны замѣтить то же самое, что и въ предыдущемъ примѣчаніи (Н. Г. II, 2, pp. 160, 212—214). Этотъ годъ указывается и въ надписи на колоколѣ въ Итрин, близъ Сурама. Колоколъ пожертвованъ Итрийскаго церкви 16-го августа 1751 г. Давидомъ Чхеидзе, приобрѣвшемъ его въ упомянутомъ походѣ (см. „Три историческія хроникъ“, изданныя мною на грузинскомъ языкѣ, стр. XXVI—XXVII).

დადის ბრმა ქაზუმ-ხან და შუშის ხანი ფა[ნახან] [ფეშქა] შ [ე] ბ [ი] თ მეფეები ნახეს. ამ ხანებს უნდოდათ მეფათათვის ჰაჯი ჩალაბი შეერიგებინათ, მეფეებს ეგონათ ამ ხანებს პირობა და შეერთება ჰაჯი ჩალაბთან აქქსთო, ამისთვის ეს ხანები სულ დაიჭირეს და კელ-ნუნდით შეპორკილეს და გაძარცვეს, მარტის კა.

многочисленными подарками и видѣлся съ ними. Посѣтили также царей [съ подарками] слѣпой Камузъ-Ханъ карадагскій и шушинскій Пана-Ханъ. Эти ханы хотѣли примирить царей съ Аджи-Чалабомъ. Цари же полагаги, что названые ханы условились соединиться съ Аджи-Чалабомъ, и поэтому всѣхъ этихъ хановъ схватили, связали по рукамъ кандалами и ограбили, марта 21-го.

1752—440. ფანა-ხანის შვილი ჰაჯი ჩალაბთან წავიდა განჯას, ჯარი მოიყუანა, შეიქნა ომი, მეფეთ ნუხიდან მოყუანილი ჯარი არად ჩაგდეს და ურიგოდ შეებნენ, და დამარცხდნენ მეფენი. მეფეთ ღაშქარი მეფეებით ტფილისს წამოვიდნენ, და დატუსაფებული ხანებიც განჯას ჰაჯი ჩალაბთან წავიდნენ, ადდგომის შაბათი დდე იყო, ტფილისეულ-

1752—440. Сынъ Пана-Хана отправился къ Аджи-Чалабу и привелъ войско въ Ганджу. Произошла битва. Цари ни во что не ставили приведенное изъ Нухи войско, въ безпорядкѣ вступили въ бой и потерпѣли поражение. Царскія войска вмѣстѣ съ царями вернулись въ Тифлисъ, а ханы, бывшіе въ плѣну, отправились въ

ნი მოქალაქენი სავაჭროდ განჯას იუქნენ, და ჰაჯი ჩალაბის კაცთ აიკლეს, მარტის კზ.

ჩლხბ—შმ. მეფე ირაკლი ჩერქეზში წაბძანდა ჩერქეზის ჯარის გასდმოსაუტანად, მკათავის ი.

ჩლხბ—შმ. ჰაჯი ჩალაბის შვილი აღაქიში რომ ღამქრით ბაიდარს მოვიდა, მკათავის ი.

ჩლხბ—შმ. მეფე ერეკლე რომ ჩერქეზიდან მობძანდა ჯარით ტფილისს, ჰაჯი ჩალაბის [შვი]ლი დაამარცხა, ენკენისთვის გ.

Ганджу къ Аджичалабу. Была суббота Пасхи. Тифлисскіе мокалаки (купцы) находились въ Ганджѣ съ торговыми цѣлями и подверглись ограбленію со стороны людей Аджичалаба, марта 28-го ¹⁾.

1752—440. Царь Ираклій отправился въ Черкесію, чтобы привести черкесское войско, іюля 10-го.

1752—440. Сынъ Аджичалаба, Ага-Кишъ, пришелъ съ войскомъ въ Байдаръ, іюля 10-го.

1752—440. Царь Ираклій, вернувшись въ Тифлисъ изъ Черкесіи съ войскомъ, побѣдилъ его на Аджичалаба, сентября 3-го ²⁾.

¹⁾ Событія этихъ двухъ параграфовъ у Вахушта (Dates) и Папуны Орбелиани показаны подъ этимъ же годомъ, а у Омана Мдивани подъ 1753 годомъ. Последніе два современника подробно касаются этихъ событій и наиреніе хановъ измѣнить считаютъ доказаннымъ (Н. Г. II, 2, pp. 165—168; 214—215).

²⁾ Папуна Орбелиани приходъ Ага-Киша въ Байдаръ и побѣду надъ нимъ Ираклія относить къ этому же году, а Оманъ Мдивани—къ 1753 г. (Ibid. pp. 171—173, 215).

(1755) — 388. მეფე ირაკლიმ პატრების ეკლესიას ქართუზნით მდჭედელ მისცა, პატრნი ტფილისიიდ გაუარეს და ფრანგთ ბევრი ჯარამა წაართუზს. ეს საქმე იმისთვის მოხდა, რომ ანტონი კათალიკოსი მოაუკთუნეს და გაათრანგეს, კათალიკოსი მდჭედელ-მთავრობიდამ დაამხვეს და რუსეთს განაძეს, გიორგობის ია.

(1755) — 389. მეფე თეიმურაზ ტფილისიიდამ რუსეთს წაბანდა, რათა მუნიდამ ჯარი გარდმოიუჭანოს და ლევის ახარებისაგან ქართლი და კახეთი გამოიხსნას, აპრილს ა.

(1755) — 390. მეფე თეიმურაზ მიიუჭანდა მოსკოვის, ქრისტეშობის თ.

(1755)¹⁾ — 443. Царь Ираклий отдалъ патерскія церкви грузинскимъ священникамъ; патеровъ выслали изъ Тифлиса, а съ католиковъ взяли много пени. Это случилось потому, что они (патеры) совратили въ латинство католика Антонія. Католикось лишень былъ сана архинастырства и отправленъ въ Россію, ноября 11-го ²⁾.

(1760) — 448. Царь Теймуразъ поѣхалъ изъ Тифлиса въ Россію, чтобы оттуда привести войско и спасти Карталинію и Кახетію отъ опустошенія лезгинъ, апрѣля 1-го ³⁾.

(1761) — 449. Царь Теймуразъ умеръ въ Москвѣ, декабря 9-го ⁴⁾.

¹⁾ Начиная отсюда, годы отъ Р. X. въ оригиналѣ не указаны, поэтому мы ихъ ставимъ въ скобкахъ.

²⁾ Вахуштъ указываетъ этотъ же годъ (Dates), и другіе источники согласны съ этимъ (Н. Г. II, 2, р. 234).

³⁾ Этотъ же годъ показанъ у Омана Мдивани и у другихъ авторовъ (Ibid. pp. 218, 236).

⁴⁾ Теймуразъ умеръ въ Петербургѣ 8 января 1762 г. (Н. Г. II, 1, р. 635; II, 2, р. 236).

(1625) — უმც. აღა-მელიქი მი-
ცუაღა, ენკენისთვის იზ.

(1635) — უთო. მაჰმად-ასან-ხა-
ნის შვილი აღამამად ხან
მოვიდა მუშაბარს. ჰად-
რიბეჟანის ხანები მიეგებ-
ნენ ფეშქაშით, ენკენის-
თვის კე.

(1635) — უოთ. ფანახანის შვი-
ლი იბრეიმხან, და ომარ-
ხან ლეკის ჯარით ნახჩე-
ვანზედ მოვიდნენ და და-
მარცხდენ, გიორგო-
ბის კა.

(1768) — 556. Ага-Меликъ
умерь, сентября 18-го.

(1791) — 479. Ага-Махмадъ-
Ханъ, сынъ Махмадъ-
Асанъ-Хана, пришелъ
въ Мушкабаръ. Адер-
бейджанскіе ханы встрѣ-
тили его съ подарками,
сентября 25-го ³⁾.

(1791) — 479. Ибреимъ-
Ханъ, сынъ Пана-Ха-
на, и Омаръ-Ханъ съ
лезгинскимъ войскомъ
пришли на Нахичеванъ,
но потерпѣли пораже-
ніе, ноября 21-го ³⁾.

IV.

Приводимый ниже хронологическій перечень фак-
товъ имѣется въ видѣ приписокъ скорописью „мхедру-
ли“ на переплетѣ одного кондака (требника) ⁴⁾. Такъ
какъ большинство фактовъ, упоминаемыхъ въ нашемъ
источникѣ, мы встрѣчали раньше, то разбирать ихъ
въ примѣчаніяхъ не будемъ. Перечень обнимаетъ фак-

²⁾ Объ этомъ см. Н. Г. II, 2, p. 259 и Мат. для Нов. Ист. Кавк. II, 318.

³⁾ Объ этомъ упоминается у Буткова подъ 1792 г., но по дру-
тому извѣстію, тамъ же приведенному, это было въ мартѣ 1791 г. (Мат.
для Нов. Ист. Кавк., II 318—319, 319, прим. 1-ое).

⁴⁾ Кондакъ этотъ принадлежитъ священнику В. Карбелову, кото-
рый обязательно списалъ и доставилъ мнѣ этотъ перечень.

ты, отъ 1728 по 1828-ой годъ. Годы отъ Р. Х. мы представляемъ въ грузинскомъ текстѣ и въ русскомъ переводѣ въ началѣ фразъ, хотя въ оригиналѣ они имѣются въ концѣ. Букву յ въ началѣ каждой записи мы и здѣсь выкидываемъ. Кромѣ того, факты располагаемъ въ хронологическомъ порядкѣ.

1728.	ჩიხორის ომი იყო.	1728.	Была Чихорская битва.
1751.	მეფე ალექსანდრე მიიკვალა.	1751.	Царь Александръ умерь.
1752.	ბაზალეთის ომი იყო.	1752.	Была Базалетская битва.
1756.	ხრესილის ომი იყო.	1756.	Была Хресильская битва.
1760.	დადამება უოფილა ერთს საათს.	1760.	Было затменіе солнца на цѣлый часъ.
1762.	ქუთაისი აიღო მეფე სოლომანმა და განსდევნა თათარნი.	1762.	Царь Соломонъ взялъ Кутаисъ и прогналъ турокъ.
1769.	რუხვს ომი იყო აფხაზთა.	1769.	Въ Рухвѣ была битва съ абхазцами.
1773.	ჩხერის ომი იყო, იანვრის ღია.	1773.	Была Чхерская битва, января 31-го.
1776.	იოსებ კათალიკოზი მიიკვალა, მაისის იზსა.	1776.	Католикось Иосебъ умерь, мая 17-го.
1776.	გიორგი ბატონიშვილი მიიკვალა.	1776.	Царевичъ Георгій умерь.
1785.	დიდი მეფე სოლომან მიიკვალა, აპრილის 23-სა.	1785.	Великій царь Соломонъ умерь, апрѣля 23-го.

- ჩ.ლ.პ.** ვახანის ციხე აიღო კუნძახმა ლეკმა.
- ჩ.ლ.პ.ი.** მეფე დავითის ძე კოსტანტინე იშვა, ივლინის დ-სა.
- ჩ.ლ.პ.ი.** მეფე დავით მიიკვალა ახალციხეს, იანვრის იბ-სა.
- ჩ.ლ.პ.ი.** ტფილისის ქალაქი აღაოხრა ხოჯახანმა.
- ჩ.ლ.პ.ი.** მეფე ერეკლე მიიკვალა.
- ჩ.პ.** მისი ძე მეფე გიორგი მიიკვალა.
- ჩ.პ.ი.** დოსითეოზ მიტროპოლიტი ქუთათელი მიიკვალა.
- ჩ.პ.პ.** გენათელი მიტროპოლიტი ევთიმე მიიკვალა.
- ჩ.პ.პ.** მთავარ ეპისკოპოზი ანტონი მიიკვალა.
- ჩ.პ.პ.** სახლთ-ხუცესი წერეთელი ზურაბ, მეუღლე მისი თამარი, დადიანის ასული, და მათი ასული ქეთევან, მეფე ერეკლის რძალი, მიიკვალნენ ორის თვის განმავლობაში.
- ჩ.პ.პ.ი.** ახალ-ციხე აიღო შას-კვერიმა, აგვისტოს იე-სა.
1787. Лезгиеъ Кунджахъ взялъ крѣпость Ваханъ.
1789. Родился Константинъ, сынъ царя Давида, іюля 4-го.
1796. Царь Давидъ умеръ въ Ахалцихъ, января 12-го.
1796. Ходжа-ханъ опустошилъ Тифлисъ.
1798. Царь Ираклій умеръ.
1800. Сынъ его (Ираклія) царь Георгій умеръ.
1805. Митрополитъ - кутатель Доситеозъ умеръ.
1822. Митрополитъ - генатель Евфимій умеръ.
1822. Архіепископъ Антоній умеръ.
1823. Сахлтъ-хупесъ Зурабъ Церетели, супруга его Тамара, урожденная Дадіани, и дочь ихъ Кетевана, невѣстка царя Ираклія, умерли въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ.
1828. Паскевичъ взялъ Ахалцихъ, августа 15-го.

V.

Помѣщенный ниже перечень событій написанъ на полъ-листѣ синей бумаги скорописью гражданскаго письма и касается преимущественно событій XVIII—XIX вв., большею частью уже намъ извѣстныхъ изъ предыдущихъ источниковъ. Нѣсколько записей въ началѣ имѣютъ въ виду хронологическіе факты болѣе древняго періода исторіи Грузіи, но извѣстія этихъ записей въ общемъ согласны съ извѣстіями грузинскихъ лѣтописей, откуда, по всей вѣроятности, онѣ и взяты. Годы отъ Р. Х. и здѣсь мы выставляемъ въ началѣ записей; въ рукописи же они приведены въ концѣ ¹⁾).

133.	ვანტანგ გორგასლან
ხოსროიანი მეფობდა.	446.	Вахтангъ Горгасланъ
Хосроидъ царствовалъ.
135.	მეფე უოვლისა საქარ-
თველო - იმერეთისა
ბაგრატ კურატ (sic)
იყო.	1027.	Царь всей Картали-
ни и Имеретіи Ба-
гратъ куропалатъ) былъ
(т. е. началъ царство-
вать).
137.	მეფე დავით აღმაშენე-
ბელი გამეფდა.	1089.	Царь Давидъ возоб-
новитель сдѣлался ца-
ремъ.
140.	ეს დავით აღმაშენებე-
ლი გარდაიკვავა.	1130.	Этотъ Давидъ Возоб-
новитель умеръ.
140ა.	თამარ მეფე იქმნა მე-
ფედ.	1171.	Царица Тамара во-
царилась.
140ბ.	გარდაიკვავა ესეცა.	1198.	Она (Тамара) умерла.

¹⁾ Рукопись передана намъ сослуживцемъ моимъ А. В. Бутателадзе, которому и приношу свою благодарность.

- ჩსმბ.** საქართველოს და იმერეთის მეფობა გაიყო.
- ჩბძვ.** კონსტანტინეპოლის ქალაქი აიღო მახმუდ სულტანმან.
- ჩძ.** საათაბაგო დაიპყრეს ოსმალთა და გაათავრეს.
- ჩღლა.** ჩიხორის ომი იყო.
- ჩღლა.** ხრესილის ომი იყო.
- ჩღნ** მეფე ალექსანდრე მიიკვალა.
- ჩღჟ.** მზე დაბნელდა.
- ჩღჟთ.** რაჭის ერისთავი დაიჭირა მეფე სოლომონმა.
- ჩღო.** ქუთაისის ციხე აიღო მეფე სოლომონმა.
- ჩღოზ.** ჩხერის ომი იყო.
- ჩღოვ.** კათალიკოზ იოსებ მიიკვალა.
- ჩღოც.** დედოფალი მარიამ მიიკვალა.
- ჩღპ.** რუხვის ომზე გაიმარჯვა მეფე სოლომონმა.
- 1243.** Карталинское и Имеретинское царства отделились другъ отъ друга.
- 1328.** Султанъ Махмудъ взялъ городъ Константинополь.
- 1500,** Турки (Османь) покорили Саатабаго и ому-сультманили ее.
- 1731.** Была Чихорская битва.
- 1731.** Была Хресильская битва.
- 1750.** Царь Александръ умерь.
- 1760.** Случилось затмение солнца.
- 1769.** Царь Соломонъ взялъ въ плѣнь рачинскаго эристава.
- 1770.** Царь Соломонъ взялъ Кутаисскую крѣпость.
- 1773.** Была Чхерская битва.
- 1776.** Католикось Иосифъ умерь.
- 1778.** Царица Марія умерла.
- 1780.** Царь Соломонъ одержалъ побѣду въ Рухвской битвѣ.

- 1784.** Царь Соломонъ I^й умерь.
- 1789.** Царь Соломонъ II, сынъ Арчила, одѣлался царемъ.
- 1794.** Имеретинны напали на абхазовъ въ Марсилѣ.
- 1795.** Шахъ Ходжа-ханъ (каджаръ) опустошилъ Тифлисъ.
- 1798.** Царь Ираклій умерь.
- 1799.** Убили Геловани Кайхосро.
- 1801.** Царь Георгій умерь въ Тифлисъ.
- 1802.** Царь Соломонъ взялъ Лечхумъ.
- 1805.** Въ Рачѣ была повальная болѣзнь.
- 1810.** Русское правительство завладѣло Имеретіей.
- 1812.** Бонапартъ вступилъ въ Москву, но былъ прогнанъ русскими.
- 1814.** Царь Соломонъ II умерь въ Требизонтѣ.
- 1828.** Замѣститель главнаго начальника, Сипягинъ умерь.
- 1784.** მეფე სოლომონ პირველი მიიკვალა.
- 1789.** არჩილის ძე მეფე სოლომონ გამეფდა.
- 1794.** მხრსილოზედ დაესხნენ იმერლები აფხაზთა.
- 1795.** ხოჯა-ხან ყენმან მოაოხრა ტფილისი.
- 1798.** მეფე ირაკლი მიიკვალა.
- 1799.** ქაიხოსრო გელოვანი მოკლეს.
- 1801.** მეფე გიორგი მიიკვალა ქალაქსა.
- 1802.** ლეჩხუმი აიღო მეფე სოლომონმა.
- 1805.** რაჭას მომსვრელი სენი იყო.
- 1810.** იმერეთი დაიპყრეს რუსეთის მთავრობამ.
- 1812.** ბონაპარტე შვიდა მოსკოვში და განიდენა რუსთაგან.
- 1814.** მეფე მეორე სოლომონ მიიკვალა ტრაპიზონს.
- 1828.** მთავარ მმართველის მოადგილე სიპიადინი მიიკვალა.

ჩუკც.	ახალციხე დაიპყრეს რუსთა.	1828.	Русские заняли Ахалцихъ.
ჩუხვ.	ოთხნი ხელმწიფენი ერთად მოადგენ დიდსა კელმწიფესა ნიკოლოზს და სამ წიელ ბრძოდენ და ვერათუერი მოაგლეს,ხოლო მან მიუღო უარსი.	1853	Четыре государя вмѣстѣ ополчились противъ великаго царя Николая и три года воевали, но никакого ущерба не могли причинить, а онъ (Николай) взялъ Карсъ.
ჩუხდ.		1854	
ჩუხვ.		1855	

Е. Такай-швили, уч. III Тиф. гимназіи.

20 октября
1893 г., г. Тифлисъ.

Два акта католикоса Доментія III, данные въ Константинополь.

Первый изъ предлагаемыхъ актовъ принадлежитъ фамиліи Гедевановыхъ, второй фамиліи Тлашадзевыхъ. Актъ Гедевановыхъ написанъ на прекрасной бумагѣ съ золотымъ бордюромъ красивыми гражданскими буквами — „мхедрули“ и черными чернилами. Въ началѣ акта нарисованъ католикосскій гербъ, поддерживаемый двумя ангелами. Вокругъ рисунковъ цвѣты. Первая строчка акта представляетъ замысловатую вязь. Часть вязи, которую мы могли разобрать, гласитъ въ переводѣ: „Доментій съ Божіею помощью католикосъ-патріархъ...“ Далѣе приводится текстъ акта. Знаками препинанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ служатъ по три точки, а передъ и послѣ числовыхъ буквъ по двѣ точки. Знаки оригинала мы сохраняемъ, но къ нимъ, гдѣ нужно, добавляемъ запятая. Актъ Тлашадзевыхъ написанъ на бумагѣ тоже гражданскими буквами и черными чернилами. Разбираемые акты интересны тѣмъ, что даютъ довольно подробныя біографическія свѣдѣнія о католикосѣ Доментіи III и указываютъ лицъ, которые сопровождали его въ Константинополь.

გაარე შემოუწერელო სიბრძნეო და სიმტკიცეო, ღთისა სიტყუაო, მამის თანა განსვენებულო და ქვეყანასა ზედა ბუნებისა მიწისაგანისა თანა კაცთ მოყვარებით შობილო დედისაგან უქორწინებულისა, სიმდაბლით ცისა მომდრეგე-

ლო და ქვე თბეთა ნივთიერთა კორც შესხმითა მამღებე-
ლო, გზადლობთ შენ მიწისა: . პირთა ცაად მეორედ განმა-
ხნდებელია და ნათლისა საუკუნოსა შანთად ელვარებისა
განმამრწინვებელია, მადლო, ზეშთა ამაღლებულია ძლი-
ერებაა, მეოხებითა მთიებისა მის მაცისკრებელია, დია კე-
თილისა უბიწოსათა, რომეფსა ეტვირთე, ვითარ ტარიჯა
უბიწო დედისა შენისა უბიწოსათა, მართამ ზეშთა კურთხე-
ულისთა, მრავალ პატრიოსანთა ძალთა საბაოთისათა, მწყობრ
განწესებულთა დასთა საბაოთასა სერავიმ ქერავიმთა, და
ყოველთა ძალთა უხორცოათათ, წმინდისა წინა მორბე-
დისა და აეროვანისა მის გვრიტისა, წმინდისა უდაბნოსა
მაშუქებელისა და ცისკრისა წინა მსრბლისა, მამისა სოტ-
უისა ქედისა მომდრეკელისა და ნათლის დებისა მიმდე-
ბელისა იოვანესითა, დაუვალისა წყაროსა წყლისა ცხოვე-
ლისასა, ქრისტეს დიდებულისა მიერ ორბად ფრთე მკვეთ
ფიქნელთა, ყოელისა სოფელისა მომნადირებელთა ქადაგ-
თა დ თისა სოტუისათა, სუფელთა, ზეშთა ბრძენთა მოციქულ-
თათა, დირსთა მამათა, მდდელთ მთავართა, წმინდათა ბუნება-
თა და თვითებათა, სამ ბრწუინვალისა სამებისა და ორთა ბუ-
ნებათა ზედა მიწევნით გამომეტყველთა საშინელთა საიდუმ-
ლოთა, და ყოველთა მდვდელთ მთავართა, დირსთა მამათა,
უდაბნოსა მთიებთა, და განმანათლებელთა საწუთროსათა,
და ყოველთა მამათა და წმინდათა მხედრობათა, ასპარაზ-
თა შინა განბრწუინვებულთა, სპარაზენთა, რჩეულთა ქაღ-
წულთა, უმკნეს მამათა სორეკად გამორჩეულთა და მონ-
ზანებისა დვაწილთა შეჭურვილთა, და ყოველთა ზეცისა
იერუსალიმისა მოქაღაქე ქმნილთა წმინდათათა, ამათითა
მეოხებითა და მინდობითა: . დაფარულმან ძირ მოდგმო-
ბით დავითიან, სოლომონიან, შარვანდიან პანკრატოვანთა
რტოთავან ზდმოკუნებულმან, ორისავე ტახტისა საკლმი-
წიფოსა მპრკრობელთა შვიდნ მეფეთამან, უფლისა მიერ
კურთხევით მაკურთხეველმან, ქართლისა, კახეთისა, სამცხე
საბათბაგოსა კათალიკოზ პატრიარქმან, პატრონმან დო-

მენტომ, ოდეს საქართველო დაიპყრეს და აღაოკრეს ქვეყნანი ქართლისანი და მრავალნი სულონი მოხრეს, ეკლესიანა თრიადნი წარტყუენეს, და საჭურჭლენი მათნი და სამკაულნი აიონარეს, და ბორბოტი მრავალი მოაწივეს ჩვენ ზედა, მაშინ მივრიდე მკირესა ესმსა ციხესა მას ლორისასა და დაჰუპ მას შინა თვე ვითარ: გ: მაშინ აღტყინებუდმან სულითა სამწყსოსთვის ვეღარა შევძელ ხილვა სიბრალუდებინათვის მათისა. ხოლო ლორითგან მოვიწივე ქვეყანად საერისთოდ ქსნად, მუნ დაჰუპ თვენი ვითარ: გ: მუნით ჩამოველ ქალაქად ტფილისად, დაჰუპვი თვენი ვითარ: ვ: მაშინ მოივლინა ბრძანებანი, ქურქი და თარმანი დიდისა კეისრისა: სულთან აჰმადისაგან, ხოლო ქართლისა შინა ჯდა თუშად რაჯაბ, ხოლო ქრისტესითგან გარდასრულ იუვნეს წელნი ვითარ: ჩდე: კარზედ ვეკმენით, და ჩვენგან უარი აღარ გაეწუბოდა, წამოვედით და თან გვიახელ, მივიწიენით სამეფოსა ქალაქად კოსტანდინოპოლიდ, მუნ დაჰუპვით წელნი ვითარ: ბ: თვენი: ს: და იქითგან ექსლარიად გჰუეს ჭალაგად, რომეღისა უბმობენ თათართა ენითა ბოხჩა აღას, ხოლო ბერძულეებ სახელ სძევს ტენედო, და ექსლარიობაში მუნ დაჰუპვით წელნი ვითარ: თ: ამ უველგან ჩვენს სამსახურში იჰავი, მრავალი შიში და განსაცდელი გარდაიხადე ჩვენისა სამსახურისთვის, ვითაც შენც ჰატარა ჩვენგან გაზდილი იჰავი: არც ჩვენი გაურა და გამოარება მოინდომე, და მისად საუქმოდ წყალობას დაგვიაჯე, ვისმინეთ აჯა და მოხსენება შენი, ვიგულის მოდგინეთ და გიბოძეთ შენ ჩვენს სამსახურზედ თავ დადებით ერთგულად: თავადებს: გუდევანი ძეს გიორგი სარდლის შვილს, ჰატას, ძმათა შენთა ზააღსა და გაბრიელსა, ძმის წულსა თქვენსა გიორგისა, ძეთა და მომავალთა სახლისა თქვენისათა, გიბოძეთ სომხითს თამგრგვალისა, ველკეთილისა და დისვლისა, ამ სამისავე ნაცვლობა და მეღალობა. სნუა შენი ბიძა: შვილი ზააღის შვილი დემეტრე ამოწვეტილი იყო; იმასაც და მის ჯაღაბსაც. შენთვის ანდერძი ექნათ, თავინ-

თი საგერძო უოველიფერი, და ჩვენც შემოგვეწვინით, და გიბოძეთ წეროვნის მოურსობა, მისი წილი ჯვარის მტვირთველობა და უოველი ალაგი და მამული მისი, სასახლე შესავალ გასვლითა, ქვევრითა და მარნითა, ვენახითა და საკნავ-სათესითა, წყლითა და წისქვილითა, უოველის მისის საწილოს ალაგით. მოგეცით და ღვაბტვიცთ სია ესე და მტვირცე სიგელი თანა მდგომთა დარბაზის ერთა ჩვენთათა უცვალებელი და კაცთაგან უცვილებელი, გქონდეს და გიბედნიეროს ღთნ ჩვენის საყდრისა და ჩვენს ერთგულობაში, არ მოგეშალოს ჩვენგან, არცა სხუათა ჭზთა და მეპატრონეთაგან, არცა მეფეთაგან და არცა დედოფალთაგან, არცა დიდთა და არცა მკირეთაგან, რამანც კაცნ, ანუ მეფემან, ანუ დედოფალმან, ანუ ჭზმან მეპატრონემან, ანუ რომელმანც ძემან კაცთამან ეს ჩვენგან ბოძემული წუბლობა მოგიშალოს, მასამც მოეშალოს უოველი უბოვრება თავისა თვისისა და ჩვენისამც ცოდვით განიკითხების დღესა მას საშინელსა განკითხვისასა, წყეულ, კრულ და შერვენებულმცა არს ხსენება მისი ჩვენგან და ჩვენისა წმინდის კათოლიკე ეკლესიისაგან და ცითა მობაძვისა უბოველისა სვეტისა მირონ ღთ მყოფელისაგან, მასამც ედების კეთრა გეზისა, შიშთვილი იუდასი, ძრწოლა კაენისა, დანთქმა დათან და აბირონისი, მეზის ტეხილობა დიოსკორესი, მეყსა შინა სიკვდილი არიონისი, ან რომელმანც ამაზედ სხვა სიგელი გამაჩინოს, ამითი გამტყუნდეს. აწე თქვენ წმინდანო და უოველად სანატრელნო ჭზ პატრიაქნო, ბრწყინვალენო და ღთის მოყვარენო მეფენო, კეთილ მორწმუნენო დედოფალნო, კეთილად შობილნო ძენო და ასულნო მათნო, და უოველად შვენიერნო ერისთავნო, და უოველად შემკობილნო, ბრძენნო და მეცნიერნო, თავადნო და აზნაურნო, დიდნო და მკირენო, უოველნო მართმად მადიდებელნო და კეთილ მორწმუნენო, კურთხეულნო ქრისტიანენო, რომელმანც ეს ჩვენი ბოძემული წუბლობა და სიგელი დაუმტვიცონ, კურთხეულ და ნეტარ იყუნენ ხსენებანი მათნი, ვინც

ჩვენსა შემდგომად იქნებოდეთ, თქვენც ნუკე მოუშლით და მწყალობელნი იუვენით, რათა თქვენიც გაგებული ღმრთი განაგას. დაბადებითგან გარდასრულ იუვენეს წყენნი ვითარ: კსმვ: ხოლო ქრისტესითგან ჩდღზ: დაიწერა გულთა შურიკაშვილის ქრისტესისათა სამეუფოსა მას ქალაქსა კოსტანდინეპოლეს.

Переводъ. „Неописанная Мудрость и Сила, Слово Божіе, равное Богу и изъ чловѣколюбія родившееся на землѣ во плоти отъ безбрачной Жены, смиреніемъ покоряющее небо и воспринявшее чловѣческое тѣло! благодаримъ Тебя, превратившаго поверхность земли во второе небо, лучезарнымъ свѣтомъ освѣтившаго вѣчность. Великая и всевышняя Сила! ходатайствомъ лучезарной денницы, преблагой и непорочной Матери Твоей Маріи, которой явилъ себя бремениемъ, какъ невинный агнецъ; *ходатайствомъ* благословенныхъ свыше многихъ честныхъ силъ Божіихъ, стройно установленныхъ сонмовъ Саваоѳа—серафимовъ и херувимовъ—и всѣхъ безплотныхъ силъ; *ходатайствомъ* прекрасной горлицы, св. Предтечи, осіявшаго св. пустыню, предупредившаго утреннюю зарю и покорившагося слову Отца, Крестителя Іоанна; *ходатайствомъ* проповѣдниковъ слова Божія, *явленныхъ* неизсякаемымъ источникомъ жизни, великимъ Христомъ, быстрокрылыми орлами, покорившими весь міръ; *ходатайствомъ* боговдохновенныхъ, мудрѣйшихъ апостоловъ, достойныхъ отцовъ, епископовъ, прекрасно разъясняющихъ св. ипостась и свойства трисіяющей Троицы и два естества великихъ таинствъ; *ходатайствомъ* всѣхъ архіереевъ, преподобныхъ отцовъ-пустынниковъ, денницъ и просвѣтителей міра, и всѣхъ отцовъ и военачальниковъ святого воинства, блистающихъ на подвизалищѣ; *ходатайствомъ* избранныхъ дѣвъ, паче мужчинъ, предназначенныхъ быть избранною довою и украшенныхъ схи-

тическими подвигами, — и всѣхъ небесныхъ святыхъ и угодниковъ Іерусалимскаго града; ходатайствомъ и предстательствомъ этихъ защищенный, рожденный отъ отрасли рода Давидова, Соломонова, Панкратова — царя, сынъ царя, владѣвшаго обоими престолами царства, благословеніемъ Божиимъ благословляющій, католикосъ-патріархъ Карталинскій и Самцхе-Саатабаго, владѣтель Доментій, — въ то время когда завоевали Грузію и опустошили карталинскія земли, много людей убили, много перквей разорили и ихъ сокровища и утварь разграбили и много зла причинили намъ, — тогда я удалился на короткое время въ Лорійскую крѣпость и пробылъ въ ней 3 мѣсяца. Воспламененный любовью къ своей патвѣ, я тогда изъ жалости къ ней не былъ въ состояніи посѣтить ее, а только переѣхалъ изъ Лори въ страну Ксанскаго эриставства и остался тамъ 3 мѣсяца; оттуда пріѣхалъ въ Тифлисъ и пробылъ 6 мѣсяцевъ. Въ это время получились приказъ, шуба и фирманъ отъ великаго кесаря султана Ахмада (въ Карталиніи пашою сидѣлъ Раджабъ, а отъ Рождества Христова прошло 1721 г.): онъ призывалъ насъ ко двору, и намъ нельзя было отказать; мы отправились, и ты сопровождалъ насъ; достигли мы царственнаго града Константинополя, жили тамъ 2 года и 8 мѣсяцевъ, а оттуда насъ сослали на островъ, который на турецкомъ языкѣ носитъ названіе Вохча-Ада, а по-гречески называется Тенедо. Тамъ въ ссылкѣ мы пробыли 9 лѣтъ. Вездѣ въ этихъ мѣстахъ ты служилъ намъ, много страха и мученій ты перенесъ для нашей службы; такъ какъ ты съ дѣтства былъ воспитанъ нами, ты не захотѣлъ разлучиться и покинуть насъ. Взамѣнъ этого ты просилъ у насъ милости, и мы, внимая къ твоей просьбѣ и докладу, оказали усердіе и пожаловали вамъ, самоотверженнымъ на

нашей службѣ князьямъ (тавадамъ): Гедеванову Паатѣ, сыну сардаря (военачальника) Георгія, братьямъ твоимъ Заалу и Гавріилу, племяннику вашему Георгію, сыновьямъ и потомкамъ вашего дома,—пожаловали въ Сомхитѣ нацвальство Тамгрвала, Велькетила и Дисвла ¹⁾, нацвальство ²⁾ и мегалоба ³⁾ всѣхъ трехъ *деревень мы вамъ пожаловали*. Кромѣ того, племянникъ твой Деметрѣ, сынъ Заала, умеръ, не оставивъ потомства; онъ и его семья завѣщали тебѣ все достоящееся на ихъ долю; вы и насъ просили, и мы дали вамъ должность моурава Церовани и приходящее на его (племянника) долю крестоносительство, все имѣніе и всѣ земли его, домъ со входомъ и выходомъ, съ кувпинами для вина и погребомъ, виноградникомъ, пашнями и посѣвами, водою и мельницею, и со всѣми на его долю приходящимися землями. Пожаловали и утвердили сію опись и непоколебимый сигель, не измѣнимый нашими придворными чинами и не оспоримый людьми. Богъ да дастъ владѣть имъ ко благу нашей церкви и нашей вѣрности. Не измѣнимъ онъ мною, ни другими католикосами и владѣтелями, ни царями, ни царицами, ни великими, ни малыми. Какой бы человекъ—царь ли, или царица, или католикосъ-владѣтель, или кто-нибудь изъ человѣческаго рода—ни нарушилъ данную нами милость, пусть вся его жизнь будетъ нарушена, пусть онъ будетъ судимъ въ день оный страшнаго суда за свои и за наши грѣ-

¹⁾ Последнія двѣ деревни находятся въ бассейнѣ Машавери, а Тамгрвала, вѣроятно, то же самое, что и у Вахушта указано подъ названіемъ Дамгало (См. Description géographique de la Géorgie par Vakhoucht, p. 466, карта № 2).

²⁾ Нацвали въ деревняхъ служили помощниками и замѣстителями оружныхъ начальниковъ.

³⁾ Мегалоба—собираніе хлѣбной подати.

хи, память его пусть будетъ проклята, связана прокля-
тїемъ и предана анаемѣ нами и нашею католическою
церковью, и столпомъ животворящимъ, равнымъ небесамъ
и съ Божією милостью образующимъ миро; да постиг-
нетъ его проказа Гіезія, удавленіе Іуды, трепеть Каина,
поглощеніе землею Даавана и Авирона, Діоскорово по-
раженіе громомъ, смерть Аріоза. Если же кто на это
представитъ другой сигель, пусть будетъ уличенъ насто-
ящимъ *актомъ*. Нынѣ вы, святые и блаженнѣйшіе ка-
толикосы-патріархи, сіятельные и боголюбивые цари, бла-
говѣрные и благословенные христіане, которые утверди-
те сей нашъ жалованный даръ и сигель, да будетъ па-
мять ваша благословенна и блаженна. Тѣ, которые бу-
дете послѣ насъ, и вы не нарушайте, а будьте милости-
вы, чтобы и вами рѣшенное разрѣшилъ Богъ. Отъ со-
творенія міра прошло 7246 лѣтъ, а отъ Рождества
Христового 1738. Написано рукою Крестесія Шурика-
швили въ царственномъ градѣ Константинополѣ“.

Далѣ идетъ подпись католикоса Доментія вязью:
კათალიკოზ ჰატრიარქი დომენტი.

„Католикось-патріархъ Доментій“.

На оборотѣ акта слѣдующія записи:

1. ქ. მდთის: კურთხეულის: და ქართლისა და კახეთისა:
სამცხე: სათაბაგოსი (sic): და უკვეფთა: ქრისტონთა:
განმანთლებელის: და: კეთილათ: მაკურთხეველის: ბატონ-
ნის: ბიძის: ჩვენის: ჰატრიარქის: კონის: დომენტის (sic) ბძ-
ნება და: მტკიცე: სიგელი: ესე: ჩვენ: ბატონიშვილს: შა-
ნავაზს: ასე: დაგვიმკიცებია. შანავაზ.

„Богомъ благословеннаго Карталинскаго, Кахетин-
скаго и Сампхе-Саатабаго и всѣхъ христіанъ просвѣти-
теля и благословляющаго, господина нашего дяди, па-
тріарха-католикоса Дометія (sic) приказъ и непоколеби-

мый сей ситель мы, царевич Шанавазъ, симъ подтвер-
ждаемъ". (Слѣдуетъ печать съ надписью: *Шанавазъ*).

2. ვიქმენ: მოწმე: სიგლისა: ამის: ჩვენ: თუმანიშვილი.
მიტროპოლიტი: ქრისტეფორე: ქრისტეფორე.

„Свидѣтелемъ сего сителя былъ я, Туманишвили,
митрополить Христофоръ. „Христофоръ“ (последнее сло-
во вязью).

3. არის ამისი მოწამე იორამ მგალობლის შვილი და
წინამძვარი ეფისე

ეფისე.

„Свидѣтель сего—Иорамъ Мгалоблишвили и цинам-
дзваръ (настоятель) Елисе (слѣдуетъ печать Елисе).

4. ვარ ამისი მოწიმე (sic) ბერძენი პროტოსინგელი და-
ნიელ. გარმეული: გაბრიელ. მაღლაშვილი: ტარიელ.

„Свидѣтель сего—грекъ протосингелъ Даниилъ“ (слѣ-
дуетъ печать Даниила съ греческою перешедшею надписью).

„Чармеули Гавრიилъ“ (слѣдуетъ печать Гавриила).
„Магалашвили Тариелъ“ (печать Тариела).

На поляхъ лицевой стороны слѣдующія записи:

1. ქ: ჩვენ. უკვლისა. საქართველოსა, მამათ მთავარმან.
ქებან ქართველთა. მეფისა იესესამან. კათალიკოზ. პატ-
რიარქმან. ანტონი. ბრძანება. ესე ნეტარკსენებულისა.
წმიდისა. მამისა. და. დიდისა. მწყემისა (sic). სანატრელი-
სა. კათალიკოზ. პატრიარქისა. ბიძისა. ჩვენისა. ესრეთ.
წარწერიით. დავაბტკოციით. 1747. აგვისტოს. 7. (Слѣдуетъ
подпись католикоса Антонія вязью).

„Мы, всей Грузиі архипастырь, сынъ грузинскаго царя
Иесея, католикось-патріархъ Антоній, приказъ сей блажен-
ной памяти св. отца и великаго пастыря, и любезнаго католи-
коса-патріарха, дяди нашего, сею записью утвердили, 1747
г. августа 7-го“ (слѣдуетъ подпись католикоса вязью).

2. ქ: ჩვენ. მთავარ ეპისკოპოსის ქართლისა, რომანოზ.
დავაბტკოცებთ.

„Мы, архіепископъ Карталинскій Романозъ, утверждаемъ“ (слѣдуетъ печать архіепископа Романоза) ¹⁾.

Католикосъ Антоній, свидѣтельствующій нашъ актъ, есть сынъ царя Іесея, ставшій католикосомъ въ 1745 г.; въ 1755 г., заподозрѣнный въ латинствѣ, онъ былъ отправленъ въ Россію, гдѣ сдѣлался архіепископомъ Владимірскимъ и Іерапольскимъ. Въ 1764 г. Антоній, по желанію царя Ираклія II, вернулся въ Грузію и былъ католикосомъ до конца своей жизни, т. е. до 1790 г.

Царевичъ Шанавазъ, или Шахъ-Навазъ, упоминаемый въ записи нашего акта, есть сынъ Вахтанга VI. Христіанское имя его Бакаръ († 1750) (Н. Г. II, 1, р. 627, 628).

Какъ Антоній, такъ и Бакаръ могли утвердить этотъ актъ только въ Грузіи.

Актъ Тлашадзевыхъ ²⁾.

ქ. ჩვენს დვთისა მიერ კურთხევით კურცხეულმან, საქართველლას სატრიარქკათოლიკოზმან, ბატონისშვილმა დომენტიმ, ესე წყალობის წიგნი გიბოძეთ შენ ტლასაძე მღვდელს იესეს, შვილსა შენსა ზაქარიას, ასე რომ, ოდეს ბედნიერს ხვანთქარს კარზედ დავებარებინეთ და ჩვენც ჩვენის მამულისა და საუდრის მოსავლელად წავედით, გიბრძანეთ თან კლება და თან გვიახელით და გვმსახურეთ და ჩვენც გიბოძეთ ატენში სახუცოდ ოცდა სამი კომლი კაცი, რომ ის სახუცო არაოდეს არ გეთხოვებოდეს არა ჩვენგან, და არცა სხვათა შემდგომთა სატრიარქკათაგან. ამასავლად გვიბოძებია ვინც ჩვენსა შემდგომად იქნებოდეთ, ნურავინ მოუშლით, რომ ბევრრიგად გარჯილა ჩვენზედაცა და საუდრის მამულზედაცა. ვინც ჩვენი წყალობა მოუშალოს, წყეულ, კრულ

¹⁾ Актъ этотъ былъ переданъ мнѣ капитаномъ В. М. Гедевановымъ.

²⁾ Актъ этотъ переданъ мнѣ Д. Г. Каричашвили.

და შერვენებულ იყოს, და ვინც დაუმტკიცოს, გურთხეულ და ნეტარ იყვნენ. არის ამისი მოწამე გერმანოზიშვილი წინამძღვარი დომენტი, მგალობლიშვილი წინამძღვარი ელისე, გედევანიშვილი მოღარეთ-ხუცესი პაატა, ჭარმაული მეჯინიბეთ-ხუცესი გაბრიელ, არქიდიაკონი საგინაშვილი ელისე, დეკანოზიშვილი დარბაზის მოურავი იორამ, თუშმალი ქრისტესია თავილდარი, აზმაიფარაშვილი ქახოსრო. თვესა ივლისსა ოქსა დაიწერა წიგნი ესე ქალაქსა შინა სამეურჯოსა დიდსა სტამბოლს, რომელ არს კონსტანტინოპოლი, კელითა ანჩისხატის დეკანოზის გიორგი მღვდლისათა. ქორონიკონს „უიე“. ქრ. 1845. 7235.

Переводъ. „Мы, благословеніемъ Божиимъ благословенный, католикось-патріархъ Карталинїи, царевичъ Доментій, сію жалованную грамоту дали тебѣ, священнику Іесе Тлашадзе, и сыну твоему Захарію въ томъ, что, когда счастливый султанъ пригласилъ насъ къ своему двору, и мы, радѣя о нашей родинѣ и церкви, отправились, то приказали вамъ сопровождать насъ, и вы сопровождали и служили намъ. Мы, съ своей стороны, пожаловали вамъ въ Атенѣ въ качествѣ сахуцо ¹⁾ двадцать три дыма крестьянъ съ тѣмъ, чтобы это сахуцо никогда не требовалось ни мною ни другими послѣдующими патріархами, *ибо* мы отдали ихъ вамъ на кормленіе. Кто будетъ послѣ насъ, да не нарушитъ этого, такъ какъ онъ понесетъ много разнообразнаго труда на насъ и на церковное имѣніе. Кто же нарушитъ пожалованное нами, пусть будетъ проклятъ, связанъ проклятїемъ и преданъ анаѳемѣ, а кто утвердитъ, пусть будетъ благословенъ и блаженъ. Свидѣтели сего суть: Германозишвили цинамдзгваръ ²⁾ Елисе, Ге-

¹⁾ Сахуцо—подать, оброкъ на содержаніе священника. Сахуцо можетъ означать также подать, платимую священниками епископамъ.

²⁾ Цинамдзгваръ значитъ настоятель.

деванишвили молареть-ухуцесь ¹⁾ Гавріиль, архидіакоуь Сагинашвили Елисе, Деканозишвили моуравъ двора Юрамъ, Тушмалъ Крестесія конюшій, Азмайпарашвили Кайхосро. Написана сія грамота въ великомъ царственномъ градѣ Стамбулѣ, который есть Константинополь, рукою анчисхатскаго протоіерея-священника Георгія, въ крониконъ 415, отъ Р. X. 1727, *отъ сотворенія міра 7235*“.

Лица, являющіяся свидѣтелями какъ въ этомъ, такъ и въ первомъ актѣ, вѣроятно, составляли свиту католикоса Доментія III, а священникъ Іесе Тлашадзе, которому данъ разбираемый актъ, оставилъ намъ сочиненіе въ стихахъ: „Католикосъ-Бакаріани“, т. е. повѣсть о католикосѣ Доментіи III и Бакарѣ, или Шахъ-Навазѣ III. Въ началѣ своей повѣсти Тлашадзе описываетъ тѣ смуты и войны, которыя имѣли мѣсто въ Грузіи въ эту печальную эпоху, и тѣмъ даетъ общую картину тогдашняго политическаго состоянія края. Затѣмъ авторъ подробно говоритъ о путешествіи Доментія въ Константинополь, знакомитъ насъ съ городами и мѣстечками, черезъ которые они проходили, описываетъ пріемъ католикоса султаномъ, пребываніе Доментія въ Константинополѣ, достопримѣчательности Константинополя и т. д. Къ сожалѣнію, единственная рукопись этого сочиненія, пріобрѣтенная въ Дагестанѣ фотографомъ А. Роиновымъ и переданная имъ „Обществу распространенія грамотности среди грузинскаго населенія“, дефектна. Тѣмъ не менѣе она настолько интересна, что я счелъ нужнымъ издать ее, и она скоро выйдетъ изъ печати.

Е. Такай-швили.

20-го іюля 1895 г.,
г. Тифлисъ.

¹⁾ Молареть-ухуцесь означаетъ главнаго хранителя казначейства.

Мусульманское представлѣніе о Кавказскомъ хребтѣ (Кухи-Кафъ).

Гора Кафъ (Кавказъ) въ мусульманской литературѣ соединяется съ восточной легендой объ Александрѣ Македонскомъ (Искандаръ Зулъ-карнейнъ—Александръ Двурогій), который встрѣтилъ въ Кавказскомъ ущельѣ народъ Гога и Магога (Яджужъ и Маджужъ). Въ главѣ XVIII Корана, въ ст. 82—89, рассказано слѣдующее: „Тебя (т. е. Мухаммада) спрашиваютъ о Зулъ-карнейнѣ. Скажи: я прочитаю Вамъ повѣсть о немъ. Мы (т. е. Богъ) дали ему (Александру) могущество на землѣ и доставили способъ ко всему. Богъ далъ ему способъ итти, покуда онъ не достигъ до запада солнца. Онъ увидѣлъ, что оно западаетъ въ грязный источникъ. Близъ него онъ нашелъ народъ. Мы сказали: Зулъ-карнейнъ! либо накажи его, либо окажи ему добро. Зулъ-карнейнъ сказалъ: кто дѣлаетъ зло, того мы накажемъ; и послѣ того, когда возвращенъ будетъ онъ ко Господу своему, Онъ накажетъ его жестокою казнью, Но кто увѣруетъ и будетъ дѣлать добро, тому наградой будетъ прекраснѣйшее (рай). Мы скажемъ ему тѣ изъ нашихъ повелѣній, которыя легки.

Послѣ того Богъ далъ ему способъ итти, покуда онъ не достигъ до востока солнца. Онъ увидѣлъ, что оно восходитъ надъ однимъ народомъ, которому Мы не дали никакого покрова въ защиту отъ зноя. Такъ это

было. Мы даемъ теперь свѣдѣніе о томъ, что было съ нимъ (съ Александромъ).

Послѣ того Богъ далъ ему способъ итти, покуда онъ не достигъ промежутка между двумя стѣнами ¹⁾ Онъ увидѣлъ, что тамъ былъ народъ, едва понимавшій какую-либо рѣчь. Онъ сказалъ: Зуль-карнейнъ! Гогъ и Магогъ ²⁾ причиняютъ бѣды на этой землѣ; не представить ли намъ какую-нибудь плату тебѣ на то, чтобы ты поставилъ стѣну между нами и ими. Александръ сказалъ: могущество, какое далъ мнѣ Господь мой, есть наилучшая для меня плата; вы же только ревностно помогайте мнѣ: я поставлю преграду между вами и ими. Носите ко мнѣ столько кусковъ желѣза, чтобы ими заравнять промежутокъ между скатами этихъ горъ. Потомъ онъ сказалъ: раздувайте такъ, чтобы желѣзо сдѣлалось раскаленнымъ. Онъ сказалъ: несите ко мнѣ расплавленной мѣди и лейте на него. Гогъ и Магогъ не могли влѣзть на нее и не могли пробить ее. Онъ сказалъ: это милость Господа моего. Когда наступитъ предвозвѣщенное Господомъ моимъ, тогда онъ измельчитъ ее въ щепень. Предвозвѣщенное Господомъ моимъ сбудется вѣрно. Въ тотъ день мы выпустимъ ихъ однихъ за другими волною, и когда прозвучитъ труба, Мы столпимъ ихъ толпою“.

Извѣстный изслѣдователь жизни и ученія Мухаммада, А. Шпренгеръ, на основаніи арабскихъ источниковъ замѣчаетъ, что Зуль-карнейнъ былъ не только завоевателемъ и пророкомъ, но и философомъ; онъ изслѣдовалъ всѣ тайны природы; любознательность побудила его принять и военные походы. Съ этимъ намѣреніемъ онъ отправился къ горѣ Кафъ, окружающей землю. Онъ на-

¹⁾ Горное ущелье.

²⁾ Ср. Бытія 10, 2. Иезек. 38, 39, 1—13. Апокал. 20, 7—9.

шелъ тамъ также и очень маленькія горы и спросилъ главный хребетъ: „ты кто?“. Хребетъ отвечалъ: „я—Кафъ“. Онъ продолжалъ спрашивать: что значать вотъ эти маленькія горки вокругъ тебя? Хребетъ отвѣчалъ: „это—мои жилы. Нѣтъ ни одного города, къ которому бы не была протянута одна изъ этихъ жилъ. Когда Богъ хочетъ попытать землю потрясеніемъ, то повелѣваетъ мнѣ подернуть находящіяся въ прикосновеніи со мною жилы. Я слушаю повеленія Его,—и происходитъ землетрясеніе“. Зуль-карнейнъ попросилъ теперь гору Кафъ дать ему понятіе о величій Бога. Кафъ сказалъ: „никакое описаніе недостаточно для того, чтобы изобразить Его, и самое смѣлое воображеніе не въ состояніи обнять Его“. — „Такъ сообщи мнѣ хоть неудовлетворительное представленіе о Богѣ“. — „Кромѣ земли“, сказала гора Кафъ: „есть пуста въ 500 лѣтъ длины и ширины, а ее покрываютъ снѣговыя горы. Если бы не было этихъ горъ, то земля сгорѣла бы отъ адскаго жара ¹⁾“. У Таляба упоминается, что гора Кафъ состоитъ изъ сплошнаго смарагда и что отъ пѣвта его и небо получаетъ свой цвѣтъ. Смарагдъ люди достаютъ съ этой горы.

Въ толкованіи на Коранъ „Рухуль-баянъ“ называется, что когда Александръ Двурогій отправился въ восточныя страны, то встрѣтилъ двѣ горы, одну противъ другой. По обѣ стороны жили два народа, занимавшіеся земледѣліемъ, а между горами жили Гогъ и Магогъ, которые каждую весну выходили на пашни сосѣдей и уничтожали посѣвы ихъ и четвероногихъ животныхъ. Поэтому они обратились къ Двурогому Алексан-

¹⁾ Das Leben und die Lehre des Mohammad, Nach grösstentheils unbenutzten Quellen bearbeitet von A. Sprenger. Zweite Ausgabe. Zweiter Band. Berlin, 1869. S. 469—470.

дру съ просьбою отгородить ихъ отъ Гога и Магога. Александръ сказалъ имъ, чтобъ они помогли ему въ устройствѣ загороди. Они принесли ему необходимое количество желѣза и мѣди и расплавили это. Изъ этой массы Александръ устроилъ загородку между двумя горами, заперъ тамъ Гога и Магога и освободилъ отъ нихъ сосѣдей. Гогъ и Магогъ останутся тамъ до всеобщаго воскресенія.

О Гогѣ и Магогѣ существуютъ у мусульманскихъ авторовъ два мнѣнія: по одному изъ этихъ мнѣній Гогъ и Магогъ происходятъ изъ потомства Іафета, сына Ноева, именно отъ сына его Тюрка. У Гога и Магога не было ни религіи, ни знавій, ни ремеслъ, и жили они какъ животныя. Жизнь ихъ была настолько продолжительна, что ни одинъ изъ нихъ не умиралъ прежде, чѣмъ не увидѣлъ тысячи потомковъ. Они били великаны, такъ что ростъ у иныхъ достигалъ 120 локтей. У нихъ были столь большія уши, что когда ложились они, то одно ухо подстилали подъ себя, а другимъ прикрывались сверху. Голосъ ихъ походилъ на вой волка, и ѣли они все, что встрѣчали: змѣй, черепахъ и даже слоновъ и крокодиловъ.

Въ другихъ разсказахъ Гогъ и Магогъ называются „желтыми людьми“ (бани-асфаръ) и представляются желтолицыми карликами, не знающими человѣческой рѣчи и не имѣющими одежды, а прикрывающими себя своими длинными ушами. Запертые Александромъ Двурогимъ въ ущелье горы Кафъ бани-асфары стараются пробить и пролизать себѣ выходъ изъ загородки, но не будутъ въ состояніи сдѣлать этого до наступленія кончины міра: освобожденіе Гога и Магога и разсѣяніе ихъ по землѣ считается у мусульмъ однимъ изъ признаковъ наступленія кончины міра.

Какой же горный хребетъ нужно разумѣть подь горою Кафъ? Европейскіе ученые обыкновенно утверждаютъ, что подь горою Кафъ нужно разумѣть *Кавказскій хребетъ* ¹⁾, но это мнѣніе, несмотря на его распространеніе и общепринятое признаніе, не можетъ считаться правильнымъ, потому что Александръ Македонскій не былъ на Кавказѣ и потому что подь именемъ горы *Кафъ* извѣстенъ другой горный хребетъ, именно Гиндукушъ, чрезъ который македонскій завоеватель дѣйствительно проходилъ. Весною 329 года Александръ, направляясь изъ Кабулистана въ Бактрію, прошелъ чрезъ Гиндукушъ по одному изъ семи переваловъ между 69 и 70 градусами вост. долготы (Арріанъ и Кв. Курцій). Въ теченіе 17 сутокъ двигался македонскій герой по снѣжнымъ вершинамъ этого хребта со своимъ войскомъ, которое должно было страдать и отъ холода и отъ голода, и только въ Драпакѣ (Эндерабъ), лежащемъ у подножія Гиндукуша, съ сѣверной его стороны, македонское войско, изнуренное трудностью пути, холодомъ и голодомъ, могло получить необходимый отдыхъ. Совершивъ затѣмъ походъ въ Туркестанъ и покоривъ Бактріану и Согдіану, Александръ въ 327 году возвратился въ Бактры (Балхъ) и отсюда двинулся снова чрезъ Гиндукушъ въ свой знаменитый Индійскій походъ.

Такимъ образомъ, македонскій завоеватель, пріобрѣтшій во всемъ восточномъ мірѣ столь громкую извѣстность, а мусульманами причисленный даже къ лику пророковъ подь именемъ „Искандера Зуль-карейна“, естественно могъ оставить свое имя многимъ мѣстностямъ.

¹⁾ Смотр. Русскій Энциклопедическій словарь проф. Березина—слово „Кавказъ“. Сравн. Brockhaus, Conversations-Lexicon, 10 Band, ст. „Kaf“.

въ разныхъ странахъ, а въ томъ числѣ и Гиндукушъ т.-е. гору Кафъ, соединить со своимъ именемъ; Кавказскій же хребетъ могъ получить свое названіе уже по сходству своему съ Кафомъ Индійскимъ, какъ въ отношеніи высоты, такъ и расположенія главнаго края.

Что же касается Гога и Магога, то неудивительно, что горные жители Гиндукуша, отличавшіеся своими хищническими набѣгами на мирныхъ сосѣдей и усмиренные необычнымъ завоевателемъ, дали послѣдующему времени тему для баснословныхъ разсказовъ о нихъ. Мусульманскіе же писатели древнихъ временъ, не располагавшіе научными средствами фактической провѣрки географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, могли, при помощи своей легковѣрной фантазіи, изобразить гоговъ и магоговъ невѣроятными чудовищами. Самъ авторъ Корана былъ болѣе остороженъ, когда заносилъ на страницы своей законодательной книги легенду объ этихъ народахъ, а послѣдующіе толкователи его книги не стѣснялись уже заносить на свои страницы такія нелѣпости, о которыхъ неудобно и разсказывать. Есть мнѣніе позднѣйшее, что подъ Гогомъ и Магогомъ нужно разумѣть китайцевъ, какъ желтолицыхъ людей.

Н. Остроумовъ.

Ташкентъ.

1894.

Мужская гимназія.

Каникулярная поѣздка по Эриванской губерніи и Карсской области.

I.

Отъездъ изъ Эривани. Разнообразный составъ населенія. Переправа чрезъ Араксъ. Подъемъ къ Арарату. Сѣдловина между обоими Араратами. Кавачій лагерь. Развалины деревни Велиджанъ. Растительность на высотѣ 7500 ф. Кочевки курдовъ. Черты народнаго характера курдовъ. Типы ихъ, костюмы и наряды. Угощеніе въ курдскомъ шатрѣ. Березовая роща. Отсутствие разнообразія въ животномъ мірѣ. Пещеры. Лагерная жизнь казаковъ. Разсказъ персидскаго принца о педагогическихъ приемахъ муллы.

Наступили каникулы 1894 г. Я уже давно собирався ознакомиться съ окраиной, куда меня забросила служба, и потому рѣшилъ воспользоваться каникулярнымъ временемъ для выполненія своего желанія. Попытки мои прійскать себѣ хоть одного компаньона были безуспѣшны и я рѣшилъ ѣздить въ одиночку или съ тѣмъ, кто попадется мнѣ случайно. Прежде всего я выбралъ мѣстности около Арарата, какъ наиболѣе близкія къ Эривани.

Дорога по сосѣдству съ Эриванью представляла мало интереснаго: это были спаленныя солнцемъ поляны, мѣстами густо покрытыя обломками базальтовой лавы или каменные холмы. Далѣе, однако, она начала оживляться культурными полями, рисовыми, хлопковыми, пшеничными; начали попадаться деревни, а въ ложбинахъ, среди холмовъ, раздавалась громкая пѣсня безчисленныхъ пикадѣ, замѣнившая собою мертвую тишину предыдущей дороги. Совсѣмъ другіе виды начались со второй станціи. Почти тотчасъ же за станціей, верстахъ въ двухъ-трехъ,

началась непрерывная аллея изъ садовъ: деревни слились одна съ другой и только по надписямъ на столбахъ, попадающихся чуть не въ полуверстѣ другъ отъ друга, можно было видѣть, что вѣъзжаешь въ новую деревню. И какихъ только странныхъ для русскаго уха не встрѣтишь тутъ названій: Агамзалы, Харатлю, Буганлу, Куйласаръ. Тоханшалу, Гедаклю, Камарлю.... Въ этихъ деревняхъ рядомъ другъ съ другомъ уживаются и армяне, и татары, и айсоры. Айсоры—многіе ли изъ русскихъ, живущихъ вдали отъ этой окраины, слышали, что до сихъ поръ существуютъ остатки древнихъ ассирійцевъ? Вѣроятно, найдется немного такихъ. Все это разноплеменное населеніе живетъ мирно рядомъ другъ съ другомъ и по всѣмъ признакамъ живетъ очень недурно: справа и слѣва отъ дороги идутъ сплошною массою нивы, фруктовые сады, виноградники, огороды, раздѣленные глиняными заборами, около которыхъ засажены сплошною массою тополевыя, туковыя и пшатовыя деревья, служація для нихъ какъ защитой, такъ и строительнымъ матеріаломъ, а съ пшатовыхъ деревьевъ, кромѣ того, получаютъ обильные урожаи сильно мучнистыхъ и сладковатыхъ плодовъ. Дома отличаются съ внѣшней стороны опрятностью и не похожи на тѣ звѣринныя берлоги, которыя попадались мнѣ въ нагорной сторонѣ Эриванской губервіи. Жители также были болѣе нарядны и опрятны, что шло совсѣмъ въ разрѣзъ съ обычными картинами мусульманскаго Закавказья, гдѣ скуповатые обитатели, по оставшейся со временъ персидскаго владѣчества привычкѣ, предпочитаютъ припрятывать свои достатки подалеже, а не выставлять ихъ напоказъ, почему изодранныя до невозможности лохмотья составляютъ обычный нарядъ, подъ конецъ становящійся негоднымъ даже для передѣлки на писчую бумагу.

На пути къ Аралыху намъ нужно было переѣхать чрезъ Араксъ. Былъ уже вечеръ, когда мы выѣхали изъ камарлинской станціи, а въ это время здѣсь, какъ и въ Эривани, подъ вечеръ начинается дуть вѣтеръ. Причина вѣтровъ та, что холодный и тяжелый воздухъ съ сосѣднихъ высотъ стекаетъ внизъ на мѣсто теплаго воздуха равнины. Вѣтры эти иногда бываютъ слабы, иногда же принимаютъ характеръ настоящей бури, которая рветъ и мечетъ во всѣ стороны и несетъ съ собою тучи песку и пыли, заставляя все живое искать себѣ убѣжища въ домахъ и сараяхъ. Такая же буря застигла и насъ около самаго Аракса. Всѣ попытки наши сдвинуть поромъ были безуспѣшны, а несущіяся тучи песку подъ конецъ вынудили насъ искать спасенія за сосѣднимъ строеніемъ. Вѣтеръ началъ по временамъ ослабѣвать, и это дало намъ возможность, послѣ дружныхъ усилій, оттолкнуть поромъ и добраться до другого берега. Араксъ въ этомъ мѣстѣ представляетъ неширокую рѣку, приблизительно саженой въ 20—25, но быстрое теченіе, въ соединеніи со страшными порывами вѣтра, дѣлало плаваніе по нему небезопаснымъ на утлыхъ челнокахъ, представляющихъ изъ себя поромъ. Вскорѣ послѣ переправы, начавшій было утихать вѣтеръ снова расходился и въ самомъ Аралыхѣ, куда мы, наконецъ, добрались поадно ночью, онъ обратился въ ураганъ, поднявшій цѣлыя тучи пыли, песку и мелкихъ камней. На ночь мы остановились въ одномъ изъ зданій бывшей штабъ-квартиры Уманскаго полка. Уманцы были переведены отсюда сперва въ Эривань, а потомъ въ Карсъ, а зданія ш.-квартиры отчасти были заняты полтавцами и пограничной стражей, отчасти прашли въ ветхость и развалились. Окрестности Аралыха представляютъ съ сѣверной стороны песчаную, солончаковую и болотистую равнину, изобилующую комарами; съ юга так-

же песчаная равнина, вплоть до подножія Арарата, покрыта жалкимъ кустарникомъ, за которымъ начинается подъемъ къ Арарату, страшно усыпанный громадными обломками, свалившимися сюда во время землетрясенія въ 1840 г., а далѣе во всемъ своемъ величіи представляется Ахуринская разсѣлина, раздѣляющая Араратъ на двѣ части. Путь отъ Аралыха къ сѣдловинѣ между Большимъ и Малымъ Араратомъ, куда мы направлялись, пролегалъ въ видѣ тропинки сперва между кустарникомъ. Жизни въ этомъ кустарникѣ, который почему-то носить громкое названіе лѣса, нѣтъ почти никакой: изрѣдка попадались ящерицы, но какія-то вялыя и неповоротливыя. Ъзда по песчаной тропинкѣ возможна была только шагомъ; окружающія картины скоро мнѣ наскучили, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда мы выберемся на болѣе плотную почву, чтобъ двигаться къ цѣли поскорѣе. Но не тутъ-то было: послѣ песковъ начались камни, обильно усыпавшіе тропику; которая пошла слегка въ гору, проходя по складкамъ подошвы Арарата, и къ необходимости ѣхать по-старому тихо прибавилось еще опасеніе, что вотъ-вотъ конь поломаётъ себѣ ноги или копыта. Растительность среди камней имѣла убогій характеръ: полынь, колючки, безсмертники. Притомъ все это выгорѣло и засохло. Однако съ повышеніемъ мѣстности растительный міръ становился разнообразнѣе; камней тоже становилось меньше. Вверху гѣди жаворонки и мѣстность мало-по-малу приняла степной характеръ. Не будь предъ нами грандіозныхъ сооружений Арарата, можно было бы подумать, что находишься въ южно-русской степи. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ намъ не попадалось ни одного человѣка. Курды, кочующіе въ этой мѣстности, на лѣто уходятъ на высоты Арарата, поближе къ водѣ, такъ какъ вода

отъ таюшихъ на Араратѣ снѣговъ образуетъ потоки только въ верхнихъ частяхъ, которые затѣмъ на склонахъ или даже въ самомъ началѣ уходятъ въ пористыя породы, образующія массивы обѣихъ Араратовъ. Несмотря на видимое безлюдье, ѣзда по этимъ мѣстамъ считается небезопасной. Всегда можно разсчитывать, что какой-нибудь бродячій курдь или татаринъ не пропуститъ случая обогнать или даже пристрѣлить изъ-за камней одинокаго путешественника. Поэтому строго предписывается, чтобы офицеръ имѣлъ конвой изъ двухъ-трехъ казаковъ, а казаки разъѣзжали въ количествѣ не менѣе двухъ человекъ. То же самое пришлось сдѣлать и намъ. Мы взяли для конвоя двухъ казаковъ и поѣхали. У подхорунжаго была очень рѣзвая лошадь, почему онъ нерѣдко далеко уѣзжалъ отъ насъ впередъ. Отъ нечего дѣлать я разговаривался съ казакомъ. Кубанскій казакъ такъ же простодушенъ и легковѣренъ, какъ и всякій другой русскій простой людинъ; отличіе его только то, что онъ чувствуетъ, вѣроятно, унаслѣдованную отъ запорожскихъ своихъ предковъ склонность къ войнѣ.

Предъ самой сѣдловиною дорожка пошла по ущельямъ крутыми, неудобными каменистыми подъемами. До сихъ поръ мнѣ не приходилось ѣздить по горамъ, поэтому пришлось всецѣло положиться на опытность и способность своего коня карабкаться по неудобопроходимымъ тропинкамъ. Лошадь и я достаточно таки измучились, прежде чѣмъ выбрались на сѣдловину, гдѣ подъемъ настолько пологій, что можно было безъ затрудненія ѣхать иногда и рыспой. Чистый горный воздухъ, роскошная трава съ безконечной массой цвѣтовъ, среди которыхъ было много такихъ, что они могли бы служить украшеніемъ любого цвѣтника, грандіозныя сооруженія Араратовъ впереди и сбоку доставляли такое истинное удо-

вольствіе, что забывались и усталость, и голодь, и жажда. Вскорѣ мы увидѣли бѣлыя палатки: это былъ лагерь двухъ сотенъ казаковъ Полтавскаго полка, — цѣль нашей поѣздки, и мы поспѣшили туда.

Первая же ночь показала, что на высотѣ 7500 ф. нельзя спокойно спать подь однимъ одѣяломъ; пришлось къ одѣялу прибавить все, что было изъ платья. Температура падаетъ ночью, вѣроятно, градусовъ до 2—3, днемъ же, наоборотъ, солнце печетъ такъ сильно, что обжигаетъ лицо и руки даже у людей привычныхъ къ жарѣ. Не рассчитывая пробыть здѣсь долго, я на другой же день началъ свои прогулки по окрестностямъ. Составилась небольшая компанія и мы отправились на гору Такальту, съ которой можно увидѣть всю равнину. Такальту, въ переводѣ съ татарскаго, означаетъ подсѣдельникъ. И дѣйствительно гора эта расположена подь сѣдловиной, на восточномъ склонѣ Б. Арарата и представляетъ собою значительныхъ размѣровъ побочный вулканъ. На дорогѣ намъ пришлось осмотрѣть остатки деревни Велиджанъ. Остатки состоятъ изъ каменныхъ изгородей и надгробныхъ памятниковъ, на двухъ-трехъ изъ которыхъ были высѣчены кресты. Изгороди были сдѣланы изъ громадныхъ обломковъ базальта, сложенныхъ безъ всякаго пемента. Подобныя циклопическія постройки часто попадались мнѣ во время послѣдующихъ поѣздокъ, и всякій разъ мнѣ казалось непонятнымъ, зачѣмъ обитателямъ нужно было тратить время и силу на подъемъ сто-пудовыхъ камней, когда безъ хлопотъ можно было соорудить приземистую стѣну изъ болѣе мелкихъ камней. Что это была за деревня и когда она кончила свое существованіе, мои спутники ничего не могли мнѣ сказать. Вѣроятно нападенія курдовъ, которые и теперь безпрерывно грабятъ, убиваютъ и колѣчатъ другъ друга, вы-

нудили крестьянъ упомянутой деревни бѣжать отсюда, если только они не были перебиты всё за одинъ разъ. Если что-нибудь подобное и случилось, то это уже давно, такъ какъ могильные памятники глубоко зарылись въ землю, а отъ жилищъ остались одни изгороди, все же остальное пространство заросло густою, роскошною травой. Трава повсюду здѣсь отличается свойственною альпійскимъ высотамъ роскошью и разнообразіемъ; въ особенности по небольшимъ ущельямъ, гдѣ она меньше подвергается солнечному припеку, она обращается въ сидопные цвѣточные ковры, между которыми рѣзко выдается макъ, съ лепестками ярко краснаго цвѣта, достигающими трехъ вершковъ въ поперечникѣ; этотъ видъ мака отличается отъ другихъ тѣмъ, что лепестки его не только большіе размѣровъ, чѣмъ обыкновенно, но и сидятъ крѣпче и бываютъ въ числѣ 4, 6 и 8, чего мнѣ не приходилось видѣть нигдѣ на низкихъ мѣстахъ. Къ сожалѣнію, въ такихъ мѣстахъ нѣтъ ни дерева ни ручейка. Къ оригинальнымъ представителямъ здѣшней флоры нужно причислить грибы, похожіе на дождевики, разнообразной формы, то въ видѣ сердца, то шарообразные, то похожіе на круглый или продолговатый хлѣбъ, и достигающіе $3\frac{1}{2}$ четвертей въ діаметрѣ. Бѣлые массы этихъ грибовъ, разбросанныхъ по южному склону вершины Такальту, замѣтны уже издали среди выгорающей отъ безводія травы. Во многихъ мѣстахъ трава, кажется, пропадаетъ безъ пользы, потому что вблизи нѣтъ воды, а на водопой гонять скотъ по изборозженной балками и хребтиками мѣстности очень неудобно или совсѣмъ нельзя. Болѣе доступныя мѣста служатъ временными пастбищами весною и осенью, когда выпадающіе снѣга и дожди доставляютъ достаточное количество воды. Тропинка, по которой мы шли, то подни-

малась въ гору, то опускалась въ балку; мѣстами же не было и простой тропинки, и намъ приходилось идти по скользкой выгорѣвшей травѣ. Эти непривычные для меня непрерывные подъемы и спуски, разрѣженный воздухъ и сильно томившая жажда довели меня и одного моего спутника почти до полного изнеможенія, и мы чуть живые добрались, наконецъ, до одной куртинской кочевки, гдѣ можно было вдоволь напиться разбавленнаго водой кислаго молока. Рѣдко случалось мнѣ въ жизни пить что-нибудь съ такимъ удовольствіемъ и въ такомъ количествѣ, какъ этотъ незамысловатый напитокъ. Это подкрѣпило насъ, тѣмъ не менѣе домой я добрался страшно усталымъ и дня два потомъ чувствовалъ боль въ груди. Съ теченіемъ времени я, однако, привыкъ ходить по горамъ долго и скоро, и первое путешествіе на Такальту казалось уже мнѣ игрушкой.

Лагерь былъ расположенъ верстахъ въ 3—4 отъ границы, чѣмъ я рѣшилъ воспользоваться, чтобы взглянуть на чужую землю, тѣмъ болѣе что это мнѣ еще никогда не удавалось. Пограничныхъ знаковъ нигдѣ не было, и граница проходить, повидимому, на той высшей линіи сѣдловины, откуда она начинается слегка опускаться къ сѣверной и южной сторонѣ. Растительность, богатая въ окрестностяхъ лагеря, по мѣрѣ приближенія къ границѣ, становилась болѣе тощей; камни, свалившіеся сюда съ М. Арарата попадались чаще, а мѣстами, гдѣ весною текутъ потоки, ихъ столько, что переходъ черезъ нихъ становится въ высшей степени затруднительнымъ. Верстахъ въ 3-хъ отъ границы можно было видѣть, что сѣдловина между Б. и М. Араратомъ постепенно опускается уступами такъ же и къ Персіи, какъ къ Россіи. За этой сѣдловинной виднѣется такая же равнина, какъ и на Араксѣ, ограниченная съ юга и запада обрыва-

стыми голыми горами. М. Араратъ въ этомъ мѣстѣ вполне доступенъ для подъема; склоны его довольно пологи и почти до верху покрыты травой, правда, довольно скудной, но значительно облегающей подъемъ. Въ половинѣ юня верхушка его почти пѣликомъ была покрыта снѣгомъ, среди котораго возвышались темно-бурыя скалы. Отдѣльныя клочки снѣга спускались далеко внизъ; вокругъ нихъ зеленѣла трава, тщедушная и рѣдкая, но съ массою синихъ и голубыхъ цвѣтовъ, которые не попадаютъ уже ниже, на сѣдловинѣ. Животный мѣръ былъ такъ же бѣденъ, какъ и растительный; изрѣдка попадались небольшіе мотыльки да сѣренькія птички, и тишина нарушалась только лаемъ собакъ да криками животныхъ и людей, расположившихся на богатой травой сѣдловинѣ. Вода отъ тающихъ снѣговъ, большею частью, исчезаетъ тутъ же въ гористыхъ породахъ М. Арарата, почему курды, здѣшніе кочевники, должны отводить каналы отъ болѣе могучихъ потоковъ, текущихъ съ Б. Арарата. Этотъ послѣдній со стороны сѣдловины, имѣющей у его подножія видъ небольшой равнины, поднимается крутыми, обрывистыми и совершенно голыми горами, за которыми начинаются снѣга, сперва отдѣльными клочками, а затѣмъ почти сплошною массою, среди которой возвышаются каменные глыбы или голые хребты, которые снизу кажутся ничтожными черными или темносѣрыми камешками или бороздами. На самой сѣдловинѣ и на склонахъ обоихъ Араратовъ разбросаны повсюду кочевки курдовъ, невдалекѣ отъ которыхъ пасутся стада крупнаго и мелкаго рогатаго скота. Издали кочевки эти похожи на цыганскіе таборы. Шатры исключительно чернаго цвѣта. При осмотрѣ шатры эти указываютъ на большое благосостояніе, чѣмъ это можно встрѣтить у цыганъ. По формѣ своей они напоминаютъ двускатныя

крыши домовъ, съ невысокими стѣнами въ 1—1½ арш. изъ цыновокъ; одной стѣны не хватаетъ. Крыша обыкновенно одѣлана изъ очень грубой черной или буровой шерстяной матеріи. Одна сторона шатра обыкновенно бываетъ открыта. Мнѣ нѣсколько разъ пришлось бывать и видѣть издали эти кочевки и повсюду форма шатра оставалась та же. Внутренность иногда бывала раздѣленной на два-три отдѣленія цыновками; тутъ же въ шатрѣ имѣлось маленькое отдѣленіе для телятъ и ягнятъ. остальное же пространство чаще было безъ перегородокъ, и вся семья, въ большинствѣ случаевъ состоящая изъ нѣсколькихъ женатыхъ сыновей или братьевъ и ихъ потомствъ, спитъ въ повалку. Шатры располагаются такъ, чтобъ можно было помѣстить среди нихъ на ночь скотъ. Національный порокъ курдовъ—это склонность къ воровству, грабежу и разбою. Курдъ не пропуститъ случая украсть или отбить вооруженной силой скотъ, если къ этому представляется малѣйшая возможность. А такъ какъ скотъ является единственнымъ имуществомъ курда, то защита и отнятіе его сопровождается убійствами и пораненіями, порождающими, въ свою очередь, желаніе отомстить смертью же или ранами, если противная сторона не пожелаетъ уплатить за кровь. Сооры эти никогда не прекращаются. За очень непродолжительное время моего пребыванія въ казачьемъ лагерьѣ, приходилось слышать жалобы татаръ-кочевниковъ на сосѣднихъ съ казачьимъ лагеремъ курдовъ, что тѣ украли у нихъ корову; въ тотъ же день является курдъ съ заявленіемъ, что вышеупомянутые курды поймали ихъ ословъ и, чтобъ доставить хозяевамъ неприятность, отрѣзали имъ хвосты и уши. Приходить новый курдъ и жалуется, что изъ сосѣдней кочевки убили одного и ранили двухъ его родственниковъ, и что они рѣшили такъ

же перебить ихъ, если тѣ не помирятся съ ними на выгодныхъ условіяхъ. Однако при дальнѣйшихъ распросахъ оказывается, что убійство и пораненія произошли въ то время, когда жалующійся со своими родичами гналъ украденный имъ скоть. Обвиняемые въ убійствѣ узнали въ прогоняемыхъ среди камней коровахъ скоть своихъ родственниковъ изъ сосѣдней кочевки и сочли нужнымъ отнять его. Произошла свалка и одинъ человѣкъ былъ убитъ, а два ранены. Однимъ словомъ, дразги эти ведутся испоконъ вѣку и могутъ кончиться только тогда, когда совершенно измѣнятся условія мѣстной жизни. Большинство кочевниковъ въ окрестностяхъ лагеря были персидско-подданные, которые заняли русскія пастбища при неофициальномъ разрѣшеніи. Поэтому на междоусобія курдовъ смотрятъ довольно спокойно; имъ предлагаютъ только уладить дѣло миромъ, угрожая въ противномъ случаѣ выгнать ихъ или силой или, еще проще, перекопать канаву, по которой идетъ вода для водопоя скота непріятельской кочевки, въ силу чего курды поневолѣ должны были бы уйти отсюда, съ хорошихъ пастбищъ. Такъ какъ отъ ссоръ курдовъ между собою вреда казакамъ не было никакого и ссоры эти кончались мирными соглашениями, въ родѣ того, что за искалѣченныхъ ословъ пришлось отдать цѣлыхъ, а за убійство заплатить изрядную сумму, то курды обыкновенно оставались на прежнихъ мѣстахъ и спокойно являлись въ лагерь въ одиночку и толпами, принося для продажи и въ особенности въ обмѣнъ на хлѣбъ масло, молоко, сыръ, агнать и т. п. Приходя въ лагерь для торговли и для разрѣшенія недоразумѣній, курды иногда приглашали офицеровъ къ себѣ въ гости. Присматриваясь къ курдамъ въ Эривани и здѣсь на кочевкахъ, я замѣтилъ одну особенность, которая отличаетъ ихъ отъ другихъ туземцевъ

Закавказья, — это большая выразительность и осмысленность ихъ лицъ. Въ особенности чувство личнаго достоинства замѣтно у ихъ старшинъ или начальниковъ. У курда рѣдко можно встрѣтить такое тупое выраженіе лица; какъ у татарина-крестьянина, а въ манерахъ никогда не увидишь того пресмыкательства или наглости, которая такъ верѣдка у армянина-горожанина. Формы лица правильны, иногда даже очень красивы. Бороду курды обыкновенно брекутъ, оставляя усы, которые хотя и длинные, однако далеко не достигаютъ той величины, какая обыкновенно изображается на картинахъ. Глаза у большинства сѣрые или зеленоватые. Волосы на головѣ сбриваются или цѣликомъ или только посрединѣ. На голову надѣвается войлочная шапка, обмотанная нѣсколькими черными, пестрыми или красными платками. Цвѣтъ этихъ платковъ ничего не обозначаетъ, какъ увѣряютъ многіе, и выборъ ихъ зависитъ отъ вкуса хозяина. Женщины также надѣваютъ на головы шапочки, обмотанные платками. Преобладающій цвѣтъ въ нарядѣ женщинъ красный. Самъ нарядъ, по крайней мѣрѣ будничнй, въ которомъ мнѣ приходилось видѣть куртинокъ, не отличается замысловатостью: красные штаны, со вдѣтой въ нихъ сорочкой, и два-три отдѣльныхъ куска матеріи, привязанные къ поясу, одинъ спереди, другой сзади, и замѣняющихъ собою юбку. На ноги надѣты чулки и кожаные лапти, а на головѣ вышеупомянутая шапка съ платками— вотъ и все. Лицъ куртинки обыкновенно не закрываютъ, гдѣ бы онѣ ни были, въ стени или городѣ. Въ видѣ украшенія онѣ прокалываютъ воздри сбоку и вдѣваютъ нѣчто въ родѣ пуговики; такое украшеніе называется по-куртински „мехъ“. Отправившись вечеромъ на прогулку съ сотеннымъ командиромъ Г. и его женою, мы зашли въ сосѣдную кочевку. Навстрѣчу къ намъ вышло чуть не все

населеніе. Низко раскланявшись съ нами, съ приложеніемъ правой руки къ лѣвой половинѣ груди, старшина послалъ впередъ мальчишекъ съ приказаніемъ приготовить все необходимое для нашей встрѣчи. Потомъ насъ усадили на разостланный на травѣ коверъ и начали предлагать заѣзжать для насъ барашка или корову, говоря на своемъ ломаномъ языкѣ: „Хочешь, барашка пропалъ, бикъ пропалъ“ и т. д. Въ это время явились женщины и двѣ изъ нихъ представились нашей спутницѣ. Церемонія представленія состояла изъ пожатія руки, и потомъ вновь представленныя сажались рядомъ на коврѣ. Одна изъ нихъ, молоденькая 17-лѣтняя женщина, очень миленькая и довольно опрятная, чего нельзя сказать о другихъ видѣнныхъ мною бабахъ, очень конфузилась, когда мы спрашивали, сколько ей лѣтъ и какъ ее зовутъ. Приведу нѣсколько образцовъ именъ — женскія: Рагъ, Рапъ, Хатъ, Хазъ, Котъ; мужскія: Амб, Хечб, Мистб, Наби. Другая сидѣвшая съ нами куртинка чувствовала себя совершенно свободно, улыбалась и не обнаруживала ни малѣйшаго признака смущенія. Такая же непринужденность замѣтна была и во всей публикѣ, въ особенности среди ребятишекъ, окружившихъ насъ плотною стѣной. Нарядъ на ребятишкахъ, особенно маленькихъ, былъ доведенъ до возможной простоты. Онъ состоялъ изъ страшно заношеннаго родительскаго кафтаняшки, прикрывающаго только плечи и немного сзади, передняя же часть тѣла оставалась совершенно голой, при чемъ очень картинно выдавались впередъ испачканные выпяченные животыки. Не допустивъ курдовъ убить ради насъ корову или барана, мы должны были отвѣдать молока или лаваша, чтобы они не подумали, что мы пренебрегаемъ ихъ кушаньями. Послѣ этого мы отправились осмотрѣть внутренность шатровъ. Наружная грязь

курдовъ вполне гармонировала съ грязной обстановкой ихъ шатровъ. Тутъ, въ шатрѣ, гдѣ помѣщалось нѣсколько людскихъ поколѣній, находили себѣ приютъ и телята съ ягнятами. Характерную особенность каждаго куртинскаго шатра составляетъ присутствіе нѣсколькихъ ружей.

Въ верстѣ отъ лагеря находилась березовая роща. Рощу эту можно видѣть изъ Эривани, гдѣ она представляется въ видѣ чернаго пятна на склонѣ М. Арарата. Глядя на это пятно. предполагаешь, что это могучій лѣсъ; на самомъ же дѣлѣ найдешь здѣсь приземистыя корявыя березки, среди которыхъ попадаются небольшія рябиновыя деревья и приземистый можжевельникъ, образующій цѣлыя заросли у опушки лѣса. Лѣсъ этотъ годенъ только на дрова да на мелкія подѣлки въ незамысловитомъ домашнемъ обиходѣ курда.

Животный міръ, какъ въ этомъ лѣсу, такъ и на всей сѣдловинѣ отличается бѣдностью и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи. Изъ птицъ мнѣ удалось видѣть или слышать: коршуновъ, бѣлыхъ грифовъ, ястребовъ, сорокъ, куропатокъ, жаворонковъ, сову, козодоевъ, перепеловъ да нѣсколько родовъ мелкихъ сѣренскихъ ничугъ, попадавшихся довольно часто среди скалъ Б. Арарата. По словамъ курдовъ, въ лѣсу и скалахъ водятся зайцы, волки и туры, но самому мнѣ видѣть ихъ ни разу не удалось. Попадались часто ящерицы, а при подъемѣ на сѣдловину мною была поймана небольшая земляная черепаха и змѣйка, очень ловко зарывавшаяся въ песчаную почву, благодаря роговому наросту на кончикѣ морды. Изъ насѣкомыхъ чаще всего попадались обычные спутники человѣка — мухи, потомъ мелкія бабочки, пчелы, шмели, мелкіе жучки. Растительный міръ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ представителей семей-

ства злаковъ; между прочимъ, очень часто попадаетъ макъ, незабудки, разные виды ромашки, бѣлой кашки, колокольчиковъ и колючей, растущей кустами, травы, очень богатой смолистымъ веществомъ: достаточно приподнести спичку, чтобъ весь кустъ воспламенился и сгорѣлъ до тла. Растительность, отличающаяся такою роскошью въ маѣ и юнѣ, совершенно выгораетъ въ началѣ юля, и все живое спѣшитъ уйти отсюда подальше, гдѣ можно найти хоть каплю воды. Считаю нужнымъ указать также на своеобразную особенность лавовыхъ породъ образовывать пещеры. Отдѣльные потоки или волны тѣстообразной лавы изливались на остывшіе уже пласты и, застывая въ свою очередь, оставляли между собою промежутки или щели въ видѣ сводовъ. Вода, проникая въ эти щели, постепенно увеличиваетъ ихъ и обращаетъ въ пещеры. Если условія благопріятны и своды не обваливаются, пещера достигаетъ значительныхъ размѣровъ и служитъ мѣстомъ для загона скота или для прятыванія контрабанды. Я осмотрѣлъ наибольшую пещеру. Она имѣла сажень 15 въ длину и отъ 3 до 5 с. въ ширину. Наибольшая высота ея была въ средней части, такъ что потолокъ едва виднѣлся при свѣтѣ нѣсколькихъ свѣчей; съ того и другого конца потолокъ и полъ сближались и пещера принимала форму щели. На сводахъ потолока блестѣли капли воды, которая образовала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на полу лужи. Вода эта постоянно размываетъ потолокъ, обваливающійся слоями, изъ которыхъ многіе готовы были рухнуть, почему хожденіе по пещерѣ было не совсѣмъ безопасно.

Коснусь теперь въ немногихъ словахъ лагерной жизни казаковъ. Стоящія на сѣдловинѣ 2 сотни приходятъ сюда только на 1-1½, мѣсяца отчасти для того, чтобы охранять границу, а главнымъ образомъ, чтобъ попра-

вить лошадей на свѣжемъ подножномъ корму да и самимъ отдохнуть. Для нихъ пора пребыванія на Араратѣ представляетъ сплошной праздникъ. Ничего недѣланіе составляетъ главное занятіе и дополняется спаньемъ и лежаніемъ на животѣ или спинѣ съ заложенными подъ голову руками или хожденіемъ другъ къ другу въ гости. Большинство не отличалось особенной подвижностью и на мое предложеніе пойти на прогулку чаще всего давался отвѣтъ: „Чего я тамъ не видалъ?“ По вечерамъ почти вся компанія собиралась въ нашей палаткѣ.

Среди офицеровъ былъ одинъ принцъ персидскій, дѣлъ котораго, послѣ неудачныхъ претензій на персидскій престоль, бѣжалъ въ Россію и поселился въ Шушѣ. Человѣкъ 20 внуковъ этого претендента на персидскій престоль были отданы въ науку муллѣ. Ученость муллы была велика, но методъ преподаванія былъ первобытный: мулла больше билъ своихъ вельможныхъ учениковъ, чѣмъ училъ. Къ битью палками и руками и къ обычному сѣченію прибавилось еще битье по пяткамъ. Для этой операціи ноги вдѣвались въ особые хомутки, прикрѣпленные къ толстой палкѣ, и потомъ мулла билъ безъ жалости. Иногда на муллу находило неистовство, раздавался дикій возгласъ: „Палки!“; палки вносились рабочимъ, двери запирались вверху задвижкой и начиналась всеобщая порка: мулла билъ рѣшительно всѣхъ и куда попало. Вся компанія металась по громадной комнатѣ и старалась отпереть дверь, но это удавалось очень нескоро, такъ какъ мулла зорко слѣдилъ за дверью и пойманнаго около нея билъ нещадно. Наконецъ мулла уставалъ, дверь удавалось отпереть и вся компанія стремглавъ убѣгала домой. На другой день въ школу никто не приходилъ, и родители начинали переговоры съ муллой, чтобъ онъ больше не билъ ихъ дѣтей. Мулла обычно-

венно общалъ, но своимъ общаніямъ не придавалъ никакого значенія и съ перваго же дня начиналъ снова побои и билъ иногда, такъ усердно, что съ ученикомъ случалась рвота, поносъ, дѣлалось ему дурно, а одного изъ принцевъ послѣ экзекуціи пришлось лечить около двухъ мѣсяцевъ. Описанный мулла не представляетъ исключенія. Битье учениковъ и теперь обычное явленіе въ татарскихъ школахъ, гдѣ всегда можно видѣть муллу, вооруженнымъ длиннѣйшей палкой, которою онъ бьетъ по спинамъ сидящихъ на корточкахъ учениковъ, нисколько не стѣняясь присутствіемъ посторонняго человека. Это можно наблюдать не только въ селеніяхъ, но и въ такомъ сравнительно культурномъ центрѣ, какъ Эривань. Битье по пяткамъ процвѣтаетъ здѣсь и теперь.

II.

Возвращеніе въ Эривань. Дорога въ Игдырь. Эчмиадзинъ. Близость турецкой границы. Контрабанда и контрабандисты. Поѣздка верхомъ на пограничный постъ. Домашній бытъ пограничнаго татарина. Осмотръ другихъ постовъ. Бѣдность обстановки постовыхъ офицеровъ. Горное озеро на турецкой территоріи.

Съ сѣдловины я возвратился въ Эривань, откуда направился въ Игдырь, главное селеніе Сурмалинскаго у., лежащее на ю.-з. отъ Эривани.

Дорога изъ Эривани, на разстояніи пяти-шести верстъ идетъ между садами, то удаляясь, то приближаясь къ Зангѣ, которая свѣтлой лентой уходитъ куда-то въ даль. Вначалѣ это путешествіе среди садовъ доставляло удовольствіе, но въ концѣ концевъ высокіе каменные и глиняные заборы, высотой сажени въ $1\frac{1}{2}$, начали нагонять скуку и являлось невольное желаніе выбраться на просторъ, откуда бы можно было взглянуть на Ара-ратъ, на Алагёзъ, на пограничныя горы и равнину.

Наконецъ желаніе было удовлетворено: мы выбрались въ поле. Справа отъ дороги шли небольшіе холмы, усыпанные камнями, съ обнаженными боками и съ фундаментами изъ чернаго базальтоваго туфа. Слева шли культурныя поля, главнымъ образомъ рисовыя, залитыя водой, пшеничныя и хлопковыя. Пшеница уже созрѣла и въ большинствѣ случаевъ была сжата и стояла въ снопахъ. На рисовыхъ поляхъ, или, какъ здѣсь ихъ называютъ, чалтыкахъ, бродили аисты, разыскивая себѣ добычу, а мѣстами видѣлись рабочіе, прорѣживавшіе густыя веходы. Повсюду были видны деревни, тонущія въ садахъ. Вначалѣ мы ѣхали по шоссированнымъ дорогамъ, но вскорѣ ямщикъ свернулъ съ нея и больше уже не возвращался, предпочитая ѣхать или сбоку или совсѣмъ въ сторонѣ. Вслѣдствіе этого до Эчміадзина пришлось сдѣлать вмѣсто 18 верстъ около 25. Шоссейная дорога была по обыкновенію или совершенно заброшена и покрыта толстымъ слоемъ пыли, могущей превратиться при первомъ же случаѣ въ непролазную грязь, или же починялась, что, въ свою очередь, устраняло всякую возможность пользоваться ею.

За культурными полями началась пустыня, мѣстами покрытая жалкой растительностью, въ видѣ полыни и колючекъ. Только вблизи Эчміадзина замѣтны были повсюду признаки дѣятельности человѣка: чалтыки перемѣшивались съ пшеницей и хлопкомъ, бродятъ скотъ и работали жнецы, убирая пшеницу. Наконецъ мы добрались до Эчміадзина. Эчміадзинъ мѣстопробываніе армянскаго католикоса и служить для армянъ почти тѣмъ же, чѣмъ для православныхъ русскихъ является Троицкая или Печерская Лавра. Но какимъ убожествомъ является эта патріаршая резиденція въ сравненіи съ грандіозными и богатыми сооружеціями русскихъ монастырей! За Эч-

міадзиномъ характеръ мѣстности началъ нѣсколько мѣняться. Культурныя поля, почти исключительно пшеничныя, перемежаются съ травянистой степью и болотистыми мѣстами, покрытыми травой и камышомъ. То и дѣло приходилось переѣзжать чрезъ мутныя рѣченки, извѣстныя подъ общимъ именемъ Кара-су, т. е. черная или мутная вода. Деревни видѣлись вокругъ такъ же часто, какъ и раньше. Животный міръ становился также богаче: къ прежнимъ аистамъ присоединились бѣлыя паплы, чайки, чибисы, горленки, сизоворонки, ласточки, скворцы и т. п. Попадались чаще люди и стада коровъ и буйволовъ, на которыхъ нерѣдко возсѣдали пастухи или возвращающіеся съ полей хозяева. Буйволы своей величистой и массивной богатырской фигурой производятъ впечатлѣніе среди сравнительно мелкорослыхъ коровъ. Идетъ этакій богатырь, совершенно не замѣчая сѣдящаго на немъ длинноногаго армянина или татарина. Буйволы очень любятъ валяться въ грязи, почему нерѣдко можно видѣть ихъ измазанными грязью отъ морды до хвоста. Вечеромъ хозяева обыкновенно ихъ моютъ, и такая операція доставляетъ видимое удовольствіе лежащему въ канавѣ буйволу. Ухаживать за ними, однако, довольно хлопотливо; зимою ихъ приходится держать въ теплому помѣщеніи, а при случаѣ даже укрывать войлоками.

Наконецъ ночью мнѣ удалось добраться до Игдыря. Это большое село, съ населеніемъ изъ татаръ и армянъ, тысячъ въ пять; служитъ оно мѣстопробываніемъ уѣзднаго начальника и всѣхъ уѣздныхъ учреждений. Здѣсь находится и таможенная застава. Пойманная контрабанда распродается въ большинствѣ случаевъ здѣсь же. Этимъ пользуются мѣстные жители и за безцѣнокъ покупаютъ то, что уже въ Эривани иногда стодитъ вдвое дороже. Изъ Игдыря я хотѣлъ пробраться на границу, желая по-

смотреть на житье-бытье обитателей постовъ, для чего нужно было нанять или купить себѣ коня. Поденную плату за очень плохихъ коней армяне-торговцы назначали такую, что гораздо выгоднѣе было купить, что въ скоромъ времени мнѣ и удалось сдѣлать при помощи казачьяго офицера. Въ Игдырѣ мнѣ пришлось завести кое-какія знакомства и наслушаться о житьѣ казаковъ, офицеровъ и рядовыхъ, и всадниковъ земской стражи. Постовые казаки и чапары почти все время проводятъ въ ловлѣ контрабанды и въ погонѣ за разбойниками. Контрабанда идетъ изъ Турціи обыкновенно небольшими партіями и состоитъ изъ коровьяго масла, скота, чая. Поимка ея не сопряжена съ большими опасностями, хотя перестрѣлки, иногда съ пораненіями, совершаются часто. Въ большинствѣ случаевъ контрабандисты предпочитаютъ сбросить на дорогѣ нѣсколько выюковъ и этимъ отвлечь вниманіе гонящихся, а остальную массу товаровъ поразбросать среди камней въ ущельяхъ, отыскать въ которыхъ что-нибудь довольно мудрено. Пограничное населеніе, армянское и татарское, поголовно укрываетъ воровъ и контрабанду. Поэтому контрабандисты всегда могутъ считать себя въ безопасности, лишь только попадутъ въ первую какую-нибудь деревню, которая здѣсь находится на каждомъ шагу, такъ какъ мѣстность густо населена. Обитатели деревни въ мигъ растащутъ привезенное, и дѣлу конецъ. Это обстоятельство и многочисленность ущелій въ пограничныхъ горахъ даетъ возможность провозить контрабанду въ значительныхъ размѣрахъ, несмотря на рьяность казаковъ, пограничной и земской стражи, поощряемыхъ вознагражденіемъ со всякой поимки. Разбойничьи шайки тоже нерѣдко производятъ здѣсь свои операціи. Въ маѣ мѣсяцѣ

этого года была разгромлена такая шайка; о подробностяхъ будетъ разсказано дальше.

Въ Игдырѣ я познакомился съ сотникомъ Ч. Узнавъ, что я желалъ бы побывать на границѣ, онъ предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ онъ собирается объѣхать свои посты, а по осмотрѣ ихъ объшаль поѣхать на другіе, гдѣ у него есть хорошіе пріятели. Мнѣ оставалось воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Купивъ себѣ лошадь, я въ компаніи съ сотникомъ пустился въ путь. Дорога вначалѣ шла среди полей и деревень. Мѣстами поля были обработаны, мѣстами представляли пастбища для многочисленнаго рогатаго скота игдырцевъ и сосѣднихъ деревень. Селеніе Чарухчи было послѣднее; оно лежало на границѣ пустыни. За ними начиналась холмистая мѣстность. Камни, полынь, колючки и полное безлюдіе съ солнечнымъ припекомъ—вотъ характеристика мѣстности на первыхъ десяти верстахъ. Вначалѣ, пока тропинка вела прямо вверхъ, можно еще было видѣть, обернувшись назадъ, зеленѣющія поля и деревни. Затѣмъ, когда тропинка пошла по длинному ущелью, усыпанному камнями, съ тошею травой, скука и томленіе начали овладѣвать мною и моими спутниками. За „великой щелѣй“, какъ называютъ ущелье казаки конвойные, началась малая, такая же однообразная, какъ и первая, такъ же обсыпанная камнями, какъ и та. Хотя растительности въ ней было больше, но и она была высохшая и убогая. Воды не было нигдѣ, хотя то и дѣло приходилось переѣзжать чрезъ усыпанныя камнями русла высохшихъ потоковъ, видимо буйныхъ и непроходимыхъ во время таянія снѣговъ. Изъ людей никого нельзя встрѣтить. Вся эта мѣстность обитаема только въ раннюю весеннюю пору и осенью, когда вода отъ дождей и тающихъ снѣговъ дѣлаетъ растительность бога-

той и доставляетъ необходимую влагу для всего живого. Пустынность мѣстности дѣлаетъ путешествіе по ней въ одиночку небезопаснымъ, такъ какъ любой бродяга, курдь или татаринъ, замѣтивъ путешественника, можетъ изъза любого камня пристрѣлить его, забросить въ камни и тѣмъ спрятать концы въ воду, или по меньшей мѣрѣ обобратъ его и скрыться по какой-либо разсѣлинѣ, такъ какъ на помощь рассчитывать совершенно вельзя. Когда, наконецъ, мы выбрались, изъ ущелій на пологіи скать, утомленіе и жажда совсѣмъ одолѣли ѣхавшую съ нами жену сотника. Ёхала она на казачьемъ сѣдлѣ, сидя по-мужски. О дамскомъ сѣдлѣ здѣсь и думать не приходится, такъ какъ его едва ли можно достать, да и пригодность его при постоянныхъ подъемахъ и спускахъ тоже можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Непривычка ѣздить верхомъ, продолжительность ѣзды, солнечный жаръ и жажда довели ее до того, что она уже и не чаяла, какъ добраться до мѣста. То и дѣло приходилось слышать вопросы, скоро ли доберемся до воды. Когда же мы, наконецъ, добрались до канавы съ водой, отведенной жителями этой нагорной страны для поливки своихъ полей, мы и кони такъ и накнулись на нее. Тутъ мнѣ представились всѣ мученія странствій по Сахарѣ, и пришлось на практикѣ убѣдиться въ личной моей непригодности для совершенія походовъ по африканской пустынѣ. Мѣстность на горахъ оживилась: во многихъ мѣстахъ была засѣяна пшеница, трава становилась разнообразнѣй и больше, да и самыхъ камней, этихъ неизбѣжныхъ спутниковъ склоновъ горъ, становилось далеко меньше, хотя все-таки было настолько много, что вспаханные поля, усыпанные ими, навели бы страхъ на всякаго обитателя равнины. Наконецъ еще одинъ-два спуска и подъема и предъ нами появилась татарско-куртинская деревуш-

ка Сычанлы, а за ней казачій постъ—цѣль нашей поѣздки. Конецъ поѣздки! Какія это пріятныя слова, когда спина и ноги ноютъ отъ непривычнаго продолжительнаго сидѣнья въ сѣдлѣ на постоянно спотыкающихся и скользящихъ лошадяхъ.

Сычанлы—маленькая деревушка, съ сотней обитателей татаръ и курдовъ. Дома сдѣланы изъ обломковъ камней, цементированныхъ грязью, съ плоскими крышами. Внутренность подобныхъ жилищъ скорѣе похожа на звѣриную берлогу, чѣмъ на мѣстожительство людей. Нѣсколько комнатъ, которыя разъединяются узкимъ и длиннымъ проходомъ, наполнены овцами или коровами, загоняемыми сюда въ жаркую пору дня. Слѣлы этихъ временныхъ комнатныхъ обитателей наполняютъ все помѣщеніе запахомъ скотнаго двора, очень непріятнаго для непривычнаго посѣтителя, но не представляющаго ничего дурнаго для постоянныхъ обитателей, занимающихъ отдѣльно одну-двѣ комнаты, наполненныхъ ѣдкимъ дымомъ и тѣмъ ѣдкимъ, прогорклымъ запахомъ, который получается при скисаніи молочныхъ продуктовъ. Въ этихъ же комнатахъ помѣщается и весь скарбъ хозяевъ, грязный и бѣдный. Кроватей и скамеекъ не имѣется. Спать и сидѣть приходится на полу, гдѣ и какъ кому угодно. Обитатели этихъ берлогъ едва ли сознаютъ всѣ неудобства подобной обстановки, такъ какъ живутъ въ ней съ дѣтства, живутъ такъ, какъ жили ихъ отцы и дѣды. Дома сдвинуты такъ близко, что перебираться отъ одного дома къ другому приходится не по улицамъ, а по крышамъ. Нарядъ жителей грязный, рваный и бѣдный. Бѣдность обитателей еще болѣе усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что и здѣсь, въ горахъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ границы, дѣло не обошлось безъ деревенскаго кулака. Всѣ прилегающія къ деревнѣ земли принадлежать какому-то армянину,

приобрѣтшему ихъ когда-то и за что-то, и прибавшему всѣхъ обитателей къ своимъ цѣпкимъ рукамъ.

Остановился я въ казачьемъ лагерѣ, гдѣ и нашель любезный приемъ со стороны командира сотни. Живеть здѣсь нѣсколько семей, которыя ведутъ самый мирный образъ жизни, пользуясь роскошнымъ горнымъ воздухомъ и богатой растительностью. Нѣтъ тутъ обычной дачной пыли и суглоки, которая начинаетъ надоѣдать чуть не съ перваго же дня; отсутствіе вѣчныхъ посѣщеній сосѣдей тоже представляетъ немалую прелесть здѣшней жизни.

Изъ Сычанлинскаго поста я поѣхалъ къ западу, въ компаніи со своимъ сотникомъ, который на другой день собрался осмотрѣть посты, лежащіе къ западу отъ Сычанловъ. Тутъ мнѣ пришлось увидѣть, что дорожки между постами еще хуже, чѣмъ та, по которой намъ пришлось ѣхать изъ Игдыря. То и дѣло приходилось опускаться въ балки и снова подниматься на горы, и въ то же время зорко слѣдить, чтобы конь не попортилъ себѣ ноги о какой-нибудь ужъ очень острореберный и большой камень. На этихъ горахъ живутъ татары и курды. Татары живутъ, большею частью, деревнями, а курды кочевками въ шатрахъ. Вокругъ деревень разбросаны пашни, главнымъ образомъ пшеничныя: Значительность высоты надъ уровнемъ моря становится замѣтной изъ того, что въ то время, когда на равнинѣ хлѣбъ уже убранъ, здѣсь, наоборотъ, онъ еще только началъ колоситься. На вспаханныхъ поляхъ валяется безконечная масса камней разнообразной величины. Остается только удивляться, какъ мѣстные жители ухищряются еще пахать. Посты, на которыхъ намъ нужно было побывать, разбросаны на разстояніи 7—9 верстъ одинъ отъ другого. На двухъ постахъ, кромѣ казаковъ, находились еще сол-

даты-охотники, присланные сюда изъ Кагызмана, а при нихъ по одному офицеру. Офицеры, живущіе внутри страны, и понятія не могутъ составить себѣ о той жалкой обстановкѣ, въ которой приходится иногда жить ихъ товарищамъ на азіатской границѣ. Жалкіе, полуразвалившіеся, ободранные, незаконные домишки, съ провалившимися земляными крышами—это ихъ помѣщенія; внутренность комнаты представляетъ такой неприглядный видъ, что любой деревенскій кабакъ можетъ гордиться предъ нею своею опрятностью. Врывается въ глаза полное отсутствіе обстановки. Скрипучая деревянная кровать, взятая у казака или татарина, представляетъ единственную мебель. На кровать навалено сѣно, прикрытое одѣяломъ и подушкой, единственнымъ багажомъ, захваченнымъ скитальцемъ. Стола тоже нѣтъ, а если что нужно написать, такъ можно пристроиться какъ-нибудь на окнѣ. Въѣсто табуретки валяется громадный плоскій булыжникъ. Къ этимъ неудобствамъ въ обстановкѣ прибавляется еще неисчислимое количество блохъ, жадныхъ и страшныхъ кровопійцъ, съ которыми воюешь до тѣхъ поръ, пока не выбьешься изъ силъ и не будешь терпѣливо относиться къ нимъ, какъ къ неизбежному злу. Кормится такой злополучный офицеръ изъ общаго котла, потому что варить отдѣльно не въ чемъ и нечего, да и не за что. Единственное отличіе въ его жизни отъ жизни казака или солдата то, что онъ два-три раза въ день пьетъ чай и достаетъ себѣ въ изобиліи молока. Солдаты и казаки отправляются съ такихъ постовъ на границу въ секреты для ловли контрабанды и разбойниковъ. Иногда отправляется съ ними и офицеръ, но нерѣдко послѣ первой же ночи предастъ проклятію эти хожденія и отказывается навсегда отъ желанія лично изловить контрабанду. Ночи и на постахъ очень холодны, а на пограничныхъ высотахъ холодъ бы-

васть такой, что въ несчастной буркѣ, единственномъ нарядѣ, который удобно съ собой захватить, зубъ на зубъ не попадаетъ, тѣмъ болѣе что лежать приходится среди камней, а не въ палаткѣ или комнатѣ. И вотъ, отказавшись отъ хожденій въ секреты, сидитъ такой воинъ дома, валяясь со скуки отъ утра до вечера или въ комнатѣ или на снѣгѣ въ холодкѣ подъ домомъ.

Въ верстахъ пяти отъ Аббасъ-гёльскаго поста, уже на турецкой землѣ, лежитъ Балыкъ-гёль, на высотѣ 7389 фут. Близость разстоянія и сильное желаніе посмотрѣть на горное озеро, довольно значительныхъ размѣровъ (10 верстъ длины и отъ 3 до 5 в. ширины), заставили меня поѣхать рано утромъ туда въ сопровожденіи двухъ казаковъ. Подъемъ къ озеру очень пологій, такъ что добраться до него не представляло никакого труда. Съ самой высшей точки хребта, по которому проходитъ воображаемая пограничная линія, такъ какъ никакихъ знаковъ не имѣется, становится виднымъ голубое озеро, частью скрытое за сосѣдними горами. По очертанію своихъ береговъ оно похоже на Гокчу, только меньшихъ размѣровъ. Склоны прилегающихъ къ озеру горъ, такъ же, какъ и около Гокчи, круты, но покрыты болѣе богатой растительностью. Деревьевъ на этой высотѣ совершенно нѣтъ. Надъ озеромъ носилось множество чаекъ, которыя своими криками, напоминающими раскатистый смѣхъ, нарушали гробовую тишину, царящую въ этой мѣстности. Деревеньки виднѣлись только на западной сторонѣ озера, да и тѣ, какъ мнѣ говорили, почти пусты теперь, потому что турецкое правительство разогнало жителей, составившихъ себѣ репутацію неукротимыхъ разбойниковъ. На три виднѣвшихся деревни оставлено не болѣе пяти семействъ, стада которыхъ бродили на склонахъ горъ около остатковъ снѣга, залегшаго

въ разсѣлинахъ. На озерѣ, въ сѣверной его половинѣ, есть небольшой островокъ, съ котораго доносились громкіе крики безчисленныхъ чаекъ, пѣлыя полчища которыхъ носились въ воздухѣ и плавали на озерѣ, а въ с.-в. углу озера выступаетъ небольшой, но очень крутой полуостровокъ, соединяющійся узкимъ перешейкомъ. На этомъ полуостровѣ имѣются полуразвалившіяся постройки, принадлежащія откупщику рыбныхъ промысловъ. Благодаря холерѣ, бывшей въ то время въ Турціи, граница закрылась и вывозъ пойманной въ озерѣ рыбы въ нашу сторону сдѣлался совершенно невозможнымъ. Въ Турціи чешуйчатыхъ рыбъ не ѣдятъ, и потому промыслы въ этомъ году совершенно прекратились. Въ этомъ озерѣ водится только форель, отличающаяся своимъ вкусомъ.

• III. .

Кочевка куртинскаго старшины. Очистка шерсти. Поѣздка къ езидскому родоначальнику. Кое-что о религіи езидовъ. Домашняя обстановка родоначальника. Зорскій постъ. Развалины храма. Чингильскій перевалъ и лагерь казачьей сотни. Случай съ четырьмя пограничными солдатами. Видъ съ перевала на Баязеть. Обрато въ Игдырь.

Изъ Абасъ-гѣля мы рѣшили отправиться обратно, но не по старой дорогѣ, а по тропинкѣ, ведущей къ куртинскимъ кочевкамъ, съ тѣмъ чтобы захватить на пути въ кочевку родоначальника курдовъ-езидовъ, Гассагъ-аги. Тропинка вначалѣ шла по ущелью, склоны котораго покрыты роскошною травою, а на днѣ шумитъ ручеекъ, берущій начало изъ остатковъ снѣга, залежавшагося кое-гдѣ вверху по расщелинамъ. Новизна мѣстности, прекрасный воздухъ, роскошная трава съ массою цвѣтовъ, голубое безоблачное небо—все это поднимало духъ и настраивало на веселье, какъ это не-

часто бывает на равнинной мѣстности, гдѣ глазъ скоро присмотрится къ окружающей обстановкѣ на цѣлыя версты, а потомъ ищетъ и не находитъ ничего новаго и освѣжающаго. По сторонамъ видѣлись куртинскія чадры, обычнаго черваго цвѣта, а около нихъ толпились мужчины въ своихъ характерныхъ головныхъ уборахъ, женщины въ красныхъ нарядахъ и полуголые ребятишки. На пути нашемъ лежала кочевка правительственнаго куртинскаго старшины, Шамшадинова. Самого старика не было дома, и мы были встрѣчены его семьей. Оба сына старшины, молодые люди, съ красивыми и выразительными лицами, очень опрятно одѣтые, любезно предлагали намъ остаться у нихъ погостить, но такъ какъ у моихъ спутниковъ была другая цѣль поѣздки, то мы, напившись молока, отправились дальше. Пользуясь остановкой, я пошелъ осмотрѣть хозяйскую палатку. Палатка или чадра была устроена по общему куртинскому типу, отличаясь только своими размѣрами, нѣсколько большею опрятностью и значительнымъ количествомъ куртинскихъ паласовъ, сложенныхъ въ видѣ забора по одну сторону внутри палатки. Въ палаткѣ толпилась масса народу, преимущественно женщинъ, которыя заняты были приготовленіемъ обѣда. Котель, поставленный на камни, былъ тутъ же въ палаткѣ, большую часть которой пополнялъ дымъ и своеобразный запахъ кизяковъ. Другая часть женщинъ занята была очисткой овечьей шерсти. Снарядъ для очистки состоялъ изъ деревянной дощечки, со вбитыми въ нее въ нѣсколько рядовъ длинными тонкими шпильками, концы которыхъ торчатъ къ верху. На такомъ незамысловатомъ приборѣ куртинка съ замѣчательною быстротою очищаетъ шерсть отъ постороннихъ примѣсей. Вся процедура продѣлывается такъ. Женщина беретъ комокъ грязной шерсти,

ватыкаетъ ее на шпильки, быстро подхватываетъ руки выдающіяся съ боковъ части, при чемъ грязь остается внизу среди шпилекъ. Продернувъ комокъ шерсти между шпильками нѣсколько разъ, она получаетъ чистую шерсть, отдѣльныя волосинки которой располагаются параллельно другъ другу. Среди женщинъ, ничѣмъ не занятая, разгуливала хозяйская дочка, Катэ-ханумъ. Предразсудокъ о необходимости равенства брака такъ же силенъ у курдовъ, какъ и у другихъ народовъ. Катэ-ханумъ, въ ожиданіи ровни-жениха, могущаго уплатить за нее богатый калымъ, такъ и засидѣлась въ дѣвкахъ. Уже лѣтъ тридцати, сухопарая, черномазая, съ десятикомъ висящихъ во все стороны косичекъ черныхъ волосъ, она производитъ очень непріятное впечатлѣніе, несмотря на чистоту платья и на богатство головного убора, увѣшаннаго золотыми турецкими монетами и стоющаго не мѣнѣе 150 р. Говоритъ она немного по-русски, такъ что съ нею легко было объясняться. Въ шатрѣ устроено отдѣльное помѣщеніе для гостей, устланное коврами и подушками.

Отсюда мы отправились къ езидскому родоначальнику. Дорога пошла быстро въ гору и во многихъ мѣстахъ такъ была усыпана камнями, что лошади съ трудомъ проходили по ней. Потому она и совсѣмъ исчезла, и мы поѣхали наугадъ, зная въ общихъ чертахъ, что нужная намъ кочевка находится къ востоку. Такъ какъ граница была очень близка, то мы и рѣшили свернуть въ Турцію. Съ вершины хребта открывался видъ на турецкія ущелья и на отдаленныя снѣговыя горы. По ущелью были разбросаны кочевки турецкихъ курдовъ, славящихся по всей этой мѣстности своими разбойничьими подвигами. Это обстоятельство заставляло насъ держаться поближе къ границѣ. Въ одномъ мѣстѣ при-

шло видѣть заброшенную теперь дорогу, проложенную къ Эрзеруму нашими саперами во время войны и годную для перевозки пушекъ и тяжестей. Сколько хлопотъ и усилій стоило проложить эту дорогу по здѣшнимъ дебрямъ, и все это теперь предано забвенію, запущено, заросло травой и засыпано камнями съ сосѣднихъ возвышенностей. Мѣстами на пути попадался намъ снѣгъ, плотный какъ ледъ, засыпанный сверху камнями и землей. Странно какъ-то было видѣть въ іюль мѣсяцѣ массы снѣга, странно въ особенности послѣ перехода изъ знойной приаракской равнины, гдѣ все живущее только и отдыхаетъ отъ духоты ночью. Свернувъ на русскую землю, мы попали въ развѣтвляющееся ущелье, въ одномъ изъ угловъ котораго виднѣлись куртинскія чадры и около нихъ бѣлая палатка — признакъ, что это кочевка куртинскаго родоначальника, Гассанъ-аги. Пославъ впередъ казака съ извѣстіемъ, что къ Гассанъ-агѣ ѣдутъ гости, мы и сами, наконецъ, пріѣхали туда и были приняты съ тѣмъ радушіемъ, которое можно встрѣтить только у первобытныхъ кочевниковъ. Для насъ была поставлена новая палатка, бѣлая и круглая, въ ней постланы ковры и положены подушки и туда же внесены столъ и нѣсколько табуретокъ, такъ чтобы можно по желанію лежать или сидѣть. Пока готовилось угощеніе мы отправились осмотрѣть кислый источникъ, протекающій въ ущельѣ, среди густой травы. Вода источника вкусомъ напоминаетъ сельтерскую. Проводить къ источнику взялся братъ Гассанъ-аги. На пути онъ разсказалъ намъ исторію сутяжничества езидовъ съ однимъ армяниномъ-землевладѣльцемъ. Господинъ этотъ предъявилъ права на громадную площадь земель, лежащихъ по ущельямъ и горамъ, отъ Таузукульскаго поста до границы, приблизительно верстъ въ 10 длиною. Предъявивъ свои пре-

тензіи, онъ требоваль отъ курдовъ и татаръ платы за право пользованія этой землей. Плата взималась въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ очень исправно, но наконецъ въ это дѣло вмѣшался езидскій родовачальникъ Гассанъ-ага и затѣяль процессъ. Въ первыхъ инстанціяхъ процессъ выигрывался армяниномъ. Дѣло, тянувшееся лѣтъ шесть, дошло до сената, который предложилъ разсмотрѣть его вновь. Съ помощью сурмалинскаго начальника, прекрасно знакомаго со всѣми неприглядными приѣмами здѣшнихъ богатѣевъ, удалось выяснитъ нѣкоторые подлоги и фальшивыя показанія. Оказывается, что изъ громадной площади этому армянину собственно принадлежитъ 560 десятинъ, остальная же земля казенная, отданная курдамъ въ пользованіе.

Во время обѣда и чаепитія, Гасанъ-ага, славящійся своимъ гостепріимствомъ и любезностью, охотно отвѣчалъ на всѣ вопросы, за исключеніемъ религіозныхъ, о которыхъ езиды вообще не любятъ говорить съ посторонними. Религія ихъ представляетъ смѣсь язычества, христіанства, кажется, въ видѣ несторіанской секты, и отчасти мусульманства. Они питаютъ большое уваженіе къ дьяволу, какъ временно падшему ангелу, который, наконецъ, получить прощеніе и вознаградитъ езидовъ за то почтеніе и услуги, которыя были ему оказаны ими при паденіи его съ неба на землю. Поэтому упоминать имя чорта и вообще отзываться о немъ съ неуваженіемъ въ присутствіи езида, это значитъ оскорбить его религіозное чувство. У езидовъ есть свой главный священникъ или архіерей, живущій въ Турціи, въ Моссулѣ. Архіерей этотъ, называющійся Милешъ-ага, навѣщаетъ свою паству и въ Россіи и всегда встрѣчается съ великимъ почетомъ и подарками. Каждый езидъ даритъ ему, чтò можетъ: кто лошадей, кто овецъ, кто

деньги. Последнее его посещение было года три тому назад; слѣдуетъ сказать, что турецкіе мусульмане, преслѣдующіе всячески езидовъ съ цѣлью обратить ихъ въ свою вѣру дѣлаютъ разъѣзды езидскаго архіерея болѣе чѣмъ опасными. Количество езидовъ вообще не велико, а въ Карсской области, Эриванской и Елисаветпольской губерніяхъ, ихъ насчитывается всего 2—3000. По словамъ людей, долго жившихъ на границѣ, езиды наиболѣе честный элементъ среди куртинскаго народа, хотя они такіе же неустрашимые вояки, какъ и курды-мусульмане. Жизнь на границѣ, вблизи разбойничьяго населенія, сопряженная съ постоянной опасностью лишиться своего единственнаго скота и въ то же время быть застрѣленнымъ или зарѣзаннымъ, пріучила ихъ быть постоянно на сторожѣ и не трусить при видѣ опасности. Особенно часты столкновения езидовъ съ сосѣдними турецкими курдами, отчаянными разбойниками. Набѣги этихъ головорѣзовъ почти безпрестанны и совершаются съ замѣчательнымъ нахальствомъ, такъ какъ перебравшись чрезъ границу, въ Турцію, они могутъ считать себя въ безопасности, преслѣдовать же ихъ тамъ и для внушенія страха разгромить нѣсколько ближайшихъ кочевковъ считается непозволительнымъ не только солдатамъ или казакамъ, но даже и курдамъ, у которыхъ только что угнанъ скотъ. Переговоры съ турецкой администраціей по поводу вѣчныхъ угоновъ скота и разбоевъ обыкновенно ни къ чему не приводятъ, и пограничное население продолжаетъ по-старому разбойничать. У езидовъ сохранился родовой бытъ, и надъ всѣми русскими езидами есть родоначальникъ; это званіе передается отъ отца къ сыну. Раньше, при слабости администраціи и судовъ, званіе родоначальника имѣло большее значеніе, чѣмъ теперь, такъ какъ почти всѣ дѣла езидовъ между собою

рѣшались родовачальникомъ. Однако и теперь родовачальникъ пользуется большимъ вліяніемъ и уваженіемъ, которое выражается въ принесеніи подарковъ: овецъ, коровъ, лошадей, денегъ, платья, работы и т. д. Это даетъ Гасанъ-агѣ возможность жить на широкую ногу у угощать своихъ гостей, которые бываютъ у него чуть ли не непрерывно, не только продуктами скотоводства, но и всевозможными напитками. Религія езидовъ не запрещаетъ употребленія спиртныхъ напитковъ, но изъ всего народа пьеть, вѣроятно, одинъ только родоначальникъ и пьеть притомъ очень много. Несмотря на щедрыя даванія, Гасанъ-ага находилъ, однако, что жить теперь загородному человѣку стало хуже, такъ какъ нельзя безнаказанно дѣлать тѣхъ поборовъ, которые были возможны еще не далѣе двухъ десятковъ лѣтъ тому назадъ. Родоначальнику теперь 50 лѣтъ. Это видный, статный мужчина, съ красивымъ, выразительнымъ лицомъ, опрятно и хорошо одѣтый. Палатка, въ которой онъ живетъ со своимъ семействомъ, доходящимъ до 30 душъ, въ лицѣ братьевъ, сыновей, дочерей и прислуги, отличается значительной величиной и опрятностью. Когда я зашелъ въ палатку, тамъ кипѣла работа: женщины варили, пекли, прессовали сыръ, очищали шерсть, вили шерстяныя веревки. Въ качествѣ командирши надъ ними была единственная жена Гассанъ-аги, а въ числѣ работающихъ была и хорошенькая дочка его, въ 9 лѣтъ успѣвшая развиться такъ, что ей смѣло можно было дать 12—13 лѣтъ. Несмотря на обширные размѣры палатки, въ ней былъ такой удушливый воздухъ отъ тлѣвшихъ кизяковъ, что съ непривычки тяжело было дышать. Работавшія женщины нѣсколько конфузились при видѣ русскаго человѣка, хотя не старались спрятаться, какъ это всегда бываетъ у татаръ. Лицъ своихъ онѣ не закрываютъ и

среди нихъ можно было замѣтить нѣсколько очень мило-видныхъ. За жену у езидовъ приходится платить, хотя не такія варварскія деньги, какъ у мусульманъ. По закону, езиду можно имѣть только одну жену. Впрочемъ и большинство мусульманъ не могутъ воспользоваться своимъ религіознымъ правомъ имѣть нѣсколько женъ, такъ какъ большая плата за жену дѣлаетъ эту роскошь доступной только людямъ богатымъ.

Такъ какъ ѣхавшая со мною компанія спѣшила возвратиться къ мѣсту службы, то вскорѣ послѣ обѣда мы двинулись къ Таузкульскому посту, съ тѣмъ чтобъ разѣхаться потомъ въ разныя стороны. И опять пошли предъ нами заросшія травкою и цвѣтами склоны хребтовъ и веселыя лужайки, а вечерняя прохлада и прекрасный горный воздухъ придавали еще болѣе веселости нашей компаніи. Ночевали мы на посту, гдѣ пришлось выдержать ожесточенное нападеніе блохъ, этихъ враговъ всѣхъ путешественниковъ. На другой день мы отправились обратно на Сычанлинскій постъ, гдѣ спутникъ мой и руководитель, сотникъ, остался; оттуда же мнѣ пришлось отправиться далѣе одному, воспользовавшись тѣмъ, что по тому же направленію ѣдутъ и казаки.

Отъ Сычанловъ до Зорскаго поста верстъ 18. Большая часть дороги идетъ въ гору, пересѣкая иногда ущелья, или проходя почти по ровному плато. Растительность повсюду отличалась густотой и высотой. Во многихъ мѣстахъ трава была скошена и по мѣстному обычаю свернута въ небольшіе пучки. Встрѣчались нерѣдко пашни, на которыхъ пшеница еще только начинала колоситься. Люди встрѣчались рѣдко, да и то только въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ косили траву. Вся масса населенія ушла на болѣе высокія мѣста, поближе къ клочкамъ снѣга,

сохранившася на высотахъ, или къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ протекалъ ручеекъ.

Въ Зорахъ пришлось остановиться ночевать. На казачьемъ посту офицера не было, и я рѣшилъ просить гостепріимства у офицера пограничной стражи Я., какое мнѣ и было оказано съ тѣмъ радушіемъ, которое можно встрѣтить только у людей, заброшенныхъ судьбой на отдаленную, рѣдко посѣщаемую культурными людьми окраину. Семья Я. состоитъ изъ него самого и его жены. Самъ онъ бывшій драгунскій офицеръ, не болѣе года переимѣнившій служебную дѣятельность. Переимѣнивъ службу, онъ, съ западной границы, попалъ на границу съ Персіей и только съ мѣсяць до моего пріѣзда былъ переведенъ на Зору, гдѣ солдаты пограничной команды должны снѣжить казаковъ. Жизнью своею на этомъ посту мужъ и жена пока довольны; припоминая всѣ неудобства житья на персидской границѣ, они разочитываютъ, что жизнь на Зорахъ вознаграждаетъ ихъ за всѣ перенесенные невзгоды. И дай Богъ, чтобъ ихъ надежды сбылись, потому что рассказы казаковъ о томъ, что страшные снѣжные завалы въ горахъ отрѣзываютъ людей отъ всего міра, заставляють сомнѣваться въ возможности счастливой жизни на посту, по крайней мѣрѣ въ зимнее время. Дѣломъ здѣсь, пожалуй, даже лучше, чѣмъ въ дачныхъ мѣстахъ, если только человекъ не отличается особенной общительностью или разборчивъ на общество, потому что непріятныя по чему-либо люди не будутъ мозолить здѣсь тебѣ глаза въ продолженіе всего дачнаго періода, а людей пріятныхъ можно позвать хотя бы на короткое время. На другой день я, хозяинъ и гостившій здѣсь игдырскій мировой посредникъ отправился осмотрѣть минеральный источникъ, протекающій верстахъ въ двухъ отъ поста къ югу. Источникъ этотъ

не нанесенъ на пяти-верстную карту, которая не отличается тою правильностью, какую можно было бы от нея ожидать. Источникъ оказался маленькимъ, съ кисловатой водой и вкусомъ желѣза, ржавчина отъ котораго образовала налетъ на камняхъ и травѣ. Цѣлебныя свойства воды неизвѣстны и никто ею не пользуется. Вблизи находится другой минеральный источникъ, того же состава, но еще меньшихъ размѣровъ.

Своеобразную особенность почти всего пройденнаго пути составляло полное отсутствіе древесной растительности. Мѣстами попадались ивовыя деревья, но такія тщедушныя, что представляли собою тѣнь своихъ равнинныхъ собратьевъ-богатырей. Не знаю, чѣмъ объяснить отсутствіе лѣса, такъ какъ на сѣдловинѣ между Большимъ и Малымъ Араратомъ нѣтъ березовая роща, лежащая нѣсколько выше всѣхъ этихъ мѣстъ.

Въ деревнѣ Зоры, населенной теперь езидами, живущими въ ней только зимою, а лѣтомъ выходящими повыше на кочевки, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, остающихся для косьбы сѣна, и потому почти безлюдной, существуютъ развалины какого-то древняго христіанскаго храма, вѣроятно армянскаго. Отъ вліянія всесокрушающаго времени сохранились частью стѣны и своды. Къ этому храму въ опредѣленное время стекаются армяне для совершенія богослуженія и принесенія кровныхъ жертвъ. Во время своего посѣщенія я нашелъ тамъ въ стѣнныхъ нишахъ крохотныя восковыя свѣчи, отчасти обгорѣвшія, отчасти совершенно цѣлыя, потомъ массу глиняныхъ плошекъ, вѣроятно для сожиганія кунжутнаго масла, очень часто замѣняющаго здѣсь собою оливковое.

Изъ Зоръ я отправился далѣе на востокъ, на Чигильскій переваль, гдѣ расположилась лагеремъ казачья сотня. Для конвоя я получилъ двухъ казаковъ, которые,

как потомъ оказалось, ни разу не ѣздили на Чингиль. Въ результатъ отъ такого конвоированія получилось то, что мы, зная о положеніи лагеря только въ общихъ чертахъ, сбились и потеряли тропинку, то попадали не туда, куда слѣдовало, и вмѣсто 10—11 верстъ одѣлали не менѣе 15, при чемъ измучились не только кони, но и ѣздоки; по временамъ приходилось совсѣмъ слѣзать съ коня. Дорога то поднималась на хребетъ, то спускалась въ глубокое ущелье; склоны хребтовъ доходили до 50° крутизны, и тропинка, густо усыпанная камнями, вилась по косогору, такъ быстро опускаясь, что мнѣ, человѣку еще новому въ горахъ, становилось довольно жутко. Оступись конь и соскользни съ тропинки, то отъ всадника и коня получились бы обезображенные куски мяса. Въ одномъ мѣстѣ тропинка совсѣмъ исчезла. Ъхавшій впереди казакъ направилъ своего коня на вершину гребня; намъ, конечно, приходилось слѣдовать за нимъ. Привычные къ хожденію по горамъ кони сами выбирали себѣ направленіе, не прямо вверхъ, а по ломанымъ линіямъ, и несмотря на подобныя мѣры облегченія, все-таки страшно измучились уже на половинѣ горы, обливались потомъ и страшно хранили. Положеніе всадниковъ тоже далеко было незавидно. Коню приходилось карабкаться по косогору, при чемъ его правая половина была ниже лѣвой, и всаднику приходилось балансировать, чтобъ удержать себя въ равновѣсіи и облегчить коня. Гдѣ подъемы и спуски были довольно пологи, тамъ только приходилось отдыхать и людямъ и лошадямъ, но такихъ мѣстъ было сравнительно мало. Если мужчинамъ приходилось плохо, то представляю себѣ положеніе женщины, которой почему-либо нужно проѣзжать по такимъ трупобамъ. Это случилось съ г-жей Я., которая, во время переѣзда изъ Мучинскаго ущелья

на Зорскій постъ, натерпѣлась и страху и мученья, подъ конецъ отказалась отъ коня и должна была пѣшкомъ карабкаться на горы, гдѣ даже и привычнымъ людямъ приходится обливаться потомъ. Люди на этомъ пути встрѣчались рѣдко. Деревушки, служащія зимовниками, стояли пустыми, такъ какъ населенію ушло на кочевки и здѣсь оставались только тѣ, кому нужно было скопить сѣно или присмотрѣть за хлѣбомъ, засѣянными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Иногда въ ущельяхъ попадались куртинскія кочевки. Трава почти повсюду отличалась густотой и разнообразіемъ и прикрывала собой ту массу камней, которая является, кажется, характеристическою особенностью здѣшнихъ мѣстностей. Камней особенно много было на склонахъ отдѣльныхъ горныхъ вершинъ, которыя то и дѣло попадались на пути то справа, то слѣва отъ дороги. И какихъ только не было названій: тутъ была и Шипъ-тапа, и Дюбуръ, и Баружъ. Все это громоздилось повсюду, и какими крохотными букашками казались въ собственныхъ глазахъ тѣ, которымъ приходилось пробираться вблизи нихъ. Наконецъ, взобравшись на послѣдній хребтикъ, мы увидали въ лощинѣ бѣлыя палатки казачьяго лагеря и направились туда. Хозяевъ-офицеровъ не оказалось въ лагерь: они ушли на прогулку, и мнѣ ничего не оставалось, какъ пойти розыскать ихъ и тамъ же познакомиться.

При вѣздѣ своемъ въ лагерь я замѣтилъ тамъ четырехъ пограничныхъ солдатъ. При возвращеніи съ прогулки, есаулъ рассказалъ мнѣ, какъ эти солдаты съ Зорскаго поста попали къ нему въ лагерь. Солдаты пошли съ поста въ секретъ и залегли въ камняхъ на границѣ, сравнительно недалеко отъ казачьяго лагеря. Нѣсколько ниже залегшихъ солдатъ были вочевки курдовъ, пасшихъ здѣсь свой скотъ. Вдругъ солдаты замѣтили 8 во-

оружевныхъ курдовъ, пробиравшихся чрезъ хребетъ, среди камней, изъ Турціи, вѣроятно съ цѣлью угона скота русскихъ курдовъ. Курды также замѣтили солдатъ. Началась перестрѣлка, и такъ какъ солдаты не особенно рассчитывали на свою силу, то они и рѣшились убраться заблаговременно, пока ихъ еще не перебили. Среди камней они добрались до кочевки, гдѣ двое и остались, а два спустились въ лагерь съ просьбой о помощи. Казаки поскакали туда и выручили оставшихся, а курды-разбойники съ достоинствомъ храбрыхъ рыцарей медленно удалились во-свояси. Послѣ этого солдаты не рѣшались уйти на Зорскій постъ ни прямо чрезъ горы и ущелья ни въ обходъ, опасаясь, что курды переловятъ ихъ, такъ какъ дѣло клонилось уже къ вечеру. Но въ концѣ концовъ, вѣроятно подъ влияніемъ насмѣшекъ казаковъ, они собрались таки съ духомъ и ушли. Въ самомъ дѣлѣ, малодушію солдатъ не приходится особенно удивляться: трудно требовать отъ мирнаго крестьянина, взятаго прямо отъ сохи, чтобъ онъ сразу проявлялъ храбрость. А гдѣ наберешься этой храбрости, когда онъ дома отродясь не держалъ ружья, а тутъ приходится сталкиваться съ головорѣзами, вся жизнь которыхъ проходитъ или въ грабежахъ и убійствахъ, или въ выслушиваніи воспламеняющихъ рассказовъ о ловкомъ угонѣ скота или молодецкомъ отпорѣ нападающимъ. Стрѣляютъ курды вообще прекрасно, такъ что нашему солдату трудно въ этомъ отношеніи тягаться съ нимъ.

Воспользовавшись своимъ пребываніемъ на Чингилѣ, я пошелъ къ границѣ посмотрѣть на Баязетъ и прилегающія турецкія земли. Лучше всего для этого воспользоваться вечернимъ временемъ, такъ какъ утромъ многія мѣстности на западныхъ склонахъ горъ остаются въ тѣни и потому кажутся очень неясными. Тотчасъ почти отъ пограничнаго столба, который мнѣ пришлось

увидѣть здѣсь впервые, начинается скать, за которыми лежитъ такая же равнина, какъ и на русской сторонѣ. Въ ближайшихъ къ намъ мѣстахъ она покрыта озерами, болотами и камышами, въ которыхъ, говорятъ, водится масса всякой дичи и, между прочимъ, кабановъ. За этими болотистыми мѣстами видѣются сухія, но на нихъ нѣтъ ничего такого, чтó видно на русской равнинѣ, которая, при взглядѣ на нее съ горъ, почти вся испещрена желтыми четырехугольниками нивъ. За равниной начинаются горы, и вблизи Баязета, расположеннаго въ ущельѣ, видны кое-гдѣ пашни и сады, но количество ихъ очень незначительно въ сравненіи съ охватываемою глазами площадью. Отдѣльныхъ зданій въ Баязетѣ различить нельзя было, и почти весь городъ представляется въ видѣ кучи бѣловатыхъ камней, разбросанныхъ по ущелью; ясно видна только крѣпость въ верхней части города; внизу подъ городомъ видна также большая постройка—крѣпость или постъ. Въ верхней крѣпости во время послѣдней войны съ турками, нашимъ солдатамъ пришлось выдержать осаду, во время которой страшный голодъ заставлялъ ихъ ѣсть все, чтó попадалось; ѣли даже источенную червями пададь, при чемъ тутъ же приходилось выковыривать червей. Только ловкость и неустрашимость Сиволобова, успѣвшаго пробраться изъ города и давшаго знать о стѣненномъ положеніи нашихъ солдатъ, спасла ихъ отъ голодной или насильственной смерти.

Къ востоку отъ лагеря возвышается Большой Араратъ, величественная блестящая макушка котораго сплошь покрыта снѣгомъ. Самая верхушка съ турецкой стороны довольно крута, зато подъемъ до вѣчнаго снѣга гораздо доступнѣе и на немъ не замѣтно тѣхъ обрывистыхъ горъ и разсѣлинъ, которыя такъ рѣзко бросаются въ глаза на русскомъ склонѣ. Малый Араратъ совсѣмъ скрытъ за Большимъ.

Изъ Чингиля я направился снова въ Игдырь. Дорога шла черезъ Орговскій постъ, сначала по скату горь, потомъ по равнинѣ, и казалась мнѣ прекрасной послѣ того, что я видѣлъ во время предыдущихъ поѣздокъ. Камней было сравнительно мало; подъемы и спуски достаточно пологи. Растительность, по мѣрѣ спуска, становилась все блѣднѣе и однообразнѣе, такъ какъ дожди идутъ здѣсь очень рѣдко, а солнце жжетъ съ меньшей силой, чѣмъ на равнинѣ, гдѣ искусственное орошеніе даетъ возможность утилизировать это тепло и успешно бороться съ отсутствіемъ дождей въ лѣтнее время. Равнина вблизи горь была покрыта камнями; затѣмъ камни исчезли, и дорожка пошла среди жесткихъ колючихъ травъ, густо покрывающихъ собою солончакую почву. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ травы было мало, и на поверхности земли виднѣлась соль, въ видѣ бѣлаго налета или коры, гулко хрустѣвшей подъ копытами лошади. Эта мѣстность заливается водами Аракса во время половодья. Канавы въ это время наводняются водой, которая, выступивъ изъ береговъ, заливаетъ окрестныя мѣста, обращающіяся потомъ въ топкія болота. Грубая трава, покрывающая эти солончаки, скашивается для скота, а колючки идутъ на кормъ верблюдамъ, предпочитающимъ ихъ, по какимъ-то особымъ вкусовымъ ощущеніямъ, всякой другой травѣ. Вблизи Игдыря почва дѣлается лучше и обращена почти въ сплошную ниву. Хлѣбъ повсюду былъ скошенъ и стоялъ въ стогахъ или уже былъ смолоченъ. Здѣсь повсюду опять были видны признаки благосостоянія, такъ мало замѣтнаго на пограничныхъ горахъ.

IV.

Отъездъ изъ Игдыря. Дорога по Араксу. Развалины древней Эрвандакерты. Аджичай. Бульжи. Дорога въ Кагызманъ. Кагызманскіе сады. Сокращенный путь изъ Кагызмана въ Карсъ. Подъемъ на карское плоскогорье. Кочевка на плоскогорьи. Погоня за мнимыми контрабандистами. Татарская деревня. Костюмъ жителей. Приездъ въ Карсъ.

Изъ Игдыря я рѣшилъ предпринять болѣе продолжительную поѣздку. Раасчитывалъ я выѣхать пораньше утромъ, но тутъ случился цѣлый рядъ препоновъ и, между прочимъ, не оказалось сѣдельнаго потника, кѣмъ-то украденнаго. Пока купленъ былъ войлокъ и спитъ потникъ, было уже часовъ 9 или 10, когда, наконецъ, удалось мнѣ выѣхать. Шоссейная дорога за Игдыремъ то извибалась среди полей, то проходила чрезъ деревни, представлявшіе почти вездѣ сплошной садъ. Нигдѣ нельзя было замѣтить пустырей: все было распахано, засѣяно пшеницей и хлопкомъ, по окраинамъ котораго росла клещевина, какъ предохранительное средство противъ отравъ скота, который не любитъ этого растенія. Пшеница почти повсюду была скошена и частью уже смолочена. Хлѣбъ здѣсь молотятъ способомъ, придуманнымъ, вѣроятно, еще во времена Ниневіи и Вавилона. вмѣсто русскихъ цѣповъ и катковъ или усовершенствованныхъ молотилокъ употребляется доска, длиною аршина въ 2 и шириною въ 1 ар., въ которую снизу вбита масса остроредерныхъ осколковъ кремня. Такую доску привязываютъ къ 1—2 быкамъ или буйволамъ, сверху на нее становится кто-либо изъ ребятъ и погоняетъ быковъ. Въ результатъ получается вымолоченное зерно, а вмѣсто нашей соломы труха, извѣстная здѣсь подъ названіемъ самана. Саманъ идетъ на кормъ скоту и примѣшивается къ глинѣ при постройкахъ.

За татарской деревушкой Кити шоссе близко подошло къ Араксу. Араксъ въ этомъ мѣстѣ величественъ

только во время разлива. Усыпанное камнями русло его имѣетъ значительную ширину, самъ же Араксъ такъ жалокъ, что скорѣе похожъ на рѣчушку, чѣмъ на шумнаго и опаснаго богатыря, каковымъ онъ бываетъ во время разлива. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ распадается на нѣсколько рукавовъ, въ 3—4 саж. ширины. Вода изъ Аракса разбирается въ значительномъ количествѣ для орошенія. Поливка поля составляетъ все, и наша русская пословица „что посеешь, то и пожнешь“ мало здѣсь примѣнима; „что польешь, то и пожнешь“, говорятъ здѣсь. Въ верстѣ-другой на западъ отъ деревни равнинный характеръ мѣстности постепенно мѣняется, и Араксъ течетъ уже среди холмовъ, надвинувшихся на него съ сѣвера и юга. Берега становятся обрывистыми и каменистыми, такъ какъ вулканическія породы выступаютъ наружу. Около Каракалинскаго поста мѣстность совершенно пустынна: нигдѣ не видно ни нивъ ни деревень. Тутъ же находятся остатки древней крѣпости. По объясненію чапарскаго урядника, крѣпость эта когда-то принадлежала татарскому хану и была разрушена Надиръ-шахомъ. Армянскіе историки считаютъ развалины этой крѣпости остатками своей столицы Эрвандакерга. Они же рассказываютъ, что около этого города библейскій прокаженный Іовъ, сидя у своего гноища, бесѣдовалъ съ тремя друзьями, пришедшими навѣстить его. Но мѣстные жители ничего не знаютъ объ историческомъ значеніи этихъ развалинъ. Во всякомъ случаѣ, размѣры и длина остатковъ каменныхъ стѣнъ, отъ которыхъ остались фундаменты, да кое-что изъ башенъ, показываютъ, что крѣпость эта представляла значительную твердыню, а оставшіяся части башенъ изъ обломковъ черной лавы или изъ тесанаго камня, или одного краснаго цвѣта или слоями изъ краснаго и чернаго, указываютъ на богатство и прихотливость

вкуса владѣтелей крѣпости. Башни, однако, почти всё развалились. Городъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ, упирающемся съ сѣвера обрывистыми скатами въ Араксъ, а съ юга отдѣляется отъ прочей холмистой равнины неглубокимъ оврагомъ, такъ что нѣтъ тутъ ни глубокихъ пропастей, съ шумящей водой, ни суровой прелести башенъ, о которыхъ говорится въ „Всеобщей географіи“ Реклю, а есть только неглубокіе овраги и жалкіе остатки былого величія. Внутри крѣпостныхъ стѣнъ видны развалины немногочисленныхъ зданій; кромѣ того, внизу подъ обрывомъ видны хорошо сохранившіеся свелеты домовъ. По армянскимъ лѣтописямъ въ этой столицѣ жило 30,000 еврейскихъ и 20,000 армянскихъ семействъ. Преобладаніе евреевъ объясняется тѣмъ, что столицу построилъ царь еврейскаго происхожденія. Все это теперь запустѣло, разрушилось, заросло сорными травами; канавы засорились и на мѣстѣ цвѣтушаго и кипѣвшаго жизнью города осталась мертвая каменная пустыня. Только нѣсколько семействъ курдовъ приходили на зимовку, да и тѣ не живутъ въ развалинахъ, а пріютились въ естественныхъ пещерахъ, образовавшихся въ базальтовомъ основаніи крѣпости въ томъ мѣстѣ, гдѣ это основаніе отдѣляется отъ равнины оврагомъ, сажени въ 3—4 глубиной. Предъ входами курды устроили маленькіе заборы, оставляя только небольшіе проходы въ пещеры. Я было хотѣлъ пробраться въ одну изъ нихъ, но ѣдкій запахъ сажи и дыма не далъ мнѣ возможности проникнуть далѣе начала. Если запахъ дыма и копоти силенъ и теперь, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ухода курдовъ на кочевки, то можно вообразить себѣ житье обитателей этихъ пещеръ въ зимнее время, когда сильный холодъ заставляетъ всю семью сидѣть въ этой берлогѣ и усиленно жечь кизяки. Входы

всѣхъ пещеръ покрыты толстымъ слоемъ сажи; такіе же слои сажи видны и на потолкахъ пещеръ, такъ какъ срубъ не имѣется и для дыма остается только одинъ путь—входъ въ пещеру.

За постомъ дорога снова вьется среди усыпанныхъ камнями бугровъ, закрывающихъ отъ глазъ все кругомъ. Потомъ она снова выходитъ на ровное мѣсто, и снова потянулись поля, а невдалекѣ виднѣлись деревни. Араксъ ушелъ въ сторону, и шоссе съ бугровъ спустилось въ ложину, гдѣ протекаетъ Аджи-чай, почти цѣликомъ разобранннй въ канавы, такъ что самая рѣчка стала похожа на канавки, текущія среди широкаго, усыпаннаго глыбами русла. Почва повсюду глинистая. Прилегающія горы также состоятъ изъ глины, въ которой мѣстами виднѣются болѣе или менѣе обкатанные камни. Въ низменныхъ мѣстахъ видны были культурныя поля, преимущественно хлопковыя. Верхушки же и склоны горъ были или совершенно обнажены или покрыты тощими кустиками травы. Замѣтивъ издали поселокъ, я поспѣшилъ туда, воображая, что это Кульпы, однако это было другое многолюдное селеніе, которое на 5-верстную карту почему-то не нанесено. Наконецъ, мнѣ удалось добраться и до Кульпъ, гдѣ я и остановился у смотрителя соляныхъ промысловъ Л. Самого хозяина не оказалось дома: онъ былъ въ сосѣдней деревнѣ. Часа въ 2—3 ночи, когда меньше всего можно было ожидать его пріѣзда, вдругъ слышу шумъ и громкій говоръ: это возвратился домой хозяинъ съ компаніей. Только утромъ я узналъ, что вся пріѣхавшая компанія гонялась за контрабандой.

Изъ Кульпъ я отправился въ Кагызманъ, до котораго 60 верстъ. Желая нѣсколько сократить дорогу, я вначалѣ отправился не по шоссе, а по тропинкѣ между

холмами. Сомнительно, чтобъ была какая-нибудь польза отъ этихъ сокращеній. Дорожка то постоянно извивалась по склонамъ холмовъ, то шла круто въ гору или такъ же круто спускалась. Коню приходилось постоянно напрягаться, да и всаднику тоже; о быстрой ѣздѣ и думать не приходилось, и всю дорогу нужно было ѣхать шажкомъ. Одно, что было поучительно въ этой повѣздкѣ, такъ это то, что пришлось посмотреть на дикую и скудную природу во всей ея наготѣ, да испытать невольное грустное чувство одиночества среди однообразныхъ холмовъ, застилавшихъ отовсюду горизонтъ. На пути нѣрѣдко попадались высохшія русла потоковъ, почти повсюду покрытыя налетомъ соли. Почва вездѣ состоитъ изъ глины или продуктовъ разрушенія буроватыхъ рудяковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выходявшихъ наружу или значительными слоями или въ видѣ обломковъ. Мѣстность была совершенно безжизненна: ни людей ни вездѣсущихъ птицъ нигдѣ не было на этомъ сокращенномъ пути, и только при поворотѣ на шоссе въ одномъ мѣстѣ прашлось увидѣть небольшія нивы, на которыхъ работало нѣсколько человекъ. Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, я выбрался таки на шоссе, которое показалось мнѣ прекраснѣйшей дорогой, послѣ многочисленныхъ камней, непрерывныхъ подъемовъ и спусковъ. Шоссе иногда близко подходило къ Аракеу и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было размыто рѣкой. Подобныя разрушенія пути мнѣ пришлось видѣть неоднократно: этому въ особенности способствовали оползни, составляющіе обычное здѣсь явленіе. Горы повсюду были покрыты скудной растительностью, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже совершенно обнажены, такъ какъ оползни большими и малыми массами не даютъ возможности укорениться растеніямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около дороги и на

склонахъ горъ валялись громадныя обломки конгломератовъ, состоящихъ изъ обкатанной гальки и булыжниковъ, цементированныхъ известью или гипсомъ. Дорога то подходила къ Араксу, то уходила отъ него, переходя то на правую, то на лѣвую сторону. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горы отступали и около рѣки тянулась равнина; въ другихъ мѣстахъ онѣ надвигались такъ близко, что мѣсто для дороги необходимо было прорубать въ нихъ. Среди породъ преобладали, большею частью, осадочныя: глины, рухляки, известняки, гипсы, но мѣстами выступали и изверженныя. Дорога была безлюдна, населеніе попадалось рѣдко; изъ проходящихъ встрѣтилось только нѣсколько человѣкъ курдовъ и татаръ. Наконецъ показался и Кагызманъ, потонувшій весь въ садахъ. Съ первыхъ же шаговъ начали попадаться новыя наряды, невиданныя въ Эриванской губ.: красныя фески, обмотанныя платками фески, штаны съ мѣшкообразными сидѣньями, широкіе кушаки изъ цвѣтныхъ матерій. Вопросы мои, гдѣ живетъ такой-то офицеръ, были непонятны встрѣчавшимся мужикамъ, и мнѣ стоило большихъ хлопотъ, чтобъ узнать хоть приблизительно, гдѣ живутъ вообще офицеры. Воспользоваться указаннымъ направленіемъ въ азіатскихъ поселкахъ гораздо мудренѣе, чѣмъ въ европейскихъ городахъ, такъ какъ безконечныя изгибы и развѣтвленія узкихъ, кривыхъ и однообразныхъ улицъ собьютъ съ толку даже и опытнаго человѣка. После ряда путаницъ я добрался, наконецъ, до базара, гдѣ отъ попавшихся солдатъ допытался, чтѣ мнѣ нужно было. Потонувшій въ садахъ Кагызманъ производитъ очень хорошее впечатлѣніе на всякаго прїѣзжаго. Здѣсь я познакомился съ техникомъ Кагызманскихъ соляныхъ промысловъ, который предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ осмотрѣть копи, расположенныя верстахъ въ 3.

отъ города, на скатѣ горъ къ Араксу. Разработка мощныхъ залежей соли производится отчасти прямо съ поверхности посредствомъ удаленія верхнихъ слоевъ гипса и синей глины, отчасти посредствомъ штоленъ. Разработка съ поверхности занимаетъ обширную площадь и начата еще при турецкомъ владычествѣ. Осмотрѣнная мною штольня тянулась глубоко подъ землей и вѣтвилась въ разныя стороны. Въ одномъ изъ отдѣловъ штольни работало 3 рабочихъ, взрывавшихъ соль посредствомъ пороха. При всякомъ взрывѣ приходилось прятаться за всякіе выступы во избѣжаніе быть убитымъ или искалѣченнымъ отлетающими кусками соли, что и случилось за нѣсколько дней до моего пріѣзда съ однимъ рабочимъ: осколокъ фунтовъ въ 15 ударилъ его такъ, что вырвалъ чуть не всё внутренности, и бѣднякъ умеръ на мѣстѣ. Соль въ Кагызманѣ, какъ и въ Кульпахъ, не чиста, окрашена въ грязный цвѣтъ глиной и мергелемъ. Состоитъ она изъ безчисленнаго множества слоевъ отъ вершка до аршина толщиной. Въ одномъ мѣстѣ имѣется гнѣздо совершенно прозрачной кристаллической соли, но такъ какъ входъ въ это отдѣленіе завалился, то осмотрѣть его не удалось.

Вечеромъ я столкнулся съ осетиномъ, чеченцемъ и лезгиномъ. Осетинъ оказался чапарскій урядникъ, захворавшій лихорадкой на Ахъ-чайскомъ посту и уѣхавшій въ Карсъ на поправку. Чеченецъ былъ его всадникъ, который долженъ былъ сопровождать его въ Карсъ, а лезгинъ — прапорщикъ милиціи, пріѣхавшій проводить ихъ въ Кагызманъ. Всѣ три были типичнѣйшіе горцы. Урядникъ собирался вскорѣ уѣхать по какой-то короткой дорогѣ и предлагалъ мнѣ ѣхать съ нимъ. Мнѣ уже достаточно были знакомы эти краткія дороги изъ предыдущаго путешествія, тѣмъ не менѣе я согласился ѣхать съ

нить, увлекшись перспективой переночевать въ степи. Однако, вмѣсто предполагаемой ночевки на плоскогорьѣ, мы вынуждены были остановиться въ Харѣ. Деревня эта находится верстахъ въ 10 отъ Кагызмана, однако мы ѣхали до ней $3\frac{1}{2}$ часа; тьма была такая, что не видно было ѣдущаго впереди, почему тропинка была вскорѣ утеряна, и мы, поминутно проваливаясь въ промоины и натываясь на камни, совсѣмъ не могли разобрать, гдѣ мы и куда намъ нужно было ѣхать. Наконецъ дали показался огонекъ—это была деревня Харъ и мы съ величайшимъ трудомъ добрались до нея. Охота ѣхать дальше у насъ пропала и мы остановились въ деревнѣ, гдѣ и переночевали у старшины. Утромъ я и урядникъ двинулись дальше, а чеченца отпустили назадъ. Дорога круто пошла въ гору и во многихъ мѣстахъ была густо усыпана камнями. Хорошо, что мы остановились ночевать въ деревнѣ, а то, вѣроятно, кто-нибудь изъ насъ свернулъ бы тутъ себѣ голову. Пришлось слѣзть съ лошади и идти пѣшкомъ, такъ какъ иначе трудно было рассчитывать благополучно добраться до Карса. По этой дорожкѣ обыкновенно ходятъ вьючные ослы и катеры изъ Карса въ Кагызманъ и обратно, сокращая такимъ образомъ путь верстъ на 15—20. Но эти сокращенія возможны только для человѣка, хорошо знакомаго съ дорогой; что же касается моего осетина, то онъ, оказалось, ни разу не ѣздилъ по этимъ мѣстамъ, почему вмѣсто сокращенія разстоянія и сбереженія времени, мы колесили туда и сюда, теряли дорогу, шатаясь по камнямъ и травянистымъ полямъ съ рыхлой почвой и нерѣдко попадавшимися камнями, и сдѣлали вмѣсто сокращенія 16—20 верстъ настолько же болѣе, и только часовъ въ 9 вечера добрались до Карса. Не будь у меня компаса и пятиверстной карты, то нельзя было бы даже и къ

ночи добраться до города. Это была моя послѣдняя попытка сокращать разстоянія: „Три версты будетъ обходомъ, напрямикъ пройдешь и шесть“. Подъемъ из деревни Харъ на кареское плоскогорье, возвышающееся здѣсь въ видѣ хребта Кара-дага, тянется на протяженіи верстъ 7. Подъемы во многихъ мѣстахъ довольно круты, и видъ справа и слѣва отъ дороги унылъ и однообразенъ: скудная растительность, глиняные полуобнаженные скаты холмовъ, на обрывистыхъ бокахъ которыхъ выходятъ слоистые полуразрушенные рухляки и другія осадочныя породы, а сверху все это прикрито мощными слоями изверженныхъ породъ, возвышающихся въ видѣ непроходимой обрывистой стѣны. По мѣрѣ подъема растительность становилась богаче, и мѣстами на пологихъ склонахъ виднѣлись пшеничныя и ячменныя поля, еще совершенно зеленыя. Наконецъ мы выбрались на плоскогоріе. Обширное пространство представляло слегка волнистую поверхность, покрытую повсюду прекрасною травой. Пашевъ попалось очень мало и кочевое населеніе, состоящее изъ курдовъ и татаръ, занимается только скотоводствомъ. Мы заѣхали въ одну, расположившуюся близъ озера кочевку, настолько многолюдную, что мнѣ еще ни разу не приходилось видѣть такой. Чадры были разбросаны на протяженіи верстъ трехъ. Мы остановились около одной чадры напиться кислаго молока съ водой, какъ очень хорошаго средства противъ жары. Въ чадрѣ намъ разостлали коверъ и пока мы наслаждались питьемъ, на насъ, какъ на рѣдкихъ гостей, сошлись посмотреть обитатели нѣсколькихъ сосѣднихъ шатровъ. Все это былъ народъ бѣдно одѣтый: грязныя изорванныя лохмотья составляли нарядъ взрослыхъ, а ребята ходили совсѣмъ полуголыя, нисколько ни заботясь о прикритіи своихъ выпяченныхъ грязныхъ жи-

вотиковъ. Я угостилъ хозяйскихъ ребятшекъ бывшими со мною вишнями и курагой, и это обстоятельство привлекло чуть не съ дюжину сосѣднихъ ребятъ, съ жадностью смотрѣвшихъ на розданныя рѣдкія лакомства. При случаѣ они не стѣснялись отнимать фрукты у бодѣ слабыхъ, за что и получали ослухи со стороны старшихъ. Бывшія здѣсь бабы и дѣвки нѣсколько не стѣнялись присутствіемъ постороннихъ людей и продолжали свою работу. Между прочимъ, онѣ сбивали не виданнымъ мною до сихъ поръ способомъ масло: молоко наливалось въ очень длинный, подвѣшенный съ обѣихъ концовъ боченокъ, который раскачивается по своей длинной оси, и чрезъ нѣсколько времени тамъ получается масло.

Отсюда мы отправились дальше. Дѣло было уже около полудня, и вужно было напоить и покормить лошадей. Провѣдавъ нѣсколько лоцинъ въ напрасныхъ расчетахъ отыскать воду, мы остановились въ одной изъ нихъ, желая наконецъ дать конямъ передохнуть и покормиться. Спустя часъ, мы поймали лошадей и начали собираться въ дорогу. Вдругъ въ $\frac{1}{4}$ версты разстоянія мы замѣтили двухъ всадниковъ, курдюкъ или татаръ, направлявшихся къ намъ по лоцинѣ. Татары тоже замѣтили насъ и быстро начали удаляться, прямо чрезъ пашни. На наши оклики остановиться они только съ большей послѣдностью успѣли удирать. Въ рукахъ одного видѣлось ружье. Взять съ оружіемъ здѣшнихъ азіатомъ, во избѣжаніе разбоевъ, не дозволяется, и всякій чапаръ, казакъ или солдатъ тотчасъ же долженъ отнять его и представить, куда слѣдуетъ, и оружіе и хозяина. Чаше всего случается, что хозяину накладутъ въ шею, а ружье отнявшій присвоитъ себѣ. Немудрено, что и у моего спутника разгорѣлось желаніе развитья ру-

жьемъ. Онъ хотѣлъ было уже гнаться за ними, но я отключилъ это намѣреніе. Вначалѣ я думалъ, что убѣгавшіе были мирные проѣзжіе, испугавшіеся насъ и потому убѣгавшіе, а потомъ, обсудивъ поспѣшность отступленія татаръ и скачку ихъ по балкамъ съ явной цѣлью скрыться отъ насъ, мы пришли къ заключенію, что это, должно быть, или контрабандисты, или разбойники, или вооры, вѣроятно собиравшіеся украсть и нашихъ лошадей, когда тѣ гуляли на свободѣ, а мы лежали въ травѣ. Поэтому рѣшено было поймать ихъ и отнять таки ружье. Началась отчаянная скачка по нивамъ, по камнямъ, по степи, и мы, неожиданно для убѣгавшихъ, спрятавшихся за холмомъ, выскочили вблизи нихъ. Чапаръ былъ повыше, я скакалъ, опустившись въ балку; поэтому татары оказались среди насъ и тутъ имъ ничего не оставалось болѣе, какъ удирать по прямой линіи въ гору и подвергнуться разстрѣлянію или остановиться на наши крики, что они и сдѣлали. Подскакавъ поближе, мы увидѣли верховыхъ татаръ съ длинной палкой и эта-то палка и показалась намъ ружьемъ въ рукахъ одного. Было ли ружье, или нѣтъ, трудно сказать, потому что невдалекѣ стоялъ татаринъ, у котораго убѣгавшіе могли внять длинную палку, а ружье припрятать на нивѣ. На наши вопросы, чего они тутъ разѣзжаютъ, они отвѣтали, что рад и удовольствія по случаю праздника; а на вопросъ, зачѣмъ они отъ насъ убѣгали, когда мы окликали, они отвѣчали, что они ничего не слышали, а скакали быстро потому, что хотѣлось такъ. Посмѣявшись надъ своей неудачей, мы уѣхали дальше.

До сихъ поръ намъ на пути не попадалось ни одной деревни. Съѣстныхъ припасовъ мы не захватили съ собою, а между тѣмъ время было такое, что пора бы была и поѣсть чего-нибудь. Поэтому мы рѣшили воспользоваться первой

попавшейся деревней, чтобъ остановиться тамъ. Деревня Хаджи-Халил населена татарами, и мнѣ здѣсь впервые пришлось поближе посмотрѣть на костюмъ здѣшнихъ татаръ, совсѣмъ непохожій на костюмъ ихъ эриванскихъ соплеменниковъ. Одѣваются татары по-турецки: штаны съ широкими сидѣньями, похожими на привѣшенные мѣшки; вмѣсто кафтановъ куртки, иногда распитыя; на головахъ фески, перелязанныя платками или шарфами, свернутыми въ шнуры; на ногахъ короткіе чулки и поршни изъ грубой недубленой кожи; какъ дополненіе къ этому у многихъ имѣются цвѣтные кушаки. Дома построены изъ необтесанныхъ камней, цементированныхъ землей. Внутренность ихъ обширна, но темна, душлива и грязна; свѣтъ проникаетъ только чрезъ двери и отверстія въ крышахъ, служащія для выхода дыма; домашній скарбъ не многосложнее; тутъ же можно найти и арбу, и вьюки, и стойло. Вся деревня, благодаря отсутствію древесной растительности, производитъ нехорошее впечатлѣніе. Во время закуски татары разсматривали мою магазинку и большинство изъ нихъ прекрасно знало, какъ ее заряжать и стрѣлать. Разговорились мы съ татарами объ ихъ житьѣ; они выражали неудовольствіе на современные порядки. На мои вопросы, на чьей бы они были сторонѣ въ случаѣ нашей войны съ турками, они безъ всякихъ обиняковъ объявили, что будутъ помогать туркамъ. Во время войны на этихъ татаръ, конечно, совсѣмъ нельзя будетъ полагаться, а между тѣмъ русская колонизація Карсской области идетъ какъ-то вяло; русскихъ въ области наберется не больше тысячъ 12.

Отсюда мы отправились далѣе къ Карсу. На пути стали попадаться деревни, жители которыхъ были заняты косью и уборкой сѣна; чаще стали попадаться ни-

вы, хотя все-таки и здѣсь представлявшія оазисы среди необозримыхъ степныхъ пространствъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Карса плоскогоріе дѣлаетъ уступъ и образуетъ новую, болѣе низкую равнину. Характеръ мѣстности и здѣсь степной, хотя засѣянныхъ мѣстъ несравненно больше. Вдали показались укрѣпленія Карса, вовсе не поражающія съ перваго раза человѣка, наслушавшагося о неприступности и грандіозности этой твердыни. Внизу, подъ горой, видѣлся городъ, бѣлыя зданія котораго и отсутствіе растительности производятъ особое впечатлѣніе на всякаго, привыкшаго предъ этимъ видѣть всѣ поселенія, тонущими въ садахъ. Предъ взѣздомъ въ городъ расположены были какія-то земляныя укрѣпленія, тоже не произведшія на меня никакого впечатлѣнія. А между тѣмъ это было сильное укрѣпленіе, главнымъ образомъ спрятанное въ землѣ.

V.

Отъѣздъ изъ Карса къ западной границѣ. Молоканскія деревни. Конфигурація мѣстности. Сосновый лѣсъ. Судьба горцевъ-переселенцевъ. Саракамышъ. Оригинальныя геологическія образования на турецкой границѣ. Греческій поселокъ Вардузъ. Развалины крѣпости и церкви. Окраска почвы. Красота природы. Характеристика жителей. Развалины крѣпости въ окрестностяхъ селенія. Турецкій пограничный постъ. Обрато въ Карсъ.

Изъ Карса я отправился къ западной границѣ. Выѣхалъ я вечеромъ, рассчитывая заночевать въ какомъ-нибудь русскомъ поселкѣ: доѣхалъ до перваго изъ нихъ, Владикарса, который заселенъ молочанами, и остановился здѣсь. Это довольно большая деревня, построенная на русскій ладъ: небольшихъ размѣровъ деревянныя дома, въ 2—3 комнаты, стоятъ на высокихъ фундаментахъ, съ деревянными-двускатными крышами и съ нѣсколькими

окнами, выходящими на улицу и на дворъ, съ пѣтухами и другими украшеніями на гребнѣ крыши; вытянуты они въ одну линію по обѣимъ сторонамъ единственной улицы. Въ деревнѣ стоялъ отрядъ солдатъ пограничной стражи, который расположился постоемъ по домамъ. Разговорился я съ хозяиномъ за чайкомъ о житьѣ-бытьѣ русскихъ поселенцевъ. Пришлось услышать жалобы, что живетъ имъ тутъ плохо въ сравненіи съ прежнимъ изъжителемъ въ Тифлисской губерніи, потому что зимы страшно долги, тянутся мѣсяцевъ по семи, отчего хлѣбъ не всегда успѣваетъ вызрѣвать. Во время долгой зимы скотъ приходится кормить дома, такъ что съ трудомъ хватаетъ большихъ даже запасовъ сѣна. А сѣна дѣйствительно они запасаютъ очень много, такъ какъ во время моего пріѣзда въ селеніе непрерывно везли громадные фургоны сѣна, несмотря на то что почти въ каждомъ дворѣ стояли уже цѣлые стога. Урожай хлѣба тоже бываетъ неважный: самъ 2—3, почему по необходимости приходится прибѣгнуть къ побочнымъ источникамъ дохода — къ извозу. Почти каждый молоканинъ имѣетъ одинъ или нѣсколько фургоновъ, съ которыми онъ и уходитъ изъ дому, главнымъ образомъ зимою, для перевозки товаровъ. Иногда промыселъ этотъ бываетъ очень выгоденъ, чаще же даетъ только возможность прокормить лошадей и заработать нѣсколько денегъ на уплату податей. Несмотря на жалобы, что плохое здѣсь житье, общій видъ деревни производитъ впечатлѣніе зажиточности. Такое же, если не лучшее впечатлѣніе, производило и слѣдующее молоканское селеніе Ново-Селимъ, въ которомъ имѣется до 150 дворовъ, растянувшихся версты на двѣ по одному направленію. Всѣ русскіе поселки рѣзко отличаются отъ туземныхъ: ихъ можно узнать уже издали по типу построекъ и правильности расположенія;

между тѣмъ какъ обширные дома туземцевъ: грековъ, армянъ, татаръ; турокъ и т. д. сдѣланы изъ булыжника, цементированнаго грязью или известью, съ плоскими крышами, и прислонены почти другъ къ другу или разбросаны безъ всякаго порядка. Издали они похожи на груду мусора или развалинъ, да и внутри болѣе похожи на логовища звѣрей, чѣмъ на жилища разумныхъ существъ.

Природа почти повсюду представляетъ слегка волнистую степь, покрытую отличной травой. Пашни попадаются сравнительно рѣдко и то только вблизи селеній. Хлѣбъ повсюду былъ еще зеленъ и по немъ видно было, что находишься на высотѣ тысячъ 4 футовъ. Вблизи Саракамыша дорога вступаетъ въ ущелье. Склоны прилегающихъ горъ повсюду покрыты массой камней, которыхъ почти не было замѣтно на пройденномъ пути. Поэтому растительность значительно уступала въ роскоши предыдущимъ мѣстамъ. Но зато вблизи Саракамыша появляется сосновый лѣсъ, который чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе становится гуще и рослѣе. На пути къ Саракамышу попало самое разнообразное населеніе. Между прочимъ, пришлось повстрѣчать чеченское селеніе Эдди-Килиса, т. е. семь церквей, отъ которыхъ остались безформенныя развалины. Странная судьба преслѣдуетъ людей: послѣ покоренія Кавказа часть горскихъ племенъ жила въ Турціи, но послѣ присоединенія Карсской области все-таки опять попала подъ русское владычество. По своимъ наружнымъ признакамъ всѣ горцы-перселенны отличаются отъ мѣстныхъ жителей какъ своею опрятностью и покроемъ платья, такъ и постройкой избъ, менѣе похожихъ на звѣриныя берлоги.

Саракамышъ, въ которомъ собираются солдаты и казаки для маневровъ и расположена штабъ-квартира Елисаветпольскаго полка, представляетъ небольшое селе-

ніе, построенное на городской ладь. Знакомых здѣсь у меня никого не было, почему я рѣшился уѣхать на границу на ольдюющій день. Началь я разспрашивать о дорогѣ на казачій постъ, расположенный верстахъ въ 30 отъ Саракамыша. Дорогу мнѣ указали, но при этомъ начали убѣждать не ѣхать туда въ одиночку, такъ какъ путь безлюдный и проходить частью по глухому лѣсу и горамъ, а разбой здѣсь не рѣдкость; итакъ, еще не задолго предъ этимъ на той же дорогѣ одного человѣка повѣсили, а другого застрѣлили. Такіе рассказы сопровождали меня рѣшительно повсюду: тамъ зарѣзали, тамъ повѣсили, тамъ застрѣлили, тамъ ограбили и т. п., и что почти никого не удавалось спаловить, такъ какъ граница всего въ нѣсколькихъ верстахъ, а грабители всегда успѣваютъ уйти за границу раньше, чѣмъ о дѣлахъ ихъ станеть извѣстно полиціи. Рассказы эти не удерживали меня, но не скажу, чтобъ они не обнаружили вліянія на мое состояніе духа и въ немалой степени отравляли то удовольствіе, которое получалось отъ путешествія. Ъдешь, бывало, по глухой, но живописной мѣстности и, вмѣсто того чтобъ любоваться окружающей природой, главнымъ образомъ тратишь свое вниманіе на то, нѣтъ ли вблизи чего-нибудь подозрительнаго. Поэтому, наслушавшись о саракамышинскихъ страхахъ, я рѣшилъ, для очищенія совѣсти, навести справки, нѣтъ ли казаковъ съ того поста, куда я собирался ѣхать, и въ случаѣ если не будетъ никого, то уже тогда ѣхать одному. Попутчики нашлись и, пока они тамъ снаряжались, я отправился въ лѣсъ, чтобъ убить время до отъѣзда да и посмотрѣть на давно уже невиданный мною сосновый лѣсъ. Лѣсъ оказался довольно мелкимъ, по крайней мѣрѣ на окраинахъ, куда я заходилъ. Попадались мѣстами и старыя сосны, но какъ рѣдкость. Травка въ лѣсу бы-

да довольно жиденькая и ничего не имѣла общаго съ тою богатою травянистою растительностью, которую находишь въ лѣсахъ средней полосы Европейской Россіи. Своеобразную особенность, замѣченную мною здѣсь въ лѣсу, раньше на пути изъ Карса къ Саракамышу и затѣмъ далѣе, составляло громадное количество разнообразной величины обломковъ чернаго обсидіана, валяющихся какъ на самой поверхности, такъ и пронизывающихъ почву на болѣе или менѣе значительную толщину. Странное, давно уже неиспытываемое мною, чувство удовольствія охватило меня, когда я очутился среди лѣса, пополненнаго смолистымъ запахомъ. Вспомнились мнѣ времена студенчества, когда мнѣ приходилось забираться въ сосновый лѣсъ въ окрестностяхъ Москвы и въ полной тиши любоваться лѣсными богатырями, гдѣ-то далеко вверху шумящими своими зелеными вѣтвями. Какъ хорошо. бывало, чувствуешь себя послѣ надоѣвшей московской суетою. То же самое пришлось испытать и въ саракамышскомъ лѣсу, несмотря на то что въ окрестностяхъ селенія онъ далеко уступаетъ сѣвернымъ лѣсамъ.

Часа въ два пополудни пріѣхали за мной мои попутчики, офицеръ и два казака, и мы отправились. До поста было верстъ 30, почему намъ и нужно было поспѣшить, чтобъ попасть къ вечеру домой. Дорога шла нѣкоторое время по лѣсу, но потомъ она вышла изъ него, и предъ нами снова начались то узкія ущелья, то широкія плоскогорья. Почти повсюду страна представляла травянистую степь. Кое-гдѣ трава была скошена. Мѣстность было пустынная; за всю дорогу попались только четверо конныхъ турокъ, пробиравшихся куда-то, и больше никого и ничего, даже птицъ нигдѣ не было. Деревни попадались только въ началѣ и въ концѣ дороги. Въ на-

чалъ жили осетины, въ концѣ греки. Всѣ здѣшніе греки переселенцы изъ Турціи. Заняли они тучныя и довольно ровныя земли, такъ что земледѣліе являлось вполне достойнымъ занятіемъ, тѣмъ не менѣе пашни были рѣдки, да и тѣ въ убогомъ состояніи. Въ общемъ, мнѣніе о здѣшнихъ грекахъ таково, что это народъ лѣнивый, грубый и нечистоплотный. Деревни ихъ дѣйствительно имѣютъ непривлекательную наружность. Столь же непривлекательна и наружность самихъ грековъ: въ большинствѣ случаевъ это народъ приземистый, неуклюжий, съ лица некрасивый. Наряжаются они въ широкія турецкія штаны и куртки, на головахъ носятъ фески, часто перевязанныя пѣтными платками; платье обыкновенно сдѣлано изъ грубой домотканой матеріи и почти всегда рваное. Женщины лицъ своихъ не закрываютъ и это даетъ возможность видѣть, что онѣ такъ же некрасивы, какъ и мужчины. Выраженіе лица обыкновенно угрюмое и даже дикое. Внутреннія качества находятся въ соответствіи съ наружнымъ. Причину вырожденія столь знаменитаго въ древнія времена еллинскаго племени слѣдуетъ искать во многовѣковомъ гнетѣ турокъ, отнимавшихъ наиболѣе красивыхъ женщинъ и мальчиковъ, и своими преслѣдованіями заставлявшихъ наиболѣе даровитыя натуры переходить въ мусульманство. Въ племени, поэтому, оставался наиболѣе слабый элементъ, не замѣчавшій незавидность своего положенія и который все болѣе и болѣе тупѣлъ и вырождался, пока не дошелъ до той жалкой ступени, на которой онъ теперь находится. Сомнительно, чтобы теперешніе малоазійскіе греки были на самомъ дѣлѣ прямыя потомки грековъ, а не еллинизированные туземцы Малой Азіи. Изъ Саракмыша пріѣхали мы на постъ въ греческую деревню Еникей, гдѣ мой попутчикъ былъ начальникомъ. За-

нятое имъ помѣщеніе имѣло очень приличный характеръ; да и вообще на здѣшнихъ постахъ, какъ мнѣ пришлось увидѣть, помѣщенія для офицеровъ очень просторны и удобны и живутъ они здѣсь, несмотря на скуку и одиобразіе, гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Квартиры у нихъ — казенныя зданія, съѣстные припасы настолько дешевы, что отъ жалованья имъ еще дѣлается дѣлать небольшія сбереженія. На другой день моему руководителю нужно было отвезти деньги своему командиру въ Караурганъ, чѣмъ я воспользовался и отправился туда съ нимъ. Дорогой пришлось увидѣть знакомыя мнѣ только по книгамъ геологическія образованія. Склоны горъ обвѣтривались и разрушались, но не равномерно, какъ это обыкновенно бываетъ, а только мѣстами, почему повсюду во множествѣ возвышались отдѣльныя столбы, самыхъ разнообразныхъ очертаній, напоминая то колонны, то зданія, то окаменѣлыхъ людей и животныхъ. Нѣчто подобное встрѣчается между Карсомъ и Саракамышемъ, хотя остатки вывѣтрившихся горъ скорѣе похожи тамъ на обломки, случайно скатившіеся сверху. Вблизи Караургана имѣется цѣлый рядъ пещеръ, въ которыхъ въ былыя времена смуть и тревоженій населеніе находило себѣ пріютъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ поста проходитъ граница, за которой виднѣлся турецкій постъ, пріютившійся у скалы, а вблизи него деревня. Отношенія русскихъ и турецкихъ офицеровъ и чиновниковъ самыя мирныя, и поѣздки другъ къ другу совсѣмъ не рѣдкость.

Изъ Караургана я снова возвратился въ Еникей. Выѣхали мы поздно и, несмотря на поспѣшность, съ какой возвращались, ночь все-таки захватила насъ и нѣсколько верстъ пришлось проѣхать въ полнѣйшей темнотѣ. Дороги тутъ и днемъ заставляютъ ѣздока зорко смотрѣть подъ ноги, что же пришлось испытать въ непроглядной тьмѣ,

трудно передать. На другой день я рѣшилъ отправиться въ Бардусъ, къ чему подбивали меня рассказы о величїи природы въ этомъ селенїи и о томъ, что для меня, естественника, найдется много тамъ интереснаго. Бардусъ расположенъ верстахъ въ 18 къ сѣверу. Дорога вначалѣ не представляла ничего новаго, -- начался давно знакомыя картины: ущелья, съ очень пологими скатами, и плоскогорья. Все это было: въ большинствѣ случаевъ покрыто густой травой, хотя было также достаточно мѣстъ, гдѣ выступали наружу кристаллическія материнскія породы, или на поверхности валялось громадное количество камней. Мѣстность была почти безлюдна: кое-гдѣ попадались греки, занятые косьбой сѣна. Пашни также были рѣдки, но хлѣбъ былъ хорошій. Изрѣдка попадались канавки съ водой. Несмотря на значительность высоты надъ уровнемъ моря, лѣто здѣсь бываетъ настолько знойное, что поливка полей и въ особенности огородовъ въ большинствѣ случаевъ необходима. Огороды можно было видѣть изрѣдка только подлѣ деревень. Казаки на своихъ постахъ устроили себѣ маленькіе огороды, на которыхъ они разводятъ обыкновенныя, но необходимыя въ хозяйствѣ, огородныя растенія: капусту, бураки, картофель, лукъ, салатъ и пр. Наиболѣе рачительные сотенные командиры или вахмистры позаботились также о разведенїи при постахъ: куръ, гусей, индюковъ и свиней, которыми и лакомятся въ торжественныхъ случаяхъ. Наилучшій изъ видѣнныхъ мною постовыхъ огородовъ находится въ Бардусѣ. Бардусъ, греческій поселокъ, лежитъ въ ущельѣ, окруженномъ отовсюду грандіозными отрогами Саганлугскаго хребта, обрывыстыя и крутыя склоны которыхъ особенно величественно поднимаются съ сѣверной стороны селенія. Разушающїяся породы во многихъ мѣстахъ образовали грандіозныя утесы, иногда

расположенные въ нѣсколько ярусовъ другъ надъ другомъ. Въ деревнѣ находятся развалины старинной крѣпости. Развалины эти еще хорошо сохранились. Расположены онѣ на крутомъ съ южной и обрывистомъ отъ сѣверной стороны холмѣ. Подъемъ и входъ въ развалившуюся крѣпость довольно труденъ и теперь, когда никакая опасность не грозитъ входящему. Въ былыя же времена, когда толстыя стѣны были цѣлы, и за стѣнами сидѣла цѣлая шайка головорѣзовъ, для которыхъ и своя и чужая жизнь не представляла никакой цѣнности, она представляла недоступную твердыню, которую можно было взять только многочисленному отряду или голодомъ. Нѣсколько разъ я уже посѣщалъ развалины крѣпостей и всякій разъ на умъ приходило, что въ этихъ молчаливыхъ и пустынныхъ развалинахъ когда-то кипѣла жизнь, гремѣло оружіе, устраивались пиры, на которыхъ владѣтель крѣпости, ханъ или бекъ, со своими вѣрными слугами обсуждалъ планы набѣга на сосѣдей или проѣзжихъ купцовъ, составлялись заговоры, обсуждались мѣры защиты на случай нападенія непріятелей. Сердца бились отъ радости, горя, злобы, зависти и счастья на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ теперь молчаливыми развалины стоять спокойно и безмолвно, ничѣмъ не выдавая когда-то кипѣвшей здѣсь жизни. Въ этой крѣпости до послѣдняго времени находилась древняя христіанская икона, несмотря на то что здѣсь раньше жили турки. Присутствіе указываетъ на существованіе здѣсь христіанства, искорененнаго турками, которые, однако, почему-то не оосѣлелись удалить икону. Къ числу другихъ достопримѣчательностей Бардуса, заселеннаго въ старинные годы христіанами, принадлежатъ развалины двухъ перквей, небольшихъ размѣровъ. Отъ одной остались только обломки, изъ тесанаго камня, на которомъ высѣчены узоры. На

одною изъ камней замѣтна надпись, какъ мнѣ сказали, на церковно-грузинскомъ языкѣ. Судя по обломкамъ камней, церковь или часовня была довольно хорошо устроена. Отъ другой тоже небольшой церкви остались только куски стѣнъ, сложенные изъ обломковъ камней, цементированныхъ известью. Характерная особенность всѣхъ здѣшнихъ старинныхъ построекъ та, что известь не жалѣли; можно съ увѣренностью сказать, что $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ всякой развалины состоитъ изъ извести. Подлѣ этой развалины находится огорокъ, ограда котораго состоитъ изъ громадныхъ камней, достигающихъ 13 четвертей въ длину и 4 четверти въ высоту. Ширины мнѣ не удалось измерить. Судя по длинѣ и высотѣ камня, вѣсъ его не менѣе 150 пудовъ. Остается только удивляться, какимъ способомъ жители деревни могли впрочемъ эти громады и взваливать ихъ иногда болѣе чѣмъ на сажень высоты. Такія циклопическія постройки въ здѣшнихъ мѣстахъ попадаются вездѣ. Послѣ завоеванія Карсской области, жившіе въ Барджѣ турки подверглись притѣсненіямъ со стороны казаковъ, ушли за границу, а на мѣсто ихъ явились греки, убѣгавшіе, въ свою очередь, отъ турецкихъ преслѣдованій. Бывшая въ селеніи большая турецкая мечеть обращена въ церковь, а минаретъ въ колокольню. Не будь на стѣнахъ мечети вытѣчено арабскихъ надписей, едва ли незнакомый человѣкъ могъ бы догадаться о метаморфозѣ мечети въ церковь. Такова прератность судьбы: сперва христіанство было вытѣснено мусульманствомъ, потомъ мусульманство, въ свою очередь, вытѣснилось христіанствомъ.

На другой день я побывалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окрестныхъ высотъ, которыя отовсюду грозоздятся въ видѣ отдѣльныхъ хребтиковъ, направляющихся къ ущелью, по которому протекаетъ небольшая, но шумная горная

рѣчка. Хребты эти получились отъ размыванія одного об-
 щаго массива и раздѣлены крутыми балками. Въ боль-
 шинствѣ случаевъ растительность на нихъ тощая, а мѣ-
 стами и вовсе нѣтъ даже ничего, такъ какъ склоны кру-
 ты и постоянно размываются, а осадочныя породы, гли-
 нистые сланцы, глины и гипсы, доведенные до различ-
 ной степени разрушенія, не всегда способствовали раз-
 витію даже жалкой растительности. Почти повсюду раз-
 бросаны отдѣльными деревцами кинарисы, издававшіе
 ароматическій запахъ, тутъ же стелется обочу и можже-
 вельникъ. Деревца достигали не болѣе 1—2 сажень вы-
 соты и росли такъ рѣдко, что казались насажденіями
 рукъ человѣка или сильно вырубленнымъ лѣсомъ. Почва
 на небольшихъ сравнительно разстояніяхъ была окраше-
 на въ различные цвѣта: синій, красноватый, бурый и
 почти черный; преобладалъ буровато-черный цвѣтъ. Во
 многихъ мѣстахъ замѣтны были странныя и новыя для
 меня минералогическія образованія: кажется глина, тем-
 ной окраски, а можетъ и другая горная порода, полу-
 разрушенная, неоднократно выступающая изъ-подъ синей
 глинистой массы, была покрыта какъ бы глазурью. Гла-
 зурь эта прикрывала какъ отдѣльные небольшіе кусочки,
 такъ и большіе куски. Обыкновенно она проникала во
 всѣ трещины, внутренній же составъ породы оставался
 безъ измѣненія. Составъ глазури нѣсколько напоминалъ
 известковое образованіе (гипсъ), хотя съ точностью ска-
 зать было трудно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хребтики
 сверху и съ боковъ были покрыты массою обкатанной
 мелкой гальки самыхъ разнообразныхъ горныхъ породъ.
 Въ промоинахъ видно было, что галька составляетъ мощ-
 ный слой, хотя толщину его опредѣлить не удалось. Спу-
 скаясь внизъ съ одного хребтика, въ бока котораго
 врѣзывались многочисленныя новыя промоины, я замѣ-

тилъ пѣлый рядъ маленькихъ ручейковъ, образовавшихся, вѣроятно, отъ бывшаго наканунѣ небольшого дождя. Ручейки эти стекали въ одно общее русло, дно котораго покрыто было крупнымъ пескомъ. При этомъ наблюдался интересный фактъ, знакомый мнѣ только по книгамъ: ручей становился все меньше и, наконецъ, исчезалъ въ пористой породѣ; потомъ саженьяхъ въ 10—20 снова появлялась вода, количество которой становилось все больше и больше, пока, наконецъ, не начинала шумѣть рѣчка, для того чтобы снова исчезнуть нѣсколько пониже. Найти ископаемыхъ на пройденномъ пути, несмотря на тщательный обзоръ многихъ мѣстъ, мнѣ не удалось. Зато на поверхности валялась масса различныхъ раковинъ, во многихъ изъ которыхъ еще сидѣли слизняки. Спустившись внизъ, я искупался въ рѣчкѣ, узкой и мелкой, по шумливой и быстро текущей. Берега рѣчки заросли ивнякомъ. Изъ людей вблизи никого не было, такъ какъ Бардусъ былъ не ближе двухъ верстъ. Странныя чувства испытываетъ человѣкъ, когда онъ одинъ, среди дикой природы, опускается въ воды бурнаго потока. Слышится только шумъ катящейся воды, и напряженному слуху не удается схватить ни одного другого звука, который бы хотъ сколько-нибудь разсѣялъ смутное чувство одиночества, охватывающее со всѣхъ сторонъ.

Къ вечеру съѣхалась на постъ вся компанія и внесла болѣе жизни и шуму въ домашней обиходъ. Офицеръ охотничьей команды, бывшей на посту, пошелъ со мною на другой день прогуляться на сосѣднюю гору къ лѣсу, гдѣ мы и засѣли въ тѣни кипарисовъ. Во время разговора онъ сказалъ, что вотъ уже 3 года приходитъ на лѣтнее время въ Бардусъ и такъ полюбилъ и сроднился съ этимъ мѣстомъ, что уходъ для него отсюда обыкновенно составляетъ большое огорченіе. И дѣйствительно,

открывавшаяся предъ нами панорама представляла привлекательную картину: съ южной стороны, значительной высоты, съ мягкими очертаніями, горы покрыты были соснами и кипарисами. Онѣ круто спускались къ шумѣвшей внизу рѣчкѣ Бардусъ-чаю. Съ сѣвера горы, изрѣдка покрытыя кипарисами, были страшно изрыты вызу и окрашены въ самые разнообразныя цвѣта: синій, красный, черный, бурый, желтый, выступавшіе отдѣльными пятнами, безъ всякаго порядка. Вверху слѣва возвышался пологій, покрытый травой громадный массивъ, а справа нѣсколько меньшая, но зато болѣе высокая гора, оканчивавшаяся на вершинѣ обрывистымъ базальтовымъ утесомъ. Воздухъ вокругъ насъ былъ напоенъ своеобразнымъ ароматомъ сосенъ, кипарисовъ и можжевельника, а пріятная прохлада въ тѣни деревьевъ спасала отъ солнечнаго припека, такъ что для меня вполне была понятна привязанность поручика къ данной мѣстности.

Характеристику мѣстныхъ грековъ мнѣ пришлось услышать въ Бардусѣ нѣсколько иную, чѣмъ въ Караурганѣ. Общій отзывъ офицеровъ и казаковъ, съ которыми мнѣ удавалось говорить, таковъ, что греки хотя и имѣютъ дурныя стороны, тѣмъ не менѣе они меньше своихъ сосѣдей занимаются воровствомъ, рѣдко укрываютъ разбойниковъ, къ русскимъ относятся дружелюбно и вполне понимаютъ, какое значеніе имѣетъ для нихъ мѣстная военная стража. Они скоро выучиваются говорить по-русски, хотя и плохо, и будь здѣсь русскіе поселки, легко можно было бы разсчитывать, что лѣтъ чрезъ 30 греки или совсѣмъ или значительно обрусѣли бы. Такъ характеризовали грековъ и офицеры, и простые казаки, бывающіе въ очень близкихъ сношеніяхъ съ ними, почему ее нужно считать болѣе или менѣе правильной.

Въ окрестностяхъ Бардуса, верстахъ въ 2—3 отъ поста, находятся развалины крѣпости. Расположена она на очень крутомъ утесѣ, съ трехъ сторонъ почти недоступномъ для подъема и только съ одной стороны утесъ настолько пологъ, что подъемъ хотя и труденъ, во возможень. Съ этой стороны возвышаются остатки высокой, но тонкой стѣны, сложенной изъ обломковъ, цементированныхъ известью. Крѣпость эта, какъ и находящаяся въ Бардусѣ, вѣроятно служила убѣжищемъ для окрестныхъ жителей въ смутныя времена, а, можетъ-быть, и мѣстожительствомъ какого-нибудь владѣтеля, державшаго всю прилегающую мѣстность въ страхѣ и повиновеніи. Въ крѣпости сохранилось нѣчто въ родѣ бассейна для воды, выложеннаго плитнякомъ. Общее впечатлѣніе таково, что крѣпость представляла сильный оплотъ, неодолимый въ тѣ времена, когда люди сражались шашками, копьями, стрѣлами или стрѣляли изъ фитильныхъ или кремневыхъ ружей. Если мнѣ приходилось плохо при спускѣ по пологому даже склону, когда приходилось хвататься за камни и вѣтви и ходить зигзагами, то можно себѣ представить положеніе поднимающагося, когда сверху въ него бросаютъ камни и всякія смертоносныя оружія.

У основанія горы, на которой находятся развалины крѣпости, протекаетъ маленькая горная рѣчка. Она служитъ границей Россіи съ Турціей. Тутъ же за рѣчкой находится турецкій постъ. Отношенія нашихъ и турецкихъ офицеровъ самыя мирныя; они бывають въ гостяхъ другъ у друга всякій разъ, когда кому-нибудь изъ нихъ сдѣлается скучно. Чаще всего нападаетъ скука на турокъ, такъ какъ занятій у нихъ никакихъ нѣтъ, и все время проводится въ куреніи кальяна, въ ѣдѣ и спаньѣ. Особенность положенія турецкихъ офицеровъ та, что жало-

ванье они получаютъ большую частью натурой: сукномъ, чаемъ, сахаромъ и т. п. и какъ бы на мелочные расходы имъ выдается нѣсколько рублей. Недостатокъ денежнаго содержанія вынуждаетъ ихъ жить контрибуціей съ окружающихъ жителей, и на эту контрибуцію офицеры, въ силу вѣковыхъ традицій, смотрятъ какъ на нѣчто принадлежащее къ ихъ привилегіямъ. Какъ-то я, въ компаніи съ поручикомъ, собрался въ гости къ туркамъ. Хозяевъ-офицеровъ никого не оказалось, почему мы ограничились только осмотромъ поста и удалились. Для гостей имѣется отдѣльная большая комната, единственная мебель которой состояла изъ широкой и высокой нары, устроенной въ видѣ дивана, на которомъ гости возсѣдаютъ, поджавши ноги. Помѣщеніе для солдатъ велико, очень свѣтло и гораздо опрятнѣе многихъ помѣщеній, устроенныхъ для нашихъ казаковъ, изъ которыхъ нѣкоторые не выдерживаютъ никакого сравненія. Конюшни также просторны. Во время нашего пріѣзда на постъ привезли сѣно. На мой вопросъ, по чемъ они покупаютъ сѣно, со стороны моего спутника послѣдовало объясненіе, что турки сѣна не покупаютъ, а берутъ безвозмездно съ населенія, которому вѣняется это въ числѣ другихъ натуральныхъ повинностей.

Изъ Бардуса мы благополучно добрались до Саракамыша. Дорога сначала шла все въ гору. Крутой и продолжительный подъемъ потребовалъ значительныхъ усилій со стороны нашихъ лошадей, но зато открывшійся съ высоты видъ достаточно вознаграждалъ насъ за продолжительное неудобное сидѣнье на поднимающихся лошадяхъ. Бардусъ виднѣлся тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ, придавленный громоздившимися повсюду высокими горами, изъ которыхъ южныя были покрыты травой и лѣсомъ, а сѣверныя, большую частью обрывистыя, ока-

чивающіяся утесами изъ вулканическихъ породъ, прикрывающихъ лежавшія внизу осадочныя породы, были или совсѣмъ голыя, или покрытыя тошею травою и изрѣдка разбросанными кипарисами. Еще одинъ поворотъ и Бардусъ, оставившій такое хорошее по себѣ воспоминаніе, открылся навсегда. Снова началась степь, расположившаяся по Саганлугскому хребту. Мѣстность имѣла волнистый характеръ, то слегка поднималась, то пересѣкалась болѣе или менѣе глубокими балками. Вскорѣ показался и лѣсъ. Намъ нѣсколько разъ то приходилось въѣзжать въ лѣсъ, то снова ѣхать по степи. Мѣстами степь была совершенно свободна отъ камней; въ другихъ мѣстахъ камней было достаточно: это, вѣроятно, выступали обломки материнскихъ породъ. Почва представляла, большею частью, прекрасный черноземъ, и только изрѣдка была обработана; въ большинствѣ же случаевъ она нетронута, вѣроятно, со временъ своего образованія, и единственный способъ ея эксплуатаціи была уборка сѣна и пастьба скота, виднѣвшагося на пути въ многихъ мѣстахъ. Воды также было достаточно. Въ одномъ мѣстѣ приземистаго утеса, возвышавшагося вблизи дороги, валялся еще снѣгъ небольшими клочками. Вѣроятно положеніе его среди камней, съ сѣверной стороны утеса, сохранило его отъ таянія, такъ какъ былъ уже конецъ іюля, и снѣгъ въ это время исчезаетъ даже на болѣе высокихъ мѣстахъ. Вблизи утеса расположилась маленькая кочевка, по случаю ли рѣзки скота, или, можетъ-быть, оттого, что тамъ валялась падалъ, но вблизи кочевки вилось большое количество хищныхъ птицъ, среди которыхъ много было грифовъ, этихъ богатырей пернатата міра. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли вдали цѣлыми группами. При нашемъ проѣздѣ они медленно поднимались съ мѣста и, кружась, поднимались все выше и выше. Сколь-

ко силы видно въ этомъ богатырѣ, плавающемъ въ воздухѣ и, почти не двигая крыльями, поднимающемся на страшную высоту! Поневолю позавидуешь ихъ привольной завидной долѣ. Переночевавъ въ Саракамышѣ на хуторѣ охотничьей команды, я отправился обратно въ Карсъ. Потянулись старыя знакомыя мѣста. Вблизи одного греческаго селенія мнѣ снова пришлось увидѣть цѣлыя стаи грифовъ, выжидавшихъ на краю утеса, когда собака закончитъ свой пиръ возлѣ издохшей коровы. Нѣкоторые изъ грифовъ, наиболѣе смѣлые или голодные, отдѣлились отъ стаи и разошлись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ падали. Наиболѣе удалыми оказались вороны, вертѣвшіяся около самой собаки, и видимо порядкомъ надоѣвшія послѣдней, такъ какъ она то и дѣло издавала грозное рычаніе. Сдѣланные мною выстрѣлы изъ ружья разогнали всю стаю, не причинивъ ей болѣе никакого вреда. Любо было смотрѣть на десятки парившихъ въ воздухѣ грифовъ и бѣлыхъ орлановъ, вѣроятно состязавшихся между собою въ плавности и быстротѣ полета. Вся масса поднялась на значительную высоту, откуда нѣкоторые направились снова къ падали, другіе же унеслись въ какую-то даль.

Въ Карсъ я добрался уже ночью и остановился у знакомаго священника.

VI.

По дорогѣ въ Александрополь. Малороссійскій поселокъ. Духоборы. Башъ-Кадыкляръ съ Аладжиджскими высотами. Развалины Ани. Характерныя особенности развалинъ. Александрополь. Дорога въ Эривань мимо Алагеза. Обрато въ Эривань.

Изъ Карса я отправился по александропольской дорогѣ: Дорога шла мимо цитадели и фортовъ по берегу Карсъ-чая, прорывшаго себѣ глубокое русло среди

твердыхъ вулканическихъ породъ. Ущелье довольно живописное. Выйдя изъ ущелья, дорога пошла по степи. Первое селеніе, чрезъ которое мнѣ пришлось проѣзжать, было русское. Даже не зная имени, по одному только внѣшнему виду, можно было бы угадать, что здѣсь живутъ не туземцы, до того, вообще, наружность русскихъ селъ отлична отъ армянскихъ и татарскихъ. Вся мѣстность вокругъ представляла степной характеръ, однако пашни попадались довольно часто и хлѣбъ на нихъ былъ очень недурень. Прилегающія къ дорогѣ мѣста заселены, въ большинствѣ случаевъ, русскими, главная масса которыхъ сектанты. Все это народъ работающій и предприимчивый и потому, несмотря на трехлѣтній неурожай, не потерялъ той степени благосостоянія, къ которой такъ стремится нашъ крестьянинъ внутреннихъ губерній и не достигаетъ ея. Верстахъ въ 20-ти отъ Карса, въ селеніи Займъ, я встрѣтилъ малороссовъ, переселившихся сюда изъ Екатеринославской губерніи. Два изъ нихъ везли на фургонахъ поклажу въ Александрополь, а третій пробирался къ себѣ въ селеніе „Хорошее“, бывшее верстахъ въ пяти, и предложилъ мнѣ отправиться къ нему ночевать. Приѣхали мы часовъ въ 9—10, когда семья моего спутника уже спала. Хату хозяйка только что вымазала глиной и въ комнатѣ стояла страшная духота. Рѣшено было, что я и хозяинъ ляжемъ спать на дворѣ, на сѣнѣ. Однако къ утру было такъ прохладно, какъ я и не ожидалъ по предыдущему жаркому дню. Утромъ съ хозяиномъ сѣли мы пить чай, а заботливая хозяйка начала готовить намъ пышки на масле. Разговорились мы о житьѣ-бытьѣ ихъ въ этой сторонѣ. Въ общемъ они выражали недовольство, такъ какъ вотъ уже три года неурожай, и только въ этомъ году, кажется, дѣла поправятся. Зимы также холодны и длинны.

Заработковъ никаккихъ, а извозомъ пока не умѣютъ заниматься, такъ что за время поселенія здѣсь пришлось прожить почти все, что принесли съ собою. Показывая на свой рваный кафтанишко, хозяинъ оказалъ, что тамъ „въ Россіи“ онъ велъ хозяйство на „полную губу“, а тутъ приходится ходить вотъ въ чемъ. Долго такъ онъ жаловался, однако общее впечатлѣніе отъ его разсказовъ таково, что онъ принадлежитъ къ категоріи лицъ, для которыхъ мила пословица „хоть гирше, да ише“. Любопытна наклонность нашихъ хохлушекъ соблюдать чистоту въ домахъ. Къ молочанамъ, которые живутъ неоравненно зажиточнѣе малороссовъ, послѣдніе и въ особенности бабы относятся свысока за несоблюденіе чистоплотности. О духоборахъ, однако, у нихъ мнѣніе очень хорошее. Явившись на новыя мѣста, переселенцы купили себѣ сакли и поселились въ нихъ. Внутренность сакли обыкновенно никогда не бѣлится и потому имѣеть непривлекательный видъ. Мужчины еще относились къ этому неудобству философски, бабы же просто голосить начали. Бросились отыскивать бѣлую глину, но нашли только желтую. Взялись съ горя и за желтую. Пошла бабья работа и сакли были вымазаны, потомъ найдена была версть за 30 и бѣлая глина, которою они и выбѣлили вновь отстроенныя на малороссійскій ладъ хаты.

Къ числу неудобствъ, испытываемыхъ новыми поселенцами, принадлежитъ также и то, что пришли они сюда изъ теплой Екатеринославской губерніи, гдѣ всякой деревнѣ подлѣ дома найдешь и вишни, и груши, и другія деревья, а на поляхъ засѣяны арбузы и дыни; тутъ же климатъ настолько суровъ, что, кромѣ хилыхъ ивъ, ничего болѣе не растеть. Вотъ и плачутъ бабы, припоминая прелести прошлой жизни. Нѣкоторыя изъ

нихъ заявляюгь, что давно бы сбѣжали, если бы знали дорогу на старыя мѣста.

Изъ Хорошаго я отправился дальше проселочной дорогой. Въ большинствѣ случаевъ земля представляла пастбища, хотя попадались и пашни, на которыхъ хлѣбъ былъ еще не убранъ, и почти вездѣ былъ хорошъ. Желая пробраться посмотрѣть на развалины древняго армянскаго города Ани, я направился проселочной дорогой чрезъ Башъ-Кадыкляръ. Путь мой пролегалъ чрезъ русское селеніе „Горѣлое“, населенное духоборами. Приходится удивляться той степени благосостоянія, которая такъ замѣтно бросается въ глаза, когда въѣзжаешь въ сектантскій поселокъ. Въ особенности богаты села духоборовъ. Все это народъ рослый, красивый, чисто одѣтый; мужчины бреютъ бороду; женщины во время работъ носятъ широкополыя соломенные шляпы, обшитыя снизу и отчасти сверху красной матеріей, такъ что въ это время онѣ не похожи на русскаxъ бабъ-крестьянокъ. Проезжая чрезъ деревню, я воалѣ всякаго дома видѣлъ скирды сѣна и хлѣба, который безпрестанно возили съ полей на фургонахъ. Въ этомъ селеніи мнѣ въ первый, кажется, разъ въ Закавказьѣ пришлось увидѣть, что молотятъ катками, а не досками, какъ это принято здѣсь повсюду.

Башъ-Кадыкляръ, въ которомъ я остановился покормить коня, оказался небольшой армянской деревней, съ кривыми, запутанными переулками, съ приземистыми домами, сложенными изъ обломковъ камней, безъ древесной растительности, съ нѣсколькими родниками прекрасной прѣсной воды. Окрестности унылы, слегка волнисты и съ невысокой голой горой, Кизиль-топа; дальше возвышается знаменитая въ исторіи послѣдней Русско-Турецкой войны Аладжа, съ сохранившимися на ней турецкими окопами, изъ-за которыхъ пролито столько русской крови.

Часа въ 4 вечера я добрался таки до развалинъ Ани. Уже издали показались остатки стѣны, съ нѣсколькими башнями, верхи которыхъ были разрушены; виднѣлись также остатки церквей, уцѣлѣвшіе отъ всеразрушающаго вліянія времени. Дорога проходила чрезъ довольно хорошо сохранившіяся ворота, потомъ пошла среди грудъ камней, получившихся отъ разрушенныхъ жилищъ, и, наконецъ, привела меня къ маленькому поселку, съ десяткомъ армянскихъ и куртинскихъ семей, въ которомъ жилъ монахъ, присланный сюда изъ Эчмиадзина. Проживъ тамъ сутки, я имѣлъ возможность осмотрѣть развалины. Съ двухъ сторонъ городъ окруженъ глубокими оврагами, съ третьейъ простирается равнина, и на ней-то особенно хорошо сохранилась стѣна. Толщина стѣны не особенно значительна, отъ 1½ до 2 арш. Облицована она снаружи и изнутри тесанымъ камнемъ; внутри же сложена изъ простого колотаго или рванаго камня, цементированнаго известью. Стѣна окружала городъ со всѣхъ сторонъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была двойная: одна стѣна проходила вверху, другая внизу оврага надъ обрывомъ. По размѣрамъ площадь, окруженная стѣной, приблизительно равна Московскому кремлю. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за стѣной на равнинѣ валяются груды камней и стоятъ развалины церквей, что указываетъ на то, что сюда продолжался или самъ городъ или расположены были подгородныя селенія. Если вѣрить даннымъ армянскихъ лѣтописей, по всей вѣроятности преувеличеннымъ, то въ Ани было не менѣе 100 тысячъ жителей, и тысяча церквей возвышали свои куполы надъ другими зданіями. Въ пространствѣ, огражденномъ стѣной, сохранились довольно хорошо нѣкоторыя церкви, одна мечеть, съ высокими минаретомъ и арабской надписью, и зданіе, именуемое дворцомъ. Вблизи жилищъ

монаха лежит обрушившійся восьмигранный минаретъ, при паденіи своемъ расколовшійся по швамъ на отдѣльные призмы въ 2—4 слоя, лежащія одна на другой и вблизи другъ друга. Другой минаретъ хорошо сохранился; обвалилась только верхушка; ступени, ведущія на верхъ минарета, сильно повытерты: видно, что много имъ пришлось послужить во времена величія прилегающей красивой мечети. Однако онъ настолько еще хорошъ, что подъемъ на вершину минарета вполнѣ доступенъ. Взобравшись на верхъ минарета, сѣлъ я тамъ на площадку, и мысли о быломъ величіи города; о заботахъ, печаляхъ и радостяхъ людскихъ, когда-то составлявшихъ всю суть жизни обитателей, невольно потекли длинной вереницей. Осмотрѣнные мною полуразрушенныя церкви, большія и малыя, не производили сильнаго впечатлѣнія. Построены онѣ прочно, но тяжеловѣсно и неэффектно; мѣста для нихъ выбраны такъ неудачно, что онѣ въ былыя времена, вѣроятно, были очень мало замѣтны среди зданій. Особенность почти всѣхъ этихъ церквей та, что въ нихъ незамѣтно ни внутри ни снаружи штукатурки, почему голая стѣны, сложенныя изъ высѣченныхъ камней чернаго и буроватаго туфа, имѣютъ угрюмый видъ и производятъ сумрачное впечатлѣніе. Только въ очень рѣдкихъ мѣстахъ на сводахъ купола сохранилась штукатурка съ изображеніемъ на ней святыхъ и ангеловъ въ византийскомъ вкусѣ. Размѣры всѣхъ сохранившихся и раскопанныхъ развалинъ церквей и монастырей незначительны. Единственное изъ нихъ большое зданіе—соборъ имѣетъ сажень 6 высоты. Колонны внутри собора имѣютъ приблизительно 5 саж. высоты; достигаютъ онѣ купола, уже обваливагося. Если предположить, что куполь имѣетъ 4 сажени, то самое большое зданіе имѣло 9 саж. высоты. Дворецъ также малъ по своимъ размѣрамъ. Ха-

ракетная особенность старых здѣшнихъ построекъ заключается въ томъ, что всѣ онѣ сдѣланы изъ камня, на которомъ высѣчены прекрасные орнаменты, хорошо сохранившіеся, несмотря на дѣйствіе всеокрушающаго времени. Не умѣя употреблять краски да и не рассчитывая на ихъ долговѣчность, армянскіе и мусульманскіе строители того времени умѣли дѣлать рисунки, комбинируя извѣстнымъ образомъ черный и красный базальтовый туфъ. Изъ сочетанія высѣченныхъ черныхъ и красныхъ призмъ они устраивали и своды, и горизонтальныя потолки. Многіе изъ такихъ рисунковъ, гдѣ они только сохранились, и теперь еще производятъ пріятное впечатлѣніе. Строителями наиболѣе крупныхъ зданій, вѣроятно, были греки и персіяне, такъ какъ въ постройкахъ и рисункахъ, сдѣланныхъ красками, видна работа и вкусъ того и другого народа. Среди развалинъ города имѣется нѣсколько тоннелей, въ которые я, однако, не опускался. Отъ бывшихъ въ нихъ мнѣ приходилось слышать, что тоннели, большею частью, обвалились, да и въ сохранившихся частяхъ нельзя заходить далеко, такъ какъ тамъ воздухъ спертъ такъ, что тухнуть свѣчи и дышать нечѣмъ, а въ самомъ началѣ попадаются змѣи. Городъ разрушенъ уже давно; прошло нѣсколько столѣтій, какъ его совсѣмъ покинули жители. Какъ всякій вообще большой городъ. Ани представлялъ заманчивую добычу для самыхъ разнообразныхъ завоевателей: арабовъ, персовъ, турокъ, татаръ и т. п., пока наконецъ въ 1319 году землетрясеніе не довершило разрушенія и не разогнало жителей, остатки которыхъ разбрелись въ разныя стороны. Внизу овраговъ, окружающихъ Ани, въ рыхлой песчаниковой почвѣ устроены многочисленныя пещеры, отчасти полузавалившіяся. Во многихъ изъ нихъ курды и татары прячутъ свой скотъ во время непогоды. Боль-

шая часть изъ нихъ устроены незамысловато и представляють простыя, грубо выдолбленныя углубленія въ обрывистомъ скатѣ. Въ нѣкоторыхъ замѣтны попытки прежнихъ жильцовъ украсить нѣсколько неприглядную картину звѣриной норы: устроены маленькіе карнизы, правильныя углубленія въ стѣнахъ, волнистыя линіи и т. п. Такъ какъ монахъ, который проживаетъ среди развалинъ, очень мало говоритъ по-русски и отличается полнымъ незнаніемъ исторіи окружающихъ его развалинъ, то мнѣ и нельзя было добиться отъ него, кто устроилъ пещеры, первобытные ли обитатели этой мѣстности, или монахи въ христіанскую эпоху.

Изъ Кашеванка, въ которомъ находятся развалины монастыря, служившаго мѣстомъ судилища для армянскихъ царей, я рассчитывалъ направиться въ Аргино, лежащее на александропольскомъ шоссе, съ цѣлью осмотрѣть тамъ развалины храма, въ стѣнахъ котораго находятся громадные камни, своего рода мегалитическая постройка, но сдѣлать этого не удалось. Мнѣ указали на другую дорогу и только въ сосѣднемъ селеніи я замѣтилъ ошибку. Возвращаться обратно мнѣ не хотѣлось, почему я и направился прямо въ Александрополь. Мѣстность эта довольно густо заселена. Почти повсюду засѣяна была пшеница и ямень, отчасти уже убранныя съ полей; сѣнокосныя мѣста попадались рѣдко да и трава на нихъ была тощая и рѣдкая. Подъ вечеръ я добрался до Александрополя. На другой день я отправился осматривать городъ, показавшійся мнѣ болѣе привлекательнымъ, чѣмъ Эривань. Дома устроены хорошо, улицы, въ большинствѣ случаевъ, прямыя; на базарѣ также больше жизни, чѣмъ въ Эривани. Изъ Александрополя я отправился въ Эривань. Дорога чрезъ Абаранъ имѣетъ верстъ 100 длины; шоссеиная дорога начинается приблизительно на полови-

нѣ этого разстоянія. Въ началѣ дорога шла среди засѣянныхъ или распаханыхъ полей. Часто попадались деревни или виднѣлись невдалекѣ. Хлѣбъ во многихъ мѣстахъ уже былъ скошенъ или убирался хозяевами (было уже начало августа). У подошвы Алагеза, который во время своего путешествія мнѣ пришлось объѣхать кругомъ, начали попадаться степныя пространства, на которыхъ паслись стада крупнаго и мелкаго рогатаго скота, хотя пашни все-таки преобладали и виднѣлись даже на значительной высотѣ на самомъ Алагезѣ. Видно было, что населеніе, главнымъ образомъ, занималось земледѣліемъ, а скотоводство составляло только подспорье въ хозяйствѣ. Населеніе довольно разноплеменное и состоитъ изъ татаръ, курдовъ и армянъ. Мѣстность у сѣвернаго и восточнаго склоновъ Алагеза незамѣтно повысилась до того, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ не видно было ни одного деревца, что указывало на довольно суровыя и длинныя зимы. Только на южной сторонѣ Алагеза дорога быстро уходитъ внизъ, и въ Аштаракѣ и сосѣднихъ деревняхъ населеніе усиленно занимается садоводствомъ; въ Аштаракѣ насчитывается болѣе 4000 садовъ, главнымъ образомъ виноградныхъ. Рѣзкій контрастъ представляютъ между собой деревни съ садами и безъ садовъ. Мнѣ уже достаточно прискучилъ видъ голыхъ деревень Карсской области, и потому потонувшія въ садахъ селенія произвели самое отрадное впечатлѣніе. Дорога изъ Аштарака въ Эривань на разстояніи 20 верстъ совершенно безводна, такъ что горе будетъ тому путнику, который предъ этимъ наѣлся чего-нибудь соленнаго. Дорога вначалѣ идетъ все въ гору, потомъ до самой Эривани опускается. Здѣсь проходитъ шоссе; мѣстами оно хорошо, мѣстами же ужасно плохо. Въ особенности плоха дорога около самой Эривани. Насту-

павшая темнота и страшные камни на дорогѣ заставляли меня пробираться чирепашьимъ шагомъ, такъ что я достаточно успѣлъ измучиться, пока, наконецъ, добрался таки до города.

VII.

Природа приаракской равнины. Орошеніе. Нахичеванскіе соляные промыслы. Опыты земледѣлія въ пустынной мѣстности Иланъ-дагъ—звѣиная гора. Джульфы. Строеніе горъ. Оруды. Шелкомотальни. Акулисы. Армане-воки. Костюмы. Торговые обороты акулисцевъ. Школа. Монастырская церковь. На обратномъ пути. Гробница Ноя подъ Нахичеванью. Возвращеніе въ Эривань.

Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха въ Эривани, я имѣлъ еще достаточно свободнаго времени, которымъ и рѣшилъ воспользоваться для ознакомленія съ юго-восточнымъ угломъ Эриванской губерніи, для того чтобы составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о природѣ и жизненныхъ условіяхъ различныхъ частей приаракской мѣстности. Однако, послѣ безконечнаго рода разнообразныхъ впечатлѣній, способность воспринимать новыя въ значительной степени ослабѣла, да и тропическая жара равнины, послѣ нагорной прохлады, дѣйствовала на меня разслабляющимъ образомъ. Самая природа мѣстности, въ особенности недалеко отъ Эривани, однообразна: это равнина, почти сплошь обработанная и довольно густо заселенная. Хозяйство повсюду здѣсь поливное, почему въ мѣстахъ, изобилующихъ водою, населеніе образовало многочисленныя деревни: вездѣ глаза вашъ видитъ деревни, поля, уже убранныя или снова распаханныя. За Камарлю начинаютъ уже надвигаться горы, сперва только съ сѣверной стороны, а далѣе, то справа то слѣва отъ дороги, иногда заставляя ее про-

бираться по узкимъ проходамъ, оставшимся между ними. Горы эти имѣютъ самый печальный видъ: на нихъ или совсѣмъ нѣтъ никакой растительности или, если и есть что, то это полынь или бурьянъ, совершенно выгорѣвшій подъ палящими лучами здѣшняго солнца. Очертанія горъ также не замысловаты, почему видъ ихъ скоро надоѣдаетъ и глазъ ищетъ чего-нибудь другого освѣжающаго, но, къ сожалѣнію, ничего не находитъ. Степь, по которой проходитъ Кахановскій каналъ, представляетъ болѣе пріятную картину: на всемъ пространствѣ, какое можетъ охватить глазъ, видно зеленое поле, поросшее или густою травою, или засѣянное хлопкомъ и рисомъ. Каналъ этотъ проведенъ недавно, почему населеніе сравнительно еще рѣдко на орошаемой имъ площади. Бичомъ этой плодородной мѣстности является громадное количество комаровъ, мошекъ, оводовъ и тому подобныхъ враговъ человѣка и скотины. Мнѣ недолго пришлось ѣхать около кавала, но и за этотъ короткій періодъ кровопійцы успѣли измучить и меня и моего коня. Положеніе обитателей орошаемой мѣстности очень незавидно. Единственный способъ успѣшно бороться съ этими врагами—это дымъ. Проѣзжая вечеромъ вблизи нѣкоторыхъ деревень, я видѣлъ ихъ окутанными дымомъ отъ тлѣющаго кизяка, испускающаго при горѣніи густой и довольно ѣдкой и противный запахъ. Ночевать пришлось въ Садаракъ, татарской деревнѣ. Истинное наказаніе заѣхать русскому въ эту мѣстность, въ особенности ночью: ни онъ туземцевъ ни тѣ его не понимаютъ, что случилось со мною, и я, вѣроятно, пѣлый часъ ѣздилъ по деревнѣ, пока, наконецъ, нашелъ почтовую станцію. Деревня эта оказалась довольно многолюдной въ сравненіи съ предыдущими поселеніями. Въ первый разъ пришлось мнѣ видѣть здѣсь громадное количество хлѣба

около деревни. Все населеніе съ ранняго утра занято было молотбой его; на дорогѣ безпрерывно попадались навьюченные хлѣбомъ быки. Русскіе обыкновенно запрягаютъ быковъ въ воза, здѣсь же, наоборотъ, болѣе предпочитаютъ навьючивать на ихъ и, кажется, не ошибаются въ расчетѣ, потому, что на каждого быка наваливаютъ столько, что отъ него видна только одна голова. Хлѣбъ молотили во всѣхъ попадавшихся деревняхъ, производившихъ впечатлѣніе зажиточности и даже богатства, что можно объяснить изобиліемъ воды. Безпрестанно попадались небольшія рѣченки или отведенныя отъ нихъ канавы. Канавы обыкновенно выютъ вдоль склоновъ горъ, но здѣсь я встрѣтилъ для себя новость: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проводившіе канаву нашли удобнѣе устроить въ холмахъ тоннели, чѣмъ дѣлать длинные и дорого стоющіе обходы. Канавы вдругъ исчезала въ горѣ и потомъ неожиданно выходила изъ нея на другой сторонѣ. Такому способу проведенія способствовало самое строеніе горъ, образовавшихся или изъ полуразрушенныхъ сланцеватыхъ рухляковъ, или просто изъ глины, песку и гальки. За селеніемъ Пусіаны дорога вышла на чистое поле, и деревни, которыя раньше окружали меня со всѣхъ сторонъ, теперь видѣлись далеко въ сторонѣ, да и то рѣдко. Попадалось много мѣстъ невоздѣланныхъ, вѣроятно благодаря недостатку въ водѣ, и дорога почти на всемъ пути до Нахичевани представляла унылый, пустынный видъ. Но доѣзжая верстѣ 10—12 до Нахичевани, можно видѣть къ сѣверу отъ дороги въ сосѣднихъ горахъ небольшія бѣлыя пятнышки—это Нахичеванскіе соляные промыслы. Къ нимъ я и направился, рассчитывая найти тамъ что-нибудь для себя интересное. Верстахъ въ 6 отъ дороги начинались безжизненныя горы, почти голыя, сильно изборозженныя, такъ какъ и гипсы

и глины представляют неустойчивыя породы, непрерывно разрушаемыя весенними снѣговыми водами. Добравшись до промысловъ, я отыскалъ здѣсь смотрителя К., который занятъ былъ въ этотъ моментъ сооруженіемъ небольшого бассейна для воды. Воду, необходимую для обихода на промыслахъ, приходится привозить за 13 верстъ, и потому устройство бассейна имѣло довольно основательныя причины. Устраивалъ его собственноручно самъ К. Самъ онъ бывшій военный, но изъ него вышелъ хорошій сельскій хозяинъ, чему можетъ служить доказательствомъ то обстоятельство, что онъ всячески пытается заняться хозяйствомъ на участкѣ земли, принадлежащемъ солянымъ промысламъ. Земля эта, вѣроятно, никогда никѣмъ не обрабатывалась, такъ какъ отсутствіе воды и трудность проведенія ея туда изъ другихъ мѣстъ дѣлаетъ занятіе земледѣіемъ довольно рискованнымъ. Однако это не помѣшало ему вотъ уже въ продолженіе двухъ лѣтъ производить на горахъ опыты. Первый годъ былъ не совсѣмъ удаченъ: пришлось потерпѣть небольшой убытокъ. На другой годъ была уже прибыль на всемъ посѣянномъ: на льнѣ, ячменѣ, горохѣ и т. п. Вся площадь засѣянаго была не болѣе десятины. Тѣмъ не менѣе усилъхъ и пріобрѣтенный навыкъ въ предпринятыхъ опытахъ придалъ ему бодрости, и онъ на слѣдующій годъ хочетъ обработать земли не менѣе 20—25 десятинъ, для чего уже выписалъ небольшой, но удобный для распашки плугъ и нѣкоторыя другія земледѣльческія орудія. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи, кажется, не имѣетъ границъ: среди пустынныхъ горъ онъ пытается устроить садъ; нѣкоторыя деревца остались живы, несмотря на страшную жару и полное безводіе, большинство же пропало, хотя это обстоятельство нисколько не смущаетъ предпринимателя. Однозре-

менно г. К. занимается, и химіей, и механикой, и строительнымъ искусствомъ, и всѣмъ, что только придетъ ему въ голову или на что только натолкнетъ его однообразіе и изолированность его жизни на промыслахъ, отъ которыхъ до перваго культурнаго центра, невзрачной Нахичевани, 12—13 верстъ. Говоря о своихъ намѣреніяхъ заяться земледѣіемъ, онъ повелъ меня посмотрѣть на мощный слой кристаллическаго гипса, тянущагося на значительную длину. Указавъ на него, онъ высказалъ надежду, что въ случаѣ успѣха въ земледѣліи, которое можетъ дать ему даровой кормъ для скота, онъ займется разработкой этого гипса и, вѣроятно, успѣетъ въ этомъ, такъ какъ богатые залежи почти прозрачнаго кристаллическаго гипса дадутъ ему неистощимый источникъ для полученія лучшаго сорта гажи. Всѣ горы вокругъ промысловъ состоятъ изъ гипса и глины. Гипсъ здѣсь встрѣчается и кристаллическій, и зернистый, и аморфный; глина главнымъ образомъ синяя, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаетъ и буроватая. Въ верхнихъ частяхъ, около промысловъ, горы почти сплошь покрыты галькой, иногда въ нѣсколько сажень толщины. Иногда слои гальки и глины перемежаются. Во множествѣ на склонахъ горъ валяются куски известняка, хотя сплошной массы его отыскать мнѣ не удалось. Почти подлѣ самаго входа въ шахту имѣется слой глины съ безчисленнымъ множествомъ отпечатковъ рыбокъ. По словамъ К., попадаются также отпечатки насекомыхъ и растений, но мнѣ самому лично не удалось отыскать таковыхъ. Подъ руководствомъ К., я отправился осмотрѣть выработки каменной соли. Въ Кульпахъ и Кагызманѣ я осмотрѣлъ только новыя шахты. Здѣсь же новая школьня соединяется со старыми выработками. Въ первый разъ въ жизни мнѣ пришлось ходить такъ много подъ землей.

Безъ человѣка, знакомаго со всѣми безчисленными ходами, едва ли кому-нибудь можно было бы выбраться оттуда: до того ходы эти похожи другъ на друга и до того они представляютъ запутанный лабиринтъ. Испытываешь какое-то странное, трудно передаваемое ощущение, разгуливая среди этихъ соляныхъ корридоровъ съ тысячами кристалловъ, въ которыхъ отражается свѣтъ отъ твоей лампы. Шаги твои замираютъ безшумно, потому что полъ покрытъ слоемъ синей глины, а мощный слой соли и глины вверху, съ боковъ и снизу не даетъ возможности распространиться никакому шуму. Изрѣдка приходилось наткаться на отдушину, сдѣланную искусственно или образовавшуюся отъ провала въ старыхъ выработкахъ. Выработки эти велись безобразнымъ путемъ и имѣютъ такую ширину и высоту, что остается только удивляться, какъ они не обрушивались, когда въ нихъ велись работы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они теперь полузавалились. Тѣмъ не менѣе старыя шахты, находящіяся въ связи съ новыми, производятъ очень сильное впечатлѣнiе своею обширностью и безконечностью. Температура въ штольняхъ остается всегда одною и той же — градусовъ въ 10 Ц.; воздухъ сухой, такъ, что въ общемъ шахты могли бы служить прекрасными погребами для сохраненiя вина и т. п. продуктовъ. Между прочимъ, въ одномъ изъ уголковъ шахты смотритель К. сохранялъ шелковичную грену.

Своеобразную особенность Нахичеванскихъ, Кульнинскихъ и Кагызманскихъ промысловъ составляютъ постройки изъ каменной соли: склады, амбарники, пристройки къ домамъ, заборы — все это сдѣлано изъ кусковъ соли, сцементированныхъ гипсомъ. Постройки эти гораздо дешевле каменныхъ и земляныхъ, однако не отличаются особенной долговѣчностью, такъ какъ дожди и

таюпие снѣга мало-по-малу растворяють соль и разрушаютъ зданія.

Дорога съ промысловъ въ Нахичевань шла нѣкоторое время среди холмовъ и отличалась той безжизненностью, которая такъ рѣзко бросается въ глаза во всѣхъ мѣстахъ разработки каменной соли. Воды нигдѣ не было. Повался въ одномъ мѣстѣ маленький ручей, но и тотъ содержалъ въ себѣ горько-соленую воду. Наконецъ, дорога вышла на шоссе, около котораго то и дѣло начали попадаться бакши, сплошь заваленныя дынями. Дыни и арбузы отличаются здѣсь своимъ вкусомъ и ароматичностью; притомъ цѣны на нихъ очень низки, такъ что это напоминало мнѣ мою родину, степную полосу Европейской Россіи, гдѣ въ лѣтнюю пору арбузами и дынями завалены всѣ базары. Виноградъ и другіе фрукты также очень хороши и гораздо дешевле, чѣмъ въ Эривани.

За Нахичеванью дорога проходитъ по равнинѣ. Почва повсюду глинистая, сѣраго цвѣта. Во многихъ мѣстахъ земля воздѣлана. Хлѣбъ давно уже убранный съ волей, которыя мѣстами снова распаханы. Невдалекѣ видѣлись деревни, спрятавшіяся въ садахъ. По мѣрѣ удаленія отъ Нахичевани, начали попадаться пустыри, но всѣмъ признакамъ уже давно нераспахиваемые. Горы вначалѣ были далеко и отличались разнообразіемъ. Среди нихъ въ особенности замѣтно выдавалась Иланъ-дагъ—змѣиная гора, съ разсѣченною верхушкой. Богатая народная фантазія успѣла придумать объясненіе причины разсѣченія горы: это змѣиный царь, во время своего полета, зацѣпился хвостомъ за вершину горы и разсѣкъ ее пополамъ. Здѣшнія горы осадочнаго происхожденія; въ большинствѣ случаевъ онѣ сильно обвѣтрились и потому приняли самыя разнообразныя очертанія. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога пересѣкаетъ небольшою

отроги, горныя породы разрушились до того, что приняли форму стѣнъ, заборовъ и т. п. Слоистое строеніе оставшихся частей еще болѣе располагаетъ принять ихъ за куски стѣнъ, и если бы только не значительность ихъ размѣровъ, то обманъ былъ бы вполне возможенъ. Нерѣдко попадались совершенно пересохшія рѣчки. Въ одномъ мѣстѣ дорога на значительномъ разстояніи идетъ по сухому руслу. Интересно знать, какимъ это образомъ совершается сообщеніе во времена разлива рѣчки. Сама дорога, которая показана на картѣ какъ шоссе, на самомъ дѣлѣ, начиная съ Нахичевани, не имѣетъ ни малѣйшихъ признаковъ шоссе: это простая проселочная дорога, проходящая по глинистому или каменистому грунту, съ тѣмъ только отличіемъ, что многія проселочныя дороги все-таки бываютъ лучше; даже мостики чрезъ многочисленныя канавы почти пѣликомъ развалились. Направленіе дороги выбрано тоже плохо: то она вдругъ лѣзетъ въ гору, то также круто спускается или идетъ по страшно усыпанному камнями дну потока. Часа за два до пріѣзда въ Джульфу, поднялся сильный вѣтеръ, принявшій подъ конецъ характеръ настоящей бури, вѣсущей пѣлыя тучи песка, пыли, камешковъ, застилающихъ собою все, что впереди. Такъ какъ солнце уже съюзя то поднявшаяся пыль превратила вечеръ въ темную ночь и я былъ радъ-радешенекъ, когда мнѣ наконецъ удалось добраться до Джульфинской почтовой станціи. Въ это время мнѣ удалось видѣть рѣдкій случай медленнаго паденія метеора, ярко освѣтившаго собою всю мѣстность и оставившаго по себѣ слѣды, долго горѣвшій фосфорическимъ свѣтомъ.

Вставъ по обыкновенію рано утромъ, я рѣшилъ осмотрѣть Джульфу, въ которой собственно нечего было осматривать. Это крохотный поселокъ, состоящій изъ

зданій таможни, казармъ, каравансараявъ, почтовой станціи и нѣсколькихъ частныхъ зданій. Расположена она на равнинѣ, прилегающей къ Араксу, который освобождается тутъ изъ тѣснившихъ его скалъ, нѣсколько дальше къ западу. Здѣсь Араксъ представляетъ небольшую спокойную рѣку, въ ущельѣ же онъ, какъ говорятъ, рветъ и мечетъ во все стороны, въ особенности во время половодья. Если гдѣ и слѣдуетъ посмотрѣть на Араксъ, то именно въ этомъ ущельѣ, похожемъ на узкія ворота, прорубленныя въ громаднхъ высотахъ, которыя заперли собою выходъ водамъ, составлявшимъ когда-то одно безбрежное море по всей теперешней долинѣ Аракса.

За Джульфами дорога на протяженіи 5—6 верствъ проходить по равнинѣ, бесплодной, усыпанной камнями и изрытой снѣговыми водами. Далѣе начинается ущелье, проходящее среди горъ, самыхъ разнообразныхъ и живописныхъ очертаній. Осадочныя слоистыя породы, изъ которыхъ сооружены эти горы, окрашены въ разнообразныя цвѣта, то синій, то черный, то бурый и наверху чаще всего въ красный цвѣтъ. Постоянно разрушаемая дѣятельностью атмосферы и воды, онѣ приняли, съ сѣвера отъ дороги, самую разнообразную форму: то видяшь предъ собою громадный столъ, то конусъ, то башню съ нѣсколькими ярусами одинъ надъ другимъ, то будто замокъ или части крѣпостной стѣны, то высокій и крутой обрывъ, стѣны котораго сложены изъ громадныхъ плитъ. Къ югу отъ дороги горы, наоборотъ, пологи, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно видѣть ихъ южныя склоны, можно замѣтить, что и онѣ также вдругъ оканчиваются обрывами, какъ и тѣ горы, которыя возвышаются къ сѣверу отъ дороги. За этими ближайшими горами чернѣли живописныя громады Карабахскихъ горъ. Во многихъ мѣстахъ въ лощинахъ видѣлись

куски снѣга, указывающіе на значительность высоты этихъ горъ. Къ югу отъ дороги, въ мѣстахъ, гдѣ горы раздвигались; видѣлся Аракеъ, около котораго пріютились тонушія въ садахъ селенія, рѣзко выдаваясь своей зеленой окраской среди окружающей ихъ пустыни. На ровныхъ мѣстахъ, гдѣ есть вода, жители занимаютъ земледѣліемъ, но хлѣбъ на поляхъ уже давно былъ сжать. и отчасти поля снова распаханы, почему мѣстность совершенно была безжизненна. Горы покрыты скудной растительностью, но и эта растительность уже успѣла выгорѣть отъ дѣйствія жгучихъ лучей здѣшняго солнца и отъ полного отсутствія дождей; на обрывистыхъ же мѣстахъ вовсе ничего нѣтъ, почему видъ зеленѣющихъ деревьевъ и производитъ такое отрадное впечатлѣніе на глаза, утомленный сѣрыми и бурными красками окружающей страны. Наконецъ показался и Ордубатъ, расположившійся у склона чернѣвшихъ вдаль горъ и потонувшій въ садахъ, составившихъ себѣ такую громкую славу своими громадными перойками, паралаи и таралаи. Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Ордубатѣ, я пошелъ осмотрѣть достопримѣчательности этого города. Первое, что мнѣ пришлось увидѣть, это былъ остатокъ великана налбанда (прививки чигара на карагачѣ). Ничего подобнаго мнѣ не приходилось видѣть раньше: внутренность дупла по длинной его оси имѣетъ аршинъ 5 въ длину и не менѣе сажени въ ширину. Богатырь налбандъ, несмотря на страшную рану внутри, все-таки еще продолжалъ зеленѣть и бодриться, хотя видно было, что ему скоро наступитъ конецъ; раньше въ дуплѣ помѣщалась небольшая дѣвченка, а по временамъ любители-картежники устраивали въ дуплѣ игру, для чего было вполне достаточно мѣста. Ордубатъ считается центромъ шелкомотальнаго производства по Аракеу. Побывалъ я

и на образцовой фабрикѣ и на простой шелкомотальнѣ. Первая, по случаю праздника, не работала; на второй татары занимались размоткой шелка съ коконовъ. Разматывающіе снаряды устроены были по образцу фабричныхъ, только приводились въ движеніе ногами. Работа шла очень оживленно, шелкъ разматывался быстро и плотно, — видно, что для рабочихъ это была хорошо знакомая работа.

Къ вечеру я собрался осмотрѣть берегъ Аракса, гдѣ онъ продолжилъ себѣ дорогу среди высокихъ горъ: Горы съ той и другой стороны нависли обрывами, на которые, вѣроятно, никогда не ступала нога человѣческа. Араксъ кагиль хотя и быстро, но безъ всякаго призываю шума и грохота свои мелкія воды, чрезъ которыя легко было перейти въ бродъ; однако отды отъ воды на прибрежныхъ утесахъ указываютъ на величіе и непроходимость рѣки въ половодье. Во время пребыванія моего на берегу стояла полная тишина, нарушаемая только небольшимъ плескомъ воды, который становится незамѣтнымъ, когда все вниманіе поглощено созерцаніемъ окружающей дикой природы. А, между тѣмъ, еще не такъ давно здѣсь раздавалась съ обоихъ береговъ пальба, стоившая жизни двумъ солдатамъ, сгубленнымъ пулями разбойниковъ.

По сосѣдству съ Ордубатомъ находится оригинальное армянское селеніе, называемое Авулисами. Населено оно армянами, извѣстными подъ названіемъ зоковъ. Откуда произошло это названіе и что оно собою обозначаетъ ни зоки ни армяне не могли дать мнѣ объясненія, хотя и пытались пуститься въ дебри филологіи; однако объясненія и для меня и для нихъ казались неубѣдительными. Зоки живутъ еще въ 7—8 деревняхъ. Хотя они и считаютъ себя армянами, тѣмъ не менѣе самостоятельный языкъ, большая часть словъ котораго въ корнѣ со-

вершено отлична отъ армянскихъ, а армянскіе слова сильно видоизмѣнены, даетъ поводъ думать, что зокі остатки какого-нибудь самостоятельнаго племени, которое, принявъ религію и богослужебный языкъ армянъ, мало-помалу привыкло считать себя армянами, какъ это можно наблюдать надъ пыганами въ Эривани. Между собою они говорятъ только на своемъ языкѣ. По типу они также отличаются отъ прочихъ армянъ. Тѣ, которыхъ мнѣ приходилось видѣть близко, были или голубоглазые, или со свѣтлымъ оттѣнкомъ глазъ и волосы имѣли болѣе свѣтлые, нежели у прочихъ армянъ. Нарядъ женскій также совершенно не такой, какой носятъ армянки прочихъ мѣстностей. Шлычки у нихъ на головахъ значительной высоты, въ то время какъ прочія армянки носятъ эти шлычки крохотныхъ размѣровъ, приблизительно величиной съ чайное блюдо. Цѣлыя ряды серебряныхъ украшеній висятъ спереди и сзади, такъ что голова такой франтихи очень похожа на голову ломовой лошади, за которой ухаживаетъ рачительный кучеръ, навѣшивающій на свою любимицу все, что только можетъ тамъ помѣститься. На плечи надѣта съ рукавами накидка, нѣсколько напоминающая персидскій кафтанъ. Кафтанъ этотъ не застегивается, и потому изъ-подъ него виденъ прочій нарядъ: кофта, очень узкая юбка и широкій кушакъ, нѣсколько разъ опоясывающій тѣло. Ноги обуты въ сапоги или башмаки съ высокими голенищами, — разобрать это трудно, потому что, за исключеніемъ самой ступни, все прикрыто черными штанами, расшитыми галунами. Общее впечатлѣніе отъ наряда зокскихъ франтихъ очень неблагоприятно, хотя онъ и дорогъ, такъ какъ дѣлается изъ шелковой матеріи, преимущественно краснаго цвѣта. Женщинъ въ такомъ нарядѣ встрѣчалось очень много, хотя тутъ же попадались наряженные въ обыкновенный

армянскій костюмъ и даже въ европейскій. Рядомъ съ высокимъ древнимъ кокошникомъ уживаются и шляпки послѣдней моды. Причину подобнаго контраста въ какомъ-то затерянномъ на окраинѣ селеніи слѣдуетъ искать въ предприимчивости зоковъ, ведущихъ, и особенно въ прежніе времена, свою торговлю по воѣмъ наиболѣе выдающимся городамъ: въ Москвѣ, Петербургѣ, Марсели, Парижѣ и даже въ Америкѣ. Торговля операціи въ западной Европѣ даютъ возможность инымъ изъ нихъ получать образованіе въ тамошнихъ университетахъ. Большая часть акулиспевъ съ молодю уходитъ во все стороны на заработки; наживши капиталы на чужбинѣ, они возвращаются въ Акулисы, обзаводятся здѣсь семьей, но живутъ дома недолго: большая часть ихъ жизни проходитъ на чужбинѣ, семья же остается въ родномъ селеніи, получая деньги на расходъ отъ тѣхъ, которые живутъ гдѣ-то вдали. Сами акулиспы очень гордятся своими торговыми дѣлами и свое селеніе называютъ уголкомъ Европы или уголкомъ Парижа. Пожалуй, уголкомъ Европы еще можно назвать, хотя и не вполне, потому что селеніе построено на азіатскій ладъ, т. е. улицы кривыя, узкія и нерѣдко послѣ нѣсколькихъ изворотовъ совершенно неожиданно прекращаются. Дома, однако, устроены лучше и опрятнѣе, чѣмъ въ прочихъ селеніяхъ, и по формѣ и величинѣ скорѣе походятъ на городскія, чѣмъ на деревенскія. Случайно натолкнувшись на одного бывшаго ученика семинаріи, я имѣлъ возможность побывать въ его домѣ, правда, не очень богатомъ, тѣмъ не менѣе вовсе и не бѣдномъ. Даже въ этомъ домѣ, средняго типа, можно было видѣть обстановку на городской ладъ: вѣнскія стулья, диванъ, столы, фототрафическіе виды, обои на стѣнахъ, ковры на полу. Потолокъ въ залѣ представлялъ остатки восточнаго вкуса: по всей длинѣ

своей онъ сдѣланъ былъ изъ дерева съ самыми разнообразными рѣзными украшеніями, и въ общемъ производилъ пріятное впечатлѣніе. Въ еденіи имѣется нѣсколько церквей и упраздненныхъ монастырей. Практичные акулисы воспользовались монастырскими постройками и устроили въ нихъ школу, гдѣ занимается 8 учителей и 2 учительницы, обучающіе около 400 мальчиковъ и девочекъ. Зашелъ я въ монастырскую церковь. Размѣры ея очень значительны, обстановка богатая. Будиль впустила разрисовать какъ въ татарскихъ мечетяхъ, съ яркими красками. Богослуженіе во время моего пребыванія въ церкви еще не начиналось, хотя уже туда явилось нѣсколько женщинъ въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ; одна изъ нихъ была даже въ чадръ, бѣлаго цвета, покроемъ своимъ скорѣе напоминающей похоронный саванъ, чѣмъ обычную чадру.

Изъ Акулисы мнѣ пришлось возвращаться въ Ордубатъ ночью. Была по вѣшнимъ кривымъ безтолковымъ улицамъ возможна только въ сопровожденіи хорошо знающаго дорогу, въ противномъ случаѣ придется испытать немало огорченій. На другой день, къ удивленію своему, въ Ордубатѣ я встрѣтилъ странствующаго торговца-арославца, очень ловко разговаривающаго свои товары между чиновниками. Преприимчивые арославцы расходятся по всей безиредѣльной русской землѣ, однако встрѣтить офеня на этой крайнѣ и все-таки не разочитывалъ. На обратномъ пути изъ Ордубата въ Нахичевань мнѣ пришлось обратить вниманіе на равнину, прилегающую къ Акулисамъ. Значительная часть ея представляетъ ложе пересохшей рѣки, оплошь усыпанное камнями. Остальная часть ея хотя такъ же каменистая, однако для обработки пригодна, если бы только владѣльцы позаботились хотя нѣсколько поочистить землю отъ камней. Земля не

обрабатывается, вѣроятно, отъ недостатка воды, такъ какъ вода отъ рѣчки и родниковъ пѣликомъ разбирается для поливки безчисленныхъ садовъ Верхнихъ и Нижнихъ Акулисъ. При выходѣ изъ холмовъ, вблизи Нахичевани, на дальнемъ западѣ показался Большой Араратъ, на переднемъ фонѣ котораго едва чернѣлъ Малый, въ видѣ какого-то пригорка у основаній Большого. Остановившись въ Нахичевани для ночевки, я рѣшилъ воспользоваться остаткомъ дня и отправился посмотреть на гробницу Ноя. Почему это мѣсто называется гробницей Ноя, едва ли кто могъ бы отвѣтить положительно. На мѣстѣ погребенія Ноя устроено небольшое многогранное приземистое кирпичное зданіе, съ плоской крышей и двумя входами. Внутренность выбѣлена, по срединѣ стоитъ столбъ, поддерживающій погонюкъ, а около этого столба устроено нѣчто въ родѣ жертвенника, на которомъ лежала при моемъ посѣщеніи небольшая кучка золы. На сводахъ потолка можно было видѣть множество мелкихъ камешковъ, прилѣпленныхъ гадающими. У армянъ существуетъ повѣрье, что если камень приклеится при надавливаніи къ стѣнѣ или потолку, то желаніе исполнится. Такихъ пытающихся судьбу было достаточно и въ гробницѣ Ноя.

По соседству съ гробницей стоятъ развалины глиняной крѣпости, бывшей твердыни нахичеванской. Она незначительныхъ размѣровъ и гораздо меньше эриванской крѣпости и также, какъ и та, заброшена и развалилась. Таковы превратности судьбы. Что когда-то представляло грозу для всего края, то теперь лежатъ въ прахѣ и забвеніи!

VIII.

Прелесть природы въ Дарачичагѣ. Минеральные источники. Дорога изъ Эривани къ Гокчѣ. Гокча. Охота на оверѣ. Составъ населенія въ Еленовкѣ. Дорога въ Семеновку. Делижанъ.

Дарачичагъ, въ переводѣ долина пѣтвовъ, дачное мѣсто для эриванскихъ чиновниковъ и прочей зажиточной публики. Послѣ столькихъ странствій по дикимъ, мало или вовсе некультурнымъ мѣстамъ, пришлось мнѣ прїѣхать и въ Дарачичагъ, небольшое селеніе русскихъ сектантовъ, обращающееся въ лѣтнее время въ маленький городокъ, со всѣми его удобствами и неудобствами, со злобами и интересами горожанъ. Выборъ мѣста подъ дачи оказался очень удачнымъ. Вся страна на югъ отъ Дарачичага представляетъ изъ себя безлѣсную жаркую мѣстность, въ которой духота, комары и мошки способны отравить веселое лѣтнее время. Расположено это селеніе на горахъ, на высотѣ тысячъ въ 6 футовъ, покрытыхъ листованнымъ лѣсомъ, разбросаннымъ также по всѣмъ прилегающимъ ущельямъ. Значительность высоты, лѣсъ и близость къ Эривани, откуда можно получать всевозможныя фрукты и овощи, дѣлаютъ жизнь въ Дарачичагѣ настолько удобной и прїятной, что сюда стремится всякій, у кого есть хоть какія-нибудь средства. Лѣсомъ и горами не оканчиваются достопримѣчательности Дарачичага. Здѣсь имѣются и минеральные источники, известковый и углекислый, возлѣ которыхъ всегда въ вечернее, а въ праздники и во всякое время можно встрѣтить гуляющихъ, приходящихъ сюда напиться воды. Вода одного источника слегка кисловата и напоминаетъ собою сельтерскую, уступая ей въ силѣ и дѣйствиіи на желудокъ, тѣмъ не менѣе публика пьетъ во-
всѣ съ удовольствіемъ всякій разъ, какъ только доберет-

ся до источника. Сама обстановка располагаетъ къ прогулкамъ къ источникамъ. Оба они расположены не особенно далеко отъ селенія; вокругъ нихъ мѣсто сплошь заросло лѣсомъ, такъ что есть гдѣ посидѣть и полежать въ тѣни, подышать при этомъ чистымъ воздухомъ, а легкій подъемъ въ гору на пути къ источнику, кромѣ удовольствія, доставляетъ еще и пользу вѣчно сидящимъ по своимъ канцеляріямъ чиновникамъ.

Эриванъ расположена у основанія горъ, на равнинѣ, которая тянется далѣе къ Арарату; отсюда дорога къ озеру Гокчѣ поднимается постепенно въ гору. При началѣ подъема открывается красивая панорама расположенной внизу Эривани, потонувшей въ садахъ, число которыхъ достигаетъ болѣе 1000. Изъ зелени повсюду выступали дома съ плоскими крышами, возвышались церкви и блестяли на солнцѣ куполы мечетей, покрытыхъ голубыми изразцами. Невзрачный самъ по себѣ городишка, благодаря своей разбросанности, казался и большимъ и красивымъ. За городомъ на равнинѣ виднѣлись безчисленныя деревни, такъ же, какъ и Эриванъ, тонушія въ садахъ, а на горизонтѣ величественно возвышались грандіозныя постройки Арарата, производящаго такое неотразимое впечатлѣніе на всякаго и въ особенности вновь пріѣзжаго, который не въ состояніи будетъ оторваться отъ той чудной картины, которую представляетъ великанъ Араратъ, поднимающійся прямо съ равнины и уносящей свою ледяную вершину въ заоблачную высь. Тотчасъ же по выходѣ изъ Эривани вплоть до перваго селенія Кинакирь дорога проходитъ по пустынѣ, во многихъ мѣстахъ усыпанной обломками базальта. Обширная площадь плодородной земли, пропадаетъ безъ всякой видимой пользы, потому что сюда не проведена вода, которая для здѣшней жаркой и лишенной дождей страны представляетъ рѣши-

тельно все, — гдѣ есть вода, тамъ плодоносная, получившаяся отъ разрушенія базальта почва даетъ громадныя урожаи; гдѣ воды нѣтъ, тамъ жизнь бываетъ только во время таянія снѣговъ, а потомъ на долго все обращается въ пустыню. То же наблюдается и здѣсь. За безжизненной равниной расположилось селеніе съ его многочисленными садами, производящее такое отрадное впечатлѣніе послѣ унылыхъ картинъ предыдущаго пути. Земли за этимъ селеніемъ разрабатываются, хотя и не вездѣ; попадаются пустыри, и чѣмъ далѣе уходишь отъ Эривани, тѣмъ количество необработанныхъ земель становится все болѣе и болѣе. Дорога постепенно поднимается, и хотя этотъ подъемъ не особенно замѣтень при проѣздѣ нѣсколькихъ десятковъ веротъ, тѣмъ не менѣе на растительности замѣтна уже разница; сады становятся все меньше и хуже и, наконецъ, совоѣмъ прекращаются, а потомъ исчезаетъ даже и древесная растительность, такъ что уже въ Еленовкѣ, около Гокчи, имѣется только нѣсколько жалкихъ и тощихъ деревцевъ. Хлѣбъ вблизи Эривани убранъ былъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вблизи же Гокчи только еще скашивался, а на сосѣднихъ горахъ даже мѣстами еще зеленъ, хотя уже наступилъ сентябрь, четвертаго числа котораго выпалъ здѣсь первый снѣгъ. Общее впечатлѣніе отъ хлѣба во всей этой нагорной сторонѣ неблагоприятно: онъ приземистъ, рѣдокъ и со слабо развитыми колосками. Лѣто здѣсь наступаетъ повдно, зима рано, а въ лѣтнее время дожди перепадаютъ рѣдко, что въ общей сложности дѣйствуетъ неблагоприятно на занятіе земледѣліемъ. Единственной поддержкой для обитателей этого суроваго нагорья, преимущественно русскихъ, служить извозъ, которымъ они занимаются чуть ли не поголовно. Пашни разбросаны повсюду; ихъ достаточно и на холмахъ, хотя главная

масса этих холмов представляют пустыри, покрытые жалкой выгорѣвшей травой, по которой нельзя составить ни малѣйшаго понятія о той роскошной растительности, которая появляется здѣсь весной и въ началѣ лѣта. Самые холмы не отличаются живописностью; это конические возвышенности, остатки многочисленныхъ вулкановъ, опоясывающихъ все западное побережье Гокчи, и въ доисторическія времена своей величественной дѣятельностью наводившихъ страхъ и ужасъ на все живущее вблизи и заливавшихъ расплавленными массами громады площади. Вольшую часть, первобытныя породы скрыты подъ рыхлой почвой, получившейся отъ разрушенія ихъ; мѣстами же они выходятъ наружу въ видѣ позрѣватой базальтовой лавы, а вблизи селенія Ново-Николаевки видны мощные слои чернаго обсидіана. Громадное количество обсидіана въ болѣе культурныхъ странахъ, чѣмъ здѣшняя, вѣроятно, составили бы капиталъ, а тутъ все это пропадаетъ даромъ; и на вопросы, дѣлаютъ ли что-нибудь изъ него, съ удивленіемъ смотрятъ на вопрошающаго и не особенно вѣрятъ, чтобы это твердое стекло можно было бы рѣзать и обрабатывать. Выходы обсидіана настолько мощны, длинны и многочисленны, какъ это можно встрѣтить очень и очень рѣдко. Это капиталъ для будущаго, а теперь жители пользуются землею только для земледѣлія, а озерами для ловли рыбы. Къ числу такихъ озеръ принадлежитъ и Гокча, этотъ громадный бассейнъ питающій своими водами безчисленные источники, бьющіе на склонахъ тѣхъ горъ, гдѣ она расположена. Гокча, имѣющая верстъ 60 въ длину и въ южной части до 40 верстъ въ ширину, производитъ хорошее впечатлѣніе во всякое время, и въ особенности рано утромъ, когда отдаленные гористые берега, скрытые отъ взоровъ наблюдателя, постепенно начинаютъ под-

вляться изъ туманной дымки, покрывающей и берега и зеркальную водную поверхность. Рана утромъ вѣтеръ бываетъ здѣсь рѣдко, а потому поверхность воды остается или совсѣмъ гладкой, или только слегка волнуется. По мѣрѣ поднятія солнца воздухъ начинаетъ волноваться, а вмѣстѣ съ нимъ начинаютъ появляться на озерѣ и волны; съ теченіемъ времени онѣ становятся все больше и больше и безконечной вереницей гонятся другъ за другомъ, покрываясь на поверхности своей бѣлой пѣной. Вѣтеръ вскорѣ стихаетъ, но поднятое имъ волненіе остается еще долгое время. На поверхности воды, имѣющей зеленоватую, синюю и темно-голубую окраску, виднѣются стаи водныхъ птицъ: утокъ, чаекъ, лысухъ, нырковъ, безбоязненно плавающихъ вблизи людей, такъ какъ охотятся на нихъ рѣдко и то только случайно попавшіе сюда охотники. Я остановился на нѣсколько дней у знакомаго въ Еленовкѣ. Пользуясь тѣмъ, что у него имѣется своя лодка, я иногда отправлялся на охоту по озеру. У каждой породы птицъ была своя манера спасаться отъ непріятнаго сосѣдства охотниковъ: утки улетали, быстро уносясь въ высоту и въ сторону; бакланы были болѣе неизворотливы, хотя вскорѣ горькій опытъ научилъ и ихъ большому проворству; лѣнныя же, ожирѣвшія лыски предпочитали лучше отплывать, чѣмъ летѣть; когда преслѣдованіе доводило ихъ до крайности, то онѣ съ крайней неохотой начинали прибѣгать къ помощи крыльевъ; однако слабыя ихъ крылья не давали имъ возможности прямо подниматься на воздухъ и онѣ принуждены были пробѣгать по водѣ много саженой, отчаянно хлопая крыльями, прежде чѣмъ удавалось начать полетъ. Полетъ, однако, скоро кончался и лыска грузно шлепалась въ воду, предпочитая опять спасаться вплавь. Лѣнь и непово-

ротность лыски дѣлала ее легкой добычей, хотя охотники не особенно увлекаются этой дичью по причинѣ невысокаго достоинства ея мяса. Труднѣе всего давалась охота на нырковъ. Это превосходные мастера спасаться отъ преслѣдованія, ныряя въ воду и показываясь потомъ далеко и въ совершенно другой сторонѣ отъ того мѣста, гдѣ они скрылись. Попытки мои изловить хоть одного такого молодца въ открытомъ озерѣ всегда были безуспѣшны, и если когда можно его застрѣлить, то это съ берега, вблизи котораго онъ часто ловить рыбу, не рассчитывая наткнуться на охотника, такъ какъ бабы и мужики, занимаясь своими дѣлами, никогда его здѣсь не тревожатъ. Нырки попадаютъ на озерѣ въ большомъ количествѣ, и если бы кто взялъ на себя трудъ научить крестьянъ сдирать съ этой птицы прекрасную ея пуховую, серебристаго цвѣта, шкурку, то это могло бы служить для нихъ выгоднымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ.

Населеніе Еленовки и еще пѣлаго ряда деревень состоитъ изъ русскихъ сектантовъ-молоканъ, прыгуновъ, суботниковъ и т. п. Отправившись однажды ночью на рыбную ловлю съ острогой, я разговорился со своими гребцами. На вопросы мои, изъ какихъ губерній явились сюда ихъ предки, мнѣ пришлось услышать любопытный отвѣтъ. Множество изъ нихъ — это потомки людей неизвѣстнаго происхожденія: кто былъ бѣглый солдатъ, кто бѣжалъ изъ Сибири, кто спасался отъ крѣпостной зависимости или тюрьмы и т. п. Весь этотъ людъ, направлялся не прямо сюда, а являлся во вновь присоединенныя мѣста черноморскаго побережья, куда принимали всякаго, не особенно заботясь разузнать, кто онъ и откуда. Въ Анапѣ, Керчи и другихъ городахъ такой пришелецъ приписывался и, взявъ паспортъ, уходилъ сюда уже какъ легальное лицо. Фамиліи придумывались вся-

кія, а иногда прямо заявлялось, что фамиліи своей не помнить, и потому среди такихъ выходцевъ можно было встрѣтить съ такими фамиліями, какъ: Голопузь, Голя Колѣвки, Ничегонезнайкинь, Непомнящій и т. д. Сами потомки теперь со смѣхомъ рассказываютъ о своихъ предкахъ и о своемъ происхожденіи. Во время рыбной ловли взошла полная луна и положила конецъ нашей охотѣ. Разговорились мы о лунѣ. Спрашиваю я своихъ молоканъ. далеко ли до луны.—А кто его знаетъ! отвѣчаютъ. Когда я сказать имъ, что если бы кто-нибудь изъ нихъ могъ поѣхать въ извозъ со своимъ фургономъ на луну, то ему пришлось бы ѣхать туда лѣтъ 18—20 и столько же обратно, то мой спутникъ, обращаясь къ молоканину, державшему острогу, въ шутку сказалъ, что, вѣроятно, его Фекла не узнала бы его послѣ такого путешествія. Тотъ согласился, что мудроно было бы чрезъ 40 лѣтъ узнать его супругѣ.

Дорога изъ Еленовки къ Семеновкѣ идетъ нѣкоторое время мимо Гокчи. Проѣздъ по этому мѣсту въ лѣтнее время можетъ доставить только одно удовольствіе, благодаря красивымъ картинамъ отдаленныхъ береговъ и безбрежнаго синяго озера. Однако въ распутицу и особенно зимою, которая начинается здѣсь рано и кончается поздно, какъ и въ отдаленной сѣверной Архангельской губ., проѣздъ мимо Гокчи не только не доставитъ удовольствія, но причинитъ немало страху и хлопотъ всякому, кто только на него рѣшится. Дорога часто идетъ вдоль обрывистаго или крутояраго берега и ограждена для безопасности столбиками, аршина въ 1½, высотой, да и то не вездѣ. Зимою снѣгу здѣсь падаетъ столько, что не только эти столбики, но и телеграфные столбы засыпаются чуть не доверху. Дорогу очищаютъ по мѣрѣ возможности, тѣмъ не менѣе уровень ея посте-

пенно повышается, столбики постепенно уходят под снѣгъ, а потомъ и совсѣмъ исчезаютъ. Положеніе проѣзжающаго становится очень незавиднымъ: то онъ вѣскольکو дней не можетъ выѣхать со станціи, потому что безпрерывно падающій снѣгъ заваливаетъ все и отнимаетъ всякую мысль расчистить путь, то, если дорогу сколько-нибудь сдѣлаютъ удобной для проѣзда, онъ рискуетъ свалиться съ кручи въ озеро при малѣйшемъ неосторожномъ шагѣ лошадей, такъ какъ при расчисткѣ дороги снѣгъ сбрасываютъ въ сторону озера и дорога имѣетъ такую форму: съ одной стороны возвышается многосажженная каменная и снѣговая стѣна, а съ другой—многосажженный обрывъ къ озеру, полотно же самой дороги наклонено въ сторону этого обрыва, такъ что рабочимъ, ямщику и проѣзжимъ приходится то и дѣло поддерживать сани, чтобъ они не полетѣли внизъ. Конечно такіе завалы и такое состояніе дороги бываетъ не всегда, но настолько часто, что проѣздъ черезъ Малый Кавказъ и въ особенности мимо Гокчи представляетъ своего рода подвигъ. Сколько разъ мнѣ ни приходилось разговаривать со своими знакомыми, которыхъ необходимость заставляла ѣхать зимой въ Тифлисъ, почти всякій разъ приходилось слышать, что имъ не хотѣлось бы испытать въ другой разъ то, что они испытывали во время этого проѣзда. Поговорку „кто на морѣ не бывалъ, тотъ досыта Богу не молился“ здѣсь съ удобствомъ можно перемѣнить „кто мимо Гокчи зимой не ѣздилъ, тотъ и Богу досыта не молился“. Въ особенности плохо бываетъ, когда на полпути къ станціи неожиданно захватываетъ буранъ. Снѣгъ сверху, снизу, съ боковъ застилаетъ все впереди, залѣпляетъ глаза, вѣтеръ рветъ такъ, что на ногахъ не устоишь, а своимъ завываніемъ заглушаетъ даже то, что говоритъ ямщикъ или сосѣдъ въ саняхъ

и вотъ при такихъ условіяхъ нужно ѣхать во что бы то ни стало, рискуя или быть погребеннымъ подь снѣгомъ или свалиться въ озеро. Но это бывасть обыкновенно зимой. Лѣтомъ опасности нѣтъ никакой и потому проѣздъ мимо Гокчи доставляетъ только одно удовольствіе, которое еще болѣе увеличивается, если проѣзжаешь мимо при восходѣ солнца. Истинное удовольствіе испытываешь также при спускѣ съ горъ къ Делижану и потомъ на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ ѣзды за Делижанъ вдоль по ущелью. Делижанъ лежитъ верстахъ въ 10 отъ Семеновки—далеко внизу, въ ущельѣ, почему дорога проведена съ многочисленными изгибами и растягивается на 18 верстъ. Невдалекѣ отъ Семеновки, которая лежитъ на самомъ перевалѣ, начинается лѣсъ, раскинувшійся далеко на сѣверъ. Изгибы шоссе проходятъ по этому лѣсу, состоящему главнымъ образомъ изъ лиственныхъ породъ: дуба, граба, ясеня, а также и сосны, которая общей своей массой закрываютъ отъ глазъ уже высокоподнявшееся солнце. Ущелье за Делижаномъ одно изъ лучшихъ ущелій, какія попадаются въ Закавказскомъ краѣ и поѣздка по немъ можетъ доставить истинное удовольствіе, послѣ однообразныхъ равнинъ Куры и Аракса.

Учитель Эриванской учительской
семинаріи В. Дьвицкій.

Эривань
1894 г.

Елисаветполь и его окрестности въ орнитологическомъ отношеніи, съ нѣкоторыми сказаніями мѣстныхъ татаръ о птицахъ.

Мѣстность, на которой расположенъ городъ Елисаветполь, представляетъ собою небольшую долину, по которой протекаетъ рѣчка Ганжинка, составляющая притокъ Куры съ правой стороны. На этой рѣчкѣ лежитъ городъ Елисаветполь, извѣстный прежде подъ именемъ Ганжи. Эта долина, имѣетъ наклонъ къ сѣверу, и въ болѣе низкой части ея, близъ селенія Лякъ, находится довольно много болотъ и мочезинъ, сплошь покрытыхъ камышомъ, осокой и другими болотными растеніями. Со всѣхъ почти сторонъ долина окаймлена холмами и горами, поросшими мѣстами густымъ лиственнымъ лѣсомъ, въ которомъ находятъ убѣжище многія породы дикихъ животныхъ; мѣстами же встрѣчаются такія возвышенности, которыя лишены почти всякой растительности. Если на Елисаветполь смотрѣть съ какого-нибудь близлежащаго холма, то глазамъ представляется широкое поле, посреди котораго раскинулся городъ, утопающій въ зелени виноградныхъ и другихъ фруктовыхъ садовъ; среди этой зелени величественно возвышаются огромные вѣковые чинары (*Platanus orientalis*—платанъ, настоящій чинаръ), достигающіе нерѣдко въ окружности сажени и болѣе. Весною особенно пріятное впечатлѣніе производитъ на наблюдателя богатство растительнаго царства, съ которымъ, какъ извѣстно, тѣсно бываетъ связана и фауна мѣстности.

Значительное разнообразіе мѣстности обусловливаетъ и разнообразіе видовъ животнаго царства. Особенно это замѣчается на пернатыхъ представителяхъ этого царства, такъ какъ нравы гнѣздованія и предметы добычи у послѣднихъ очень разнообразны.

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду перечислить птицъ, какъ обитающихъ въ Елисаветполѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ постоянно, такъ равно и бывающихъ здѣсь временно — пролетомъ.

Отъ начала весны и до поздней осени сады и окрестности Елисаветполя оглашаются крикомъ и пѣніемъ множества разнообразныхъ птицъ.

Первыми предвѣстниками весны являются скворцы и жаворонки, въ особенности послѣдніе; они появляются вмѣстѣ съ оттепелью, въ концѣ февраля или въ началѣ марта, и какъ только покажется на поляхъ травка, ужъ раздается ихъ веселая пѣсня. Часто случается, что въ теплыя зимы жаворонки отъ насъ вовсе не улетаютъ, а остаются на зимовку; тогда они обыкновенно держатся на поляхъ небольшими стаивками. Будучи застигнуты холодомъ врасплохъ, они перелетаютъ ближе къ городу и даже въ самый городъ, гдѣ ихъ можно встрѣтить тогда бѣгающими по городскимъ улицамъ. Здѣсь водятся два вида жаворонковъ: *жаворонокъ полевой* (турагай, *Alauda arvensis* L.) и *жаворонокъ хохлатый* (турагай, *Al. cristata* L.; *Galerita cristata* L.).

Жаворонки поютъ недурно и мѣстные жители часто держатъ ихъ въ вѣткахъ. Они скоро привыкаютъ къ неволѣ и становятся вполне ручными.

Скворцы на зиму оставляютъ Елисаветполь и предпринимаютъ правильные перелеты; они такъ же, какъ и жаворонки, служатъ одними изъ первыхъ предвѣстниковъ весны. *Синій скворецъ* съ бѣлыми крапинками, или *обыкновенный* (*Sturnus vulgaris* L.), прилетѣвъ, проводитъ время на поляхъ и лугахъ, гдѣ пасутся стада, около которыхъ онъ всегда нахо-

дять себѣ въ изобиліи пищу, состоящую изъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, водящихся въ шерсти и на кожѣ овецъ, коровъ и др. домашнихъ животныхъ. Вьеть онъ гнѣзда въ расщелинахъ стѣнъ, въ дуплистыхъ деревьяхъ, подъ крышами домовъ и пр. Для постройки гнѣзда онъ пользуется всѣмъ, что только попадаетъ: соломенкой, перышкомъ, ключкомъ шерсти и т. п. Птенцовъ онъ выводитъ два раза въ лѣто. Поетъ скворецъ недурно, подражая голосу другихъ птицъ. Валтій молодымъ изъ гнѣзда, скворецъ, такъ же какъ и жаворонокъ, быстро становится ручнымъ.

Розовый скворецъ, или *каменный*, *ширкунъ* (*Pastor roseus* L.) прилетаетъ гораздо позже, въ половинѣ марта или въ началѣ апрѣля. Татары считаютъ эту птицу священною, такъ какъ она извѣстна имъ, какъ ревностная истребительница саранчи. Какъ первый, такъ и второй видъ совершаетъ свой отлетъ въ концѣ октября мѣсяца.

Немного позже, въ концѣ марта, какъ только деревья начинаютъ зеленѣть, и въ воздухѣ стануть носиться насѣкомыя, прилетаетъ и наша всеобщая любимица, *городская ласточка* (каранкудж, *Hirundo urbica* L.). Однѣ изъ ласточекъ сейчасъ же начинаютъ исправлять свое прошлогоднее гнѣздышко, другія, отыскавъ себѣ пріютъ, строятъ новое, въ которомъ, нѣсколько дней спустя, можно найти до 6-ти яицъ. Объ этой птицѣ у мѣстныхъ мусульманъ существуетъ слѣдующее преданіе:

Богъ приказалъ пророку Ибрагимъ-Халилу (Аврааму) пойти въ Мекку и на одной изъ ея равнинъ построить точно такой же храмъ, каковой нѣкогда построилъ Муса (Моисей) въ Іерусалимѣ. Ибрагимъ-Халилъ исполнилъ приказаніе Бога: храмъ былъ выстроенъ, куда и стали стекаться массама богомольцы. Въ то время страну ту населялъ особый народъ, извѣстный подъ именемъ Адъ. Узнавъ о построеніи храма царь этой страны приказалъ собрать войско и немедленно разрушить весь храмъ до основанія. Согласно волѣ царя войско было собрано и

отправлено въ Иерусалимъ, но въ тотъ самый моментъ, когда оно собиралось исполнить приказаніе своего властелина, молитва Избрагимъ-Халила была услышана Богомъ: прилетѣли ласточки въ такомъ количествѣ, какъ великъ былъ отрядъ, и взявши въ клювъ по камню, каждая изъ нихъ бросила камнемъ въ голову воина; такимъ образомъ, всѣ воины были побиты, кромѣ одного, который и побѣжалъ къ царю съ извѣстіемъ о случившемся. Царь не повѣрилъ разсказу, но въ это время ласточка пролетала надъ головой спасагося воина, и едва послѣдній успѣлъ вскрикнуть: „Вотъ, вотъ, царь! еще одна“, какъ камень упалъ изъ клюва и убилъ его. Сдѣлавшись свидѣтелемъ столь необыкновеннаго явленія, царь испугался и немедленно отмѣнилъ свое приказаніе. Послѣ этого событія Богъ научилъ ласточекъ пѣть молитву, въ которой онѣ предупреждаютъ людей не убивать ихъ, ибо Богъ убившаго ласточку накажетъ смертью.

Послѣ прилета ласточекъ, незамѣтнымъ для наблюдателя образомъ, опустѣлые наши сады, лѣса и поля населяются всевозможными птицами. Повсюду раздаются самые разнообразныя голоса: кричатъ и щебечутъ щеглы (дрыр), дрозды, иволги, дубоносы, чижики (сари-вѣнак); чирикаютъ воробьи (сѣрчѣ), звенить какъ колокольчикъ желтенькая овсянка, свищеть и шелкаетъ соловей, ему вторить малиновка...

Крикливая иволга (зѣрд, *Oriolus galbula* L.) одна изъ самыхъ красивыхъ здѣшнихъ птицъ. Самецъ имѣетъ зеленоватую спину, ярко-желтую грудь и черныя крылья. Поетъ онъ звонко и недурно, въ особенности во время кладки яицъ и высидыванія.

Черный дроздъ (кара-товукъ, *Turdus merula* L.) проводитъ здѣсь время круглый годъ, не исключая и зимы; въ это время онъ питается червями, которыхъ находитъ въ садахъ, и зимующими улитками, скорлупу которыхъ онъ продалбливаетъ своимъ крѣпкимъ клювомъ. Самецъ-дроздъ начинаетъ пѣть съ марта мѣ-

саца и поеть до поздняго лѣта. У мѣстныхъ мусульманъ часто можно встрѣтитъ чернаго дрозда въ клѣткахъ; они его очень любятъ за подвижность, веселость и переимчивость. Кромѣ чернаго дрозда, на весеннемъ пролетѣ, во второй половинѣ февраля или въ началѣ марта, останавливается въ нашихъ садахъ *дроздъ-деряба* (кара-товуе, *T. viscivogus* L.) и *блѣзобикъ* (*T. torquatus* L.), съ бѣлымъ ожерельемъ вокругъ шеи. Попадаетъ по Ганжинѣ *олятка*, или *водяной дроздъ* (кара-товуе, *Cinclus aquaticus* Briss.), котораго охотники называютъ водянымъ воробьемъ. Онъ по величинѣ немного меньше чернаго дрозда; оперенье у него плотное, черно-бураго цвѣта, съ бѣлой грудью и короткимъ хвостикомъ; онъ хорошо ныряетъ и гребетъ въ водѣ крыльями.

Соловей Гафиза, или *персидскій* (бюль-бюль, *Lusciola Hafizi* Severtz.) прилетаетъ къ намъ въ половинѣ или въ концѣ апрѣля. Соловьевъ бываетъ очень много, такъ что ихъ можно встрѣтить въ каждомъ небольшомъ садикѣ, поросшемъ кустарникомъ; тамъ они гнѣздятся и выводятъ дѣтей. Птенцы соловья истребляются въ большомъ количествѣ кошками и крысами. Здѣшніе соловьи не обладаютъ тѣмъ превосходнымъ чарующимъ пѣніемъ, которымъ отличается восточный или западный соловей. Пѣніе ихъ значительно бѣднѣе содержаніемъ и однообразнѣе. Такъ въ самый разгаръ поры любви, когда между самцами идетъ соревнованіе, они не въ состояніи сдѣлать болѣе пяти строфъ, и то короткихъ и отрывистыхъ. Образъ жизни ихъ ничѣмъ не отличается отъ образа жизни вышеупомянутыхъ соловьевъ, т. е. восточнаго и западнаго.

Кромѣ перечисленныхъ пѣвчихъ птицъ, здѣсь еще водятся: *писка*, или *трясогузка* (*Motacilla alba* L.), самая обыкновенная, живая и подвижная птичка; она селится всего охотнѣе около воды и отличается своимъ длиннымъ хвостикомъ, которымъ она постоянно потряхиваетъ. Она часто зимуетъ у насъ, а если и улетаетъ, то возвращается ранней

весной (въ началѣ марта). Трясогузка, подобно ласточкѣ и другимъ пѣвчимъ птицамъ, питаетъ непримиримую вражду къ хищникамъ.

Затѣмъ здѣсь попадается: *сѣрый сорокопутъ* (*Empidonax excubitor* L.), *сорокопутъ-жуланъ* (*E. collurio* L.), *сшишь* (*Pyrrhula vulgaris* Bechst.), сивоворонка, удожь, щурка или пчелоѣдь и зимородокъ. Первые два хищны и драчливы; питаются или маленькими птичками, или жуками, которыхъ они имѣютъ обыкновеніе навальвать на колючки кустовъ, а затѣмъ проголодавшись, сѣдаютъ.

Снигирь по величинѣ немного больше воробья; зиму проводитъ въ окрестностяхъ или въ самомъ городѣ, гдѣ его можно встрѣтить отыскивающимъ себѣ пищу по люднымъ проѣзжимъ улицамъ и дорогамъ.

Сивоворонка, или *ракша* (*Coccyzus garrula* L.) и *удодъ-пустошка* (опозъ, шана-думъ, Фатъма-баджи, Урира ерорс L.) принадлежать къ перелетнымъ птицамъ. Первая прилетаетъ въ началѣ апрѣля, а вторая—во второй половинѣ марта. Какъ сивоворонка, такъ и удожь имѣютъ красивое оперенье. Преобладающая окраска первой—голубая, а второй—пестрая. У удода на головѣ есть хохоль изъ подъемныхъ перьевъ, расположенныхъ въ два ряда. Осенью оба эти вида улетаютъ на югъ во второй половинѣ сентября.

Объ удожь у татаръ существуетъ слѣдующее сказаніе:

Жили-были два брата по имени Усубъ и Насибъ; у нихъ была сестра Фатъма, которая имѣла обыкновеніе носить головной гребешокъ. Однажды у нихъ пропала лошадь, и братья, уходя на рыскъ ея, приказали сестрѣ, къ ихъ возвращенію, приготовить обѣдъ; она сварила молочный супъ и стала дожидать братьевъ. Долго ждала она ихъ, но никакъ не могла дождаться: стала беспокоиться и рѣшилась наконецъ сама ити отыскивать братьевъ. Послѣ долгихъ и безуспѣшныхъ поисковъ, она обращается къ Богу съ просьбой, моля превра-

твить ее въ птицу, чтобъ легче было отыскать любимыхъ братьевъ. Молитва ея была услышана: Богъ превратилъ ее въ удода *) , на головѣ котораго вмѣсто гребельца получился хохолокъ. Удодъ и по настоящее время розыскиваетъ братьевъ, покрикивая: „Опопъ гюль-тапъ, Усубъ, Насибъ суддй ашы!“ т. е. удодъ! розу найди; Усубъ, Насибъ—молочный супъ. Послѣ того какъ сестра превратилась въ птицу-удода, отцовское богатство, доставшееся ей по наслѣдству, осталось на землѣ, и потому теперь, когда его спрашиваютъ: „Удодъ, гдѣ твое отцовское богатство?“ онъ ударяетъ въломомъ въ землю, желая этимъ какъ бы сказать, что все отцовское богатство осталось на землѣ.

Щурка золотистая (*Merops apiaster* L.) и *зимородокъ голубой* (*Alcedo isipida* L.)—землекопы; они провапываютъ себѣ длинныя ходы въ крутыхъ косогорахъ, по обрывистымъ берегамъ рѣкъ, и расширяютъ задній конецъ прохода въ видѣ нищеры, гдѣ самочка кладетъ яйца. Зимородокъ тамъ остается на зиму, а щурка нѣтъ; она прилетаетъ весной весьма рано, въ началѣ апрѣля, а отлетаетъ на югъ въ среднихъ числахъ октября. Обѣ эти птички отличаются яркостью своего оперенья, которое можно видѣть только у тропическихъ птицъ. Зимородки живутъ парами, а щурки обществами. Въ жаркй солнечный день нерѣдко бываютъ слышны звуки щурокъ, высоко носящихся въ воздухѣ.

Всѣ вышеназванныя мелкия птички, которыя въ продолженіе лѣта населяютъ и оживляютъ наши поля, сады и лѣса, относятся къ многочисленному разряду пѣвчихъ птицъ (*Oscines*). Всѣ онѣ заслуживаютъ не только пощады, но и покровительства, такъ какъ истребляютъ огромное количество вредныхъ насѣкомыхъ, ихъ личинокъ, яицъ, куколокъ и т. п. Кромѣ того, почти всѣ онѣ доставляютъ намъ удовольствіе

*) Удодъ по-татарски называется опопъ или Фатъма-баджи; послѣднее слово въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ „сестра-Фатъма“.

своимъ пѣніемъ. Большая часть изъ нихъ покидаетъ насъ въ началѣ осени, когда дни становятся короче, а ночи прохладнѣе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ видовъ, какъ напр. щегловъ, овсянокъ и др., которыя проводятъ здѣсь и зиму. Онѣ въ это время собираются обыкновенно въ небольшія общества и летаютъ по садамъ, огородамъ и полямъ, при чемъ ведутъ кочевую, или бродячую жизнь.

Теперь перейду къ перечисленію болѣе крупныхъ лѣсныхъ птицъ. Изъ *лазящихъ* (Scansores, Zygodactyli) или *парнопалыхъ* здѣсь водятся: бездомная кукушка и нѣсколько породъ дятловъ.

Обыкновенная кукушка (Cuculus canopus L.) прилетаетъ сюда въ концѣ апрѣля и, какъ перелетная птица, проводитъ у насъ только лѣто; среди тысячи веселыхъ пѣсень, раздающихся въ густой чащѣ лѣса, слышится и ея заунывное кукуванье; она отлетаетъ въ концѣ октября.

Изъ нѣсколькихъ различныхъ видовъ дятловъ, встрѣчающихся на Кавказѣ, здѣсь попадаются три особыхъ вида: *дятель-вертиголовка* (агадж дѣляя, *Jynx torquilla* L.), *зеленый дятель* (*Picus viridis* L.) и *черный дятель* (*P. martius* L.) съ красною макушкой; послѣдній по величинѣ гораздо больше первыхъ двухъ; они водятся въ смѣшанномъ листовенномъ лѣсу Азата (селеніе въ 20-ти верстахъ отъ Елисаветполя). Постукивая по деревьямъ, какъ плотники, дятлы производятъ своеобразную музыку, которая слышится далеко въ лѣсу.

Семейство воронъ (Corvinae) распространено повсюду. Здѣсь можно встрѣтить почти всѣ виды его. Самый большой представитель — *черный воронъ* (дулаш, *Corvus corax* L.). Между мѣстнымъ населеніемъ о немъ ходитъ повѣрье, что будто бы онъ, посмотрѣвши на свое крыло, опредѣляетъ, гдѣ должна находиться падалъ, которою онъ главнымъ образомъ питается. Барканье ворона, по народному понятію, предвѣщаетъ несчастіе. Изъ другихъ воронъ извѣстны: *черная* и *сырая вороны*

(гарга, *Corvus corone* L. и *C. cornix* L.), всѣмъ знакомыя птицы; **грачъ** (таган, *C. frugilegus* L.) во всѣмъ похожій по величинѣ, строенію и образу жизни на сѣрую ворону, только весь онъ чернаго цвѣта и у основанія клюва имѣетъ голую, бѣловатую кожу, которая образовалась отъ частаго всовыванія клюва въ землю при отыскиваніи въ ней пищи; этимъ послѣднимъ признакомъ и карканьемъ грачъ отличается отъ черной вороны. Обѣ эти птицы всеядныя, подобно всѣмъ прочимъ членамъ этой семьи. *Сорока бллобокая* (сагсаган, *Pica caudata* Briss.), очень хитрая, умная и подвижная птица, и *сойка* (*Garrulus glandarius* L.). Послѣдняя одна изъ самыхъ красивыхъ представительницъ этого семейства. Молодая сойка отличается своею способностью перенимать голоса другихъ птицъ; она выучивается говорить нѣсколько словъ и довольно точно подражаетъ голосу человѣка. Всѣ эти птицы живутъ у насъ осѣдло и приносятъ немалую пользу тѣмъ, что уничтожаютъ всякую падаля и, такимъ образомъ, являются одними изъ лучшихъ и естественныхъ оздоровителей города и его окрестностей. Сѣрая и черная вороны вьютъ свои гнѣзда на городскихъ чинарахъ, и вообще любимыми мѣстами ихъ являются небольшія рощи съ высокими, старыми деревьями. Весну и лѣто онѣ проводятъ, большею частью, попарно; осенью живутъ большими стаями и цѣлый день скитаются на поляхъ. Зимой онѣ переселяются въ городъ, гдѣ скитаются въ одиночку, а къ вечеру составляютъ большія сборища, при чемъ долгое время летаютъ надъ городскимъ садомъ, выбирая себѣ удобное мѣсто для ночлега.

Почти одновременно съ прилетомъ пѣвчихъ и другихъ лѣсныхъ птицъ, появляются у насъ въ большомъ количествѣ и ихъ смертельныя враги—*хищныя птицы* (*Rapaces*). Онѣ устраиваютъ свои гнѣзда въ лѣсахъ и скалахъ, гдѣ также поселяются цѣлыя скопища маленькихъ птичекъ, а потому добыча у нихъ всегда имѣется подъ рукою. Вылетаютъ онѣ на свой промыселъ преимущественно утромъ и вечеромъ. Разрядъ хищныхъ,

какъ извѣстно, раздѣляется по образу жизни на двѣ группы: дневныхъ и ночныхъ. Изъ дневныхъ хищныхъ здѣсь попадаются: *орелъ бѣлохвостый* некрупной породы (*Haliaeetus albicilla* L.), *черный коршунъ* (чалаган, *Milvus niger* Briss.), *красный коршунъ*, два вида ястребовъ: *ястребъ-утятникъ* (кырги, *Astur palumbarius* L.) и *ястребъ-перепелятникъ* (*Astur nisus* L.); послѣдній видъ употребляется здѣшними татарами для охоты на перепеловъ и даже курочекъ. Для охоты выбираютъ обыкновенно ровную открытую мѣстность. *Соколы пустыля* (търлан, *Falco tinnunculus* L.) и *соколы-кобыцы*, или *кобычки* (нәрив, *F. vesperinus* L.), небольшія хищныя птицы, чаще другихъ изъ этого семейства собираются въ незначительныя общества, цѣлый день парятъ въ воздухѣ, зорко высматривая себѣ добычу, и, завидя ее, стрѣлою кидаются на нее; у насъ они истребляютъ въ большомъ количествѣ полевыхъ мышей. Прилетаетъ ихъ сюда такое множество, что нѣкоторые даже гнѣздятся подъ крышами жилыхъ домовъ. Правильныхъ перелетовъ они не дѣлаютъ, и только перелетываютъ съ одного мѣста на другое, и потому каждаго представителя этого семейства можно встрѣтить всегда и зимою.

У мѣстныхъ татаръ о ястребѣ и пѣтухѣ есть такой рассказъ:

Однажды ястребъ обратился къ пѣтуху со слѣдующими словами: „Пѣтухъ, почему ты не любишь людей и не слушаешься ихъ, между тѣмъ какъ они тебя любятъ и считаютъ одной изъ умныхъ птицъ? Когда они хотятъ поймать тебя, ты убѣгаешь и всячески стараешься скрыться, перелетая съ одной крыши на другую. А вотъ я, хотя и дикая птица, но, когда меня люди поймаютъ и сдѣлаютъ ручнымъ, слушаюсь ихъ и хожу всегда съ ними на охоту. Если же во время охоты и отлетаю, то по первому же ихъ зову возвращаюсь къ нимъ опять обратно“. На это пѣтухъ отвѣчаетъ ястребу: „Какъ же ты глупъ, какъ я вижу. Если бы ты зналъ цѣль, съ какою они насъ ловятъ, то не сказалъ бы этого и, очу-

тившись на моемъ мѣстѣ, не только перелеталъ бы съ крыши на крышу, а улетѣлъ бы совсѣмъ за высокія горы, чтобъ только съ глазъ долой и скрыться отъ людей. Вѣдь, тебѣ извѣстно, кажется, что жареныхъ ястребовъ еще никогда не видали, а пѣтуховъ—очень часто“.

Ко второй группѣ хищныхъ, какъ я уже упомянулъ раньше, относятся *ночныя хищныя* (raptatores nocturni); ихъ попадается пять различныхъ видовъ. Изъ нихъ особенно заслуживаетъ вниманія огромной величины *филинъ* (япалаг, байкуш, Strix Vubo, Vubo maximus L.), достигающей до 2-хъ футовъ вышины. Весной онъ даетъ о себѣ знать очень громкимъ, глухимъ и далеко слышнымъ крикомъ „бугу“. Въ лунныя ночи, онъ кричитъ чаще, нежели въ темныя; крикъ его какъ-то зловѣще раздается по лѣсу. На ряду съ такимъ огромнымъ представителемъ этого семейства, можно встрѣтить очень маленькихъ совъ, напримѣръ *сыча-малютку* (Glaucidium passerinum L.), который величиною немного больше дрозда.

Съ первыхъ чиселъ апрѣля и въ продолженіе всего лѣта сычи эти ведутъ между собою по ночамъ переключку съ вершинъ чинаровъ, напоминая переключку ночныхъ сторожей.

Совы остальныхъ видовъ получаютъ свое названіе отъ мѣстности, гдѣ онѣ, большею частью, проводятъ время. Такъ, различаются: *сова льсная, болотная* (байкуш, Strix brachyotus L.) и *степная*, или *сырая неясыть* (Syrnium aluco L.).

Еще изъ ночныхъ хищниковъ часто здѣсь встрѣчается *луна полевой* (Strigiceps syaneus L.); онъ всегда держится недалеко отъ болотъ и, летая низко надъ землей, ловитъ зазѣвавшихся мелкихъ птичекъ.

Ночной образъ жизни совъ, ихъ вѣшній непривлекательный видъ и въ особенности ихъ неблагозвучный голосъ, способствуютъ возникновенію нерасположенія къ нимъ и служатъ поводомъ къ преслѣдованію ихъ, котораго онѣ вовсе не заслуживаютъ. Своимъ особеннымъ крикомъ, раздающимся въ

ночное время и напоминающимъ голосъ чловѣка, онѣ сдѣлались предметомъ многихъ вымышленныхъ разсказовъ и предзнаменованій. Вотъ нѣкоторыя изъ повѣрій о нихъ елисаветпольскихъ татаръ и армянъ:

Жили давнымъ-давно братъ да сестра. Родной-матери у нихъ не было, а была мачеха. Разъ она приказываетъ имъ погнать воловъ на пастбище. Братъ съ сестрою тотчасъ же послушались приказанія мачехи и погнали воловъ въ поле. Воли паслись, а братъ и сестра разговаривали между собою и до того увлеклись своимъ разговоромъ, что забыли про воловъ, которые паслись недалеко отъ нихъ. Вотъ они вглянули: воловъ нѣтъ! Бросились искать туда, сюда... нѣтъ: волы пропали! Со слезами на глазахъ возвратились они домой. Мачеха спрашиваетъ, о чемъ они плачутъ и почему пришли одни. не пригнавъ съ собою воловъ? Какъ только она узнала, что волы пропали, она въ сердцахъ сильно побила ихъ и сейчасъ же послала назадъ, строго приказавъ имъ, чтобъ волы непременно были найдены и приведены домой, въ противномъ случаѣ пусть и сами они не показываются ей на глаза. Съ грустью, понуривъ головы, пошли братъ съ сестрой искать воловъ. Идутъ они молча, а слезы такъ и катятся по ихъ лицамъ. Шли очень они долго, но воловъ никакъ не могли найти. Наконецъ они остановились и порѣшили искать воловъ врозь: братъ долженъ былъ итти подъ одну гору и все время спрашивать: „гтарь? т. е. наша“, а сестра должна была отвѣчать: „вочъ—нѣтъ!“ и искать подъ другой горой. Долго они искали, но поиски ихъ оказывались тщетными: воловъ не было. Боясь возвратиться къ мачехѣ безъ воловъ, они стали просить Бога, чтобъ Онъ превратилъ ихъ въ птицъ. Желаніе ихъ сбылось: Богъ превратилъ ихъ въ совъ, которыя и до сихъ поръ разыскиваютъ воловъ и теперь еще одна спрашиваетъ: „гтарь?“, а другая отвѣчаетъ: „вочъ!“

У мусульманъ существуетъ разсказъ на библейскій мотивъ объ Іаковѣ и его двѣнадцати сыновьяхъ.

Узнавъ о пропажѣ своего любимата сына Иосифа, Яковъ призвалъ къ себѣ двухъ слугъ: Усубъ и Насибъ и послалъ ихъ разискать Иосифа. Слуги долго искали его, но найти не могли; тогда они обратились съ молитвой къ Богу, проси́ Богу даровать имъ крылья: летая, они надѣялись отыскать Иосифа. Богъ исполнилъ ихъ молитву. Получивъ крылья, они поднялись на воздухъ, и чтобы не потерять другъ друга, стали перекликаться между собою: Усубъ? Насибъ? Усубъ? Насибъ?...

Подобные же рассказы, съ небольшими измѣненіями; пытающіеся объяснить этотъ одиобразный и заунывный сюжетъ двухъ ночныхъ птицъ, существуетъ и между другими инородцами Кавказа. Вообще ночныя птицы дали большій матеріалъ для народной фантазіи, такъ, что суевѣрія и рассказы о нихъ существуетъ очень много. Такъ, напримеръ, татары считаютъ филина мудрейшей изъ всѣхъ птицъ и бекомъ ихъ *). Филинъ въ первоначальное время, по сказанію татаръ, былъ домашнею птицею, но когда замѣтилъ, что люди стали убивать пророковъ, онъ удалился отъ нихъ, боясь чтобы они и его не убили. Удалившись отъ людей, онъ сталъ жить подъ кровлями заброшенныхъ зданій, въ старыхъ байнахъ, въ развалинахъ сивль и т. п. Такъ какъ любимымъ мѣстамъ филина служить развалины, то однажды люди спросили его: «чего на свѣтъ больше: развалинъ или строеній?» — «Развалинъ», отвѣчалъ онъ: «потому что со временемъ всѣ строенія превратятся въ развалины» — «А коро больше на свѣтъ: мужчинъ или женщинъ?» — «Женщинъ, потому что мужчины, которые слушаются женщинъ, тоже женщины».

Крикъ филина, по повѣрью мусульманъ, предвѣщаетъ то зло, то добро. Когда онъ кричитъ надъ домомъ, то хозяева, во избѣжаніе несчатья, выставляютъ ему въ деревянномъ судѣ равныя лавкиства.

Теперь остается еще упомянуть о птицахъ, составивъ

*) Татарское названіе филина „бай-куш“ означаетъ бекъ-птица.

ющихъ главный предметъ охоты здѣшнихъ охотниковъ-любителей и промышленниковъ.

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, когда большая часть пернатыхъ занята высидиваніемъ яицъ, прилетаетъ къ намъ для той же цѣли *перепелъ* (бильдирчин, *Coturnix coturnix* Вопп.). Нужно замѣтить, что они у насъ бываютъ не всегда въ одинаковомъ количествѣ: иной годъ много, другой — совсѣмъ мало. Задорные крики самцовъ: «пить-полоть, пить-полоть» радуютъ сердце истого охотника. Весною на перепеловъ обыкновенно не охотятся, какъ и на всякую другую дичь, когда она въ порѣ любви и размноженія. Охота, разрѣшенная правительствомъ, начинается 15-го іюля и продолжается до самаго отлета перепеловъ, т. е. до октября мѣсяца. Случается здѣсь нерѣдко видѣть перепеловъ и зимою.

Вмѣстѣ съ перепеломъ летитъ также и его спутникъ *дергачъ* или *коростель* (ельба, *Stex pratensis* Bechst.). Это очень хитрая и проворная птица. Она бѣгаетъ такъ скоро, что легко можетъ скрыться отъ преслѣдованія собакъ, отъ которыхъ онъ прячется въ сырыхъ мѣстахъ, поросшихъ густой травой.

Осень самая лучшая пора для охотника; въ это время большая часть птицъ покидаетъ гнѣзда, и молодые выводки, руководимые родителями, показываются всюду.

Разрядъ *куриныхъ* (*Gallinae*), или *скребуциныхъ* (*Rasores*) болѣе другихъ преслѣдуется охотниками, во-первыхъ, потому что курей стрѣлять легче, а, во-вторыхъ, — охота на нихъ гораздо прибыльнѣе, чѣмъ охота на такую мелкую дичь, какъ бекасъ, или гаршнекъ, которые, по мнѣнію охотника-промышленника, и заряда пороху не стоятъ. Самый большой и красивый представитель этого семейства *калхійскій*, или *обыкновенный фазанъ* (быргавул, *Phasianus colchicus* L.). Онъ составляетъ гордость той мѣстности, гдѣ поселился. Летитъ ли фазанъ, или сидитъ, можно съ полнымъ правомъ сказать, что это одна изъ граціознѣйшихъ птицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — самая красивая по опе-

ренью. Лучшая охота на фазановъ—это часъ или два послѣ восхода солнца, когда они выходятъ изъ камышей на ближайшія поля, засѣянные чалтыкомъ (рисомъ) или пшеницей. Въ полдень они скрываются въ чащу непроходимаго кустарника или камыша, гдѣ сидятъ, такъ притаившись, что самая хорошая собака и та не въ состояніи ихъ оттуда выгнать. Вечеромъ, часовъ около пяти или шести, ихъ опять можно встрѣтить на тѣхъ же ближайшихъ жнивяхъ. Зимомъ, при недостаткѣ своей обычной пищи, фазаны питаются жолудями.

Сюда же относятся еще слѣдующіе виды: *старая куропатка* (чиль, *Starna cinerea* L. *) складомъ своимъ и опереньемъ очень похожа на перепела, только она гораздо больше его; *юрная курочка* (кѣклик, *Perdix chusag* Gray.), которая своимъ крикомъ оживляетъ наши холмы и горы, и наконецъ *турачъ*.

На этой птицѣ, какъ принадлежащей, главнымъ образомъ, только этой мѣстности, я остановлюсь немного дольше.

Турачъ (турач, *Attagen francolinus* L.) по величинѣ больше горной курочки. По свѣтло-коричневому полю разбросаны черныя перья съ бѣлыми каемками. У самца вся грудь черная и вокругъ шеи темно-коричневый ободокъ. Эти птицы осѣдлыя, какъ и вообще все это семейство. Живутъ турачи на поляхъ и лугахъ, держась по близости воды около кустарниковъ и камышей. Густыхъ лѣсовъ они избѣгаютъ, на деревья не садятся. Когда они бываютъ испугнуты, то рѣдко садятся на поле, а стараются добраться до мѣстъ болѣе безопасныхъ: до кустовъ и камышей. Турачи въ холодныя и снѣжныя зимы, когда трудно бываетъ отыскать кормъ, приближаются къ деревнямъ и залетаютъ въ саманники, гдѣ ихъ ловятъ тогда безъ всякаго труда. Птица эта очень нѣжная и холодныхъ, суровыхъ зимъ не выноситъ. Водится она исключительно въ Елисаветпольской губерніи и частью въ Бакинской, т. е. по сред-

*) *Perdix cinerea* Briss.

нему и нижнему течению Буры. Гнѣзда ихъ безыскусственны и помѣщаются на землѣ, почему во время весенняго слѣваго размыва рѣкъ и рѣчекъ ихъ истребляется огромное количество. Наши охотники-промышленники являются недримирными врагами этой птицы, и если только не будутъ приняты надлежащія мѣры къ дѣлу охраненію, то въ недалекомъ будущемъ дѣль грозитъ совершенное истребленіе.

Мѣстные татары слѣдующимъ образомъ выражаютъ весеннее токованіе турача:

Туранъ всегда поеть:
 Дить-диди дить-диди!
 Охъ меня поймають,
 На вертелѣ сжарять.
 Дить-диди, дить-диди!
 Мое мясо съѣдятъ,
 Мои кости бросать.
 Дить-диди, дить-диди!

Голуби прилетаютъ къ намъ очень рано; они подобно отряду кудринныхъ любятъ жизнь общественную и скитаются по полямъ стаями, хотя гнѣздованіе совершается строгимъ образомъ одною четкою. Самый малый и пѣвнѣй видъ этого семейства *горлица* (огрин, ала-бахта, *Turtur auritus* Bay.); затѣмъ слѣдуетъ *сизый голубь* (сѣгәрчиш, *Columba livia* Bris.) и *вютюень*, или *ясирь* (*Palumbus torquatus* Aldr.). Въ концѣ лѣта они сильно преслѣдуются ружейными охотниками, которые выждаютъ ихъ днемъ на крайникѣ деревьевъ лѣса или рощи, но близости тѣнучей воды, куда они прилетаютъ на водной. На зиму горлица и вютюень перелетаютъ отъ насъ въ болѣе теплыя страны въ поискахъ за зимнимъ пристанищемъ, причемъ горлица улетаетъ раньше вютюеня; сизый же голубь въ небольшомъ количествѣ остается здѣсь зимовать; онъ селится по крутымъ и обрывистымъ берегамъ Ганжинки. Время отлета—октябрь, въ который какъ голуби, такъ и большинство

здѣшнихъ птицъ покидаютъ наши поля и лѣса и улетаютъ въ страны съ болѣе мягкой зимою.

Всѣмѣнь пѣвчикъ и другіихъ лѣсныхъ птицъ, сюда прилетаютъ съ сѣвера птицы болотныя и степныя. Нѣкоторыя изъ нихъ остаются здѣсь на зиму, другія же летать дальше, въ болѣе теплыя страны.

Въ послѣднихъ числахъ августа, или въ началѣ сентября, на нашихъ лѣсныхъ болотахъ и мочаженикахъ появляются бекасы. Прежде другіихъ видовъ прилетаетъ *бекасъ-баранекъ* (*Scolorax gallinago* L.). Во время весенняго и осенняго пролета ихъ бываетъ очень много; вслѣдствіе этого они вылетаютъ по нѣскольку штукъ разомъ. Охота на нихъ трудная: отъ охотника требуются качества мѣткого стрѣлка. Полетъ ихъ быстръ и красивъ, какъ ни у одной изъ птицъ. При полетѣ дѣлаютъ они граціозныя зигзаги. Срываясь, бекасъ кричитъ «сокниръ, сокниръ».

Почти одновременно съ бекасомъ прилетаетъ, но въ крайне маломъ количествѣ *иринка* (*S. gallinula* L.); это тотъ же бекасъ, какъ по устройствѣ тѣла, такъ и образу жизни, но только по величинѣ въ два раза менѣе послѣдняго.

Немного позже, въ половинѣ или въ концѣ октября, появляется и *мѣсной бекасъ*, или *вальдинка* (*S. rusticola* L.), любимая дичь всѣхъ охотниковъ. Прилетѣвъ, онъ останавливается на вѣвторое время по опушкамъ лѣса, а затѣмъ спускается и къ намъ въ сады. Поднятый, онъ взлетаетъ, сильно хлопая крыльями, что непріятно дѣйствуетъ на нерви впечатлительнаго охотника и заставляеть часто дѣлать промахи. Вальдинка здѣсь иногда можно встрѣтить и зимою: это такъ называемыя отсталые по какимъ-либо причинамъ; они при весеннемъ обратномъ пролетѣ вальдиншоповъ снова присоединяются къ своимъ товарищамъ.

Дупель (*S. majus* L.) прилетаетъ позже прочихъ видовъ бекасовъ и вообще здѣсь является весьма рѣдкимъ гостемъ.

На весеннемъ пролетѣ онъ у насъ бываетъ въ среднихъ числахъ апрѣля, а на осеннемъ—во второй половинѣ октября. Стоянка, какъ на первомъ, такъ и на второмъ пролетѣ, продолжается не болѣе недѣли. Охота на дупеля гораздо легче, чѣмъ охота на бекаса, не потому только, что онъ больше его, но также потому, что полетъ у него тяжелъ и менѣе быстръ и извилистъ. Изъ другихъ болотныхъ птицъ можно часто вспугнуть изъ камышей *спрую цаплю* (дурна, *Ardea cinerea* L.). Случается также видѣть, какъ расхаживаетъ по болоту, отыскивая добычу, *бѣлая цапля* (*Arde. alba* L.). Весьма обыкновенна также и *малая бѣлая цапля* (*Arde. nivea* Gm.), которая ходитъ, внимательно выслѣживая на болотѣ лягушекъ и улитокъ. Иногда съ крикомъ „ки-ги“ носится надъ болотомъ *чибисъ-пчелица* (*Vanellus cristatus* L.), мѣрно и плавно разсѣвая воздухъ по всѣмъ направлѣнiямъ. Весною по ночамъ раздается громкiй, короткiй рычащiй звукъ—это звукъ *выти*, или *водяною быка* (*Ardea stellaris* L.). Она тоже относится къ семейству цапель, но только ведетъ жизнь ночную. Здѣсь встрѣчаются два вида выпи: *большой выть* и *малый*, или *красный* (*Ardea stellaris* L.).

Въ густой травѣ по берегамъ Ганжники живетъ уединенно *водяной пастушокъ* (*Rallus aquaticus* L.), а также и *камышница зеленоногая*, или *чортова курица* (*Gallinula chloropus*). Обѣ эти птицы очень пугливы, бѣгаютъ хорошо и летаютъ плохо и недалеко; пролетѣвъ нѣсколько шаговъ, онѣ поскорѣе стараются сѣсть въ густой камышъ.

Изъ *куликовъ* (джюнг) можно нерѣдко наблюдать *малую крошквену* (*Numenius phaeopus* L.), появляющагося здѣсь весной и осенью на пролетѣ, и *береговика* (*Actitis hypoleucos* L.), съ его нераздѣльнымъ спутникомъ *чернышомъ* (*Totanus ochropus* L.), который съ пискливымъ крикомъ то и дѣло перелетаетъ съ одного берега на другой.

Съ наступленiемъ зимы начинается охота на утокъ и

стрепетовъ; послѣдніе прилетаютъ въ концѣ осени; иногда дѣлая тучи ихъ носятся на нашихъ поляхъ и, смотря по погодѣ, если она теплая, то остаются здѣсь на болѣе продолжительное время, если же холодная, то улетаютъ далѣе на югъ, а затѣмъ чрезъ нѣкоторое время вновь возвращаются, и такимъ образомъ кочуютъ всю зиму, перелетая съ одного мѣста на другое. Съ наступленіемъ весны птицы эти окончательно покидаютъ наши поля и улетаютъ на сѣверъ, гдѣ они гнѣздятся и выводятъ дѣтей. *Стрепетъ* (*Otis tetrah L.*), въ высшей степени осторожная птица, садится обыкновенно въ такихъ мѣстахъ, откуда издали уже можетъ видѣть приближеніе опасности. Охота на нихъ, а также и на *дроухъ* (*Otis tarda L.*), относящихся, какъ и первые, къ семейству куриноголенастыхъ и прилетающихъ почти одновременно съ первыми, производится послѣ проливнаго дождя, такъ какъ въ то время перья у нихъ такъ сильно намокаютъ, что они съ трудомъ перелетаютъ небольшія пространства.

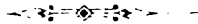
Почти одновременно со стрепетами прилетаютъ на наши лягскія болота и озера *утки* самыхъ разнообразныхъ породъ; нѣкоторыя изъ нихъ останавливаются здѣсь только для отдыха, чтобы потомъ, набравъ новыхъ силъ, продолжать свой путь далѣе къ берегамъ Каспія; другія остаются у насъ до весны. Эти послѣднія питаются или на поляхъ, засѣянныхъ озимыми хлѣбными растеніями, или же отыскиваютъ себѣ пищу на незамерзающихъ канавахъ и проточинахъ родниковой воды. Случается, что утки залетаютъ въ лѣсъ, и, не найдя тамъ болѣе подходящей для себя пищи, питаются даже жолудями. Здѣсь можно встрѣтить слѣдующіе виды плавающихъ птицъ: *крякву* (ѣрдак, *Anas boschas L.*), прародительницу нашей домашней утки; *чирка-трескунчика* (*Pterocyanea querquedula L.*), *чертушку* (*Fuligula cristata Ray.*), *крахалю-мутку* (*Mergellus albellus L.*), *крахалю-большого* (*Mergus merganser L.*), *нырка-юля* (*Glaucion clangula L.*), *малую казарку* (*Anser minutus*

Нашп.), баклана (Сагво) и *изару* (гу). Охота на утокъ у насъ производится или рано утромъ на разсвѣтѣ, или же на вечерней перелетѣ, когда онѣ предъ заходомъ солнца слетаются съ пастбищъ на ночлегъ къ водѣ. Раннею весною онѣ обратно улетаютъ отъ насъ на сѣверъ къ себѣ на родину.

Этимъ послѣднимъ перечисленіемъ плавающихъ птицъ я заканчиваю свой краткій обзоръ класса птицъ, обитающихъ въ Елисаветполѣ и его окрестностяхъ постоянно, несмотря даже на самые холодные мѣсяцы года, и бывающихъ здѣсь временно пролетомъ. Прослѣдивъ постепенно отъ начала весны и до конца зимы воѣхъ представительницъ этого класса, нужно замѣтить, что онѣ здѣсь весьма многочисленны и разнообразны. Везде, гдѣ бы ни приходилось быть человеку, онъ всегда имѣетъ возможность, видѣть или слышать птицъ, самыхъ разнообразныхъ породъ.

Учитель Елисаветпольскаго ремесленного
училища *В. Емельяновъ*.

Г. Елисаветцоль
1895 года.

ВОСПОРЪ КИММЕРІЙСКІЙ

въ эпоху

СПАРТОКИДОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ составленію настоящаго сочиненія, считаю нелишнимъ сказать, что главною задачею я поставилъ себѣ прослѣдить политическую исторію Воспора Киммерійскаго въ эпоху Спартокидовъ, только вкратцѣ упомянувъ о народахъ, подчиненныхъ Воспору, о городахъ и религіи.

Скудость матеріала, находящагося въ источникахъ, отрывочность извѣстій, дошедшихъ до насъ отъ древнихъ авторовъ, подчасъ впадающихъ въ заблужденіе, какъ напр. Діодоръ Сицилійскій, одинъ изъ главныхъ авторовъ по данной эпохѣ, не позволили мнѣ подробно изложить постепенный ходъ исторической жизни на Воспорѣ. Особенно же дѣлается оцутительнымъ недостатокъ источниковъ со Спартока IV до Перисада IV-го, послѣдняго представителя Спартокидовъ, когда главными путеводителями въ исторіи Воспора служатъ надписи, монеты или только намеки древнихъ авторовъ.

При составленіи этой работы я главнымъ образомъ пользовался слѣдующими трудами новыхъ ученыхъ:

П. П. Сабатье. Керчь и Воспоръ, С.-Петербургъ 1851 г.

А. Ашигъ. Воспорское Царство, Одесса 1848 г.

Г. Спасскій. Босфоръ Киммерійскій, Москва 1846 г.

„ Археолого-Нумизматическій Сборникъ, Москва 1850 г.

В. Григорьевъ. Цари Воспора Киммерійскаго, С.-Петербургъ 1851 г.

Муравьевъ-Апостоль. Путешествіе по Тавридѣ, С.-Петербургъ 1823 г.

M. Raoul-Rochette. Antiquités grecques du Bosphore Cimmérien, à Paris 1822.

А. Schäfer. Demosthenes und seine Zeit, Leipzig 1856.

„ Athenischer Volksbeschluss zu Ehren der Söhne Leukons von Bosphoros.

А. Орѣшниковъ, Босфоръ Киммерійскій, Москва 1884 г.

Compte rendu de la commission impériale archéologique—
ан. 1878/79, 1880, 1874, 1865, 1875, 1872, 1877.

Boeck. Corpus inscriptionum Graecarum.

Dittenberger. Corpus inscriptionum Atticarum.

M. Thirion. De civitatibus, quae a Graecis in Chersoneso Taurica conditae fuerunt, Nanceii 1884.

Dittenberger. Sylloge inscriptionum Graecarum, Lipsiae 1883.

В. В. Латышевъ. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, С.-Петербургъ 1885 г.

Мищенко. „Торговя сношенія Аѣинской республики съ царствомъ Воспорскимъ“—отдѣльный оттискъ изъ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій“—за 1878 г.

В. В. Латышевъ. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Volumen secundum, Petropoli 1890.

Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей, Одесса. Т. IV, отдѣленіе 1-е 1858, Т. III 1852, Т. VI 1867, Т. IX 1875.

Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго русскаго археологическаго общества. Т. IV, С.-Петербургъ 1887.

Нейманъ. Die Hellenen im Skythenlande, Berlin 1855.

Глава I-ая.

О народахъ Воспора Биммерійскаго.

Въ Азiи въ VI-мъ в. до Р. Х. образовалась сильная персидская монархiя, которая быстро расширила свои границы на западъ до Еллиспонта, Пропонтиды и Эгейскаго моря. Греческія колонiи, лежавшія по западному берегу нынѣшней Малой Азiи, не будучи въ силахъ сдержать движеніе персовъ на западъ, должны были подчиниться ихъ власти. Греки, считавшіе себя выше другихъ народовъ, въ которыхъ они видѣли только варваровъ, съ неудовольствіемъ переносили эту зависимость отъ персовъ; кромѣ того, присоединились еще нѣкоторыя несправедливости со стороны побѣдителей, слѣдствіемъ которыхъ было неудачное возстаніе малоазійскихъ грековъ противъ своихъ поработителей. Жители нѣкоторыхъ греческихъ городовъ Малой Азiи, опасаясь жестокаго наказанія за свое возмущеніе, а также не желая оставаться въ рабствѣ у варваровъ, оставляли свою родину и искали новыхъ мѣстъ для поселеній, по большей части, на берегахъ Понта Евксинскаго. Съ этого времени и начинается на немъ особенное оживленіе, благодаря которому стали выступать на историческое поприще новые народы, жившіе по берегамъ этого моря. До этого времени о мѣстахъ и народахъ, находившихся по берегамъ Понта Евксинскаго, мы имѣли отрывочныя указанія у Омира, Діодора Сицилійскаго и Иродота.

Діодоръ, передавая мнѣ о походѣ аргонавтовъ въ Колхиду, между прочимъ говоритъ, что по одному разсказу, Иасонъ со своими спутниками прибылъ въ Таврикъ, гдѣ впослѣдствіи Ифигенія была жрицей Артемиды ¹⁾.

Эта Таврика, или, какъ еще иначе называли ее древніе, Херсонисъ Таврическій, по свидѣтельству Плинія ²⁾, была нѣ-

¹⁾ Diodor. Sicul. lib. IV c. 44.

²⁾ Plini Secundi. Ed. Ianus, Lipsiae 1854. p. 174. T I. lib. IV c. 85.

когда островомъ и только послѣ соединилась узкимъ перешейкомъ съ материкомъ, что доказывается и Thirion ¹⁾, принимая во вниманіе устройство этой страны.

Херсонисъ Таврическій образуетъ три большихъ полуострова, изъ которыхъ одинъ, выдающійся въ южной части Херсониса, носилъ названіе Κροῖο ῥήσιον и, по словамъ Стравона ²⁾, отстоялъ отъ противоположнаго ему мыса Малой Азіи Κάραμβης на 2500 стадіевъ; на западъ отъ него находился другой полуостровъ Παρθένιον ³⁾, а къ востоку—третій, который древніе называли τραχέϊαν Χερρόνησον; онъ отдѣлялся отъ берега Азіи узкимъ проливомъ—Воспоромъ Киммерійскимъ, который соединяетъ Понтъ Евксинскій съ Мэотидой.

Поверхность Херсониса Таврическаго въ южной части гориста, при чемъ горы круто спускаются къ морю и, постепенно понижаясь внутрь страны, переходятъ въ низменность, омываемую заливомъ Каркинитскимъ съ западной и Гнилымъ болотомъ съ восточной стороны перешейка. Вся низменная часть Херсониса, пересекаемая маленькими, несудоходными рѣками, по словамъ Стравона ⁴⁾, была очень плодородна.

Самымъ древнимъ народомъ, поселившимся въ Херсонисѣ Таврическомъ и на сѣверномъ берегу Понта Евксинскаго, по мнѣнію грековъ, были киммерійцы, по имени которыхъ и самый Воспоръ былъ названъ Киммерійскимъ; у нихъ былъ городъ Киммериконъ (Κιμμερικόν), защищаемый со стороны перешейка отъ материка вромъ и валомъ ⁵⁾.

Нельзя съ точностью указать то время, когда и откуда киммерійцы переселились на Воспоръ, но во всякомъ случаѣ

¹⁾ M. Thirion. De civitatibus, quae a Gr. in Chers. Taur. conditae fuerunt, p. 8.

²⁾ Strab. lib. II c. V § 15. Editio Mülleri, Парижъ 1853 г. (въ скобкахъ на 1500 стадіевъ).

³⁾ Strab. lib. VIII c. IV.

⁴⁾ Strab. lib. VII c. V § 6.

⁵⁾ Strab. lib. XI c. II § 5.

раньше появленія пѣсенъ Омира, такъ какъ они упоминаются уже Омиромъ ¹⁾, какъ люди, живущіе въ вѣчномъ мракѣ. Только спустя около трехъ вѣковъ послѣ Омира, у древнихъ авторовъ попадаются болѣе подробныя указанія о народахъ, живущихъ какъ въ самомъ Херсонисѣ, такъ и по сѣверному берегу Понта Евксинскаго.

Въ VI-мъ и VII-мъ вв. къ сѣверному берегу Понта Евксинскаго устремился изъ Азіи новый народъ—скиѳы, которые называли себя сколотами ²⁾.

Киммерійцы, не будучи въ состояніи бороться съ сильнымъ врагомъ, покинули свои земли и, преслѣдуемые скиѳами, черезъ Кавказскія горы прошли въ Азію ³⁾; эту страну они сильно опустошили, при чемъ взяли и Сарды, за исключеніемъ агрополя, при царѣ лидійскомъ Ардисѣ ⁴⁾ (VII в.); но при Аліатѣ они снова были изгнаны изъ Азіи ⁵⁾. Послѣ этого дальнѣйшихъ упоминаній объ этомъ народѣ мы не встрѣчаемъ. Однако слѣды киммерійцевъ на Херсонисѣ Таврическомъ остались. Иродотъ ⁶⁾ говоритъ: „и теперь еще въ Скиѳіи есть киммерійскія стѣны, киммерійская переправа, страна по имени Киммерія и Воспоръ Киммерійскій“.

Потомъ на Херсонисѣ являются тавры, народъ неизвѣстнаго происхожденія. Thirion ⁷⁾, вопреки Стравону ⁸⁾, который относитъ ихъ къ скиѳамъ, считаетъ тавровъ не скиѳами, а оставшимися киммерійцами на томъ основаніи, что Иродотъ ⁹⁾ рѣзко отличаетъ ихъ отъ скиѳовъ.

1) Homeri Odys. XI v. 13 et sqq.

2) Diodor. Sicul. lib. II c. 43 (τὸ μὲν οὖν πρῶτον παρὰ τὸν Ἀράξην πεταμὸν ἄλλοι καταφύουσι) и Herodot. lib. IV c. XI.

3) Herodot. lib. IV c. I.

4) Ibid. lib. I c. XV.

5) Ibid. lib. I c. XVI.

6) Ibid. lib. IV c. XII.

7) Thirion. De civit., quae a Gr. in Chers. Taur. c. fuerunt, p. 14.

8) Strab. lib. VII c. IV.

9) Herodot. lib. IV c. 99—103.

Изъ скиѣскихъ племень, обитавшихъ по сѣверному берегу Понта Евксинскаго отъ рѣки Истра до Тира и отъ Тира до Танаиса, мы упомянемъ только тѣ племена, которыя были сосѣдями воспоранцевъ и входили въ какия-нибудь съ ними сношенія. Во-первыхъ, мы назовемъ скиѣовъ-номадовъ, которые, перейдя Араксъ, завладѣли землями киммерійцевъ; далѣе упоминаются *Σκῦθαι ἀροτῆρες*, сѣявшіе хлѣбъ для продажи; *Σκῦθαι γεωργοί* и наконецъ—скиѣи царскіе, которые, съ одной стороны, граничили съ Херсонисомъ Таврическимъ, а съ другой—съ Танаисомъ. Послѣдніе были самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ скиѣскихъ племень, которыя они считали себѣ подвластными.

Теперь нужно сказать нѣсколько словъ о народахъ, жившихъ на азіатской сторонѣ Воспора, подвластныхъ Спартокидамъ. Во-первыхъ, мы назовемъ мѣотовъ.

Мѣоты у древнихъ авторовъ имя собирательное ¹⁾; Стравонъ ²⁾ къ нимъ относитъ синдовъ, дандаріевъ, торетовъ и много другихъ мелкихъ народовъ.

Синды (*Σινδοί*), вѣроятно, переселились изъ Мидіи или Персіи, такъ какъ Синдъ была область около Вактріаны. Границы ихъ простирались отъ озера Мѣотиды до Горгиіи и Ваты, гдѣ было выстроено много греческихъ городовъ. Кромѣ Стравона, о нихъ упоминаетъ также Мела ³⁾ подъ именемъ *Sindones* и Діонисій Періегитъ ⁴⁾.

На возвышенности къ югу отъ синдовъ и къ сѣверу отъ ниюховъ, отъ Кубани до Черныхъ горъ, жили *тореты* ⁵⁾, владѣнія которыхъ простирались до Чернаго моря.

1) Appian. De bello Mithridatico c. CII p. 260, edit. Didot, Parisii 1850.

2) Strab. lib. XI c. II § 11.

3) Pompon. Mela p. 30, edit. Partey 1867.

4) Dionys. Perieget. v. 680. *Σαυρομάτας δ' ἐπέχουσι ἐπασσότεροι γεγαῶτες Σινδοί, Κιμμέριοί τε καὶ οἱ πέλας Εὐξείνιο Κερκίται, Τορέται τε καὶ ἀλκήμεντες Ἀχαιοί.*

5) Plini. Historia Naturalis lib. VI c. 5 § 17, edit. Ianus, Lipsiae 1855 (Oretae).

Третій народъ *дандаріи*, какъ можно судить по словамъ Стравона ¹⁾, жили недалеко отъ Кубани (Ἰτανίς).

Тацитъ ²⁾ помѣщаетъ ихъ по сосѣдству съ Воспорскимъ царствомъ и говоритъ, что они имѣли своихъ царей. Плутархъ ³⁾ говоритъ, что дандаріи жили около Мэотиды.

Ашикъ ⁴⁾ говоритъ, что Плиній смѣшиваетъ эти два народа, т. е. мэотовъ и дандаріевъ, и полагаетъ, что дандаріи жили на Кавказѣ. Мнѣ кажется, едва ли можно такъ толковать текстъ Плинія (см. примѣчаніе ⁵⁾), какъ толкуетъ его Ашикъ; скорѣе можно подумать, что Плиній относитъ дандаріевъ не къ мэотамъ, а къ сарматамъ и помѣщаетъ ихъ далеко отъ предѣловъ Воспорскаго царства; однимъ словомъ, Плиній хотя и неточно указываетъ на мѣстожителство дандаріевъ, но во всякомъ случаѣ трудно согласиться съ Ашикомъ, что онъ смѣшиваетъ ихъ съ мэотами и полагаетъ, что они жили на Кавказѣ.

Четвертымъ народомъ въ Азіи, повиновавшимся Спартокидамъ, были *оатеи* (Θατείς), обитавшіе около Мэотиды по рѣ-

Idem Strab. lib. XI c. II § 11 *Τορέται*.

Scylax p. 31 (74) *Τορέται*.

Boeck. Corpus inscriptionum Graecarum № 2117 и др. *Τορετών*.

1) Strab. lib. XI c. II § 11, 13 sq. *Φαρνάκης δὲ ποτε καὶ τὸν Ἰτανιν τοῖς Δανδαρίοις ἐπαγαγεῖν λέγεται διὰ τινος παλαιᾶς διώρυγος ἀνακαθάρας αὐτὴν (καὶ) κατακλῦσαι τὴν χώραν.*

2) Tacit. Annal. lib. XII c. 15. edit. Nipperdey.

3) Plutarch. Vita Luculli c. XVI (*Δαρδάρει*).

4) Ашикъ «Воспорское Царство» p. 15.

5) Plini Hist. Natur. lib. VI c. 7 § 19. A Cimmerico adcolunt Maeotici, Hali, Serni, Serrei, Cizi, Gnissi (другіе читаютъ Psesi). Dein Tanain amnem gemino ore influentem incolunt Sarmatae, Medorum (ut ferunt) suboles, et ipsi in multa genera divisi. Primi Sauromatae Gynaecocratumenoe, Amazonum connubia. Dein Nevazea, Coitae, Cizi, Messeniani, Cotobachi, Cetae, Zigae, Tindari (др. читаютъ Dandarii), Thyssagetae, Iyrcae, usque ad solitudines saltuosissimas convallibus asperas, ultra quas Arimphaei, qui ad Rhiphaeos pertinent montes.

въ *Θάτης*, о которой упоминаетъ Діодоръ ¹⁾. Помпоній Мела ²⁾ въ своемъ сочиненіи „Описаніе земли“ говоритъ, что *Thaetaës* жили по берегу Мэотиды между другими мэотскими племенами, въ которыхъ онъ относитъ и ватеевъ.

Въ надписи № 2134 ³⁾ встрѣчается имя народа *Ψηροῶν* (псиисы), подвластнаго Леввону.

Этотъ народъ Плиній ⁴⁾ относитъ къ мэотамъ и помѣщаетъ его, по всей вѣроятности, недалеко отъ рѣки Танаиса. Можно навѣрное сказать, что этотъ народъ во времена Спартокидовъ жилъ по сосѣдству съ государствомъ Воспорскимъ.

Нужно замѣтить, что границы на азиатской сторонѣ Востора не были постоянны, а часто мѣнялись, смотря по тому, какой архонтъ правилъ на Восторѣ; такъ, въ надписи, относящейся къ Перисаду I-му, эта граница на югѣ доходила до горъ Кавказа ⁵⁾.

Такимъ образомъ, при Спартокидахъ территорія государства на азиатской сторонѣ была гораздо обширнѣе, чѣмъ на европейской. Граница Восторскаго государства въ эпоху Спартокидовъ на европейской сторонѣ шла отъ пролива до города *Θεοδοσία* ⁶⁾, гдѣ до Леввона I-го находили себѣ убожище восторскіе изгнанники ⁷⁾, а съ Леввона I-го и *Θεοδοσία* вошла въ составъ этого государства; при Перисадѣ I-мъ граница уже про-

1) Diodor. Sicul. lib. XX c. 22 и 23. *Θάτης* др. *Θάτης*.

2) Pompon. Mela lib. I § 114 строки 17, 18, 19, edit. Partey. *Oram, quae a Bosphoro ad Tanain usque deflectitur, Maeotici incolunt, Thaetaës, Erachi, Phicores et ostio fluminis proximi Chamatae; вм. Thaetaës* др. читаютъ *Togetae*, но это едва ли правильно, такъ какъ *Togetae* жили въ другомъ мѣстѣ, какъ я сказалъ выше; см. предыдущую страницу.

3) Boeck. Corp. inscr. gr. n. 2134.

4) Plini Hist. Natur. lib. VI c. 7 § 19. *Jnissi—alii—Psses*.

5) Boeck. C. i. G. n. 2104.

6) Strab. lib. VII c. IV.

7) Anonymus—Peripli Ponti Euxini p. 5 (51₂₀—21. p. 415, edit. Mülleri Parisiis 1882).

стиралась до вершинъ Таврическихъ горъ ¹⁾; о сѣверной же границѣ этого государства нѣтъ точныхъ указаній. Главный элементъ народонаселенія на европейской сторонѣ составляли греки-колонисты.

Глава II-ая.

О городахъ Воспора Киммерійскаго.

Пантикапэонъ.

Столица Воспора Киммерійскаго на европейской сторонѣ Пантикапэонъ (*Παντικάπαιον*, Panticapaeum), основанная при устьѣ Мэотиды ²⁾, была выстроена на холмѣ, гдѣ находился и акрополь и имѣла въ окружности 20 стадіевъ. На восточной сторонѣ города была выстроена верфь (*νεώρια*) и гавань на 30 кораблей ³⁾. Въ Пантикапэонѣ, какъ столицѣ не только европейскихъ воспоранцевъ ⁴⁾, но и всѣхъ вообще ⁵⁾, по всей вѣроятности, въ акрополѣ находился царскій дворецъ Спартокидовъ; въ немъ же были и ихъ могильные склепы. Діодоръ ⁶⁾, повѣствуя о междоусобной борьбѣ дѣтей Перисада, говоритъ, что Менискъ, начальникъ наемниковъ, привезъ убитаго Сатира въ Пантикапэонъ для погребенія; здѣсь же онъ упоминаетъ, что въ немъ τὸ βασιλείον ἦν ἀεὶ τῶν ἐν Βοσπόρῳ βασιλευσάντων.

По свидѣтельствѣ Стравона ⁷⁾, Плинія ⁸⁾ и Амміана Марцелина ⁹⁾, Пантикапэонъ былъ основанъ милісійцами; Скилакъ ¹⁰⁾

¹⁾ Boeck. C. i. G. n. 2104.

²⁾ Scymn. Orbis descriptio v. 835 p. 231, edit. Mülleri Parisiis 1882 г.

³⁾ Strab. lib. VII c. IV—4, 20—25. О томъ же см. у Спаскаго Б. К. p. 12 № 17.

⁴⁾ Strab. lib. XI c. II 10, 41.

⁵⁾ *Ammian. Marcellini* lib. XXII, 8, 26. *Strab.* lib. VII c. IV 4 20—25.—*Eustath.* p. 273, edit. Mülleri Paris. 82.

⁶⁾ Diodor. Siculi. lib. XX c. 22 sq.

⁷⁾ Strab. lib. VII c. IV 4 20—25.

⁸⁾ Plini Hist. Natur. lib. IV c. 87 edit. Ianus.

⁹⁾ A. Marcellini lib. XXII, 8, 26.

¹⁰⁾ Scylax c. 68 p. 57, edit. Mülleri. Paris. 1882.

называетъ его просто греческимъ городомъ. Ни о времени ¹⁾ его основанія, ни объ его основателѣ—не говорятъ намъ древніе авторы, только Евстаѳій ²⁾ передаетъ, что имя свое Пантикапѳонъ получилъ отъ рѣвѣя Пантикапы (*Παντικαπτης*) и что основателемъ его былъ сынъ какого-то Энта, можетъ-быть, сына Мидіи (Медей); нужно замѣтить, что это извѣстіе Евстаѳія учеными признается баснословнымъ. Другимъ народамъ Пантикапѳонъ былъ извѣстенъ также и подъ именемъ Воспора ³⁾.

Что касается имени этого города, то правильнѣе называть его Пантикапѳонъ, а не Пантикапея, потому что у древнихъ авторовъ, за исключеніемъ Павсанія, и въ надписяхъ встрѣчается форма *Παντικαπαιον*, а не *Παντικαπαία* (v. Boeck C. i. G. p. 98). Изъ русской надписи XI-го в. князя Глѣба Святославича, видно, что Пантикапѳонъ-Воспоръ въ XI в. у русскихъ носилъ имя „Керчево“, изъ котораго потомъ обра-

1) Изъ новыхъ ученыхъ *Григорьевъ* «Цари В. К.» р. 11 относитъ его основаніе къ $1\frac{1}{2}$ VI в. до Р. X.; *Boeck* c. i. gr. T II p. 91—къ царствованію Кира, т. е. къ $1\frac{1}{2}$ VI в. до Р. X. *Θ. Θ. Соловѣвъ* «Левціи по Др. Исторіи» 1882/83 р. 108 тоже къ VI-му в. до Р. X. Нейманъ же въ своемъ сочиненіи «Die Hellenen im Scythienlande» р. 480, Berlin 1855 г. относитъ основаніе Пантикапѳона къ 511 году. Князь А. Сибирскій въ своемъ трудѣ «Взглядъ на автономію и исторію Пантикапѳен» р. 123, помѣщенномъ въ Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей р. 123. Т. VI-я, Одесса 1867 г., полагаетъ, что основаніе Пантикапѳона «произошло въ короткій промежутокъ времени между походомъ Дарія Истапа въ Скиѳію, около 515—513 г. до Р. X. и, конечно, катастрофою возстанія іонянъ противъ персовъ, т. е. паденіемъ Милита въ 494-мъ году».

2) *Eustath* c. 311 p. 272, 273, edit. Mülleri. Paris. 82 г.

³⁾ Ἀπὸ δὲ Παντικαπῶν τοῦ ποταμοῦ καὶ τὸ ἐκεῖ ὀνομάζεται Παντικαπαιον, πόλις μεγάλη, κτίσμα παιδὸς Αἰήτου, λόφος κύκλω περιεοκούμενος, σταδίων εἴκοσι, μητρόπολις τῶν ἐκεῖ Βοσπορανῶν.

3) Anonym. Peripli Ponti Euxini p. 414, edit. Mülleri (Примѣчаніе).

Boeck. C. i. Gr. TII № 2059.

Plini Hist. Natur. lib. IV. § 78.

зовалось новѣйшее имя Керчь ¹⁾, мѣсто которой и занимала когда-то Пантикапѣонъ ²⁾.

Θεοδοσία.

Другой важный городъ воспорскаго государства—Θεοδοσία (Θεοδοσία, Theodosia, Θεοδοσία или Θεοδοσία(η)) лежалъ на берегу моря, къ западу отъ Пантикапѣона, на разстояніи 530 стадіевъ ³⁾. Этотъ городъ находился въ очень плодородной мѣстности, такъ что, по словамъ Стравона ⁴⁾, поля въ окрестности Θεοδοσίας давали урожай самъ 30. Городъ Θεοδοσία имѣлъ прекрасную гавань на 100 кораблей, нисколько не уступающую Пантикапѣйской гавани ⁵⁾. Спасскій ⁶⁾ говоритъ, что изъ Θεοδοσίας Греція получала пшеницы болѣе, чѣмъ изъ всѣхъ прочихъ мѣстъ, при чемъ онъ дѣлаетъ ссылку на Димосеена, между тѣмъ какъ Димосеенъ говоритъ, что не изъ Θεοδοσίας въ частности, а вообще со всего Понта (Leptin. 467₃₁).... πρὸς τοῖνον ἅπαντα τὸν ἐκ τῶν ἄλλων ἐμπορίων ἀφικοῦμενον ὁ ἐκ τοῦ Πόντου ὅτος εἰσπλέων ἐστίν. Правда, Стравонъ ⁷⁾ даетъ очень крупную цифру (2,100,000 медимновъ) хлѣба, вывезеннаго изъ Θεοδοσίας при Левѣонѣ.

Существованіемъ своимъ Θεοδοσία обязана милісійцамъ ⁸⁾;

¹⁾ Кн. А. Сибирскій «Взглядъ на автономію и исторію Пантикапѣи» р. 173, см. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. VI, Одесса 1867 г.

²⁾ П. Дюбрюкъ. Описаніе развалинъ и слѣдовъ древнихъ городовъ и укрѣпленій, нѣкогда существовавшихъ на европейскомъ берегу Босфора Киммерійскаго, отъ входа въ проливъ близъ Еникальскаго маяка до горы Опукъ включительно, при Черномъ морѣ, р. 16-я см. Записки Одесскаго Общества исторіи и древн., Одесса Т. IV отдѣленіе I-е 1858 г.

³⁾ Strab. lib. VII c. IV.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Demosthen. Leptin. 467. 33.

⁶⁾ Спасскій «В. К.» р. 26.

⁷⁾ Strab. lib. VII. c. IV.

⁸⁾ Anonym. Peripli Ponti Euxini p. 415₅₁, edit. Mülleri. Paris. 82 г. Scylax c. 68 p. 57, edit. Mülleri Paris. 82 г. называетъ ее городомъ греческимъ.

о времени же ея основанія у древнихъ авторовъ мы не находимъ никакихъ извѣстій. Имя свое она получила или отъ сестры, или отъ жены Левкона ¹⁾. Спасскій ²⁾ по этому поводу заявляетъ рѣшительное несогласіе на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, Θεοδοσία носила уже это имя раньше Левкона, въ чемъ, говоритъ онъ, можно удостовѣриться изъ сочиненія Скилака, жившаго, по его мнѣнію, за 100 лѣтъ до Левкона. Но кажется, что мнѣніе Миллера ³⁾ о времени жизни Скилака справедливѣе, чѣмъ мнѣніе Спасскаго, а Миллеръ утверждаетъ, что авторъ Periplus жилъ въ IV в., слѣдовательно гораздо позже Левкона. Бэкъ ⁴⁾ тоже говоритъ, что Левконъ, завоевавъ Θεοδοσίю, что не удалось его отцу, и выстроивъ въ ней новую гавань, очень можетъ быть, переименовалъ имя города на имя Θεοδοσίας—по имени или сестры или жены.

Θεοδοσία находилась на мѣстѣ нынѣшняго города того же названія ⁵⁾. По свидѣтельству анонимнаго составителя древняго перипла Чернаго моря, Θεοδοσία называлась на языкъ тавровъ или аланъ Ἑπτάθεα, т. е. городъ семи боговъ ⁶⁾. Это названіе Мюлленгофъ ⁷⁾ и считаетъ первоначальнымъ. По его мнѣнію, вторая половина слова αἵθεα—Zendское hapta, греч. ἑπτά, санскритск. sapta, латинское septem, др.-нѣм. siboun,

¹⁾ Scholia πρὸς Δελφίνην p. 645, edit. Mülleri TII—Oratores Attici.

467, Θεοδοσία χωρίον Βοσπόρου... Ρ. Τὸ μὲν ἄνομα τῷ ἐμπροσθε ἢ ἀπὸ τῆς ἀδελφῆς ἢ ἀπὸ τῆς γαμετῆς διαφωνεῖται.

²⁾ Спасскій «Б. К.» p. 26.

³⁾ Geographi Graeci Minores edit. Müllerus, Parisiis 1882 г. p. XXXVII, T1.

⁴⁾ Boeck C. i. G. TII/I, p. 96.

⁵⁾ В. Латышевъ. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini, TII С.-Петербургъ 1890.

⁶⁾ В. Юргевичъ. «О именахъ иностраннхъ на надписяхъ Ольвии, Боспора и другихъ греческихъ городовъ сѣвернаго побережья Понта Эвксинскаго, p. 10 см. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. VIII отдѣленіе 1-е и 2-е, Одесса 1872 г.

⁷⁾ Auszug aus dem Monatsbericht der Königl. Akad. d. Wissenschaften zu Berlin. 1866 p. 563.

тогда какъ первая *ард* произошла изъ Zendск. *eredhwa*—высокій, древне-персидск. *arda*, латинск. *arduus*, др.-вельтск. *arduas*. Такъ какъ, однакожь, составъ слова рождаетъ сомнѣнiе, то слѣдуетъ, думаетъ онъ, предположить перестановку и считать настоящимъ именемъ 'Ардáрда или 'Ардáрда— семью богами возвышенный городъ. Шафарикъ ¹⁾ сравниваетъ осетинское *aafd*—семь и персидское *choda*—богъ; Лелевель ²⁾ осетинск. *irt-and* или *artiw-awd*—семь свѣтилъ. В. Юргевичъ ³⁾ считаетъ возможнымъ производить имя 'Ардáрда отъ персидскаго *ardaw*—духъ, гений, божество и *dash*—даръ отъ санскритскаго *da*—давать. Такимъ образомъ, по мнѣнiю Юргевича, *Θεοδοσία*, т. е. даръ боговъ представляетъ только переводъ древнѣйшаго названiя 'Ардáрда.

Нимфэонъ.

Городъ Нимфэонъ (*Nymphæon*) находился между Θεοδοσίей и Пантивэпэономъ, въ очень плодородной мѣстности и имѣлъ хорошую гавань. Свилакъ ⁴⁾ называетъ его городомъ греческимъ; основанъ онъ былъ по преданiю, записанному у Стефана Византiйскаго ⁵⁾, нимфами. Вѣроятно, со времени экспедици Перикла въ Понтъ (440 г.), онъ принадлежалъ аониянамъ и платилъ имъ по таланту податей ⁶⁾; но во время правленiя на Воспорѣ Сатира I-го ⁷⁾ отпалъ

1) Шафарикъ. «Славянскiя Древности». С. III § 16.

2) Лелевель. *Nagody na ziemiach sław.* p. 130.

3) В. Юргевичъ. «О именахъ иностранныхъ на надписяхъ Оливiи, Боспора и другихъ греческихъ городовъ сѣвернаго прибрежья Понта Эвксинскаго, стр. 10 см. Записки Одесскаго Общества исторiи и древностей. Т. VIII отдѣленiе 1-е и 2-е 1872 г.

4) *Scylax*, p. 57, edit. Müllerus Ti Par. 1882 г.

5) *Stephan. Byzant.* Ti p. 592 edit. Augustus Meinecius Berolini 1849 г.

6) *Harpocraton.* edit. Immanuelis Becceri, Berolini 1833 г. p. 153.

7) *Schäfer „Demost. und seine Zeit“* p. 238. *Thirion. De civit.,* quae a Gr. in C. T. с. fuer. p. 52. *Ашмъ* относится къ Спартоку II-му, котораго помѣщаетъ около 460 г.,—вѣроятно, опечатка, такъ какъ этого сомнительнаго Спартока II-го относятъ къ 428/7—407/6 гг.

отъ афинянъ и перешелъ въ воспоранцамъ по имени Гилона ¹⁾).

Нимфеонъ находился въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ въ югу отъ Керчи по почтовой дорогѣ ²⁾).

Далѣе на европейской сторонѣ мы упомянемъ еще о двухъ городахъ—Парееионѣ ³⁾ (*Παρθέμιον*) въ 40 стадіяхъ и Мирмиэионѣ ⁴⁾ (*Μυρμιχίον*) въ 20 стадіяхъ отъ Пантикапеона.

Παρθέμιον находился въ 4-хъ верстахъ отъ Еникальской крѣпости ⁵⁾, быть-можетъ, на томъ мысу, гдѣ нынѣ стоитъ маякъ у Еникале ⁶⁾.

Μυρμιχίον стоялъ въ 2-хъ верстахъ къ западу отъ мыса между Еникале и керченскимъ портомъ ⁷⁾.

На азиатской сторонѣ были слѣдующіе города: Фанагорія, Кипъ, Ермонасса, Горгипія, Ахиллионъ, Синдскій портъ и Вата.

Φαναγορία столица азиатскихъ воспоранцевъ ⁸⁾, по свидѣ-

1) *Δισχυῖον δ κατὰ Κτησιφώντος* «*Oratores Attici*» edit. Müllerі Тп р. 128 Paris. 1858 г.

2) П. Дюбрюкъ. «Описание развалинъ и слѣдовъ древнихъ городовъ и укрѣпленій, нѣкогда существовавшихъ на европейскомъ берегу Босфора Киммерійскаго и т. д.» р. 34-я. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. IV 1858. В. Латышевъ. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*. Т. II С.-Петербургъ 1890, р. 10 (ubi hodie est praedium Elteghen).

3) Strab. lib. VII. с. IV. § 5.

4) Plini. Hist. Natural. lib. IV § 87 edit. Ianus.
Strab. lib. XI. с. II. § 6.

5) П. Дюбрюкъ. «Описание развалинъ и слѣдовъ древнихъ городовъ и укрѣпленій, нѣкогда существовавшихъ на европейскомъ берегу Босфора Киммерійскаго и т. д.» р. 6-я. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. IV отдѣленіе 1-е 1858.

6) В. Латышевъ. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*. Т. II С.-Петербургъ 1890, р. X.

7) П. Дюбрюкъ. «Описание развалинъ и т. д.» р. 5.; В. Латышевъ. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*. Т. II, С.-Петербургъ 1890, р. 10.

8) Strab. lib. XI. с. II § 10. Этотъ городъ у Стравона называется то *Φαναγυρία*, то *Φαναγυρίων*, то τὰ *Φαναγυρία*.

тельству однихъ древнихъ авторовъ, была основана іонянами ¹⁾, по свидѣтельству другихъ—тіосцами ²⁾. Основателемъ Евзетей ²⁾ называетъ Фанагора, Аррианъ ¹⁾ Фанагора Тіоскаго, который, убѣгая отъ притѣсненій персовъ, основалъ этотъ городъ. На основаніи этого послѣдняго извѣстія Арріана можно съ большею вѣроятностью предположить, что Фанагорія была основана въ VI-мъ в. до Р. Х., когда тіосцы, не желая быть въ рабствѣ у персовъ, оставили свой городъ и искали новыхъ мѣстъ для поселенія.

Амміанъ Марцелинъ ³⁾ и Скилакъ ⁴⁾, первый вмѣстѣ съ Ермонассой, а второй съ Кипомъ называютъ ее городомъ греческимъ. Фанагорія находилась на лѣвомъ берегу рѣки Кубани ⁵⁾, около станціи Сѣвной ⁶⁾ или какъ точнѣе опредѣляетъ В. В. Латышевъ ⁷⁾ „Phanagoriam sitam fuisse in litore sinus Tamanici, non longe a statione hodierna Sennaja dicta, ubi nunc exstant villae Schapirovi et Semeniakae, plerique viri docti consentiunt“.

1) Dionys. Perieget. v. 553 p. 137/8 edit. Müllerus Paris. 1882 г.

Eustath. p. 324. edit. Müller. TII. Paris. 1882 (Аррианъ).

2) Anonym. Peripl. Ponti Euxini p. 412 edit. Müller. TI. Paris. 1882.

Scymn Peripl. v. 886 p. 233. edit. M. TI. Paris. 82 г.

Εἰτ' ἔστιν Ἐρμώνασσα Φαναγορείά τε, ἣν Τηλοῦς λέγουσιν οἰκίσαι ποτέ καὶ Σινδικὰς λιμὴν, ἔχων οὐκ ἴστωρας Ἑλληνας ἀπὸ τῶν ἐγγύς ἤκοντας τόπων.

3) Ammian. Marcellini lib. XXII c. VIII § 30.

4) Scylax p. 59 edit. Mülleri T I. Paris. 1882 г.

5) Strab. lib. XI c. II § 10. Εἰσπλεύσαντι δ' εἰς τὴν Κοροκονδαμίτιν ἢ τε Φαναγορίᾳ ἐστὶ, πόλις ἀξιόλογος, καὶ Κῆποι καὶ Ἐρμώνασσα καὶ τὸ Ἀπίτουρον, τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν, ὧν ἡ Φαναγορία καὶ οἱ Κῆποι κατὰ τὴν λεχθεῖσαν νῆσον ἴδρυνται, εἰσπλεύσαντι ἐν ἀριστερᾷ, αἱ δὲ λοιπαὶ πόλεις ἐν δεξιᾷ πέραν Ὑπάνιος ἐν τῇ Σινδικῇ.

6) К. Герцъ. «Археологическая топографія Таманскаго полуострова» Труды Московскаго Археологическаго Общества. Т. II-й 1870.

7) В. Латышевъ. Inscriptiones antiquae orae sept. Ponti Euxini. Т. II, С.-Петербургъ 1890, р. XI.

Кипъ (Κῆποι ¹⁾, Κῆπος ²⁾, по Стравону находившійся на островѣ „по лѣвую сторону вливающему въ Кубань“, былъ основанъ милисійцами ²⁾; но о времени его основанія мы не имѣемъ никакихъ извѣстій.

Свилакъ ³⁾ называетъ его просто городомъ греческимъ.

Положеніе Кипа учеными опредѣляется различно: одни полагаютъ его у станицы Ахтанизовской, другіе у хутора Артюхова и проч. ⁴⁾.

Воспорскими тираннами былъ основанъ городъ *Киммерисъ* (Κιμμερις πόλις ⁵⁾), который находился на полуостровѣ, называемомъ нынѣ Фонтанъ ⁶⁾.

Ермонасса (Ἐρμώνασσα), колонія іонянъ, основана въ одномъ столѣтїи съ Фанагоріей. Основателемъ ея былъ Ермонъ ⁷⁾ (Ἐρμών), а по свидѣтельству Арріана, приводимому у Евстаѳіа ⁷⁾, Ермонасса была основана митилинейцемъ Семандромъ (Σεμανδρος Μιτιληναῖος), вождемъ эолийцевъ, и имя свое получила отъ жены Семандра Ермонассы (Ἐρμώνάσσα), которая по смерти мужа правила этимъ городомъ. Положеніе этого города неизвѣстно.

Горгипія (Γοργίπια), основанная въ IV-мъ в. до Р. Х. тестемъ Перисада I-го Горгипомъ, находилась въ странѣ синдоровъ, на берегу моря ⁸⁾, и имѣла, по всей вѣроятности, гавань

¹⁾ Scylax p. 59. edit. Mülleri T. I. Paris. 1882.

²⁾ Scymni v. 899. p. 234 edit. Müllerus. Paris. 1882.

Anonym. Peripl. Ponti Euxini p. 413. edit. Müll. Paris. 1882. T. I.

Plini Hist. Naturalis lib. VI § 18. T. I. p. 219 edit. Ianus.

³⁾ Scylax p. 59 edit. Müll. Par. 82 г.

⁴⁾ В. Латышевъ. Inscriptiones antiquae orae sept. Ponti Euxini. T. II, p. XI, С.-Петербургъ 1890 г.

⁵⁾ Scymni. v. 899 p. 234. edit. Müll. T. I. Paris 82 г., Anonym. P. P. Eux. p. 413 T. I, edit. Müll.

⁶⁾ В. Латышевъ. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. T. II, p. XI, С.-Петербургъ 1890 г.

⁷⁾ Eustath. p. 324⁵⁴⁹ edit. Müllerus. T. II Paris. 82 г.

⁸⁾ Strab. lib. XI c. II § 10, 11, 12.

и вела морскую торговлю, о чемъ можно судить на основаніи дошедшей до насъ монеты ¹⁾, на которой изображена передняя часть ворабля. Бакъ думаетъ, что она находилась между синдами и ахейцами ²⁾.

На мѣстѣ Горгиіи теперь, по предположеніямъ Бэка (С. i. G. Тп n° 2130) и Бруна, раздѣляемымъ и В. Латышевымъ ³⁾, находится городъ Анапа.

Ахиллонъ (Ἀχιλλίων), основанный, по мнѣнію Бэка ²⁾ Археанактидами въ V-мъ вѣкѣ, находился въ самомъ узкомъ мѣстѣ Воспора (20 стадіевъ) ⁴⁾; въ 90 же стадіяхъ отъ него находился памятникъ Сатира, одного изъ славныхъ вождей Воспора ⁴⁾, можетъ-быть, того самого, о которомъ упоминаетъ Полиэнъ ⁵⁾.

Синдскій портъ (Σινδικὸς λιμὴν) находился при устьѣ Бубани; время его основанія не извѣстно. Древніе географы говорятъ ⁶⁾, что въ этомъ городѣ жило много грековъ, приходившихъ сюда изъ сосѣднихъ городовъ для торговыхъ оборотовъ; Скилакъ ⁷⁾ прямо называетъ его городомъ греческимъ.

Стефанъ Византійскій ⁸⁾ говоритъ, что этотъ городъ назывался также Горгиіей.

Рауль-Рошеттъ ⁹⁾, слѣдуя за Стефаномъ Византійскимъ, считаетъ точно также Горгиію и Синдскій портъ однимъ городомъ и сообразно съ этимъ мнѣніемъ онъ исправляетъ

1) Спасскій. «Босф. Ким.» р. 32 № 4-й.

2) Воеск. С. i. Gr. Тп р. 99 и 100.

3) В. Латышевъ. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini, Тп р. XII, С.-Петербургъ 1890 г.

4) Strab. lib. XI с. II § 6 и 7.

5) Polyæn. lib. VIII. 55 р. 329 edit. Woelfflin. Lipsiae 1860 г.

6) Scymn. р. 233, edit. Müll. Paris. 82 г. и Anonym. Peripl. Ponti Eux. р. 412/3 Тп, edit. Müll. Par. 82 г.

7) Scylax edit. Müller. Paris. 82 г. Тп р. 59.

8) Stephan. Byzant. edit. Augusti Meinekii. Berolini 1849 г. Тп р. 592.

9) Raoul-Rochette. Antiquit. Grecq. р. 90 и 91.

тексть Стравона. Но мнѣ кажется, что мнѣніе Бэка ¹⁾ справедливѣе, чѣмъ мнѣніе Рауль-Рошетта,—а именно Бэкъ, сопоставивъ тѣ мѣста изъ Стравона, гдѣ онъ упоминаетъ о Горгиіи, считаетъ этотъ городъ совершенно самостоятельнымъ, особымъ городомъ, лежащимъ, какъ свидѣлствуютъ монеты этого города, при морѣ. По мнѣнію Бэка, Синдскій портъ находился недалеко отъ предѣловъ ахейцевъ, между устьями Кубани и Ватой.

Наконецъ *Вата* (Πάτος, Βατά) по Скилаку ²⁾ городъ греческій; по Стравону ³⁾ этотъ городъ имѣлъ гавань и находился за предѣлами синдвовъ; но—впрочемъ, въ точности опредѣлить мѣсто его положенія нельзя, хотя Стравонъ и опредѣляетъ разстояніе отъ Ваты до порта Синдскаго въ 400 стадіевъ.

На этомъ основаніи положеніе Ваты можно съ нѣкоторою вѣроятностью приурочить къ нынѣшнему Новороссійску.

Глава III-ья.

О божествахъ, чтимыхъ на Воспорѣ.

Религіозное міросозерцаніе обитателей Воспора сложилось подъ вліяніемъ, съ одной стороны, религіи грековъ, а съ другой—жителей Востока. Имена божествъ, которымъ поклонялись обитатели Воспора, мы узнаемъ, по большей части, изъ надписей и на основаніи монетъ. Въ большинствѣ случаевъ вульты различныхъ боговъ занесены сюда изъ Іоніи и другихъ греческихъ государствъ а также и съ Востока.

Аполлонъ (Ἰητήρ ⁴⁾ почитался въ Пантикапэонѣ, Фанагори ⁵⁾ и, насколько можно судить по монетамъ, въ Горгиіи ⁶⁾. Кромѣ Аполлона, въ Пантикапэонѣ существовалъ культъ Ди-

1) Boeck. C. i. Gr. Тп р. 99 и 100.

2) Scylax edit. Mülleri, Paris. 82 г. Т. I р. 59.

3) Strab. lib. XI с. II § 14.

4) Comptes-Rendus de la c. imp. archéologiq. 1865 г. р. 205.

5) Boeck. C. i. Gr. Т. II №№ 2014 и 2118.

6) Спасскій. «Б. К.» р. 31 № 1-й.

итры, которая называлась *Ἐσμοφόρος* ¹⁾ (законодательница), Иракла ²⁾, Арея ³⁾ и, какъ видно по монетамъ, Асклепія ⁴⁾, Вакха ⁴⁾, Зевса ⁴⁾, Аѳины ⁴⁾—послѣдней, вѣроятно, съ того времени, какъ воспоранцы заключили дружбу съ аѳинянами ⁵⁾; кромѣ того, какъ въ Пантиваэонѣ, такъ и другихъ городахъ Веспора почитались Диоскуры ⁶⁾. Но, судя по множеству монетъ, дошедшихъ до насъ съ изображеніемъ Пана ⁶⁾, можно сдѣлать вѣроятное предположеніе, что это божество особенно было чтимо въ Пантиваэонѣ и, вѣроятно, считалось патрономъ города и, какъ предполагаетъ Thirion ⁷⁾, ему Пантиваэонъ былъ обязанъ первымъ слогомъ въ своемъ имени.

Въ Фанагоріи почитались тѣ же самыя божества, что и въ Пантиваэонѣ, но въ особенности въ ней и Кипѣ распространенъ былъ культъ Артемиды *Ἀρροτέρα*; здѣсь же почиталась и Афродита *Ἀπάτωρος*, храмъ которой находился въ Фанагоріи ⁸⁾. Имя *Ἀπάτωρος* Афродита по Стравону ⁸⁾ получила отъ обмана (*ἕξ ἀπάτης*), такъ какъ она, преслѣдуемая гигантами, призвала на помощь себѣ Иракла и, скрывшись съ нимъ въ пещерѣ, передала ихъ по одному Иравлу для избіенія; кромѣ эпитета *Ἀπάτωρος*, въ надписяхъ мы находимъ еще при имени Афродиты эпитеты *Ὀβρανία* и *Μεδέουσα* ⁹⁾.

Кромѣ этихъ греческихъ божествъ, въ надписи царицы Комосаріи ¹⁰⁾ мы встрѣчаемъ еще упоминаніе о двухъ боже-

1) Boeck. C. i. Gr. T. II №№ 2106 и 2107.

2) Ibid. № 2120 b. и Спасскій «Б. К.» р. 17 № 62.

3) Ibid. № 2108 b.

4) Спасскій. «Б. К.» р. 17 №№ 65, 66, 60. р. 16 №№ 55 и 57. р. 15 № 47. и р. 17 № 64.

5) Thirion. «De civitatibus, quae a Gr. in Chers. Taur. conditae fuerunt» р. 40.

6) Спасскій. «Б. К.» р. 17 № 64 и Пану около 300 мон. р. 13, 14 и 15.

7) Thirion. «De c., quae a Gr. in Ch. T. c. f.» р. 41.

8) Strab. lib. XI c. II § 10 въ Фанагоріи.

9) Comptes-Rendus de la com. imp. archéolog. 1872 г. р. 171.

10) Boeck. C. i. Gr. T. II р. 157 № 2119.

ствахъ—Санергѣ и Астарѣ, божествахъ восточнаго культа. Бокъ ¹⁾, слѣдуя за Кэллеромъ, считаетъ эти божества сирійскими и халдейскими и думаетъ, что Астара есть луна, а Санергъ—солнце.

Покончивъ съ этими предварительными свѣдѣніями, я перехожу въ главной части своего труда—къ политической исторіи Воспора Киммерійскаго въ эпоху Спартокидовъ.

Глава IV-ая.

Цари-Спартокиды.

На Воспорѣ въ теченіе 42 лѣтъ власть находилась у Археанактидовъ съ Ol. 75 до Ol. 85, ²⁾; послѣ же нихъ на сцену выступаетъ новый родъ правителей—Спартокиды.

Что касается происхожденія Спартокидовъ, то рѣшить этотъ вопросъ очень трудно, такъ какъ положительныхъ свѣдѣній по этому поводу мы не имѣемъ у древнихъ авторовъ. Григорьевъ ³⁾ и Thirion ⁴⁾ полагаютъ, что они по происхожденію были варвары и, въ подтвержденіе своего мнѣнія, послѣдній приводитъ мнѣніе S. Reget, что ни Спартокъ ни кто другой изъ его преемниковъ не принимали участія лично ни на какихъ греческихъ играхъ, между тѣмъ какъ и тиранны Сициліи и македонскіе цари, которые считали себя греками, старались одерживать на нихъ побѣды, чтобы прославить имя свое между греками; оба они въ самомъ имени Спартока видятъ не греческое происхожденіе.

Основателемъ этой, такъ сказать, династіи на Воспорѣ былъ Спартокъ I-й, который правилъ только въ теченіе 7 лѣтъ съ 438/7—432/1 ⁵⁾.

¹⁾ Ibid.

²⁾ Diodor. Sicul. lib. XII c. 31 p. 125 edit. Bekkeri Lipsiae 1854 г.

³⁾ Григорьевъ. «Цари В. К.» p. 13.

⁴⁾ Thirion. «De civ., quae a Gr. in Ch. T. c. fuerunt» p. 47.

⁵⁾ Diodor. Sicul. lib. XII c. 31 p. 125 edit. Bekkeri Lipsiae 1854 г.

Какъ широко простиралась власть его и что было въ его правленіе, объ этомъ мы ничего не знаемъ.

По смерти Спартока правителемъ Воспора сталъ Селевкъ ¹⁾; какъ предполагаютъ, это былъ сынъ Спартока, но странно, что Діодоръ, который далѣе такъ тщательно отмѣчаетъ родство правителей, здѣсь ни слова не говоритъ о родствѣ Спартока съ Селевкомъ. Имя этого правителя, можетъ-быть, скрывается у Стравона ²⁾ въ имени *Σελούκωνα*. Правиль онъ всего четыре года съ 432/1 до 428/7 г. Кто правилъ послѣ этого Селевка, авторы намъ ничего не говорятъ, такъ что здѣсь, въ промежуткѣ отъ Селевка до Сатира I-го, открывается обширное поле для остроумія ученыхъ. Одни ученые, напримѣръ, Бэъ ³⁾, Thirion ⁴⁾ думаютъ, что послѣ Селевка правилъ Спартокъ II-й, другіе—Григорьевъ ⁵⁾, Ашикъ ⁶⁾ и Спасскій ⁷⁾ принимаютъ это мнѣніе съ оговоркой.

Основаніемъ этого мнѣнія служатъ слѣдующія слова Діодора: „Въ это же время (393/2) умеръ Сатиръ, сынъ Спартока, царь Воспора, послѣ 14-лѣтняго правленія; власть принялъ сынъ его Левконъ и правилъ 40 лѣтъ“. Основаніе, по моему мнѣнію, очень шаткое ⁸⁾.

1) Ibid. lib. XII c. 36 p. 129.

2) Strab. lib. VII, c. III § 8 p. 250, edit. Mülleri et Dübneri Paris. 1853 г. чтеніе *Λεβκωνα*.

3) Boeck. C. i. Gr. T. II/1 p. 91.

4) Thirion. «De civit., que a Gr. in Ch. T. c. fuerunt» p. 49.

5) Григорьевъ. «Цари В. К.» p. 14.

6) Ашикъ. «Восп. Царство» p. 45.

7) Спасскій. «В. К.» p. 45.

8) *Примѣчаніе*. Если мы допустимъ существованіе Спартока II-го, то спрашивается, кто такой этотъ Спартокъ II-й, чей онъ сынъ? На этотъ вопросъ могутъ быть два отвѣта: Спартокъ II-й былъ или сыномъ Спартока I-го или сыномъ Селевка; возможенъ еще и третій отвѣтъ, именно—Спартокъ II-й не былъ сыномъ ни Спартока I-го ни Селевка. Если предположить, что Спартокъ II-й былъ сыномъ Спартока I-го, то необходимо тогда допустить и слѣдующія предположенія: раньше было сказано, что считаютъ Селевка сыномъ Спартока I-го, что Селевкъ правилъ сейчасъ же за Спар-

Итакъ, спустя 16 лѣтъ по смерти Селевка на Воспорѣ правилъ Сатиръ I-й съ $40\frac{7}{6}$ — $388\frac{7}{7}$, приблизительно 19 лѣтъ. Діодоръ ¹⁾ подъ ОI. 96₄ говоритъ: „Въ это время умеръ Сатиръ (I-й) сынъ Спартока, царь Веспора, послѣ 14 лѣтняго правленія. Ему наслѣдовалъ сынъ его Левконъ, правившій 40 лѣтъ“. (Если бы Левконъ остался по смерти отца малолѣтнимъ, то Діодоръ, по всей вѣроятности, не приминулъ бы объ этомъ упомянуть). Нужно замѣтить, что Діодоръ въ данномъ мѣстѣ дѣлаетъ ошибку, а именно: изъ постановленія аѳинянь

токомъ I-мъ, слѣдовательно, Селевкъ былъ старшій сынъ, а Спартокъ II-й младшій. Далѣе изъ послѣдующей исторіи видно, что власть на Воспорѣ переходила строго отъ отца къ сыну и только въ случаѣ междоусобной войны отъ брата—къ брату; если же власть отъ Селевка перешла къ его брату Спартоку II-му, то необходимо допустить одно изъ двухъ предположеній: или Селевкъ умеръ бездѣтнымъ, и власть его мирнымъ путемъ перешла къ его брату Спартоку, или по смерти Спартока I-го была междоусобная война между его дѣтьми Селевкомъ и Спартокомъ II-мъ, продолжавшаяся около 4-хъ лѣтъ, во время которой Селевкъ, какъ старшій, считался правителемъ Веспора. Считать же Спартока, отца Сатира, сыномъ Селевка и внукомъ Спартока I-го, по моему мнѣнію, рѣшительно невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, если допустимъ это второе предположеніе, то тогда Сатиръ I-й будетъ правнукомъ Спартока I-го, и тогда только 24 года будутъ отдѣлять время правленія прадеда отъ правленія правнука, потому что по Діодору Спартокъ I-й умеръ въ 432¹ году, а Сатиръ началъ править съ 407⁶ года или, какъ предполагаетъ Э. Э. Соколовъ (Конспектъ по древней исторіи для студентовъ С.-П. И. И. Ф. И. р. 102), нѣсколько раньше. Надо сдѣлать много предположеній, чтобы правнуку шахимъ чрезъ 24 года наслѣдовалъ своему прадеду и, скончавшись—по Діодору—чрезъ 14 лѣтъ, а по болѣе правильному расчету, чрезъ 19 лѣтъ—могъ оставить взрослого наслѣдника. По моему мнѣнію, предполагать между Селевкомъ и Сатиромъ I-мъ Спартока II-го совершенно излишне—по слѣдующимъ соображеніямъ: не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что Діодоръ, который такъ тщательно отмѣчаетъ родство Спартокидовъ, не сдѣлалъ даже намека на родство только въ одномъ случаѣ, именно не обозначилъ родства между Спартокомъ I-мъ и Селевкомъ? Имѣемъ ли мы право считать Селевка родственникомъ Спартока I-го? Если принять во вниманіе то обстоятельство, что Діодоръ намъ совсѣмъ не говоритъ о томъ, при какихъ обсто-

1) Diodor. Sicul. lib. XIV с. 93 р. 411 Т. II.

въ честь дѣтей Левкона, относящагося къ 346 году ¹⁾, Шеферъ такъ опредѣляетъ время правленія Спартокидовъ отъ Сатира I-го до Перисада I-го. Изъ всѣхъ отрывочныхъ извѣстій Діодора о Спартокидахъ онъ считаетъ заслуживающимъ больше всего довѣрія извѣстіе о смерти Перисада I-го ²⁾, такъ какъ здѣсь онъ одинъ рассказываетъ подробно о происшествіяхъ въ Воспорскомъ царствѣ, именно о войнѣ между братьями. Всѣ остальные показанія по Шеферу—суть просто хронологическія замѣтки, стоящія внѣ связи съ историческимъ рассказомъ: „Послѣдняя замѣтка“, говоритъ далѣе Шеферъ: „сводитъ управленіе Спартока IV-го ³⁾ до 284 $\frac{1}{3}$ года, а дѣреть аѳинскій въ честь его ⁴⁾ принадлежить, по всей вѣро-

ительствахъ власть на Воспорѣ перешла отъ Археанактидовъ къ Спартокидамъ, по родству ли, или другимъ какимъ причинамъ,— а даетъ намекъ на какой-то переворотъ, происшедшій на Воспорѣ, то можно сдѣлать такое предположеніе, что во время этого переворота власть получилъ Спартокъ I-й; но члены дома Археанактидовъ или ихъ приверженцы,—едва ли могли спокойно смотрѣть на Спартока и едва ли не пытались возвратитъ себѣ потерянную власть и значеніе. Не былъ ли, такимъ образомъ, Селевкъ однимъ изъ членовъ дома Археанактидовъ или ихъ приверженцевъ? Не были ли и тѣ 16 лѣтъ, отъ смерти Селевка до вступленія Сатира I-го—временемъ борьбы между Археанактидами и Спартокидами, пока не возмужалъ Сатиръ I-й, сынъ Спартока I-го, и не преодолѣлъ своихъ враговъ? Итакъ, по моему мнѣнію, Сатиръ I-й былъ сыномъ Спартока I-го, и Діодоръ, не описывая самого переворота, говоритъ намъ о результатѣ смуты, т. е. что все-таки въ концѣ концовъ борьба, начавшаяся по смерти Спартока I-го окончилась въ пользу сына этого Спартока I-го Сатира I-го. На основаніи такихъ соображеній, я считаю Спартока, отца Сатира I,—Спартокомъ Первымъ, а не Вторымъ, и промежутокъ отъ смерти Селевка до начала правленія Сатира I-го покрытымъ для насъ мракомъ неизвѣстности; и даже признавъ существованіе Спартока II-го между Селевкомъ и Сатиромъ I, что мы прибавляемъ къ нашимъ свѣдѣніямъ о Воспорѣ, кромѣ одного пустаго имени?

1) Schäfer „Athenischer Volksbeschluss zu Ehren der Söhne Leukons von Bosporos“ Rhein. Mus. T. XXXIII.

2) Diodor. Sicul. lib. XX c. 22 p. 469. T III edit. Bec. 53 г.

3) Ibid. C. C p. 556.

4) Corpus inscript. Attic. № 311.

ятности, въ 286⁵/₅ г. и, такимъ образомъ, стоитъ въ согласіи съ опредѣленіемъ Діодора. Если будемъ теперь считать“, говорить далѣе авторъ: „назадъ отъ той подробной главы, съ которой связана смерть Перисада I-го, т. е. 310⁹/₉ г., то онъ долженъ начать свое 38-ми лѣтнее правленіе раньше 348⁷/₇ г. Ol. 108₁, какъ Діодоръ и относить въ Ol. 107₄, и этимъ мы близко подходимъ ко времени нашихъ извѣстій“. Прибавляя сюда 40 лѣтъ правленія Леввона ¹⁾,—мы получаемъ годъ 388⁷/₇, т. е. годъ смерти Сатира I-го. А что Сатиръ I-й началъ править съ 407⁶/₆, а можетъ-быть и раньше, объ этомъ мы находимъ извѣстіе у оратора Лисія ²⁾ въ рѣчи „pro Mantitheo“, гдѣ онъ говоритъ: „и какъ разъ предъ несчастіемъ въ Еллиспонтѣ отецъ насъ послалъ въ Сатиру на Понтѣ“. Несчастіе, о которомъ упоминаетъ здѣсь ораторъ, есть поражение въ 405 году аѳинскаго флота при Эгосъ-Потамосѣ спартапцами подъ начальствомъ Лисандра; слѣдовательно еще до 405 года правилъ Сатиръ.

Этотъ Сатиръ I-й находился въ тѣсной дружбѣ съ аѳинянами, такъ что нѣкоторые аѳиняне послали къ нему своихъ сыновей съ различными цѣлями, какъ мы уже видѣли изъ вышеприведеннаго извѣстія оратора Лисія. Исократъ ³⁾ эту дружбу Сатира съ аѳинянами рисуетъ предъ нами еще яснѣе. Отъ него мы узнаемъ, что Сатиръ изъ всѣхъ грековъ болѣе всего былъ расположенъ къ аѳинянамъ и, въ случаѣ недостатка у нихъ хлѣба, корабли другихъ купцовъ уходили пустыми, а аѳинскіе возвращались нагруженными; кромѣ того,

¹⁾ Diodor. Siculi. lib. XIV c. 93 p. 411 TII edit. B. 53 г.

²⁾ Lysiae «pro Mantitheo» p. 171₄ «Oratores Attici» edit. C. Müllereri Ti. Paris. 1847 г.

³⁾ Isocrat. Τραπεζιτικός p. 205₅₇ TII edit. Benseler Lipsiae 1860 г.

Ἄξιον δὲ καὶ Σατύρου καὶ τοῦ πατρὸς ἐνδομηθῆναι, εἰ πάντα τὸν χρόνον περὶ πλείστου τῶν Ἑλλήνων ὑμᾶς ποιοῦνται, καὶ πολλὰκις ἤδη διὰ σπάνιν αἴτου τὰς τῶν ἄλλων ἐμπορῶν ναῦς κενὰς ἐκπέμποντες ὑμῖν ἐξαγωγὴν ἔδοσαν.

въ частныхъ тяжбахъ различныхъ купцовъ, аѳинскіе вущы находили себѣ снисхожденіе. Изъ этой же рѣчи мы видимъ, что греческіе переселенцы въ Понтѣ достигали высшихъ должностей у Спартокидовъ, напр. Сопей ¹⁾ поставилъ Сатиръ начальникомъ обширной области и всего войска; затѣмъ по проискамъ враговъ, Сопей былъ обвиненъ въ злыхъ умыслахъ противъ Сатира и былъ схваченъ, а за его сыномъ (котораго защищаетъ нашъ ораторъ), отправившимся путешествовать по Елладѣ на двухъ корабляхъ, нагруженныхъ хлѣбомъ и съ большимъ количествомъ денегъ, былъ посланъ приказъ возвратиться назадъ, въ случаѣ же неповиновенія съ его стороны, отъ аѳинянъ потребовать его выдачи. Но по прошествіи нѣкотораго времени Сатиръ убѣдился въ невинности Сопея и, желая предъ нимъ загладить свой промахъ, облачаетъ его еще большею, чѣмъ прежде, властью и женить своего сына, вѣроятно, Левкона на его дочери ²⁾. Вѣроятно, Гилонъ, котораго Эсхинъ ³⁾ называетъ измѣнникомъ, передалъ этому Сатиру аѳинскій городъ Нимфѳонъ; но Шеферъ ⁴⁾ и Тирьонъ ⁵⁾, основываясь на томъ обстоятельстве, что аѳиняне были очень дружны съ этимъ Сатиромъ, полагаютъ, что послѣ пораженія аѳинскаго флота они не могли удержать за собой Нимфѳона и оказывать ему, въ случаѣ нужды, помощи,—поэтому городъ при особенныхъ какихъ-нибудь обстоятельствахъ, по совѣту Гилона, передался подъ покровительство сильнаго Сатира—друга аѳинянъ. Изъ надписи 346 г. ⁶⁾—мы видимъ, что въ честь Сатира аѳиняне поставили памятникъ съ надписью, въ которой, вѣроятно, перечислялись его заслуги для аѳинянъ.

¹⁾ Ibid. p. 1913. Σινωπεύς, alii Σωπατος, alii Σωπάλος.

²⁾ Isocrat. Τραπεζικὸς p. 193 edit. В. Тп.

³⁾ Αἰσχίνου ὁ κατὰ Κτησιφώντος «Oratores Attici» edit. Mülleri Тп p. 128.

⁴⁾ Schäfer. „Demosth. und seine Zeit“ p. 238.

⁵⁾ Thirion. «De civit. quae a Gr. T. condit. fuerunt» 52.

⁶⁾ Schäfer. „Der Ath. Volks. zu Ehr. Leuf. von D.“ 2. 45,2 p.

Сатиръ этотъ скончался при осадѣ города Θεοδοσίη ¹⁾ въ 388/7 году.

Мнѣ кажется очень страннымъ, почему Тирьонъ ²⁾ считаетъ этого Сатира—Сатиромъ II-мъ, не приводя никакихъ доказательствъ; этотъ фактъ скорѣе можно было бы объяснить опечаткой, что впрочемъ не отмѣчено въ книгѣ, если бы у него не было другой не меньшей странности, а именно, онъ пользуясь надписями Бэка и не постаравшись напередъ опровергнуть мнѣніе этого ученаго относительно войны Сатира съ царицею Тиргатао, говорить, вопреки мнѣнію Бэка ³⁾, что Сатиръ велъ съ нею войну и, желая помирить извѣстія Полиэна ⁴⁾ со схолиастомъ Димосеена ⁵⁾ и съ Арпократиономъ ⁵⁾, продолжаетъ, что онъ умеръ при осадѣ Θεοδοσίη. Посмотримъ же теперь, что сообщаетъ намъ Полиэнь о Сатирѣ, который, по мнѣнію Thirion'a, былъ сыномъ Спартока и умеръ подъ Θεοδοσίη.

(Polyaeni. lib. VIII § 55). „Μαοτανκα Τηργαταο вышла замужъ за Екатея, царя синдговъ, которые обитаютъ немного выше Воспора. Вотъ этого-то Екатея, лишеннаго власти, возстановилъ на престолѣ Сатиръ, тираннъ Воспора, и выдалъ за него дочь свою замужъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы Екатей убилъ свою первую жену. Но Екатей, любя Тиргатао, не рѣшился ее убить, а навсегда заключилъ ее подъ крѣпкій караулъ, откуда ей удалось убѣжать. Хотя Екатей и Сатиръ

¹⁾ Demosthenis quae supersunt, edit. Ioannes Reiske Londini 1822 г. р. 511 46—710. Θεοδοσία χωρίον κείμενον ἐγγύς Σχυθῶν, ὃ πολιτικῶν Σάτωρος ἐτελεύτησεν.

²⁾ Thirion. «De civit., quae a Gr. in Ch. T. condit. fuerunt» р. 50.

³⁾ Бэкъ. С. i. Gr. Тп р. 92.

⁴⁾ Polyaeni Strategicon, edit. Eduardi Woelfflini, Lipsiae 1860 г. lib. VIII § 55 р. 328—329.

⁵⁾ Ἀρποκρατίωνος περὶ τῶν λέξεων.—Θεοδοσίαν. Δημοσθένης ἐν τῇ περὶ τῶν ἀτελειῶν, ὅτι Σάτωρος Θεοδοσίαν πολιτικῶν ἐτελεύτησεν. ἔστι δὲ χωρίον κείμενον ἐγγύς Σχυθῶν.

со своими приближенными неутомимо разыскивали ее, боясь, чтобы она не возбудила къ войнѣ противъ нихъ мѣотовъ, однако не могли ее найти. Тиргатао же, пробираясь по пустыннымъ и гористымъ дорогамъ, днемъ скрываясь въ дѣсахъ, а ночью продолжая путь, наконецъ пришла къ такъ называемымъ яесаматамъ, а оттуда въ царство своихъ родныхъ. Не заставъ въ живыхъ отца, она, выйдя замужъ за его преемника, ведетъ яесаматовъ на войну противъ Екатея и Сатира и, склонивъ на свою сторону многія мѣотскія воинственные племена, такъ сильно опустошила страну Екатея и причинила такъ много вреда подданнымъ Сатира, что они оба, давъ ей въ заложники сына Сатирова—Митродора, просили у нея мира. И она на это согласилась. Однако, они не сдержали клятвы. Сатиръ уговорилъ двухъ своихъ друзей явиться къ царицѣ подъ видомъ бѣглецовъ, ищущихъ защиты, и составить противъ нея заговоръ. Когда они убѣждали, Сатиръ сталъ требовать у нея выдачи ихъ; но она, уважая законы гостеприимства, написала ему въ отвѣтъ, что оказала бѣглецамъ свое покровительство.

Послѣ этого заговорщики приступили къ выполнению своего плана: въ то время какъ одинъ изъ нихъ велъ съ царицей разговоръ о важныхъ дѣлахъ, другой, намѣреваясь поразить ее обнаженнымъ мечомъ, промахнулся, попавъ ей въ поясъ, который она носила.

Сбѣжавшіеся тѣлохранители стали допрашивать заговорщиковъ, которые и сознались, что они подсланы тиранномъ съ цѣлью убить царицу. Услышавъ это, Тиргатао убиваетъ заложника Митродора и подвергаетъ страшному опустошенію области Сатира—до тѣхъ поръ, пока Горгицъ, сынъ Сатира, скончавшагося отъ этого горя, принявъ бразды правленія, самъ со многими дарами не отправился просить мира и не получилъ его“.

Итакъ, изъ этого разсказа Полиѳна видно, что Сатиръ

былъ тиранномъ на Воспорѣ и умеръ съ горя, оставивъ по себѣ преемникомъ—сына Горгиппа. Изъ двухъ извѣстныхъ намъ Сатировъ ни тотъ ни другой не могутъ быть этимъ Сатиромъ, потому что одинъ изъ нихъ Сатиръ I-й, сынъ Спартака, какъ мы свазали выше, скончался при осадѣ Θεодосіи ¹⁾, а другой Сатиръ, сынъ Перисада I-го, о которомъ мы будемъ говорить ниже, умеръ въ междоусобной борьбѣ съ братомъ своимъ Евмеломъ отъ раны, полученной при осадѣ замка Арифарна, и, кромѣ того, ни тотъ ни другой Сатиръ не оставили по себѣ наслѣдникомъ Горгиппа. Очевидно, что Сатиру I-му, занятому войной съ Тиргатао, немислимо было думать о повореніи другихъ городовъ и вести одновременно войну въ двухъ различныхъ пунктахъ. Невозможно также предположить, чтобы Сатиръ, заключивъ съ Тиргатао миръ, отправился осаждать Θεодосію, гдѣ онъ, пораженный вѣстью о новомъ опустошительномъ нашествіи царицы, умеръ съ горя—невозможно потому, что, подославъ къ ней убійцъ, онъ долженъ былъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за исходомъ дѣла и, въ случаѣ неудачи, долженъ былъ приготовиться къ новой войнѣ, такъ какъ онъ могъ предвидѣть, что война будетъ неизбежна, если замыслы его будутъ открыты, что и случилось. Нечего и говорить, что другой Сатиръ, занятый войной съ братомъ изъ-за обладанія престоломъ, не могъ вести войны съ Тиргатао, когда его власть была непрочна.

Итакъ, мнѣ кажется, совершенно невозможно согласить извѣстіе Полиэна съ извѣстіемъ, находящимся у Арпократіона и схолиаста Димосѳена, а нужно выбирать что-нибудь одно, и я склоняюсь скорѣе на сторону послѣднихъ двухъ.

На основаніи всего вышесказаннаго, Бѣкъ, какъ кажется, совершенно основательно предположилъ, что Сатиръ, о кото-

¹⁾ Муравьевъ-Апостоль. «Путешествіе по Тавридѣ» с. 273 добродушно сознается въ своемъ незнавіи, откуда почерпается это извѣстіе.

ромъ упоминаеть Полиѣнь, отецъ Горгиппа, что онъ былъ однимъ изъ Спартокидовъ и что онъ современникъ Левкона. Можетъ-быть, Левконъ или Спартокъ III-й, по Бэку, поставилъ его начальникомъ надъ азиатскимъ Воспоромъ, гдѣ Полиѣнь и отмѣчаетъ его царство, и, можетъ-быть, про могилу этого-то Сатира на азиатской сторонѣ Воспора упоминаеть Стравонъ¹⁾; по смерти же этого Сатира Перисадъ I-й назначилъ на его мѣсто сына его Горгиппа, что окажется еще болѣе правдоподобнымъ, если считать его тестемъ Перисада. А что касается до того, что Полиѣнь называетъ Сатира и Горгиппа тираннами Воспора, то это покажется не такъ страннымъ, если мы примемъ во вниманіе обычай древнихъ называть дѣтей царей царями, а дѣтей и даже внуковъ тиранновъ—тираннами, въ особенности если имъ поручалась какая-нибудь часть въ тиранніи.

Спасскій²⁾, основываясь на только что упомянутомъ извѣстїи Стравона, утверждаетъ, что на азиатской сторонѣ погребенъ не кто иной, какъ Сатиръ I-й, что, какъ видно изъ вышесказаннаго, совершенно неосновательно. Да и въ самомъ дѣлѣ, если Сатиръ I-й умеръ подъ Θεοδοσίῃ, то въ чему было такъ далеко везти хоронить его? Не естественнѣе ли ожидать, что его, по примѣру предыдущихъ правителей, похоронили въ столицѣ Пантикапеонѣ—въ усыпальницѣ царей?

Муравьевъ-Апостолъ³⁾, высказывая мнѣніе, противоположное мнѣнію Спасскаго, впадаетъ въ другую ошибку, считая могилу на азиатской сторонѣ Воспора могилой древнѣйшаго Сатира, принадлежавшаго въ дому Археанактидовъ.

Сынъ Сатира I-го Левконъ правилъ по Діодору⁴⁾ 40

¹⁾ Strab. lib. XI c. II. Ἐντεῦθεν δ' ἐπὶ τὸ Σατύρῳ μνήμα ἐνε-
νήκοντα στάδιοι τοῦτο δ' ἐστὶν ἐπ' ἀκρᾶς τινὸς χωστὸν ἀνδρὸς τῶν ἐπι-
φανῶς δυναστευσάντων τῷ Βοσπόρῳ.

²⁾ Спасскій. «Восф. Киммер.» р. 46.

³⁾ Муравьевъ-Апостолъ. «Путеш. по Тавридѣ» р. 273.

⁴⁾ Diodor. Sicul. lib. XIV c. 93 p. 411 Th et lib. XVI c. 31 p. 36 Th edit. B.

лѣтъ—отъ 388/7 до 348/7. Получивъ въ свои руки власть, онъ, вѣроятно, продолжалъ начатую еще его отцомъ осаду города Θεοδοσίи, которая, какъ видно изъ его титула ¹⁾, и сдалась ему.

Левконъ, выстроивъ въ ней гавань на 100 ²⁾ кораблей и украсивъ городъ, назвалъ его Θεοδοσίей по имени или жены, или сестры своей. По примѣру своего отца, Левконъ находился съ аэинянами, которые даже дали ему право гражданства и ателію, въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, которыя очень ясно рисуется предъ нами Димосеенъ ³⁾ въ рѣчи противъ Лептина: „Такъ какъ, судья“, говоритъ ораторъ по поводу предложенія Лептина лишить аэинскихъ гражданъ ателіи: „въ его законѣ ясно написано: „никто ни изъ гражданъ, ни изъ ἰσοτλαίς, ни изъ чужестранцевъ не долженъ быть свободнымъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ не обозначено, отъ чего свободнымъ,—отъ хоригіи ли, или другой какой повинности, но только просто—„свободнымъ не долженъ быть ни-

1) Compte-Rendu de la com. imp. arch. an. 1872 p. 171. Надпись, открытая на полуостровѣ Тамани; высота 1 арш. 14¹/₂ вер., ширина 5 ¹/₂ вер., толщина 7¹/₂ вер.

Δήμαρχος Σκύθων
ἀνέθηκεν Ἀφροδίτῃ
Ὀδρανίῃ Ἀπατούρῃ
Μεθεούσῃ
ἄρχοντος
Λεύκωνος Βοσπόρου
καὶ Θεοδοσίης.

Воеск. С. i. Gr. Тп р. 1010 № 2134. Надпись, найденная въ церкви Св. Григорія въ Нахичевани, куда, по Бэку, она была перенесена изъ Θεοδοσίи.

Στρατοκλῆς ὑπὲρ πατρὸς τοῦ ἑαυτοῦ
Δεινοστράτου ἱερησαμένῳ Ἀπόλλωνι ἱητρῷ
ἀνέθηκεν Λεύκωνος ἄρχοντος Βοσπόρου
καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύοντος Σίνδων
Τορετέων Δανδαρίων Ψησῶν.

2) Strab. lib. VII c. IV p. 257, edid. M. et. Dindorf.

3) Demosth. πρὸς Λεπτίνην p. 9—11 Тп edit. Becceri Lipsiae 1854 г.

кто, кромѣ потомковъ Армодіа и Аристогитона“, и такъ какъ въ словѣ „никто“ содержатся всѣ остальные, а въ слову „чужестранцы“ (ξένοι) не присоединено ограниченія—„пока онъ живетъ въ Аѳинахъ“,—то отнимаетъ также и у Левкона, правителя Веспора, и у его дѣтей представленный имъ съ вашей стороны почетный подарокъ. Конечно, Левконъ, какъ извѣстно, по происхожденію чужестранецъ, но аѳинскій гражданинъ, по вашему назначенію. Но ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ, въ силу этого закона, ему уже нельзя будетъ пользоваться ателиєю. А между тѣмъ, какъ изъ прочихъ благодѣтелей государства каждый оказывался намъ полезнымъ только на время, онъ, очевидно, оказывалъ намъ услуги непрерывно, и притомъ въ вещахъ, въ которыхъ особенно нуждалось наше государство. Вѣдь вамъ, конечно, извѣстно, что никакой народъ не употребляетъ такъ много привознаго хлѣба, какъ мы. Подвозъ хлѣба изъ Понта уже одинъ сравнится съ подвозомъ изъ остальныхъ торговыхъ мѣстъ. И этому нечего удивляться; это происходитъ не оттого только, что та страна производитъ много хлѣба, но, преимущественно, оттого, что Левконъ, тамошній правитель, предоставилъ свободу отъ пошлинъ тѣмъ, которые прѣзжаютъ съ грузомъ въ Аѳины, и плывущимъ сюда транспортнымъ судамъ разъ навсегда предоставилъ право—первымъ нагружать корабли. Ибо ту же самую привилегію, которую онъ получилъ для себя и своихъ дѣтей, онъ также съ своей стороны предоставилъ всѣмъ вамъ. Обратите же вниманіе, насколько это важно. Отъ всѣхъ, которые у него нагружаютъ хлѣбъ, онъ беретъ одну тридцатую. Теперь, ежегодно привозится оттуда къ намъ около 400,000 медимновъ, какъ это можно видѣть изъ списковъ ввозимаго хлѣба у ситофилаковъ. Слѣдовательно, онъ на 300,000 медимновъ даетъ намъ 10,000 медимновъ и на 100,000—приблизительно 3,000 медимновъ. Будучи далекъ отъ того, чтобы отнять это благодѣяніе у государства, онъ, кромѣ того, еще привазалъ устро-

ить гавань въ Θεодосіи, которая, по словамъ корабельщиковъ, ни въ чемъ не уступаетъ гавани Веспора, и также тамъ предоставилъ намъ свободу отъ пошлинъ. Чтобы не упоминать далѣе о многихъ другихъ заслугахъ, которыя какъ онъ, такъ и его предки оказали намъ, я приведу только одно, а именно: во время всеобщаго недостатка хлѣба, два года тому назадъ, онъ прислалъ хлѣба не только для покрытія вашихъ собственныхъ нуждъ, но въ такомъ количествѣ, что вы при продажѣ его выручили 15 талантовъ, которыми завѣдывалъ Каллисѣенъ. Итакъ, афиняне, что вы должны ожидать отъ столь заслуженнаго у васъ человѣка, если онъ услышитъ, что вы, въ силу закона, отняли у него ателію, и даже въ случаѣ, если вы когда-нибудь перемените образъ мыслей и не будете въ состояніи утвердить за нимъ таковую. Развѣ вы не знаете, что этотъ законъ, въ случаѣ если онъ будетъ утвержденъ, отнимаетъ ателію не только у него, но и у тѣхъ изъ васъ, которые вывозятъ у него хлѣбъ. Ибо этого никто не можетъ себѣ представить, чтобы онъ равнодушно перенесъ объявленіе предоставленныхъ ему вами выгодъ недѣйствительными, а вы бы продолжали пользоваться выгодами, которыми пользуетесь у него. Итакъ, не обращая вниманія на убытки, которыми несомнѣнно грозитъ этотъ законъ, онъ, кромѣ того, лишаетъ васъ выгодъ, которыми вы до сихъ поръ пользовались.... Изъ этихъ рѣшеній, судьи, вы видите, съ какимъ полнымъ правомъ Левконъ получилъ отъ васъ ателію. И для всего этого вы сообща съ нимъ поставили столбы съ надписями въ Веспорѣ, въ Пиреѣ, Іеронѣ. Обратите вниманіе теперь на то, къ какой безмѣрной низости влечетъ васъ этотъ законъ, въ силу котораго цѣлое государство является болѣе вѣроломнымъ, чѣмъ одинъ человѣкъ. Ибо не думайте, что тѣ столбы представляютъ что-нибудь иное, какъ договоры относительно всего, что вы получили или что сами подарили. О Левконѣ можно сказать, что онъ вѣрно держится ихъ и постоянно готовъ ока-

зывать вамъ добро, напротивъ, вы, несмотря на то что эти договоры лежать у всѣхъ предъ глазами, лишили ихъ силы, и это гораздо хуже, чѣмъ если бы вы ихъ сломали; такимъ именно образомъ, они, пока только будутъ существовать, будутъ служить опорой для тѣхъ, которые пожелають поносить государство“.

О послыѣхъ хлѣба Левкономъ афинянамъ также упоминаеть Стравонъ¹⁾; такъ, отъ него мы узнаемъ, что Левконъ изъ Θεοδοσίη выслалъ афинянамъ 2,100,000 медимновъ. Изъ относящагося къ 369 году²⁾ декрета аркадцевъ, въ честь Левкона, можно заключить, что они за услуги послѣдняго дали ему какия-то привилегіи; по всей вѣроятности, среди нихъ Левконъ вербовалъ для себя наемниковъ и помогалъ имъ хлѣбомъ. А что воспорскіе правители имѣли у себя наемниковъ, то объ этомъ можно заключить изъ Діодора³⁾, гдѣ онъ рассказываетъ про междоусобную борьбу между братьями, о чемъ будетъ сказано ниже.

Щедрости Левкона относительно афинянъ соотвѣтствовало и его могущество. Такъ, мы знаемъ, что, кромѣ Θεοδοσίη, онъ правилъ еще многими азіатскими народами: синдами⁴⁾, то-

¹⁾ Strab. lib. VII c. IV § 6 p. 258 edit. M. et Dind.

²⁾ Dittenberger. Sylloge inscriptionum Graecarum p. 169. Lipsiae 1883.

Надпись, найденная на валу Пантисапэона.

Ἐξέσεν τὰς Ἀρκάσιον Λεύκωνα τὸν Σατύρου Παντικαπαταίων.

³⁾ Diodor. Sicul. lib. XX c. 22 sq.

⁴⁾ Comptes-Rendus de la com. imp. archéol. p. 205, an. 1865.

Надпись найдена въ 1864 г. представляютъ собой известковую плиту, въ длину 1 арш. 3 вер., выш. 9¹/₂ вер., толщины 3¹/₂ верш.

Κρέσσις Μέδοντος Δήμητρι....

ἄρχοντος Λεύκωνος Βασπόρου....

καὶ βασιλεύοντος Σίνδων....

Отсутствие части камня возбуждаетъ сомнѣніе, не находилось ли въ 3-й строкѣ, кромѣ синдовъ, еще маоты и др. народы, а во 2-й стр., кромѣ Веспора—не была ли еще упомянута и Θεοδοσίη. Остается также неизвѣстнымъ вопросъ о томъ, былъ ли прибавленъ особый эпитетъ въ 1-й строкѣ къ имени Димитры.

ретами, дандаріями и псиссами ¹⁾, о которыхъ мы уже сказали выше. Не извѣстно, какъ широко простирались владѣнія прежнихъ воспорскихъ правителей, и первый ли Левконъ покорилъ эти народы, или уже они, или, по крайней мѣрѣ, часть ихъ, были покорены до него. Если только мы повѣримъ разсказамъ Полиэна ²⁾, то окажется, что Левконъ велъ войну съ ираклеотами, изъ которой Полиэнъ упоминаетъ слѣдующіе два случая:

„Левконъ, узнавъ во время войны съ ираклеотами, что нѣкоторые изъ трирарховъ желаютъ ему измѣнить и перебраться на сторону непріятеля, приказалъ схватить ихъ и привести къ нему. Когда трирархи были приведены, онъ сказалъ: „я и прежде слышалъ про васъ дурныя рѣчи, но не вѣрилъ имъ, да и теперь не беспокойтесь, чтобы я назначилъ другихъ трирарховъ; я сдѣлалъ это потому, чтобы въ случаѣ пораженія—не подозрѣвать васъ въ измѣнѣ“. Показывая видъ, что онъ расположенъ къ заподозрѣннымъ, Левконъ дѣлаетъ ихъ родственниковъ начальниками областей. Когда же кончилась война, онъ снарядилъ надъ ними судъ, дабы не показалось, что онъ безо всякаго основанія подозрѣваетъ ихъ. Когда виновные вмѣстѣ со своими родственниками явились, Левконъ, окруживъ ихъ вооруженными солдатами, приказалъ ихъ перебить“.

Другой случай былъ слѣдующій:

„Когда ираклеоты шли морскимъ походомъ на Левкона и хотѣли высадиться гдѣ-нибудь въ его странѣ, онъ, видя, что его войны злоумышляютъ противъ него и не хотятъ сопротивляться врагамъ, выстроилъ свои войска такъ: въ первые ряды поставилъ тяжеловооруженныхъ, а позади ихъ скинскихъ стрѣлковъ, которымъ во всеуслышаніе объявилъ, чтобы

¹⁾ *Compte-Résumé de la com. imp. archéol. Boeck C. I. Gr. T. II p. 1010. № 2134* смотр. стр. 8 этого сочиненія.

²⁾ *Polyaeni Strategic. lib. VI 9 p. 224—225 ed. Woelfflini.*

они стрѣляли изъ лука и убивали всѣхъ тяжеловооруженныхъ, если послѣдніе струсятъ и позволять неприятелю высадиться. Тяжеловооруженные, услышавъ такой приказъ, сильно сопротивлялись высадкѣ неприятеля“.

Изъ этого же сочиненія ¹⁾ мы узнаемъ, что противъ Левбона намѣревался итти походомъ Мемнонь, зять сатрапа Артабаза; по всей вѣроятности, это обстоятельство относилось уже къ послѣднимъ лѣтамъ правленія и жизни Левбона, такъ какъ изъ рѣчи Димосеена ²⁾, 352 года, мы знаемъ, что Мемнонь былъ еще *ἀνδρωπὸς νέος*. Вотъ что про этотъ случай рассказываетъ намъ Полиэнь:

„Мемнонь, намѣреваясь сдѣлать нападеніе на Левбона, тирана Воспора, посылаетъ къ нему на корабляхъ посломъ византіяца Архивиада, подъ предлогомъ заключить съ нимъ дружескій союзъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы узнать о величинѣ его городовъ и количествѣ народонаселенія. Вмѣстѣ съ Архивиадомъ также отправился и Аристониэ изъ Олинеа, славный греческій пѣвецъ, который во время остановокъ на пути пѣлъ въ театрахъ, а потомъ передавалъ Архивиаду о количествѣ людей, посѣщающихъ театр“.

Всѣ древніе писатели, которые даютъ намъ кое-какія свѣдѣнія о Левбонѣ, отзываются о немъ съ самой выгодной для него стороны; такъ, напр., Полиэнь ³⁾ рассказываетъ намъ про Левбона ходячіе, вѣроятно, въ древности анекдоты, свидѣтельствующіе о его мудрости. „Левбонъ“, рассказываетъ Полиэнь: „нуждаясь въ деньгахъ, объявилъ, что онъ намѣренъ чеканить новую монету; поэтому всѣ начальники областей должны были привести ему старую монету для перечекианія. Когда они принесли всю монету, сколько у нихъ ея ни было, онъ, сдѣлавъ на ней другой знакъ, увеличилъ вдвое стоимость

¹⁾ Polyaei Strategic. lib. V, 44 p. 210. edit. Woelfflini.

²⁾ Demosth. Κατὰ Ἀριστοκράτους p. 150. edit. B.

³⁾ Polyaei Strat. lib. VI 9 p. 224. edit. W.

монеты; такимъ образомъ, получивъ половину всѣхъ денегъ, никого изъ гражданъ не оставилъ въ убыткѣ¹⁾.

Тотъ же авторъ передаетъ намъ и другой случай:

„Левконъ, узнавъ, что друзья и многіе граждане составили противъ него заговоръ, призываетъ къ себѣ всѣхъ торговыхъ людей и проситъ ихъ одолжить ему денегъ, говоря, что онъ заплатитъ имъ ихъ, какъ только получитъ долгъ съ непріятеля. Они съ удовольствіемъ одолжаютъ его. Тогда Левконъ, собравъ ихъ во дворѣ и объявивъ имъ о заговорѣ гражданъ противъ него, сказалъ, что они прежде должны сдѣлаться его тѣлохранителями и спасти его, если желаютъ получить свои деньги. Купцы, не желая потерять денегъ, одни, взявъ оружіе, сдѣлались тѣлохранителями, а другіе—стражами двorca. Послѣ этого Левконъ, съ помощью этихъ купцовъ и самыхъ вѣрныхъ своихъ слугъ, схватываетъ заговорщиковъ, казнивъ которыхъ, возвращаетъ купцамъ деньги“.

Дѣйствительно, на эти извѣстія иначе нельзя смотрѣть, какъ на ходячіе анекдоты, потому что трудно допустить, чтобы противъ такого образцоваго правителя, каковымъ былъ Левконъ, какъ по рассказамъ самого Полиэна, такъ и другихъ писателей, такъ много составлялось заговоровъ. Рассказъ же Полиэна о перечежанѣ монеты, вѣроятно, позаимствованъ изъ правленія Левкона II-го и только измѣненъ примѣнительно къ Левкону I-му, чтобы охарактеризовать его находчивость, о чемъ, впрочемъ, мы скажемъ ниже, когда будемъ излагать правленіе Левкона II-го.

Еще болѣе благоприятный отзывъ о Левконѣ даетъ Діонъ Хрисостомъ¹⁾, который называетъ его государемъ мужественнымъ, человеколюбивымъ, милостивымъ къ своимъ подданнымъ, чтителемъ добродѣтели, безпозвоившимся о томъ, чтобы не оказаться хуже кого-нибудь изъ хорошихъ людей, и опорой сла-

¹⁾ Dionis Chrysostomi Oratio II de regno, edit. Dindorfii, Lipsiae 1857 p. 37—38.

быхъ. Съ этимъ отзывомъ Діона согласуется отзывъ Хрисиппа ¹⁾, на который ссылается также и Стравонъ ²⁾. Хрисиппъ говоритъ, что Левконъ былъ мудрымъ правителемъ и при дворѣ его господствовала строгая дисциплина и добрые нравы, что подтверждается и показаніемъ Энея ³⁾ о томъ, что Левконъ, тиранъ Воспора, уволилъ отъ службы нѣкоторыхъ тѣлохранителей, впавшихъ въ долги или вслѣдствіе игры въ кости или вслѣдствіе другихъ пороковъ.

Примѣчаніе. Сабатье ⁴⁾, слѣдуя мнѣнію Седильо, считаетъ этого Левкона—Левкономъ II-мъ, при чемъ сознается, что онъ не знаетъ источниковъ, по которымъ онъ устанавливаетъ время правленія Перисада I-го, Левкона I-го и Сагавра. Дѣйствительно, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній въ тому, почему Спартокидовъ Левкона и Перисада нужно считать вторыми, какъ сдѣлано это у Сабатье.

Тирьонъ ⁵⁾ и Орѣшниковъ ⁶⁾ считаютъ Горгиппа, который основалъ городъ Горгиппію, братомъ Левкона; но мы уже сказали выше о томъ, кто былъ этотъ Горгиппъ и приводили свои основанія.

Основываясь на словахъ Клавдія Эліана ⁷⁾ «ἢ τῶν Λευκωνίδων περι Βόσπορον», свидѣтельствующихъ о томъ, что съ Левкона—Спартокиды получили новое названіе Левконидовъ, можно съ достаточнымъ основаніемъ предположить, что время правленія Левкона было блестящее, такъ что Левконъ считается какъ бы вторымъ основателемъ династіи.

1) Plutarchi. «Moralia» de Stoicorum repugnantibus c. XX Tit p. 1276 edit. Dübneri, Paris. 1841.

2) Strab. lib. VII c. III § 8 p. 250 Tit edit. M.

3) Aeneae. «Commentarius Poliorceticus» edit. Hercher. Bero-
lini p. 13. 1870.

4) Сабатье. «Керчь и Воспоръ» стр. 32—34.

5) Thirion. «De civit., quae a Gr. in. Ch. T. con. fuerunt» p. 54.

6) Орѣшниковъ. «Б. Ким.» стр. 20.

7) Claudii Aeliani. «Varia historia» Tit p. 82₁₃ edit. Hercheri,
Lipsiae 1866.

По смерти Левкона власть на Воспорѣ перешла въ двухъ его сыновьямъ Спартоку II и Перисаду I, которые и управляли государствомъ сообща ¹⁾ съ 348/7 до 343/2 года, а съ 343/2 г. по смерти Спартока Перисадъ остался единственнымъ повелителемъ Воспора до 310/9 года. Діодоръ ²⁾, а за нимъ и всѣ новѣйшіе ученые до открытія надписи, которая будетъ приведена нами ниже, дѣлили это царствованіе на два, причемъ для правленія Спартока II-го удѣляли время отъ 353/2 — 348/7, а до 310/9 для Перисады; но о хронологіи правленій съ Сатира I-го до Перисады I-го нами уже сказано, когда было говорено о правленіи Сатира I-го.

Какъ видно изъ надписи 346 г., новые правители прежде всего послали въ Аѳины пословъ съ извѣщеніемъ о принятіи ими власти и подтвержденіемъ аѳинянамъ прежде дарованныхъ имъ льготъ. Считаю нелишнимъ въ этомъ мѣстѣ помѣстить переводъ этой замѣчательной надписи, которая проливаетъ много свѣта на запутанную исторію Воспора Клемерійскаго.

„Спартоку, Перисаду, Аполлонію—сыновьямъ Левкона—при архонтѣ Θεμιστοκλέῳ въ восьмую пританію эгійской филы, въ которой Лисимахъ, сынъ Сосидима, ахарнеецъ, былъ секре-

Σπάρτοκῳ Παρισάδῃ
 Ἀπολλωνίῳ Λεύκωνος παισί
 Ἐπὶ Θεμιστοκλέους ἀρχοντος
 ἐπὶ τῆς Αἰγίδος ὀγδόῃς πρυ-
 τανείας, ἣ Λυσίμαχος Σωσιδήμ-

¹⁾ Sylloge Inscript. Graec. edit. Dittenberger p. 171. Надпись представляетъ колонну изъ пентелийскаго мрамора; въ верхней части колонны изображены три мужескія фигуры—двѣ въ сидячемъ положеніи, а одна стоя. Надпись эта найдена въ Пирее и издава Куманудисомъ въ Аѳинеонѣ т. VI 1877 г.

²⁾ Diodor. Sicul. lib. XVI c. 31 p. 36 edit. В. Тит и с. 52 p. 60.

таремъ, Теофилъ, алимузіецъ, былъ предсѣдателемъ притановъ, Андротіонъ, сынъ Андрона, изъ гаргитскаго дома предложилъ относительно того, о чемъ просить Спартокъ и Перисадъ и о чемъ возвѣщаютъ пришедшіе отъ нихъ послы, дать отвѣтъ, что народъ аѳинскій хвалитъ Спартока и Перисада за то, что они хорошіе люди и объявляютъ народу аѳинскому, что они будутъ заботиться о высылкѣ хлѣба, подобно тому, какъ заботился ихъ отецъ, и что они охотно будутъ помогать, если въ чемъ будетъ нуждаться народъ; послы должны объявить имъ, что они, поступая такимъ образомъ, всего достигнуть отъ аѳинскаго народа. А такъ какъ они даютъ аѳинянамъ подарки такіе же, какіе дали Сатиръ и Леввонъ, то и для Спартока и Перисада быть такимъ же подаркамъ, какіе далъ народъ Сатиру и Леввону,—увѣнчать ихъ на великихъ па-

- ου Ἀχαρνέως ἐγραμμάτευεν, Θεό-
 φιλος Ἀλιμούσιος ἐπεστάται,
 Ἀνδρότιων Ἀνδρωνος Γαργήτιος εἶπεν πε-
 ρὶ ὧν ἐπέστειλε Σπάρτοκος καὶ Παιρισάδη-
 10 ς καὶ οἱ πρέσβεις οἱ ἤκοντες παρ' αὐτῶν ἀπα-
 γγέλλουσαν, ἀποκρίνασθαι αὐτοῖς, ὅτι ὁ δή-
 μος ὁ Ἀθηναίων ἐπαινεῖ Σπάρτοκον καὶ Παι-
 ρισάδην ὅτι εἰσὶν ἄνδρες ἀγαθοὶ καὶ ἐπαγ-
 γέλλονται τῷ δήμῳ τῷ Ἀθηναίων ἐπιμελ-
 15 ἦσεσθαι τῆς ἐκπομπῆς τοῦ σίτου, καθάπερ ὁ
 πατήρ αὐτῶν ἐπεμελεῖτο καὶ ὑπηρετήσειν π-
 ροθύμως ὅτου ἂν ὁ δῆμος δέηται, καὶ ἀπαγγέ-
 λλῃν αὐτοῖς τοὺς πρέσβεις, ὅτι ταῦτα ποι-
 οῦντες οὐδενὸς ἀτυχήσουσιν τοῦ δήμου το-
 20 ῦ Ἀθηναίων ἐπειδὴ δὲ τὰς δωρεὰς διδώσι
 ν Ἀθηναίοις, ὥσπερ Σάτυρος καὶ Λεύκων ἔδο-
 σαν, εἶναι Σπαρτόκῳ καὶ Παιρισάδει τὰς δ-
 ωρεὰς, ὡς ὁ δῆμος ἔδωκε Σατύρῳ καὶ Λεύκω-
 νι, καὶ στεφανοῦν χρυσῷ στεφάνῳ Παναθη-

паѳенныхъ золотымъ вѣнкомъ—цѣною по 1000 драхмъ ка-
ждый. Вѣнки же эти сдѣлать аелоѳетамъ за годъ до великихъ
паѳенней, согласно постановленію народа, состоявшемуся ра-
нѣе относительно Левкона, и объявить, что аѳинскій народъ
увѣнчиваетъ Спартока и Перисада, дѣтей Левкона, за ихъ
добродѣтель и за ихъ расположеніе къ народу аѳинскому. А
такъ какъ они посвящаютъ вѣнки Аѳинѣ Полиадѣ, то аело-
ѳетамъ—положить эти вѣнки въ храмъ съ слѣдующей над-
писью: Спартокъ и Перисадъ, дѣти Левкона, увѣнчанные на-
родомъ аѳинскимъ, посвятили Аѳинѣ. А такъ какъ деньги на
эти вѣнки аелоѳетамъ даетъ казначей народа изъ суммъ, ас-
сигнуемыхъ народу на расходы, сообразно съ его постановле-
ніями, то въ настоящемъ случаѣ—выдать аелоѳетамъ деньги

- 25 ναλοῖς τοῖς μεγάλοις ἀπὸ χιλίων δραχμῶν
ἐκάτερον· ποιῆσθαι δὲ τοὺς στεφάνους το-
ὺς ἀθλοθέτας τῆ προτέρῳ ἔτει Παναθηνα-
ίων τῶν μεγάλων κατὰ τὸ φήρισμα τοῦ δήμου
τὸ πρότερον ἐψηφισμένον Λεύκωνι καὶ ἀνα-
30 γορεύειν, ὅτι στεφανοὶ ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων
Σπάρτοκον καὶ Παρισάδην τοὺς Λεύκωνος
παῖδας ἀρετῆς καὶ εὐνοίας ἕνεκα τῆς εἰς τ-
ὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων· ἐπειδὴ δὲ τοὺς στεφ-
άνους ἀνατιθέασι τῇ Ἀθηνᾷ τῇ Πολιάδι,
35 τοὺς ἀθλοθέτας εἰς τὸν νεῶ ἀνατιθέναι το-
ὺς στεφάνους, ἐπιγράψαντας· Σπάρτοκος
καὶ Παιρισάδης Λεύκωνος παῖδες ἀνέθεσα-
ν τῇ Ἀθηνᾷ, στεφανωθέντες ὑπὸ τοῦ δήμ-
ου τοῦ Ἀθηναίων τὸ δὲ ἀργύριον διδόναι το
40 ἰς ἀθλοθέταις εἰς τοὺς στεφάνους τὸν τοῦ
δήμου ταμίαν ἐκ τῶν εἰς τὰ κατὰ ψηφίσματα
τῆ δῆμῳ μερίζομένων· τὸ δὲ νῦν εἶναι παρ

на эти вѣнны изъ военной кассы; секретарю же совѣта написать это рѣшеніе на каменной колоннѣ и поставить вблизи колонны Сатира и Левкона; на надпись же эту казначею народа выдать тридцать драхмъ. Поблагодарить пословъ Сесиса и Θεοδοσία за то, что они заботятся о пріѣзжающихъ изъ Аѳинъ въ Воспоръ и пригласить ихъ для угощенія на другой день въ пританій. Просдравъ же—которымъ выпадеть жребій засѣдать въ народѣ 18-го елафиволіона, тотчасъ же послѣ религиозныхъ дѣлъ разсуждать о томъ, какъ бы сыновья Левкона получили деньги, которыя задолжалъ имъ народъ, чтобы они не стали упрекать народъ аѳинскій, не получивъ денегъ. Дать моряковъ, которыхъ просить Спартокъ и Перисадъ; посламъ же переписать имена моряковъ, которыхъ они возьмутъ,

- αδοῦναι, τοὺς ἀποδέκτας τὸ εἰς τοὺς στεφάνους ἐκ τῶν στρατιωτικῶν χρημάτων ἀναγράφαι δὲ τὸ φήμισμα τὸδε τὸν γραμματέα τῆς βουλῆς ἐν στήλῃ λιθίνῃ καὶ στήσαι πλησίον τῆς Σατύρου καὶ Λεύκωνος· ἐς δὲ τὴν ἀναγραφὴν δοῦναι τὸν ταμίαν τοῦ δήμου τριάκοντα δραχμάς· ἐπαινεῖσαι δὲ τοὺς πρέσβεις
- 50 Σῶσιν καὶ Θεοδοσίον, ὅτι ἐπιμελοῦνται τῶν ἀφικνουμένων Ἀθηνησιν εἰς Βόσπορον, καὶ καλεῖσαι αὐτοὺς ἐπὶ ξένια εἰς τὸ πρυτανεῖον εἰς αὖριον· περὶ δὲ τῶν χρημάτων τῶν ὀφειλομένων τοῖς παισὶ τοῖς Λεύκωνος ὅπως
- 55 ἂν ἀπολάβωσιν χρηματίσαι τοὺς προέδρους οἱ ἂν λάχωσι προεδρεύειν ἐν τῷ δήμῳ τῆ ὀγδόῃ ἐπὶ δέκα πρῶτον μετὰ τὰ ἱερά, ὅπως ἂν ἀπολαβόντες τὰ χρήματα μὴ ἐγκαλῶσι τῷ δήμῳ τῷ Ἀθηναίων δοῦναι δὲ τὰς ὑπηρεσίας
- 60 ας ἄς αἰτοῦσι Σπάρτοκος καὶ Παιρισάδης τοὺς δὲ πρέσβεις ἀπογράψαι τὰ ὀνόματα τῶν

для секретаря совѣта; тѣмъ же, которыхъ переписицѣ послы, насколько хватитъ силъ, лучше исполнять привязанія сыновей Левкона. Π.....ος, сынъ Тимократа, крioneй, сдѣлалъ добавку въ предложеніи Андротіона: увѣнчать Аполлонія, сына Левкона....“

ὄπηρεσιῶν ὧν ἂν λάβωσιν τῷ γραμματεῖ τῇ
 ς βουλῆς, οὕς δ'ἂν ἀπογράψωσιν εἶναι ἐν τῷ
 τεταγμένῳ ποιοῦντας ἀγαθὸν ὅ τι ἂν δύνω
 65 νται τοὺς παῖδας τοὺς Λεύκωνος. Π...
 ος Τιμοκράτους Κριωνεὺς εἶπε· τὰ μὲν ἄλλα κ
 ἀθάπρ' Ἀνδρωτίων, στεφανῶσα· δὲ καὶ Ἀπολ-
 λώνιον τὸν Λεύκωνος υἱὸν ἐκ τῶν...

Объ Аполлоніи больше ничего не извѣстно. По всей вѣроятности, онъ добровольно отказался отъ власти въ пользу своихъ братьевъ, потому что едва ли бы, въ противномъ случаѣ, аеиняне рѣшились сдѣлать почетныя постановленія въ его пользу; а если бы онъ пользовался равною властью со своими братьями, то нельзя тогда ничѣмъ объяснить того факта, что про него, какъ бы забыли сначала, а потомъ только, въ концѣ постановленія, будто вспомнивъ про его существованіе, сдѣлали упоминаніе и о немъ. Такимъ образомъ, изъ этой надписи мы видимъ, что Спартокъ II-й и Перисадъ I-й, какъ и отецъ ихъ Левконъ, пользовались правомъ аеинскаго гражданства и ателіей.

Перисадъ I-й, сдѣлавшись чрезъ 5 лѣтъ по смерти брата Спартока II-го единоличнымъ правителемъ Воспора, продолжалъ оказывать свое расположеніе аеинянамъ. Такъ, изъ рѣчи Димосеена ¹⁾, относящейся къ 330 г., мы узнаемъ, что Перисадъ издалъ указъ, по которому всякій, покупающій хлѣбъ для аеинской гавани, не платилъ пошлинь. Благодарные аеи-

¹⁾ Demosth. Πρὸς Θεσμίωνα § 36 p. 316 Tii edit. В.

няне за услуги Перисада I-го по старанію Димосеена, котораго Динархъ ¹⁾ упрекаетъ въ томъ, что будто бы онъ былъ подкупленъ тираннами Воспора, которые посылали будто ему по 1000 медимновъ пшеницы въ годъ, поставили на площади мѣдныя памятники въ честь Перисада I-го, сына его Сатира II-го и тестя Горгишна.

Кромѣ аѳинянь, Перисадъ I-й имѣлъ сношенія съ городомъ Амисомъ въ Малой Азии, отдѣльнымъ гражданамъ котораго онъ давалъ проксенію и ателію; такъ мы имѣемъ надпись ²⁾, въ которой говорится, что Перисадъ и дѣти его дали

1) Dinarch. Κατὰ Δημοσθένους р. 162—43 edit. M. TII.
 ... ἢ τὸ χαλκῶς ἐν ἀγορῇ στήσαι Βυρσιάδην καὶ
 Σάτυρον καὶ Γόργιππον τοὺς ἐκ τοῦ Πόντου
 τυράννους παρ' ὧν αὐτῷ χίλιοι μέδιμοι τοῦ
 ἑνιαυτοῦ πυρῶν ἀποστέλλονται...

2) C-Rendu de la com. imperial. archéolog. 1865 г. р. 205 № 3.
 Надпись эта представляетъ плиту бѣлаго мрамора длиною 6¹/₂ в., шириною 4¹/₂ в., толщиною 2 в., сверху украшена карнизомъ, а съ праваго бока обломана.

Βότρι Διονυσίου Πειραιεὶ προξενία
 Παιρσιάδης καὶ παῖδες Βότρου
 Διονυσίου Πειραιεὶ καὶ ἐγκόνοις
 ἔδωσαν προξενίαν καὶ ἀτέλειαν
 πάντων χρημάτων ἐν παν-
 τὶ Βοσπόρῳ αὐτοῖς καὶ χρήμασιν
 τοῖς τούτων καὶ εἰσπλουν κα-
 αὶ ἐκπλουν καὶ πολέμου καὶ
 εἰρήνης ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ.

Изъ этой надписи видно, что сыновья Перисада еще при жизни отца приняли участие въ составленіи государственнаго акта. Ботрисъ, къ которому относится этотъ декретъ, конечно, былъ гражданиномъ города Амиса, а не аѳинскаго дима Пирея, потому что лицо, которое принадлежало къ этому диму, въ пантикапейскомъ декретѣ непременно было бы названо аѳиняниномъ. Да, кромѣ того, какъ мы уже видѣли изъ декрета аѳинянь 346 г., Перисадъ былъ гражданиномъ аѳинскимъ. А что Амисъ носилъ имя Пирея, то объ этомъ мы узнаемъ изъ слѣдующихъ словъ Стравона lib. XII с. III § 14. . . Ἀμισός, πόλις ἀξιόλογος, διέχουσα τῆς Σινώπης περὶ ἑνακκοσίους σταδίους φησὶ δ' αὐτὴν Θεόπεμπτος πρῶτος Μιλησίους κτίσαι . . . Καππαδόκων ἄρχοντα, τρίτον δ' ὑπ' Ἀθηνοκλέους ἐποικισθεῖσαν, Περαιᾶ μετονομασθῆναι καὶ ταύτην δὲ κατέσχον οἱ βασιλεῖς, ὁ δ' Εὐπάτωρ ἐκόσμησεν ἱερῶς καὶ προσέκτισε μέρος...

Ботрису, сыну Діонисія, пирейцу, и его потомкамъ—просе-
нію, ателію на всемъ Воспорѣ, свободный—безъ особыхъ ус-
ловіи въѣздъ и выѣздъ ненарушимо и во время войны и во
время мира.

Во время правленія Перисада I-го Воспорское государ-
ство достигаетъ высокой степени могущества.

Этотъ могущественный правитель удачными войнами рас-
ширилъ предѣлы государства и царствовалъ надъ многими
народами.

О постепенномъ расширеніи предѣловъ Воспорскаго го-
сударства мы можемъ судить по надписямъ. Такъ, въ одной
надписи ¹⁾ Перисадъ I-й названъ архонтомъ Воспора и Θεодо-
сїи и царемъ синдоровъ, торетовъ и дандаріевъ. Въ болѣе же
поздней, чѣмъ эта, надпись онъ уже называется архонтомъ
Воспора и Θεодосїи и царемъ синдоровъ и всѣхъ мѣотовъ; съ
такимъ титуломъ мы имѣемъ три надписи ²⁾. Несмотря однако

1) Boesk. C. i. Gr. Th p. 156 p. 2117. Надпись на известко-
вомъ камнѣ въ 1' англ. длины, $8\frac{1}{2}$ " шир., 1'7" толщ. найдена
1819 г. Кёппеномъ около Фанагоріи.

*Ξενοκλείδης Πόσιος ἀνέθηκε
τὸν ναὸν Ἀρτέμιδι ἀγροτέρα
ἄρχοντας Παιρισάδου τοῦ
Λεύκωνος Βασπόρου καὶ Θεοδο-
σίης καὶ βασιλέων Σίνδων
καὶ Τορετῶν καὶ Δανδαρίων.*

2) Boesk. C. i. Gr. Th p. 156 p. 2118. Надпись изъ бѣлаго
мрамора найдена около города Тамани.

*Μήστωρ Ἰπποσθένης ὑπὲρ τοῦ πατρὸς
ἀνέθηκε Ἀπόλλωνι ἀγωνοθετήσας
ἄρχοντας Παιρισάδου Βασπόρου
καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύοντος Σίνδων
καὶ Μαϊτῶν πάντων.*

Ашиевъ. «Воспор. Цар.» р. 57 № 7. Надпись на синеватомъ
мраморѣ найдена въ Керчи 1833 г.

*Ὁ δεῖνα Κεϊράνου ἀνέθηκεν ὑπὲρ τῆς θυγατρὸς
Ἰτίης Ἀρτέμιδι Ἐφεσειῇ ἄρχοντας
Παιρισάδου Βασπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ βα-
σιλεύοντος Σίνδων καὶ Μαϊτῶν πάντων.*

Compte-Rendu de la com. imp. archéolog. 1865 p. 205 № 2.

на то, что въ этихъ надписяхъ онъ названъ царемъ всѣхъ-мэотовъ, въ болѣе поздней, чѣмъ эта надпись,—послѣ словъ πάντων Μαϊτῶν добавлено еще и Θατέων, т. е. прибавленъ еще народецъ, относящійся къ мэотамъ ¹⁾).

Навонецъ въ болѣе общихъ чертахъ показаны границы Веспорскаго государства при Перисадѣ I-мъ ²⁾. Мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что Перисадъ I-й царствовалъ не надъ одними только азіатскими мэотами, какъ думаетъ Ашикъ ³⁾, но и надъ европейскими или, по крайней мѣрѣ, надъ нѣкоторыми изъ нихъ. Въ пользу своего мнѣнія Ашикъ приводитъ то обстоятельство, что мэоты европейской стороны по-

Надпись сѣраго мрамора, длин. 1 ар. 2 в., выс. 15 в., толщ. 8 в., найдена около Керчи.

Σατυρίων Πανταίου Ιερησάμενος
ἀνέθηκεν Ἀπόλλωνι ἱητρῆ
ἄρχοντος Παιρισάδεος Βοσπόρου
καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύοντος
Σίνδων καὶ Μαϊτῶν πάντων.

1) Compte-Rendu de la com. imp. arch. 1875 p. 87. Надпись найдена въ Керчи выс. 7 1/2 в., шир. 1 ар. 6 в., толщ. 15 в.

Φαινίπτου Ἀ. . . καὶ
ἀδελφεῦ Ἀρτεμ. . .
ἄρχοντος Παιρισάδεος Θεοδο
σίης καὶ βασιλεύοντος Σίνδω
ν καὶ Θατέων

Воеск. С. i. Gr. Тп р. 157 п. 2119. Надпись изъ гранита; найдена около Фанагории.

Κρομοσάρη Γοργίππου θηγάτηρ, Παιρισάδου γυνὴ ἐδξαμένη ἀνέ-
θηκε ἰσχυρῶ θείῳ Σανεργεί καὶ Ἀστάρᾳ ἄρχοντος Παιρισάδου Βοσπό-
ρου καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύοντος Σίνδων καὶ Μαϊτῶν πάντων καὶ
Θατέων.

Изъ этой надписи мы узнаемъ имя супруги Перисады—Кромасарии, которая была дочерью Горгиппа, о которомъ было сказано выше.

2) Воеск. С. i. Gr. Тп р. 148 п. 2104. Надпись найдена въ 1823 г. около Керчи.

Εἰκόνα Φεῖβω στῆσ' ἀντιστάς Φανόμαχος Σόου
ἀδῆνατον θνητῶ κατὰ γέρας τελείας
Παιρισάδεος ἄρχοντος ὄσην χθόνα τέρμινες ἄκροι
Ταύρων Καυκάσιός τ' ἐντὸς ἔχουσιν ὄροι.

3) Ашикъ. «Восп. Цар.» стр. 58.

виновались скиаамъ. Дѣйствительно, Ксенофонтъ ¹⁾ говорить, что мѣоты въ Европѣ повиновались скиаамъ, но если принять во вниманіе то обстоятельство, что Перисадъ велъ войну со скиаами, о чемъ мы узнаемъ изъ Димосеена ²⁾, и, во-вторыхъ, что Перисадъ, какъ передаетъ Стравонъ ³⁾, былъ причисленъ къ числу боговъ, вѣроятно, за то, что онъ возвеличилъ свое государство, то, не безъ основанія можно предположить, что и эту войну со скиаами Перисадъ окончилъ съ успѣхомъ и принудилъ ихъ отказаться отъ власти надъ мѣотами въ свою пользу. Бакъ ⁴⁾ въ одномъ мѣстѣ говорить, что едва ли даже и азиатскіе мѣоты всѣ повиновались Перисаду, а въ другомъ— что слова *παύτων Μαίτων* стояли только для пышности титула. Но если слова *παύτων Μαίτων* принимать какъ связанная только для пышности титула, то окажется, что заслуги Перисада для государства, насколько мы объ этомъ можемъ судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, не такъ велики, чтобы за нихъ можно было причислить его къ числу боговъ, такъ какъ уже отецъ его Левконъ покорилъ синдоровъ, торетовъ, дандаріевъ, псиссовъ и Θεодосію и, такимъ образомъ, на долю Перисада выпадаетъ только покореніе ватеевъ.

Вѣроятно, къ этому Перисаду относится извѣстіе, приводимое Поліэномъ ⁵⁾.

Перисадъ, царь Понта, по Поліэну, въ одной одеждѣ дѣлалъ смотръ войскамъ, въ другой шель походомъ на неприятелей и въ третьей, въ случаѣ неудачи, бѣжалъ съ поля битвы, такъ какъ онъ желалъ, чтобы на смотрахъ всѣ его видѣли, въ походахъ никто изъ неприятелей его не зналъ, а во время бѣгства никто ни изъ людей, близкихъ къ нему, ни

¹⁾ Xenoph. Memorabilia, edit. Dindorfii, Lipsiae 1875 г. lib. II с. I. p. 36.

²⁾ Demosth. πρὸς Φορμίωνα § 8 ΤΙΙ p. 310 edit. B.

³⁾ Strab. lib. VII с. IV § 4 p. 257 edit. M. et D. TI.

⁴⁾ Boeck. C. i. Gr. TIΙ p. 101 et. p. 97.

⁵⁾ Polyaei Strategic. lib. VII § 37 p. 253 edit. W.

изъ враговъ не могъ узнать его. И дѣйствительно, Перисадъ I-й могъ принимать такія мѣры предосторожности, тѣмъ болѣе что онъ, вѣроятно, вель много войнъ со скинскими и мѣотскими племенами.

О правленіи дѣтей Перисада я буду излагать по Діодору ¹⁾.

По смерти Перисада I-го въ 310/9 году дѣти его начали междоусобную войну изъ-за престола,—то были Евмель, Сатиръ и Пританисъ. Сатиръ II-й, будучи старшимъ братомъ—по смерти отца занялъ его мѣсто. Евмель же, заключивъ союзъ съ сосѣдними варварами и собравъ сильное войско, сталъ

Примѣчаніе. Положительно становишься вступивъ и не знаешь, что думать относительно труда г. Спасскаго „Босф. Киммер.“. Онъ, во-первыхъ, говоритъ на стр. 48: „Спартокъ III-й или даже IV-й“, такъ называетъ онъ сына Левкона I-го, „царствовалъ до 283 г.“ и, во-вторыхъ, царствованіе Перисада, такъ сказать, разлагаетъ на два царствованія—Перисада I-го, сына Левкона, и Перисада II-го, сына Спартока III-го или IV-го, при чемъ Перисаду I-му, по Спасскому, совершенно не находится времени для правленія, потому что послѣ Левкона, очевидно, сталъ править, по его мнѣнію, Спартокъ III-й или IV-й, старшій его сынъ, а послѣ Спартока III-го или IV-го, какъ говоритъ самъ Спасскій на стр. 50, царствовалъ съ 284 г. уже Перисадъ II-й, сынъ Спартока. Такимъ образомъ, остается неизвѣстнымъ, когда же наконецъ правилъ Перисадъ I-й, сынъ Левкона. Но Спасскій про Спартока говоритъ просто „царствовалъ“, а про Перисада I-го „былъ царемъ на азиатской сторонѣ и архонтомъ на европейской“; на основаніи этихъ словъ можно подумать, что Спасскій на европейской сторонѣ допускаетъ въ одно и то же время царя и архонта, такъ какъ время правленія Перисада I-го онъ не отмѣчаетъ.

Но удивительнѣе всего и ничѣмъ необъяснимы слѣдующія

¹⁾ Diodor. Sicul. lib. XX c. 22—27 p. 469—475 edit. B.

оспаривать у брата царство. Узнавъ объ этомъ, Сатиръ выступилъ противъ него съ сильнымъ войскомъ и, перейдя рѣку Талсъ ¹⁾ и будучи уже близко отъ неприятелей, окружилъ войско боевыми колесницами, которыхъ у него было много; затѣмъ, выстроивъ свое войско въ боевой порядокъ, самъ принялъ команду надъ средней шеренгой, по обычаю скивовъ. Вмѣстѣ съ нимъ выступили въ походъ и греческіе наемники числомъ около 2,000 человекъ, еракійцевъ было столько же; кромѣ того, въ союзѣ съ нимъ были скивы, числомъ около 20,000 человекъ, не меньше же было у него и конницы. Союзникомъ же Евмела былъ Арифарнъ (Ἀριφάρνης), царь еракійскій, съ конницей въ 20,000 чел. и пѣхотой 22,000 чел. Между братьями произошла кровопролитная битва, въ которой Сатиръ, командуя отборнымъ войскомъ и

слова г. Спасскаго на стр. 48: „Спартокъ III-й или IV-й умеръ въ 283 г.“—на стр. 50: „Перисадъ II-й началъ править съ 284 г.“ и на стр. 51: „этотъ же Перисадъ II-й былъ современникомъ 14 лѣтъ Филиппу Македонскому, Александру Великому во все его непродолжительное царствованіе и болѣе 13 лѣтъ Лисимаху“?!!

Де-Бозъ *) Сатира и Горгиппа, о которыхъ упоминаетъ Динархъ **), называя ихъ τοὺς ἐκ τοῦ Πόντου τυράννους, считаетъ дѣтьми Леввона и братьями Перисада, съ которыми послѣдній, по его мнѣнію, долженъ былъ подѣлиться властью. Но, слѣдуя мнѣнію Бэка ***), гораздо справедливѣе считать Сатира этого—сыномъ Перисада, а Горгиппа тестемъ его; а что касается того, что они названы тираннами, то объ этомъ было нами сказано выше.

1) Θάφιν αἰῆς Θάττυ.

*) Археолого-Нумизматическій Сборникъ изд. Спасскимъ стр. 15 «О царяхъ В. К.».

***) Dinarch. κατὰ Δημωσθένους р. 162₇₃ edit. М. Тп.

***) Воеск. С. i. Gr. Тп/1 р. 93.

вступивъ въ кавалерійское сраженіе съ конницей Арифарна, стоявшей противъ него, въ срединѣ непріятельскаго войска, послѣ упорнаго сопротивленія, съ большимъ урономъ съ той и другой стороны, обратилъ въ бѣгство царя варваровъ. Въ то время, какъ Сатиръ былъ занятъ преслѣдованіемъ разбитаго непріятеля, ему донесли, что братъ его Евмилъ одержалъ побѣду на правомъ крылѣ и обратилъ въ бѣгство его наемниковъ. Сатиръ тотчасъ прекращаетъ преслѣдованіе, слѣшнить на помощь къ своимъ и во второй разъ дѣлается виновникомъ побѣды. Весь непріятельскій лагерь обратился въ бѣгство, и теперь стало ясно, что Сатиръ и старшій по рожденію и болѣе храбрый, чѣмъ его братъ, достоинъ принять отцовскую власть. Войско же Арифарна и Евмила, разбитое въ этомъ сраженіи, укрылось въ царскій дворецъ. Этотъ дворецъ находился у рѣки Тапса, которая, обтекая эту страну и имѣя значительную глубину и крутые берега, дѣлаетъ дворецъ неприступнымъ. Тутъ же кругомъ замка находился густой лѣсъ, черезъ который вели двѣ дороги, укрѣпленные башнями и деревянными засѣками; около же замка было много болотъ, на которыхъ на сваяхъ были выстроены цѣлыя деревни.

При такой неприступности страны, Сатиръ прежде всего опустошилъ окрестности и выжегъ деревни, захвативъ въ нихъ много плѣнныхъ и добычи. Затѣмъ, рѣшивъ завладѣть дорогами и потерявъ на первой дорогѣ много людей при осадѣ укрѣпленій, принужденъ былъ отступить. Потомъ онъ дѣлаетъ нападеніе на другую дорогу, которая шла по болотамъ, и овладѣваетъ деревянными засѣками. Разбивъ эти укрѣпленія и перейдя рѣку, онъ занялся рубкой лѣса, черезъ который лежалъ путь къ замку. Когда Сатиръ съ большой энергіей принялся за это дѣло, Арифарнъ, опасаясь, чтобы замокъ не былъ взятъ съ бою, очень упорно сталъ обороняться, такъ какъ единственное спасеніе онъ видѣлъ въ побѣдѣ. Съ этою цѣлью по обѣимъ сторонамъ дороги онъ разставляетъ

стрѣльцовъ, которые легко могли ранить рубщиковъ лѣса, между тѣмъ какъ ихъ никто не могъ ни видѣть ни защищаться отъ ихъ стрѣль. Воины Сатира три дня рубили густой лѣсъ, пролагая путь съ большими усиліями. На четвертый день они уже приблизились къ стѣнамъ, поражаемые дождемъ стрѣль и неся большія потери. Тогда Менискъ, начальникъ наемниковъ, мужъ мудрый и храбрый, первый напалъ на стѣну, храбро вступилъ въ битву съ ея защитниками и въ то время, какъ онъ уже терялъ силы отъ массы враговъ, напавшихъ на него, Сатиръ оказалъ ему помощь, но при этомъ самъ былъ раненъ копьемъ въ плечо; отъ этой раны съ наступленіемъ ночи Сатиръ и умеръ, процарствовавъ по смерти отца своего Перисада I-го только девять мѣсяцевъ. Менискъ же, начальникъ наемниковъ, снялъ осаду и отступилъ съ войскомъ въ городъ Гаргазу (*Γάργασαν*), а отсюда по рѣкѣ онъ отвезъ тѣло царя въ Пантикапѳонъ къ брату его Пританису, который, съ большою пышностью совершивъ похороны брата, поспѣшилъ въ Гаргазу. Евмилъ послалъ къ нему пословъ съ просьбой уступить ему часть государства, но Пританисъ, не обративъ на просьбу брата никакого вниманія, оставилъ въ Гаргазѣ гарнизонъ и поспѣшилъ въ Пантикапѳонъ, чтобы упрочить за собою власть. Въ это время Евмилъ, съ помощью варваровъ, взялъ Гаргазу и много другихъ городовъ и мѣстечекъ; затѣмъ онъ въ одной битвѣ разбилъ Пританиса и, преградивъ ему всякій путь къ отступленію на перешейкѣ, около озера Мѣотиды, принудилъ его согласиться на условія, по которымъ Пританисъ долженъ былъ сдать ему свое войско на капитуляцію и позволить Евмилу принять участіе въ управленіи страной.

Когда же Пританисъ, находясь въ Пантикапѳонѣ, гдѣ былъ дворецъ царей Веспора, сдѣлалъ попытку снова захватить въ свои руки власть, то, потерпѣвъ неудачу, долженъ былъ бѣжать въ Кины (*Κήνους*), гдѣ и былъ убитъ. Евмилъ

же по смерти брата, желая упрочить за собою власть, убилъ всѣхъ друзей, а также женъ Сатира и Пританиса и дѣтей, за исключеніемъ мальчика Перисада, сына Сатира, которому удалось верхомъ на лошади бѣжать изъ города въ скинскому царю Агару (*Ἄγαρος*). Затѣмъ Евмиль, созвавъ въ народное собраніе гражданъ, негодовавшихъ на него за убіеніе своихъ родственниковъ, оправдался предъ ними въ этомъ избіеніи и возстановилъ отцовскую власть. Онъ далъ имъ ателію, которою пользовались ихъ предки, жители Пантикапеона; обѣщаль освободить всѣхъ отъ налоговъ,—однимъ словомъ, обо многомъ онъ говорилъ, склоняя народъ на свою сторону. Поэтому благодѣяніями и законными поступками онъ заслужилъ у своихъ подданныхъ благорасположеніе и удивленіе за свою добродѣтель.

Діодоръ говорить, что туземцы вѣрили немного смѣшнымъ предсказаніямъ оракула о смерти Сатира и Евмила. Сатиру, какъ говорили они, было предсказано остерегаться мыши (*τὸν μῦν*), чтобы не погибнуть отъ нея. Поэтому онъ ни рабамъ ни свободнымъ гражданамъ своей страны не позволялъ носить этого имени и всѣми мѣрами старался уничтожить мышей, думая этимъ устранивъ отъ себя опасность. Но умеръ онъ, получивъ рану въ мышцу (*εἰς τὸν μῦν*); такимъ образомъ, предсказаніе оракула исполнилось.

Евмилу же предсказана была смерть отъ качающагося и подвижного дома; съ тѣхъ поръ онъ никогда не выходилъ изъ дому прежде, чѣмъ дѣти тщательно не разсмотрѣли крышу и фундаментъ дома; погибъ же онъ отъ навѣса, сдѣланнаго надъ повозкой. Однажды, возвращаясь поспѣшно изъ Синдики домой на какой-то праздникъ, онъ ѣхалъ въ четырехколесной крытой повозкѣ. На пути лошади его чего-то испугались (вѣроятно навѣса, такъ какъ самъ Діодоръ говорить, что Евмиль погибъ *διὰ τὴν δυχουμένην ἐπὶ τοῦ τεθρίπλου σκηνῆς*), и понесли повозку. Такъ какъ возница не могъ ихъ сдержать,

то Евмиль, боясь, чтобы лошади не унесли его въ оврагъ, попытался высочить, но, запутавшись мечомъ въ колеса, былъ стащенъ съ повозки и тотчасъ же умеръ.

Евмиль былъ очень дѣятельнымъ правителемъ и въ теченіе своего правленія, продолжавшагося пять лѣтъ и пять мѣсяцевъ—съ 309—304 $\frac{1}{3}$ г., успѣлъ много сдѣлать добра, такъ что слава объ его великодушій и его благодѣяніяхъ, по словамъ Діодора, распространилась не только по его царству, но почти по всей вселенной. Онъ постоянно осыпалъ благодѣяніями византійцевъ, жителей Синона и другихъ грековъ, живущихъ на

Примѣчаніе. Кёлеръ *) думаетъ, что междоусобная война между братьями происходила на европейской сторонѣ и что царскій дворецъ, куда скрылись Евмиль и Арифарнъ, разбитые Сатиромъ II-мъ, принадлежалъ не Арифарну, а правителямъ Воспора и находился на нынѣшней горѣ Опузъ; здѣсь же, по его мнѣнію, протекала и рѣка Θάτης; Гаргаза же, по его мнѣнію, лежала къ западу отъ Пантикапэона **), около бывшей турецкой крѣпости Арабатъ. Но мнѣ кажется, что мнѣніе Бэка относительно этого вопроса гораздо справедливѣе. Бэкъ ***)) говоритъ, что война была не на европейской сторонѣ Воспора, а на азиатской. Вотъ вѣрацѣ основанія, приводимыя имъ для подтвержденія своего мнѣнія. Во-первыхъ, не замѣчается никакихъ слѣдовъ ни лѣсовъ, ни болотъ, ни

*) Н. К. Е. Köhlers „Gesammelte Schriften im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von Ludolf Stephani, Band II St. Petersburg 1850 S. 150. Die eben berührte Verwepfung des Schloßes des Bosphorus mit der nicht weit von ihr entfernten Stadt Theodosia, liefert einen gar nicht verwerflichen Nebenbeweis, daß jenes auf den Bergen vormalig lag, der jetzt Opuz heißt. Denn wäre jenes Schloß nicht auf diesem Felsberg errichtet gewesen, wies hätte man es mit Theodosia verwechseln können.

**) Köhlers ibid. S. 188. So folgt offenbar, daß Gargasa westlich von Pantikapäum gelegen haben müsse. S. 189... in der Nähe der vormalig türkischen Festung Arabat, nur ein wenig mehr westlich...

***)) Boeck. C. i. G. Th/I p. 103 и 104.

Шонтѣ. Онъ не только далъ убѣжище 1000 каллатіанамъ (жители города *Κάλλατις*), которые, осажденные Лисимахомъ и терпя крайнюю нужду, оставили свою страну, но и позволилъ имъ

рѣки около горы Опука, о которыхъ упоминаетъ Діодоръ. Во-вторыхъ, не вѣроятно, чтобы Евмиль имѣлъ отдѣльный дворецъ около Опука, тогда какъ дворецъ правителей Воспора находился въ Пантивапэонѣ, а потому, основываясь на словахъ Діодора, что разбитые Евмиль и Арифарнъ убѣжали въ „царскій дворецъ“, Бэкъ считаетъ этотъ дворецъ—дворцомъ Арифарна, такъ какъ его Діодоръ называетъ царемъ, а Евмила не называетъ этимъ именемъ; а если дворецъ этотъ принадлежалъ Арифарну, то онъ не могъ находиться около Θεодосіи, въ предѣлахъ Воспорскаго государства. Въ-третьихъ, странно, говоритъ Бэкъ, что ни разу не упомянута Θεодосія, славный городъ, если только война велась около этого города. По разсказу Діодора скорѣе можно предположить, что война происходила на азиатской сторонѣ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели Сатиръ могъ бы спокойно смотрѣть на то, что братъ его Евмиль по сосѣдству съ Пантивапэономъ собираетъ столь громадную армію? Если допустимъ, что Евмиль собиралъ войска на европейской сторонѣ и около Θεодосіи, то почему мы не находимъ у Діодора упоминанія ни о сраженіяхъ среди его войскъ ни о греческихъ наемникахъ, между тѣмъ какъ тотъ же авторъ говоритъ, что въ войнѣ Сатира были и греческіе наемники и скиѣи. Далѣе Діодоръ говоритъ, что, разбивъ брата и подступивъ къ замку, Сатиръ опустошилъ „непріятельскую землю“, сжегъ деревни и захватилъ много плѣнныхъ и добычи; очевидно, что рѣчь здѣсь идетъ о странѣ Арифарна, а не о Воспорскомъ государствѣ, такъ какъ оно для Сатира не было страной непріятельской. Потомъ изъ словъ Діодора видно, что Сатиръ умеръ на 9 мѣсяцѣ своего правленія, слѣдовательно, отсюда можно заключить, что походъ завялъ очень много вре-

основать городъ и, сверхъ того, раздалъ имъ участки земли, такъ называемый *Ψβαν*; очистилъ море отъ пиратовъ-ишіюховъ, тавровъ и ахейцевъ; присоединилъ къ своему государству много

мени, и это не удивительно, потому что много войскъ надо было переправить въ Азію и снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ. Затѣмъ Пританисъ, по смерти брата явившись въ Гаргазу и оставивъ тамъ гарнизонъ, неужели могъ оставаться сповойнымъ въ Пантिकाпѣонѣ и не послѣпить подать помощь осажденной Евмиломъ Гаргазѣ, если она была близко отъ Пантिकाпѣона. Кромѣ того, Бѣкъ ссылается на Птолемея (*Geogr. V. 9*), который на азіатской сторонѣ помѣщаетъ городъ Герусу (*Γέρουσα*) и рѣку Псать (*Ψάτης*); эту Герусу и Псать онъ считаетъ за Гаргазу и Тапсъ, чтб очень возможно, такъ какъ греки обыкновенно передѣлывали варварскія собственныя имена на свой ладъ. Далѣе, кажется невѣроятнымъ, чтобы память о Гаргазѣ совершенно исчезла, такъ какъ Стравонъ, которому очень хорошо былъ извѣстенъ Херсонисъ, не упомянулъ объ этомъ городѣ. Наконецъ, Пританисъ, выступивъ походомъ на брата, былъ отрѣзанъ отъ Пантिकाпѣона на перешейкѣ около озера Мѣотиды; если бы Гаргаза лежала близъ Арабата, то, прежде чѣмъ дойти до перешейка, Пританисъ долженъ былъ завладѣть городами и крѣпостями, которыя уже были взяты Евмиломъ; но объ этомъ Діодоръ ничего не говоритъ. Считаю эти доводы достаточно убѣдительными, что война происходила на азіатской сторонѣ, а не на европейской.

У Діодора сказано, что Арифарнъ былъ царемъ еракійцевъ, но Бѣкъ предлагаетъ читать не еракійцевъ (*δ τῶν Ἐρακίων*), а сатеевъ (*δ τῶν Σατέων*), на томъ основаніи, что, во-первыхъ, Эракія слишкомъ была удалена отъ Востора и что 42,000 еракійцевъ очень трудно было провести въ Азію; во-вторыхъ, Арифарнъ—имя скорѣе не еракійское, а или персидское или мидійское, мѣоты же и савроматы обыкновенно

смежныхъ варварскихъ земель, чѣмъ еще болѣе прославилъ свое царствованіе; намѣревался также поворотить всѣ народы, жившіе у Понта, но смерть пресѣкла его планы.

носили или персидскія или мидійскія имена; въ-третьихъ, Діодоръ прямо говоритъ, что Евмилъ заключилъ союзъ *προς τινας τῶν προσχώρων βαρβάρων*, такъ что подъ сосѣдними варварами скорѣе нужно подразумѣвать—племена мѣотскія, въ числѣ которыхъ были и оатеи. Главною причиною заблужденія Келера по этому вопросу послужило то обстоятельство, что онъ фактъ смерти Сатира подъ Θεοδοσίῃ относитъ не къ Сатиру I-му, а къ Сатиру II-му *).

Сабатье **) также слѣдуетъ мнѣнію Келера и, кромѣ того, рѣчи Исократа и Лисія онъ относитъ къ этому Сатиру, чего ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить.

Спасскій ***) предъ правленіемъ Сатира II-го и Евмила помѣщаетъ какаго-то Леввона II-го, „извѣстнаго только изъ упоминанія о немъ Келера“ (sic!), но и этому Леввону II-му, какъ и Перисаду I-му у Спасскаго рѣшительно нѣтъ ни времени ни мѣста для правленія, потому что, какъ мы уже видѣли, послѣ Перисада правилъ 9 мѣсяцевъ Сатиръ II-й, а потомъ 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ—Евмилъ, а послѣ Евмила правилъ сынъ его Спартокъ III-й, по Діодору 20 лѣтъ, такъ что никакого Леввона II-го послѣ правленія Перисада I-го мы не встрѣчаемъ около 26 лѣтъ.

*) Köhlers Band II S. 150. „Theodosia ist ein Ort der nahe an den Skythen liegt, bei dessen Belagerung Satyrus starb“. Dieselbe Bemerkung wird im Wörterbuche des Photius mitgetheilt. Da es nun gar sehr unwahrscheinlich ist, daß Satyrus I bei der Belagerung von Theodosia geblieben sei, Satyrus II aber an den Wunden, die er bei dem Sturme der umweit Theodosia gelegenen Feste des Bosporus erhielt, starb, so ist im Gegentheil sehr einleuchtend, daß der Ausleger des Demosthenes und so weiter...

**) Сабатье. «Керчь и Воспоръ» стр. 45.

***) Спасскій. «Б. К.» стр. 51.

По смерти Евмила правителемъ Воспора сталъ сынъ его Спартокъ III-й съ 304 по 285/4 годъ ¹⁾.

Въ нѣсколькихъ надписяхъ ²⁾ мы находимъ упоминаніе о немъ, какъ о сынѣ Евмила. Но самый важный памятникъ, проливающій много свѣта на это царствованіе, представляетъ аѳинскій декретъ ³⁾ въ честь Спартока. Этотъ декретъ напи-

1) Diodor. Sicul. lib. XX с. С. р. 556 Тпн, edit. В.

2) Boeck, C. i. Gr. Тп/I р. 148. п. 2105. Надпись бѣлаго мрамора найдена на развалинахъ Пантикапаэона, но не извѣстно, гдѣ она была увезена въ Тамань, гдѣ и была списана Кёлеромъ.

— — σικς Μολπαγόρου ὑπὲρ Μοιροδόρου τοῦ υἱοῦ ἀνέθηκε βασιλεύοντος Σπαρτόκου τοῦ Εὐμήλου.

п. 2106. Надпись, найденная въ 1824 г. на развалинахъ Пантикапаэона близъ Керчи.

Ἡ δεινα τοῦ δεινός θυγάτηρ, Ἰπποσθένους γυνή, ἀνέθηκε Δήμητρι Θεοδοφόρῳ, ἀρχοντας Σπαρτόκου τοῦ Εὐμήλου.

п. 2120. Надпись на мраморной плитѣ, найденная въ Тамани и долго сохранявшаяся въ оградѣ Таманской церкви, гдѣ и списана Кёлеромъ.

Ἡ δεινα Φαιδίμου θυγάτηρ Σ.. Ρ.. και δὲ γυνή, ἀνέθηκεν Ἀφροδίτῃ εὐξαμένη ἀρχοντας Σπαρτόκου τοῦ Εὐμήλου Βοσπόρου και Θεοδοσίας και βασιλεύοντος...

3) Corpus Inscriptionum Atticarum, edit. Ulrici Koehleri, Тп/I Bergolini, 1877, п. 311 р. 133/4. Надпись ионискаго мрамора найдена въ аѳинскомъ аетрополѣ и относится къ 286/5 до Р. X.

Ἐπὶ Διοτίμου ἀρχοντας ἐπὶ τῆς Ἀντιγόνιδος ἐβδόμης прутаναείας, ἧ Λυσιόστρατος Ἀριστομάχου Παιανιεὺς ἐγραμμάτευεν Ἐπιμηλιῶνος ἐνῆ και νέα, ἐνάτη και εἰκοστῇ τῆς прутаναείας ἐκκλησίᾳ τῶν прεδέδρων ἐπεψήφισε...

... σθένου Ἐυπεταιῶν και συμπρόεδροι ἔδοξεν τῷ δήμῳ. Ἀγύρβιος Καλλιμέδοντας Κολλοτεύς εἶπεν· ἐπειδὴ πρότερόν τε οἱ πρόγονοι οἱ Σπαρτόκου χρείας παρέσχηνται τῷ δήμῳ και

10. νῦν Σπάρτοκος παραλαβὼν τὴν εἰς τὸν δῆμον αἰκειότητα κοινῇ τε τῷ δήμῳ χρείας παρέχεται και ἰδίᾳ Ἀθηναίων τοῖς ἀπικνευμένους πρὸς αὐτὸν ἀνθ' ὧν και ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων αὐτοῦς πολίτας ἐποιήσατο και ἐτίμησεν εἰκοσιν χαλκαῖς ἐν τε τῇ ἀγορᾷ και ἐν τῷ ἐμπορίῳ και ἄλλαις δωρεαῖς, αἷς προσήκει τιμᾶσθαι τοὺς ἀγαθοὺς ἀνδρας και διέθετο εἰάν τις βαδίζει

саялъ былъ при архонтѣ аѳинскомѣ Діотимѣ 286/5 г., въ седь-
мую притавію Антигоновской фѣлы въ мѣсяцѣ Гамиліонѣ. Эту
надпись въ подлинникѣ я прилагаю въ прилѣжаніи.

Изъ этой надписи видно, что Спартокъ, подобно своимъ

- ἐπὶ τὴν ἀρχὴν τὴν τῶν προγόνων αὐτοῦ καὶ τὴν Σπαρ-
τόκου βοηθεῖν παντὶ σθένει καὶ κατὰ γῆν καὶ
20. κατὰ θάλασσαν· ἔτι δὲ Σπάρτοκος ἀφικομένης
πρεσβείας παρ' Ἀθηναίων ἀκούσας ἔτι ὁ δῆμος
κεκόμισται τὸ ἄστυ συνήσθη τοῖς εὐτυχήμασι
τοῦ δήμου καὶ δέδωκεν σίτου δωρεὰν μυριάς
καὶ πεντακισχιλίους μεδίμνους, ἐπαγγέλλε-
ται δὲ καὶ εἰς τὸ λοιπὸν χρεῖαν παρέξασθαι τῷ
δήμῳ καί... εἰν καθότι ἂν δύνηται καὶ ταῦ-
τα πράττει προαιρούμενος διαφυλάττειν τὴν ε-
ϋνοίαν τὴν (εἰς τὸν δῆμον τὴν παραδεδομένην
αὐτῷ παρὰ τῶν προγόνων· ὅπως ἂν εὖ φαίνηται
30. ὁ δῆμος χάριτος μεμνημένος πρὸς τοὺς εὐνοῦς
διὰ τοῦ ἔμπροσθεν χρόνου διαμεμενηκότας αὐ-
τῷ τύχῃ ἀγαθῇ δέδοχθαι τῷ δήμῳ ἐπαινε-
σαι μὲν τὸν βασιλέα Σπάρτοκον Εὐμήλου Βοσπ-
όριον καὶ στεφανῶσαι χρυσοῦ στεφάνῳ ἀπὸ
δραχμῶν ἀρετῆς ἕνεκα καὶ εὐνοίας ἣν ἔχων δι-
ατελεῖ πρὸς τὸν δῆμον καὶ ἀνειπεῖν τὸν στέφα-
νον Διονυσίων τῶν μεγάλων τραγωδοῖς ἐν τῷ
ἀγῶνι, τῆς δὲ ποιήσεως τοῦ στεφάνου καὶ τῆς ἀ-
ναγορεύσεως ἐπιμεληθῆναι τοὺς ἐπὶ τῇ δικι-
νήσει· στήσαι δ' αὐτοῦ καὶ εἰκόνα χαλκῆν ἐν τῇ
40. ἀγορᾷ παρὰ τοὺς προγόνους καὶ ἐτέραν ἐν ἀκρ-
σπόλει· ὅπως ἂν δὲ καὶ εἰδῆ ὁ βασιλεὺς Σπάρτο-
κος τὰ ἐψηφισμένα τῷ δήμῳ, χειροτονῆσαι πρέ-
σβεις τρεῖς ἀνδρας ἐξ Ἀθηναίων ἀπάντων, οἵτινες
αἰρεθέντες ἀπαροῦσιν καὶ τὸ τε ψήφισμα ἀπ-
οδώσουσι καὶ ἀπαγγελοῦσι τὴν εὐνοίαν, ἣν
ἔχει πρὸς αὐτὸν ὁ δῆμος καὶ παρακαλοῦσιν αὐ-
τὸν... εἰν τῷ δήμῳ καθότι ἂν δύνηται, δοῦν-
αι δὲ ἐφόδια τῶν πρεσβείων ἑκάστῳ τὸ τεταγ-
μένων· ὅπως ἂν δὲ καὶ ὑπόμνημα ἢ τῆς οἰκειό-
τητος καὶ τῶν δωρεῶν τῶν προστιθεμένων αὐ-
τῷ πρὸς ταῖς ὑπαρχούσας, τὸν γραμματέα τὸν
κατὰ πρυτανείαν ἀναγράψαι τὸδε τὸ ψήφισμα
ἐν στήλῃ λιθίνῃ καὶ στήσαι ἐν ἀκροπόλει, τὸ
δὲ ἀνάλωμα τὸ γινόμενον μερῶσι τοὺς ἐπὶ τῇ
δικιῆσει.

Ὁ δῆμος.

предкамъ, оказывавшимъ много благодѣяній какъ вообще всѣмъ грекамъ, такъ въ частности и аѳинянамъ, заключилъ съ аѳинянами дружбу и обѣщаль оказывать имъ всевозможныя выгоды; поэтому народъ аѳинскій, почтившій статуями и другими подарками предковъ Спартока, какъ и подобаетъ чтить хорошихъ людей, обѣщаетъ помогать и ему изо всѣхъ силъ и на сушѣ и на морѣ въ томъ случаѣ, если кто нападетъ на страну его и его предковъ. Спартокъ посылалъ аѳинянамъ хлѣбъ; такъ, онъ однажды послалъ имъ въ подарокъ 15,000 медимновъ хлѣба и объявилъ, что и на будущее время не будетъ забывать ихъ, соблюдая въ народу расположеніе, переданное ему отъ предковъ. Аѳиняне, получивъ таковой подарокъ, рѣшили похвалить Спартока, царя Воспора, сына Евмилова, и увеичать его золотымъ вѣнкомъ за его добродѣтель и расположеніе, которое онъ постоянно оказывалъ народу; вѣнокъ же этотъ рѣшили провозгласить на великихъ діонисіяхъ, на состязаніи трагическихъ поэтовъ; изготовленіе и провозглашеніе вѣнка было возложено на завѣдующаго государственною казною. Кроме того, аѳиняне рѣшили поставить ему двѣ статуи, одну на площади, вблизи статуй предковъ, а другую въ аэрополѣ. Аѳиняне изъ своей среды выбрали трехъ пословъ и послали ихъ къ Спартоку передать ему это постановленіе народа и его расположеніе, а также попросить у него и на будущее время посильной помощи. Де-Бозъ на цѣлое столѣтіе раньше помѣщаетъ время правленія этого Спартока, но это очевидная несообразность. Онъ говоритъ, что правленіе Спартока, сына Евмила, кончилось за 389 лѣтъ до Р. Х., тогда какъ намъ извѣстно, что въ это время правилъ на Понтѣ Сатиръ I-й. Далѣе нѣтъ никакой возможности хронологически опредѣлить время правленія послѣдующихъ Спартокидовъ—со Спартока III-го до послѣдняго Перисада включительно, даже о порядкѣ правленія ихъ дѣлаются только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Такъ, на основаніи надписей можно

предположить, что послѣ Спартова III-го правилъ сынъ его Перисадъ II-й.

Этому Перисаду приписываются слѣдующія надписи:

1) „Леостратъ поставилъ (этотъ памятникъ) Димитрѣ въ честь брата своего Кратиса въ царствованіе Перисада, сына Спартова“¹⁾.

2) „Въ царствованіе Перисада, сына Спартова, Естія, дочь Минодора, посвящаемая поставила Фригійской матери“²⁾.

3) „Посвященіе памятника Ираклу сыномъ Тимогена въ правленіе Перисада, сына Спартова“³⁾.

4) „Царя Перисада, сына царя Спартова, родосцы: Иппоклѣ и Доріей и Иппократъ, дѣти Агисарха, поставили всѣмъ богамъ“⁴⁾.

5) „Левконъ, сынъ Перисада, воздвигъ эту статую Аполлону-врачу, послѣ бытности своей жрецомъ, въ то время какъ Перисадъ, сынъ Спартова, былъ архонтомъ Воснора и Θεοδο-
сін, царемъ синдоровъ, всѣхъ мѣотовъ и ѳатеевъ“⁴⁾.

1) Воеск. С. i. Gr. Тп/1 р. 149. Надпись на сѣрватомъ мраморѣ была вдѣлана въ мраморномъ полу церкви въ Керчи. Βασιλεύοντος Παρισάδου τοῦ Σπάρτοκου Λεωστράτος ὀ-
πίρ τοῦ ἀδελφοῦ Κράτητος τοῦ δαίνοϋ Δήμητρι ἀνέθηκεν.

Бѣкъ надписи съ формою Παρισάδου относится къ Перисаду II-му и слѣд., тогда какъ всѣ съ формою Παρισάδου или Παρισά-
δεος къ Перисаду I-му, р. 92.

2) Воеск. С. i. Gr. Тп/III р. 1001. Надпись бѣлаго мрамора съ сѣрыми и синими жилами—найдена вблизи Керчи. п. 2107 в. Βασιλεύοντος Παρισάδου τοῦ Σπάρτοκου Ἑστίαία Μηνιδόρου θυγάτηρ ἱερωμένη ἀνέθηκεν μητρὶ Φρυγία.

3) Ibid. п. 2120 в. Тп/1. Надпись изъ мрамора найдена еса-
уломъ Пуленцовымъ около древней Фанагоріи.

Βασιλεύοντος Παρισάδου τοῦ Σπάρτοκου

ὁ δαίνα Τιμογένου

... κράτην Ἐπικράτου,

... Ἐπικράτης Κρητίην

... Ἰρακλεῖ.

4) Ашикъ. «В. Ц.» р. 62. Надпись на мраморномъ пьедесталѣ, найденномъ въ Керчи въ 1842 г.

На основаніи этихъ надписей съ большою вѣроятностью можно заключить, что послѣ Спартока III-го нѣкоторое время на Понтѣ правилъ сынъ его Перисадъ II-й. Вѣроятно, при этомъ Перисадъ, союзники Евмила, оаеи опять стали подданными воспорскихъ архонтовъ.

Нельзя съ увѣренностью сказать, кто правилъ непосредственно за этимъ Перисадомъ II-мъ. Различные ученые предлагаютъ различный порядокъ правленія, не приводя собственно никакихъ твердыхъ основаній. Большинство изъ нихъ опирается на различные типы монетъ, дошедшихъ до насъ отъ Спартоидовъ; но судя по тому, что одна и та же монета специалистами относится однимъ къ одному, а другимъ совершенно къ другому члену дома Спартоидовъ, можно считать эти основанія весьма шаткими и произвольными, а потому, не приводя мнѣній многихъ ученыхъ нумизматовъ по этому вопросу, я упомяну только о тѣхъ правителяхъ, имена которыхъ мы читаемъ на надписяхъ.

Такъ, въ одной надписи ¹⁾ мы встрѣчаемъ имя Спартока, сына Перисада, котораго можно считать Спартокомъ IV-мъ (minimum). Можетъ-быть, этотъ Спартокъ былъ сыномъ Перисада II-го и братомъ Левкона II-го, каковымъ и признаетъ его Ашикъ ²⁾ по формулѣ, которою начинается эта надпись, и по формѣ буквъ. Объ этомъ Спартокѣ больше достовѣрнаго мы ничего не имѣемъ; но если принять во вниманіе замѣтку схолиаста Овидія и отнести ее къ Спартоку IV-му, то окажется, что онъ былъ убитъ своимъ братомъ. Схолиастъ гово-

Βασιλέα Παρισάδην βασιλέως Σπάρτοκου Ἰπποκλής
καὶ Δωριεύς καὶ Ἰπποκράτης Ἀγησάρχου
Ῥόδοι ἀνέδηξαν θεοὺς πάνσι.

¹⁾ Воеск. С. i. Gr. ТII/II р. 1002. Известковый камень, найденный въ Керчи 1833 г.

Βασιλεύοντες Σπάρτοκου
Του Παρισάδου Ἀγλαος
Ἡρακλείδου Διονύσφ.

²⁾ Ашикъ. «Восп. Цар.» р. 64.

рить (Ibid. v. 312): Левконъ, одинъ изъ царей понтійскихъ, умертвилъ Спартока, брата своего, побуждаемый женою этого послѣдняго; но когда захотѣлъ склонить ее къ преступной связи, то самъ былъ ею умерщвленъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что послѣ Спартока IV-го нѣсколько времени на Понтѣ правилъ братъ его Левконъ II-й. Разсказъ Полиэна ¹⁾ о перечеканкѣ монеты и отзывы Аэиней ²⁾ о какомъ-то Левконѣ не могутъ быть отнесены къ Левкону I-му, такъ какъ, по свидѣтельству очень многихъ древнихъ авторовъ ³⁾, тотъ былъ очень умнымъ, добрымъ и могущественнымъ правителемъ и совсѣмъ не нуждался въ такихъ мѣрахъ для увеличенія своихъ финансовъ.

Слѣдовательно, предположеніе о существованіи другого Левкона вполне правдоподобно. Съ отзывомъ схолиаста Овидія объ этомъ Левконѣ согласуются отзывы Полиэна и Аэиней. Отзывъ Полиэна мы уже приводили, когда говорили о Левконѣ I-мъ; Аэиней же рассказываетъ, что Левконъ II-й свазалъ одному изъ окружающихъ его льстецовъ, клеветавшему на одного изъ числа его немногихъ друзей: „Я убилъ бы тебя, клянусь богами, если бы тираннія не нуждалась въ дурныхъ людяхъ“.

Изъ всего сказаннаго выходитъ, что Левконъ II-й былъ на Понтѣ самымъ дурнымъ правителемъ изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ Спартокидовъ.

Мнѣ вѣжется, что замѣтка схолиаста не совсѣмъ правдоподобна, а потому вполне положиться на нее рискованно. Въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ не понятны для насъ отношенія Левкона къ женѣ брата, когда она сначала въ союзѣ съ Левкономъ убиваетъ своего мужа, а потомъ рисуется особой высокой нравственности. Быть-можетъ, что Левконъ былъ убитъ женою

¹⁾ Polyeni Strategic. edit. Woelflin. p. 224.

²⁾ Athenaeus. lib. VI c. LXXI p. 486, edit. Schweighauser. 1802. Тп.

³⁾ Стр. 51 и 52 этого сочиненія.

своего брата, убитого имъ, чему схолиастъ и старался приписать болѣе или менѣе правдоподобную причину.

Наконецъ, одна надпись даетъ намъ еще имена Перисады и сына и преемника его Перисады IV-го minimum ¹⁾). Вѣроятно царица Камасарія Младшая была матерью Перисады Филомнатора, о чемъ можно заключить изъ сопоставленія словъ надписи Φιλομήτωρ и Φιλότκνος и, по всей вѣроятности, Камасарія по смерти своего мужа, правителя Воспора, вышла въ другой разъ замужъ за Аргота, а править началъ сынъ ея Перисадъ. Сынъ Перисады III-го — Перисадъ IV-й былъ, можетъ-быть, послѣднимъ правителемъ изъ дома Спартокидовъ, послѣ котораго правилъ Миерадатъ ²⁾). Этотъ послѣдній Перисадъ, какъ мы можемъ судить по дошедшей до насъ надписи ³⁾, былъ убитъ своимъ воспитанникомъ Савмакомъ, царемъ савскимъ, а вскорѣ же затѣмъ Діофантъ, вождь царя Миерадата, захвативъ съ помощью херсониситовъ царя Савмака, отослалъ

¹⁾ C-Rendu de la commis. impég. archéolog. an. 1877 p. 250 sqq. Надпись на известковомъ камнѣ найдена около Керчи—высота 1 ар. 6¹/₂ вер., ширина 10 вер., толщина 4¹/₂ вер.

Ἵπὲρ ἀρχοντος καὶ βασιλέως
Παιρισάδου τοῦ βασιλέως Παι-
ρισάδου φιλομήτορος καὶ βασι-
λισσῆς Καμασαρίας τῆς Σπартά-
κου θυγατρὸς φιλοτίκνου καὶ
'Αργότου τοῦ Ἰ... θου, βασιλισ-
σῆς Καμασαρίας ἀνδρὸς, ὁ συνα-
γωγὸς Θεόκριτος Δημητρίου καὶ
οἱ διασῖται ἀνέθηκαν τὴν στή-
λην Ἀφροδείτῃ Οὐρανίῃ, τοῦ Βοσπό-
ρου Μεδεούση.
Θεόκριτος Δημητρίου,
Παπίας Πα. . .
Στράτων Α. . .
Παπίας Θ. . .
'Ἄλλι. . .

²⁾ Въ послѣднее время въ наукѣ принято такое чтеніе.

³⁾ В. В. Латышевъ. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Тт, С.-Петербургъ 1885 п. 185 p. 174 sqq.

его къ царю Миерадату и, такимъ образомъ, доставилъ ему престолъ воспорскій.

Лувианъ ¹⁾ въ одномъ изъ своихъ діалоговъ упоминаетъ еще о двухъ правителяхъ Воспора—о Левванорѣ и Еввиотѣ, но эти лица учеными признаются вымышленными героями его разсказа, а не дѣйствительно существовавшими лицами.

Орѣшниковъ ²⁾, правда, на весьма шаткихъ основаніяхъ даетъ слѣдующій порядокъ правленія Спартовидовъ со Спартока III-го: Левконъ II-й, Перисадъ III-й, Перисадъ IV-й, Перисадъ V-й, Перисадъ VI-й, послѣдній изъ дома Спартока.

Сабатье ³⁾ Левванора и Еввиота помѣщаетъ тотчасъ за Спартокомъ, сыномъ Евмила, а потомъ говоритъ о Спартоѣ V-мъ, отцѣ Перисада III-го, или, по моему мнѣнію, Перисада II-го. Дальнѣйшій порядокъ правителей нѣсколько согласуется съ вышеприведеннымъ мною, только съ тою разницею, что Спартоѣ IV-й у него названъ Спартокомъ III-мъ, а Левконъ II-й—Левкономъ III-мъ.

Глава V-ая.

О государственномъ устройствѣ на Воспорѣ.

Греки, основавшіе колоніи по сѣверному берегу Понта Евксинскаго, безъ сомнѣнія, держались такихъ же формъ правленія, какими они пользовались въ своемъ прежнемъ отечествѣ. Они, по всей вѣроятности, и здѣсь сходились въ народное собраніе, на которомъ рѣшали всѣ важнѣйшія дѣла и выбирали для себя особыхъ чиновниковъ, архонтовъ и другихъ; потомъ архонты со временемъ усилились и сдѣлались не только пожизненными, но даже наследственными. Эти архонты, по всей вѣроятности, совѣщались съ народнымъ со-

¹⁾ Luciani. Sam. opera edit. Iacobitz Tп Lipsiae 1860. p. 290 sqq (Τόξαρς—§ 44 sqq).

²⁾ Орѣшниковъ. «В. К.» стр. 28.

³⁾ Сабатье. «К. и В.» стр. 36.

браніемъ о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, а впоследствии, можетъ-быть, со времени Спартокидовъ управляли самостоятельно, такъ что греческіе города только номинально пользовались свободой, а на самомъ дѣлѣ они вполне зависѣли отъ воли архонтовъ. Діодоръ ¹⁾ даетъ намъ намекъ на народныя собранія и на ихъ важную роль въ дѣлахъ правленія; онъ говоритъ, что Евмилъ, захвативъ въ свои руки власть, созвалъ народное собраніе, предъ которымъ онъ оправдывался въ совершенномъ имъ поступкахъ и ἀποκατέστησε τὴν πατριὸν πολιτείαν.

По мнѣнію Бэка ²⁾, въ отдѣльныхъ греческихъ городахъ на Понтѣ могли существовать ежегодные архонты, которые даже могли быть эпонимами. Такъ, въ одной надписи п. 2121, найденной около Фанагоріи, мы читаемъ имя эпонима Калліа, сына Евпамона (ἐπὶ Καλλιᾶ Εὐπάμονος); въ Фанагоріи ³⁾ мы находимъ чиновниковъ, завѣдующихъ гимнастическими играми — ἀγωνοθέται, а въ Горгиппіи — γυμνασιάρχοι. Кроме того, на Воспорѣ мы находимъ синодъ (σύνδος), который завѣдывалъ религіозными дѣлами и игралъ довольно видную роль; члены этого синода назывались διασῆται, а предсѣдателемъ этихъ еіаситовъ былъ συναγωγός. Всѣ эти чиновники безусловно повиновались Спартокидамъ. Власть въ домѣ Спартокидовъ перѣходила отъ отца къ сыну и только въ рѣдкихъ случаяхъ отъ брата къ брату. Такъ, мы знаемъ, что по смерти Спартока II-го ему наследовалъ братъ его Перисадъ I-й, Спартоку IV-му — братъ его Левконъ II-й, но, можетъ-быть, что Спартокъ II-й и Спартокъ IV-й умерли бездѣтными; мы имѣемъ только одинъ случай, когда младшій братъ наследуетъ старшему, несмотря на то что у послѣдняго былъ сынъ — это именно Пританисъ наследовалъ брату своему Сатиру II-му, у ко-

¹⁾ Diodor. Sicul. lib. XX c. 24 p. 473 Th edit. B.

²⁾ Boeck. C. I. Gr. p. 106 et. 107. п. 2118 п. 2131.

³⁾ C-Rendu de la commis. impér. archéolog. p. 253. 1877.

тораго былъ сынъ Перисадъ. Но нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что въ это время происходила междоусобная война между братьями, а Перисадъ, оставшись малолѣтнимъ по смерти отца, не надѣясь на свою опытность въ такое трудное время, могъ отказаться отъ власти въ пользу дяди своего Пританиса. Что касается титула, который носили Спартокиды, то у древнихъ авторовъ и надписяхъ мы находимъ различныя наименованія: то *δυνάσται* ¹⁾, то *τύραννοι* ¹⁾, то *ἡγεμόνες* ¹⁾, то *μόναρχοι*, то *βασίλεις* ²⁾ и наконецъ *ἄρχοντες* ³⁾. Въ надписяхъ же, какъ мы видѣли, они обыкновенно называются архонтами Воспора и Θεοδοσίи и царями азіатскихъ народовъ. На первомъ мѣстѣ всегда стоитъ титулъ архонта, на второмъ—титулъ царя; это съ тою цѣлью, чтобы показать, что греческіе архонты царствуютъ надъ азіатскими народами, а не наоборотъ—азіатскіе цари правятъ греками. До Спартока III-го этотъ титулъ на надписяхъ соблюдается довольно строго, а съ этого времени титулъ царя начинаетъ брать перевѣсъ, и наконецъ остается одинъ только этотъ послѣдній титулъ. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что греки на Понтѣ со времени Спартока III-го все больше и больше теряли свою самостоятельность, и, наконецъ, обратились въ простыхъ подданныхъ. В. В. Латышевъ ⁴⁾ преобла-

¹⁾ Strab. lib. VII c. 4 § 4 p. 257 edit. M. (*μοναρχηθηναί*); lib. XI c. II § 2 p. 425. Polyaei lib. V, 44 *τύραννος*.

²⁾ Diodor. Sicul. lib. XX c. 22; lib. XVI c. 52 etc. Polyaei lib. VII p. 273 edit. W.

³⁾ Demosth. Leptin. p. 10 TII edit. B.

⁴⁾ Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini graece et latine edidit Basilius Latyschev, Volumen Secundum, Petropoli, 1890 an. p. XXVI и XXVII «Solemnis Spartocidarum denominatio *ἄρχων* Восπόρου καὶ Θεοδοσίας καὶ βασιλεύων Σινδῶν κτλ., qua potentiae genus in Graecos et in barbaros accurate distinguitur, retinebatur usque ad Spartocum IV, qui primus in titulis (n° 348 et 349) brevius dicitur *ἄρχων* καὶ βασιλεύων, genetivis illis omissis, qui antea constanter addebantur; idem n° 13 *ἄρχων* tantum appellatur, n° 14 tantum *βασιλεύς*; quae differentia mihi videtur explicanda, ut

даніе титула царя надъ титуломъ архонта въ позднѣйшихъ надписяхъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что во времени написанія этихъ надписей разница между титулами царя и архонта стала исчезать, и оба эти титула употреблялись promiscue; съ того же времени, какъ полководцы Александра Македонскаго, по его смерти, стали принимать титулъ царя, такъ и правители Веспора стали называть себя преимущественно царями. Впрочемъ, какъ мы видѣли изъ рѣчей Исократ¹⁾ и Демосеена²⁾, и прежніе Спартокиды вполне самостоятельно завѣдывали дѣлами правленія и всѣ внѣшнія сношенія велись отъ ихъ имени и всѣ ихъ распоряженія и привилегіи, данныя аеинянамъ, приписываются всецѣло имъ.

Такимъ образомъ, Спартокиды являются совершенно независимыми и самостоятельными монархами, какими и называютъ ихъ почти всѣ древніе авторы. Народы азиатской стороны имѣли своихъ царей; напримѣръ, мы знаемъ, что у еатеевъ былъ царь, союзникъ Евмила, Арифарнъ³⁾, у синдовъ—Екатей⁴⁾.

coniciamus eum primitus archontem fuisse, deinde regium nomen assumpsisse, sed potius ita, ut statuamus ea aetate omne iam discrimen, quod fuerit inter nomina archontis et regis, evanuisse et regem promiscue modo illo nomine fuisse vocatum, modo hoc, modo utroque; sed regium nomen sane praevaluit usu, praesertim cum iisdem fere temporibus Alexandri Magni duces eorumque posteri idem nomen sumpsissent, quorum exemplum sequi potuerunt Bosporani. Inde facillime explicatur etiam, quomodo factum sit, ut Athenienses Spartocum IV publice praedicarint regem in decreto, cuius supra fecimus mentionem. Similiter Paerisadem II Spartoci IV f. in tit. 35 Rhodii statuam consecrantes nuncuparunt regem regis filium, cum in tit. 15 idem antiquiori modo dictus sit archon Bospori et Thedosiae et rex Sindorum etc., nn^o vero 16 et 17 item rex. Alius Paerisades in tit. 19 dicitur archon et rex, regis filius. His omnibus compositis mihi quidem satis videtur comprobatum regium nomen inde a Spartoci IV aetate in Bosporo praevaluisse.

1) Isocrat. Trapez. p. 191 edit. Benseleri.

2) Demosth. Leptin. p. 10 TII edit. B.

3) Diodor. Sicul. lib. XX c. 23 p. 471 TIII edit. B.

4) Polyaei Strategic. lib. VIII 55 p. 328, 329, edit. W.

Кромѣ того, Аппіанъ ¹⁾ говоритъ, что азіатскія племена повиновались многимъ царькамъ; но эти царьки были подъ верховною зависимостью царей Веспора, отъ которыхъ они иногда отлагались, о чемъ мы можемъ судить на основаніи надписей. Такъ, напримѣръ, въ надписи п. 2134 а ²⁾ Левконъ названъ царемъ синдговъ, торетовъ, дандаріевъ и псиссовъ, а его преемникъ Перисадъ I-й, въ надписи п. 2117 ³⁾, названъ царемъ только синдговъ, торетовъ и дандаріевъ безъ псиссовъ, и только впоследствии, когда онъ вновь подчинилъ себѣ псиссовъ и другія азіатскія племена, онъ сталъ называться царемъ всѣхъ мѣотовъ. Кромѣ того, изъ надписи п. 2119 видно, что Перисадъ названъ царемъ синдговъ, всѣхъ мѣотовъ и еатеевъ, затѣмъ до самаго Перисада II-го, сына Спартова III-го, мы не встрѣчаемъ на надписяхъ имени еатеевъ, а только отъ Додора узнаемъ, что они были союзниками Евмила, а не подданными, но въ надписи, относящейся ко времени Перисада II-го, этотъ народъ упомянуть въ числѣ его подданныхъ ³⁾.

Глава VI-ая.

О сношеніяхъ Спартокидовъ съ другими государствами.

Веспоръ игралъ довольно важную роль въ исторіи древняго міра, о чемъ можно судить уже на основаніи тѣхъ отрывочныхъ извѣстій, которыя сохранились до настоящаго времени. Какъ мы увидимъ ниже, на Веспоръ для торговыхъ операцій приходили купеческіе корабли изъ очень отдаленныхъ странъ. Самымъ важнымъ предметомъ торговли, привлекавшимъ на Веспоръ иностранныхъ купцовъ, былъ хлѣбъ. Отъ

¹⁾ Appiani. «De bello Mithridatico» с. СII р. 260 edit. Didot. Paris. 1850.

²⁾ Воеск. С. I. Gr. Тп/з р. 1010.

³⁾ Ашиевъ. «В. Ц.» стр. 63, № 15.

Стравона ¹⁾ мы знаемъ, что около Θεодосίи и Пантикапонеа лежали самыя плодородныя мѣстности, дававшія урожаи самъ 30; тотъ же авторъ говоритъ, что, кромѣ хлѣба, важными предметами торговли были: соленая рыба, ленъ, пенька, рабы, строевой лѣсъ, особенно корабельный, смола, кожи, мѣха и т. п.

Кромѣ этихъ сырыхъ продуктовъ, изъ Веспора въ греческія страны вывозилось много рабовъ, о чемъ, кромѣ Стравона, можно судить на основаніи комедій Аристофана ²⁾.

Греческіе же купцы, въ обмѣнъ на эти сырые продукты Веспора, привозили продукты греческой и въ частности аттической почвы, произведенія греческихъ ремеселъ и искусствъ, о чемъ можно заключить по находимымъ въ курганахъ на югѣ Россіи вещамъ ³⁾.

Но нужно замѣтить, что всѣ предметы торговли, вывозимые изъ Греціи на Веспоръ, имѣли назначеніе удовлетворять требованіямъ людей богатыхъ, тогда какъ съ Веспора шли продукты самыя необходимыя для обыденной жизни всѣхъ грековъ, такъ что, въ случаѣ непріязненныхъ отношеній съ правителями Веспора, они и, въ особенности, аѳиняне принуждены были бы терпѣть сильный недостатокъ въ хлѣбѣ. Поэтому аѳиняне всѣми силами старались поддерживать добрыя отношенія съ правителями Веспора, давая имъ права граждан-

1) Strab. lib. VII p. 255—258; lib. XI c. II § 2, 12, 17 p. 423, 425 и 427. edit. M. et. D.

2) Aristophan. 'Αχαρνῆς v. 54 p. 8 T1 edit. Becceri Londini 1829, встрѣчается слово τοξόται, объясненіе котораго мы находимъ въ лексиконѣ Фотія p. 219 и 220, edit. Naber T1 Leidae E. I. Brill. 1864.

p. 219. Τοξόται οἱ δημόσιοι ἠπερέται τοὺς δ' αὐτοὺς καὶ Σκύθαι ἔλεγον καὶ Σπευσάντους ἀπὸ τοῦ πρώτου συντάξαντος αὐτοὺς.

p. 220. Τοξόται καὶ Σκύθαι καὶ Σπευσίνιοι οἱ δοῦλοι οἱ δημόσιοι Ἀθήνησιν, ἀπὸ Σπευσίνου τοῦ πρώτου καταστήσαντος αὐτοὺς εἰς τὴν δπηρεσίαν.

— Δυσιστράτη v. 184. edit. В. Καλῶς λέγεις ποῦ'σθ' ἢ Σκύθαινα.

3) Ашикъ. «В. Ц.» часть III-ья.

ства и освобождая ихъ отъ всѣхъ повинностей, связанныхъ съ этимъ правомъ.

Путь къ Киммерійскому Воспору открылся для Аеинъ въ эпоху освобожденія Греціи отъ нашествія Ксеркса, когда въ 478 г. до Р. Х. аеиняне овладѣли Византіей на Воспорѣ Фракійскомъ. Со времени основанія Дилосскаго союза въ 477 г., когда въ зависимости отъ аеинъ были почти весь Еллис-понтъ, Пропонтида и Воспоръ Фракіійскій, условія для сношеній съ греческими колоніями на Понтѣ и въ частности съ Киммерійскимъ Воспоромъ сдѣлались еще болѣе благоприятными. Важнымъ моментомъ въ исторіи этихъ сношеній должно было послужить появленіе Перикла около 440 г. во главѣ значительнаго флота въ Понтѣ Евесинскомъ, когда къ вождю республики явились представители греческихъ городовъ южнаго побережья Понта съ разнаго рода заявленіями, при чемъ Периклъ принималъ эти заявленія къ свѣдѣнію ¹⁾. Съ конца же V-го в. до Спартока III-го включительно, насколько мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, сношенія Аеинъ съ правителями Воспора дѣлаются безиррывными.

Спартокиды, окруженные со всѣхъ почти сторонъ полудикими племенами, часто возстававшими противъ нихъ, на-примѣръ, Левконъ I-й, Перисадъ I-й, Сатиръ II-й, принуждены были постоянно держать у себя греческихъ наемниковъ, которыхъ они, по большей части вербовали у аеинянъ. Естественно, что въ благодарность за это, а также за тѣ привилегіи и почести, которыя аеиняне давали правителямъ Воспора, и они, въ свою очередь, платили имъ тѣмъ же. Такъ, мы уже видѣли, что Сатиръ I-й ²⁾ приказалъ нагружать аеинскіе корабли первыми, такъ что въ годы недостатка хлѣба въ

¹⁾ Мищенко. «Торговныя сношенія Аеинской республики съ Царствомъ Воспорскимъ» стр. 10 отдѣльнаго оттиска изъ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій» за 1878 г.

²⁾ См. стр. 33 этого сочиненія.

Активѣ, другіе коммерческіе корабли уходили пустыми; точно также и въ частныхъ тяжбахъ различныхъ купцовъ онъ дѣлалъ нѣкоторые преимущества аѳинскимъ купцамъ. Въ такихъ же дружескихъ отношеніяхъ съ аѳинянами былъ и преемникъ Сатира I-го, Левконъ I-й. Послѣдній даже освободилъ отъ пошлинъ корабли, отправлявшіеся въ Аѳины, что облегчало послѣднимъ конкуренцію съ прочими портами, увеличивая частныя богатства гражданъ; кромѣ того, открытіе новаго порта въ Θεοδοσία при Левконѣ I-мъ еще болѣе расширило торговые обороты аѳиняны; присылка же дарового хлѣба въ годы неурожая освобождало ихъ отъ чрезмѣрнаго повышенія цѣны на хлѣбъ и отъ голода.

Послѣдующіе правители: Спартокъ II-й, Перисадъ I-й, Евмилъ и Спартокъ III-й подтверждали эти привилегіи, данныя ихъ предками аѳинянамъ. Благодарные аѳиняне, въ свою очередь, кромѣ гражданства и привилегій, данныхъ правителямъ Воспора, ставятъ въ честь ихъ и въ акрополѣ и на площадяхъ мѣдныя памятники съ надписями и провозглашаютъ на общественныхъ празднествахъ отъ ихъ имени вѣнки съ посвященіемъ Аѳинѣ¹⁾.

Насколько важна была для аѳиняны торговля хлѣбомъ, можно судить, во-первыхъ, по обилію касающихся этого предмета свидѣтельствъ, сравнительно съ количествомъ свѣдѣній о прочихъ предметахъ ввоза; во-вторыхъ, по тому, что въ Аѳинахъ существовали особые законы о хлѣбной торговлѣ и о торговцахъ хлѣбомъ; въ-третьихъ, въ Аѳинахъ существовала особая коллегія чиновниковъ, называемыхъ ситофилаками²⁾,

¹⁾ См. стр. 57 этого сочиненія.

²⁾ Harrocraton edit. Imm. Besseri, Berolini 1833 p. 167. Σιτοφύλακες Δειναρχος ἐν τῇ Καλλισθένους εἰσαγγελίᾳ ἀρχὴ τις ἦν Ἀθῆνῶν, ἣτις ἐπεμελεῖτο ὅπως ὁ σίτος δικαίως πρᾶθῃσεναι καὶ τὰ ἀλίφια καὶ οἱ ἄρτοι ἦσαν δὲ τὸν ἀριθμὸν ἰε, ἰ μὲν ἐν ἄστει, ἐ δ' ἐν Πειραιῶι, ὡς Ἀριστοτέλης ἐν Ἀθηναίων πολιτείᾳ.

Photius edit. Naber Tr. Leidae E. I. Brill. 1864. Σιτοφύλακες Ἀρχὴ τις ἦν Ἀθῆνῶν, ἣτις ἐπεμελεῖτο ὅπως ὁ σίτος δικαίως πρᾶθῃσεναι

для надвора за точнымъ исполненіемъ купцами предписанныхъ правилъ о хлѣбной торговлѣ; въ-четвертыхъ, наконецъ — самая суровость наказаній за нарушеніе этихъ правилъ.

Въ аѳинскомъ законодательствѣ существовали слѣдующія стѣснительныя мѣры для торговцевъ хлѣбомъ: всякій контрактъ на поставку хлѣба въ какую-либо иную гавань, а не аѳинскую признавался недѣйствительнымъ; законъ запрещалъ давать ссуду денегъ на снаряженіе судна или доставку груза, если они не предназначались для Аѳинъ ¹⁾.

Смертная казнь постигала уличеннаго въ отправкѣ хлѣба не въ Пирей ¹⁾; законъ воспрещалъ одному лицу покупать больше 50 медимновъ хлѣба ²⁾; прибыль отъ продажи хлѣба должна быть по оболу на медимнъ ²⁾. На случай неурожая была учреждена специальная хлѣбная касса, которой завѣдывали особые чиновники для закупки хлѣба и продажи нуждающимся по уменьшенной цѣнѣ. Общественный хлѣбъ помѣщался въ Одіонъ или Помпціонъ, или въ длинномъ портикѣ, или корабельной верфи ³⁾. Кромѣ Аѳинъ, правители Воспора имѣли также сношенія съ другими городами, о чемъ можно судить на основаніи надгробныхъ надписей; но сказать что-нибудь подробнѣе объ этихъ сношеніяхъ мы пока не имѣемъ возможности. Такъ, изъ надписей, найденныхъ, по большей части, около Керчи, видно, что были какія-то сношенія съ сосѣдними городами: Ираклеей Таврической ⁴⁾, Херсонисоμαι καὶ τὰ ἄλφιστα καὶ οἱ ἄρτοι ἦσαν δὲ τὸν ἀριθμὸν πάσαι μὲν πέντε καὶ δεκά ἐν ἄσται, πέντε δὲ ἐν Πειραιαί, ὕστερον δὲ τριάκοντα μὲν ἐν ἄσται, πέντε δὲ ἐν Πειραιαί.

Suida edit. Bernhardy-Bruhn 1853. p. 778 Τη—какъ у Арпократона.

¹⁾ Demosth. edit. В. πρὸς Λάκρῖτον р. 331 Τη и πρὸς Θεορμύωνα р. 317 Τη.

²⁾ Лисій. Κατὰ τῶν Σιτοπωλῶν р. 195—196 § 5, 6, 8. Oratores Attici Tl edit. M.

³⁾ Мищенко. «О торгов. снош. аѳинской респуб. съ Ц. Восп.» стр. 5 отдѣльнаго оттиска.

⁴⁾ C-Rendu de la com. imp. archéol. 1877. р. 279. Надпись

сомъ ¹⁾ и Одессой ²⁾. Кроме того, велись сношенія съ Амисомъ ³⁾, Митилиною ⁴⁾, Бромнами ⁵⁾, Синопомъ ⁶⁾, Византіей ⁶⁾, Ареадцами ⁶⁾ и даже отдаленными Сиракусами ⁷⁾.

IV-го в. на мѣстномъ известковомъ таврическомъ камнѣ; высота 2 ар. 11 вер., ширина 12¹/₂ вер., толщина 5 вер.

Πύρρος Εβρυνομίου Ἡρακλειώτας

C-Rendu *re la com. imp. archeol.* 1874. p. 108. Надпись III-го или IV-го в.—высота 9 вер., ширина 9 вер., толщина 1³/₄ вер.

Μρσίγη Ἡρακλειώτις.

¹⁾ C-Rendu *pour an.* 1875 p. 89. Надпись IV-го в., высота 2 арш., ширина 12¹/₂ вер., толщина 4 вер.

Καλλικράτης Εὐκρίτου Χερσονησίτης.

Надпись IV-го в., высота 1 ар. 2 вер., ширина 13¹/₂ вер., толщина 4 вер.

Κέφαλος Κεφαλιῶνος Χερσονησίτης.

²⁾ C-Rendu *pour an.* 1878/79 p. 171. Надпись—высота 13 вер., ширина 8 вер., толщина 2 вер.

Διφίλος Μνησιφώντος Ὀδησίτης.

³⁾ C-Rendu *pour an.* 1865 p. 205 sqq. Декретъ Перисада о прокесеніи Діонисию.

⁴⁾ C-Rendu *pour an.* 1874 p. 109. Надпись—высота 1¹/₂ ар., ширина 12 вер., толщина 3 вер.

Δίφιλος Νικοδήμου Μυτιλη-

ναίε, χαίρε.

Σωπύρα γυνή Διφίλου

Μυτιληναίη—χαίρε.

⁵⁾ C-Rendu *pour an.* 1880 p. 132. Надпись—высота 11 вер., толщина 4 вер., ширина 8¹/₂ вер. (II-го в.).

Κρόνος Ποσειδωνίου Κρωμνίτης.

⁶⁾ См. то же сочиненіе.

⁷⁾ Надпись, найденная близъ Керчи, относится къ IV-му в. до Р. X.

Μέλας Σίμου Συρακόσιος.

№ 300. *Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini graec. et lat. edidit Basilius Latyschev. Volumen Secundum, Petropoli an.* 1890.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Опустивъ имена правителей—Спартокидовъ, существованіе которыхъ представляется довольно сомнительнымъ, мы получимъ такую генеалогическую таблицу:

Спартокъ I-й 438/7—432/1

Селевкъ 432/1—428/7

Періодъ междоусобій 428/7—407.

Сатиръ I-й сынъ Спартова I-го 407—388/7.

Левконъ I-й 388/7—348/7.

Спартокъ II 348/7—343/2, Перисадъ I 348/7—310/9, Аполлоній

Сатиръ II (310/9), Пританисъ (310/9), Евмилъ (309—304,

Перисадъ.

Спартокъ III 304—285/4

Перисадъ II съ 285/4

Левконъ II и Спартокъ IV?

Перисадъ III

Перисадъ IV (послѣдній).

Нѣсколько иную генеалогію Спартокидовъ представляетъ намъ В. В. Латышевъ ¹⁾.

Спартокъ I-й 438—432

Селевкъ 432—429.

¹⁾ *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini, graec. et lat. edidit Basilus Latyschev, Petropoli an. 1890 p. XXXII.*

Спартокъ II? 429—407?

Сатиръ I 407—387.

Левконъ 387—347. Метродоръ.

Горгиппъ

Спартокъ III 347—342. Перисадъ I 347—309. Комосарія, жена Аполлоній на Перисада I.

Сатиръ II (309). Пританисъ (309) Евмилъ (309/8—303)

Перисадъ.

Спартокъ IV 303—284

Перисадъ II 284—?

Спартокъ V. Левконъ II. Алкаеое

.....

Спартокъ

Перисадъ III? Камасарія Арготъ

Перисадъ IV?

.....

Перисадъ V? (последній).

В. Кёне въ своей статьѣ „О генеалогіи и о монетахъ Спартокидовъ“, помѣщенной въ „Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей“ Т. III. Одесса 1852 года, стр. 232, 233, 236-я даетъ нѣсколько иную генеалогію Спартокидовъ:

Спартокъ I 438—432

Селевъ 432—429

Спартокъ II 429—407.

Сатиръ I 407—393.

Левконъ I 393—353	Ѳеодосія сестра Метродоръ	Горгиппъ,	NN
	или жена Лев-убитый	царь скидовъ,	дочь, жена
	вона.	Тиргатао	наслѣдникъ Гекатеоса,
			Гекатеоса, царя син-
			отецъ Комо-довъ.

сарія жены
Перисада I.

Спартоуь III 353—348

Перисадъ I 348—311, жена его
Комосарія, дочь Горгиппа.

Перисадъ I

Сатирь II 311—310. Пританись 310—309. Евмилъ 309—304.

Перисадъ скрывается бѣг-
ствомъ къ Агару, царю ски-
оовъ; прочія дѣти, равно какъ
и жены Сатира II и Прита-
ниса были умерщвлены Ев-
миломъ.

Спартоуь IV 304—289; же-
на его была дочерью Федима.

Перисадъ II 289—?

Спартоуь V около 250 г. Лев-
конъ II 240

Спартоуь VI и съ 220 Левконъ
Левконъ III, предшественникъ или
наслѣдникъ Спартова VI-го, жилъ, ка-
жется, около 200-хъ годовъ. Ему ну-
жно приписать и перечеканку монеть,
о которой упоминаетъ Полиэнъ.

Левканоръ, быть-можетъ, сынъ
или внукъ Левкона III-го

Евбиотъ, побочный братъ
Левканора около 175 г.

Неизвѣстный царь, около 160 г.

Перисадъ III-й 178—115 г.

Приведенныя нами таблицы даютъ наглядную картину
того, какъ ненадежными становятся наши свѣдѣнія о Спарто-
видахъ съ того момента, какъ прекращаются извѣстія Діодо-
ра Сицилійскаго и данныя, извлекаемая изъ надписей.

С. Мельниковъ-Разведенковъ.

Новороссійскъ.
1895 г.

ЗАМѢТКИ.

Стр. 12. Городъ Ардаба.

Знаменитый академикъ Палласъ пытался объяснить это названіе кистинскими (чеченскими) словами у а р—семь и да да —отець, Богъ (*Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Lpz. 1799, B. I, 416, 417*). Толкованіе это повторено и Семеномъ Броневскимъ въ его „Новѣйшихъ географическихъ и историческихъ извѣстіяхъ о Кавказѣ“, ч. II, 153. Но еще Клапротъ, въ своемъ сочиненіи „*Voyage au Mont Caucase, II, 352. 353*“ справедливо замѣтилъ, что в у о р дѣйствительно значить по-чеченски *семь*, частица же да да не имѣетъ въ этомъ языкѣ никакого значенія; по-чеченски отецъ—да, Богъ—деле. Въ новѣйшее время вполне научные попытки объясненія сложнаго названія Ардаба посредствомъ осетинскаго языка сдѣлали В. Томашекъ (*Wilhelm Tomaschek, Die Goten in Taurien. Wien 1881, S. 7. 8*) и особенно профессоръ Всеволодъ Миллеръ въ своихъ „Осетинскихъ этюдахъ“, III, 76. 96.

Стр. 16. Городъ Ермонасса.

Повойный Ф. К. Брунъ, основываясь на подробномъ разборѣ показаній Стравона о географическомъ положеніи Ермонассы, предлагалъ искать слѣды этого города около станицы Титоровской на Таманскомъ полуостровѣ (Ф. Брунъ, Восточный берегъ Чернаго моря по древнимъ перипламъ и по компасовымъ картамъ въ IX томѣ Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей). Такое же мнѣніе высказано и Я. М. Лазаревскимъ въ его статьѣ „Курганы Таманскаго полуостро-

ва“ (Извѣстія Имп. Археол. Общ., т. II, 28). О древностяхъ около Титоровской станицы см. *К. Герца* Археологическую топографію Таманскаго полуострова, стр. 103. 104.

Е. Вейденбаумъ.

Стр. 5. Тавры, Таврическія горы.

По-сирійски туіра означаетъ *гора, горный хребетъ* (см. Русско-Ассирскій и Ассирско-Русскій словарь, XX вып. Сб. мат.). Если допустить, что названіе Таврическаго горнаго хребта (Таυριχὰ ὄρη)—сирійскаго происхожденія, то оттуда же пошло и наименованіе жителей этихъ горъ—*тавровъ* (по-сирійски: нѣсѣ дн-туіранѣ). Связь между древними жителями Крымскаго полуострова и семитическими племенами (финикіянами и др.) во всякомъ случаѣ можетъ относиться только къ догреческому періоду исторіи этого края. Семитическаго же происхожденія и названіе горныхъ системъ Тавра и Антитавра въ Малой Азіи. У греческихъ писателей—Стравона (7, 309) и др. Таврическія горы назывались также *Κιττιέριον ὄρος*, а жители *Κιττιέριοι*. Это слово иранскаго происхожденія: у евреевъ-татовъ *ке мер* означаетъ *хребетъ*, ср. перс. ک (см. В. Миллера, Матеріалы для изученія еврейско-татскаго языка, С.-П. 1892 г.).

Стр. 6. Мэоты.

Мэоты (*Μαιῶται*, встрѣчается въ надписяхъ и въ формѣ: *Μαῖται*) получили свое названіе отъ Мэотида—у грековъ *Μαιῶτις* или *Μαιῆτις λίμνη*, у римлянъ *palus Maeotis*. Это слово можно объяснить изъ адыгскаго языка. Составныя его части: *меі*—*болно*, и *јаѣ*—*болото, тина, мужа*, стало-быть: *воиющая мужа* (см. мой Русско-Кабардинскій словарь, XII вып. Сб. мат.), каковымъ Азовское море, поросшее по берегамъ камышами со стоячей водой, могло дѣйствительно, по сравненію съ

Чернымъ моремъ, представляться воображенію окружающихъ его народовъ.

Стр. 6. Синды.

На правомъ берегу Тиберды находятся развалины замка Сынты (В. Миллеръ, Осетинскіе этюды, стр. 8). Въ кабардинскихъ сказаніяхъ упоминается народъ *киты*, который можно поставить въ связь съ упоминаемыми здѣсь синдами (Шибидиево, XII вып. Сбор. мат.). На стр. 17 Синдскій портъ.

Стр. 8. Псысы.

Имя народа *Ψησβν* происхожденія адыгскаго: *пси—вода, рѣка*; стало-быть, живущіе по рѣчному берегу. Замѣчу, что рѣка Кубань по-адыгски называется Псызъ. Корень *пси* встрѣчается и въ названіи рѣки *Ψάτης* (стр. 54).

Л. Лопатинскій.

ОТДѢЛЪ Ц.

СКАЗКИ,

собранныя воспитанниками

Закавказской учительской семинаріи.

1. Богатырь Гасанъ.

Татарская сказка.

У одного человѣка были сынъ и дочь, на которыхъ онъ не могъ нарадоваться, но дивъ отнялъ ихъ у него. Отецъ очень скучалъ и все думалъ о томъ, какъ бы возвратить своихъ дѣтей. Спусти два года, Богъ далъ ему сына, который съ дѣтства отличался необыкновенною силою. Его звали Гасаномъ. Видя безысходную бѣдность своихъ родителей, онъ сталъ заниматься воровствомъ. Сначала онъ кралъ яйца, потомъ куръ и, наконецъ, лошадей и коровъ. Сосѣди пожаловались на Гасана его родителямъ. Родители сколько ни уговаривали его не трогать чужого добра, но Гасанъ не могъ удержаться отъ того, чтобы не красть. Разъ въ томъ городѣ, гдѣ жилъ Гасанъ, остановился караванъ. Гасанъ отправился къ этому каравану и увидѣлъ, что пошу одного верблюда не могутъ поднять съ мѣста нѣсколько человѣкъ. Гасанъ сказалъ имъ: «Что вы мнѣ дадите, если я пошу подниму одинъ?» Они разсмѣялись и обѣщали отдать ему пошу, если онъ ее подниметъ одинъ. Гасанъ, какъ ни въ чемъ не бывало, поднялъ вверхъ. Караванщики не измѣнили своему слову и отдали Гасану пошу, которая состояла изъ двадцати пудовъ

желѣза. Гасанъ взялъ желѣзо и отнесъ его кузнецу, которому заказалъ сдѣлать дубину и цѣпь, равнаго съ ней вѣса. Черезъ нѣсколько времени дубина и цѣпь были готовы. Принеся домой заказанные предметы, Гасанъ видитъ, что мать его плачетъ. Онъ обращается къ матери и спрашиваетъ: «О чемъ, матушка, плачешь?» — «Дорогой мой сынъ!» отвѣчала мать: «у тебя были братъ и сестра; ихъ отнял у насъ дивъ за два года до твоего рожденія». Гасанъ сказалъ: «Милая матушка! приготовь мнѣ все нужное для дороги и уважи, въ какую сторону унесъ дивъ брата и сестру.» Мать исполнила просьбу сына. Гасанъ взялъ дубину, цѣпь, запасъ хлѣба съ масломъ и пустился въ путь. На дорогѣ онъ почувствовалъ тяжесть и молвилъ про себя: «Вмѣсто того чтобы таскать тяжесть на спинѣ, лучше я сяду и все съѣмъ». Такъ онъ и сдѣлалъ: сѣлъ у ключа, съѣлъ все, что взялъ съ собою, напился воды и пустился въ путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли шелъ нашъ Гасанъ, сказать трудно: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Наконецъ, онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ жилъ чудовище-дивъ. Въ этомъ мѣстѣ Гасанъ увидѣлъ, что оселъ носить воду, а на дворѣ сидитъ дѣвушка. Увидѣвъ Гасана, дѣвушка спросила: «Кто ты такой, откуда и куда идешь?» — «Я—братъ вашъ и пришелъ освободить васъ изъ рукъ этого провлятаго дива», отвѣчалъ Гасанъ. Дѣвушка, признавъ въ немъ своего брата, сказала ему: «Милый братецъ! лучше ты иди за своимъ дѣломъ, а не то—дивъ придетъ и убьетъ тебя; мнѣ жаль тебя». «А гдѣ нашъ братъ?» спросилъ Гасанъ. — «Тотъ самый оселъ, который возитъ воду диву,—нашъ братъ,» отвѣчала сестра: «тутъ есть женщина-колдунья, которая обратила нашего брата въ осла посредствомъ заелинанья». Въ это время возвращается дивъ съ охоты и, увидѣвъ дома незваного гостя, спрашиваетъ у своей жены: «Кто это такой? Какъ онъ осмѣлился зайти сюда?» Жена отвѣтила, что этотъ человѣкъ—ея братъ.

Тогда дивъ успокоился и приказалъ женѣ приготовить роскошный обѣдъ. За обѣдомъ Гасанъ сказалъ диву, что онъ пришелъ увезти сестру и брата. Дивъ разсердился, всталъ съ мѣста и подошелъ къ Гасану съ цѣлью убить его; но Гасанъ поспѣшно всталъ съ мѣста и вступилъ съ дивомъ въ борьбу. Долго они боролись; одинъ не могъ поборотъ другого. Наконецъ, дивъ собралъ послѣднія свои силы и повалилъ Гасана; но онъ не успѣлъ отрубить головы своему противнику: Гасанъ выскочилъ изъ-подъ него и, помолившись Богу, убилъ дива. Потомъ онъ пошелъ съ сестрою къ волдунѣ. Услышавъ о смерти дива, она тотчасъ обратила брата Гасана изъ осла въ человѣка.

На слѣдующій день Гасанъ, взявъ съ собою брата и сестру, пустился въ путь. На дорогѣ они остановились ночевать. Ложась спать, Гасанъ сказалъ, что сонъ его продолжится три дня, добавивъ, что если они пожелаютъ итти домой, то могутъ итти. Вотъ легли они спать. Утромъ братъ и сестра проснулись, а Гасанъ все спитъ. Злой и неблагодарный братъ говоритъ сестрѣ: «Давай уьемъ Гасана, а сами пойдемъ домой». Сестра сколько ни уговаривала не трогать Гасана, освободителя ихъ изъ плѣна дива, но не могла остановить брата: онъ убилъ Гасана и привязалъ тѣло его къ дереву. Потомъ взявъ онъ сестру, возвратился домой и рассказалъ матери обо всемъ случившемся съ ними. Мать обрадовалась смерти Гасана, потому что весь народъ былъ недоволенъ имъ за его воровство. На третій день прилетѣли три голубя и сѣли на то дерево, къ которому былъ привязанъ Гасанъ. Младшему голубю стало жаль Гасана и говоритъ онъ старшему, подъ видомъ котораго былъ ангелъ Гавріиль: «Надо помочь этому бѣдному Гасану.» Гавріиль отвѣчаетъ: «Если ты слетишь внизъ, соединишь голову съ туловищемъ и обведешь своимъ перышкомъ по ранѣ, то Гасанъ оживетъ». Такъ и сдѣлалъ младшій голубь. И чтó же случилось? Гасанъ чихнулъ разъ-другой, очнулся и

видить, что онъ привязанъ къ дереву. Освободившись кое-какъ, онъ отправился домой.

Придя домой, Гасанъ убилъ своего злого, неблагодарнаго брата. Мать донесла объ этомъ царю. Царь призвалъ къ себѣ Гасана и отправилъ его въ дремучій лѣсъ за дровами съ тою цѣлью, чтобы Гасана тамъ растерзали дикіе звѣри. Гасанъ взялъ дубину, цѣпь, двѣ арбы съ быками и пустился въ путь. Вотъ приблизился онъ къ лѣсу и вдругъ видитъ, что за нимъ идутъ два льва. Онъ поймалъ ихъ и привязалъ къ дереву, а потомъ нагрузилъ свои арбы дровами и на слѣдующій день возвратился назадъ, взявъ съ собою и львовъ. Весь народъ былъ удивленъ, услышавъ о подвигѣ Гасана. Наконецъ, Гасану здѣсь надоѣло жить, и онъ отправился, куда глаза глядятъ.

На дорогѣ ему встрѣтился молодой человекъ, который стоялъ у рѣчки и брызгалъ водою на разстояніе нѣсколькихъ верстъ. Гасанъ спросилъ его: «Почему ты это дѣлаешь?» Онъ отвѣтилъ, что ждетъ Гасана и намѣренъ съ нимъ бороться. Его звали Ага-Керимомъ. «Гасанъ—я! выходи бороться!» сказалъ Гасанъ. Они вступили въ борьбу. Гасанъ остался побѣдителемъ и хотѣлъ убить Ага-Керима, но онъ умолялъ не убивать его и просилъ взять съ собою. Гасанъ согласился, и они пошли дальше. На пути имъ встрѣтился другой человекъ, по имени Гюль-Мамедъ, который разрывалъ скалы и бросалъ въ воздухъ огромные камни. Гасанъ спросилъ о причинѣ, почему онъ такъ дѣлаетъ. Гюль-Мамедъ отвѣтилъ такъ же, какъ и первый встрѣчный. Побѣдивши его, Гасанъ, по просьбѣ, взял и его съ собою. Наконецъ, они остановились въ одномъ пустынномъ мѣстѣ, устроили себѣ жилище и начали жить, какъ Богъ велитъ. Каждый день одинъ изъ нихъ оставался дома для приготовленія обѣда, а двое отправлялись на охоту на оленей. Разъ, когда дома остался Ага-Керимъ, къ нему явился старичокъ, ростомъ въ полъ-аршина, а борода его

была въ аршинъ. Этотъ старичокъ попросилъ у Ага-Керима поѣсть чего-нибудь. Ага-Керимъ далъ ему, какъ малому и старому, мало; старичокъ, не довольствуясь этимъ, вынулъ волосъ изъ бороды, завязалъ имъ руки и ноги Ага-Кериму, съѣлъ всѣ приготовленные кушанья и ушелъ домой. Возвратились Гасанъ и Гюль-Мамедъ съ охоты и видятъ, что Ага-Керимъ готовить обѣдъ. Они спросили его, почему онъ такъ опоздалъ; Ага-Керимъ оправдывался тѣмъ, что онъ былъ боленъ. На другой день дома остался Гюль-Мамедъ; съ нимъ случилось то же самое, что съ Ага-Керимомъ. На третій день остался Гасанъ; тотъ же самый старичокъ явился къ нему и попросилъ у него покушать. Гасанъ не отказалъ ему; но далъ мало маленькому росту старика, просящему милостыни. Старичокъ вышелъ изъ терпѣннѣи и хотѣлъ его то же связать, но Гасанъ ударилъ его по шеѣ разливательной ложкой, и голова старичка оторвалась отъ туловища и упала на землю; потомъ голова и туловище покатались вонъ изъ ихъ жилища.

Послѣ возвращенія товарищей Гасанъ, взявъ ихъ, отправился по слѣдамъ крови и дошелъ до колодца. Оставивъ товарищей на верху колодца, Гасанъ опустилсѣ въ колодець. Когда онъ шелъ по дну колодца, ему представился рядъ комнатъ; Гасанъ отворилъ первую дверь и увидѣлъ, что въ комнатѣ сидитъ дѣвушка. Она попросила Гасана уйти поскорѣе, пугая его дивомъ. Гасанъ оставилъ ее и вошелъ во вторую комнату, гдѣ также сидѣла дѣвушка. Наконецъ, онъ вошелъ въ третью комнату; въ ней была прекрасная дѣвица, возлѣ которой лежалъ тотъ же самый старичокъ и любовался ею. Увидя Гасана, старичокъ спрятался. Взявъ съ собою этихъ дѣвушекъ, Гасанъ возвратился по дну колодца, на верху котораго ждали его товарищи. Сперва вытащили первыхъ двухъ дѣвушекъ; когда очередь дошла до прекрасной дѣвицы, то она не хотѣла выходить и сказала: «Пусть сначала вытащутъ тебя; увидѣвъ меня, они оставятъ тебя тутъ.» Гасанъ не согла-

сился; тогда она сказала: «Если они тебя не вытащатъ, тогда смотри: утромъ здѣсь будутъ бороться два барана—бѣлый и черный; ты прыгай на черного, онъ отброситъ тебя на бѣлаго, а бѣлый выброситъ вверхъ на бѣлый свѣтъ. Предсказаніе дѣвицы сбылось; но Гасанъ, вмѣсто того чтобы сѣсть на черного, сѣлъ на бѣлаго, который бросилъ его на черного барана, а черный—въ темное подземное царство.

Долго ли, коротко ли онъ тамъ жилъ, неизвѣстно: скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается. Наконецъ, онъ остановился у одной старухи, у которой попросилъ воды; она вмѣсто воды дала ему молока; тогда Гасанъ спросилъ у старухи: «Развѣ здѣсь нѣтъ воды?» Старуха отвѣтила: «У нашего ключа живетъ чудовищная змѣя, которой каждый день надо давать по человѣку, чтобы она пускала насъ брать воду. Сегодня очередь царевны; скоро она будетъ здѣсь.» Черезъ нѣскольکو времени явилась царевна, и народъ сталъ толпиться, чтобы взять воды. Вмѣсто царевны бросился къ змѣѣ Гасанъ съ мечомъ въ рукѣ и убилъ ее, когда она уже готова была проглотить принесенную жертву. Царевна тотчасъ обмочила руку кровью змѣи и сдѣлала замѣтку на спинѣ Гасана. Царевна невредимо возвратилась домой и рассказала отцу о случившемся. Царь приказалъ созвать всѣхъ жителей города, но между ними не было освободителя царевны. Тогда одинъ изъ визирей сказалъ царю, что у одной старухи находится незнакомый человѣкъ. Призвали его къ царю, и царевна узнала въ немъ освободителя. Поблагодаривъ Гасана, царь пожелалъ, чтобы онъ женился на его дочери. Гасанъ отказался отъ этого предложенія; но онъ только попросилъ, чтобы ему указали средство выйти на бѣлый свѣтъ. Подумавши, царь сказалъ: «Недалеко отъ города находится баобабъ, на которомъ живетъ Рохъ (птица необыкновенной силы и величины). У него каждый разъ кроводилъ сѣдаетъ дѣтей; онъ только можетъ тебѣ помочь.» Гасанъ отправился къ этому дереву и сѣлъ подъ нимъ. Черезъ нѣсколь-

ко времени явился крокодилъ и хотѣлъ влѣзть на дерево. Увидѣвъ это, Гасанъ бросился на крокодила и убилъ его и легъ спать подъ деревомъ. Спустя немного времени, явился Рохъ и хотѣлъ убить соннаго Гасана, но дѣти объявили ему, что онъ освободилъ ихъ отъ смерти. Рохъ подлетѣлъ къ Гасану, разбудилъ его и хотѣлъ поблагодарить его; но Гасанъ попросилъ Роха только о томъ, чтобы онъ помогъ ему выйти на бѣлый свѣтъ. Рохъ сказалъ Гасану, чтобы онъ приготовилъ дорожные припасы. Гасанъ исполнилъ просьбу Роха. На другой день Рохъ взялъ на себя Гасана съ припасами и пустился въ путь. На дорогѣ припасы кончились; тогда Гасанъ досталъ ножикъ, отрѣзалъ отъ бедра кусокъ мяса и отдалъ Роху; но Рохъ не проглотилъ мяса, а держалъ во рту, такъ какъ это мясо казалось ему очень сладкимъ. Вышедши на свѣтъ бѣлый, Рохъ опустилъ Гасана, но Гасанъ ходить не могъ отъ раны. Тогда Рохъ досталъ изо рта мясо, положилъ на мѣсто и обвелъ перышкомъ; затѣмъ отдалъ ему перышко, говоря: «Если когда-нибудь ты будешь въ бѣдѣ, то поднеси перо къ огню, и я предстану предъ тобой!» Скоро рана зажила, и онъ поступилъ къ одному лавочнику служить.

Спустя нѣсколько времени, Гасанъ услышалъ, что Ага-Керимъ и Гюль-Мамедъ готовятся сыграть свадьбу. Онъ сталъ думать о томъ, какъ бы похитить дѣвушекъ у бывшихъ товарищей. Вдругъ ему вспомнились слова Роха. Гасанъ поднесъ перышко къ огню, и не прошло минуты, какъ Рохъ очутился предъ нимъ. Гасанъ сказалъ: «Дорогой Рохъ! приведи ко мнѣ красивую лошадь съ драгоцѣнною сбруей и доспѣхами.» Рохъ исполнилъ желаніе Гасана. Онъ вооружился, сѣлъ на коня и поѣхалъ туда, гдѣ жили его товарищи. На слѣдующій день Ага-Керимъ и Гюль-Мамедъ начали играть свадьбу. Она продолжалась десять дней. На послѣдній день свадьбы они сѣли на своихъ коней и выѣхали въ поле съ окружающими людьми для джигитовки. Услышавъ объ этомъ, Гасанъ сѣлъ на лошадь и

выѣхалъ на то же поле. Во время джигитовки конь Гасана то и дѣло обгонялъ коней Ага-Керима и Гюль-Махеда. Тогда они, получивши большое оскорбленіе, попросили Гасана снова пуститься съ ними въ перегонку. Гасанъ согласился и во время джигитовки отрубилъ имъ обоимъ головы. Послѣ этого Гасанъ выдалъ двухъ дѣвушекъ замужъ за другихъ, а самъ женился на прекрасной дѣвицѣ, и стали они жить, да поживать да добра наживать.

Съ неба упало три яблока: одно—мнѣ рассказчику, другое служителямъ, а третье дервишу, просящему милостыни.

Записана въ селеніи Агдамъ Шунинскаго уѣзда, Елисавет. губерніи

Абдуль-Керимъ Велибековымъ.

2. Царевичъ Асланъ и дивъ.

Татарская сказка.

Въ глубокой древности, когда еще рѣки текли молокомъ и волкъ пасся вмѣстѣ съ овцой, когда вездѣ была тишь, да гладь, да Божья благодать жилъ царь съ царицей. У нихъ былъ сынъ, котораго за сверхъестественную силу прозвали Асланомъ *). Разъ царь за что-то разгнѣвался на свою супругу и осудилъ ее на смертную казнь. Узнавъ объ этомъ, Асланъ рѣшился спасти свою мать. Темною ночью, онъ ее увезъ тайкомъ изъ отцовскаго дома и уѣхалъ, куда глаза глядятъ. Долго ли, коротко ли ѣхалъ сынъ съ своею матерью; далеко ли, близко ли они заѣзжали, неизвѣстно; извѣстно только то, что они пріѣхали въ страну, гдѣ жили сорокъ братьевъ дивовъ. У этихъ дивовъ была сестра, Дюйня-гюзили, такая красавица, что всякій готовъ

*) Асланъ—левъ.

былъ не ѣсть и не пить, лишь бы только на нее глядѣть. Одинъ изъ этихъ дивовъ разсердился на братьевъ, построилъ себѣ домъ въ сторонѣ отъ нихъ и жилъ въ немъ. Къ этому-то дому приблизились наши путники. Дива не было дома, а входъ въ домъ былъ загроможденъ тяжелымъ камнемъ. Асланъ схватилъ одною рукою этотъ громадный камень и забросилъ его такъ далеко, какъ можно видѣть глазомъ. Когда дивъ возвратился домой, царевичъ былъ на охотѣ. Видя камень, брошенный на громадное разстояніе, дивъ не рѣшился войти въ домъ и думалъ: «Кто бы это могъ быть этотъ незваный гость?» Между тѣмъ его замѣтила царица-мать, которой онъ такъ приглянулся, что она рѣшилась изъ-за него извести со свѣта своего единственного сына. Она призываетъ дива и говоритъ, чтобы онъ поскорѣе укрылся, а то придетъ Асланъ, и имъ обоимъ не избѣгнуть смерти.

Съ этого времени дивъ и царица стали жить душа въ душу. Царевичъ ничего не зналъ объ этомъ, и они рѣшили извести его. Царица, по совѣту дива, притворилась больной, и, когда Асланъ спросилъ у матери: «Чего ей хочется?», она отвѣтила, что если онъ достанетъ ей три кисти золотого винограду, то она, можетъ-быть, выздоровѣетъ. Золотой виноградъ можно было достать изъ сада двухъ братьевъ-близнецовъ. Садъ этотъ берегли левъ со львицей, и около этого сада ни птица не могла пролетѣть, ни звѣрь пробѣжать. Много богатырей отправлялось въ этотъ садъ, чтобы достать ягодъ для своихъ невѣстъ, но никто не возвращался живымъ. Несмотря на все это, Асланъ поѣхалъ за виноградомъ. Послѣ многихъ приключеній онъ, наконецъ, дошелъ до сада. Здѣсь онъ умертвилъ льва и львицу, но дѣтеныши ихъ такъ привязались къ нему, что они ни на минуту не оставляли его и оказали ему впослѣдствіи большія услуги. Доставъ винограду, Асланъ пустился обратно въ путь. Дорогой на него напали тридцать восемь дивовъ. Благодаря льятамъ, онъ одержалъ

надъ ними побѣду, и скоро виноградъ доставилъ матери. Она не только не выздоровѣла, но, напротивъ, еще болѣе стала охатъ и жаловаться на болѣзнь, и послала сына на болѣе трудное дѣло, а именно: достать арбузъ изъ сада тѣхъ сорока дивовъ, о которыхъ было упомянуто выше.

На другой день Асланъ отправился доставать арбузъ; но, вмѣстѣ съ нимъ, пошли и львята. Достигши сада, Асланъ, утомленный долгимъ путешествіемъ, повалился на сочную траву и захрапѣлъ богатырскимъ сномъ. Тѣмъ временемъ дивы посылають одного изъ своей среды въ садъ, чтобы узнать, все ли тамъ благополучно. Пришедши въ садъ, дивъ вступаетъ въ борьбу со львятами, и они растерзываютъ его. Видя, что посланный не возвращается, дивы посылають другого, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Но и его постигаетъ та же участь, что и перваго. Тогда дивы посылають третьяго и т. д.; всѣ тридцать девять дивовъ побывали поодиночкѣ въ саду, и всѣхъ растерзали львята. Проснувшись, Асланъ увидѣлъ львятъ съ ногъ до головы въ крови; онъ очень сожалѣлъ, что не могъ проснуться раньше, чтобы помочь имъ. Потомъ онъ, оправившись, пошелъ рассматривать жилище дивовъ и нашелъ безчисленное множество пышныхъ комнатъ. Пройдя много комнатъ, онъ вошелъ, наконецъ, въ одну громадную залу, гдѣ было столько дверей, что онъ не зналъ, въ которую войти. Тогда ему въ глаза бросились двери, сдѣланныя изъ золота и усѣяныя драгоценными каменьями. Онъ легонько толкнулъ ихъ. Двери отворились. Вошедши въ комнату, онъ увидѣлъ дѣвицу неземной красоты: это и была сестра дивовъ, Дюнья-гюзели. Впечатлѣніе, которое она произвела на Аслана, было такъ сильно, что онъ упалъ въ обморокъ. Дюнья-гюзели подошла къ нему, подвняла его съ земли и обошлась съ нимъ, какъ самая нѣжная супруга.

На другой день Асланъ собрался въ обратный путь. Дюнья-гюзели просила Аслана не покидать ее. Но Асланъ сказалъ,

что у него больная мать, и онъ долженъ отнести ей арбузь; если же онъ не возвратится чрезъ три дня, то, значить, его нѣтъ въ живыхъ. Они обмѣнялись кольцами въ знакъ супружескаго обѣта, и Асланъ отправился въ обратный путь. Онъ скоро доставилъ своей матери арбузь, и она выздоровѣла. На другое утро она просила сына поиграть съ нею. Во время игры она связывала руки Аслана крѣпчайшими веревками; но Асланъ при малѣйшемъ напряженіи разрывалъ ихъ. Тогда царица спросила у Аслана, что было бы ему не по силамъ? Асланъ отвѣтилъ, что если завязать ему руки струнами, то онъ не въ состояніи будетъ разорвать ихъ. Въ видѣ опыта, она завязала ему руки струнами, и дѣйствительно онъ не могъ разорвать ихъ; тогда она кликнула дива, чтобы убить беззащитнаго Аслана. Дивъ, однако, пожалѣлъ богатыря; онъ только выкололъ ему глаза и бросилъ его въ ближайшій оврагъ. Здѣсь ему приносили пищу и питье его лъвята.

Случилось такъ, что около этого оврага проходилъ караванъ. Караванщики, увидѣвъ несчастнаго страдальца, взяли его съ собою. Тѣмъ временемъ Дюйня-гюзели, прождавъ три дня, сочла Аслана погибшимъ и справляла по немъ поминки. И днемъ и ночью двери ея дома были отворены для всѣхъ, такъ что къ ней каждый день заѣзжало множество всякаго народу. Всѣхъ бесплатно кормили, а бѣдныхъ даже и награждали. Путь караванщикамъ лежалъ около дома Дюйня-гюзели. Узнавъ, что тамъ можно пообѣдать бесплатно, они заѣхали туда подкрепиться въ дорогѣ. Имъ тотчасъ подали пищу и питье, и они послѣ омовенія рукъ и ногъ, какъ это встарь велось, сѣли за столъ и стали ѣсть и пить. Асланъ догадался, гдѣ находится, и потому, когда ему поднесли вина, онъ, выпивъ до половины стаканъ, опустилъ въ него кольцо, полученное отъ Дюйня-гюзели; затѣмъ онъ попросилъ служителя, чтобы онъ отнесъ стаканъ своей госпожѣ и попросилъ ее выпить до дна. Дюйня-гюзели, допивъ стаканъ, увидѣла свое кольцо, отданное

Аслану. Она тотчасъ же приказала привести къ ней человѣка, который послалъ ей стаканъ. Слуги привели къ ней слѣпца Аслана. Увидѣвъ недавняго героя слѣпымъ, Дюнья-гюзели не могла произнести ни одного слова. Потомъ, оправившись, она пошла съ нимъ въ садъ. Здѣсь, сѣвши подъ тѣнистымъ деревомъ, Асланъ началъ разсказывать ей о своихъ приключеніяхъ. Она слушала его съ участіемъ. Во время разсказа Дюнья-гюзели увидѣла, какъ двѣ лягушки подрались: одна выколола глаза другой. Тогда побѣдившая лягушка вставила глаза пострадавшей, нашла какую-то траву и, пожевавъ ее, помазала глаза, послѣ чего они зажили. Она разсказала объ этомъ Аслану и намазала той же травой ему глаза. Асланъ прозрѣлъ. Какъ они обрадовались, это всякій можетъ себѣ представить! На другой день Асланъ поѣхалъ къ своей матери. Тамъ онъ умертвилъ какъ ее, такъ и дива, сжегъ ихъ трупы и пепель разбѣлалъ во всѣ четыре стороны. Отомстивъ, онъ возвратился къ своей возлюбленной и наслаждался съ нею всѣми благами, какія только доступны смертному человѣку.

Записано въ селѣ Бешташенѣ Борчалинскаго уѣзда, Тифлисской губ.

А. С. Гашибазовымъ.

3. Невѣрная жена и вѣрная невѣста.

Татарская сказка.

Однажды Шахъ-Аббасъ, знаменитый владетель Персіи (1585—1628), переодѣвшись въ одежду простолюдина, по обыкновенію, отправился гулять по Тегерану, съ цѣлью узнать, что происходитъ въ городѣ и какъ ведутъ себя его подданные. Проходя по улицамъ, онъ услышалъ въ одномъ домѣ пріятный женскій голосъ. Шахъ подошелъ ближе и сталъ прислушиваться.

Оказалось, что это супруги ведут между собою разговоръ. Молодая и очень красивая жена, обращаясь къ своему мужу, говорила: «Милый другъ! знаешь ли, какое горе я испытываю, когда нѣсколько часовъ не вижу тебя? Молю тебя: по крайней мѣрѣ при мнѣ будь ласковъ и веселъ и не мучь бѣдную дочь твоего дяди грустнымъ видомъ. Ради Аллаха, скажи мнѣ правду, не разлюбилъ ли ты меня, бѣдную? О, Боже, тогда пошли мнѣ лучше смерть.—«Не мучь меня, моя ненаглядная», отвѣтилъ супругъ: «каждая твоя слезинка дороже мнѣ всего на свѣтѣ, потеря волоска изъ твоей косы для сына дяди твоего тяжеле казни шаха. Развѣ я могу разлюбить тебя! Нѣтъ, нѣтъ, милая! лучше лишиться жизни, чѣмъ разлюбить тебя. Дай Богъ, чтобы мы не испытали горя разлуки». Слыша всѣ эти слова, шахъ очень радовался, что между его подданными есть такіе нѣжные супруги. По возвращеніи домой, онъ захотѣлъ испытать обоихъ супруговъ и съ этой цѣлью сперва отправилъ челоуѣка къ мужу съ требованіемъ, чтобы онъ развелся съ своею женою, угрожая въ противномъ случаѣ смертною казною. Когда посланный передалъ мужу слова шаха, то онъ отвѣтилъ, что готовъ перенести всякія лишенія, но ни въ какомъ случаѣ не разведется съ женою. Потомъ шахъ отправилъ старуху къ женѣ съ предложеніемъ, чтобы она убила своего мужа и вышла за шаха замужъ. Узнавъ о такомъ намѣреніи шаха, вѣроломная женщина отвѣтила: «Скажи шаху, что я готова исполнить его желаніе.» Услышавъ это, шахъ ночью переодѣлся и пошелъ посмотрѣть, что она будетъ дѣлать. Подошедши поближе къ ихъ дому, шахъ заглянулъ чрезъ щель въ комнату и увидѣлъ, что мужъ спитъ, положивъ свою голову на ея колѣна, а она погружена въ задумчивость; затѣмъ жена, убѣдившись, что мужъ спитъ крѣпкимъ сномъ, вынула его кинжалъ и съ такою быстротою вонзила ему въ грудь, что шахъ не успѣлъ даже крикнуть и остановить преступленіе, и потомъ затворила дверь крѣпко-накрѣпко. Алая кровь не-

винной жертвы струей потекла изъ-за двери на дворъ. Шахъ омочилъ свои пять пальцевъ въ кровь и, приложивъ ихъ къ двери, сдѣлалъ какъ бы печать на нихъ. Затѣмъ онъ возвратился въ свой дворецъ и всю ночь не могъ спать отъ гнѣва. Утромъ онъ приказалъ одному изъ военачальниковъ отправиться въ ту часть города, гдѣ ночью совершилось убійство и тамъ, гдѣ на двери дома будетъ кровавая печать, взять хозяйку и привести къ нему. Когда военачальникъ пошелъ въ указанное мѣсто, то увидѣлъ, что на всѣхъ дверяхъ этой части города находятся печати крови. Военачальникъ вернулся къ шаху и рассказалъ ему все видѣнное. Надо замѣтить, что хитрая женщина, вставши рано утромъ, увидѣла кровавый знакъ пальцевъ и догадалась, въ чемъ дѣло. Она наполнила кровью мертвеца кувшинъ и приложила одинаковую печать къ дверямъ всѣхъ сосѣдей, а мертвеца изрубила въ куски и бросила въ яму, а затѣмъ яму засыпала землею. Узнавъ о хитрости женщины, шахъ пришелъ въ ярость; но въ это время онъ долженъ былъ итти войною на Туркестанъ; поэтому онъ поручилъ великому хану (визирю), чтобы онъ къ его возвращенію перебилъ всѣхъ женщинъ, не исключая ни своихъ, ни даже семейства шаха: «А если», прибавилъ шахъ: «не исполнишь моего приказанія, то погублю тебя и все твое поколѣніе.»

Издавъ такой приказъ, шахъ отправился въ Туркестанъ. Великій ханъ съ горестью вернулся домой. Дома его столѣтній отецъ замѣтилъ печальный видъ хана и спросилъ о причинѣ грусти. Ханъ рассказалъ отцу приказаніе шаха. Тогда отецъ сказалъ хану: «Сынъ мой, не печалься и не трогай никого, а когда шахъ потребуешь тебя, то скажи, что тебя не пустилъ исполнить приказаніе столѣтній отецъ, который хочетъ его видѣть по поводу даннаго имъ приказанія». Ханъ исполнилъ совѣтъ отца. Каково было удивленіе шаха, когда, возвратившись черезъ семь лѣтъ изъ похода, онъ увидѣлъ, что женщины толпятся на улицахъ и число ихъ даже гораздо больше прежняго.

Приѣхавъ во дворець, шахъ приказалъ привести къ себѣ великаго хана. Когда тотъ пришелъ и повлонился шаху въ ноги, то шахъ съ такимъ гнѣвомъ крикнулъ на него, что окружающіе сановники затрепетали отъ страха. «Великій повелитель мой!» промолвилъ ханъ: «я готовъ былъ исполнить твое приказаніе, но меня не допустилъ до этого столѣтній мой отецъ, который хочетъ видѣть тебя по поводу твоего приказанія». Шахъ немного смягчился и приказалъ привести старика.

Тотчасъ привели старика и, съ дозволенія шаха, посадили около него. Шахъ обратился къ старику и спросилъ, почему онъ не пустил сына исполнить его приказаніе. Тогда старикъ повлонился ему въ ноги и сказалъ: «Великій повелитель Персіи! твое повелѣніе невозможно по многимъ причинамъ: если ты прикажешь истребить всѣхъ женщинъ, то народъ возстанетъ противъ тебя; если же не возстанетъ, то въ скоромъ времени твое государство погибнетъ безъ женщинъ; наконецъ, по одной вѣроломной женщинѣ нельзя еще думать, что всѣ женщины измѣнницы. Я знаю примѣры такихъ женщинъ, которыя гораздо выше многихъ храбрыхъ мужчинъ. Для доказательства я расскажу тебѣ слѣдующее событіе. У покойнаго твоего отца было сорокъ богатырей, во главѣ которыхъ стоялъ я, какъ самый сильный и храбрый изъ всѣхъ. Однажды мнѣ донесли, что ночью одного изъ богатырей убили, но неизвѣстно, кто. Тогда я собралъ остальныхъ богатырей, и мы стали думать о томъ, кто могъ бы его убить, но ничего у насъ не выходило. На другой день мнѣ донесли, что ночью убили еще одного богатыря. Словомъ, въ продолженіе 39 дней, кромѣ меня, всѣ богатыри были поодиночкѣ перебиты. Ночью наканунѣ 40-го дня я услышалъ, что на дворѣ меня зовутъ по имени. Я всталъ съ постели и въ одной рубахѣ хотѣлъ было выйти на дворъ, но меня задержала жена, говоря: «Куда идешь? прежде всего одѣнься, возьми свои доспѣхи, а я пойду и приведу изъ конюшни твоего коня.» Она

пошла и привела мнѣ коня; я сѣлъ на него и въ полномъ вооруженіи выѣхалъ навстрѣчу незнакомому гостю. При видѣ меня, въ полномъ вооруженіи, незнакомецъ приказалъ мнѣ ѣхать за нимъ слѣдомъ. Дорогой я сталъ думать о томъ, куда онъ меня ведетъ и рѣшилъ, что онъ хочетъ меня убить, какъ, по всей вѣроятности, и всѣхъ остальныхъ моихъ товарищей. Чтобы предупредить опасность, я взялъ свою тяжелую булаву, поднялся на конѣ и, что есть мочи, ударилъ незнакомца по головѣ. Тотъ обернулся и грозно сказалъ: «Не время шутить.» Черезъ нѣсколько часовъ я опять собралъ всѣ силы и сильнѣе прежняго ударилъ его по головѣ. Онъ вторично обернулся и сказалъ: «Самедъ, не во-время шутить.» Наконецъ, я произнесъ имя Аллаха и въ третій разъ ударилъ. Тогда онъ повернулъ своего коня, поднялъ меня съ сѣдла какъ шапку и, трясая на воздухѣ, сказалъ: «Хочешь, ударю тебя оземь такъ, что раздробятся всѣ твои вости!» Я дрожалъ, какъ листъ, и ничего не могъ сказать. Потомъ онъ посадилъ меня на сѣдло и приказалъ больше не трогать его. Въ полночь мы пріѣхали въ дремучій лѣсъ. Незнакомецъ слѣзъ съ коня и сказалъ мнѣ: «Смотри—вотъ къ сѣдлу привязанъ мѣшокъ, наполненный золотомъ; держи мою лошадь, а я пойду въ то мѣсто, гдѣ, какъ видишь, свѣтится огонекъ; тамъ находится мой злѣйшій врагъ съ войскомъ. Я пойду пѣшкомъ сразиться съ нимъ. Если ты услышишь, что я три раза произнесъ громко имя Бога, то знай, что я его убилъ, а если нѣтъ, то знай, что онъ меня убилъ; тогда возьми себѣ и лошадь и золото и ступай себѣ съ Богомъ домой.» Я сидѣлъ и слушалъ, что будетъ. Вдругъ я услышалъ такой стукъ и шумъ, какъ будто сражаются два большія неприятельскія войска. Два раза услышалъ я имя Бога, наконецъ, услышалъ и въ третій разъ. Черезъ нѣсколько часовъ вижу незнакомецъ идетъ ко мнѣ, неся въ рукахъ человѣческую голову, громадной величины. Мы сѣли на лошадей, и я послѣдовалъ за незнакомцемъ. Черезъ нѣкоторое время онъ остановилъ

ся въ одномъ мѣстѣ и приказалъ мнѣ слѣзть съ лошади. Я повиновался. Онъ подошелъ къ могилѣ, которая находилась подъ деревомъ, съ деревяннымъ памятникомъ. Взявъ отрубленную голову, онъ ударилъ ею о памятникъ и, разбивъ черепъ въ куски, сказалъ, обращаясь къ могилѣ: «Милый женихъ! вотъ голова того злодѣя, который вѣроломно убилъ тебя.» Сказавъ эти слова, онъ вынулъ кинжалъ, положилъ на землю остриемъ вверхъ и животомъ упалъ на него съ такою силой, что кончикъ кинжала вышелъ чрезъ спину. Потомъ, обратясь ко мнѣ, незнакомецъ сказалъ: «Я невѣста богатыря, который спитъ въ этой сырой могилѣ. Его убилъ челоувѣкъ, черепъ котораго я разбила; онъ хотѣлъ жениться на мнѣ, но я не измѣнила первому своему жениху; ради его я убила его врага и сама лишаюсь жизни. Теперь ступай и позови людей, чтобы меня похоронили, какъ слѣдуетъ, и употреби все мое золото на поминки. Возьми лошадь себѣ и извини меня за причиненное тебѣ безпокойство; твоихъ товарищей я убила за то, что ни одного изъ нихъ не застала въ полномъ вооруженіи. То, что случилось съ ними, случилось бы и съ тобой, если съ и ты вышелъ безъ вооруженія!» Сказавъ эти слова, она скончалась. «Мой повелитель!» сказалъ столѣтній отецъ хана шахъ-Аббасу: «на свѣтѣ есть и такія женщины, какихъ ты видѣлъ, но есть и такія, какихъ я видѣлъ. Теперь разсуди самъ: можетъ ли кто-нибудь изъ твоихъ подданныхъ по храбрости и вѣрности сравняться съ той женщиной, которую я видѣлъ?»

Шахъ Аббасъ глубоко былъ тронутъ разсказомъ старца, и онъ не только простилъ его сына, но даже наградилъ обоихъ и сталъ больше прежняго уважать ихъ, отмѣнивъ приказаніе объ истребленіи женщинъ.

Записано въ г. Казахъ Елисаветпольской губерніи

Агаларомъ Кіясбековымъ.

4. О двухъ братьяхъ.

Татарская сказка.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были два сосѣда-пріятели. Прежде они были богаты, но потомъ обѣднѣли и вошли въ долги. Условившись, они продали свое имущество, уплатили долги и, оставивъ своимъ женамъ по четыреста рублей, отправились въ чужія страны. Долго ли они шли, коротко ли, о томъ Аллахъ вѣдаетъ, но только чрезъ нѣсколько времени они прибыли въ одно мѣсто, гдѣ расходились двѣ дороги: одна вела на востокъ, а другая на западъ. Друзья сѣли около дороги и разсуждали о томъ, кому и куда итти. Наконецъ, они рѣшили вотъ что сдѣлать: одинъ изъ нихъ долженъ былъ итти на востокъ, другой на западъ; при этомъ они дали другъ другу такое обѣщаніе: если жизнь ихъ тамъ будетъ хороша, то они должны будутъ жениться и оставаться тамъ; если же у одного изъ нихъ родится дочь, а у другого сынъ, то сынъ одного долженъ отправиться къ другому и жениться на его дочери.

Послѣ этого рѣшенія они обнялись, побратались, простились, и каждый пошелъ своею дорогою. Долго ли, коротко ли они шли, объ этомъ ничего неизвѣстно, но только каждый изъ нихъ находился на два года пути отъ того мѣста, гдѣ они простились въ послѣдній разъ. Одинъ изъ нихъ очутился въ восточномъ, а другой въ западномъ государствѣ. Работая въ потѣ лица, каждый говорилъ: «О, Господи, Ты можешь и дать и взять!» Богу угодны были эти рѣчи, и Онъ приказалъ ангелу Гавріилу одного изъ нихъ сдѣлать восточнымъ, а другого западнымъ царемъ, не отнимая жизни у царей этихъ странъ; когда Гавріилъ затруднялся въ исполненіи этого приказанія, то Богъ сказалъ: «Одного изъ царей сдѣлай сумасшедшимъ, а у другого пусть распухнетъ животъ, и онъ не будетъ способнымъ къ

управленію государствомъ. Прежде царемъ сдѣлался тотъ, который пошелъ на западъ. Послѣ восшествія на престолъ онъ проводилъ время весело, не вспомнивъ о своемъ братѣ. Между тѣмъ тотъ, который отправился на востокъ, поступилъ на службу къ одному семейству. Разъ пришелъ къ нему человекъ (это былъ ангель Гавріиль), и далъ ему драгоценный камень, указавъ на честнаго лавочника, у котораго онъ долженъ былъ размѣнять этотъ камень. Послѣ того какъ незнакомецъ ушелъ, нашъ путешественникъ размѣнялъ камень и, купивъ себѣ хорошее платье, началъ жить не хуже другихъ людей. Въ скоромъ времени у восточнаго царя распухъ животъ, и онъ не могъ управлять государствомъ.

Народъ собрался и рѣшился избрать себѣ новаго царя. Старѣйшины города пустили птицу, которая должна была рѣшить сомнѣніе гражданъ объ избраніи царя. Птица эта сѣла на голову нашего путешественника, который и избранъ былъ царемъ: такимъ образомъ одинъ изъ братьевъ сдѣлался царемъ Востока, а другой Запада. Черезъ годъ западный царь вспомнилъ о своемъ братѣ и послалъ къ восточному царю посланца: если въ твоёмъ государствѣ есть человекъ такого-то имени и фамиліи, то оказывай ему помощь: онъ мой братъ, и ты всѣ издержки получишь отъ меня обратно. На это восточный царь отвѣтилъ: Любезный братъ, поздравляю тебя съ царствомъ, я тоже царь! Такъ они прожили нѣсколько лѣтъ. Черезъ нѣсколько времени западный царь написалъ брату, что онъ женится и предлагаетъ ему тоже жениться, и оба поженились. Послѣ женитьбы у восточнаго царя родилась дочь Лейли, а у западнаго царя родились одна за другой три дочери. Когда Лейли выросла, то многіе цари сватали ее за своихъ сыновей, но отецъ ея отвѣчалъ всѣмъ одно и то же, что племянникъ придетъ и возьметъ ее за себя замужъ. Когда Лейли исполнилось тринадцать лѣтъ, отецъ ея написалъ брату своему: «У меня дочь уже невѣста, пришли сына». Это очень огорчило западнаго царя, и онъ не зналъ, что

и дѣлать. Написать, что у него нѣтъ сына, онъ не рѣшался, и потому ходилъ угрюмый и мрачный. Дочери его уже выросли (старшей было 16 лѣтъ, средней 15 и младшей 13): онѣ замѣтили горе отца и спросили его о причинѣ горя. Отецъ долго отказывалъ, но потомъ, не устоявъ противъ усиленныхъ просьбъ дочерей, сказалъ имъ: «Дочери мои! у васъ есть дядя. Мы съ нимъ условились, что если у одного родится сынъ, а у другого дочь, то наши дѣти должны пережениться. Вотъ теперь братъ пишетъ мнѣ, что у него дочь уже невѣста, и проситъ, чтобы я послалъ сына повидаться съ нею; но у меня нѣтъ сына, и я не знаю, что сдѣлать». Тогда старшая дочь сказала родителю: «Позволь мнѣ одѣтъ мужское платье и поѣхать увидѣть свою сестру и передать отъ тебя поклонъ». Царь позвалъ визиря, рассказалъ о своемъ горѣ, а потомъ о предложеніи дочери. Визирь отвѣтилъ: «Государь мой! пускай дочь твоя одѣнется и поѣдетъ, а я съ нѣсколькими людьми нападу на нее, и если она не испугается, то, значитъ, доѣдетъ до твоего брата, а если испугается, то вернется назадъ.» Сказано—сдѣлано. Царская дочь, увидѣвъ на дорогѣ неизвѣстныхъ людей, закрычала отъ испуга и возвратилась домой. То же случилось и со второю дочерью.

Послѣ этого стала просить и меньшая дочь царя, чтобы пустили и ее ѣхать. Царь говорилъ: «Дочь моя! и старшія твои сестры хотѣли ѣхать, но не сумѣли; куда же тебѣ ѣхать!» Но царевна выпросила позволеніе, одѣлась въ мужское платье, вооружилась въ старинные богатырскіе доспѣхи, сѣла на лучшаго коня и, простившись съ родителями, отправилась въ путь. Визирь сказалъ своимъ людямъ, чтобы они не очень ужъ пугали ее, потому что она еще ребенокъ. Визирь съ людьми спрятались около дороги. Черезъ нѣсколько времени они увидѣли, что ѣдетъ переодѣтая царевна. Одинъ изъ людей визиря вышелъ на дорогу и закричалъ, чтобы онъ (т. е. царевна) возвратился: не то его убьютъ. Не обращая на его голосъ никакого вни-

манія, она тихо подѣхала къ нимъ. Тогда всѣ они вышли къ всаднику, остановили лошадь подъ уздцы и сказали, что должны убить его, потому что они враги его отца. На это всадникъ отвѣтилъ: «Я вамъ ничего не сдѣлалъ и поэтому прошу васъ пустить меня ѣхать своею дорогою, а не то, заплатитесь дорого». Они отвѣчали что такихъ, какъ онъ, много убито ими и зарыто здѣсь. Всадникъ сказалъ: «Покажите-ка могилу одного изъ нихъ мнѣ, чтобы я могъ помолиться за нихъ.» Они долго спорили, такъ какъ не могли указать могилы. Наконецъ, одинъ изъ нихъ ударилъ палкой ея коня. Конь взвился на дыбы: она вспыхнула, вынула мечъ и, всѣхъ уложивши мертвыми, поѣхала своею дорогою.

Отъ западнаго царя до восточнаго царства было два года пути верхомъ, но это пространство царевна проѣхала въ одинъ годъ и два мѣсяца. Слухъ объ убійствѣ визиря быстро пронесся по царству ея отца, но, кромѣ царя, никто не зналъ убійцы. Хотя царю жалко было визиря, но все-таки онъ радовался, что дочь его доѣдетъ до брата.

Оставимъ царя съ его думою и вернемся къ нашему передѣльному путнику. Чрезъ четырнадцать мѣсяцевъ онъ пріѣхалъ въ царство своего дяди. Дядя съ нетерпѣніемъ ожидалъ его. Прибывъ въ царство дяди, онъ остановился въ домѣ одной старухи. Старуха, видя такого прекраснаго юношу, залюбовалась имъ. Угостивши гостя, чѣмъ Богъ послалъ, старуха, спросила его, кто онъ такой и откуда. На это онъ отвѣтилъ: «Я будущій зять здѣшняго царя; иди, поздравь его съ моимъ пріѣздомъ». Старуха, не помня себя отъ радости, побѣжала къ царю и поздравила съ пріѣздомъ племянника. Посыпались на старуху награды, какъ лѣтній дождь. Послѣ этого царь со всѣми вельможами, сановниками, всѣмъ войскомъ вышелъ навстрѣчу зятю. По коврамъ, устланымъ отъ дома старухи до дворца, и съ музыкой отправился онъ во дворецъ. Послѣ нѣкотораго времени царь созвалъ всѣхъ сосѣднихъ властелиновъ по

случаю прїѣзда племянника. Всѣ сосѣдніе цари прїѣхали по-
смотреть на царевича, жениха прекрасной Лейли.

При видѣ статнаго юноши всѣ были въ восторгѣ и всѣ
говѣрили, что царевичъ и царица Лейли созданы какъ разъ
другъ для друга. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Царица, сильно
влюбившаяся въ юношу, сказала своей матери: «Дорогая ма-
ма, двоюродный братъ прїѣхалъ; не лучше ли сыграть нашу
свадьбу?» Мать поговорила съ мужемъ и сказала мнимому же-
нику, что желала бы выдѣть его своимъ зятемъ; но женихъ отвѣ-
чалъ: «Въ первый разъ, какъ я подаль Лейли руку, я назвалъ
ее сестрой и потому не могу жениться на ней».

Лейли, которая въ это время стояла на балконѣ, услы-
шавъ это, лишилась чувствъ. Царемъ были вызваны со всѣхъ
сторонъ врачи, но никто не могъ вылѣчить ея. Одинъ изъ тѣхъ
царей, который сваталъ за своего сына Лейли и которому
служилъ помѣхой племянникъ царя, послалъ врача, который дол-
женъ былъ указать, для выздоровленія Лейли, такое лѣкарство,
въ поискахъ за которымъ онъ лишился бы жизни. Этотъ
врачъ явился предъ царемъ и сказалъ, что для выздоровленія
его дочери нужно свѣжее львиное молоко.

Несмотря на многократныя просьбы дяди остаться дома,
мнимый юноша надѣлъ богатырскіе доспѣхи, сѣлъ на коня и
выѣхалъ изъ города съ цѣлю привезти львинаго молока. Онъ
былъ грустенъ и, думая о своемъ несчастіи, ѣхалъ все даль-
ше, самъ не зная куда. Очутившись въ безплодной пустынѣ,
онъ вдругъ услышалъ грозный голосъ: «Стой!» Онъ остано-
вился. Предъ нимъ стоялъ воинъ, одной рукой держа лошадь
его подъ уздцы, а другой поднимавъ мечъ. «Чего ты здѣсь ищешь?
здѣсь до сихъ поръ ни птица не пролетѣла, ни звѣрь не про-
бѣжалъ!» Онъ отвѣтилъ, что заблудился и самъ не знаетъ, какъ
очутился въ такомъ мѣстѣ. На это незнакомецъ улыбнулся,
а когда юноша спросилъ о причинѣ улыбки, то отвѣтилъ ему,
что смѣется потому, что такая молодая дѣвушка соверши-

ла столько подвиговъ. Юноша спросилъ, по чемъ онъ знаетъ, что онъ женщина. Незнакомецъ на это отвѣтилъ: «Я указатель дороги заблудившимся, помощь для людей въ нуждѣ: я пророкъ Хидреллазъ». При этихъ словахъ дѣвушка соскочила съ коня, упала предъ нимъ на колѣни и, чистосердечно рассказавши о всемъ случившемся, заплакала. Хидреллазъ утѣшалъ ее и сказалъ: «Вотъ на той скалѣ, въ пещерѣ, лежитъ львица; я такъ сдѣлаю, что она не почувствуетъ ничего, пока ты будешь ее доить и наполнять свой сосудъ». При этомъ пророкъ далъ ей сосудъ въ видѣ кувшина. Дѣвушка, какъ сказалъ ей пророкъ, такъ и сдѣлала. Когда она наполнила свою посуду, пророкъ въ многовеніе ока доставилъ ее къ городу и, простившись съ нею, исчезъ. Она возвратилась домой съ кувшиномъ львиного молока, изъ котораго еще шелъ паръ. Къ несчастью, и это лѣкарство не помогло. Тогда врачъ сказалъ: На такомъ-то мѣстѣ находится гнѣдой морской жеребецъ съ бѣлымъ пятномъ на головѣ; если его убить и почку подать больной, то она вылѣчится». Бѣдная дѣвушка должна была снова отправиться въ путь. Немного проѣхавъ, она опять встрѣтила пророка. Послѣдній спросилъ о цѣли ея поѣздки, и она сказала о томъ, куда ѣдетъ. Хотя пророкъ увѣрялъ ее, что это никакой пользы не принесетъ, но все-таки она отправилась въ путь. Когда они прибыли на морской берегъ, то пророкъ сказалъ: «Возьми веревку, сдѣлай петлю и ожидай, пока лошади придутъ пить воду. Когда жеребецъ войдетъ въ петлю, то ты тани веревку, а я прибѣгу и помогу тебѣ. «Сказано—сдѣлано. Она увела жеребца, но какъ сказалъ пророкъ, такъ и случилось: и это средство не помогло больной».

Послѣ неудачныхъ попытокъ извести жениха, врачъ ушелъ изъ дворца. Тогда была позвана вѣдьма-старуха; ей обѣщали много золота, если она погубитъ жениха. Она взялась это сдѣлать. Однажды, когда женихъ сидѣлъ за чаемъ, вошла старуха. Она начала бесѣдовать о томъ-о семъ, а затѣмъ сказала, что есть

яблоня, на которой растутъ три яблока: если больной царевнѣ дать одно изъ этихъ яблокъ, то она вылѣчится. Женихъ ожилъ. Онъ спросилъ о мѣстѣ, гдѣ находится эта яблоня, и попросилъ старуху указать путь туда. Старуха сказала, что она имѣетъ большой горшокъ, гдѣ они обое могутъ помѣститься; если они сядутъ, то горшокъ понесетъ ихъ прямо къ тому мѣсту. Женихъ скоро одѣлся, написалъ письмо дядѣ о томъ, что онъ поѣхалъ за новымъ лѣкарствомъ для Лейли, а затѣмъ тайно вышелъ изъ дворца, усѣлся со старухой въ горшокъ, и они полетѣли по воздуху. Черезъ нѣсколько времени они слѣзли съ горшка, и старуха сказала: «Вотъ, видишь эти груды камней; черезъ нихъ идетъ тропинка прямо на холмъ, гдѣ находится яблоня съ чудесными яблоками; сорви яблоки, возвращайся назадъ, а я буду ждать тебя здѣсь.» Говоря это, старуха все болѣе и болѣе приближалась къ горшку; но женихъ, обладая большимъ умомъ, догадался, что старуха хочетъ убѣжать, схватилъ мечъ и разрубилъ ее, а потомъ разбилъ и горшокъ.

Скоро онъ пришелъ въ отчаяніе, видя, что ему вернуться нельзя; совершивъ намазъ, онъ сталъ молить Бога о помощи. Оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ улыбающееся лицо пророка. «Чего отчаиваешься!» спросилъ онъ ее съ улыбкой. «Что мнѣ дѣлать, отецъ мой,» сказала она, рыдая: «какая я несчастная! Я пріѣхала, чтобы обрадовать дядю, а между тѣмъ случилось такое несчастье. Сколько я скитаюсь по лѣсамъ и по полямъ!» Тогда пророкъ сталъ ее успокаивать и утѣшать тѣмъ, что волшебное яблоко вылѣчитъ Лейли, а, очень можетъ быть, и ея судьба измѣнится къ лучшему. Потомъ пророкъ обратилъ ея вниманіе на камни: «Видишь ли эти камни? Они были когда-то людьми, но одинъ ангелъ разсердился на царя этой страны и обратилъ жителей въ камни, и самого царя въ полукамень; каждый день въ опредѣленное время ангелъ бьетъ его два часа колючками. Дворецъ царя находится на вершинѣ этого холма. Тотъ путь, который указала

тебѣ старуха, опасный потому, что кто ни пойдет по этому пути, то обратиться въ камень. Я перенесу тебя туда, на вершину холма, въ этому царю, а дальше все будетъ зависѣть отъ того, какъ ты примешься за дѣло. Царь, конечно, поможетъ тебѣ.» Послѣ этихъ словъ пророкъ доставилъ ее на вершину холма и указалъ путь, по которому она могла бы найти царя. Дѣвушка пошла по указанному пути и скоро слышались охи и вздохи царя. Когда она отворила двери въ комнату царя, то услышала жалостный голосъ, который умолялъ вошедшаго не бить его. Дѣвушка успокоила его, говоря, что она не побьетъ его. Тогда царь стеръ кровь съ глазъ своихъ и, смотря на нее, спросилъ: «Кто ты таковъ, зачѣмъ ты зашелъ въ такое проклятое мѣсто?» Переодѣтая дѣвушка отвѣтила: «Я простой человѣкъ, и меня привела сюда моя несчастная судьба». — «Ты не простой человѣкъ», сказалъ царь, разразившись громкимъ хохотомъ: «ты царское дитя и притомъ женщина». Тогда царевна спросила: «По чѣмъ ты можешь знать, что я царское дитя и притомъ женщина?» Царь отвѣтилъ: «Если бы ты не была царское дитя, то ты бы тоже побила меня, а если бы ты была мужчина, то при входѣ сказала бы селямъ.» Дѣвушка, сознавшись въ справедливости его словъ, рассказала ему о своемъ дѣлѣ и попросила у него совѣта. Царь сказалъ: «У меня тамъ въ комнатѣ много веревокъ. Возьми самую толстую веревку, привяжи одинъ конецъ къ своей поясицѣ и спустись съ подоконника внизъ. Ангелъ прилетитъ скоро въ видѣ голубя, сниметъ свою голубиную сорочку, оставивъ ее на окнѣ, и начнетъ бить меня; тогда ты ловкимъ движеніемъ поднимись на подоконникъ и схвати сорочку. Послѣ этого что ты захочешь, все онъ сдѣлаетъ для тебя. Сказано—сдѣлано. Ангелъ прилетѣлъ съ пучкомъ свѣжей колючки, чтобы бить царя, но послѣдній, сверхъ всякаго ожиданія, сталъ громко смѣяться. Ангелъ былъ пораженъ этой выходкой царя и остановился съ поднятою рукою. Тогда царь сказалъ: Бей, бей! чего стоишь! небось,

предчувствуешь наказаніе!» Ангелъ сказалъ, что сегодня не будетъ его бить. Въ это время онъ увидѣлъ, что его сорочки нѣтъ, а въ углу стоитъ неизвѣстный человѣкъ въ богатырскихъ оспѣхахъ. Ангелъ оробѣлъ; потомъ, узнавши царевну, обѣщался исполнить всѣ ея просьбы, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она возвратила ему сорочку. Въ это время появился пророкъ. Ангелъ сказалъ пророку: «Кто помолится съ пророкомъ вмѣстѣ, то Богъ приметъ его молитву. Я буду молиться, а ты скажи «аминь», и Богъ сдѣлаетъ царевну мужчиною». Сказано—сдѣлано, и царевна сдѣлалась мужчиною. Богъ за ея труды и лишенія сдѣлалъ ее мужчиной, сохранивъ ту красоту, какую она имѣла.

Послѣ этого ангелъ далъ новому царевичу то яблоко, за которымъ онъ пріѣхалъ, и освободилъ царя и его поданныхъ отъ наказанія. Царь съ царевичемъ возвратились въ новоосвобожденный городъ и пировали. Послѣ пира царевичъ поѣхалъ къ дядѣ. На дорогѣ онъ увидѣлъ пророка, который сидѣлъ на срединѣ дороги задомъ къ нему. Царевичъ дудивился, потомъ соскочилъ съ коня и побѣжалъ къ пророку, что бы обнять его. Пророкъ обрадовался и сказалъ: «Я хотѣлъ испытать тебя: ты уже достигъ своей цѣли и я теперь хотѣлъ узнать, обратишь ли ты на меня вниманіе, или проѣдешь мимо». Послѣ этихъ словъ царевичъ упалъ предъ нимъ на колѣни и со слезами на глазахъ благодарилъ его. Потомъ простился съ пророкомъ и поѣхалъ къ дядѣ, чтобы выгнать Лейли и жениться на ней. Ночью, наканунѣ свадьбы, къ отцу новаго царевича пришелъ неизвѣстный человѣкъ и сказалъ: «Я пророкъ Хидреллазъ; поздравляю тебя съ тѣмъ, что дочь твоя сдѣлалась мужчиною и женится на дочери твоего брата». Утромъ народинѣ царевича праздновали его свадьбу.

Съ неба упало три яблока: одно мнѣ, рассказчику, другое слушателю, а третье нищему, который стоитъ у калитки и проситъ подаянія.

Записалъ въ сел. Дагкесаманѣ Казахскаго уѣзд., Елисаветпольской губерніи

Исрафилъ Мурадовъ.

5. Патамъ-бѣднякъ.

Татарская сказка.

Въ городѣ Дамаскѣ въ древности жилъ бѣднякъ, по имени Патамъ. Онъ былъ до такой степени бѣденъ, что даже не имѣлъ жилища, въ которомъ бы могъ защитить себя отъ холода и ненастья; лѣтомъ онъ спалъ на улицѣ или на брышѣ, подъ открытымъ небомъ. Наступала зима; бѣдному Патаму приходилось испытывать всѣ невзгоды суроваго времени года. Наконецъ, нашъ бѣднякъ рѣшился выкопать себѣ землянку, и обратился къ городскимъ жителямъ съ просьбою, чтобы тѣ дали ему заступъ и лопату. Жители сжалились надъ нимъ и исполнили его просьбу. Тогда бѣднякъ отправился за городъ, гдѣ выбралъ себѣ удобное мѣсто и началъ копать землю. На глубинѣ одного аршина въ землѣ Патамъ нашелъ семь кюповъ*), наполненныхъ золотомъ. Радости бѣдняка не было границъ. Онъ взялъ горсть золота, а потомъ покрылъ бюпы землею и поспѣшилъ на базаръ; продавъ тамъ золото, Патамъ нанялъ работниковъ, которые огородили то мѣсто, гдѣ бѣднякъ нашелъ золото, каменною стѣною. Потомъ онъ пригласилъ мастеровъ и приказалъ имъ построить такое зданіе, которое бы превосходило всѣ городскіе дома изяществомъ и своими размѣрами, обѣщавъ имъ заплатить огромную сумму денегъ. Постройка продолжалась цѣлый годъ. Было выстроено такое великолѣпное зданіе, что оно приводило въ восторгъ всякаго путешественника, которому приходилось проѣзжать чрезъ Дамаскъ. Жители были сильно удивлены такою перемѣною въ судьбѣ Патама: человѣкъ, котораго они видали собирающимъ милостыню, теперь сдѣлался первымъ богачомъ въ городѣ. Всякій разъ, когда его спрашивали, какимъ это образомъ онъ при-

*) Кюпъ—большой глиняный кувшинъ, въ который наливаютъ вино.

обрѣлъ столько богатствъ, онъ имѣлъ обыкновеніе отвѣчать: «Какъ вамъ извѣстно, я проводить свою жизнь въ крайне бѣдственномъ положеніи: терпѣливо переносилъ я холодъ, голодъ и всякія невзгоды; никогда не ропталъ на свою судьбу, а, напротивъ, всегда благодарилъ Бога. За такое великое терпѣніе Богъ наградилъ меня богатствомъ, и черные дни моей жизни замѣнилъ свѣтлыми».

Вскорѣ послѣ этого Патамъ женился на дочери богатого купца. Въ знакъ благодарности Богу, который такъ щедро вознаградилъ его, онъ построилъ особый домъ съ семью дверями; когда приходили къ нему нищіе за милостынею, то они таковую получала чрезъ каждую изъ этихъ дверей.

II

Однажды къ Патаму пришли нищіе, а въ числѣ ихъ дервишъ. По своему обыкновенію, Патамъ подаль милостыню. Получивши милостыню, нищіе разошлись, но дервишъ остался на дворѣ. Когда Патамъ увидѣлъ дервиша, стоящаго на дворѣ, то сказалъ ему: «Дервишъ, вѣдь, ты получилъ милостыню, чего тебѣ еще нужно? если въ чемъ-нибудь нуждаешься, то скажи мнѣ: я исполню твое желаніе». Дервишъ отвѣчалъ: «Я ни въ чемъ не нуждаюсь; всю свою жизнь я провожу въ путешествіяхъ и теперь иду на востокъ. Проходя чрезъ этотъ городъ, мнѣ хотѣлось познакомиться съ жизнію въ немъ. На городской площади я увидѣлъ толпу нищихъ, идущихъ куда-то; я спросилъ ихъ, куда они идутъ. Нищіе мнѣ отвѣчали, что въ ихъ городѣ живетъ богатый человѣкъ, по имени Патамъ; онъ построилъ особый домъ для бѣдныхъ, гдѣ подаетъ милостыню; вотъ мы теперь идемъ къ нему, чтобы получить милостыню. Я тоже присоединился къ этой толпѣ и вмѣстѣ съ ними пришелъ къ тебѣ. Теперь я больше не въ состояніи продолжать свой путь: я сильно усталъ; но, какъ чужеземецъ, я здѣсь ничего не знаю, гдѣ бы стать мнѣ на ночлегъ; поэтому я попро-

шу тебя позволить мнѣ переночевать въ твоёмъ домѣ». Патамъ охотно согласился и позволилъ ему переночевать у себя. Дервишъ разсказывалъ Патаму о тѣхъ странахъ, гдѣ ему приходилось побывать и о разныхъ случаяхъ изъ своей жизни. Всѣ эти разсказы дервиша произвели на Патама сильное впечатлѣніе. Наконецъ, Патамъ обратился къ своему собесѣднику со слѣдующими словами: «Нѣсколько лѣтъ, какъ я построилъ этотъ домъ; ежедневно сюда приходитъ нѣсколько сотъ бѣдныхъ за милостынею, и каждый изъ нихъ получаетъ отъ меня семь разъ деньги. Ты много путешествовалъ и на своемъ вѣку встрѣчалъ много людей; скажи мнѣ: не видалъ ли ты гдѣ-нибудь на свѣтѣ человѣка, подобнаго мнѣ?»

На это дервишъ отвѣчалъ: «Дѣйствительно, ты отличаешься щедростью и помогаешь бѣднымъ; но я видѣлъ одного человѣка, который своею щедростью превосходитъ тебя. Въ городѣ Діарбекирѣ живетъ человѣкъ, по имени Ферхадъ. Онъ еженедѣльно по пятницамъ устраиваетъ у себя угощеніе, и на это угощеніе приглашаетъ бѣдныхъ и нищихъ; своимъ гостямъ онъ подаетъ пловъ на золотыхъ блюдахъ, при чемъ изъ каждаго блюда кушаютъ два человѣка; по окончаніи обѣда, по приказанію хозяина, одинъ беретъ себѣ золотое блюдо, а другой золотую крышку отъ этого блюда».

Патамъ до такой степени былъ удивленъ этою вѣстью, что нѣкоторое время ничего не могъ говорить. Его мучило любопытство; онъ хотѣлъ своими глазами увидѣть этого необыкновеннаго человѣка. Раньше онъ гордился тѣмъ, что на свѣтѣ нѣтъ ему равнаго въ щедрости, но теперь онъ согласился съ тѣмъ, что Ферхадъ щедрѣе его.

И вотъ Патамъ сказалъ дервишу: «Мнѣ очень желательно увидѣть этого замѣчательнаго человѣка своими глазами, и поэтому я непременно завтра пойду въ городъ Діарбекиръ; но я имѣю къ тебѣ двѣ просьбы: во-первыхъ, давай помѣняемся одеждами, а, во-вторыхъ, до моего возвращенія оставайся въ

моемъ домѣ и подавай нищимъ подаваніе такъ же, какъ я самъ подаю имъ».

При этомъ Патамъ передалъ ему ключъ отъ того сундука, гдѣ хранились деньги.

III

На другой день, рано утромъ, Патамъ всталъ, переодѣлся дервишомъ и, простившись съ новымъ хозяиномъ, пустился въ путь. Дервишъ пожелалъ ему счастливаго пути.

Долго ли, коротко ли шелъ нашъ Патамъ, объ этомъ ничего неизвѣстно, но только чрезъ нѣсколько недѣль онъ прибылъ въ Діарбекиръ. На городской площади онъ увидѣлъ чело-вѣка, который кричалъ во все горло: «Несчастные и нищіе, приходите на угощеніе Ферхада!» Со всѣхъ сторонъ собирались бѣдняки вокругъ крикуна; съ каждой минутой число ихъ возрастало: не успѣлъ оглянуться нашъ Патамъ, какъ ихъ собралось нѣсколько сотенъ. Патамъ тоже присоединился къ этой толпѣ. Толпа нищихъ пошла слѣдомъ за крикуномъ. Такимъ образомъ, Патамъ-бѣднякъ очутился въ громадномъ семействѣ зданіи, выстроенномъ изъ бѣлаго мрамора. Всякій незнакомецъ, по пріѣздѣ въ этотъ городъ, могъ бы подумать, что это царскій дворецъ. Такъ и думалъ Патамъ. Они вошли въ огромную залу, устланную шелковыми коврами. Патаму жаль было ступить ногами на дорогіе ковры. Зала эта до такой степени была велика, что всѣ триста человѣкъ помѣстились въ ней. Предъ обѣдомъ гости должны были по мусульманскому обряду вымыть руки; для исполненія этого обряда служители принесли золотой рукомойникъ съ водой и золотой тазъ. Когда гости вымыли руки, то слуги подали пловъ на золотыхъ блюдахъ, съ золотыми крышками. За каждымъ блюдомъ сидѣли два человѣка. По окончаніи обѣда гости должны были раздѣлать между собою золотыя блюда и золотыя крышки. При дѣленіи на долю Патама досталась золотая крышка. Когда нищіе разо-

плись, то Патамъ попросилъ Ферхада позволить ему переночевать у него. Ферхадъ далъ свое согласіе. Когда онъ остался наединѣ съ Ферхадомъ, то обратился къ нему со слѣдующими словами: «Мнѣ очень любопытно узнать, откуда ты досталъ столько золота; сегодня здѣсь было триста человѣкъ, и каждый изъ нихъ получилъ: кто по золотому блюду, кто по золотой крышкѣ. Расскажи мнѣ свою исторію: какимъ образомъ ты приобрѣлъ столько золота?»

— «Я не расскажу тебѣ своей исторіи до тѣхъ поръ, пока не расскажетъ своей исторіи богатый купецъ Зоухакъ, который живетъ въ такомъ-то городѣ. Онъ продаетъ свой товаръ покупателямъ съ барышомъ; когда же они, взявъ свои вещи, выходятъ изъ его лавки, то Зоухакъ зоветъ ихъ обратно въ лавку; товаръ беретъ онъ назадъ, а покупателямъ возвращаетъ полученныя деньги, а потомъ зажигаетъ товаръ и любитъ пламенемъ. Если онъ тебѣ расскажетъ, почему такъ поступаетъ, тогда и я расскажу тебѣ свою исторію».

VI

На другой день, рано утромъ, Патамъ пустился въ путь. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Послѣ пятидневнаго пути онъ дошелъ до того города, гдѣ жилъ, по словамъ Ферхада, Зоухакъ. Патамъ засталъ его сидящимъ въ своемъ магазинѣ. Магазинъ его былъ биткомъ набитъ всевозможными мануфактурными товарами. Покупатели толпами стекались въ его магазинъ. Патамъ увидѣлъ, какъ купецъ послѣ продажи звалъ покупателей обратно въ лавку, возвращалъ имъ полученныя деньги, бралъ у нихъ назадъ проданныя вещи и потомъ зажигалъ ихъ. Озадаченный этимъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ, Патамъ никакъ не могъ угадать, почему такъ поступаетъ купецъ. Вечеромъ, когда онъ заперъ свою лавку и пошелъ домой, то Патамъ обратился къ нему со слѣдующими словами: «Позволь мнѣ, дервишу, въ эту ночь остаться у тебя;

будь настолько великодушнымъ, и не откажи мнѣ въ этой моей просьбѣ».

Зоххакъ, выслушавъ благосклонно просьбу незнакомаго, велѣлъ ему идти за собою. Вечеромъ Патамъ, измученный побойтствомъ, обратился къ Зохлаку со слѣдующимъ вопросомъ: «Почему, ты, продавши свой товаръ съ хорошимъ барышомъ, отбираешь его назадъ и сжигаешь? если ты будешь такъ поступать, то чрезъ нѣсколько времени истощишь всѣ свои богатства, и тебя постигнетъ бѣдность. Вѣроятно, здѣсь есть какая-то другая причина, которую я не могу угадать, если ты самъ не расскажешь мнѣ своей исторіи».

На это Зохлакъ отвѣчалъ: «Я свою исторію расскажу тебѣ тогда, когда ты расскажешь мнѣ исторію кузнеца Искендера. Въ одномъ городѣ живетъ какой-то кузнецъ, по имени Искендеръ. Онъ ведетъ замѣчательную жизнь: у него хорошая мастерская и нѣсколько учениковъ. Онъ бросаетъ желѣзо въ печь, а когда оно раскалится, то схватываетъ желѣзными клещами и кладетъ на наковальню, но какъ только онъ возьметъ въ руки молотъ, чтобы ударить по раскаленному желѣзу, то онъ тутъ же бросаетъ и молотъ и желѣзо, а самъ бѣжитъ на кладбище, обнимаетъ тамъ три могилы и горько плачетъ. Эта исторія повторяется съ нимъ каждый день по нѣсколько разъ. Такимъ образомъ, онъ не только ничего не дѣлаетъ, но напрасно расходуетъ свои деньги. Если ты откроешь мнѣ эту тайну, то и я расскажу тебѣ свою исторію». Утомленный Патамъ хотѣлъ было отсюда вернуться назадъ на свою родину, но ему досадно было вернуться назадъ домой ни съ чѣмъ послѣ столь продолжительнаго путешествія.

V

На другой день, на разсвѣтъ, нашъ путникъ собрался въ дорогу. Долго ли, коротко ли шелъ нашъ путникъ, объ этомъ Аллахъ вѣдаетъ, но чрезъ нѣсколько дней онъ былъ уже въ

указанномъ городѣ. Патамъ нашелъ кузнеца Искендера въ такомъ положеніи, какъ ему рассказалъ Зоухакъ. Патамъ попросилъ у него позволенія переночевать, на что и получилъ согласіе. Ночью, когда подавали ужинъ, Патамъ сказалъ кузнецу Искендеру: «Я не приму пищи до тѣхъ поръ, пока ты не откроешь мнѣ своей тайны. Почему ты, когда кладешь желѣзо на наковальню, бросаешь молотокъ и желѣзо и бѣжишь на кладбище? Почему напрасно расходуешь деньги на учениковъ и уголья? Вѣдь, безъ причины ты этого не дѣлаешь».

Кузнецъ Искендеръ отвѣчалъ: «Пока ты отвѣдай пищи, а потомъ я расскажу тебѣ свою исторію». Обрадованный Патамъ съ необыкновеннымъ нетерпѣніемъ ожидалъ разсказа Искендера. Послѣ ужина тотъ началъ свой разсказъ: «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ муаззиномъ въ мечети. Мой голосъ до такой степени былъ хорошъ, что когда я пѣлъ, то птицы стаями прилетали, окружали со всѣхъ сторонъ минареть и слушали мое пѣніе; благодаря такому голосу, въ этомъ городѣ всѣ уважали меня и давали хорошее жалованье.

Однажды я, по своему обыкновенію, взобрался на минареть, чтобы прочесть полудневную молитву. Въ это время я посмотрѣлъ на часы и увидѣлъ, что до двѣнадцати часовъ остается четверть часа; поэтому, я долженъ былъ ждать сроба. Въ этотъ моментъ вдругъ прилетѣла ко мнѣ на минареть бѣлая, красивая птица, которая чуть было не коснулась моей головы. Она мнѣ очень понравилась; я протянулъ руку, чтобы поймать ее. Какъ только я коснулся ея рукой, она поднялась и меня подняла съ собою. Какъ далеко отъ поверхности земли она подняла меня, объ этомъ я не могу сказать, но только земля, когда я посмотрѣлъ съ высоты, показалась мнѣ въ видѣ маленькой точки. Но отъ страха я больше не могъ смотрѣть на землю. Какимъ образомъ я очутился на землѣ и на какомъ мѣстѣ, объ этомъ я не вѣдаю, но я увидѣлъ, что нахожусь на роскошной степи. На этой степи я увидѣлъ тро-

инку, по которой я и пошел. Вдруг моимъ глазамъ представилась живописная картина: я увидѣлъ передъ собою семизатный дворецъ громадной величины; построенный изъ золотыхъ кирпичей. Мнѣ очень хотѣлось узнать, кому принадлежитъ этотъ дворецъ; съ этою цѣлью я вошелъ въ него. По мраморнымъ ступенямъ я подымался съ одного этажа на другой, вездѣ и повсюду дивясь чудесамъ. Изразцы яркихъ цвѣтовъ и лѣпная работа въ этомъ дворцѣ были доведены до замѣчательной степени совершенства.

На самомъ верхнемъ этажѣ, въ одной комнатѣ, я увидѣлъ красавицу, которая спала на золотомъ тронѣ. Она была такъ красива, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ описать. Я стоялъ предъ спящей царицей въ какомъ-то оцѣпененіи; плѣненный ея красотой, я не могъ совладать со своимъ сердцемъ и, подойдя ближе, нагнулся, чтобы поцѣловать ее, но тутъ я поскользнулся и упалъ на нее.

Сейчасъ она проснулась и закричала на весь дворецъ. На крикъ ея мгновенно сбѣжались вельможи и служители. Тогда царица обратилась къ нимъ и, указывая на меня, сказала: «Этотъ человѣкъ хотѣлъ обезчестить меня; что вы на это скажете?»

Одинъ вельможа сказалъ: «такому злодѣю нужно отрубить голову!»; другой сказалъ: «такого человѣка нужно сжечь», а третій сказалъ: «такого неуча нужно отдать на растерзаніе звѣрямъ.»

Въ это время я отъ страха дрожалъ всѣмъ тѣломъ и думалъ, что будетъ со мною, если царица приведетъ всѣ эти рѣшенія въ исполненіе. Наконецъ, сама царица рѣшила такимъ образомъ: «Я прощаю ему: когда онъ увидѣлъ меня, то у него въ сердцѣ разгорѣлась любовь, и онъ, увлекшись своимъ чувствомъ, рѣшился на такое смѣлое дѣло. Кто его принесъ сюда, пускай тотъ и отнесетъ его на родину». Привязаніе ея немедленно было исполнено; меня вывели изъ дворца. Въ скоромъ

времени я былъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ я очутился въ первый разъ. Прилетѣла та же самая птица, которая меня принесла сюда; она взяла меня къ себѣ на крылья и поднялась. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ на минаретѣ, гдѣ я находился четверть часа тому назадъ. Я посмотрѣлъ на часы и увидѣлъ, что какъ разъ двѣнадцать часовъ. Я началъ пѣть молитву, но мой голосъ до такой степени измѣнился, что люди стали подымать меня на смѣхъ и говорили: «Какой ты глупый человекъ; съ такимъ противнымъ голосомъ ты хочешь занимать мѣсто нашего муаззина. Бывало, когда запоетъ нашъ муаззинъ, то всѣ птицы прилетали слушать его пѣніе. Это не нашъ муаззинъ: твой голосъ такъ далеко стоитъ отъ голоса того, какъ небо отъ земли!»

Съ тяжелой грустью я выслушивалъ подобные отзывы. Послѣ потери голоса я больше не хотѣлъ жить въ этомъ городѣ. Рѣшившись оставить свой родной городъ, я поручилъ матери свою молодую жену (было не больше шести мѣсяцевъ, какъ я женился) и также отдалъ ей деньги на расходы до моего возвращенія. Послѣ того какъ мать благословила меня, я выѣхалъ изъ родного города. Приѣхавши въ другой городъ, я принялся за кузнечное ремесло. Тамъ я оставался пятнадцать лѣтъ. Въ продолженіе этого времени мой прежній голосъ началъ постепенно возвращаться. Собравши свои богатства, заработанныя мною тяжелымъ трудомъ, я вернулся на свою родину. Когда я приблизился къ нашему городу, то сильно стемнѣло, и поэтому городскія ворота были заперты. Вслѣдствіе этого, я вынужденъ былъ провести ночь за воротами, подъ открытымъ небомъ, и ждать до слѣдующаго дня; но сердце мое сильно волновалось: послѣ такой продолжительной разлуки я со страшнымъ нетерпѣніемъ ждалъ счастливой встрѣчи со своимъ семействомъ. Долго не думая, я рѣшился въ ту же минуту пробраться въ городъ. Оставивъ свою лошадь и свои вещи за воротами, самъ

я перелѣзъ чрезъ городскую стѣну и, направившись къ своему дому, нашелъ все свое семейство спящимъ. Вдругъ я увидѣлъ, что около моей жены спитъ какой-то юноша, лѣтъ пятнадцати. При видѣ этой картины, я выпелъ изъ себя и пришелъ въ дикую ярость. Мнѣ было очень досадно: «Неужели и мать измѣнила мнѣ.... Неужели и моя вѣрная супруга забыла обо мнѣ и, пользуясь моимъ отсутствіемъ, успѣла найти себѣ любовника! Охъ, Боже мой!»

Обнаживъ свою саблю, я зарѣзалъ всѣхъ спящими: сперва я отрубилъ голову матери, потомъ измѣнницѣ женѣ и, наконецъ, юношѣ. Послѣ совершенія этихъ убійствъ, я вложилъ саблю въ ножны и выпелъ вонъ изъ своего дома. Перелѣзши обратно чрезъ городскія стѣны, я ждалъ, когда отворять ворота. На другой день, когда ворота отворились, я въѣхалъ въ городъ. Въ городѣ меня встрѣтила плачущая толпа нашихъ родственниковъ и извѣстила меня о случившемся несчастіи. «Въ эту ночь,» говорили они: «въ твой домъ забрался какой-то злодѣй безбожный и отсѣкъ голову твоей матери, твоей женѣ и твоему сыну.» Я только тутъ узналъ свою ошибку, началъ рыдать, рвать на себѣ волосы, бить себя по головѣ кулакомъ, но все было напрасно: потеряннаго не воротить! День и ночь я проводилъ въ уединеніи и плакалъ, но никакъ не могъ слезами облегчить своего горя. Потомъ я отерылъ мастерскую, которую ты видѣлъ. Но какъ только я навладываю раскаленное желѣзо на наковальню, то моя мать, жена и сынъ съ отрубленными головами предстаютъ предо мною. Сперва мать обращается ко мнѣ со слѣдующими словами:

«Неблагодарный сынъ мой! ты покинулъ меня и свою беременную жену на произволь судьбы, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Потомъ она родила сына. Я собирала милостыню, кормила и пріютила твою несчастную супругу и малолѣтняго сына. Охъ, Боже мой! какія лишенія переносила я... вмѣсто того чтобы получить отъ тебя благодарность, ты, не

зная, въ чемъ дѣло, отрубилъ мнѣ, безвинной женщинѣ, голову»!...

Потомъ жена начинаетъ говорить: «Безжалостный мужъ мой! Мы съ тобою только шесть мѣсяцевъ жили вмѣстѣ; потомъ по неизвѣстной мнѣ причинѣ ты отправился на чужбину, оставивъ меня безъ всякаго защитника. Я родила тебѣ сына и усердно воспитывала его. Когда онъ плакалъ, спрашивая: «Гдѣ мой папа? когда онъ прійдетъ?» то я всегда успокаивала его, говоря: «Скоро прійдетъ твой отецъ и тебѣ привезетъ много гостинцевъ.» Въ продолженіе этихъ пятнадцати лѣтъ намъ часто приходилось голодать цѣлыми сутками, не находя куска хлѣба. Терпѣливо я переносила эти невзгоды и утѣшалась надеждой на радостную встрѣчу съ тобою. Въ концѣ концовъ, чтó же вышло изъ моего ожиданія? Ты, не зная, въ чемъ дѣло, напрасно отрубилъ мнѣ, безвинной твоей женѣ, голову... Очень хорошо ты отблагодарилъ меня за мои страданія»...

Наконецъ, сынъ мой обращается ко мнѣ: «Жестокій отецъ! какъ тебѣ совѣсть позволила погубить своего единственнаго несчастнаго сына? Сколько лѣтъ я ожидалъ твоего возвращенія и счастливой встрѣчи. Мои сверстники въ праздничные дни одѣвались въ изящныя платья и гордились своими родителями; они издѣвались надъ моимъ изорваннымъ платьемъ и называли меня нищимъ сиротой; я плакалъ и спрашивалъ мамы: «Мама, неужели нѣтъ у меня отца? Мои сверстники одѣты въ новое платье; они издѣваются надо мною и называютъ меня сиротою.» Бѣдная моя мать всегда успокаивала меня, говоря: «Успокойся, сынъ мой: въ скоромъ времени твой отецъ прійдетъ съ богатыми подарками; тогда и тебѣ будетъ весело.» Подозрѣвая свою жену въ безчестіи, ты пролилъ кровь трехъ невинныхъ мучениковъ.»

Въ это время я, бросая молотокъ, клещи и желѣзо, хочу поймать ихъ; но они убѣгаютъ, я бѣгу за ними. Такимъ образомъ мы доходимъ до кладбища, гдѣ каждый изъ нихъ скры-

вается въ своей могилѣ. Я обнимаю могилы и плачу до тѣхъ поръ, пока у меня въ сердцѣ не становится легче, а потомъ возвращаюсь въ свою лавку. Это случается со мною каждый день столько разъ, сколько я накладываю раскаленное желѣзо на наковальню. Совѣсть мучаетъ меня, и въ моемъ сердцѣ образовалась нецѣлительная рана. Въ этомъ-то и заключается вся тайна моего поступка. До какого времени продолжится это со мною, не знаю.»

Патамъ-бѣднякъ былъ тронутъ до глубины сердца грустною исторіею кузнеца Искендера.

VI

На другой день Патамъ, простившись съ Искендеромъ, пустился въ обратный путь. Пришедши къ Зоухаку, онъ разсказалъ ему все то, что слышалъ отъ кузнеца Искендера. Зоухакъ внимательно выслушалъ разсказъ Патама и былъ пораженъ злопоручной судьбою кузнеца Искендера. Тогда Зоухакъ сказалъ Патаму: «Ты исполнилъ то, что я тебѣ предложилъ; теперь я могу открыть тебѣ свою тайну. Мой отецъ былъ первый богачъ въ этомъ городѣ. Нашъ домъ былъ въ центрѣ города и далеко превосходилъ другіе дома красотою и величиною. При нашемъ домѣ находился красивый садъ, въ которомъ было много всевозможныхъ фруктовыхъ деревьевъ, а посрединѣ находился мраморный резервуаръ (чарховозъ), окруженный кустами розъ. Какъ прелестенъ былъ этотъ садъ весною, когда все начинало зеленѣть и цвѣсти! Цвѣты благоухали, а повсюду раздавались серебристые голоса птицъ.

У меня была сестра, которая вела знакомство съ дочерью Хурійскаго царя. Онѣ каждый годъ, весною, прилетали въ видѣ голубей въ нашъ садъ, гдѣ онѣ ѣли, пили, веселились съ моею сестрою и купались въ нашемъ резервуарѣ. Я каждый день ходилъ въ садъ и гулялъ; но когда царевны прилетали,

то мнѣ строго запрещалось ходить туда. Впрочемъ, сестра, когда въ саду были ея сверстницы, затворяла за собой ворота.

Однажды пришло время, когда дочери Хурійскаго царя, по своему обыкновенію, должны были прилетѣть къ сестрѣ. Рано утромъ я вошелъ въ садъ и спрятался въ кустарникѣ. Солнце стояло въ зенитѣ. Вдругъ я увидѣлъ трехъ голубей, спустившихся съ неба, прямо въ нашъ садъ. Моя сестра со своими подругами давно ожидала ихъ. Что же представилось моимъ глазамъ? Голуби, сбросивъ съ себя птичью оболочку, превратились въ писанныхъ красавицъ. Изъ всѣхъ трехъ сестеръ мнѣ особенно понравилась младшая, и я рѣшился, во что бы то ни стало, овладѣть ею. Когда царевны бросились въ резервуаръ купаться, то я, улучивъ подходящую минуту, тихонько подкрался къ тому мѣсту, гдѣ находились голубиныя шкурки дочерей Хурійскаго царя. Захвативъ шкуру младшей сестры, я опять спрятался на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Выкупавшись, царевны стали надѣвать свои шкуры. Двѣ старшія сестры уже ихъ надѣли, но шкуру своей младшей сестры онѣ никакъ не могли найти. Тогда младшая царевна обратилась къ моей сестрѣ со слѣдующими словами: «Развѣ мы не просили тебя, чтобы, когда мы бываемъ у васъ, никого не пускали въ садъ? Вѣроятно, здѣсь находится какой-нибудь человѣкъ, который и похитилъ мою голубиную шкуру.»

Сестра долго молчала, не зная, что отвѣчать царевнѣ. Голова ея наполнена была различными догадками; ей казалось удивительнымъ, кто это могъ сдѣлать и откуда это ему удалось забраться въ садъ, тѣмъ болѣе что она сама затворила ворота.

Онѣ начали осматривать кусты, чтобы найти похитителя шкурки. Скоро ихъ старанія увѣнчались успѣхомъ: онѣ нашли меня лежащимъ между кустами розъ. При видѣ меня, сестра пришла въ ярость и начала бранить меня. Она хотѣла отнять у меня шкуру, но царевна остановила ее, говоря: «Лучше ты оставь его въ покоѣ: онъ нисколько не виноватъ въ этомъ дѣ-

лѣ; видно, моя судьба такова. Одна волшебница предсказала мнѣ это. Къ тому же эта голубиная шкурка теперь потеряла свое значеніе, потому что человѣческая рука коснулась ея.» Потомъ она сказала своимъ: «Дорогія мои сестры! отнесите отъ меня поклонъ милымъ родителямъ и скажите имъ, пусть они не горюютъ обо мнѣ. Чтѣ же дѣлать, надо подчиниться Божьей волѣ: значить Богу такъ было угодно!»

Сестры обнялись, поцѣловались и разстались. Двѣ сестры опять превратились въ голубей и улетѣли во-свояси.

Царевна подошла ко мнѣ и, взявши меня за руки, прибавила: «Теперь я принадлежу тебѣ; ты мой мужъ, а я твоя жена; пойдемъ къ твоему отцу для принятія благословенія, а потомъ вступимъ въ бракъ.»

Я былъ въ неописанномъ восторгѣ. Мы вышли изъ сада и отправились домой. Моя злая сестра уже успѣла доложить моему отцу обо всемъ случившемся и обвиняла меня предъ отцомъ въ томъ, чтѣ я оскорбилъ ея подругъ. Отецъ позвалъ меня къ себѣ и сказалъ грознымъ голосомъ: «Во-первыхъ, ты нарушилъ правила гостепрїимства и самымъ нахальнымъ образомъ оскорбилъ дочерей Хурійскаго царя, подругъ твоей сестры; во-вторыхъ, я, какъ твой отецъ, долженъ былъ по своему выбору женить тебя, но ты самъ, по своему вкусу, избралъ невѣсту; ты не подумалъ, что я могу не согласиться на твою женитьбу. Ты не считаешь меня отцомъ, слѣдовательно я не считаю тебя сыномъ и лишаю тебя права быть моимъ наслѣдникомъ. Возьми свою избранную невѣсту и отправляйся съ ней, куда хочешь. Скорѣе вонъ отсюда, чтобы мои глаза больше не видѣли тебя, измѣнника?»

Напрасно я валялся у ногъ отца, напрасно умолялъ его, чтобы онъ простилъ меня. Непреклонный отецъ началъ кричать пуще прежняго: «Если сегодня же вы не уйдете изъ этого дома, то я прикажу своимъ слугамъ прогнать васъ самымъ безжалостнымъ образомъ.»

Я пришелъ къ своей невѣстѣ, печальный и грустный. Она спросила меня о причинѣ печали. Я не могъ скрыть правды и рассказалъ все то, что слышалъ отъ своего отца. Она меня утѣшала, говоря: «Не горюй, мой милый! возьми эти деньги и купи лучший домъ въ здѣшнемъ городѣ. Ты долженъ исполнить приказаніе отца». Сказавъ это, она дала мнѣ нѣсколько сотенъ червонцевъ. Взявъ эти червонцы, я тотчасъ же пошелъ и купилъ себѣ домъ. Поселившись въ этомъ домѣ, я вступилъ съ царевной въ бракъ. При этомъ она мнѣ объяснила слѣдующее: «Если ты хочешь навсегда владѣть мною и никогда не разставаться, то, когда у насъ родится ребенокъ, ты не бери его на руки; въ противномъ случаѣ, мы разстанемся съ тобою на всю жизнь.»

Я обѣщаль исполнить ея просьбу. Потому она мнѣ дала много денегъ, и я открылъ лавку, которую ты видѣлъ, и занялся торговлей. Черезъ годъ моя жена родила красивую дочь. Я очень любилъ ее и всей душой привязался къ ней; я часто хотѣлъ взять ее на руки и поцѣловать, но во-время вспоминалъ о томъ, что сказала мнѣ моя жена. Однажды я, пользуясь ея отсутствіемъ, взялъ ребенка на руки и поцѣловалъ его. Въ это время внезапно вошла въ комнату моя жена. Увидѣвъ это, она пришла въ ярость и сказала мнѣ сердитымъ голосомъ: «Развѣ я не приказывала тебѣ не брать младенца на руки? Развѣ я не предупреждала, что если ты будешь дѣйствовать не такъ, какъ я тебѣ приказываю, то тебѣ придется за это много страдать?» При этихъ словахъ она отняла у меня бѣднаго ребенка и рзорвала пополамъ. Ребенокъ тотчасъ же превратился въ птицу и улетѣлъ вонъ изъ комнаты. «На этотъ разъ я прощаю тебя,» начала моя жена: «если же въ другой разъ случится это, то ты лишишься той, которую ты любишь больше своей жизни: мы разстанемся навѣки.»

Черезъ годъ она родила такого красиваго сына, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ описать. Отцовская любовь разго-

рѣлась въ моемъ сердцѣ, но я не рѣшался прикоснуться къ моему ребенку, хотя мнѣ очень хотѣлось его расцѣловать. Но однажды я не вытерпѣлъ: улучивъ время, когда моей супруги не было дома, я ввзялъ ребенка, обнялъ и поцѣловалъ его. Въ ту же минуту она вошла въ комнату. Озлобленная и разгнѣванная она кривала у меня ребенка и, какъ голодный волкъ, поймавшій агненка, растерзала его. Ребенокъ моментально превратился въ птицу и улетѣлъ. Потомъ она обратилась ко мнѣ со слѣдующими словами: «Ну, теперь оставайся съ Богомъ; ты самъ былъ причиною постигшаго тебя несчастья; не даромъ я предупреждала тебя...» Съ этими словами она превратилась въ голубя и улетѣла. Скоро она скрылась изъ моихъ глазъ. Удрученный этимъ печальнымъ событiемъ, я долго смотрѣлъ вслѣдъ за нею. Эта разлука такъ подѣйствовала на меня, что я нѣсколько дней и ночей не ѣлъ, не пилъ, не спалъ, а все время плакалъ. Но видя, что этимъ никакъ не могу помочь своему горю, я пересталъ плакать по цѣлымъ днямъ и опять принялся за свое дѣло; каждый день я хожу въ лавку и занимаюсь торговлею. Въ мою лавку толпами стекаются покупатели со всѣхъ концовъ земли. Какъ только я получаю отъ нихъ деньги за проданныя вещи, то моя супруга является ко мнѣ со своими младенцами и говоритъ мнѣ: «Твой родной отецъ прогналъ тебя изъ дому; но я въ эту несчастную минуту не покинула тебя: я покровительствовала тебѣ, отдала тебѣ деньги, и ты купилъ домъ и открылъ лавку. Ты очень плохо оплатилъ мнѣ за оказанныя мною услуги: благодаря твоему упрямству, я погубила двухъ своихъ невиныхъ младенцевъ, а потомъ я принуждена была разлучиться и съ тобою, хотя это было для меня очень тяжело. Причиною всѣхъ этихъ несчастiй служилъ ты самъ. Оказывается все это для тебя ничего: словно ты радуешься этому случаю; теперь ты пользуешься моими богатствами. Покупатели несмѣтнымъ числомъ стекаются къ твоей лавкѣ, и ты продаешь имъ свои

овары, получая большую прибыль; но я не позволю тебѣ, тобы ты пользовался моимъ богатствомъ. Беру у покупателей проданные товары и сжигаю ихъ предъ моими глазами.» Поэтому я, исполняя ея приказаніе, беру у покупателей проданные товары и сжигаю ихъ. Она смотритъ на пламя горящихъ товаровъ, но какъ только они догораютъ, то она опять дѣтаетъ. Я очень радъ этому обстоятельству, потому что только этимъ путемъ вижу свою любимую жену. Вотъ въ этомъ-го и заключается причина того, что тебѣ кажется столь удивительнымъ.»

VII

Патамъ, поблагодаривъ Зоухака, который удовлетворилъ его любопытству, вернулся въ городъ Діарбекиръ. Прибывши туда, онъ разсказалъ Ферхадъ подробно обо всемъ томъ, что сообщилъ ему Зоухакъ. Ферхадъ съ интересомъ выслушалъ разсказъ своего собесѣдника, и когда тотъ кончилъ свой разсказъ, то Ферхадъ сказалъ ему: «Ты сообщилъ мнѣ весьма интересную для меня вѣсть; теперь слушай, и я тебѣ разскажу свое приключеніе.

Я единственный сынъ богатыхъ родителей. Когда пришли послѣднія минуты жизни моего отца, то онъ, чувствуя близость смерти, позвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

«Любезный сынъ! пришелъ послѣдній часъ моей жизни. Слушай внимательно, что я тебѣ скажу. Каждый человекъ рано или поздно долженъ умереть: это общій законъ природы. Лютая смерть во всемъ относится одинаково: для нея нѣтъ разницы между могущественнымъ царемъ и послѣднимъ рабомъ. Теперь пришла и моя очередь подвергнуться этой участи.

Послѣ моей смерти ты не предавайся особенной печали и не падай духомъ; ибо этимъ ты только можешь разгнѣвать Бога. Я оставляю тебѣ столько богатствъ, сколько не оставлялъ никогда никакой отецъ. Вотъ слушай, что я завѣ-

щаю тебѣ: во-первыхъ, не довѣрайся никому, не испытывай его въ какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ; во-вторыхъ, избѣгай товарищества съ дурными людьми; въ-третьихъ, имѣй въ виду то, что я не уроженецъ этого города: я переселился сюда изъ Йемена, будучи еще пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Я поссорился со своею мачехою и, покинувъ въ темную ночь отцовскій домъ, прибылъ въ этотъ городъ. Слѣдовательно, я никакого родственника здѣсь не имѣю; всѣ мои родственники находятся на моей родинѣ. Если послѣ моей смерти найдутся здѣсь родственники, то ты не вѣрь: они имѣютъ какую-нибудь затаенную цѣль. Но, впрочемъ, въ городѣ живетъ мой пріятель, съ которымъ я раздѣлялъ и радость и горе. Ты можешь обращаться къ нему за совѣтомъ, когда тебѣ придется плохо. Ты не забывай моего званія и...» Съ этими словами отецъ испустилъ послѣдній вздохъ и отдалъ свою душу Богу.

Смерть моего отца поразила меня. Я пересталъ ѣсть и пить, и все время плакалъ. Въ это время, когда я такъ горевалъ, приходитъ ко мнѣ толпа въ сорокъ человѣкъ: всѣ выражаютъ сочувствіе моему горю, и каждый изъ нихъ выдаетъ себя за какого-нибудь близкаго родственника моему отцу. Тогда я подумалъ: зачѣмъ отецъ меня обманулъ: онъ мнѣ сказалъ, что здѣсь нѣтъ ни одного родственника, а между тѣмъ число ихъ простирается до сорока. Они начали утѣшать меня, говоря:

«Никакою силою, хотя бы даже сдвинуть гору съ ея основанія или сводъ небесный повалить на землю, не воротить того, кто покинулъ нашу землю. Тво рыданія, твои слезы напрасны.»

Однажды, пришедши ко мнѣ, они сказали: «Удивляемся твоему терпѣнію: все время ты, какъ женщина, сидишь дома. Развѣ можно въ разгаръ весны сидѣть дома? Поля и сады блаухать душистымъ запахомъ ландыша. Пойдемъ съ нами, прогуляемся и будемъ наслаждаться природою.» Мы пошли гулять. Они такъ устроили, что я совершенно забылъ о такъ недавно достигшемъ меня несчастіи.

Почти каждый день мы устраивали прогулки и пирушки, куда и приглашали музыкантовъ и пѣвцовъ. Подъ вліяніемъ своихъ дурныхъ товарищей я началъ кутить. Съ теченіемъ времени я совершенно сдѣлался пьяницею. Нѣсколько лѣтъ велъ я такую жизнь, и что же вышло въ концѣ концовъ? Я растратилъ всѣ отцовскія богатства. Впослѣдствіи я продалъ свой домъ и все свое имѣніе. Въ короткое время и эти деньги были истратчены мною на общее веселье; такимъ образомъ, я совершенно промотался. Вдругъ я вспомнилъ о своей бѣдной матери; «Что же съ нею случилось,» думалъ я: «послѣ того, какъ я продалъ свой домъ?» Я засталъ ее въ лачужкѣ, гдѣ жила нѣкогда наша прислуга. Она сидѣла на рогожѣ и прядлаитки. Увидѣвши меня, она вымолвила: «Сынъ мой, какъ скоро ты забылъ завѣщаніе своего покойнаго отца! Развѣ онъ не сказалъ тебѣ, чтобы ты избѣгалъ дурныхъ товарищей? Развѣ онъ не говорилъ тебѣ, что у насъ здѣсь нѣтъ никакихъ родственниковъ? Безсовѣстные люди! они соблазнили моего сына и погубили и его и меня!»

«Что ты говоришь», сказала я ей: «они меня считаютъ своимъ братомъ и готовы пожертвовать за меня своею жизнью». — «Ахъ, легковѣрный сынъ мой! ты не знаешь того, что они всю свою жизнь проводятъ въ обманѣ и вѣроломствѣ. Многихъ людей они уже разорили. Ты для ихъ удовольствія истратилъ все свое богатство и сдѣлался нищимъ; послѣ этого они даже не будутъ и кланяться тебѣ».

Эти слова крайне удивили меня, но я хотѣлъ удостовѣриться въ вѣрности словъ своей матери и съ этою цѣлью сходилъ въ одному изъ своихъ товарищей-братьевъ; изъ всѣхъ сорока пріятелей онъ больше выражалъ мнѣ свою искреннюю любовь и всегда называлъ «братомъ». Дошедши до его дома, я постучался въ двери. Когда мой пріятель-братъ выпелъ изъ дому, то я пригѣтствовалъ его саламомъ (поклономъ) и сказалъ: «Что это, братъ, давно тебѣ не видать!...» Но онъ грубо пре-

рвалъ мою рѣчь: «Какое ты право имѣешь называть меня братомъ, когда я тебя вовсе не знаю». Раздосадованный такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ своего пріятеля-брата, я сказалъ: «Какъ тебѣ не совѣстно такъ безбожно врать? Всѣ свои богатства я употребилъ на общее удовольствіе и не жалѣлъ для тебя послѣдней копейки. Благодаря тебѣ, я сдѣлался бѣднякомъ, и вмѣсто того чтобы поблагодарить меня за мою чрезмѣрную доброту, ты такъ нагло врешь мнѣ въ глаза». — «Ты съ ума сошелъ, или съ того свѣта явился?» сказалъ тотъ: «я въ первый разъ въ своей жизни вижу тебя. Убирайся скорѣе: я не имѣю дѣла съ дураками!» Съ этими словами онъ захопнулъ двери и ушелъ.

Я только тутъ понялъ значеніе отцовскихъ словъ, только тутъ я догадался, что за люди были мои пріятели и какъ они меня обманули. Возвратившись домой къ матери, я упалъ предъ нею на колѣни, цѣловалъ ея руки и ноги и произнесъ умоляющимъ голосомъ: «Дорогая мать! прости меня: я кругомъ виноватъ предъ тобою; я погубилъ тебя и себя».

Мать поцѣловала меня и успокоила ласковыми словами: «Любезный сынъ», начала она: «человѣкъ не минуетъ своей судьбы; ты нисколько не виноватъ: что написано, то будетъ съ тобою. Что ты подѣлаешь съ этими злодѣями, которые всю свою жизнь проводили въ обманѣ и мошенничествѣ».

«Теперь что же мнѣ дѣлать», спросилъ наконецъ я: «бѣды не могу же я съ сумою ходить по городу за подаваніемъ; хотя я потерялъ свое богатство, но не лишился еще чести».

Мать отвѣчала мнѣ: «Помнишь, твой покойный отецъ предъ смертью сказалъ тебѣ: «Сынъ мой, когда ты будешь въ затруднительномъ положеніи, обращай за совѣтомъ къ моему старому товарищу». Ты сходи къ нему: можетъ-быть, онъ какъ-нибудь тебя выручитъ».

Обрадованный этою вѣстью, я поспѣшилъ къ старому товарищу отца. Предъ нимъ я палъ на колѣни, рассказалъ

о всемъ случившемся и просилъ его поправить мое дѣло; при этомъ я умолялъ его: «Ради моего отца, твоего вѣрнаго друга, выведи меня изъ этого затруднительнаго положенія».

«Сынъ мой», началъ старикъ: «для твоего счастья я готовъ принять всѣ мѣры; но есть только одно единственное средство помочь твоему горю: въ какой-то башнѣ живетъ дивъ съ семью головами. Онъ владѣетъ несмѣтнымъ богатствомъ. Сверхъ того, у него есть двѣ лампы, отличающіяся чудесными свойствами; одна называется золототворною; а другая—серебротворною. Пока золототворная лампа горитъ яркимъ свѣтомъ, золото льется изъ нея крупными каплями, и въ продолженіе однихъ сутокъ получается нѣсколько пудовъ золота; во время горѣнія серебротворной лампы изъ нея льется крупными каплями серебро, и въ теченіе сутокъ получается нѣсколько десятковъ пудовъ серебра. Если ты добудешь одну изъ этихъ лампъ, то будешь богаче и счастливѣе прежняго; но ты постарайся достать первую изъ нихъ. Впрочемъ я долженъ предупредить тебя: дорога, ведущая въ эту башню, усѣяна чудовищами. Много находилось смѣльчаковъ, которые домогались этихъ лампъ, но никто изъ нихъ не возвращался назадъ: всѣ они были погублены этими чудовищами. Смотри, и съ тобою можетъ случиться то же самое».

«Ничего», отвѣчалъ я: «давно я окончилъ бы свою жизнь самоубійствомъ, если бы не было у меня матери. Мнѣ ея жаль. Что ей бѣдной дѣлать послѣ моей смерти. Пойду попытаю своего счастья: или сдѣлаюсь добычею чудовищъ, или благополучно достигну своей цѣли. Если я не вернусь назадъ, то прошу тебя оказывать покровительство моей матери и не допускать ее предаваться горю».

Старикъ успокоилъ меня. «Ты не безпокойся о своей матери. Я устрою все дѣло такъ, что она даже не замѣтитъ твоего отсутствія. Ступай съ Богомъ; желаю тебѣ счастливаго пути! Дай Богъ, чтобы ты вернулся назадъ безъ всякаго вреда, достигши своей цѣли».

Старикъ далъ мнѣ свое благословеніе, и я отправился въ путь. Послѣ трехневнаго путешествія я дошелъ до того мѣста, гдѣ дорога раздѣлялась на три части: одна изъ нихъ вела на востокъ, другая на западъ, а третья шла прямо. Я долго оставался въ недоумѣніи, не зная, которою изъ этихъ трехъ дорогъ идти дальше. Будучи усталымъ, я рѣшился отдохнуть до слѣдующаго дня и легъ спать. Во снѣ я вижу, что кто-то говорить мнѣ: «Молодой человекъ, не робѣй: отправляйся смѣло среднею дорогою! Я тебѣ порука въ томъ, что не подвергнешься никакой опасности и благополучно достигнешь своей цѣли».

Ободренный этимъ сновидѣніемъ, я на разсвѣтѣ отправился средней дорогою. Вездѣ по дорогѣ валялись кучами туши людей и животныхъ. Вдругъ я вижу, что дорога преграждена громадными пахучими кустами, которые срослись между собою такъ плотно, что даже не пропускали дневнаго свѣта. Тогда я подумалъ: «Какой пріятный запахъ они издаютъ: если бы у меня было время, то я повюхалъ бы ихъ». Въ эту минуту кусты посторонились, дали мнѣ дорогу, и я свободно прошелъ между ними. Когда я отошелъ отъ нихъ на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ, то они снова сдѣпились другъ съ другомъ. Идя дальше, я увидѣлъ рѣку, текущую кровью. „Какая это чистая и прозрачная вода», сказалъ я: «если бы у меня было время, то я утолилъ бы свою жажду». Въ ту же минуту въ рѣкѣ вся кровь исчезла, и осталось сухое русло. Какъ только я перешелъ на другой берегъ, то рѣка опять наполнилась кровью. Я пошелъ дальше. Вдругъ вижу съ обѣихъ сторонъ дороги въ столбамъ привязаны желѣзными цѣпями: съ одной стороны чудовище-собака, а съ другой чудовище-вонь. Предъ собакой лежало сѣно, а предъ вонемъ—кусокъ мяса. Я взялъ сѣно и положилъ предъ вонемъ, а мясо предъ собакой. Въ ту же минуту они посторонились и дали мнѣ дорогу. Какъ разъ на срединѣ дороги находилось двое дверей: одна изъ нихъ была

отперта, а другая заперта. Первую я затворилъ, а вторую отворилъ и опять пошелъ своею дорогою. Дальше я вижу, что на дорогѣ лежатъ два ковра: одинъ изъ нихъ былъ разложенъ, а другой сложенъ. Первый коверъ я сложилъ, а второй разостлалъ и опять пошелъ дальше. И, наконецъ, я увидѣлъ башню, цѣль моихъ стремленій. Въ этой башнѣ я увидѣлъ красавицу-царевну. При видѣ меня, она была сильно удивлена и въ то же самое время видимо обрадована. «Какимъ образомъ ты попалъ сюда,» начала она: «нѣсколько уже лѣтъ, какъ похитилъ меня владѣлецъ башни, семиглавый дивъ. Я дочь могущественнаго царя. Однажды я со своими сверстницами-подругами отправилась гулять. Въ это время семиглавый дивъ, влюбившійся въ меня, утащилъ меня въ свою башню. Вотъ съ тѣхъ поръ я и нахожусь здѣсь. Ни разу не случилось мнѣ видѣть человѣческаго лица: никто не можетъ добраться до этой башни, потому что дорога, ведущая къ ней усыяна разными чудовищами. Каждый человѣкъ, который дерзнетъ пробраться въ это проклятое мѣсто, погибаетъ отъ этихъ чудовищъ. Я удивляюсь, какимъ образомъ они пропустили тебя. Мнѣ очень жаль тебя: въ скоромъ времени дивъ вернется съ охоты и, замѣтивъ тебя, растерзаетъ на мелкія части.»

Я разсказалъ ей о томъ, какъ я добрался до этой башни, и зачѣмъ я пришелъ сюда; при чемъ я успокоилъ ее словами: «Не бойся: въ скоромъ времени я освобожу тебя». Она очень обрадовалась и указала мнѣ мѣсто, гдѣ находилась золототворная лампада. Взявши ее, я осѣдлалъ самую лучшую лошадь дива Гирать, которая въ одинъ часъ можетъ обѣжать весь свѣтъ. Я съ царевной-красавицей сѣлъ на эту лошадь и ускакалъ. Когда дивъ вернулся съ охоты и замѣтилъ пропажу царевны, то закричалъ во все горло: «Мой усталый коверъ, держи ихъ!»

Усталый коверъ отвѣчалъ: «Нѣсколько десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты меня усталъ, а онъ взялъ да сложилъ меня; я не могу держать его: я не хочу за добро пла-

тить зломъ». Затѣмъ онъ приказалъ второму, третьему, и четвертому и т. д. чудовищу поймать бѣглецовъ, но каждое изъ нихъ, въ свою очередь, отвѣчало точно такимъ же образомъ, какъ первое; словомъ, никто не повиновался приказанію дива и не трогалъ насъ. Мы помчались, какъ пушечная изъ лука стрѣла. Когда мы доѣхали до нашего города, уже ночь раскинула свой покровъ, и серебристая луна всплыла на небосклонѣ въ тихомъ своемъ великолѣпіи. По приѣздѣ домой я, продавши золото, полученное изъ золототворной лампы, заплатилъ свои долги и купилъ домъ. Вскорѣ послѣ того я женился на красавицѣ-царевнѣ. Золототворную лампаду я поставилъ въ особомъ помѣщеніи, и ежедневно получаю изъ нея нѣсколько пудовъ золота. Въ знакъ благодарности Богу я ежедневно по пятницамъ устраиваю угощеніе, куда приглашаю бѣдныхъ и нищихъ. Послѣ ѣды я раздаю имъ золотыя блюда и крышки, чтобы они отъ продажи этихъ вещей кормили свою семью. Для приготовления блюдъ и крышекъ я нанялъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которые готовятъ ихъ каждую недѣлю. Вотъ вся моя исторія, которую ты съ такимъ любопытствомъ хотѣлъ узнать».

Патамъ поблагодарилъ Ферхада и на другой день, съ восходомъ солнца уже былъ на пути въ свой городъ. Прибывши домой. Патамъ рассказалъ дервишу о всемъ случившемся и щедро его вознаградилъ за то, что, благодаря ему, приобрѣлъ столько интересныхъ свѣдѣній, а также убѣдился, что на свѣтѣ есть люди щедрѣе его самого. Послѣ Патамъ бѣднякъ думалъ: «Хотя Ферхадъ щедрѣе меня, но у него есть изъ чего быть щедрымъ: золототворная лампада будетъ горѣть до безконечности, и изъ нея будетъ получаться всегда золото. Эту лампаду можно сравнить съ неиссякаемымъ ключомъ, изъ котораго вѣчно бьетъ вода; но мое богатство въ сравненіи съ его богатствомъ ничтожно. Если я не буду воздерживаться отъ лишникъ расходовъ, то могу опять сдѣлаться такимъ же

бѣднякомъ, какимъ былъ прежде». Вслѣдствіе этого онъ затворилъ лишнія двери, кромѣ одной, чрезъ которую продолжалъ раздавать милостыню. Это Патамъ совершалъ до своей смерти, оставивъ своимъ сыновьямъ порядочное состояніе.

Записано въ г. Шемахѣ Бакинской губерніи

Абдулъ-Кани Эфендіевымъ.

6. Святая рыба.

Татарская сказка.

Давнымъ-давно въ Египтѣ жилъ бѣдный рыбакъ. Каждый день онъ ловилъ въ рѣкѣ Нилѣ рыбу и, продавая добычу, кормилъ свою семью. Однажды онъ взялъ съ собой на работу пятнадцатилѣтняго своего сына Джамаль-Эддина. Въ этотъ день рыба ловилась очень плохо. Наконецъ, когда утомленный рыбакъ въ послѣдній разъ закинулъ въ рѣку сѣть, поймалась такая красивая рыба, какой онъ никогда не видалъ. Рыбакъ очень обрадовался, отдалъ эту рыбу своему сыну и сказалъ ему: «Держи ее хорошенько; сегодняшній уловъ счастливіе прежнихъ: эту рыбу я поднесу въ подарокъ сыну халифа, а онъ за нее дастъ мнѣ много денегъ.» Но мальчикъ ежалился надъ трепещущей красивой рыбкой и бросилъ ее обратно въ воду. Когда старикъ узналъ объ этомъ, то побилъ бѣднаго мальчика и сказалъ ему: «Я тебя, неблагодарнаго негодяя, до сихъ поръ кормилъ, чтобы ты помогалъ мнѣ въ работѣ, а теперь смотри, сколько вреда ты мнѣ надѣлалъ. Ступай и болѣе не показывайся мнѣ на глаза!» Джамаль-Эдинъ сколько ни умолялъ отца, прося у него прощенія, ничего не помогло. Наконецъ онъ побрелъ печально, самъ не зная куда. Вотъ подхо-

дять онъ къ рѣкѣ и видить, что у берега сидить человекъ и молится. Когда Джамаль-Эддинъ подошелъ къ нему, онъ всталъ, поклонился низко и спросилъ, куда онъ идетъ. Джамаль-Эддинъ объяснилъ ему свое несчастье; незнакомецъ сказалъ: «Дорогой Джамаль-Эддинъ, я тоже несчастный, потому что никого не имѣю; меня зовутъ Ибрагимомъ; давай побратаемся и пойдемъ въ Чинское государство *) и, что тамъ заработаемъ, будемъ дѣлить пополамъ. Джамаль-Эддинъ согласился и пошелъ съ нимъ въ Чинъ.

Пришедши въ столицу этого государства, они остановились въ домѣ бѣдной старухи и условились платить ей за квартиру четыре динара въ недѣлю. Черезъ нѣсколько дней Ибрагимъ, который былъ свѣдущъ въ медицинѣ, попросилъ старуху развѣдать, нѣтъ ли въ городѣ больныхъ, нуждающихся въ лѣченіи. Старуха разсказала гостямъ, что дочь самого императора съ нѣкотораго времени потеряла способность говорить, и что императоръ въ своемъ приказѣ общааетъ выдать свою дочь замужъ за того, кто ее вылѣчитъ отъ этого недуга; но бѣда въ томъ, что по тому же указу всякій, кто потерпитъ неудачу въ лѣченіи царевны, будетъ обезглавленъ, такъ какъ по правиламъ двора никто изъ мужчинъ не имѣетъ права видѣть лица царской дочери; много знаменитыхъ врачей пыталось вылѣчить ее, но за неудачу всѣ они поплатились головой. Услышавъ все это, Ибрагимъ сказалъ хозяйкѣ, что онъ непременно пойдетъ во дворецъ и вылѣчитъ дочь императора. Сколько бѣдный Джамаль-Эддинъ ни плакалъ и умолялъ товарища не ходить на такое опасное дѣло, но тотъ не послушался и отправился къ императору. Императоръ принялъ новаго смѣльчака и, объяснивъ ему обстоятельства, при которыхъ его дочь сдѣлалась нѣмой, предостерегъ его не браться за такое рискованное дѣло, а въ случаѣ успѣха далъ ему царское слово. женить его на царевнѣ. Ибрагимъ поклонился и пошелъ въ покои царевны. Какъ только онъ вошелъ

* Китай.

въ комнату царевны, императоръ приказалъ прислушиваться и наблюдать у двери, заговорить ли царевна съ новымъ врачомъ. Войдя въ комнату царевны, Ибрагимъ поклонился ей и потомъ обратился къ тутъ же сидящему на жерди попугаю со слѣдующими словами: «Я пришелъ сюда посовѣтоваться съ тобою по важному дѣлу, такъ какъ извѣстно, что попугай птицы очень умныя.» Попугай сказалъ: «Говори.» Тогда Ибрагимъ началъ: «Въ Персіи нѣкогда жили два шаха, родные братья. У одного было три сына, а у другого одна дочь, очень умная и красивая; каждый изъ этихъ трехъ братьевъ хотѣлъ жениться на прекрасной царевнѣ-двоюродной сестрѣ; но отецъ не позволялъ имъ сдѣлать этого, такъ какъ видѣлъ, что всѣ они трое одинаково ее любятъ; и притомъ онъ зналъ, что женитьба одного вызоветъ неудовольствіе двухъ другихъ. Когда отецъ царевичей умеръ, то каждый изъ этихъ трехъ братьевъ хотѣлъ жениться на прекрасной царевнѣ и просилъ дядю выдать царевну замужъ за него. Но умный шахъ рѣшилъ такъ: пусть они пойдутъ въ другія страны учиться и возвратятся одновременно; кто изъ нихъ по возвращеніи обяжется лучше, за того онъ и выдастъ свою дочь, Маріамъ. Царевичи согласились на такое предложеніе и отправились каждый въ другую страну. Черезъ восемь лѣтъ они собрались въ одномъ городѣ и спросили другъ у друга, кто чему научился. Старшій сказалъ: «Я приобрѣлъ даръ узнавать, что случается въ какомъ-либо отдаленномъ мѣстѣ.» Средній сказалъ: «У меня есть коврикъ: если кто сядетъ на него, то можетъ съ быстротою молніи пріѣхать туда, куда пожелаетъ.» Младшій сказалъ: «Я знаю такое лѣварство, что могу выгнать даже умирающаго.» Тогда оба младшіе братья стали просить старшаго, чтобы онъ разсказалъ имъ, въ какомъ положеніи находится дочь дяди. Старшій царевичъ задумался и, вдругъ поблѣднѣвши, сказалъ, что царевна больна при смерти и муллы читаютъ надъ нею священныя молитвы. Тогда младшій сказалъ: «Если бы я былъ тамъ, то выгналъ бы ее.»

Средній сказалъ, что онъ сейчасъ повезетъ ихъ туда, и они всѣ трое сѣли на коврикъ. Не успѣли они оглянуться, какъ увидѣли дворецъ дяди; пошли они во дворецъ и увидѣли, что царевна умираетъ. Младшій царевичъ далъ больной нужныя лѣкарства и вылѣчилъ ее. «Теперь скажи,» спросилъ Ибрагимъ попугая: «за кого изъ трехъ царевичей шахъ долженъ выдать свою дочь?» Попугай нарочно сказалъ: «конечно тому, кто привезъ ихъ.» Все это время царевна молча глядѣла на собесѣдниковъ; но увидя, что попугай говоритъ неправду, она съ большимъ трудомъ собрала свои силы и сказала: «Безумная тварь! нужно выдать царевну за того, кто вылѣчилъ ее!» Ибрагимъ съ радостью вышелъ къ царю и попросилъ его исполнить свое обѣщаніе. Но сановники сказали императору: «Развѣ можно выдать царевну замужъ за простаго рабочаго? Ему слѣдуетъ дать нѣсколько рублей и этимъ онъ будетъ доволенъ, и если онъ насъ спроситъ, то мы скажемъ, что вовсе мы не слышали словъ царевны. Если онъ желаетъ жениться на царевнѣ, пусть еще разъ заставитъ ее говорить.» Императоръ принялъ совѣтъ царедворцевъ и отказалъ въ просьбѣ Ибрагиму. Увидя несправедливость царя, Ибрагимъ сказалъ ему: «Великій повелитель! если ты не вѣришь мнѣ, такъ иди слушай самъ, но чтобы царевна тебя не видѣла. Императоръ согласился и пошелъ слушать самъ.

Когда во второй разъ Ибрагимъ вошелъ къ царевнѣ, онъ замѣтилъ, что она глядѣла на него очень внимательно. Онъ опять поклонился царевнѣ, а потомъ обратился къ попугаю и сказалъ: «Я во второй разъ пришелъ въ тебѣ по такому же важному дѣлу, какъ прежде.» Тогда попугай сказалъ: «Говори, послушаемъ.» Ибрагимъ началъ: «Однажды мулла, плотникъ и портной шли вмѣстѣ. Имъ пришлось проходить чрезъ лѣсъ. Вскорѣ настала ночь, и они остановились ночевать. Такъ какъ наши путники въ лѣсу боялись волковъ и разбойниковъ, то должны были караулить свое имущество

по очереди. Первая очередь караулить выпала плотнику. Онъ долго стоялъ на часахъ, но наконецъ его началъ одолѣвать сонъ. Чтобы развлечься, онъ ввѣлъ топоръ, выгесалъ изъ дерева человѣческую фигуру, поставилъ ее и легъ спать, разбудивши портного, какъ очередного караульнаго. Портной увидѣлъ человѣческую фигуру и убѣдившись, что это продѣлка плотника, спилъ платье и надѣлъ на эту фигуру. Нарядивъ такимъ образомъ фигуру, онъ разбудилъ муллу. Стоитъ сонный мулла на часахъ, какъ вдругъ онъ увидѣлъ фигуру и очень испугался. Но когда онъ убѣдился, что это продѣлка товарищей, а не живой человѣкъ, то подошелъ поближе. Затѣя товарищей очень понравилась муллѣ, и онъ обратился къ Богу съ молитвою: «Всемогущій Создатель, не допусти меня покраснѣть предъ моими товарищами, дай этой фигурѣ жизнь!» Богу понравилась его душевная молитва, и Онъ далъ жизнь фигурѣ: она чихнула и стала красавицей-дѣвушкой. Когда портной и плотникъ встали и увидѣли, что ихъ деревянный чурбанъ превратился въ красивую дѣвушку, то начали спорить между собою о томъ, кому изъ нихъ должна она принадлежать. «Скажи.» прибавилъ Ибрагимъ: «кто изъ этихъ трехъ претендентовъ имѣетъ больше правъ на дѣвушку?» Попугай снова нарочно сказалъ: «Конечно, портной!» Тогда опять царевна съ трудомъ вымолвила: «Глупая ты птица! дѣвушка должна принадлежать муллѣ!» Слова эти услышалъ самъ императоръ. Когда Ибрагима ввели къ императору, то онъ отдалъ ему свою дочь и много цѣнныхъ подарковъ.

Взявъ царевну, Ибрагимъ съ радостью пошелъ къ своему названому брату, Джамаль-Эдину. Тотъ очень обрадовался, и они рѣшили возвратиться въ отечество. Согласились и поѣхали. Когда они доѣхали до того мѣста, гдѣ Джамаль-Эдинъ встрѣтилъ Ибрагима, то тамъ Ибрагимъ остановился и сказалъ: «Любезный братъ, мы должны здѣсь разстаться. Давай теперь раздѣлимъ пополамъ какъ богатство наше, такъ и царевну,

потому что мы условились все дѣлить пополамъ.» Джамаль-Эддинъ воскликнулъ. Какъ это можно! Раздѣлимъ пополамъ богатство, а ты возьми царевну: я ея не хочу.» Но Ибрагимъ стоялъ на своемъ, и съ этой цѣлью онъ взялъ царевну, привязалъ ее къ дереву, взялъ саблю и сказалъ: «Братъ, смотри нужно разсѣчь ее пополамъ.» И побѣждалъ онъ съ саблею къ царевнѣ. Испуганная полунѣмая царевна воскликнула, и въ это время изъ ея рта выпала маленькая ящерица. Ибрагимъ убилъ ящерицу и сказалъ: «Царевнѣ мѣшала говорить эта ящерица, которую она проглотила вмѣстѣ съ водою. Если бы она не испугалась, то ящерица не упала бы. Теперь возьми и царевну и богатство себѣ, а я здѣсь останусь. Если хочешь узнать, куда я долженъ итти, то я скажу тебѣ. Я та самая рыба, которую ты отпустилъ въ рѣку. Богу понравилось твое милосердіе, и Онъ послалъ меня въ образѣ человѣка, чтобы вознаградить тебя за твое доброе дѣло. Помни это и не забывай бѣдныхъ и несчастныхъ.» Сказавъ это, Ибрагимъ сдѣлался невидимымъ. Отъ избытка чувства благодарности за такую милость, Джамаль-Эддинъ упалъ на землю и долго лежалъ безъ движенія. Когда онъ открылъ глаза, то увидѣлъ царевну, стоящую надъ его головой. Царевна начала говорить съ нимъ ласково; они обняли другъ друга и плакали отъ радости. Когда Джамаль-Эддинъ возвратился домой, то родители очень обрадовались, и онъ женился на прекрасной царевнѣ. Проживши нѣкоторое время въ своемъ отечествѣ, Джамаль-Эддинъ со своимъ семействомъ и родителями поѣхалъ въ Чинъ къ императору-тестю. Такъ какъ у императора не было дѣтей, кромѣ Маріамы, то послѣ его смерти Джамаль-Эддинъ сдѣлался повелителемъ Чинскаго царства; онъ долго и счастливо царствовалъ со своей прекрасной супругой. Съ неба упало три яблока: одно разсказчику, другое слушателямъ, а третье дервишу.

Записано въ сел. Агкегнакъ Казахскаго уѣз., Енисаетпольской губ.

Агаларомъ Кіясбековымъ.

7. Золотая рыбка.

Татарская сказка.

Давнымъ-давно, въ незапамятныя времена, не въ нашемъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ жилъ-былъ одинъ царь. Однажды царь сильно заболѣлъ; онъ призвалъ врачей со всей страны, общая половину всего царства тому, кто его вылѣчитъ; врачи долго думали и много старались, но никто изъ нихъ не могъ помочь больному государю. Наконецъ вѣщій астрологъ доложилъ царю, что въ морѣ находится золотая рыбка, которая можетъ ему помочь. Царь приказалъ рыбакамъ по всему морскому берегу закинуть невода. Въ числѣ рыбаковъ пошелъ къ морю и царскій сынъ; онъ закинулъ неводъ и къ великой его радости въ немъ оказалась золотая рыбка. Золотая рыбка стала умолять царевича человѣческимъ голосомъ отпустить ее въ море, обѣщая за это откупиться отъ него, чѣмъ только онъ пожелаетъ. Царевичъ сжалился надъ несчастною рыбкой и отпустилъ ее обратно въ море. Въ это время у царской постели находился астрологъ, которому царь приказалъ узнать, не поймали ли золотую рыбку? Погадавши по звѣздамъ, астрологъ сказалъ: «Великій государь! Твой единственный сынъ поймалъ рыбку, но, сжалившись надъ нею, опять отпустилъ ее въ море». Тогда царь разгнѣвался на своего сына и велѣлъ прогнать его изъ своего царства. Царица, узнавъ о печальной участи царевича, позвала его къ себѣ, поцѣловала и сказала: «Прощай, любезный сынъ! настало время разстаться мнѣ съ тобою. Иди съ Богомъ, но только помни мое послѣднее слово, которое тебѣ пригодится: выбирай себѣ товарищемъ такого человѣка, который, что бы ни случилось, былъ бы при тебѣ и который бы все, что тебѣ достанется на долю, дѣлилъ съ тобою пополамъ». Сказавъ это, мать вторично поцѣловала его и благословила на путь. Царевичъ пошелъ, куда глаза

глядя. Долго ли шелъ онъ, коротко ли, но шелъ онъ до тѣхъ поръ, пока не нашель товарища. Вотъ товарищъ царевича во время обѣда взялъ себѣ большой кусокъ хлѣба, а царевичу далъ маленькій. Вспомнивъ наставленіе матери, царевичъ объявилъ ему, что онъ больше не можетъ быть его товарищемъ, и отправился дальше. Долго ли шелъ царевичъ, коротко ли, но шелъ онъ до тѣхъ поръ, пока не нашель себѣ новаго товарища, по имени Ахмеда. Настало время обѣда. Ахмедъ взялъ хлѣбъ и, разломавши его пополамъ, передалъ половину своему товарищу. Царевичъ съ перваго же его поступка узналъ въ немъ своего дѣйствительнаго товарища, и они отправились дальше. Вотъ новые товарищи пришли въ одно государство и поселились въ столичномъ городѣ. Здѣсь Ахмедъ сталъ золотымъ дѣлать мастеромъ, а царевичъ продавалъ его издѣлія по городскимъ улицамъ и базарамъ. Однажды царевичъ, по обыкновенію, пошелъ на базаръ и увидалъ, что весь народъ куда-то бѣжитъ. Царевичъ направился за толпою и пришелъ на царскій дворъ и что же онъ увидѣлъ? Прекрасная царевна сидитъ на балкѣ и молчитъ, а предъ нею стоитъ юноша, который сколько ни старался, не могъ заставить царевну заговорить. Наконецъ, по приказанію царя, юноша былъ казнень, такъ какъ царемъ раньше было объявлено, что всякій, кто заставитъ царевну говорить, въ награду женится на ней, а кто не сумѣетъ этого сдѣлать, тому голову съ плечъ долой. Когда толпа разошлась, царевичъ пришелъ и рассказалъ Ахмеду все, что онъ видѣлъ на царскомъ дворѣ. Тогда Ахмедъ сказалъ царевичу, что онъ непременно заставитъ говорить царевну и возьметъ ее замужъ. Съ этою цѣлью онъ пошелъ къ царю и доложилъ ему о своемъ намѣреніи попытать счастья. Въ назначенный день Ахмедъ явился, предложилъ визирямъ слушать за дверьми его разговоръ съ царивною, а самъ вошелъ въ залу и говорить подулкѣ, на которой сидѣла царевна: «Здравствуй, подулкѣ!» — «Здравствуй!» отвѣчаетъ подулкѣ. Царевна изумилась этому чудесному

явленію и молча насторожила уши, удивляясь тому, какъ это подушка можетъ говорить. Ахмедъ опять говоритъ: «Подушка! знаешь ли, что я скажу?»—«Нѣтъ, не знаю», отвѣчаетъ подушка. Тогда Ахмедъ началъ: «Когда-то жили-были три честныхъ человѣка: столяръ, портной и мулла. У нихъ было много барановъ, почему они и должны были по очереди пасти и караулить свое стадо. Однажды ночью на караулѣ стоялъ столяръ, а товарищи спали. Соснучившись отъ бездѣлья, онъ срубилъ дерево, вытесалъ изъ него изображеніе человѣка, поставилъ его и самъ легъ спать. Затѣмъ сталъ сторожить портной. Онъ также соснучился, но вдругъ онъ увидѣлъ въ темнотѣ, вблизи, человѣческую фигуру. Онъ подходитъ и видитъ—стоитъ деревянная фигура. Тогда портной сшилъ платье и надѣлъ его на свою находку. Сдѣлавъ это, онъ легъ спать, разбудивъ муллу на очередной караулѣ. Мулла, стоя на часахъ, также увидѣлъ, что стоитъ человѣкъ, но безъ души. Онъ сталъ молиться Богу, прося его оживить деревянную фигуру, и Богъ исполнилъ его желаніе: «Теперь, подушка, скажи, кому изъ этихъ трехъ долженъ принадлежать этотъ человѣкъ?»—«Столяру», говоритъ подушка.—«Нѣтъ, портному», отвѣчаетъ Ахмедъ нарочно, чтобы вызвать царевну на возраженіе. Ахмедъ и подушка твердили свое, и между ними произошелъ споръ. Царевна, между тѣмъ, не могла понять, почему эта проклятая подушка не говорила съ нею до сихъ поръ, а теперь говоритъ съ Ахмедомъ. Когда такимъ образомъ затянулся споръ между подушкой и Ахмедомъ, царевна вышла изъ терпѣнія и вдругъ воскликнула: «Человѣкъ этотъ не можетъ принадлежать ни портному ни столяру, а муллѣ». Тогда визири съ великою радостью вошли въ залу и объявили Ахмеда женихомъ царевны. Ахмедъ съ царевною пришелъ домой и говоритъ царевичу: «Я беру царевну замужъ и радъ бы навѣки жить вмѣстѣ съ тобою, но жалъ, что судьба рѣшила намъ разстаться. Теперь давай по условію все имущество раздѣлимъ пополамъ. Царевичъ согла-

силса, и они раздѣлили между собою все свое имущество поровну. Затѣмъ Ахмедъ сказалъ: «Давай раздѣлимъ и царевну пополамъ, такъ какъ она составляетъ часть нашего имущества.» Царевичъ долго уговаривалъ его оставить эту мысль, но слова его были тщетны: Ахмедъ повѣсилъ царевну на дерево вверхъ ногами; затѣмъ вынулъ кинжалъ и сильно размахнулся имъ надъ ея головою; у царевны отъ испуга сдѣлалась рвота, и изо рта ея вылѣзла змѣя, которая мѣшала ей говорить. Послѣ этого Ахмедъ передалъ царевну своему другу-царевичу и сказалъ: «Это злое животное мѣшало царевичу; теперь она можетъ свободно говорить. Затѣмъ, братъ, прощай! но прежде скажи, узнаешь ли ты меня, или нѣтъ. Я та самая золотая рыба, которую ты нѣкогда поймалъ, но, сжалившись надъ ней, опять отпустилъ!» Царевичъ изумился, какъ это рыба могла сдѣлаться человекомъ. Но еще болѣе изумился онъ, когда услышалъ отъ Ахмеда, что онъ посланный Богомъ святой ангель. Затѣмъ Ахмедъ выпустилъ кровь изъ своей жилы, далъ ее царевичу и сказалъ: «Это—лѣкарство; когда поѣдешь домой, отдай его своему отцу, который и до сихъ поръ страдаетъ тою неизлѣчимою болѣзнію, какою страдалъ и при тебѣ: оно поможетъ ему.» Сказавъ эти слова, Ахмедъ скрылся изъ глазъ, а царевичъ со своею молодою женою пріѣхалъ домой, гдѣ и вылѣчилъ отца кровью своего чудеснаго товарища. Царь скончался въ глубокой старости и оставилъ свой престолъ и царство доброму царевичу.

Записалъ эту сказку *Самедъ Аджаловъ*.

8. Гусейсь-богатырь.

Татарская сказка.

Въ царствованіе знаменитаго персидскаго царя Шахъ-Аббаса былъ замѣчательный богатырь, по имени Гусейнь. Онъ

былъ незнатнаго рода, изъ племени курдовъ и родился въ какомъ-то селѣ. Когда онъ выросъ, то поступилъ на службу пастухомъ, потому что отецъ его былъ бѣдный. Вотъ какое обстоятельство послужило причиною того, что онъ сдѣлался знаменитымъ богатыремъ: разъ онъ выдѣлъ дочь старшины села, и молодая кровь въ немъ закипѣла; онъ пришелъ домой и сказалъ отцу, чтобы онъ пошелъ къ старшинѣ и просилъ выдать дочь за него замужъ. Отецъ, сколько ни отговаривалъ сына, говоря, что тотъ не выдастъ за пастуха своей дочери, но Гусейнъ настаивалъ на своемъ, такъ что отецъ, наконецъ, согласился на его просьбу и пошелъ къ старшинѣ. Кланаясь низко, онъ обратился къ нему со слѣдующими словами: «Къ несчастью моему, у меня одинъ сынъ, но и тотъ глупъ: онъ не даетъ мнѣ покоя и даже покушался на мою жизнь, требуя, чтобы я пришелъ къ тебѣ и просилъ для него руки твоей дочери; теперь я не знаю, чтб дѣлать: я самъ хорошо понимаю, что мой сынъ ея не достоинъ». На это старшина, смѣясь, сказалъ: «Ступай, скажи ему, чтб для исполненія этого намѣренія нужно 50 руб., которыхъ у тебя нѣтъ; тогда онъ перестанетъ дурачиться». Отецъ возвратился домой и сказалъ сыну объ этомъ, но Гусейнъ нисколько не смутился и пошелъ пасти свое стадо.

Однажды ночью онъ покинулъ стадо и отправился въ городъ, думая, что въ городѣ можно скорѣе добыть денегъ. Пришедши въ городъ, Гусейнъ не зналъ, куда дѣваться, и, наконецъ, зашелъ въ трактиръ. Трактирщикъ спросилъ его, не нужно ли ему чего-нибудь покушать, но Гусейнъ отвѣчалъ, что онъ сытъ. Въ это время онъ слѣдилъ за всѣми дѣйствіями прислуги трактирщика. Видя его бѣдность, трактирщикъ накормилъ его и, когда понадобились дрова, попросилъ, чтобы онъ ему нарубилъ дровъ, на чтб Гусейнъ съ радостью согласился. Отъ взявъ топоръ и очень скоро обратилъ лежавшее на дворѣ бревно въ мелкія полѣнья. Увидавъ это, трактирщикъ удивился его силѣ и спросилъ, не хочетъ ли онъ поступить къ нему на службу.

Тогда Гусейнъ сказалъ: «Для этого-то я и пришелъ сюда; но когда наймешь меня, то долженъ другихъ уволить, потому что я хочу исполнять работы за всѣхъ!» Трактирщикъ согласился и нанялъ его за 50 руб. на одинъ годъ. Прошло нѣсколько времени, и Гусейнъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца года.

Въ это время въ городѣ явился изъ другого государства богатырь-пелюанъ; онъ требовалъ, чтобы вышелъ противъ него другой богатырь на единоборство, съ тѣмъ условіемъ, что кто будетъ побѣжденъ, тотъ долженъ заплатить извѣстную сумму денегъ. Онъ вышелъ на площадь и ожидалъ богатыря; на этой площади были три стула: на одномъ стулѣ сѣлъ чужой богатырь, а два другихъ были поставлены: одинъ для намѣстника, а другой для другого богатыря.

Народъ стекался со всего города на площадь; конечно, и трактирщикъ также собрался пойти туда. Гусейнъ спросилъ его, куда онъ идетъ. Тотъ отвѣчалъ, что на площади будутъ бороться богатыри; когда же они начнутъ бороться, то онъ возьметъ и его, а пока пусть ожидаетъ. Но такъ только трактирщикъ ушелъ, Гусейнъ тотчасъ заперъ трактиръ и послѣдовалъ за хозяиномъ; онъ пришелъ на площадь, добрался до богатыря и сѣлъ на тотъ стулъ, который приготовленъ былъ для намѣстника; но какъ только онъ сѣлъ, стулъ сломался, и Гусейнъ сѣлъ на другой стулъ. Объ этомъ доложили намѣстнику, который приказалъ поставить еще два стула: для себя и для богатыря. Богатырь взглянулъ на мощную фигуру Гусейна и смутился, но, увиди, что онъ смотритъ какимъ-то чудачкомъ, успокоился. Вскорѣ пришелъ намѣстникъ со своимъ богатыремъ. Усѣвшись, богатыри сначала спорили другъ съ другомъ, а потомъ вступили въ единоборство. Они долго боролись, но никто не вышелъ побѣдителемъ; поэтому они разошлись и окончили борьбу до слѣдующаго дня.

Когда трактирщикъ и Гусейнъ пришли домой, то тракт-

тирщикъ началъ упрекать Гусейна въ томъ, что онъ лѣзеть туда, куда не слѣдуетъ.

Насталъ другой день, и трактирщикъ опять пригласилъ Гусейну, чтобы онъ не ходилъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ его не позоветъ; но Гусейнъ тотчасъ же пошелъ за трактирщикомъ и, придя туда, опять сѣлъ на тотъ самый стулъ, на которомъ сидѣлъ наканунѣ. Богатыри опять начали бороться, но, какъ и наканунѣ, никто не одержалъ верхъ; тогда они начали дѣйствовать мечомъ. Не прошло и двухъ часовъ, какъ голова персидскаго богатыря была отрублена противникомъ. Тогда побѣдитель началъ кричать: «Или приведите другого, или дайте условленную сумму денегъ!»

Народъ разошелся. Намѣстнику было очень досадно и онъ не зналъ, что дѣлать. Наконецъ онъ попросилъ у богатыря срока въ 40 дней.

Пришедши домой, Гусейнъ сказалъ трактирщику: «Иди и доложи намѣстнику, что у тебя есть слуга, который не прочь бы побороться съ этимъ богатыремъ.» Трактирщикъ пошелъ къ намѣстнику и доложилъ ему объ этомъ. Намѣстникъ обрадовался и тотчасъ потребовалъ къ себѣ Гусейна. Когда Гусейнъ явился, то намѣстникъ приказалъ дать ему воинскіе доспѣхи. Но Гусейнъ не зналъ, что съ ними дѣлать. Тогда намѣстникъ приказалъ, чтобы его повели туда, гдѣ учились приемамъ борьбы персидцы, и его научили всякимъ уловкамъ, употребляемымъ при борьбѣ. Въ теченіе 40 дней Гусейнъ уже научился хорошо владѣть оружіемъ. На сороковой день вышелъ онъ на площадь. Увидя Гусейна, чужеземный богатырь смутился, такъ какъ узналъ въ немъ того же самаго человека, который сломалъ стулъ 40 дней тому назадъ; но дѣлать нечего: онъ вступилъ съ нимъ въ борьбу, и въ скоромъ времени Гусейнъ повалилъ его на землю и отсѣкъ ему голову.

Послѣ этой побѣды намѣстникъ представилъ Гусейна царю Шахъ-Аббасу, который, испытавъ его силу, предложилъ исполнить нѣсколько подвиговъ. Участникомъ и путеводителемъ Гу-

сейна въ этихъ подвигахъ былъ такъ называемый айяръ-мирза, котораго Шахъ-Аббасъ разыскалъ слѣдующимъ образомъ: онъ приказалъ привести колдунью и обратился къ ней со слѣдующими словами: «Скажи мнѣ, колдунья, кто можетъ быть путеводителемъ такого человѣка, какъ Гусейнъ?» Она отвѣтила: «Твое требованіе можетъ удовлетворить только айяръ-мирза, который живетъ въ Исфаганѣ; отецъ его торгуетъ саманомъ, почему онъ извѣстенъ подъ именемъ «Саманчи-оглы Мирза» (сынъ торговца саманомъ). Когда по приказу царя его отыскали и превели, то царь спросилъ: «Какъ твое имя?» «У меня безчисленное множество именъ», отвѣтилъ мирза. «Перечисли нѣсколько изъ нихъ!» сказалъ царь. Онъ началъ пересчитывать нѣкоторыя свои достоинства, а одно даже показалъ на дѣлѣ: онъ вдругъ исчезъ, а голосъ его слышался на крышѣ.

Шахъ-Абасъ далъ имъ много денегъ и отправилъ въ сосѣднее языческое государство съ цѣлью взять контрибуцію и сестру царя Бухтуннаса. Гусейнъ вмѣстѣ съ айяромъ отправился въ путь. Черезъ нѣкоторое время они приблизились къ столицѣ Бухтуннаса. Въ окрестности города они нашли пещеру и остановились тамъ. Когда смерклось, по обычаю, раздались съ башенъ крики, при чемъ различались слѣдующія слова: «Царствованіе Бухтуннаса и время Гаргуша» (Гаргушъ былъ главный пелюанъ Бухтуннаса). Въ это время Мирза подкрался къ башнѣ и прокричалъ слѣдующія слова: «Царствованіе Шахъ-Аббаса и время Гусейна!» Услышавъ этотъ крикъ, люди хотѣли поймать его, но не удалось, потому что нашъ Мирза умѣлъ летать подобно птицамъ. На другой день Мирза отправился въ городъ и узналъ, что вездѣ говорятъ о нихъ. Мирза купилъ нужныя вещи, возвратился домой и разсказалъ Гусейну все, что слышалъ въ городѣ. Какъ только насталъ вечеръ, Гусейнъ надѣлъ свои доспѣхи и отправился на площадь, при чемъ сломалъ городскія ворота. Идя по дорогѣ, когда

встрѣчалась городская стража, Гусейнъ хваталъ человѣка за горло и не пускалъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не падалъ въ обморокъ. Такимъ образомъ, они дошли до площади, гдѣ ожидали ихъ Гаргушъ и его ученики. Чтобы извѣстить о томъ, что онъ пришелъ, Гусейнъ взялъ глыбу земли и бросилъ на площадь, потомъ самъ взошелъ туда, а Мирза спрятался въ одномъ углу. Гаргушъ приказалъ принести для Гусейна стулъ. Тотчасъ принесли стулъ, и, когда Гусейнъ сѣлъ на него, онъ сломался. Тогда Гаргушъ разсердился и приказалъ принести другой стулъ, и съ этимъ случилось то же самое. Смутившись при видѣ такой силы, Гаргушъ сказалъ: «Я знаю, для чего ты пришелъ сюда, но жалѣю тебя; лучше ты прими нашу вѣру и останься здѣсь; я попрошу царя, чтобы онъ сдѣлалъ тебя главнымъ богатыремъ и назначилъ тебѣ хорошее жалованье», Гусейнъ отвѣчалъ: «Я пришелъ сюда не оставаться здѣсь, но увести сестру вашего царя и взять контрибуцію». Они много другъ съ другомъ спорили, наконецъ, встали со своихъ мѣстъ и начали бороться. Сколько они ни боролись, но не могли поборотъ другъ друга и разошлись ни съ чѣмъ. Гусейнъ съ Мирзою возвратились къ себѣ въ пещеру. На другой день произошло то же самое, но въ этотъ разъ оба богатыря взяли за мечи. Гусейнъ сталъ на одно колѣно и, держа щитъ, сказалъ Гаргушу: «Нашъ законъ требуетъ, чтобы сперва ударилъ¹ противникъ; поэтому ты теперь ударь». Гаргушъ сперва отказался, а потомъ, собравъ всѣ силы, ударилъ мечомъ такъ, что мечъ разрубилъ щитъ и дошелъ до бровей Гусейна. Увидя это, Мирза поблѣднѣлъ, но такъ какъ уже было позднее время, онъ тотчасъ потушилъ всѣ фонари, и они живыми выбрались оттуда. На слѣдующій день Мирза пошелъ искать въ городѣ врача, который былъ бы ему землякомъ. Въ городѣ онъ вездѣ слышалъ разговоръ о томъ, что Гаргушъ ранилъ чужеземнаго богатыря, который и убѣжалъ; при этомъ всѣ радовались, за исключе-

ніемъ лавочника, сидѣвшаго печально въ своей лавкѣ. Тогда Мирза, узнавъ въ немъ персіянина, подошелъ ближе и разсказалъ ему обо всемъ; тотъ, къ счастью, оказался врачомъ и поэтомъ. съ радостью взялся лѣчить Гусейна, при чемъ сказалъ Мирзѣ, чтобы онъ привелъ Гусейна въ его домъ, который находится въ окрестностяхъ города. Мирза очень обрадовался, пошелъ къ Гусейну и разсказалъ ему объ этомъ. Ночью они вышли изъ нещеры и пошли въ домъ того персіянина, который обѣщался Мирзѣ лѣчить Гусейна. Черезъ мѣсяць Гусейнъ выздоровѣлъ. Онъ опять вышелъ на площадь, и былъ вторично раненъ Гаргушомъ. Выбравшись изъ города, они опять пришли туда, гдѣ въ первый разъ лѣчился Гусейнъ. Когда рана немного зажила, Гусейнъ отправился въ садъ этого персіянина и очень много плакалъ, потому что не хотѣлъ ни умирать отъ руки Гаргуша ни возвратиться домой, не совершивши какого-нибудь подвига; наконецъ, онъ здѣсь заснулъ и увидѣлъ во снѣ, что кто-то ему говоритъ: «Не плачь и не горюй: ты побѣдишь не только его, но и всѣхъ, кто будетъ вступать съ тобою въ единоборство.» Гусейнъ всталъ и, ободренный этими словами, пошелъ домой; онъ скоро вылѣчился и въ одинъ прекрасный вечеръ отправился на площадь. Здѣсь онъ опять далъ право первымъ ударить Гаргушу, который, собравши всѣ свои послѣднія силы, нанесъ ударъ мечомъ, но онъ, разрубивъ щитъ, отскочилъ назадъ. Тогда Гусейнъ всталъ и такъ ударилъ Гаргуша мечомъ, что разрубилъ его пополамъ. Гусейнъ приказалъ ученикамъ Гаргуша сказать царю, чтобы онъ отдалъ свою сестру и уплатилъ деньги. Разграбивъ при этомъ нѣсколько лавокъ, Гусейнъ съ Мирзою выбрались изъ города.

На слѣдующую ночь Мирза отправился къ царю и, когда всѣ спали, зашелъ въ спальню его и сказалъ ему о томъ, чтобы сейчасъ же онъ отдалъ все, что они имѣютъ право взять. Царь попросилъ его подождать.

Бухтуннасъ рѣшился выставить противъ Гусейна другого

богатыря: онъ послалъ за нимъ въ тотъ городъ, гдѣ онъ жилъ, съ приказаніемъ явиться со своимъ айромъ. Богатырь пріѣхалъ, и, когда въ одинъ вечеръ Мирза хотѣлъ закричать на башнѣ, царскій айръ напалъ на Мирзу; но Мирза съ помощью хитрости не попался въ руки врага. Услышавъ объ этомъ, Гусейнъ не пошелъ бороться съ новымъ богатыремъ.

Разъ, когда Мирза былъ въ городѣ, другой айръ около дороги выкопалъ яму и бросилъ на дорогу шелковый арканъ, а самъ скрылся въ ямѣ. Когда Мирза возвращался, онъ увидѣлъ на дорогѣ шелковый арканъ и хотѣлъ поднять его; вдругъ арканъ обвился вокругъ его ногъ, и Мирза упалъ на землю. Тутъ же Мирза увидѣлъ надъ собою другого айра, который хотѣлъ убить его; тогда Мирза попросилъ, чтобы онъ убилъ его собственнымъ мечомъ. Врагъ согласился, но, вынувши его изъ ножонъ, упалъ въ обморокъ; этимъ Мирза воспользовался и убилъ своего опаснаго противника.

Когда не стало другого айра, Гусейнъ съ Мирзою отправился на площадь и вступилъ съ новымъ богатыремъ въ борьбу: скоро онъ повалилъ его и убилъ. На слѣдующую ночь Мирза отправился въ царскій дворецъ и сказалъ царю, чтобы онъ отдалъ сестру и деньги. Бухтуннасъ попросилъ, чтобы ему дали срокъ на 40 дней; Мирза позволилъ и ушелъ.

Царь приказалъ навезти на равнину, находящуюся около города, много дровъ. Приказъ царя исполнили. Потомъ онъ повелѣлъ зажечь дрова. Когда они разгорѣлись, то Гусейнъ и Мирза вырыли яму около востра, и спрятались тамъ. Въ это время пришли сюда царь съ сестрою и своей свитой; царь велѣлъ бросить свою сестру въ огонь, чтобы она не попала въ чужія руки. Тогда Гусейнъ и Мирза вышли изъ ямы, напали на приходшихъ и стали съ ними сражаться. Три дня они бились съ царскими людьми и не допускали бросить сестру царя въ огонь. Шахъ-Аббасъ, услышавъ объ этомъ, прибылъ съ войскомъ и, послѣ трехдневной осады, взялъ городъ и перебилъ

много жителей. Во время борьбы Бухтуннасъ приказалъ умертвить свою сестру, но самъ былъ убитъ персами. Послѣ побѣды Шахъ-Аббасъ назначилъ Гусейна намѣстникомъ этого города, а Мирзѣ далъ большое жалованье.

Шахъ-Аббасъ возвратился въ свою столицу Исфганъ, и горожане съ торжествомъ встрѣтили своего царя.

Записано въ сел. Дагкесаманъ Казахскаго уѣзд., Елисаветпольской губ.

Мехрали Мурадосымъ.

9. О двухъ братьяхъ—Шакуръ и Шакуратъ.

Киргизская сказка.

Въ глубокой древности жилъ одинъ царь. У него умерла жена, отъ которой остались два сына—Шакуратъ и Шакуръ. Старшему, Шакурату, было 16 лѣтъ, а младшему, Шакуру—14. Послѣ смерти жены царь женился на другой. Однажды царь со своей свитой выѣхалъ изъ столицы на охоту. Послѣ отца выѣхалъ и старшій сынъ Шакуратъ. Мачеха не любила своихъ пасынковъ и постоянно думала о томъ, какъ бы избавиться отъ нихъ. Вотъ она выдумала слѣдующій способъ: по возвращеніи мужа она наклеветала ему на оставшагося дома младшаго сына, будто бы онъ ее обидѣлъ и хотѣлъ убить, говоря: «Ты мнѣ не мать, и я не хочу, чтобъ ты жила при мнѣ!» Выслушавъ жалобу жены и совсѣмъ не разобравъ дѣла, легкомысленный царь велѣлъ стражѣ вывести царевича далеко за городъ, убить его и въ доказательство этого намочить его рубаху въ его же крови и представить ему. Стража повиновалась: отвела царевича Шакура въ поле, далеко за городъ, и хотѣла привести въ исполненіе царскій приказъ, но Шакуръ умолялъ не убивать его, со слезами доказывая свою невинность. Онъ умолялъ позволить ему повидаться въ послѣдній разъ со сво-

имъ уѣхавшимъ на охоту братомъ, а рубаху просилъ намочить въ крови барана и представить отцу. Зная, какъ несправедливы бываютъ мачехи по отношенію къ своимъ пасынкамъ, стража сжалилась надъ Шакуромъ; она дала ему кусокъ золота, величиною въ кулакъ, и отпустила на волю, а затѣмъ намочила рубаху царевича въ крови зарѣзаннаго барана и представила царю.

Между тѣмъ бѣдный царевичъ бѣжалъ, рыдая и жалуясь на свою судьбу, въ ту сторону, куда поѣхалъ старшій братъ. Въ полдень онъ увидѣлъ издали возвращающагося съ охоты брата со спутниками. Нельзя себѣ представить, что сдѣлалось съ Шакуратомъ, когда онъ, подъѣзжая къ бѣжавшему мальчику, узналъ въ немъ своего брата. Видя въ такомъ жалкомъ видѣ своего брата, онъ соскочилъ съ лошади, бросился къ нему съ плачемъ, обнялъ его и отъ сердечной боли лишился чувствъ. Придя въ себя и узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ отдалъ своимъ спутникамъ лошадь и рубаху и попросилъ ихъ вручить отцу и сказать, что въ его радости умеръ и старшій сынъ. Спутники исполнили желаніе своего добраго царевича.

Шакуръ и Шакурать пустились въ путь-дорогу. Къ вечеру они сильно утомились и почувствовали жажду; къ счастью, недалеко протекалъ родникъ; они подошли къ нему и напились воды, а затѣмъ поднялись на гору. Тѣмъ временемъ солнце сѣло; стало смеркаться. Братья избрали себѣ удобное мѣсто на горѣ для ночевки и расположились спать. Тутъ, къ несчастью, находилась огромная ядовитая змѣя, которая, когда братья заснули, приползла и смертельно ужалила младшаго брата; онъ тутъ же умеръ. Шакурать долго горевалъ, лилъ горькія слезы и недоумѣвалъ, что дѣлать съ умершимъ братомъ: у него не было ни орудія, чтобы закопать тѣло брата, ни савана. Какъ ни любилъ онъ своего брата, но судьба рѣшила разстаться ему съ нимъ.

Шакурать помолился Богу, оставилъ около брата выше-

упомянутый кусок золота, и на краяхъ сдѣлалъ такую надпись: «О, добрый человекъ, возьми этотъ кусокъ золота и ради Бога, похороки моего брата!» Линившись такимъ образомъ единственнаго брата и друга, онъ продолжалъ свой путь. Долго ли, коротко ли шель Шакурать, не извѣстно; извѣстно только то, что онъ, подойдя въ одному городу, увидѣлъ предъ собою толпу людей. Подошелъ онъ къ одному человѣку и спросилъ, что у нихъ тутъ случилось. Встрѣчный отвѣтилъ ему, что на ихъ городъ напало чудовище, въ видѣ змѣи, и пожиралъ людей. Получивъ отъ встрѣчнаго такой отвѣтъ, Шакурать спросилъ: «Что дастъ выкупъ царь тому, кто избавить его и его столицу отъ этого чудовища?» Происходя изъ царскаго рода, онъ съ малолѣтства зналъ много языковъ и, между прочимъ, языкъ змѣи и умѣлъ сдѣлать ручнымъ всякое животное.

Услышавъ отъ пришельца такія слова, встрѣчный обрадовался и донесъ объ этомъ царю. Царь не повѣрилъ этому, но обѣщалъ дать Шакурату полъ-царства и сдѣлать его своимъ наследникомъ, если только онъ избавить столицу отъ чудовища.

Шакурать, получивъ отъ царя такое обѣщаніе, горячо помолился Богу, взялъ въ руку кивчалъ и пошелъ прямо къ чудовищу. По Божьей волѣ чудовище остановилось, какъ окаменѣлое, и проговорило человѣческимъ голосомъ, что оно впредь не станетъ нападать, если царь обѣщаетъ давать ему ежегодно на съѣденіе по одному юношѣ и по одной дѣвицѣ. Царь на это согласился, а Шакурата, по обѣщанію, сдѣлалъ наследникомъ. Вскорѣ послѣ этого царь умеръ, такъ что Шакурать сдѣлался властителемъ этой страны.

Теперь вернемся къ умершему Шакуру. Шли мимо богомольцы и прочли, что было написано на камнѣ. Тронутые просьбою брата этого юноши, они стали молиться Богу отъ чистаго сердца и просили Его даровать несчастному жизнь. Богъ услышалъ молитву богомольцевъ и даровалъ Шакуру жизнь. Ожившій Шакуръ, рассказалъ богомоль-

цать все, что случилось до его смерти, отдавъ имъ свое золото, поблагодарилъ ихъ и отправился въ путь. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, не известно; но однажды, ночью, видитъ онъ издалека свѣтъ; онъ дошелъ до освѣщенной избышки и видитъ, что въ ней сидятъ старики со старухой и плачутъ, а между ними—дѣвушка, которая тоже плачетъ. Шакуръ вошелъ въ избышку. Увидя его, старики сильно испугались, но Шакуръ успокоилъ ихъ, говоря, что онъ не причинитъ имъ никакого вреда. Потомъ онъ спросилъ о причинѣ ихъ горя и узналъ, что они должны завтра представить свою единственную дочь на съѣденіе чудовищу. На это Шакуръ сказалъ: «Не плачьте, добрые старики, а завтра доставьте меня чудовищу въ одеждѣ вашей дочери; сегодня же накормите меня и сами ложитесь спать» Слыша это, старики не вѣрили своимъ ушамъ. Рано утромъ явился отъ царя посоль, чтобы взять ихъ дочь. Шакуръ выпросилъ у стариковъ булатный кинжалъ, надѣлъ одежду ихъ дочери и отправился вмѣстѣ съ посломъ въ чудовищу. Посоль оставилъ Шакура чудовищу на съѣденіе, а самъ пошелъ доложить царю объ исполненіи его приказа.

Держа кинжалъ поперекъ, Шакуръ сталъ предъ чудовищемъ; когда оно раскрыло свою пасть и проглотило жертву, кинжалъ перерѣзалъ всѣ внутренности и разрѣзалъ его пополамъ, такъ что Шакуръ вышелъ наружу; но при этомъ онъ лишился чувствъ. Въ это время царь присылаетъ двухъ своихъ вельможъ развѣдать, успокоилось ли чудовище, или нѣтъ. Придя, они видятъ разрѣзанное чудовище и внутри его еле живую дѣвицу. Вельможамъ давно хотѣлось прославиться какимъ-нибудь подвигомъ, чтобы приобрести любовь царя. Вотъ они, воспользовавшись случаемъ, доложили царю, что это они убили чудовище; затѣмъ они дѣвицу оттащили въ поле и второпяхъ кое-какъ зарыли въ неглубокую яму, думая, что она умерла. Царь повѣрилъ вельможамъ и щедро вознаградилъ ихъ за такую услугу.

Старикъ со старухой, представившіе чудовищу вмѣсто дочери Шакура, задумали принести въ жертву барана въ воспоминаніе своего благодѣтели-юноши и съ этою цѣлью пошли въ поле. Тамъ они закололи жертву. Въ это время старуха какъ-то нечаянно засунула въ яму ногу и сильно испугалась, почувствовавъ подъ ногами что-то мягкое; она сказала объ этомъ старику. Старикъ пришелъ и вытащилъ изъ ямы еле живого Шакура въ одеждѣ своей дочери. Старикъ очень удивился, недоумѣвая, какъ онъ могъ сюда попасть, послѣ того какъ былъ съѣденъ чудовищемъ. Онъ принялся за лѣченіе, и труды его увѣнчались успѣхомъ: Шакуръ выздоровѣлъ и былъ усыновленъ старикомъ. Старикъ былъ твачомъ; однажды онъ посылаетъ своего сына на базаръ для покупки хлопчатой бумаги. Тутъ Шакуру встрѣчаются два царскихъ вельможи, которые спросили юношу, кто онъ такой. Шакуръ отвѣтилъ, что онъ сынъ старика-твача и пришелъ на базаръ за покупкою. Вельможи знали, что у этого старика нѣтъ сына, повели Шакура къ старику и спросили, откуда онъ взялъ такого юношу. Старикъ испугался и рассказалъ всю правду. Вельможи-злѣдѣи, узнавши въ Шакурѣ убійцу чудовища и испугавшись, что онъ откроетъ ихъ злѣдѣйство, отняли у старика сына и продали его проѣзжающему каравану за ничтожную цѣну, взявъ съ караванщиковъ обѣщаніе не показывать этого юноши въ городѣ. Караванщики съ Шакуромъ продолжали свой путь. На пути имъ предстояло переправиться чрезъ море. Для благополучной переправы чрезъ него требовалось принести челоуѣческую жертву: иначе предстояла гибель во время перехода. Приблизившись къ морю, караванщики рѣшили принести въ жертву Шакура и сказали ему объ этомъ. Бѣдный юноша умолялъ оставить его въ живыхъ, обѣщая имъ счастливую переправу. Караванщики сжалились надъ нимъ и оставили его въ живыхъ. Тогда Шакуръ на берегу моря горячо помолился Богу, отрѣзалъ свой мизинецъ и бросилъ въ

море. Господь услышалъ горячую молитву Шакура, и море раздѣлилось на двѣ части: открылось сухое дно, и караванчики переправились на другой берегъ. Послѣ этого Шакура приняли за святого и одарили его, что казъ могъ, такъ что у Шакура оказались три верблюда съ вьюками. Караванчики прибыли въ городъ, гдѣ должны были дѣлать покупки. Въ городѣ Шакуръ увидѣлъ одного человѣка, везущаго на арбѣ сундукъ, въ которомъ что-то по временамъ посвистывало; при этомъ хозяинъ сундука кричалъ: «Кто желаетъ быть счастливымъ, покупайте мой сундукъ», не говоря ничего о томъ, что тамъ находится.

Шакуру захотѣлось купить этотъ сундукъ и онъ заплатилъ за него три верблюда съ вьюками. Прежде чѣмъ привести сундукъ домой, онъ открылъ его и что же видитъ? Предъ нимъ явилась такая красавица, что ни въ сказкѣ разсказать ни перомъ описать! При видѣ своего хозяина, она воскликнула: «О, добрый молодецъ, твои злоключенія еще не миновали! Я досталась тебѣ въ твоему несчастію: кто только увидитъ меня, тотъ захочетъ овладѣть мною и потому убьетъ тебя. Я кочу сохранить о тебѣ добрую память: запиши всѣ событія въ твоей жизни и дай мнѣ эту записъ.» Шакуръ написалъ все, что случилось съ нимъ послѣ смерти матери и отдалъ записъ дѣвицѣ. Караванчики полюбопытствовали узнать, что находится внутри сундука и попросили Шакура его открыть. Онъ было отказался, говоря, что продавецъ сундука обманулъ его, но караванчики насильно отняли у него ключъ и, открывъ сундукъ, увидѣли красавицу. Они поздравили Шакура съ покупкою, но въ сердцѣ утаили зло. Готовясь въ обратный путь, они предложили и Шакуру ѣхать съ ними. Онъ согласился. Караванчики благополучно переправились чрезъ вышесказанное море, отняли у Шакура дѣвицу, а бѣднаго хозяина ея положили въ сундукъ и пустили въ море. Сундукъ поплылъ по вѣтру. Между караванчиками завязалась ссора: никто не хотѣлъ уступить красавицы другому.

Среди нихъ былъ одинъ почтенный старикъ, который помирилъ своихъ спутниковъ; онъ уговорилъ товарищей не ссориться и предложилъ принести красавицу въ подарокъ царю; въ благодарность за нее царь дастъ имъ бо́льшую сумму денегъ, которую и можно будетъ раздѣлить поровну между всѣми. Всѣ согласились съ мнѣніемъ старика. И дѣйствительно, царь щедро вознаградилъ караванщиковъ деньгами: они остались очень довольными и продолжали свой путь. Этимъ царемъ былъ Шакурать.

Красавица передала царю записку Шакура, въ которой была изображена вся жизнь его. Каково же было изумленіе царя Шакурата, когда онъ отъ подаренной ему дѣвицы узналъ о своемъ умершемъ братѣ Шакурѣ. Онъ палъ на колѣни предъ дѣвицей, прося ее рассказать ему, что сдѣлали караванщики съ ея хозяиномъ. Она рассказала, какъ караванщики пустили Шакура въ сундукъ въ море.

Долго ли плылъ сундукъ, коротко ли, неизвѣстно, но онъ былъ пойманъ однимъ рыбакомъ, который, не осмѣливаясь самъ открыть его, представилъ находку царю своей страны. Царь за это богато отблагодарилъ рыбака, а сундукъ взялъ себѣ. Открывъ сундукъ, онъ увидѣлъ въ немъ красиваго, но еле живого юношу; онъ привелъ его въ чувство и, распросивъ подробно, узналъ, кто онъ такой и всѣ его приключенія. У царя не было сына, и онъ сдѣлалъ Шакура своимъ наследникомъ.

Что же дѣлаетъ царь Шакурать для отысканія своего брата? Онъ далъ приказъ своимъ подданнымъ, чтобы они разыскали человѣка, поймавшаго на морѣ сундукъ, внутри котораго былъ юноша. Послы разѣхались по бѣлу свѣту. Двое изъ пословъ пріѣхали въ царство, гдѣ находился Шавуръ. Они узнали отъ горожанъ, что дѣйствительно наследникъ ихъ царя былъ пойманъ въ сундукъ на морѣ. Послы обрадовались и пошли къ царю. Придя къ нему, они пали на колѣни и рассказали всю исторію брата царя ихъ Шакурата. Тутъ они убѣдились, что наследникъ былъ дѣйствительно то лицо, которое они разыскивали.

Нехъзя описать радости Шакура, когда онъ узналъ, что его братья еще живы и что онъ царемъ въ одномъ государствѣ. Шакуръ попросилъ позволенія отъ отца съѣздить къ брату. Тотъ позволилъ ему, далъ свиту и отправилъ его къ брату. Послы же успѣли раньше доложить своему царю объ успѣхѣ своихъ поисковъ. Шакуръ тоже съ большою свитою выѣхалъ навстрѣчу брату. Они при встрѣчѣ соскочили съ лошадей, съ плачемъ обняли другъ друга, и оба долгое время не могли говорить отъ слезъ. Шакуръ нѣсколько времени оставался у брата, а Шакуръ велѣлъ разыскать всѣхъ караванщиковъ и жестоко наказалъ не только ихъ, но и двухъ своихъ вельможъ за то, что они сдѣлали съ братомъ. Конечно и старика со старухой, которые его приютили и вмѣсто дочери отдали съ его же согласія чудовищу, онъ щедро одарилъ деньгами. Шакуръ и Шакуръ задумали поѣхать къ своему родителю, который по настоянію злой жены своей изгналъ сыновей. Братья собрали большое войско и отправились въ свой родной городъ. Прибывъ туда, они узнали, что ихъ отецъ за то, что погубилъ своихъ сыновей, былъ низложенъ съ престола. Братья долго искали родителя въ городѣ и, наконецъ, нашли его нищимъ, поддерживающимъ свою жизнь подаваніемъ добрыхъ людей. Они предложили отцу развестись съ женою и быть опять царемъ, но отецъ не соглашался на это; онъ говорилъ, что лучше быть попрежнему нищимъ, чѣмъ разлучиться съ женою. Тогда Шакуръ и Шакуръ поняли, что дѣло не чисто: они собрали всѣхъ колдуновъ и показали имъ отца. Колдуны нашли, что онъ заколдованъ своею женою-колдуньей и освободили его отъ чаровъ. Отецъ юныхъ царей только тогда созналъ свою ошибку и далъ разводъ женѣ. Потомъ Шакуръ и Шакуръ низложили намѣстника отца и возвели родителя опять на престолъ, а сами возвратились въ свои царства. Дѣвушку, которую братъ купилъ за три верблюда съ выюками, Шакуръ возвратилъ брату, а самъ женился на другой красавицѣ. Оба брата и ихъ отецъ до кон-

ца жизни оставались царями и провели остальную часть жизни весьма счастливо.

Записалъ въ форгѣ Александровскомъ Закаспійской области

Мухамедія Кентаевъ Ташкеновъ.

10. Богатырь Ецемей, сынъ Ецея.

Карачаевская сказка.

Въ одинъ прекрасный майскій день, около мельницы, играли дѣти въ альчики. «Эхъ вы, игроки!», вдругъ чей-то незнакомый голосъ раздался за ними: «да развѣ такими камешками можно въ альчики попасть?»!

Дѣти въ смущеніи оглянулись назадъ: предъ ними, съ недовольнымъ видомъ, стоялъ мальчикъ лѣтъ десяти. То былъ Ецемей, наслѣдникъ ихъ князя, убитаго гдѣ-то въ дальней сторонѣ. Окинувъ любопытнымъ взоромъ пришельца, дѣти продолжали свою игру. Вдругъ Ецемей схватилъ стоящій вблизи жерновъ и пустилъ имъ прямо въ рядъ альчиковъ: отъ большой тяжести жернова они обратились въ порошокъ. Дѣти, бросивъ на богатыря испуганный взглядъ, со слезами на глазахъ пустились бѣжать къ матери въ мельницу. «Мама, мама», сказали они: «злой Ецемей не даетъ намъ играть и жерновомъ разбилъ наши альчики». — «Вотъ я ему покажу, какъ обижать моихъ дѣтей!» сказала мать, выходя изъ мельницы. «Ахъ ты, грубиянъ,» закричала она на Ецемя: «зачѣмъ поломалъ альчики у моихъ дѣтей! Ужъ не хотѣлъ ли ты этимъ показать имъ свою силу! Да, если ты ужъ такой силачъ, то пробовалъ бы свою силу на Кубѣ, убійцѣ твоего отца!» Услыша эти слова, Ецемей покраснѣлъ и, опустивъ голову, пошелъ задумчиво домой. «Сколько разъ», идя по дорогѣ, думалъ онъ про себя: «я спрашивалъ свою мать, гдѣ погибъ мой бѣдный отецъ, и она никогда не отвѣча-

ла мнѣ; теперь я узналъ это, но отъ кого—отъ простой бабы, которая даже упрекнула меня въ томъ, что я не отомстилъ за отца». Пришедши домой, онъ со слезами на глазахъ бросился на шею матери. «Что съ тобой, мой милый сынъ?» спросила заботливо мать, глядя по его щекѣ рукой. «Я хочу ѣсть; сжарь мнѣ кукурузы», притворно сказалъ Едемей. Мать исполнила его желаніе и подала ему на тарелкѣ горячей кукурузы; но тотъ сказалъ: «Ты все твердишь, что крѣпко любишь меня, но отчего ты не даешь мнѣ кукурузу изъ собственной руки!» Мать, насыпавъ кукурузы въ горсть, съ улыбкой протанула сыну руку. Едемей, схвативъ руку, такъ сильно пожалъ ее, что мать покраснѣла отъ боли и стыда и, вырывая руку, съ гнѣвомъ крикнула на сына: «Ахъ ты, гадкій сынъ! не могъ найти, кому бы, кромѣ меня, позать руку?»—«Пока ты не скажешь, кто убилъ моего отца, гдѣ его доспѣхи и конь лихой, я не выпущу твоей руки», сказалъ сынъ. «Милый мой сынъ!» нѣжно воскликнула мать, догадавшись, въ чемъ дѣло: «рано тебѣ знать о горькой участи твоего отца, но если ты такъ сильно желаешь знать объ этомъ, то слушай: твой отецъ убитъ влѣдемъ Кубой, а отомстить за его смерть поѣхала съ дружиною наша молодая княжна—сестра твоего отца. Уѣзжая она просила меня послать къ ней на помощь и тебя, когда ты вырастешь и почувствуешь силу исполнить свой святой долгъ, но пока ты, какъ ребенокъ, еще слабъ и помощи оказать ей не можешь.—Мать моя, не обижай меня такими словами,» тихо возразилъ ей Едемей: «я не ребенокъ и не слабъ: я чувствую полную силу отомстить Кубѣ за смерть моего отца; мнѣ стыдно и больно слушать упреки по этому поводу изъ устъ глупыхъ бабъ. Скажи же, гдѣ доспѣхи и добрый конь отца!»—«Тамъ за желѣзными дверями, подъ высокой нашей башней», неохотно сказала мать. Сынъ живо очутился у дверей и сильною рукой сорвалъ ихъ съ петель. Предъ нимъ въ темнотѣ и сырости стоялъ, сверкая глазами, добрый конь, который

отъ сильнаго голода и томительной жажды, прогрызъ семь слоевъ земной воры; съ тѣхъ поръ какъ лишился козлина, онъ никого въ себѣ не подпускалъ и не принималъ ни пищи ни воды. Увидя у дверей пришельца, конь сердито вынулся на него, но Ецемеѣ смѣлою рукой схватили его за гриву и онъ спокойно вывелъ на свѣтъ. Затѣмъ онъ лопъ, кушаетъ и кормить его. На другой день утромъ, на разсвѣтъ, богатырь пошелъ въ матери прощаться: «Дорогая мать, священный долгъ требуетъ отомстить за отца, и я оставляю тебя; ты поменьше думай обо мнѣ и моли Аллаха, чтобъ онъ даровалъ мнѣ мужество и силу и помогъ побѣдить злодѣя Кубу!» Мать, обливаясь горькими слезами, бросилась обнимать сына, рыдая: «Милый мой сынъ, рано ты берешься за отцовскій завѣтъ! что будетъ со мной несчастной, когда ты погибнешь отъ руки невѣрнаго Кубы!». И многое другое причитывала мать, но сынъ недолго ее слушалъ: вырвавшись изъ ея объятій, онъ смѣло всконилъ на коня и ударилъ его плетью. Взылся конь на дыбы, забѣсновался и заметался, какъ пораженный стрѣлой, не подчиняясь волѣ смѣлаго сѣдока. Напрасно богатырь старался успокоить разгоряченнаго коня: онъ, сердито грызя удила, то рвался, то метался, то прыгалъ, то, какъ вихрь, летѣлъ впередъ безъ памяти. Вскипѣла кровь у лихого наѣздника: въ сильномъ гнѣвѣ онъ дернулъ узду коня и нажалъ ему ребра ногами. Алая кровь потекла по бокамъ разгоряченнаго коня и бѣлою пѣной покрылась его узда. Присмирѣлъ ретивый конь и, подчиняясь сѣдоку, быстро помчался въ путь.

Долго ли, коротко ли онъ ѣхалъ, не извѣстно, но въ вечеру одного дня нашъ герой на вѣрномъ конѣ ввѣхалъ въ темный лѣсъ. Подвѣхавъ къ небольшой полянѣ, Ецемеѣ слѣзаетъ съ коня и, пустивъ его на траву, сталъ заботиться объ ужинѣ и ночлегѣ. Повернулся направо—настрѣлялъ туровъ и оленей, повернулся налево—набилъ козь и барановъ. Затѣмъ, на скорую руку построилъ шалаашъ, покрылъ его шкурами

олений и сталъ крутить на пальцѣ предъ вострою тупу цѣлаго оленя. Когда поджаривалось мясо, онъ носилъ его пахучей солью, и аппетитный запахъ жаренаго мяса распространился по всей окрестности: Едва онъ отвѣдалъ вкуснаго мяса, какъ подошли къ нему два незнакомыхъ витязя. Нашъ богатырь проворно поднялся и уступилъ гостямъ мѣсто: Они робко сѣли у огня и устремили удивленные взоры на хозяина. «Что за диво», каждый думать про себя: «парень вахетса небольшой, а поднимаетъ одной рукой туцуцѣлаго оленя! Едемей ихъ кормить, поить и, наконецъ, справиваетъ:» Гости дорогие, какая судьба привела васъ сюда; вы, можетъ-быть, обитатели этой страны, или, какъ и я, находитесь въ пути и зашли ко мнѣ отдохнуть?—«Мы посланни княжной Едеевой, вдущей отомстить могучему Кубѣ за смерть своего брата», отвѣтствовали тѣ: «теперь будетъ десять лѣтъ, какъ она ждетъ своего племянника, не имѣя возможности перейти чрезъ многоводную рѣку. Нынѣ же, услыша запахъ жаренаго мяса изъ лѣса, она намъ сказала, что запахъ идетъ какъ будто отъ той соли, которую имѣютъ одни Едеевы; чтобъ въ этомъ убѣдиться, мы пришли сюда и, увидя шалашъ, рѣшились войти въ него».—«Да, не ошиблась сестра моего отца», сказала гордо Едемей: «я прѣхалъ сюда оказать ей слабую помощь свою.» Гости обрадовались и, поклонившись князю въ поясъ, предложили ему теперь же выѣхать изъ лѣса къ ожидающей его княжнѣ. Тотъ на это согласился и велѣлъ подвести себѣ коня. Витязи коня ему подвели, и вскорѣ всѣ трое выѣхали изъ лѣса. Вдали видѣлась прекрасная долина. Среди той долины, подъ тѣнью вѣтвистаго дерева были раскинуты шатры княжны Едеевой. Сюда направились они и, когда стали приближаться къ шатрамъ, одинъ витязь, обратясь къ Едемю, сказалъ: «О твоемъ прѣбавѣ я долженъ доложить княжнѣ», и показывалъ быстро впередь. Услыша, что прѣхалъ давно жданный гость дорогой, княжна радостно бросилась къ нему навстрѣчу. «Хоть ждала

тебя я давно», сказала ему она: «но не думала такъ рано увидѣться съ тобой! Какую же помощь ты можешь оказать мнѣ теперь?»—«Это я покажу тебѣ на дѣлѣ», отвѣтилъ гордо Ецмей: «а пока вотъ чтó скажу: завтра на зарѣ я уѣду отсюда, ты же, пока не возвращусь сюда, жди меня здѣсь съ войскомъ своимъ. И только одного я прошу: не мѣшать мнѣ ни въ чемъ и во всемъ полагаться на меня!»—«Конечно, если ты берешь все дѣло на себя, я не стану мѣшать тебѣ ни въ чемъ,» сказала ему сестра отца: «не даромъ говорятъ, что у женщинъ волосы длиненъ, да умъ коротокъ: мы ошибаемся часто и въ самыхъ простыхъ дѣлахъ, а здѣсь дѣло мужское и не нашего ума—дѣлай ты, какъ хочешь: я во всемъ полагаюсь на тебя». Утромъ Ецмей садится на своего коня и снова пускается въ путь. Достигши крутого берега огромной рѣки, онъ дернулъ за узду коня и конь мгновенно очутился въ мутныхъ волнахъ. Но недолго онъ боролся съ бурными волнами и живо очутился на другомъ берегу. Тутъ сѣдокъ пустилъ коню удила, и конь, почувя волю господина, понесъ его во весь опоръ: поля, лѣса, горы, долины, ручьи, рѣки, стремнины—все только мелькало предъ ними. И долго вѣрный конь безъ усталости скакалъ; наконецъ, къ вечеру одного дня онъ прискакалъ въ область Кубы. Смѣлый сѣдокъ, сдвинувъ шапку сердито на лобъ, кипѣлъ жаждой предстоящей мести и съ обнаженной пашкою въ рукѣ, грозно бросился на стражу табуновъ Кубы. Тѣ мигомъ окружили его и обнажили свои сабли; но увы въ послѣдній разъ они ихъ обнажили: нашъ герой отважный махая пашкою влѣво и вправо, смѣлою рукою сносилъ имъ съ плечъ головы долой; въ одну минуту овладѣлъ онъ безчисленными табунами Кубы и погналъ ихъ обратно къ себѣ. Подъѣзжая къ знаемой рѣкѣ, Ецмей думалъ про себя: «Неужели только съ этой добычей мнѣ обратно ѣхать съ сестрой моего отца; это было бы похоже не на побѣду, а на бѣгство робкаго мальчишки отъ преслѣдованія Кубы! Нѣтъ, этому не бывать; пусть луч-

ше сестра отца гонить домой табуны злодѣя, а отвѣтъ за нихъ я самъ отдамъ ему».

Такъ думая, Едемея перегналъ табуны чрезъ рѣку и выстрѣломъ изъ ружья далъ объ этомъ знать своимъ. Въ минуту войны окружили табуны и поздравили богатыря съ побѣдой. «Да, ты вѣрно сдержалъ данное слово», сказала княжна, обнимая радостно Едемея: «ты на дѣлѣ показалъ мнѣ силу свою. Теперь безъ войны, но со славой пора намъ возвратиться домой!» — «Пора, но не мнѣ», молвилъ, смѣясь, Едемея: «ты пришла раньше и поэтому уѣзжай раньше меня». — «Что же ты будешь дѣлать здѣсь послѣ насъ?» спросила изумленная княжна. — «Поѣду еще разорять Кубу», сказалъ провно Едемея: «а ты, пока вѣтъ погони за табунами, гони ихъ съ войскомъ домой». Сестра отца грустно собралась въ путь и, прощаясь, сказала сыну брата: «Знаю, опасной славы ты ищешь себѣ, но уговорить тебя я не въ силахъ!»

Проводивъ тетку за рѣку, богатырь возвратился назадъ и, перешедши рѣку, пустился съ конемъ снова въ путь. Къ полудню одного дня герой остановился отдохнуть у зеленого холма. Здѣсь онъ слѣзъ съ коня и, снявъ сѣдло, пустилъ его на волю. Затѣмъ, положивъ сѣдло подъ голову, онъ ложится на холмъ отдохнуть и скоро засыпаетъ богатырскимъ сномъ. Вдругъ слышитъ онъ сквозь сонъ ржанье вѣрнаго коня. Очнувшись, онъ проворно поднялся на ноги и посмотрѣлъ внимательно на коня. Вѣрный конь, поднявъ впередъ чуткія уши и устремивъ вдалѣ умные свои глаза, стоялъ какъ вкопанный. «Что онъ тамъ видитъ?» подумалъ богатырь и сталъ внимательно вглядываться въ темную даль. И видитъ далеко, какъ бы въ туманѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ небо соединяется съ землей, летитъ какая-то точка, летитъ и постепенно увеличивается. Вотъ различаетъ богатырь и голову и ноги; еще мгновенье и онъ видитъ вдали всадника. Но что за конь бѣжитъ подъ нимъ: на шести ногахъ онъ скачетъ, какъ черный воронъ летитъ, пылъ столбомъ вздымается,

изъ поздрей парь валить; подъ нимъ земля тяжело дышитъ, на лбу звѣзда горитъ, въ глазахъ огонь блеститъ, по божамъ зайцы играютъ, изъ-подъ ногъ чайки вылетаютъ! Прискакалъ конь и у холма остановился. «Эй, мальчикъ,» обратился къ Ецею сидѣвшій на конѣ богатырь: «не видалъ ли ты, кто прогналъ адѣсь мои табуны?» — «Да, я видѣлъ,» сказалъ Ецею: «вонъ туда одинъ человекъ вчера ихъ погналъ», и указалъ пальцемъ на сѣверъ. Пустился всадникъ въ путь, а Ецею, провожая его глазами, думалъ про себя: «лети, лети; на вѣдникъ ты безумный; не скоро ты возвратишь свои табуны». Но всадникъ скоро прискакалъ назадъ. «Ахъ, ты, презрѣнный мальчишка!» закричалъ онъ на нашего богатыря: «смѣешь ты обманывать меня!» — «Виноватъ», сказалъ Ецею: «отъ страха указалъ я тебѣ путь не въ ту сторону; помнится, табуны угнали по той доли нѣ», и указалъ ему путь на западъ. Пустился опять по указанной дорогѣ всадникъ. «Негодный мальчишка, ты опять вздумалъ шутить надо мной!» вавратившись чрезъ нѣкоторое время, закричалъ на Ецею всадникъ: «теперь тебѣ не избѣжать моихъ плетей!» — «Помилуй,» сказалъ Ецею: «ты такъ сердито обращаешься со мной, что я отъ сильнаго испуга совсѣмъ теряюсь и невѣрно указываю путь. Теперь я помню хорошо, что табуны твои угнали на востокъ; если пустишься туда, ужъ вѣрно безъ табуновъ не возвратишься.» — «Послѣдній разъ поскачу я туда, и если обнаружится твой обманъ, я съ тебя, мальчуганъ, голову сорву» грозно сказалъ Куба и живо поскакалъ на востокъ. Вдоволь насытившись своими проказами, Ецею самодовольно осматривалъ свое оружіе. «Погибъ ты, юноша надменный!» прискакавъ въ третій разъ, вскричалъ Куба: «знаешь, надъ кѣмъ ты вздумалъ шутить? Кто стоитъ предъ тобой, и что теперь ожидаетъ тебя, нахала! Скажи, какъ смѣлъ ты издѣваться надо мною? Кто побудилъ тебя сыграть со мной такую шутку? Не тотъ ли, кто угналъ мои табуны и оставилъ здѣсь тебя, чтобы ты, обманывая меня, далъ ему время съ ними скрыться? Отвѣчай

же: жизнь твоя у меня въ рукахъ». — «Пока я ея тебѣ не отдаю», смѣясь, отвѣчалъ нашъ богатырь противнику: «но; признаюсь, это я угналъ твои табуны и, чтобъ показать, насколько твои угрозы страшны мнѣ, я самъ заставилъ тебя три раза скакать понапрасну. Если желательно тебѣ узнать, кто тебя такъ сильно огорчилъ, то знай: я сынъ Едеева и пріѣхалъ отомстить за смерть своего отца!» — «Теперь все ясно мнѣ», сказалъ Куба, бросивъ презрительный взглядъ на своего противника: «ну, стрѣльба или борьба!» — «Борются бабы у насъ», насмѣшливо отвѣчалъ Едемей. Отвѣхавъ на ружейный выстрѣлъ, Куба молча слѣзаетъ съ коня и подымается на сосѣдній холмъ. Едемей, повинаясь обычаю старины, проворно вытащилъ винтовку изъ чекла и первымъ выстрѣлилъ изъ нея. «Теперь ужъ очередь моя», язвительно сказалъ раненый противникъ: «черностволку полузарядомъ заряжу и тебя, мальчугана, однимъ выстрѣломъ уложу». И зарядивъ тотчасъ завѣтную черностволку, онъ нетерпѣливою рукою придавилъ курокъ и попалъ молодому герою въ правый бокъ; но не смутился этимъ Едемей и вторымъ выстрѣломъ ранилъ Кубу въ лѣвое плечо. И закипѣла между ними битва. Въ дыму очутились противники; какъ громъ ихъ ружья гремѣть и пули изъ нихъ по очереди летѣть, какъ звѣзды мерцають огни, учащаясь отъ выстрѣловъ борцовъ. Незвѣстно; какъ долго продолжалась бы битва, если бы къ вечеру не истощился у нихъ порохъ. «Пора намъ отдохнуть», сказалъ Куба: «я поѣду домой и возьму пороху и провизіи». — «Конечно, это намъ необходимо», одобрительно сказалъ Едемей и легъ на спину отдохнуть. Съ трудомъ сѣвши на коня, пустился Куба домой. Прискакавъ въ полночь во дворъ, онъ слѣзъ съ коня и, опираясь на ружье, вошелъ въ комнату. «Эй, жена», закричалъ онъ у порога: «иди скорѣй и избавь меня отъ мучительной боли и тяжести пули!» Живо подбѣжала къ нему жена и, уложивъ его на разостланнй коверъ, стала своимъ полотенцемъ тереть по тѣлу его. Какъ градъ сыпались на

коверь свинцовыя пули изъ тѣла израненнаго Кубы. «Съ какимъ-то болѣшимъ войскомъ сегодня велъ ты борьбу!» замѣтила Кубѣ жена. «Нѣтъ», отвѣтилъ онъ, легко вздохнувши: «Сегодня не съ войскомъ я боролся, а получилъ столько пуль отъ десятилѣтняго мальчика».

Какъ только наступило утро, Куба ужъ былъ на мѣстѣ битвы и, закусивъ съ противникомъ, по обычаю, раздѣлилъ пополамъ пули и порохъ. «Пора намъ снова взяться за дѣло,» сказалъ онъ Едемею. «Я готовъ,» спокойно отвѣтилъ тотъ. И снова битва закипѣла; къ вечеру она опять прекратилась: обремененный пулями Едемея, Куба снова пустился домой. Нашъ же герой, израненный тяжелыми пулями, еле двигалъ своими членами, но былъ готовъ стоять до конца. Прошла мучительная ночь. Куба, прискакавъ, раздѣлилъ съ Едемеемъ порохъ и пули и снова вступилъ съ нимъ въ битву. Вотъ, наконецъ, настала и третья ночь. Куба, прискакавъ попрежнему домой и получивъ при помощи жены исцѣленіе, сталъ въ раздумьѣ ходить по комнатѣ. «Не разъ я воевалъ съ цѣлымъ войскомъ и воевалъ на поединкахъ, но никогда не встрѣчалъ я такого противника», думалъ молча Куба: «онъ еще молодъ, не возмужалъ, но кто изъ смертныхъ согласился бы вступить съ нимъ въ бой, когда онъ достигнетъ своего совершеннолѣтія?»

Утромъ, прискакавъ въ четвертый разъ на мѣсто битвы, Куба нашелъ своего противника лежащимъ на холмѣ безъ дыханія. «Черностволка не измѣнила мнѣ» со злымъ восторгомъ, глядя на убитаго, сказалъ онъ: «она ему раздробила всѣ члены». Снявъ съ него доспѣхи, онъ приваивалъ къ хвосту коня онѣмѣлый трупъ и съ этою добычей пустился шагомъ въ обратный путь, ведя подъ уздцы коня своего противника. Къ ночи онъ достигъ своего дома и, слѣзая съ коня, обратился къ своей женѣ: «Вотъ съ вѣмъ я дрался цѣлыхъ три дни», сказалъ онъ и насмѣшливо указалъ на охладѣвшій трупъ юноши. «Каждого ты несчастнаго младенца убилъ»,

замѣтила съ жалостью жена: «не стыдно было тебѣ на такого маленькаго ребенка поднимать свое ружье»?—«На видь онъ маленькій, но на дѣлѣ удаленный», отвѣтилъ ей мужъ: «теперь ужь ночь; не знаю, что мнѣ дѣлать съ нимъ, но я не засну спокойно ночью, если не поставлю надъ нимъ караула».—«Неужели этотъ ребенокъ такъ сильно напугалъ тебя, что надъ безжизненнымъ трупомъ его хочешь поставить карауль», съ презрѣніемъ сказала жена. «Это ужь дѣло мое», сердито возразилъ ей мужъ и, поставивъ надъ трупомъ нашего героя цѣлый отрядъ воиновъ, онъ пошелъ съ женой почивать въ покой. Скоро онъ погрузился въ глубокой сонъ. Но жена не смывала очей: милый образъ прекраснаго юноши все носился въ ея воображеніи. «Пойду, потру его полотенцемъ и, если удастся мнѣ ему возратить жизнь, пусть скорѣй уйдетъ отъ злодѣя-мужа» подумала она про себя и, привставъ съ кровати и осторожно сойдя съ постели, незамѣтно подошла къ воинамъ. «Муж мой сегодня не здоровъ», она сказала имъ: «и напрасно онъ заставилъ васъ караулить; идите съ Богомъ по домамъ». Воины молча ей поклонились и тотчасъ удалились. Она съ трепетомъ подошла къ тѣлу юноши и стала тереть его полотенцемъ. Какъ градъ, съ каждымъ прикосновеніемъ чудеснаго полотенца, сыпались пули. Мгновенно дрожь пробѣжала по холодному тѣлу юноши, и онъ открылъ глаза. Спасительница стыдливо побѣжала въ комнату къ мужу, а нашъ герой осторожно пошелъ за нею. «Ой, идетъ мой врагъ», вдругъ сквозь сонъ сказалъ Куба, вздрогнувъ. «Спать онъ вѣчнымъ сномъ подъ прищотромъ твоихъ воиновъ», сказала ему жена, и успокоенный Куба снова заснулъ. А Ефемей, между тѣмъ, приближался все ближе и ближе. «Охъ, онъ здѣсь», задрожавъ отъ страха, проворчалъ опять Куба. «Никого здѣсь нѣтъ», успокоила его жена: «а если онъ и здѣсь, то ничего тебѣ не можетъ сдѣлать: тамъ въ огромномъ сундукѣ лежатъ двадцать сундучковъ, вложенныхъ одинъ въ другой, и въ послѣднемъ, двадцатомъ сундукѣ, лежитъ

тотъ «Черный ножъ», который одинъ грозитъ тебѣ смертью. И вторично погрузился въ сонъ глубокой Куба. Услыша слова своей спасительницы, Ецемей осторожно подошелъ къ кровати, тихонько вытащилъ ключи и проворно досталъ роковой ножъ. Затѣмъ сталъ онъ подходить къ Кубѣ, а послѣдній, чувствуя приближеніе его, задрожалъ отъ страха и что-то хотѣлъ сказать, но быстрый ударъ мгновенно поразилъ его въ шею, и покатилась голова суроваго Кубы. Потомъ Ецемей, осторожно вытащивъ обезглавленный трупъ изъ теплаго ложа, влѣзъ туда самъ такъ тихо, что жены не разбудилъ. Какъ только загѣли первые пѣхухи, пробудился отъ сладкаго сна Ецемей. «Эй, жена, вставай же скорѣе и собирай все въ дорогу», голосомъ Кубы сказалъ онъ: «къ утру намъ нужно покинуть сей край: наша область окружена вражьими войсками» а самъ между тѣмъ, одѣвшись въ доспѣхи и заперши въ сундучки кровавый ножъ, вышелъ осѣлать своего коня. Жена, ничего не зная о случившемся и принимая Ецемея за мужа, стала укладывать всѣ вещи. Къ утру домъ Кубы былъ покинутъ навсегда. Переѣзжая чрезъ рѣку и увидя отраженіе мнимаго мужа въ водѣ, жена сказала Ецемею: «Какимъ ты маленькимъ кажешься въ водѣ, а прежде ты былъ вдвое больше.»—«Маленькій топоръ большое дерево рубить», отвѣтилъ ей насмѣшливо Ецемей. Удивленно повернулась она къ нему и, увидя себя въ рукахъ юноши, недавно спасеннаго ею самой, она покраснѣла отъ стыда и подумала: «какъ же это я вернула его къ жизни, но не замѣтила вчера, что онъ сдѣлалъ съ мужемъ моимъ». Дошедши до темнаго лѣса Ецемей слѣзаетъ проворно съ коня и осторожно снимаетъ плѣнную жену. Затѣмъ, обращаясь къ рабамъ, велѣлъ разбить шатры, а самъ, взявши ружье, отправился въ чащу лѣса поохотиться. Весело проведши ночь, нашъ молодой герой по утру снова тронулся въ путь. Ужъ время клонилось къ полудню, когда онъ очутился въ области Сосрука. Нартъ Сосрукъ самъ вышелъ къ нему навстрѣчу и, поздравивъ его съ

побѣдою, сталъ просить по обычаю старины подорожнаго выкупа. «Возьми навьюченныхъ золотомъ лошадей и въ придачу дарю тебѣ своихъ плѣнныхъ рабовъ», сказалъ добродушно Ецемея. — «Не надо мнѣ твоихъ лошадей, навьюченныхъ золотомъ, и въ рабахъ я не нуждаюсь», отвѣтилъ гордо Сосрукъ: «отдай ты мнѣ только жену Кубы». — «Ужъ больно ты дерзокъ!» съ презрѣніемъ возразилъ ему Ецемея: «съ чѣмъ же мнѣ возвратиться домой, если я ее тебѣ уступлю? И не рождался еще у Ецеевыхъ такой трусъ, который отдалъ бы встрѣчному свою жену». — Тогда я выставлю противъ тебя, юноша, своихъ воиновъ», отвѣчалъ ему Сосрукъ: «и пусть побѣда рѣшитъ, кому владѣть женой». — «На это я согласенъ», смѣло сказалъ Ецемея и, слѣзши съ коня, велѣлъ отойти своимъ въ сторону. Сосрукъ, выступивъ противъ героя, сталъ съ нимъ сражаться съ цѣлымъ своимъ войскомъ. Съ каждымъ выстрѣломъ нашъ удалый молодецъ укладывалъ на мѣстѣ по одному воину. Наконецъ, изнемогая отъ ранъ въ неравномъ бою, обратился онъ къ Сосруку: «я умираю, исполни послѣднюю просьбу мою, если она не пугаетъ тебя: поставь въ рядъ все войско свое и самъ отстранись въ сторону». Съ надменной гордостью Сосрукъ исполнилъ просьбу героя, а Ецемея послѣднимъ своимъ выстрѣломъ оставилъ всѣхъ воиновъ Сосрука безъ ушей съ одной стороны. Затѣмъ онъ обратился къ женѣ и бросилъ прощальный взглядъ на нее. Та побѣжала съ цѣлительнымъ полотенцемъ на помощь къ нему, но мудрая мать Сосрука, обращаясь къ сыну, сказала: «Не допускай, мой сынъ, жены Ецемея приблизиться къ нему и поспѣши скорѣе снести ему голову съ плечъ». Сосрукъ бѣгомъ пустился къ умирающему и, перегнавъ его жену, отсѣкъ герою голову мечомъ, но увя—съ плохой побѣдой остался Сосрукъ: съ ушами храбрыхъ воиновъ онъ честь и славу свою потерялъ и сталъ служить посмѣшищемъ для всѣхъ. Но вѣрный сынъ отца, исполнивъ

священный долгъ свой, погибъ въ неравномъ бою и долго-долго сохранился въ преданіи память объ его славныхъ подвигахъ.

Записана въ селеніи Кунимъ Нальчикскаго округа, Терской области

А.и-Беконъ Б.ташеввымъ.

II. О восточномъ и западномъ царяхъ.

Грузинская сказка.

Восточный царь сообщилъ западному царю чрезъ пословъ слѣдующее: «Здѣсь моя лошадь заржала, а тамъ твоя ожеребилась». Выслушавъ пословъ, западный царь долго думалъ, что бы означали эти слова, но видя, что онъ не въ силахъ разгадать ихъ значенія, призвалъ вельможъ для разъясненія загадки; однако вельможи, несмотря на все свое стараніе, не могли понять смысла этихъ словъ. Желая непременно узнать, что хотѣлъ сказать восточный царь этими словами, западный царь разослалъ людей по всему царству искать такого человѣка, который бы могъ разъяснить ему, что означали эти слова; въ награду за это царь обѣщалъ половину своего царства. Послы долго ходили по всей странѣ и, наконецъ, въ одной деревнѣ увидѣли мальчика, сидѣвшаго на большомъ камнѣ; они спросили его: «Гдѣ находится твой отецъ?» Мальчикъ отвѣчалъ, что его отецъ съѣтъ ссору; послы попросили мальчика, чтобы онъ объяснилъ имъ, что значитъ это выраженіе. Мальчикъ объяснилъ это такъ: «Вдоль дороги, ведущей въ ближайшее село, отецъ посѣялъ горохъ, а чтобы лучше наблюдать за проходящими, онъ вблизи дороги построилъ шалашъ; если же кто-нибудь начнетъ топтать горохъ или рвать его, то отецъ мой выскакиваетъ оттуда и затѣваетъ съ нимъ ссору. «Выслушавши такой отвѣтъ, послы спро-

«Сили мальчижа, гдѣ находится его мать. Мальчикъ отвѣчалъ имъ, что мать его отдастъ въ долгъ слезы.—«А что значить «отдавать слезы въ долгъ?», спросили послы.—Мальчикъ отвѣчалъ, что когда въ деревнѣ кто-нибудь умираетъ, то мать его отправляется къ роднымъ умершаго и вмѣстѣ съ ними плачетъ и утѣшаетъ ихъ. Послѣ этого послы сказали мальчику, не можетъ ли онъ указать такого умнаго человѣка, который былъ бы въ состояніи разъяснить важный вопросъ. Недолго думая, мальчикъ сказалъ, что и онъ можетъ это сдѣлать. Хотя послы сомнѣвались въ его умѣ и догадливости, но все-таки рѣшились взять его къ царю, объявивъ мальчику, что если онъ разрѣшитъ важный вопросъ, то получить половину царства. Увидѣвъ мальчижа, царь сначала отнесся къ нему съ недовѣріемъ, но, выслушавъ пословъ, предложилъ ему разъяснить слова восточнаго царя. Мальчикъ сказалъ, что онъ отвѣтитъ на эти слова самому восточному царю и попросилъ дать ему хорошаго коня и триста вооруженныхъ всадниковъ. Вмѣстѣ съ этими всадниками мальчикъ отправился въ путь. Долго они ѣхали и, наконецъ, приблизились къ городу, который находился на границѣ между упомянутыми государствами. Въ двухъ верстахъ отъ города мальчикъ приказалъ всадникамъ кричать «улюю», а потомъ, какъ будто замѣтивъ зайца, сталъ кричать: «ату—его, ату его!», но они понапрасну сзывали собакъ: за нѣсколько верстъ ни одна собака не могла ихъ услышать. По приѣздѣ въ городъ, онъ приказалъ своимъ людямъ истреблять всѣхъ собакъ, какія имъ будутъ попадаться на глаза. Люди его исполнили это требованіе: они истребляли всѣхъ собакъ, несмотря на то что жители города грозили пожаловаться на нихъ царю. Узнавъ объ этомъ, царь велѣлъ позвать мальчижа къ себѣ. Мальчикъ явился къ царю и сказалъ: «въ двухъ верстахъ отъ города мы встрѣтили множество дичи, а собакъ не было; мы кричали и звали собакъ, но ни одна собака не приближала на нашъ зовъ». Царь разгнѣвался на него и, назвавъ

его безумцемъ, сказала: «Неужели на разстояніи двухъ верстъ собаки могли услышать твой зовъ»? Мальчикъ отвѣтилъ ему: «Государь, если здѣсь твоя лошадь заржала, а тамъ у западнаго царя ожеребилась; то неужели ваши собаки не могли слышать насъ на двухверстномъ разстояніи»? Царь удивился такой находчивости мальчика и, узнавъ; что онъ посланный западнаго царя, отпустилъ его, а на другой день послалъ ему желѣзный листъ и приказалъ сплести изъ него плащъ: царь хотѣлъ этимъ показать, что онъ намѣренъ съ нимъ воевать. Мальчикъ принялъ листъ, а на другой день, въ свою очередь, послалъ во дворецъ огромный кусокъ скалы съ требованіемъ вытянуть изъ камня нитку, которая нужна для того, чтобы сплести плащъ. Когда вельможи доложили объ этомъ царю, царь смутился и хотѣлъ что-нибудь придумать, чтобы перехитрить мальчика, но ничего у него не выходило, и онъ объявилъ его побѣдителемъ.

Возвратившись къ западному царю, мальчикъ получилъ отъ него обѣщанную половину царства.

Записано въ г. Горы Тифлисской губерніи *П. Ростомовымъ*.

12. О названіи рѣки Цхенись-Цнали.*

Грузинское преданіе.

Въ восьмомъ вѣкѣ полководецъ арабовъ, по имени Мурванъ, напалъ на Грузію и страшно опустошилъ ее. Грузинскій царь, блаженный Арчилъ, который былъ замученъ арабами за вѣру Христову, огорченный несчастіемъ своего народа, съ малочисленною свитою удалился въ Имеретію, гдѣ и укрѣпился въ одной крѣпости, выстроенной на берегу Цхенись-цнали. Узнавъ объ этомъ, Мурванъ со всѣмъ своимъ войскомъ отпра-

* Притокъ Ріона съ правой стороны; протекаетъ въ Мингреліи.

вился въ Имеретію и осадилъ эту крѣпость со всѣхъ сторонъ: пѣхоту онъ расположилъ у самой крѣпости, а конницу немного дальше отъ крѣпости, а именно на берегу рѣки Цхенись-Цкали. Арчилъ предвидѣлъ, что спасенія нѣтъ, и съ горячею молитвою обратился въ Тому, за кого онъ двадцать лѣтъ спустя умеръ мученическою смертію. Въ одну ночь, когда войско Мурвана сповойно спало, пошелъ проливной дождь: съ горъ устремились потоки, наводнившіе рѣку до того, что все ущелье Цхенись-Цкали походило на огромное озеро. Наводненіе это произошло ночью, неожиданно, почему большая часть конницы Мурвана погибла въ бушующихъ волнахъ рѣки. Мурванъ снялъ осаду и удалился изъ Грузіи. На другой день, когда народъ увидѣлъ на берегахъ рѣки, вмѣсто конницы, трупы лошадей, онъ воскликнулъ: «смотрите! смотрите! наша рѣка превратилась въ лошадиную воду. «Съ этого времени эта рѣка получила названіе Цхенись-Цкали, что значитъ» лошадиная вода.»

Записано въ городѣ Гори, со словъ Соломона Гулисавили,

Александромъ Цицани.

13. Амиранъ.

Грузинская легенда.

По рассказамъ грузинъ, у самого верховья р. Лиахвы была грузинская деревня на склонѣ одной изъ вершинъ Кавказскихъ горъ. Однажды въ верхней части этой деревни сидѣлъ молодой пастухъ, у котораго было до двухъ десятковъ овецъ, и игралъ на любимомъ «саламури» *). Поглощенный своей игрой, онъ не обращалъ никакого вниманія на пасущееся стадо. Наконецъ, насладившись вдоволь игрой, онъ всталъ и оперся на «чобахи» **).

*) Родъ свирѣли.

**) Длинная, утолщенная съ одного конца пастушья палка.

и начал мечтать о будущем. Вдруг, взглянув на верх, онъ, въ своему отчаянію, увидѣлъ, что стадо разбрелось; только двѣ овцы паслись на прежнемъ мѣстѣ. Пастухъ тотчасъ взялъ «чобахи» и пустился на гору, чтобы собрать стадо. Въ этомъ стадѣ, кромѣ овецъ, были два козла, которые служили предводителями стада. Пастухъ собралъ овецъ, какъ болѣе смиренныхъ, а козловъ нивагъ не могъ привести на мѣсто. Гонится бѣдный пастухъ, потъ струится съ его разгорѣвшагося лица, грудь отъ усталости подымается высоко, но нагнать козловъ онъ не въ силахъ: ловкіе козлы безъ труда перескакиваютъ черезъ пропасти и скалы, а пастухъ, очертя голову, бросается за ними. Вотъ козлы подошли къ одной скалѣ и съ легкостью вѣтра перескочили на противоположную сторону; пастухъ уже приготовился послѣдовать за ними, какъ былъ прикованъ къ мѣсту необыкновеннымъ звукомъ: не то стономъ раненаго звѣря, не то громомъ. Онъ остановился у пропасти, какъ вкопанный, но чувство любопытства взяло верхъ, и онъ осторожно ступилъ нѣсколько шаговъ по тому направленію, откуда доносились звуки; тогда звуки стали яснѣе, и пастухъ различилъ стонъ человѣка, только необыкновенно громкій. Пастухъ былъ не изъ числа трусовъ и безъ боязни двинулся на звуки дальше, съ вынутымъ изъ ноженъ кинжаломъ, и очутился вдругъ въ какой-то огромной пещерѣ. Онъ остановился, чтобы разглядѣть обстановку пещеры: въ глубинѣ пещеры онъ увидѣлъ великана, растянутаго во весь ростъ, руки и ноги котораго были прикрѣплены къ землѣ толстыми цѣпями; возлѣ него стояла миска съ пищей и кувшинъ съ водой; немного подальше былъ брошенъ мечъ, поднять котораго никто не былъ въ силахъ. Пастухъ, при видѣ великана, хотя и былъ храбръ, испугался не на шутку и подался назадъ, но услышалъ голосъ: «иди, добрый человѣкъ, нечего бояться! самъ видишь, я прикованъ къ землѣ, и, притомъ, стыдно бояться лежачаго и, слѣдовательно, безсильнаго человѣка!» Пастуху

стало стыдно, и онъ возвратился назадъ, ставъ однако подальше отъ великана. Собравшись съ духомъ, онъ спросилъ его: «скажи, кто ты: крещенный или нечистая сила? Если ты чортъ, то приваваю имя Іисуса Христа и святого Георгія».— «Не бойся! я не дьяволъ! я такой же человекъ, какъ и ты!» Пастухъ убѣдился, что это не злой духъ, ибо, въ противномъ случаѣ, при произнесеніи имени святыхъ онъ исчезъ бы. Тогда пастухъ спросилъ его: «кто ты?» Незнакомецъ отвѣтилъ: «я—Амиранъ!» При этомъ имени пастухъ задрожалъ, какъ осиновый листъ. Амиранъ это замѣтилъ и сказалъ: «Чего ты боишься? Э, ты трусъ!» а затѣмъ продолжалъ: «я—крестникъ самого Іисуса Христа! мнѣ часто приходилось бывать на небѣ, и Онъ говорилъ мнѣ всегда, чтобы я не смѣлъ уносить оттуда огня, но я не могъ удержаться и, видя, какъ люди нуждаются въ немъ принесъ огонь людямъ и, такимъ образомъ навлекъ на себя гнѣвъ Божій. Однажды пришелъ ко мнѣ одинъ старикъ и вызвалъ меня на бой. Я очень разсердился, такъ какъ думалъ, что нѣтъ мнѣ противника на свѣтѣ, и съ яростью схватился съ нимъ, надѣясь уничтожить его какъ щепку, но вышло не то: онъ схватилъ меня и съ такой силой ударилъ о землю, что я лишился сознанія; пришедши въ себя, я увидѣлъ, что нахожусь въ этой пещерѣ, привязанный цѣпами, а мой мечъ брошенъ далеко отъ меня. Послѣ моего заточенія прошло много вѣковъ, а я живу въ этой темницѣ, скованный, какъ узникъ, только за то, что сдѣлалъ добро и принесъ огонь людямъ. Каждый день приходитъ ангелъ и приносить пищу и воду; въ семь лѣтъ разъ одна изъ стѣнъ моей темницы отворяется, и я удостоиваюсь чистаго воздуха и дневнаго свѣта. Боже! выведи меня изъ этой мучительной темницы!» Пастухъ былъ чрезвычайно огорченъ судьбой Амирана и спросилъ его: «Не могу ли я что-нибудь сдѣлать для твоего освобожденія?» Амиранъ отвѣтилъ: «Ты можешь, если захочешь, но долженъ обнаружить большую твердость духа! ступай теперь домой и принеси мнѣ

цѣпь, чтобы я могъ притащить мечъ; когда у меня въ рукахъ будетъ мечъ, я разсѣжу цѣпи, а тамъ и свобода; если я дождусь этого счастья, то не останусь предъ тобой въ долгу. Ступай добрый человѣкъ! принеси цѣпь или крѣпкую веревку, но только, смотри, никому, кто бы ни спросилъ, не говори ни слова, а то дверь затворится, и тогда прощай: оставишь меня на вѣковѣтное мученіе и себѣ не принесешь пользы!»

Пастухъ сейчасъ вышелъ изъ пещеры и быстрыми шагами направился домой; придя домой, онъ собралъ всѣ цѣпи и веревки, какія только находились въ домѣ, и отправился къ пещерѣ. Онъ былъ уже недалеко отъ своей цѣли, какъ увидѣлъ охотниковъ; чтобы избѣжать ихъ, онъ ускорилъ шаги; но охотники замѣтили его и, привлеченные его наружностью, направились прямо къ нему. Пастухъ увидѣлъ, что охотники за нимъ гонятся, и бросился бѣжать. Охотники подумали: «не сумасшедшій ли?» и съ этой мыслью ускорили шаги и скоро поймали пастуха. «Куда несешь эти цѣпи и веревки?» спрашивали они его; но пастухъ рвался безмолвно и не обращалъ вниманія на ихъ слова. Охотники тогда убѣдились, что онъ не въ своемъ умѣ, и начали связывать его, съ цѣлью отвести его въ ближайшее селеніе и вручить какому-либо сострадательному человѣку. Увидѣвъ, что дѣло принимаетъ плохой оборотъ, пастухъ выхватилъ кинжалъ и закричалъ: «отойдите, если вамъ жизнь дорога, а то я перерѣжу всѣхъ!» Въ этотъ моментъ послышался страшный грохотъ; охотники испугались, думая, что скала катится и пустились безъ оглядки; пастухъ, освободившись, побѣжалъ прямо къ пещерѣ, но, увы... она была затворена! Пастухъ опечалился, слезы потекли изъ его добрыхъ глазъ; онъ бросилъ всю свою ношу у пещеры и ушелъ оттуда, проклиная встрѣчу съ охотниками и сожалея о невозможности помочь Амирану-богатырю.

И теперь, если кому-нибудь случится проходить около Казбека, то онъ увидитъ сохранившіяся доселѣ цѣпи и верев-

ки, принесенныя великодушнымъ пастухомъ для освобожденія непобѣдимаго богатыря Амираана.

Записана въ г. Горк *Антономъ Тондзе.*

14. Поселеніе тушинъ въ Алвани.

Тушинское преданіе.

Въ старину алванскіе тушины жили въ горахъ. Они сѣли тамъ ячмень, чѣмъ и прокармливали свои семейства, но соли у нихъ не было; за нею имъ приходилось спускаться въ Кахетію. Въ Кахетіи они должны были прежде всего проходить чрезъ село Алвани, которое было заселено татарами, а за этимъ селомъ находилось и то мѣсто, гдѣ тушины покупали соль. Однажды татары убили нѣсколькихъ тушинъ, пріѣхавшихъ въ Кахетію за солью. Это узнали тушины; они собрались все и отправились въ Кахетію подъ предводительствомъ тушинскаго богатыря Дилоидзе съ цѣлью отомстить татарамъ. Тушины спустились въ Алазанскую долину и остановились въ долину Панкисы. Здѣсь они подбавали лошадей навыворотъ—шипами впередъ, такъ что слѣды ихъ шли въ горы, а на самомъ дѣлѣ тушины проѣхали въ противоположную сторону. Они прошли чрезъ Алвани ночью, такъ что изъ татаръ никто не замѣтилъ ихъ, и спрятались въ ближайшемъ лѣсу. Утромъ татары, увидѣвши слѣды, собрались и рѣшили погнаться за тушинами по направленію къ горамъ, такъ какъ слѣды шли въ ту сторону. Татары отправились; когда они проѣхали довольно значительное разстояніе, тушины вышли изъ лѣсу, напали на оставшихся въ селѣ и перебили всекъ до одинаго, не щади ни женъ ни дѣтей. Окончивъ это дѣло, тушины двинулись вслѣдъ за татарами. Они догнали татаръ у подошвы горы Накерало, гдѣ и произошла битва: тушины одержали побѣду, а татары обратились

въ бѣгство; тушины двинулись за ними. Татары, прискакавъ въ свое село и увидѣвши его въ такомъ состояннн, ожесточились и начали защищаться до послѣдней возможности, но все было напрасно: тушины опять побѣдили ихъ. Тушины убивали несчастныхъ татаръ, пока трое изъ нихъ не начали просить тушинъ, чтобы они пощадили хоть оставшихся въ живыхъ. Тушины прекратили бой съ тѣмъ условіемъ, чтобы татары выселились изъ Алванъ. Татары оставили свое село, а тушины чрезъ три года спустились съ горъ и поселились въ селѣ Алвани, гдѣ и живутъ до настоящаго времени.

Записано въ селѣ Алвани Тонетскаго уѣзда, Тифлисской губерніи

Александромъ Бобіевымъ.

15. Царь-пастиухъ.

Армянская легенда.

Однажды два торговца вышли изъ одного государства и отправились въ другое государство для продажи своихъ товаровъ. Тамъ имъ пришлось долго оставаться и воеваться съ этими товарами, потому что никто ихъ не покупалъ. Наконецъ одинъ изъ нихъ, по имени Арутюнъ, кое-какъ продалъ всѣ свои товары, сталъ собираться домой. Другой же, по имени Нерсесь, не могъ еще ѣхать домой, и потому отдалъ Арутюну драгоценный камень съ просьбой передать его женѣ. Арутюнъ обѣщался передать камень женѣ Нерсеса, но, прїѣхавши домой, онъ присвоилъ камень себѣ. Спустя нѣсколько времени, возвратился на родину и Нерсесь. Узнавъ отъ жены, что Арутюнъ не передалъ ей драгоценнаго камня, онъ позвалъ Арутюна, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Арутюнъ утверждалъ, что тотчасъ же по возвращеннн камень передалъ женѣ. Тогда Нерсесь и жена его пошли жаловаться на Арутюна царю. Арутюнъ подкулилъ

свидѣтелей, которые пошли къ царю и поклялись, что они видѣли, какъ Арутюнъ передалъ драгоцѣнный камень женѣ Нерсеса. Тогда царь отказалъ Нерсесу въ просьбѣ. Нерсесъ и жена его грустные отправились вмѣстѣ съ противниками въ обратный путь. Они должны были переходить чрезъ селеніе. Въ то время когда они приблизились къ селенію, остановилъ ихъ одинъ мальчикъ, который сталъ задавать имъ разные вопросы: «Кто вы такіе? Куда идете?» и т. д. Арутюнъ и другіе лжесвидѣтели не обращали вниманія на этого любопытнаго мальчика, но Нерсесъ остановился и отвѣчалъ на всѣ вопросы мальчика. Когда мальчикъ узналъ о томъ, что царь отказалъ Нерсесу въ просьбѣ, то сталъ убѣждать его отправиться къ одному справедливому царю и пожаловаться на Арутюна. Нерсесъ съ женою, а также и Арутюнъ съ лжесвидѣтелями послѣдовали за мальчикомъ, который обѣщалъ показать имъ, гдѣ живетъ справедливый царь. Они долго шли и, наконецъ, увидѣли восемь пастуховъ, изъ которыхъ одинъ сидѣлъ посрединѣ, а другіе подходили по очереди и приносили ему жалобы, какъ царю. Увидя, что мальчикъ привелъ ихъ къ какому-то пастуху, Нерсесъ и противники его разсердились и хотѣли продолжать путь. Тогда царь пастуховъ всталъ съ мѣста и сказалъ имъ, чтобы они объяснили ему, чего хотятъ. Противники Нерсеса не обратили вниманія на слова молодого царя, но Нерсесъ, не желая обидѣть его, рассказалъ ему, что Арутюнъ присвоилъ себѣ драгоцѣнный камень, а потомъ подкупилъ свидѣтелей, которые и поклялись предъ царемъ, что они видѣли, какъ Арутюнъ передалъ драгоцѣнный камень женѣ его, и что поэтому царь отказалъ ему въ просьбѣ. Выслушавъ его молодой царь попросилъ свидѣтелей разойтись въ разные стороны и принести что-нибудь похожее на драгоцѣнный камень, о которомъ шелъ споръ. Когда всѣ собрались къ царю, то оказалось, что одинъ принесъ кусокъ дерева, другой—траву, третій—поясъ. Послѣ этого царь по-

просилъ Нерсеса и Арутюна, чтобы и они, разойдъсь въ разныя стороны, принесли что-нибудь подобное спорному драгоцѣнному камню. Арутюнъ и Нерсесъ принесли по куску камня почти одной величины. Поиаръ, въ чемъ дѣло, царь-пастухъ со всѣми этими людьми отправился къ настоящему царю и разсказалъ ему все дѣло. Царь приказалъ свидѣтелямъ показать тѣ предметы, на которые походили спорный драгоцѣнный камень. Увидя ужь этого пастуха, царь изумился и, всталъ съ престола, попросилъ пастуха сѣсть на мѣсто царя. Тогда пастухъ сказалъ: «Я согласенъ быть царемъ, но только ты прежде ослѣпи меня, а потомъ я сяду на престолъ.» Царь велѣлъ ослѣпить пастуха, послѣ чего онъ вступилъ на престолъ, а прежній царь сдѣлался его служителемъ. Когда впоследствии новому царю зрѣніе чудеснымъ образомъ было возвращено, то его спросили, почему онъ заставилъ ослѣпить себя. «Я боялся», сказалъ царь: «что, имѣя глаза, буду относиться къ людямъ пристрастно, отдавая предпочтеніе внѣшнимъ ихъ качествамъ предъ внутренними».

Записана въ сел. Улукарбекъ *Саятеломъ Табальяномъ.*

16. Три головы.

Армянское преданіе.

Одинъ богатырь отрубилъ тремъ врагамъ головы, принесъ ихъ къ царю и попросилъ за подвигъ свой награду. Царь обѣщался дать богатырю награду, лишь послѣ опыта надъ головами. По приказанію царя, накалили три желѣзныхъ прута. Когда прутья были готовы, царь приказалъ вбить черезъ ухо въ каждую голову по одному пруту. Первый пруть вышелъ черезъ другое ухо головы, второй—черезъ ротъ, третій остался въ головѣ и, сколько ни старались, не выходилъ на-

ружу. Тогда царь приказал взвесить третью голову и дать богатырю столько золота, сколько вѣситъ голова.

Всѣ спрашивали царя, почему онъ такъ дорожитъ этой головой. «Въ первую голову», отвѣчалъ царь, «что ни проникало чрезъ одно ухо, вылетало чрезъ другое, и она оставалась пустою; все проникшее въ вторую голову, распространилось чрезъ ротъ повсюду, и она надѣлала много бѣдъ людямъ, хозяинъ же третьей головы былъ замѣчательный чедовѣкъ, ибо онъ все, что ни слышалъ, взвѣшивалъ въ своемъ умѣ и молча дѣйствовалъ!» Сказавъ это, царь приказалъ похоронить третью голову съ большими почестями и доставить надъ ней памятникъ, а первые двѣ бросить на съѣденіе птицамъ.

Записано въ гор. Баку

А. Бабаяномъ.

17. Паломникъ.

Армянское преданіе.

Одинъ пастухъ рѣшился, во что бы ни стало, посѣтить Святую землю и поклониться Гробу Господню. Приготовивъ свое тѣло постомъ, и подержавъ свой духъ продолжительною молитвою, онъ съ двумя подобными себѣ товарищами рѣшился на этотъ благочестивый подвигъ. Товарищи его ѣхали верхомъ, а онъ по бѣдности шелъ пѣшкомъ, съ пастушескимъ посохомъ рукахъ, не имѣя при себѣ ни денегъ ни припасовъ на дорогу. Многие совѣтовали ему, въ томъ числѣ и его сотоварищи, отложить это богомолье до другого раза, когда у него все будетъ приготовлено для пути. Но пастуха ничего не могло остановить: очень сильно было въ немъ желаніе посѣтить Святѣя мѣста, о которыхъ такъ чудесно рассказывали старики. Онъ мысленно былъ уже въ тѣхъ мѣстахъ, куда стремился, и представлялъ себѣ все такъ живо. Паломники были въ пути уже нѣсколько дней; пастухъ шелъ впереди своихъ товарищей. Каза-

лось, таинственная сила помогала ему. Застигнутые ночью, странники остановились ночевать въ одной деревнѣ. Товарищи пастуха приютились въ болѣе богатыхъ домахъ, а онъ остановился ночевать у бѣдной старухи, которой самой нечего было ѣсть. У старухи умеръ единственный сынъ, оставивъ трехъ малолѣтнихъ сыновей и двухъ дочерей. Старуха по преклонности лѣтъ не могла работать и кормила семью подаваніями своихъ сосѣдей. Въ этотъ день сосѣди какъ-будто забыли несчастную старуху и ничего не дали ей. Внуки и внучки спали. Въ каминѣ на таганѣ стоялъ котелъ, подъ нимъ былъ разведенъ огонь. Казалось, въ котлѣ что-то варилось. «Что, бабушка, не сварилось?» проснувшись, спросила младшая внучка старуху. «Нѣтъ, голубушка! еще варится, засни; черезъ полчаса будетъ готово; встанете всѣ и будете вѣшать», отвѣчала старуха. «О, какъ я голодна!» прошептала внучка какъ-будто про себя и заснула.

Пастухъ смотрѣлъ то на старуху, то на внучку. «Бабушка, что это въ котлѣ такъ долго варится?» спросилъ онъ старуху, указывая на котелъ.

«Отъ тебя я не стану скрывать свое несчастье: у меня былъ единственный сынъ; онъ полгода тому назадъ умеръ, оставивъ трехъ сыновей и двухъ дочерей. Денегъ у меня нѣтъ, работать не могу; не знаю, чѣмъ и кормить дѣтей! До сихъ поръ сосѣди изъ жалости присылали отъ избытка со своихъ столовъ, чѣмъ и кормились дѣти, а сегодня ничего не прислали. Съ утра мы всѣ ничего не ѣли. Я уложила ихъ всѣхъ въ постель и поставила на каминѣ котелъ, а въ котлѣ ничего нѣтъ, кромѣ камней. Уладывая дѣтей, я сказала, что обѣдъ скоро будетъ готовъ. Теперь они просыпаются и спрашиваютъ меня, не готовъ ли обѣдъ.» Пастухъ былъ тронутъ ея разказомъ: съ одной стороны, онъ сильно желалъ помочь старухѣ, а съ другой—боялся грѣха.

Наступила ночь. «Бабушка, нѣтъ ли здѣсь, гдѣ-нибудь,

стада овецъ;» спросилъ онъ старуху. Старуха указала ему мѣсто стада. «У кого, бабушка, изъ твоихъ сосѣдей имѣется побольше печенаго хлѣба?» Старуха сказала ему. Пастухъ, ничего не говоря, вышелъ изъ хаты и пошелъ по тому направлению, гдѣ находилось стадо. Ночь была лунная. Онъ нашелъ стадо у опушки лѣса. Кругомъ все было тихо: пастухъ, стадо и собаки спали. Все благопріятствовало паломнику. Онъ думалъ: или Богу угодно, чтобы я это сдѣлалъ, или сатана, проникши въ мою душу, торжествуетъ надо мною пастухъ палъ на колѣна и съ жаромъ сталъ молиться Богу, чтобы Онъ отпустилъ ему грѣхъ, который онъ рѣшился совершить. Послѣ молитвы онъ почувствовалъ себя бодрѣе прежняго, и подошелъ къ стаду, не встрѣчая никакого препятствія; онъ выбралъ изъ стада двухъ тучныхъ барановъ, взвалилъ ихъ на плечи и пришелъ обратно къ старухѣ; потомъ отправился къ дому того сосѣда, про котораго старуха, сказала, что у него много печенаго хлѣба. Онъ и здѣсь не встрѣтилъ никакого препятствія, онъ тихо добрался до того мѣста, гдѣ хранился хлѣбъ. Луна чрезъ щель въ потолокъ своимъ серебристымъ свѣтомъ освѣщала цѣлыя груды чуреконъ и лавашей. Пастухъ наполнилъ захваченный съ собой мѣшокъ хлѣбомъ и пошелъ назадъ къ старухѣ. Онъ зарѣзалъ овецъ и отдалъ старухѣ мясо и хлѣбъ. Пастухъ просилъ старуху молиться Богу за него, чтобы Онъ разрѣшилъ его отъ этого грѣха. Старуха пала на колѣна и начала горячо молиться за своего благодѣтельнаго гостя и обѣщавалась пастуху молиться за него всю жизнь. Старуха разбудила дѣтей и навормила ихъ. Утромъ пастухъ простился со старухой и отправился въ путь со своими товарищами. День былъ ясный. Предъ путниками открылась равнина, простиравшаяся въ неизмѣримую даль. Приближался полдень. Солнечные лучи жгли немилосердно. Пастухъ сталъ отставать отъ своихъ товарищей; онъ усталъ, не столько отъ ходьбы, сколько отъ страшной жары. На самомъ краю гори-

зонта вдругъ показалось черная точка, которая быстро поднималась вверхъ. Это было облачко, которое постепенно приближалось къ путникамъ. Облако, поравнявшись съ путниками, остановилось надъ ихъ головою, противъ солнца, и охраняло ихъ собою отъ палящихъ лучей солнца.

Пастухъ просилъ своихъ товарищей немного отдохнуть въ этой тѣни, но товарищи, зная, что до мѣста ночлега не скоро имъ добраться, не согласились, говоря: «Скоро это облако пройдетъ, и насъ опять будетъ мучить солнце. Лучше ѣхать, чѣмъ останавливаться». Пастухъ стоялъ на своемъ и остался, а товарищи его уѣхали. Облачко все время стояло надъ головою пастуха. Товарищи пастуха, выйдя изъ тѣни облака на солнце, оглянулись назадъ, чтобы узнать, что дѣлаетъ пастухъ; они вдругъ услышали раскатистый ударъ грома и увидѣли, что пастухъ лежитъ ницъ на землѣ; они думали, что пастухъ убитъ громомъ и возвратились къ нему. Между тѣмъ пастухъ, упавшій на землю, услышалъ голосъ Ангела Божія, произнесшаго громовымъ голосомъ: «Твои молитвы услышаны Богомъ. Ты оказалъ помощь старухѣ и этимъ ты уже какъ будто побывалъ въ Святой землѣ: посмотри на знаки на твоемъ тѣлѣ», а знаки эти бываютъ только у того, кто посѣтилъ Святую землю. Придя въ себя, пастухъ сталъ осматривать свое тѣло и увидѣлъ на поверхности руеъ и противъ сердца синія пятна, а на внутренней сторонѣ запястья изображеніе Богоматери. Душа его наполнилось чувствомъ безконечной благодарности Богу. Въ это время товарищи его возвратились къ нему и стали спрашивать о случившемся. Пастухъ съ радостью рассказалъ имъ о томъ, что съ нимъ произошло, и объявилъ имъ, что онъ, по велѣнію Божію, возвращается домой, и, пожелавъ имъ счастливаго пути, повернулъ назадъ.

Записано *Андреемъ Мирзоевымъ.*

18. Подвигъ искупленія.

Армянская легенда.

Одинъ царь приказалъ воздвигнуть изъ глины и камней высокій столбъ и на вершинѣ его положить кольцо, со вдѣланнымъ въ немъ камнемъ таинственной силы. Было объявлено повсюду, что кольцо будетъ отдано тому, кто, безъ помощи веревки или топора поднимется на вершину этого столба. Каждый день собиралось къ столбу много народу, и многіе пробовали подняться на столбъ, но напрасно: одни поднимались на нѣсколько аршинъ и падали внизъ; другіе достигали до половины столба, но никто не могъ долѣзть до самой вершины. «Трудно,» говорили они: «и даже невозможно подняться на такую высоту съ пустыми руками. Никто не поднимется!» Такъ разсуждалъ народъ и не сомнѣвался въ правильности своего сужденія. Но вотъ, въ одинъ прекрасный день приходитъ къ столбу бѣдный работникъ, крестится три раза и начинаетъ пальцами своими готовить въ столбѣ мѣста для ногъ и рукъ. Много разъ падалъ онъ на землю, разбилъ себѣ голову, но не отчаивался, а напротивъ, еще съ большей настойчивостью продолжалъ начатое дѣло. Кожа на пальцахъ у него стерлась, руки и все тѣло покрылись кровью, и онъ даже не замѣтилъ, что на тѣлѣ у него подѣлались раны. Народъ, стоявшій вокругъ, боялся за него, жалѣлъ его молодости. Но, полный священнаго огня, юноша поднимался все выше и выше, преодолевая встрѣчавшіяся препятствія. И вотъ, наконецъ, онъ долѣзъ до вершины столба, взялъ кольцо и осторожно сталъ спускаться. Всѣ бѣгутъ къ нему и начинаютъ хвалить его. Доносятъ царю, что какой-то бѣднякъ овладѣлъ его кольцомъ, перетерпѣвъ всякаго рода мученія. Услышавъ это, Царь встаетъ съ трона, бѣжитъ къ юношѣ, цѣлуетъ его въ покрытый кровью и потомъ лобъ и сажаетъ одесную себя.

Примчанія собирателя. Доставаніе кольца, находившаго-

ся на каменномъ столбѣ, по вѣрованію народа, это подвигъ искупленія первобытнаго грѣха человечества; царь — Богъ, а юноша доставшій кольцо — Спаситель нашъ, Иисусъ Христосъ.

Записана въ гор. Баву А. *Бабалыномъ*.

19. Три наставленія.

Греческая сказка.

Дѣло было давно, когда не только насъ, но и нашихъ дѣ-
овъ и прадѣдовъ не было на свѣгѣ. Жилъ въ Малой Азіи
пастухъ съ женой; они долго не имѣли дѣтей. Случилось одно
обстоятельство, которое заставило ихъ разъединиться; пастухъ
оставилъ жену на попеченіе родственниковъ и ушелъ въ со-
сѣдную страну искать счастья. Тутъ у одного богача онъ на-
нялся работникомъ срокомъ на двадцать лѣтъ. Когда срокъ
кончился, пастухъ потребовалъ отъ хозяина расчета. Тотъ за
честную службу пастуха заплатилъ вдвойнѣ и, сверхъ того, на
прощаніе далъ ему три наставленія: 1) «никогда не переходи,
или не переѣзжай чрезъ рѣку, пока не увидишь дна;» 2) «не
спрашивай о томъ, чего тебѣ не нужно знать» и 3) «во вся-
комъ дѣлѣ и предпріятіи имѣй терпѣнье.» Затѣмъ хозяинъ
дружелюбно пожалъ руку своему слугѣ, а пастухъ поблагода-
рилъ своего господина и отправился въ свою страну.

На пути пришлось переправляться чрезъ незнакомую
рѣку. Твердо помня слова своего господина, пастухъ не рѣшался
переправиться чрезъ рѣку; сталъ онъ искать неглубокаго мѣста,
но, не найдя его, остался ночевать на этой сторонѣ рѣки. Утромъ
онъ видитъ, что переѣзжаютъ чрезъ рѣку три купца на верблю-
дахъ, нагруженныхъ золотомъ и серебромъ. Тагъ какъ вода
была глубока, то верблюды не могли выйти на другой берегъ,
и унесло ихъ водою. Пастухъ смотрѣлъ на это происшествіе;

вдругъ онъ видитъ, рѣка что-то выбросила на берегъ; онъ послѣ-
шилъ къ тому мѣсту и увидѣлъ сундукъ съ золотомъ; обрадован-
ный находкою, пастухъ мысленно поблагодарилъ своего господи-
на за умный его совѣтъ. Наконецъ ему удалось и рѣку перейти.

Къ вечеру онъ пришелъ въ ближайшій городъ и оста-
новился у одного вельможи. Во время ужина гость увидѣлъ
въ углу привязанную женщину съ собакой; онъ хотѣлъ было спро-
сить, что это значитъ, но вспомнилъ слова своего господина:
«Не спрашивай о томъ, чего тебѣ не нужно знать,» и удер-
жался. Утромъ онъ всталъ и уже готовился уходить, но
хозяинъ удержалъ его и спросилъ: «Скажи мнѣ, дорогой гость!
почему ты не спросилъ объ участи этой женщины?» Гость
отвѣтилъ, что ему не нужно знать объ этомъ, и поэтому не за-
чѣмъ было и спрашивать» — «Умно ты поступишь,» сказалъ хо-
зяинъ: «что не спросилъ объ участи этой женщины, а то и ты
бы подвергся той же участи, каковой воть эти люди» (при этомъ,
отворивъ двери, показалъ ему отрубленные головы). Потому
онъ объяснилъ ему, что эта женщина его жена, и сказалъ, по-
чему она такъ страдаетъ. «Однажды,» говоритъ хозяинъ пас-
туху: «посѣтилъ насъ молодой человѣкъ красивой наружности.
Эта женщина влюбилась въ молодого человѣка и захотѣла ме-
ня оставить и выйти за него замужъ; для этого предложила
она ему убить меня. Молодой человѣкъ повелъ меня въ лѣсъ
съ цѣлью прогуляться; со мною была моя любимая собака.
Когда мы пришли на поляну, злодѣй вдругъ схватилъ меня,
связалъ руки и бросилъ въ оврагъ, а самъ ушелъ назадъ.
Долго я лежалъ тамъ, но, наконецъ, къ вечеру я собралъ
свои послѣднія силы и побрелъ домой. Когда я вошелъ въ
комнату, то увидѣлъ, что молодой человѣкъ въ постели
съ моей женой; я схватилъ мечъ и отрубилъ ему голо-
ву, а женѣ опредѣлилъ известное тебѣ наказаніе» Окончивъ
свой рассказъ, вельможа наградилъ пастуха за его благополу-

мный поступокъ и съ этого времени освободилъ жену отъ наказания. Пастухъ поблагодарилъ хозяина и отправился дальше. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ въ своемъ родномъ селѣ; подошелъ онъ къ окну своей избы и видитъ, что жена, которую оставилъ одинокой, сидитъ за очагомъ съ какимъ-то незнакомцемъ. Пастухъ хотѣлъ чрезъ окно выстрѣлить въ незнакомца, но тутъ онъ вспомнилъ третье наставленіе своего господина: «во всякомъ предпріятіи имѣй терпѣнье», и перѣшлъ обождать немного. Онъ сталъ стучать въ двери, но жена не сразу отворила, а начала спрашивать, кто онъ такой, откуда и какъ его зовутъ? Пастухъ отвѣтилъ, что онъ ея мужъ и назвалъ имена жены, родственниковъ, а чтобы она вполне удостоверилась, что онъ ея мужъ, пастухъ бросилъ ей свое кольцо, которое она дала ему на прощаніе. Тогда жена въ безумной радости скакиваетъ со своего мѣста, отворяетъ двери мужу и выпускаетъ его въ домъ. Пастухъ спросилъ, кто такой незнакомецъ и получилъ отвѣтъ, что это сынъ его, который родился уже послѣ его отправленія въ чужую страну, и что теперь идетъ ему двадцатый годъ. Пастухъ обрадовался, что ему при жизни пришлось увидѣть своего наследника; жена, въ свою очередь, радовалась пріѣзду своего мужа, съ которымъ она находилась двадцать лѣтъ въ разлукѣ, и стали они жить счастливо до самой смерти.

Съ неба упали три яблока: одно ангеламъ, другое читателямъ, а третье дервишу, просящему милостыни.

Записана въ с. Бештапенѣ Борчалинскаго уѣзда, Тифлисской губерніи

Веофилактомъ Стамболиевымъ.

Народные праздники, обычаи и повѣрья рачинцевъ.

I.

П Р А З Д Н И К И.

Новый годъ (ახალი წელიწადი) *.

Новый годъ, по тѣмъ приготовленіямъ, какія начинаются за нѣсколько дней до самого праздника, и по той торжественности, съ которою встрѣчается этотъ день, чуть ли не единственный праздникъ въ Рачѣ. Развѣ только св. Пасха встрѣчается съ такою радостью. Съ Новымъ годомъ связаны всѣ надежды рачинца; въ этотъ день кладется начало всей его жизни до будущаго Новаго года; въ этотъ счастливый день, какъ его называетъ народъ, вся жизнь измѣняется къ лучшему, принимается новый оборотъ.

За нѣсколько дней до Новаго года начинаются хлопоты, чтобы все въ семействѣ бычю чисто и аккуратно убрано для встрѣчи торжественнаго дня: какой порядокъ будетъ господствовать въ домѣ въ день Новаго года, таковъ будетъ онъ, по повѣрью народа, и въ теченіе цѣлаго года. Если какія-либо его вещи находятся у другого лица, то рачинецъ проситъ ему возвратить, чтобы все его добро къ Новому году было налицо; съ своей стороны и онъ возвращаетъ хозяину все, чтб есть у него чужого въ домѣ.

Наканунѣ праздника, 31 декабря, привозятъ изъ лѣсу

дрова, нѣсколько «пчвори» (ჭყურბო *), вѣтки дуба съ листьями (сухими) и нѣсколько вѣтокъ мелкаго орѣшника съ сережками.

Въ этотъ же день рѣшется свинья, безъ которой Новый годъ обойтись не можетъ **)

Вечеромъ начинаютъ печь маленькіе хлѣбцы, называемые «басилеби». Названіе это происходитъ отъ словъ Василій—Басила, такъ какъ они пекутся въ воспоминаніе св. Василія Великаго, память котораго чтить народъ въ день Нового года. «Басилеби» пекутся одинаковыя, по одному на cadaго члена (семьи. Если даже кого-либо изъ членовъ семьи нѣтъ дома въ отъѣздѣ ли, или на службѣ и т. п.) то во всякомъ случаѣ на его имя печется «басила». «Басилеби» пекутся круглой формы, хотя въ иныхъ семьяхъ пекутъ и челоѡко-образную и называютъ «каца-басила».

Самый большой «басила» печется огромныхъ размѣровъ, на всю семью, и называется «общимъ», или «кариа-бери» (ჯრბო ბერი) ***) Кроме «басилеби», спеціально для дѣтей, пекутъ во множествѣ модели различныхъ животныхъ, называемыя «биякеби» («бияка» — уменьшительное названіе козленка. Въ каждомъ крестьянскомъ домѣ есть мастерицы, артистически приготавлиющія биякеби; эти мастерицы и приглашаются въ дво-

*) Въ празднованіи Нового года рачинцами есть нѣкоторыя особенности, не соблюдаемыя у другихъ народовъ картвельскаго племени. На эти особенности я и обращаю вниманіе, тогда какъ общій характеръ празднованія этого дня въ Грузіи извѣстенъ по многимъ описаніямъ (А. Хахановъ „Новый годъ у грузинъ“, Ломинадзе „Встрѣча Нового года у имеретинъ“, Мамададзе „Народные обычаи и повѣрья гурийцевъ.“)

*) Русскаго названія этого растенія я не могъ найти.

**) Забѣчу кстати, что изъ всѣхъ народовъ картвельскаго племени рачинцы самыя большіе любители свинины. Каждая семья, какъ бы она ни была бѣдна, рѣжетъ осенью нѣсколько свиней и заготавливаетъ ветчину на цѣлый годъ. Если рачинецъ не поднесетъ гостью ветчины, то послѣдній, какъ бы его ни угостили, остается недовольнымъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ рачинцы большіе мастера готовить хорошую ветчину, которая во всей Имеретіи пользуется вполне заслуженною извѣстностью.

**) „Керіа“ (ჯრბო) — мѣсто посреди дома, гдѣ разводится огонь (въ крестьянскихъ); „бери“ — старикъ.

рянскія семьи, гдѣ нѣтъ умѣющихъ печь даже обыкновенный хлѣбъ.

Когда печеніе окончено, хозяйка дома (обязательно она, а не кто-либо другой) укладываетъ на рѣшетѣ (поднось, лотокъ, или что-либо другое никогда не употребляется) всевозможные съѣстные припасы; сюда же кладутся всѣ «басилеби» и свиная голова, неотъемлемая принадлежность Новаго года. Съ этими припасами наравнѣ кладется масса сладостей и нѣсколько монетъ (драгоценныя вещи рѣдко кладутся). Приготовленное такимъ образомъ рѣшето относится въ амбаръ, и рядомъ съ нимъ ставится полный кувшинъ вина, самаго лучшаго. Ужинъ въ эту ночь бываетъ обыкновенный, послѣ котораго всѣ ложатся спать.

Еще до разсвѣта, съ пѣніемъ первыхъ пѣтуховъ, встаетъ «маквліери» *) и, не говоря никому ни слова, идетъ въ амбаръ, беретъ рѣшето и кувшинъ вина и направляется къ дому, гдѣ двери уже запираются вслѣдъ за его выходомъ.

Подходя къ запертой двери, онъ говоритъ:

«Двери желѣза!» (კარი რკინისა)

«Что несешь?» спрашиваютъ его изнутри.

«Медъ и сахаръ, золото и серебро!»

Двери отворяются, и маквліери, входя въ домъ говоритъ: «Переступилъ чрезъ порогъ, да поможетъ вамъ Богъ; нога моя да будетъ ногой ангела: Дай Богъ много разъ встрѣтить вамъ Новый годъ!» (შემოვდგი თვისი, გწუალობღეთ ღმერთი. თვისი ჩემი კვალი ანგელოზისა ღმერთმა მრავალი ახალწელიწადი გაგიოვნოთ.)

Ему отвѣчаютъ: «и тебѣ много разъ встрѣтить.»

Вслѣдъ за этимъ «маквліери» говоритъ: «ушелъ старый годъ, пришелъ Новый годъ, обѣщающій обиліе пшеницы, вина,

*) Маквліери — испорченное литературное слово „мавліери“, происходящее отъ слова „квали“, т. е. слѣдъ. Такимъ образомъ „маквліери“ означаетъ, что вся семья будетъ идти по тому слѣду, по тому пути, который предначертанъ ей „маквліери“.

много денег, здоровье для всѣхъ людей, размноженіе свиней и буръ» (წავიდა ქველი წელიწადი, მოვიდა ახალი წელიწადი, მოაქვს თან პური და ღვინო, ყველი ბევრი, კაცთა სიმოკლეს, ღორისა და ქათმის სიმრავლეს.)

Эти слова, повторяются имъ три раза, и трижды, послѣ каждого раза, поворачивается онъ справа налево, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ души хохочетъ каждый разъ; такимъ же раздушинымъ смѣхомъ отвѣчаютъ ему всѣ.

Затѣмъ подходитъ къ каждому и даетъ обливать серебряный двугривенный, обмоченный въ меду, а также, кладетъ въ ротъ каждому кусочекъ сахару, говоря: «такъ сладко желаю тебѣ состариться» (ასე ტკბილად დაბობუნდი). Обойдя всѣхъ, онъ кладетъ на столъ рѣшето, гдѣ послѣднее и оставляется нетронутымъ до третьяго дня Нового года, а въ этомъ день все съѣдается и, оставляется одинъ «басила». (См. Крещеніе.)

Взявши «керіа-бери и кувшинъ вина, маквліери со свѣчой въ рукѣ идетъ въ хлѣвъ поздравить скотину съ праздникомъ. Поздравленіе приносится въ слѣдующихъ словахъ: «дай Богъ много разъ встрѣтить вамъ Новый годъ вмѣстѣ съ вашимъ бариномъ» (ბატონისთან). Вмѣстѣ съ хлѣвомъ маквліери долженъ обойти всѣ зданія, говоря: «Много разъ, встрѣтишь годъ вашему барину въ довольствѣ.» Когда эта процедура кончена, маквліери беретъ съ саеней наканунѣ привезенное «пчоря», листья буба и сережки орѣшника, каковыя предметы, войдя въ домъ, кладетъ на рѣшето. Къ этому времени встанутъ и остальные члены семьи, умываются и сейчасъ же садятся закусить. Закуска бываетъ праздничная и оканчивается непременно до разсвѣта, чтобы «какая-нибудь птичка не успѣла побѣдить».*)

Къ разсвѣту приходитъ маквліери; послѣдній выбирается семьей по своему желанію и приглашается са день или два до Нового года. Обыкновенно выбираютъ маквліери изъ дѣтей не

Обясненіе этого выраженія, со всѣми подробностями, см. въ Сборн. мат. для опис. мѣст. и пл. Кавк. Вып. XVII, стр. 26

Болѣе 10 лѣтъ; послѣднiя, какъ существа еще невинныя, до понятiю народа, болѣе соотновляются высокому значенiю маквлiери: направить семью своей «счастливой ногой» на блаженный путь, пожелать ей отъ искренняго сердца всякаго благополучiя, дать жизни семьи желательный для всѣхъ ея членовъ ходъ, однимъ словомъ, счастье всей семьи на теченiе цѣлаго года вполне зависитъ отъ маквлiери.

Поэтому, разъ семья избрала маквлiери, то она не мѣняетъ его до тѣхъ поръ, пока дѣла этой семьи идутъ хорошо. А разъ съ семьей произошло какое-либо несчастье, то, значить, нога у маквлiери съдалась несчастною, — и онъ мѣняется. При входѣ въ домъ маквлiери говорить тѣ же слова, какiя и домашнiй маквлiери. Затѣмъ онъ подходитъ къ огню, беретъ головню и ударяетъ ею по горящимъ поленьямъ, въ дѣйствиe чего поднимаются искры, въ моментъ поднятiя которыхъ онъ говоритъ: «столько коровъ, столько воловъ, столько лошадей» и т. д. Вслѣдъ за этимъ маквлiери беретъ сосудъ и, идеть за водой, какъ бы она далеко ни была отъ дома; пока онъ не вернется, никто не имѣетъ права выйти изъ дому. Возвратившись съ полнымъ сосудомъ, маквлiери даетъ всѣмъ умытъ себѣ руки на большомъ камнѣ, который специально для этого вносится въ домъ наканунѣ Новаго года.

Исполняя этотъ обычай, народъ увѣренъ, что въ теченiе цѣлаго года корова будетъ давать много молока.

Закусивъ основательно и получивъ подарокъ (денегъ около рубля, «бикифеби» и проч.), маквлiери идетъ домой, послѣ чего всѣ собираются въ церковь; дома остаются одинъ или двое.

По окончанiи обѣдни начинаются поздравленiя, при чемъ обмѣниваются фруктами.

Въ день Новаго года никого не изъ домашнихъ не впускаютъ въ домъ, кромѣ, конечно, маквлiери.

Если кому-нибудь необходимо посѣтить чужой домъ, то онъ долженъ взять камешекъ и ударить имъ въ дверь; поэтому

сигналу кто-нибудь выходить из дому, и пришедшій сообщаетъ, для чего онъ пришелъ. Если пришедшій позволить себѣ вызвать кого-либо изъ дому зовомъ, то, по повѣрью народа, цѣлый годъ телата будутъ надоѣдать крикомъ.

Крещеніе (Եզրոս քշծ).

Въ этотъ день берутъ въ церковь «басила», который оставляется съ Новаго года, и сѣмена всѣхъ растений, какія только есть въ семьѣ. Священникъ, по окончаніи обѣдни, благословляетъ и то и другое. Эти сѣмена смѣшиваютъ съ тѣмъ количествомъ сѣмянъ, которое въ этомъ году хотять посѣять. «Басила» же сѣдается въ этотъ день за обѣдомъ. Глава семьи ломаетъ его по числу обѣдающихъ; каждый, беря свою долю, говоритъ ему: «да улучшатся твои нивы и виноградникъ» (յօ՛ւն ք քննե՞ն ցճգոյցե՞ճառ).

„Бослоба“ (Ծոնեղութե.)

Въ пятницу предпоследней недѣли до масленой соблюдается такъ называемый «постъ для дѣтей» (Յօշքնոս Յոհոս շքութե.)

День этотъ взрослыми не празднуется, но дѣти положительно ничего не дѣлаютъ. Они до самого вечера ничего не ѣдятъ, или, какъ характерно выражается народъ, «кромѣ слюны, ничего проглотить не могутъ»; возбраняется даже пить воду, какъ бы ни мучила жажда.

Съ ранняго утра дѣти всей деревни собираются въ ограды церкви и цѣлый день непрерывно звонятъ въ колокола. Только въ вечеру идутъ они домой.

Ко времени захода солнца дѣти отыскиваютъ молодой гладкій побѣгъ колючекъ, приблизительно 1½ дюйма въ диаметръ, и нарѣзываютъ его на палочки, въ вершокъ длиною. Палочки эти должны быть потолще и вообще объемистѣе, такъ какъ народъ увѣренъ, что каковы будутъ по полнотѣ эти па-

лочки, таковыми выйдутъ и поросята; равно эти палочки дѣлаются пестрыми, опять съ тѣмъ расчетомъ, что такими же пестрыми и красивыми выйдутъ и поросята. На каждую свинью готовится палочекъ 10—15.

Къ этому времени готовится и пирогъ-«ганатехи», который начинается чаще всего свинымъ саломъ, а иногда и лобіей.

Мать семейства укладываетъ въ полу платья всѣ палочки; примѣшиваетъ она къ нимъ сережки мелкаго орѣшника и горсть кукурузныхъ или ячменныхъ зеренъ.

Когда все приготовлено, процессія, состоящая изъ всѣхъ дѣтей семьи, подъ предводительствомъ матери семейства, направляется въ свинятникъ. Берутъ съ собою еще полный кувшинъ вина и возженную восковую свѣчу. Палочки со сережками и зернами мать семейства перебрасываетъ чрезъ свиней, приговаривая: «дай Богъ вамъ много поросятъ.» То же самое повторяютъ и дѣти.

Затѣмъ всѣ молятся о размноженіи свиней въ этомъ семействѣ; опредѣленной молитвы нѣтъ, каждый молится по-своему. Когда кончаютъ молиться, то съѣдаютъ «ганатехи» и выпиваютъ вино тѣ, которые въ этотъ день постились. Этимъ кончается вся церемонія.

Въ случаѣ если останется часть отъ «ганатехи», что, конечно, бываетъ очень рѣдко, такъ какъ его дѣлятъ межъ собой нѣсколько голодныхъ дѣтей, то остатка этого не берутъ домой, а оставляютъ тамъ же. Дѣлается это потому, что если эти остатки разбросать или взять обратно, то свиньи не будутъ пасти въ мѣстѣ, а всегда поодиночкѣ, и трудно будетъ ихъ пасти.

На другой день, въ субботу, празднуется «Бослоба.»

День этотъ празднуется только женщинами, а мужчинамъ не возбраняется работа, хотя многіе изъ нихъ и воздерживаются отъ нея. Въ этотъ день съ утра до вечера постятся всѣ дѣти-мальчики; послѣдніе воздерживаются отъ всякой пищи такъ

же, какъ всё дѣти въ предыдущій день, а взрослые члены семьи и дѣвочки ѣдятъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Къ вечеру пекутъ ганатеки. Идутъ въ хлѣвъ всё, кромѣ одного (мужчины или женщины—все равно), который остается дома. Глава семьи беретъ съ собой яйцо, кувшинъ вина, ганатеки и восковую свѣчку. Когда идутъ въ хлѣвъ то дѣти садятся на спину взрослымъ *) и кричатъ во все горло: «босель, босель, бу!» **) То же самое дѣлается и при возвращеніи оттуда. Войдя въ хлѣвъ, всё поздравляютъ скотину съ ихъ праздникомъ въ слѣдующихъ словахъ: «дай Богъ много, лѣтъ встрѣчать вамъ этотъ праздникъ безъ убыли.» Затѣмъ глава семьи ломаетъ ганатеки наврестъ надъ головой лучшей скотины, говоря: «да хранить тебя крестная сила» (გვარკვლვ ჯვარის ძალი).

Вслѣдъ за этимъ онъ же обводитъ по тѣлу животного (опять таки лучшаго) яйцомъ, говоря: «сдѣлайся такимъ круглымъ» (სე გარკვლვდი), то есть выражаетъ желаніе, чтобы оно (животное) имѣло побольше жиру. Ганатеки сѣдается не весь, а половина; другая половина кладется на полку. Затѣмъ всё закрываютъ глаза, и старшій членъ семьи прячетъ яйцо въ ясляхъ, въ соломѣ.

Этимъ кончается церемонія въ хлѣвѣ, и всё идутъ домой, гдѣ у дверей ждетъ ихъ оставшійся дома. Подойдя къ запертой двери, вернушіеся изъ хлѣва трижды говорятъ: «желѣзные двери!» (კანი რკინისა!)

Тотъ изнутри отвѣчаетъ: «не царскія.» (არა მუკოსა).

«Что сказали волы?» спрашиваетъ тотъ же.

*) Въ продолженіе дѣлои недѣли до „Бослоба“ мужчины не выбрасываютъ изъ лаптей соломы (последняя кладется въ лапти, чтобы ногамъ было мягче, не жестко); дѣлается это потому, что если они выбросятъ соломѣ и замѣнятъ новою, то, по повѣрью народа, дѣлшй годъ скотина будетъ нуждаться въ кормѣ.

**) „Босели“—*хлѣва*, „бу“—подражаніе звукамъ животныхъ.

— Приготовьте соху и ярмо, мы готовы — отвѣчаютъ вернувшіеся изъ хлѣва отъ лица воловъ.

«Что связали коровы?»

— Приготовьте телятницъ, а мы готовы.

Такие же вопросы и отвѣты повторяются относительно всѣхъ остальныхъ животныхъ и птицъ.

Послѣдній разъ стоящій у дверей спрашиваетъ: «что сказали женщины?»

— Приготовьте люльки, а мы готовы.

«Что сказали мужчины?»

— Приготовьте шапки и ружья, а мы готовы.

Когда всѣ вопросы перебраны, приходшіе изъ хлѣва снова говорятъ: «желѣзныя двери!»

Тотъ открываетъ двери и обдаетъ всѣхъ водою, въ которой разведено немного отрубей. Что означаетъ это послѣднее дѣйствіе, всегда при этомъ примѣняемое, не могли мнѣ точно объяснить.

На другой день всякій старается встать раньше другихъ и найти спрятанное въ ясляхъ яйцо; нашедшему его принадлежитъ и оставленная на полѣ половина ганатехи.

Больше всѣхъ этотъ праздникъ радуется дѣтей, которые отъ души рады сѣсть на спину взрослымъ и кричать: «босель, босель, бу!»

Четвергъ поросять (ἄρῆος ἑρῶνδδδδδδ).

Этотъ праздникъ посвящается не поросятѣмъ, какъ слѣдовало бы заключить изъ его названія, а главнымъ образомъ курамъ. День этотъ празднуется всегда въ четвергъ послѣдней недѣли до масленой. Особеннымъ почетомъ этотъ праздникъ пользуется у крестьянъ, которые съ ранняго утра садятся за столъ и не встаютъ до позднаго вечера, а въ дворянскомъ сословіи празднуютъ только женщины, а мужчинамъ не воспре-

щается работать. Мать семейства обязана поститься цѣлый день; она же печетъ въ вечеру ганатеки. Къ этому времени рѣжутъ и приготавливаютъ одного поросенка и одного кашлуна. Мать семьи беретъ кашлуна и ганатеки и, въ сопровожденіи одного или нѣсколькихъ членовъ семьи (обыкновенно идутъ всѣ женщины и одинъ мужчина), идетъ въ курятникъ поздравить съ праздникомъ буръ. Поздравленіе приносится въ слѣдующихъ словахъ: «да спасетъ васъ Богъ отъ лисы и ястреба,* да мнуетъ васъ всякая болѣзнь».

По окончаніи поздравленія, ганатеки съѣдается тутъ же, а кашлуна берутъ обратно въ домъ, гдѣ онъ съѣдается всѣми членами семьи за ужиномъ. Этимъ праздникъ и кончается.

День св. Шіо (Шіо мѣсѣ).

День св. Шіо празднуется въ четвергъ на масляной. Работать строго воспрещается, особенно до отхода обѣдни.

Наканунѣ этого праздника оставляютъ въ кувшинѣ немного вина или же ставятъ полный кувшинъ: по повѣрью народа, св. Шіо въ эту ночь обходитъ весь міръ и опускаетъ свою плеть (Шіо мѣсѣ) въ кувшинъ; если хоть кончикъ плети намочится виномъ, то св. Шіо благословляетъ эту семью: «да дастъ Господь этой семьѣ много вина и всякаго добра»; если же вина въ кувшинѣ вовсе не окажется, то это приводитъ его въ гнѣвъ, и онъ говоритъ: «такъ да осушатся ваши винные кувшины».

„Чить папаоба“ (Чіо мѣсѣ).

Въ предпоследній день масляной, въ субботу, празднуется «чить-папаоба». Работа въ этотъ день не возбраняется, хо-

*) Почти въ всѣхъ деревняхъ Рачи ястребъ приноситъ жителямъ огромный вредъ: сколько бы ни было выведено цыплятъ въ семействѣ, изъ нихъ добрыхъ 30% утащитъ ястребъ; много птицы истребляетъ и лиса.

тя многие и воздерживаются от нея. Особенность же этого дня состоитъ въ слѣдующемъ: рано утромъ, до разсвѣта, мать семейства приготовляетъ кашу (пшеничную); во время приготовления послѣдней кто-нибудь выходитъ на дворъ и спрашиваетъ: «Мать, что готовишь?»

— Кашу для птицъ (հո՞ժ օգոյան.)

«Кому дашь покушать?»

— Тебѣ и Цавла, Ивану отгоняющему *) (Յո՞ն ճ Գոցլոյն, ոգոյն ցոմրոցանեալ.)

Затѣмъ они мѣняются ролями. Готовящая кашу спрашиваетъ.

«Что ѣсть лиса?»

— Чужую курицу, — отвѣчаетъ стоящій на дворѣ.

«Что ѣсть волкъ?»

— Чужую лошадь.

И такъ перебираются всѣ животныя.

Когда всѣ вопросы перебраны, мать семейства беретъ немного каши, обходитъ весь дворъ и обмазываетъ ею всѣ колья забора, говоря: «это лисѣ, это волку, это медвѣдю» и т. д. Окончивъ эту процедуру, она входитъ въ домъ, и всѣ ѣдятъ кашу.

Ѣсть кашу оканчиваютъ непременно до разсвѣта, чтобы кака-либо птичка не успѣла «побѣдить» **)

Смысл описаннаго праздника состоитъ въ томъ, что народъ желаетъ, чтобы всѣ хищные звѣри и птицы довольствовались оказаннымъ имъ почетомъ и оставили въ покоѣ домашнихъ птицъ и животныхъ.

„Мела-кверіоба“ (մլա-կვეրիობա).

«Мела-кверіоба» празднуется въ послѣдній день масленой,

*) ցոմրոցալ «происходитъ отъ слова» ցոմր, что значитъ „отгонять“. Слѣдовательно, народъ предполагаетъ какого-то Ивана, отгоняющаго вредныхъ звѣрей.

**) Смот. стран. 110.

въ воскресенье. Слово «мела-вверіоба» образуется изъ двухъ составныхъ частей: «мела»-*миса* и «ввери»-*колобокъ*. Названъ этотъ день такъ вотъ почему: пекутъ въ вечеру *колобокъ*, который берутъ всѣ дѣти и выходятъ съ нимъ на дворъ. Здѣсь *колобокъ* дѣлится на столько частей, сколько тамъ дѣтей. Всѣ они, бросая свою долю въ сторону, кричатъ: «это лисъ, это ястребу, это волку» и т. д. Дѣти должны выполнить эту процедуру не на своей землѣ, а на чужой; въ противномъ случаѣ, но повѣрью народа, звѣри будутъ утаскивать домашнихъ животныхъ, и именно съ того мѣста, гдѣ дѣти поѣли *колобокъ*. Очевидно, что смыслъ этого праздника такой же, какъ и предъидущаго.

„Дедопалоба“ (დედოფალობა).

На страстной недѣлѣ, съ понедѣльника до субботы включительно, ходятъ по всей деревнѣ дѣти, одинъ изъ которыхъ держитъ куклу (поэтому хожденіе этихъ дѣтей и называется «дедопалоба», отъ слова «дедопала»-*кукла* *).

Когда они приходятъ къ кому-нибудь, то начинаютъ пѣть всѣ хоромъ.

დედოფალა კარს მოადგა, დია უცხო და
Кукла къ дверямъ пожаловала, совсѣмъ незнакомая и
უკალი.

нигдѣ не бывавшая.

სახლათ ღმერთმა აგაშენოს, მოგცეს დიდი ბარაკა.

Домъ твой Богъ обогатитъ, дастъ много добра.

სახლი საღვინისით დადგმულია, დერეფან ჩამოსატეულია,

Домъ для веселья построенный, съ флигелемъ разукрашеннымъ!.

დედოფალა არა სჭამს, მარტო კვერცხის გულის შეტსა.

Кукла ничего не ѣстъ, промѣ желтка (яйца).

აღათასა, მალათასა, ხელი ჩაჰყავ კალათასა, თუ ორი

Алатаса, малатаса, руку опусти въ корзину; если не два

*) Присловіе, употребляемое для рѣшмы.

ჰჰეღენი არ იყოს, ერთი მანც ჩჰარათსა.
яйца, то одно, по крайней мѣрѣ, поскорѣе.

Имъ выносятъ одно или два яйца. По обходѣ всей деревни набирается большое количество яицъ (штукъ 200—300), каковыя и дѣлятъ между собою всѣ участвующіе поровну; кула получаетъ на равнѣсъ другими, такъ что на долю ея обладателя приходится вдвое больше яицъ, чѣмъ другихъ.

Великій четвергъ—день колдуновъ (ღიღ-ხუთშაბათი).

Великій четвергъ въ Рачѣ почему-то считается днемъ колдуновъ, въ существованіе которыхъ рачинцы глубоко вѣрятъ. Колдуны и колдуньи обыкновенные люди, находящіеся въ сообществѣ съ нечистыми духами. Колдунъ въ Рачѣ называется „хвостатымъ“ (ჰუღობი), такъ какъ народъ увѣренъ, что колдунъ непременно имѣетъ хвостъ.

Въ Великій четвергъ, подѣ вечеръ, всѣ колдуны обязаны явиться къ своему начальнику, ропаци (როპანი) и отдать ему годовой отчетъ о своей дѣятельности, т. е. сколько кто успѣлъ сдѣлать зла людямъ. Всѣ колдуны въ ропаци пріѣзжаютъ, а не приходятъ: одни изъ нихъ сидятъ на собакахъ, другіе на кошкахъ, третьи на палкахъ и т. д. Чтобы какое-либо животное и неодушевленное тѣло пріобрѣло чудодѣйственную силу везти на себѣ, да еще по воздуху (по землѣ колдуны никогда не ѣздятъ) колдуна съ быстротою молніи, достаточно сѣсть на этотъ предметъ и намазать пахи составомъ, который имѣется у всѣхъ колдуновъ.

Каждый колдунъ, являясь къ своему начальнику, долженъ ударить послѣдняго камнемъ въ зубы. Чѣмъ больше камень и сильнѣе ударъ, тѣмъ ропаци радуется больше; радость свою онъ выражаетъ смѣхомъ, при чемъ раскрываетъ пасть и показываетъ свои огромные зубы. Ударъ камнемъ въ зубы—это не выраженіе только одного привѣтствія: по тому, какимъ камнемъ

колдунъ ударить ропапи въ зубы, послѣдній опредѣляетъ, кого этотъ колдунъ приносить ему въ жертву: чѣмъ больше камень, тѣмъ больше и приносимая имъ жертва. Такъ, если колдунъ ударить его очень большимъ камнемъ, то, значить, онъ жертвуетъ старшаго члена семьи. Принесенный въ жертву обязательно умираетъ или въ этотъ же день, или въ теченіе года, но никакъ не позже слѣдующаго Великаго четверга; притомъ умираетъ скоростижно.

Такъ какъ колдунъ каждый годъ приносить въ жертву ропапи по одному члену семьи, то впослѣдствіи или никого у него не остается, или остаются такіе, которыхъ ему жаль принести въ жертву; тогда онъ жертвуетъ самого себя. Колдунъ, принесшій себя въ жертву ропапи, умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Когда всѣ колдуны окончатъ свое привѣтствіе-жертвоприношеніе, то начинается у нихъ веселье. Всѣ они на своихъ самолетахъ объѣзжаютъ въ эту ночь весь міръ. Къ разсвѣту они собираются опять всѣ вмѣстѣ и, попрощавшись съ ропапи, расходятся.

Если человѣкъ случайно пройдетъ мимо ихъ сборища, то онъ не увидитъ ни колдуновъ ни ропапи, такъ какъ они не видимы для людей. Но есть средство увидѣть сборище колдуновъ съ ихъ повелителемъ.

Для этого желающій разглядѣть ихъ долженъ взлѣзть на тутовое дерево и посмотрѣть сквозь сито во всѣ стороны; глазамъ его представится все мѣсто, усѣянное колдунами. Но, какъ бы сильно ни было желаніе разглядѣть колдуновъ, никто не отваживается на это: по повѣрью народа, какъ только человѣкъ увидитъ сборище колдуновъ, онъ тотчасъ же падаетъ съ дерева. Понятно, что никто не желаетъ обречь себя смерти или искалѣчиться ради того, чтобы увидѣть колдуновъ съ ихъ безобразнымъ начальникомъ.

Есть другой способъ узнать, кто въ деревнѣ колдунъ:

надо из сотовъ осы приготовить восковую свѣчку и возжечь ее во время крестнаго хода вокругъ дерева, на заутренѣ, въ день Пасхи; тогда на правомъ плечѣ колдуна покажется ясно животное (или неодушевленное тѣло), на которомъ онъ въ Великій четвергъ отправляется къ ропаци и развѣзжаетъ по всему міру.

Но и на это средство никто не можетъ рѣшиться: колдунъ всю свою силу употребить на то, чтобы извести того, кто его узналъ.

Вѣра въ существованіе колдуновъ слишкомъ глубоко укоренилась у рачинцевъ. Приведу одинъ фактъ, достовѣрность котораго вѣ въ всякихъ сомнѣній, такъ какъ лично я былъ его свидѣтелемъ.

Лѣтъ 15 тому назадъ у одного изъ рачинскихъ помѣщиковъ была въ домѣ служанка, слѣпая на одинъ глазъ *). Съ того времени, какъ она нанялась въ служанки къ своему барину, у послѣдняго умерло шестеро дѣтей, изъ которыхъ четверо, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, умерли какъ разъ въ Великій четвергъ. Недѣли за двѣ до своей смерти она пригласила мѣстнаго священника и при исповѣди сообщила слѣдующее: **) „Срокъ моей смерти наступаетъ; умру я за то, что принесла въ жертву ропаци всѣхъ своихъ близкихъ, за исключеніемъ единственнаго племянника; его я не рѣшилась принести въ жертву, и отдала самое себя.› И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней она умерла послѣ тяжелыхъ мученій.

Не есть ли этотъ фактъ, повторяю, вполне достовѣрный, лучшей иллюстраціей умственного развитія рачинцевъ. Я бы

*) При ропаци состоитъ нѣсколько помощниковъ. Колдунъ (или колдунья), сдѣлавшись помощникомъ, выкалываетъ себѣ одинъ глазъ въ знакъ преданности ропаци.

**) Въ какомъ состояніи ума была эта женщина въ моментъ приглашенія священника, не могу определенно сказать; знаю только, что чрезъ два дня она заболѣла и обнаруживала всѣ признаки умопомѣшательства: рвала на себѣ платье, грызла свои руки, говорила несообразности и. т. д.

могъ привести еще цѣлую серію подобныхъ фактовъ, но полагаю, что достаточно и этого.

Есть средство заставить колдуна отказаться отъ своего ремесла. Для этого стоитъ его только заклеить: приложить ко лбу раскаленную добѣла желѣзную пластинку, чтобы мѣтка осталась на всю жизнь. Было время, и не такъ-то давно, когда со всѣми обвиненными въ колдовствѣ поступали такимъ образомъ, такъ что несчастныя жертвы народнаго суевѣрія всю жизнь должны были носить эту позорную мѣтку. Въ настоящее время, конечно, не возможна такая дикая расправа какъ въ силу дѣйствующихъ законовъ, такъ и благодаря значительному умственному подъему народа, но это не мѣшаетъ народу вѣрить попрежнему въ существованіе колдуновъ.

Днемъ колдуновъ въ Рачѣ, какъ я сказалъ выше, считается Великій четвергъ. Въ этотъ день, къ вечеру, на гумнѣ (рѣдко на дворѣ) каждаго дома разводится огромный костеръ изъ обрѣзковъ лозъ. Разведенный такимъ образомъ костеръ называется на мѣстномъ нарѣчій „ція-ковонія“ (წია კოვონია). Деревня издали кажется охваченною пожаромъ. Дѣти бѣгаютъ вокругъ этого костра и перепрыгиваютъ, крича:

წია წია კოვონია, წია წია კოვონია!

Ція-ція ковонія, ція-ція ковонія!

ჩვენს ქალებსა ტანის თავი, სხვის ქალებსა

Нашимъ женщинамъ свиная голова, чужимъ женщинамъ
ვირის თავი,

ослиная голова,

ჩვენს ბუჭკერში დიდი ცომი, სხვის ბუჭკერში

Въ нашемъ лотѣ (для тѣста) большое тѣсто, въ чужомъ
დიდი ლოდი

лотѣ большой камень.

ჩვენ კაცებსა თოფ-ლეკერი, სხვის კაცებსა

Нашимъ мужчинамъ ружья и пашки, чужимъ мужчинамъ
დიდი ელანი.

большая палка.

ჩვენ ჭურჭელში ღვინო მწვანის, სხვის
 Въ нашихъ винныхъ кувшинахъ вино изъ „мцване“*), въ чу-
 ჭურჭელში გველბეუაუი,
 жихъ винныхъ кувшинахъ змѣи и лягушки,
 ჩვენს ბელელში მარცვალთო, სხვის ბელელში ხვარხვალთო.
 Въ нашемъ амбарѣ зерно; въ чужомъ амбарѣ песокъ.
 Радости дѣтей нѣтъ границъ. Огни погасаютъ только къ
 позднему ужину. Взрослые члены рѣдко принимаютъ участіе.

П а с х а.

Св. Пасха встрѣчается и проводится въ Рачѣ съ подобающею «праздниковъ празднику» торжественностью. Съ ранняго вечера Страстной субботы дѣти всей деревни собираются въ оградѣ церкви и безпрерывно звонятъ въ колокола до самой заутрени, которая, встаети сказать, начинается не задолго до рассвѣта. Не распространяясь относительно принятаго въ этотъ день христосованія съ обмѣномъ яицъ (крашеныхъ) и также состязанія въ испытаніи крѣпости послѣднихъ, укажу на главную особенность этого праздника.

По окончаніи поздравленій всѣ прихожане, за исключеніемъ женщинъ и самыхъ маленькихъ дѣтей, которыя уходятъ домой, садятся въ оградѣ церкви (Божественная литургія, вслѣдствіе поздняго начатія церковной службы, отходить послѣ восхода солнца). Домашніе того дома, въ которомъ умеръ кто-нибудь послѣ предыдущей Пасхи, обязаны поднести каждому изъ сидящихъ по одному большому куску говядины и баранины, по лавашу, по стакану вина, по яйцу (крашеному), куску сыра и, если есть, паски, хотя надо замѣтить, что послѣдняя начала входить въ употребленіе только въ недавнее время, а то раньше понятія о ней не имѣли. Это угощеніе цѣлаго селенія называется «чамосариги», что значитъ *подлежащій раздачѣ*.

*) Особый сортъ винограда, дающій лучшее вино.

Легко представить себѣ, до какой степени разорителенъ для народа этотъ обычай, а если къ этому добавить и тѣ расходы, которые несетъ семья при оплакиваніи и похоронахъ кого-либо изъ ея членовъ, то становится поистинѣ удивительнымъ, какъ это народъ не можетъ отрѣшиться какъ отъ этого обычая, такъ и отъ массы церемоній, которыми обставлены похороны покойниковъ въ Рачѣ и которыя положительно подрываютъ его благосостояніе. Если въ траурѣ состоитъ нѣсколько семействъ и, слѣдовательно, «чамасариги» тоже бываетъ нѣсколько, то, очевидно, никто не можетъ съѣсть всего, что ему поднесутъ; въ такомъ случаѣ все оставшееся несѣдненнымъ каждый беретъ съ собой.

Надо замѣтить, что на могилѣ каждаго покойника обязательно вовжигается восковая свѣча и кладется нѣсколько крашенныхъ яицъ; за послѣдними зорво слѣдятъ дѣти, которыя, набравъ такимъ образомъ много яицъ, цѣлый день забавляются ихъ катаніемъ.

Въ народѣ сохранилось весьма интересное повѣрье, что въ первый день Пасхи солнце играетъ барашкомъ: то подбрасываетъ его вверхъ, то опять ловить, то цѣлуетъ и т. д. Существовали когда-то стекла, сквозь которыя можно было видѣть эту интересную игру небеснаго свѣтила. Когда и какъ исчезли эти стекла, народъ не знаетъ.

„Эліоба“ (ἑλιόβας).

«Эліоба» — день св. Ильи, «предводителя облаковъ.» Въ память этого святаго рачинцы празднуютъ 4 раза въ году: въ первые три четверга послѣ Пасхи и 20 іюля.

Работать народнымъ обычаемъ воспрещается во всѣ эти дни, но особеннымъ, такъ сказать, почетомъ пользуется послѣдній день (20 іюля), который называется не просто «эліоба», а «ципетэліоба.» Насколько народъ свято хранитъ этотъ день,

видно изъ слѣдующей поговорки: «Если въ день »ципетэлюба» найдешь спѣлую грушу, не соблазняйся поднять ее и съѣсть.»

То обстоятельство, что народъ посвятилъ 4 дня памяти св. Ильи, служить, по моему мнѣнію, прямымъ указаніемъ на то, въ какой степени благосостояніе рачинца зависитъ отъ стихійныхъ силъ природы, находящихся въ распоряженіи, по его понятію, этого святого.

Относительно личности св. Ильи въ Рачѣ сохранилось весьма характерное преданіе, которое, въ виду его оригинальности, я считаю нелишнимъ привести.

Илья былъ вначалѣ сапожникомъ; имѣлъ свою мастерскую въ Тифлисѣ, подъ Свято-Давидовской горой; мастерская его помещалась въ подземной пещерѣ, такъ какъ Илья стремился къ святой жизни и рѣшилъ никогда не выглядывать на свѣтъ Божій, чтобы не быть очевидцемъ всѣхъ несправедливостей, царящихъ на нашей грѣшной землѣ. Когда кто-либо приходилъ къ нему сдѣлать заказъ, то Илья не впускалъ его къ себѣ, а спрашивалъ о нужномъ изнутри. Всѣ безъ исключенія заказчики оставались всегда довольными его добросовѣстной работой.

Разъ пришла къ нему грѣшная женщина, которая слышала о святой жизни бѣднаго сапожника и рѣшила, во что бы то ни стало, соблазнить его. Илья, конечно, не вышелъ навстрѣчу ей; онъ закричалъ, чтобы она оставила принесенные для починки башмаки и явилась къ сроку, когда они будутъ готовы. Но женщина не отставала отъ него: «Я лично хочу сдѣлать тебѣ кое-какія указанія: выгляни на минуту.» Сколько онъ ни отговаривался, сколько ни увѣрялъ ее, что все будетъ въ исправности, назойливая заказчица настояла на своемъ. Какъ только Илья показался, женщина сдѣлала попытку его соблазнить. Убитый горемъ Илья, потерявъ всю надежду на спасеніе души, въ отчаяніи вывелъ себя глаза. Въ воздаяніе за такое ревностное стремленіе къ святой жизни, Богъ даровалъ ему снова зрѣніе и сдѣлалъ его предводителемъ облаковъ.

По понятію рачинцевъ, безъ вѣдома св. Ильи не можетъ пойти ни дождь ни градъ, не можетъ быть громъ; однимъ словомъ, всѣ явленія, находящіяся въ причинной зависимости отъ облаковъ, находятся въ полномъ его распоряженіи. Громъ не что иное, какъ стукъ, происходящій отъ того, что св. Илья часто разбѣгаетъ по небу на своемъ катерѣ *).

Молнія происходитъ отъ того, что катеръ св. Ильи часто спотыкается, и отъ его подковъ разлетаются искры.

Если идетъ градъ, то возжигаютъ огарки восковыхъ свѣчей, оставшіеся послѣ крестнаго хода вокругъ церкви на заутренѣ въ день Пасхи, и молятся не Богу, а св. Ильѣ, «предводителю облаковъ, чтобы онъ избавилъ народъ отъ угрожающей бѣды. Какъ только упадутъ первыя градинки, кто-нибудь изъ членовъ той семьи, которая находится ближе къ церкви, бѣжитъ къ колокольнѣ и начинаетъ звонить въ колокола. По повѣрью народа, св. Илья слышитъ этотъ звонъ и немедленно превращаетъ градъ.

Квирикоба (ჭვირიკობა).

«Квирикоба» празднуется 22 іюля. Что за личность св. Квирике, почему ему посвящается одинъ день въ году, народъ не знаетъ. Особенность праздника состоитъ въ слѣдующемъ.

Подъ вечеръ этого дня рачинцевъ обходить свой виноградникъ и нѣсколько разъ стрѣляетъ изъ ружья, крича: «Эй, колдуны!» (აბრეკე, ჯუჯანებო!)

Если у кого-либо нѣтъ ружья, то выдаютъ горячія головни. Дѣлается это потому, что, по повѣрью народа, въ ночь съ 22 на 23 іюля колдуны обходятъ всѣ виноградники и разсыпаютъ золу, вслѣдствіе чего развиваются разныя болѣзни виноградной лозы, и поэтому необходимо испугать ихъ выстрѣломъ изъ ружья.

*) Катеръ для верховой ѣзды въ Рачѣ цѣнится дорого: лучшая лошадь мѣстной породы стоитъ рѣдко дороже 100 руб., тогда какъ посредственный катеръ не дешевле 200—250 рублей.

Преображеніе.

Преображеніе Господне рачинцы празднують 6 августа, какъ и весь православный міръ. Въ этотъ день обѣды не обходится безъ рыбы; особенно много истребляется форели, качествомъ и обиліемъ которой Рача достойно славится. Дѣти, до 10-лѣтняго возраста включительно, раннимъ утромъ намазываютъ себѣ лицо ежевикой. Этимъ народъ образно представляеть себѣ Преображеніе Спасителя.

Рождественскій сочельникъ (Ձմեռի քնքառու լիցք).

Наканунѣ Рождества идутъ большія приготовленія для встрѣчи торжественнаго дня. Въ этотъ день, т. е. 24 декабря, каждая семья обязательно готовитъ къ ужину „коркоти“, которое готовится слѣдующимъ образомъ: толкутъ потребное для семьи количество отборной, крупной и чистой пшеницы; отдѣляютъ отъ полученной массы шелуху и всякую примѣсь; изъ оставшейся чистой, крупно-натолченной пшеницы готовится каша, къ которой примѣшивается изрядное количество орѣховаго масла. Эта каша и есть коркоти, которое и составляетъ единственную пищу за ужиномъ наканунѣ Рождества въ каждой рачинской семьѣ.

Обязательное приготовленіе коркоти въ этотъ вечеръ объясняется народнымъ преданіемъ, что Богородицѣ тотчасъ по разрѣшеніи дали пшеничную кашу, коркоти, которое она и поѣла съ удовольствіемъ. И теперь въ Рачѣ первая пища, которую принимаетъ родильница по разрѣшеніи—это пшеничная каша.

Надо замѣтить, что часть коркоти сохраняется до того времени, когда семья впервые выходитъ на полевые работы. Предъ началомъ работы даютъ поѣсть этого коркоти быкамъ

(рабочимъ). Смыслъ подобной церемоніи, которой народъ не можетъ объяснить, а придерживается только по унаслѣдованному отъ предковъ обычаю, я не рѣшаюсь растолковать какими-либо догадками.

Предъ ужиномъ возжигаются во всѣхъ углахъ дома вѣсковыя свѣчи. Послѣднія должны быть непременно одинаковыя, и возжечь ихъ надо одновременно: по понятію народа, съ той стороны дома, гдѣ раньше догорѣла свѣчка, будетъ урожай хуже, чѣмъ съ той, гдѣ свѣчи горѣли дольше.

Остается сказать нѣсколько словъ оносительно славящихъ Христа пѣсней, которая называется «алило», должно-быть, потому, что каждое колено пѣсни оканчивается пригѣвомъ «алило». Пѣсня слѣдующая:

ალილო, ალილო!

Алило алило

ოცდა ხუთს ქრისტეშობისთვის ქრისტე დაბადებულა;

25 декабря Христось родился;

ღმერთმა ბევრჯერ გავითენით შობა, ახალიწელიწადი?

Дай Богъ много разъ встрѣтить Рождество Новый годъ.

ჩვენ ხომ მთხოვარი არა ვართ,

Мы не нищіе (сыны)

ქრისტეს მახარობელი ვართ!

Христа вѣстники!

Обыкновенно бываетъ нѣсколько группъ славителей Христа; въ каждой изъ нихъ должно быть не менѣе 3 и не болѣе 6 человѣкъ; ихъ сопровождаетъ еще одно лицо—носильщикъ, который носить все, что подарить славящимъ Христа.

Ни одна семья не отпустить славящихъ Христа безъ подарка, какъ-то: мяса на пашлыкъ, лобіи, хлѣба, перѣдо и и денегъ и т. д.

Надо замѣтить, что начинаютъ ходить славить Христа не въ Рождественскій сочельникъ, а послѣ «Барбалоба» т. е. праздника св. Варвары, 4 декабря.

II.

Обычаи и повѣрья въ разныхъ случаяхъ жизни.

Свадьба (ქორწინება).

а) Свадьба въ дворянской семьѣ.

Возрастъ вступленія въ бракъ для дѣвушекъ—отъ 14 до 20 лѣтъ, а для мужчинъ отъ 16—25. Четырнадцатилѣтняя дѣвушка въ Рачѣ уже готовится быть матерью; если же дѣвушка останется не вышедшею замужъ послѣ 10—22 лѣтъ, то она попадаетъ въ число «старыхъ дѣвъ» и выходитъ въ большинствѣ случаевъ за вдовца. Женихъ и невѣста сами рѣдко видятъ другъ друга, а обыкновенно переговоры ведутся черезъ свата (პაპიანი). Послѣдній получаетъ вознагражденіе, если онъ сумѣетъ устроить свадьбу, отъ родителей и жениха и невѣсты, при чемъ сторона, которая болѣе заинтересована, платитъ, конечно, больше; но сколько бы ни взялъ свать деньгами, ему принадлежитъ еще шура того животного, которое будетъ зарѣзано на свадьбѣ.

Болѣе благоразумные родители стараются, чтобы женихъ и невѣста видѣли другъ друга, но это очень рѣдко удается, такъ какъ женихъ не можетъ прійти въ домъ невѣсты, пока не б удуть доведены до конца переговоры. Въ рѣдкихъ случаяхъ удается видѣть имъ другъ друга случайно, во время храмовыхъ праздниковъ, но познакомиться другъ съ другомъ, а особенно разговариваться (если раньше начатія переговоровъ они не были знакомы) они не могутъ, въ силу общепринятаго приличія.

Вслѣдствіе этого весьма часто бываетъ, что по окончаніи переговоровъ какая-либо сторона остается недовольною; но если претензія будетъ громогласно заявлена, или если какая-либо сторона пожелаетъ разстроить свадьбу, то они на всю

жизнь дѣлаются врагами другъ другу, и дѣло весьма часто доходить до кровопролитія. !!

Въ назначенный для свадьбы день женихъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ родственниковъ, отправляется къ невѣстѣ. Эти сопровождающіе пазываются «макари» (ᄃᄃᄃᄃᄃ). Чѣмъ выше по своему общественному положенію родители жениха и невѣсты, тѣмъ «макари» бываетъ больше.

Невѣста встрѣчаетъ жениха и макари и здоровается со всѣми. Черезъ нѣсколько минутъ ѣдутъ (или идутъ) вѣнчаться. Сейчасъ по выходѣ изъ церкви, по окончаніи вѣнчанія, женихъ даетъ нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера или пистолета. Во всю дорогу отъ церкви до дома новобрачные должны ѣхать рядомъ, и между ними ни въ какомъ случаѣ не должно быть никого. Когда новобрачные возвращаются изъ церкви и входятъ въ домъ, то въ дверяхъ встрѣчаетъ ихъ мать невѣсты и кладетъ имъ въ ротъ по кусочку сахару, говоря: «такъ сладко состаритесь» (ᄃᄃᄃᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃᄃᄃᄃᄃᄃ). Мать даетъ сахаръ жениху и невѣстѣ одновременно, держа руки накрестъ. Невѣста обыкновенно не съѣдаетъ этого сахара, а сохраняетъ на всю жизнь. вмѣстѣ съ тѣмъ, когда новобрачные подходятъ къ двери, то два человѣка, обыкновенно шафера, обнажаютъ шапки и держатъ ихъ накрестъ надъ головами новобрачныхъ; опускаются шапки по окончаніи привѣтствія матерью невѣсты.

Новобрачные садятся рядомъ на тахтѣ, и предъ ними ставятся маленькая шкатулка и чайный стаканъ. Всѣ—и домашніе и гости, подходятъ къ нимъ, поздравляютъ ихъ и кладутъ въ шкатулку деньги или драгоценныя вещи, а въ стаканъ серебряныя деньги. Лучшіе подарки приносятъ родители новобрачныхъ и ихъ же крестные отцы, но обыкновенно не бываетъ подарка дороже 50 рублей. Подарки эти носятъ названіе «тавагасадеби» («тави-голова, гадагеба»-бросить), т. е. что перебрасывается чрезъ голову.

Когда всѣ поздравленія кончаются, то два человѣка обна-

жають винжалы и втыкають въ полъ предъ новобрачными, а сами становятся на колѣни. Эти два челоѣка называются «механджле» (ᠮᠡᠬᠠᠨᠳᠢᠯᠡ), «ханджали»-кинжалъ); и обыкновенно женихъ выбираетъ таковыми одного изъ своихъ слугъ и кого-нибудь изъ прислуживающихъ въ домѣ неѣсты. Этимъ «механджле» принадлежить все, что набирается въ стаканъ.

Въ последнее время стали выбирать «механджле» изъ близкихъ родственниковъ, жениха или неѣсты, такъ какъ иногда набирается довольно солидная сумма (рублей 50); отдавать ее прислугѣ нѣтъ расчета, а близкіе люди денегъ, конечно, не берутъ, и они идутъ въ пользу неѣсты.

Пока продолжается вся эта церемонія, накрываютъ столъ; за который и усаживаются сейчасъ по окончаніи «тавгадасам-деби». Садятся за столъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди всѣхъ женихъ и неѣста, за ними шафера; а затѣмъ остальные гости, по старшинству. Первымъ долгомъ выбирается «толумбашъ» («тамада»); таковымъ выбирается тотъ изъ присутствующихъ, кто можетъ пить много вина и краснорѣчиво произносить тосты. Толумбашъ выбираетъ себѣ непременно помощника, который обязанъ слѣдить, чтобы всѣ пили такъ же, какъ пьетъ ихъ начальникъ («тамада»). Произнося какой-либо тостъ, толумбашъ держитъ одинъ рогъ (стаканъ на свадьбахъ рѣдко употребляется, а чаще рогъ, вмѣщающій отъ 1 до 3-хъ бутылокъ) самъ, а другой передаетъ помощнику, и они пьютъ вмѣстѣ. Вино наливаютъ всѣмъ нарочно для этого приставленные два или нѣсколько челоѣкъ, смотря по числу гостей. Люди эти, называемые «меркинэ» (ᠮᠡᠷᠬᠢᠨᠢ), обязаны наливать всѣмъ поровну и слѣдить, чтобы никто не плутовалъ съ виномъ если они замѣтятъ злоупотребленіе съ чьей-либо стороны, то доносить объ этомъ «толумбашу» или его помощнику.

Когда прислуга замѣтитъ, что всѣ гости выпили уже порядкомъ, и, какъ говорится, уже «навеселѣ», то она вноситъ въ домъ такъ называемое «мухлись-квери» (колѣнный хлѣбецъ-

олобовъ). Последнее состоитъ изъ большого печенаго хлѣба огромныхъ размѣровъ, который составляетъ самую существенную часть «мухлись-квери»; вокругъ этого хлѣба возжигаются восковыя свѣчи, не менѣе 6 штукъ; если свадьба происходитъ между Пасхой и Вознесениемъ, то кладутся крашенныя яйца, а если въ другое время, то вмѣсто нихъ кладутся яблоки и др. фрукты; помимо этого кладется жирный поросенокъ и нѣсколько штукъ жаренныхъ цыплятъ; голова поросенка украшается цвѣтами. Приготовленное такимъ образомъ «мухлись-квери» вносить одинъ изъ прислуживающихъ и подносить къ шаферамъ, которые и дарятъ ему нѣсколько рублей—обыкновенно отъ 3 до 5. Если кто-либо изъ присутствующихъ предложитъ большую цѣну, чѣмъ подарили шафера, что бываетъ, конечно, рѣдко, то «мухлись-квери» повушается имъ, но, кто бы ни купилъ «мухлись-квери», послѣдній передается новобрачнымъ. Деньги, ваяты за «мухлись-квери», дѣлятъ между собой поровну всѣ прислуживающіе.

Черезъ нѣсколько времени гости остаются пить и продолжаютъ веселиться, а новобрачныхъ уводятъ; провожаютъ ихъ до спальни шафера. Укладываютъ новобрачныхъ не позже, какъ черезъ два часа послѣ начала ужина *), а очень часто и черезъ часъ.

Невѣста не говоритъ со своимъ женихомъ и не отвѣчаетъ ни на какіе его вопросы или ласки, пока онъ не подаритъ ей сколько-нибудь денегъ; обыкновенно онъ даритъ горсть серебряныхъ денегъ. Подарокъ этотъ называется «саубро» (саубро), т. е. то, что заплачено за бесѣду, разговоръ. Впрочемъ, обычай брать «саубро» въ последнее время рѣдко соблюдается. Остальные гости продолжаютъ пить до разсвѣта. «Макари» уѣзжаютъ на другой день (часто остаются и до третьяго дня). Отпустить

*) Обыкновенно свадьба устраивается въ вечеру; если же происходитъ въначіе до вечера, а слѣдовательно, и гости садятся за столъ до вечера, то тогда укладываютъ новобрачныхъ, какъ только стемнѣетъ.

«макари» и всёкъ вообще гостей не пьными до безпачтства :составляетъ позоръ для козанина. Чѣмъ больше бываетъ «макари» и гостей и чѣмъ лучше угощеніе (особенно, если много выпито вина), тѣмъ свадьба считается лучше. Веселье и пьянство въ домѣ жениха продолжается 2—3 дни.

Женихъ остается въ домѣ родителей невѣсты обыкновенно недѣлю. Странно, что рачинцы не отпускаютъ изъ дому своей дочери, если даже все приданое у нея будетъ готово; раньше, по крайней мѣрѣ, полуночи, а очень часто держатъ ее при себѣ и годъ.

Родители невѣсты набираютъ вдвое больше «макари», чѣмъ привелъ таковыхъ женихъ.

Отецъ ни въ какомъ случаѣ не сопровождаетъ своей дочери; онъ прѣзжаетъ въ домъ зятя только послѣ свадьбы.

б) Свадьба въ крестьянской семьѣ.

Свадьба у крестьянъ, какъ и у дворянъ, не обходится безъ свата. Если родители невѣсты выражаютъ желаніе выдать свою дочь за предлагаемаго сватомъ жениха, то послѣдній, въ сопровожденіи отца, одного изъ близкихъ родственниковъ и свата, идетъ въ домъ невѣсты. По приходѣ ихъ соблюдается слѣдующая церемонія: никто изъ домашнихъ не выходитъ изъ дому для встрѣчи жениха и его сопровождающихъ; послѣдніе входятъ въ домъ и, не говоря ничего, садятся на стулья, зрѣніе поставленныя въ извѣстномъ порядкѣ, какъ разъ напротивъ домашнихъ; женихъ и невѣста начинаютъ переглядываться, обматриваютъ другъ друга; если женихъ не понравится невѣстѣ, и она рѣшится отказать ему, то встаетъ и выходитъ изъ дому, не говоря ни слова: выходъ ея изъ дому есть выраженіе ея нежеланія; если невѣста не встанетъ съ мѣста, что бываетъ почти всегда, такъ какъ дочь ни въ какомъ случаѣ не можетъ пойти противъ воли родителей, то женихъ, нравится ли ему или нѣтъ невѣста, выходитъ изъ дому на дворъ, а вслѣдъ

за нимъ и сопровождающіе его; женихъ сообщаетъ имъ, согласенъ ли онъ или нѣтъ жениться на предлагаемой невѣстѣ; если женихъ заявитъ, что невѣста ему не нравится, то они возвращаются прямо къ себѣ домой, даже не попрощавшись съ домашними невѣстами; если же невѣста придется ему по дунѣ, то они входятъ въ домъ и здороваются со всѣми; говоря: «да будетъ счастливъ нашъ приходъ».

На другой день сопровождающіе жениха уходятъ, а онъ самъ остается въ домѣ родителей невѣсты обыкновенно 2—3 дня. Въ эти дни женихъ договаривается съ родителями невѣсты, сколько онъ долженъ заплатить деньгами и каково должно быть «сасидзо» (см. ниже).

Общанныя по уговору деньги женихъ уплачиваетъ до свадьбы. На эти деньги приобрѣтаются для невѣсты необходимыя для нея вещи: сундуки, постель, платье, паласы и т. д.

Чѣмъ богаче родители невѣсты, и чѣмъ богаче женихъ, тѣмъ больше послѣднему приходится уплачивать денегъ.

Въ очень рѣдкихъ случаяхъ родители невѣсты покупаютъ для своей дочери вещей на болѣе значительную сумму, чѣмъ уплачиваетъ зять. Изъ сказаннаго видно, что крестьяне въ Рачѣ приданаго деньгами дечери не даютъ, и даже мелкія вещи покупаются на счетъ зятя. Когда женихъ уходитъ въ свой домъ, то дарить невѣстѣ нѣсколько рублей, обыкновенно не болѣе 5. Деньги эти называются «хел-садеби» (ხელსადაბი); т. е. то, что положено въ руку. Разъ невѣста получила «хел-садеби», она ни въ какомъ случаѣ не можетъ выйти замужъ за другого.

Наканунѣ назначеннаго для свадьбы дня женихъ отправляется къ невѣстѣ въ сопровожденіи 3—4 родственниковъ и одного шафера (обыкновенно для почета берутъ таковыхъ изъ дворянъ или князей); беретъ онъ съ собой подарки для невѣсты и «сасидзо» (სასიძო). Подарокъ невѣстѣ состоитъ обыкновенно изъ серебрянаго пояса, янтарныхъ четковъ и шелковаго головнаго платка. «Сасидзо» же состоитъ изъ свиньи (приготовлен-

ной), одной или двухъ овецъ и девяти девятковъ чуреконъ *).

Ужинъ **) въ эту ночь бываетъ праздничный, свадебный, но затягивается онъ не надолго. Родители невесты приглашаютъ много гостей. Послѣ ужина начинаются танцы подъ гармонію. Первою танцуетъ невеста. За нею танцуютъ всѣ приглашенные и кладутъ въ тарелку, которая заранѣе ставится тутъ же, сколько-нибудь денегъ, обыкновенно не болѣе рубля. Если кто танцовать не умѣетъ, то кладетъ деньги; эти деньги носятъ названіе «шабашъ.» Безъ «шабаша» крестьянская свадьба не обходится. «Шабашныя» деньги идутъ въ пользу невесты.

На другой день прїѣзжаютъ изъ деревни жениха его «макари», которыхъ онъ просилъ, конечно, заранѣе. Сколько табовыхъ будетъ у жениха, обязательно вдвое больше набираютъ родители невесты для проводовъ ея.

Сейчасъ по приходѣ «макари», послѣ маленькой закуски, идутъ въ церковь. По окончаніи вѣнчанія устраивается обѣдъ. Такъ какъ невесту послѣ обѣда обязательно должны взять, то обѣдъ затягивается не надолго: поэтому, не желая отпустить никого не пьянымъ, хозяйинъ предлагаетъ начать пить сразу «катхой» ***) (ꙗꙗꙗꙗ) или рогомъ.

Остается сказать, что крестьяне отправляютъ свою дочь въ домъ мужа не иначе, какъ въ сопровожденіи «мдади» (ꙗꙗꙗꙗ). Таковою выбирается близкая родственница невесты. «Мдади» присматриваетъ за невестой, служитъ посредницей между новобрачными (такъ какъ они сами вначалѣ стѣсняются говорить). «Мдади» даритъ жениху и невестѣ нѣсколько мелкихъ предметовъ: невестѣ — полотенце, зеркало, гребешокъ, маленькій сундуекъ и т. д., а жениху: носки, архалухъ и т. д. Эти подарки называются «самдади» (ꙗꙗꙗꙗ), т. е. то, что подарила «мдади».

*) Странно, что хлѣбъ считается всегда девятками; надо отправить непременно девятикратное число хлѣбовъ.

**) Женихъ прїѣзжаетъ (чаще приходитъ) къ вечеру.

***) „Катха“ (ꙗꙗꙗꙗ) — деревянная чашка, вмѣщающая отъ одной до 4-хъ бутылокъ.

«Самдади» получает подарок от жениха, смотря по состоянию послѣдняго и по тому, какое они сама принесла «самдади».

О родильницѣ *).

Прежде всего я долженъ сказать, что составить полный и подробный сводъ всѣмъ приемамъ и обычаямъ, употребляемымъ у рачинцевъ, во время беременности и родовъ, весьма трудно: за этими свѣдѣніями приходится обращаться къ сельскимъ бабкамъ, которыя довольно подозрительно относятся къ лицамъ, интересующимся ихъ специальностью: имъ и въ голову не можетъ прийти, что подробныя свѣдѣнія по этому вопросу составляютъ довольно цѣнный вкладъ въ науку.

Менструація наступаетъ у женщинъ чаще всего на 13 году, рѣдко позже 14-го; прекращаются онѣ обыкновенно на 50 году. Въ этомъ состояніи женщина не измѣняетъ ни образа жизни ни пищи и не отдѣляются отъ общенія съ другими членами семьи.

Случаи безплодія въ Рачѣ очень рѣдки. Бесплодіе женщины считается гнѣвомъ Божиимъ, наказаніемъ за какой-либо особенный грѣхъ.

Образъ жизни во время беременности ни въ чемъ рѣшительно не измѣняется; только относительно пищи этого сказать нельзя: обыкновенно женщины отказываются во время беременности то отъ той, то отъ другой пищи; существуетъ убѣжденіе, что та пища, которую женщина болѣе всего любитъ, становится ей наиболѣе противной въ теченіе беременности. Въ большинствѣ случаевъ роды протекаютъ легко. Обученныя повивальныя бабки приглашаются только въ исключительныхъ

*) Свѣдѣнія о родильницахъ собраны мною по вопросамъ, помѣщеннымъ въ брошюрѣ, изданной д-ромъ В. Е. Крузеништерномъ: „Программа собиранія свѣдѣній о менструаціи, беременности, родахъ, послѣродовомъ состояніи и объ уходѣ за новорожденными у различныхъ народовъ въ Закавказскомъ краѣ.“

случаяхъ, когда другого исхода уже нѣтъ, а принимаютъ обыкновенно сельскія доморощенныя бабви-старушки, которыя долгой практикой приобрѣтають нѣкоторый навыкъ въ своей профессіи. Нужно положительно удивляться физической крѣпости родильницъ, которыя, несмотря на переносимыя отъ этихъ бабокъ мученія, чрезъ недѣли двѣ встають совершенно здоровыми.

Приглашенію обученныхъ повивальницъ бабокъ, достаѣтъ сказать, мнѣнствъ, кромѣ главной причины—невѣжества, и то обстоятельство, что во всемъ Рачинскомъ уѣздѣ есть только одна повивальная бабка (правительственная), которая живетъ въ мѣст. Они. Не говоря уже о томъ, что одной бабки на весь уѣздъ не достаточно, нужно замѣтить, что приглашеніе ея за 20—30 верстъ, а зачастую и за 50 довольно чувствительно въ матеріальномъ отношеніи для челоуѣка даже средняго достатка, не то что бѣднаго.

Какъ только покажутся первые симптомы приближающихся родовъ, сейчасъ же приглашаютъ бабку; долго искать ея не приходится: въ каждой деревнѣ ихъ всегда имѣется двѣ-три, такъ какъ званіе это, не говоря о доходѣ, очень почетное; въ тому же ее предупреждаютъ за нѣсколько дней. Рожаетъ женщина въ отдѣльномъ помѣщеніи; родильницу укладываютъ посреди того помѣщенія, гдѣ она должна разрѣшиться, не на кровати, но на землѣ, устланной соломой. Существуетъ преданіе, что Богородица родила Спасителя на соломѣ, и поэтому самая лучшая постель, на которой легче можно разрѣшиться роженицѣ, это солома, покрытая какой-либо легкой матеріей. Какъ разъ надъ грудью родильницы виситъ перекинутая чрезъ перекладину веревка, за которую держатся роженицы; веревка эта—одно изъ средствъ для облегченія родовъ, такъ какъ роженица имѣетъ возможность, держась за нее, находиться во время усиленія потугъ въ полусидячемъ положеніи.

При родахъ присутствуютъ всѣ близкія родственницы и сосѣдки; мужчины, даже мужъ, присутствовать не могутъ,

Если же роды будут настолько затруднительны, что благоприятный исход их будет сомнителен, то въ такомъ случаѣ роженицу посѣщаютъ всѣ близкіе родственники и сосѣди.

Въ трудныхъ случаяхъ родовъ прибегаютъ къ слѣдующимъ средствамъ для ихъ облегченія. Такъ какъ роженица вообще, а при ненормальныхъ родахъ въ особенности, весьма слаба; то, по повѣрью народа, злой духъ, этотъ неуспынный врагъ чловѣва, весьма легко можетъ «овладѣть ею» (Зродукало) и въ такомъ случаѣ выздоровленіе ея сдѣлается болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Во избѣжаніе этого кладутъ подъ голову роженицы икону Божіей Матери: такъ какъ Богородица Сама сдѣлалась Матерью Спасителя, то одна Она можетъ приостановить страданія родильницы, прийти на помощь страдающей женщины и облегчить ея мученія. На этомъ же основаніи при затруднительныхъ родахъ посылаютъ нѣсколько свѣчей и денегъ (обыкновенно рубль сер.) въ жертву Божіей Матери, въ церковь, построенную во имя Ея, какъ бы далеко эта церковь ни была отъ дома родильницы. Съ тою же цѣлью, т. е. чтобы предохранить роженицу отъ злого духа, кладутъ подъ ея голову, рядомъ съ иконой, кинжалъ, такъ какъ, по понятію народа, это единственное оружіе, какъ обоюдоострое, котораго боится нечистая сила.

Сейчасъ послѣ разрѣшенія родильницу купаютъ въ теплой водѣ. Обычай этотъ часто дѣлается причиной серьезной болѣзни родильницы, а иногда имѣетъ и смертельный исходъ, такъ какъ ни самыя ванны, или вѣрнѣе лотки, въ которыхъ купаютъ родильницу, ни помещеніе, гдѣ ее купаютъ, не приспособлены къ этой цѣли, а простуды трудно избѣгнуть.

Родильница встаетъ съ постели обыкновенно чрезъ мѣсяць; это въ семьяхъ дворянскихъ; у крестьянъ же женщины лежатъ послѣ разрѣшенія рѣдко долѣе недѣли. Такая разница въ отдыхѣ, которымъ пользуются дворянскія и крестьянскія женщины, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ

дворянскихъ семьяхъ обязанность хозяйки состоитъ только въ томъ, чтобы она смотрѣла за домомъ: держать все въ чистотѣ и порядкѣ, въ свое время готовить обѣдъ и ужинъ, шить платье и т. д.; а у крестьянъ (особенно въ верхней Рачѣ) женщина работаетъ наравнѣ съ мужчиной, исполняетъ черную, полевую работу. При такихъ условіяхъ, рабочія руки для крестьянъ весьма дороги.

Новорожденному навлаживаютъ пупочный бинтъ и продолжаютъ бинтовать пупокъ до тѣхъ поръ, пока онъ не упадетъ. Отпавшій пупокъ сохраняется матерью и вотъ съ какою цѣлю: есть въ народѣ повѣрье, что если этотъ пупокъ бросить въ сторону чужака, то и ребенокъ выйдетъ чужимъ; если бросить въ сторону богатаго, и ребенокъ выйдетъ богатымъ и т. д. Благодаря такому повѣрью, мать и сохраняетъ пупокъ своего ребенка до тѣхъ поръ, пока она не встрѣтитъ такого чужака, какимъ бы она желала быть своему ребенку. Въ его сторону и бросаетъ она пупокъ, конечно, незамѣтно для него.

Здѣсь уместно будетъ упомянуть еще объ одномъ суевѣрномъ обычаѣ, который почти всегда соблюдается въ Рачѣ. Обыкновенно къ концу второго мѣсяца мать отрѣзываетъ у ребенка пучокъ волосъ и сохраняетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не начнетъ достаточно правильно лепетать; тогда мать показываетъ ребенку этотъ пучокъ и спрашиваетъ, чьи эти волосы. Ребенокъ конечно, показываетъ или самого себя, или какое-либо животное. По этому отвѣту и судятъ, насколько счастливъ онъ будетъ въ жизни. Если онъ угадаетъ правильно и скажетъ, что это его волосы, то, значитъ, онъ будетъ вполнѣ наслаждаться счастьемъ; въ противномъ случаѣ, по повѣрью народа, ребенку предстоитъ постоянно бороться въ жизни со многими препятствіями.

Остается сказать нѣсколько словъ относительно пеленанія младенцевъ, устройства колыбели и кормленія грудью.

Мѣстная (обыкновенная грузинская) колыбель какъ бы нарочно устроена такъ, чтобы лишить ребенка всякой возможности двигать свободно членами тѣла: ребенокъ обтягивается ремнемъ по рукамъ и ногамъ настолько туго, что ни малѣйшаго движенія ими производить не можетъ.

Какъ только ребенокъ уложенъ въ колыбель, послѣднюю начинаютъ раскачивать, вслѣдствіе чего голова начинаетъ свободно двигаться изъ стороны въ сторону; очевидно, что голова отъ излишняго качанія сразу затуманивается, и ребенокъ невольно засыпаетъ. Сознавая, что отъ такого раскачиванія голова ребенка можетъ принять неправильное положеніе, мать и старается предупредить это зло, но средство для этого у нея не менѣе вредное: прежде чѣмъ ребенокъ уложенъ въ колыбель, обтягиваютъ ему голову ерѣшкою платкомъ. Если ребенокъ, начинающій уже кое-что понимать, не засыпаетъ, то его пугаютъ, что вотъ, молъ, идетъ волкъ, медвѣдь и т. д. Ребенку же, страдающему бессонницей, даютъ пить настоянку опиума (бѣзѣзѣ).

Въ такой обстановкѣ ребенокъ растетъ не меньше двухъ лѣтъ, и поэтому приходится удивляться, какъ это, по крайней мѣрѣ, $\frac{1}{4}$ населенія Рачи не выходитъ физически и умственно искалѣченной; между тѣмъ, рачинцы если не превосходятъ, то нисколько не уступаютъ своимъ единоплеменникамъ, особенно въ физическомъ развитіи.

Мать кормитъ ребенка грудью обыкновенно столько времени, сколько она имѣетъ возможности: нерѣдки случаи кормленія грудью въ теченіе пяти лѣтъ. Существуетъ въ народѣ повѣрье, что лучше всего кормить ребенка 3 года, 3 мѣсяца, 3 недѣли и 3 дня; многія матери и слѣдуютъ этому повѣрью. При отнятіи ребенка отъ груди употребляютъ довольно таки патріархальныя приемы: смазываютъ головки сосковъ углями или желчью и т. д. Къ искусственному вскармливанію прибѣгаютъ только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

„Гонджа“ (გონჯა).

Въ Рачѣ, которая и безъ того не отличается плодородіемъ почвы, весьма часто бываютъ неурожаи вслѣдствіе продолжительной засухи, которая становится еще болѣе чувствительною оттого, что во всей Рачѣ нѣтъ поливныхъ мѣстъ. Засуха—такое несчастье, противъ котораго человѣкъ не можетъ непосредственно бороться.

Чтобы умилостивить Бога и выпросить у него дождя, рачинцы прибѣгаютъ къ слѣдующему, весьма оригинальному обычаю: мальчикъ дѣтъ 10—15 снимаетъ съ себя все платье, кромѣ штановъ, намазываетъ все тѣло и лицо углемъ и беретъ въ руки длинную вѣтву колючекъ. Мальчикъ этотъ и называется «гонджа» *); послѣдній въ сопровожденіи нѣсколькихъ мальчиковъ, которые держатъ въ обѣихъ рукахъ длинныя и узкія, въ вершокъ шириною, доски изъ драни, обходитъ всю деревню.

Приходя къ кому-нибудь, «гонджа» начинаетъ танцовать, говоря громко: «Гонджа пришелъ, поводитъ глазами, Богъ дастъ дождь» (გონჯა მოდგა კარებს, ხსრიალებს ხეალებსა, როცასა როცასა, ღმერთი მოგცემს წვიმას).

Вслѣдъ за произнесеніемъ этихъ словъ его обливаютъ водою, дарятъ ему нѣсколько яицъ и курицу; если же ему курицы не подарятъ, тогда онъ самъ ловитъ ее своей колючкой.

Если «гонджа» встрѣтится съ другимъ «гонджой», то между ними непременно затѣвается драка; сильнѣйшая партія отбираетъ у слабѣйшей все, что послѣдняя успѣла собрать.

Если по обходѣ «гонджой» деревни въ непродолжительномъ времени выпадетъ дождь, то народъ увѣренъ, что виновникъ такого счастья «гонджа», если же дождя не выпадаетъ, то, по повѣрью народа, это прямой признакъ того, что Богъ хочетъ наказать народъ свой за грѣхи неурожаемъ. Обычай

*) „Гонджа“ (გონჯა, გონჯა) значитъ *уродъ*; по виду своему „гонджа“, дѣйствительно, напоминаетъ урода.

этотъ, глубоко укоренившійся въ народѣ, по моему мнѣнію, долженъ быть очень древній.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, преосвященный епископъ имеретинскій, Гавриилъ, обозрѣвая ввѣренную ему паству, встрѣтилъ въ одной изъ деревень Рачи «гонджу». Преосвященный былъ пораженъ такою процессіей и, когда узналъ объ ея назначеніи, то объяснилъ народу всю нелѣпность такого обычая, которымъ скорѣе можно разгнѣвать Бога, нежели умилоствовать.

Къ сожалѣнію, мѣстные священники весьма мало бесѣдуютъ съ народомъ о бесполезности этого и массы ему подобныхъ суевѣрныхъ обычаевъ, но надо полагать, что молодые священники, съ семинарскимъ образованіемъ, вытѣсняющіе постепенно старыхъ малообразованныхъ священниковъ, успѣютъ убѣдить народъ въ бесполезности подобныхъ обычаевъ, не приносящихъ народу ничего, кромѣ матеріальнаго вреда, часто очень чувствительнаго.

Молитва о животныхъ (საქმებლის ლოცვა).

Если одна или нѣсколько головъ скота не вернется вечеромъ съ пастбища домой, то хозяева, естественно, начинаютъ беспокоиться, не будетъ ли скотина съѣдена какимъ-нибудь звѣремъ, которыхъ, кстати сказать, въ Рачѣ повсемѣстно много.

Народъ увѣренъ, что звѣрь самъ рѣдко находитъ скотину, а приводитъ ее къ нему чортъ, который всегда старается вредить человѣку. Чтобы гарантировать себя отъ убыли скота, прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: связываютъ гребень, ножницы и стулъ поясомъ, который непремѣнно долженъ быть на одномъ изъ членовъ семьи на Пасху, во время хода вокругъ церкви. *)

*) Ножницы, очевидно суть символъ челюстей (вооше рта) звѣря, гребень—это зубы, стулъ самъ звѣрь; поясъ же, какъ бывшій на одномъ изъ членовъ семьи во время хода вокругъ церкви на пасхальной заутренѣ, имѣетъ по понятію народа, чудодѣйственную силу связывать ротъ звѣря.

ორელია, ორელია, სამი

Затѣмъ читается слѣдующая молитва: Орелиа, орелиа, *) трехъ
წლისა სამებისა! იოანე . . . მაღაღდადებს . . . მუუფისა კარსა;
лѣтъ Троица! Иоаннъ идетъ (въ блескѣ) у Божиихъ дверей;
მუუფო! ჩამოყარე ცხრა—კლიტულო, კლიტუსანი, გადაყარე ზღვაში,
Господи! сбрось девяти-замковый замокъ, брось въ море,
ნუ გაუშვებ . . . კვადში . . . ორ . . . ბანაღზედ ამოვიდა, დაფარა
не пуская по слѣдамъ. На, двухъ волосахъ взошло, покрыло
გრძელ . . . ყორესა, . . . რუსო და რუსო, . . . ქვევის, ასულა
длинную стѣну (каменную), русскій и русскій, мѣра дочь,
კლიტა მარხვე . . . კლიტა . . . რაო . . . გინდა? . . . კბილს დაკლიტავ
замокъ одолжи. Замокъ для чего хочешь? შუბს, замену
ნადირისა, ხელოა ეშპაკა. როგორც ეს . . . დეიკლიტოს და დაბეჭდოს,
ზვѣრა, რუკი დьявоლა, Какъ это будетъ замѣнуто и запечатано,
ისე დაკლიტე, ნადირის კბილი და ეშპაკის ხელი . . . ჩემს
такъ замени звѣря, зубы и дьявола руки по оношенію къ
საქონელზედ **).

моему скоту.

Народъ увѣренъ, что послѣ прочтенія этой молитвы и
вышеупомянутаго приѣма во время крестнаго хода, скотина вполне
безопасна, а если на другой день все же находятъ скотину
сѣдленною, то увѣрены, что запоздали связать стулъ, ножницы,
и гребень и прочесть молитву.

Мѣстные священники возстаютъ противъ этого обычая,
объясняютъ народу, что грѣшно читать подобную молитву, такъ
какъ отъ воли Всевѣдущаго зависитъ, сдѣлать или нѣтъ оста-

*) „Орелиа“—неизвѣстнаго значенія.

**) Всѣ молитвы переведены мною подстрочно, безъ всякаго измѣ-
ненія словорасположенія и самаго смысла текста. Въ настоящее время эти
молитвы представляютъ простой наборъ фразъ не только для насъ, но и
для самого народа, который ихъ употребляетъ: никто не могъ объяснить
мнѣ, хотя приблизительно, смысла, не только отдѣльныхъ словъ, нынѣ не-
употребительныхъ, но даже цѣлыхъ выраженій. Ясно, что молитвы эти весь-
ма древняго происхожденія, и нынѣ употребляются вполне бессознательно,
въ силу только обычая.

впуюся на ночь скотину достояніемъ звѣря, но народъ предпочитаетъ матеріальному вреду грѣхъ, который онъ въслѣдствіи старается выкупить постожь или чѣмъ-либо другимъ.

Крикъ совы.

Если недалеко отъ чьего-нибудь дома закричитъ сова, то, по повѣрью народа, это служитъ несомнѣннымъ предзнаменованіемъ того, что въ этомъ домѣ въ непродолжительномъ времени умретъ кто-либо изъ членовъ семьи. Если въ этомъ семействѣ есть больной, то начинаются приготовленія къ похоронамъ, въ полной увѣренности, что больной не выздоровѣетъ. Чтобы предотвратить такое несчастье, достаточно убить сову, но если она не сядетъ гдѣ-либо близко къ дому, или же если она кричитъ ночью и убить ее представляется невозможнымъ, тогда одинъ изъ членовъ этого дома выносить горящую головню и, бросая ее въ ту сторону, откуда былъ слышенъ крикъ вѣщуньи, говорятъ: «Теперь ступай, въ субботу приходи, тогда я дамъ соли.»

Когда въ слѣдующую субботу кто-нибудь изъ сосѣдей приходитъ просить соли, то отказать ему ни въ какомъ случаѣ нельзя: народъ увѣренъ, что, отдавъ хоть сколько-либо соли, семья спасаетъ жизнь того изъ ея членовъ, которому сова предсказала смерть.

А что за солью кто-нибудь непременно явится, и обязательно въ субботу, это не подлежитъ сомнѣнію. Съ перваго раза кажется страннымъ такое совпаденіе обстоятельствъ, но объяснить это легко: въ большинствѣ деревень Рачи дома расположены близко другъ къ другу, такъ что по сгущенности населенія онѣ напоминаютъ города; поэтому кто-либо изъ сосѣдей непременно услышитъ крикъ совы, и онъ считаетъ своимъ долгомъ явиться въ субботу за солью и тѣмъ спасти жизнь человѣка.

Впрочемъ надо замѣтить, что это послѣднее средство не гарантируетъ семья, избранной совою въ жертву, отъ несчастія: если не смерть кого-нибудь изъ его членовъ, то какое-либо другое несчастье непременно постигнетъ это семейство въ скоромъ будущемъ. На полную безопасность можно рассчитывать только въ томъ случаѣ, если сова убита.

Путешествіе.

Если рачинецъ отправляется въ далекое путешествіе, или же хоть и не далеко, но по важному дѣлу, то безъ «цин-дамхдури» онъ не переступитъ чрезъ порогъ дома. «Цин-дамхдури» въ прямомъ переводѣ на русскій языкъ значитъ «впереди встрѣчающій»; выбирается имъ кто-нибудь изъ домашнихъ, а именно тотъ, кто имѣетъ болѣе счастливую ногу.

Если путешественникъ чихнетъ только одинъ разъ, когда у него надѣта обувь только на одну ногу, то онъ ни въ какомъ случаѣ не отправится въ дорогу. Если же онъ чихнетъ тогда, когда онъ совсѣмъ обутъ, а особенно, если чихнетъ два раза подъ рядъ, то это служить прямымъ признакомъ того, что дѣло, по которому онъ ѣдетъ, увѣнчается успѣхомъ. Первый гостъ за закуской, безъ которой отправляться куда-нибудь нельзя, провозглашаетъ «цин-дамхдури», который, съ полнымъ стаканомъ вина въ рукѣ, молить Бога, чтобы онъ путешественнику даровалъ спутникомъ ангела, и помогъ ему во всемъ. Затѣмъ и остальные закусывающіе пьютъ за здоровье путешественника съ пожеланіемъ ему добраго пути.

Когда закуска кончена, встаютъ со стола отправляющійся въ путешествіе и «цин-дамхдури»; послѣдній становится у дверей и произноситъ: «Господи даруй такому-то счастливый путь», а затѣмъ произноситъ про себя слѣдующую молитву;

მოდგვარ, მივემზავრები, პირველნი დამეწერება

Иду (или ѣду), отправляюсь, крестное знаменіе со мною,

ცხრა წმიდით, ათი სატითა, თორმეტი ყოველად წმიდითა,
 (სъ) девятью святыми, десятью иконами, двѣнадцатю пресвятыми.
 ასამანიას მივილიდი, ვიტყუდი აღსარებასა, ეშპაკო ჩამომე-
 Въ «Асаманіа» *) ზხალ, გოვირღი ისოვზღი, დვავოლთ ათსანთ
 თხოვე, არა ვარ შენსა ნებასა, ჩვენ ქრისტესი ვართ,
 отъ меня, я (не есмь) въ твоей воли, мы Христу принадлежимъ;
 ქრისტეს ნეკით ვართ ჩამომეჭდილი. ნათლია მეავს
 Христа мизинцемъ запечатлѣны. Крестный отецъ бываетъ моимъ
 წინდამხედარი, ნათლილებასა. ღმერთო, შეგეჭდე პირი
 «цин-дамхдური», въ день Крещенія. Господи, запечатай уста
 ეშპაკის, ჩაგდე ზღვაში, ნუ ამოეშვებ გზაში.
 дьявола, брось (его) въ море, не выпускай его въ дорогу.

Отправляющійся въ путь выходитъ изъ дому; встаютъ и
 остальные члены семьи и выходятъ за нимъ, но никто изъ нихъ
 не имѣетъ права становиться предъ нимъ или предъ «цин-дам-
 хдური».

Если въ дорогѣ путешественникъ встрѣтитъ зайца, то это,
 по повѣрью народа, служить плохимъ признакомъ, и рачинецъ
 предпочитаетъ вернуться домой.

Странно, что такой глубоко-религіозный народъ, какъ ра-
 чинцы, считаютъ дурнымъ предзнаменованіемъ для путешествен-
 ника встрѣчу со священникомъ, особенно если онъ повстрѣ-
 чался первый. Въ этомъ послѣднемъ повѣрѣ, по моему мнѣ-
 нію, надо видѣть остатокъ язычества.

Дурной глазъ (ავი თვალი).

Рачинецъ глубоко убѣжденъ, что есть люди, взглядъ ко-
 торыхъ можетъ причинить вредъ человѣку, животнымъ и все-
 му, на что только они ни взглянуть.

Если дѣла рачинца идутъ плохо, вслѣдствіе, конечно, его
 нерадѣнія, или, по непонятной ему причинѣ; если съотъ постепен-

*) Что за мѣсто это „Асаманіа“, народъ теперь не знаетъ; но не
 пошло ли это названіе отъ „Геосманіи“? Л. Л.

но начинаетъ убывать, или же вообще часто происходить съ нимъ несчастные случаи, то виновать въ томъ дурной глазъ: значить, кто-либо изъ сосѣдей, обладающихъ дурнымъ взглядомъ, завидуетъ ему и старается всю силу своего дурного глаза употребить на то, чтобы подорвать его благосостояніе. Даже самые близкіе люди могутъ легко заподозрить другъ друга въ желаніи сглазить тотъ или другой предметъ.

А бываетъ и такъ, по повѣрью рачинцевъ, что иные обладаютъ дурнымъ глазомъ совершенно помимо ихъ воли: они бы и хотѣли, чтобы ихъ глаза производили хорошее дѣйствіе, но ничего не подѣлаешь. Богъ ужъ далъ такіе глаза, что нѣтъ спасенія для того предмета, на которомъ остановится ихъ взглядъ.

Кромѣ молитвъ, нѣтъ никакихъ средствъ, противодѣйствующихъ силѣ дурного глаза, но зато чудодѣйственная сила этихъ молитвъ, по понятію рачинца, не подлежитъ сомнѣнію *).

III

Космогоническія повѣрья.

Число населенныхъ міровъ.

Кромѣ нашего міра, по понятію рачинцевъ, существуетъ еще два такихъ же міра; одинъ изъ нихъ находится выше насъ, а другой ниже: верхній міръ помѣщается выше неба, а нижній находится точно также за другимъ небомъ, которое окружаетъ нашу землю снизу на такомъ же огромномъ разстояніи, какъ и видимое нами небо. По богатству природы нашъ и остальные два міра существенно отличаются другъ отъ друга: верхній міръ богатъ всѣмъ, что только необходимо для благополучія человѣка; благодаря такому богатству природы этого міра, население его живетъ въ полномъ довольствѣи и безмятежномъ счастіи, не неся почти и сотой части того труда, на которое обречены

*) Къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени, я не могъ собрать полнаго текста этихъ молитвъ.

мы; природа нижняго міра самая скудная, а наша земля занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто.

Земля наша представляетъ кругъ, такихъ огромныхъ размѣровъ, что изъ числа живущаго на немъ населенія ежегодно рождается 100 Микеловъ *). Окружность этого круга совпадаетъ съ основаніемъ небеснаго свода, но до того мѣста, гдѣ сходятся небо и земля, никто не можетъ проникнуть.

Небо, по понятію народа, твердое тѣло, на которомъ держатся всѣ небесныя свѣтила. Оно служитъ мѣстопребываніемъ Бога съ безчисленныхъ сонмищемъ ангеловъ; на немъ же находится рай и адъ.

Луна—свѣтящій кругъ, величиною съ обыкновенное гумно, т. е. сажени 4 въ діаметрѣ. Присутствіе видимыхъ на лунѣ пятенъ народъ объясняетъ такъ: когда евреи распяли Спасителя, то луна обратила къ нему лицо свое, и на ней (на лунѣ) запечатлѣлась кровь Божественнаго Мученика; эту кровь и видимъ мы теперь на лунѣ. Во время второго пришествія, по понятію рачинцевъ, луна должна засвидѣтельствовать крестныя страданія Христа.

Солнце—свѣтящійся кругъ, сажени 2 въ діаметрѣ.

Затменіе солнца и луны предвѣщаетъ смерть царя. При затменіи того и другого свѣтила стрѣляютъ изъ ружей; значеніе этого обычая народъ утерять.

Звѣзды—маленькіе свѣтящіеся круги. У всякаго человѣка есть своя звѣзда, слѣдовательно, звѣздъ столько, сколько людей на землѣ. Однѣ звѣзды счастливыя, другія несчастныя. Смотря по тому, подъ какою звѣздой родится человѣкъ, онъ и будетъ въ жизни счастливымъ или несчастнымъ. Паденіе звѣздъ рачинцы объясняютъ тѣмъ, что какъ только человѣкъ умираетъ, то въ тотъ же моментъ его звѣзда падаетъ съ неба.

*) Микела—имя (мужчины), очень рѣдко употребляемое. Народъ и разсчитываетъ, что разъ Микеловъ рождается 100, то сколько же должно родиться людей, носящихъ обыкновенное имя: Иванъ, Петръ и т. д.

Поэтому, видя падение звёзды, рачинец дѣлаетъ крестное знаменіе и говоритъ: «Боже, сохрани моихъ близкихъ!» (ღმერთო, დაიფარე ჩემიანი!)

Появление кометы порождаетъ различные толки: одни говорятъ, что въ скоромъ времени будетъ война, другіе—что настанетъ голодъ и т. д.

Радуга. Явленіе радуги народъ объясняетъ тѣмъ, что Богъ вывѣшиваетъ иногда на небѣ лоскутки различныхъ цвѣтовъ, соединеніе которыхъ и даетъ радугу. Смотри по тому, какой цвѣтъ преобладаетъ въ радугѣ, рачинцы опредѣляютъ, какая будетъ погода послѣ исчезновенія радуги: если въ ней преобладаетъ красный цвѣтъ, то погода прояснится, а если—синій, то будетъ ненастье. Если мужчинѣ удастся перепрыгнуть черезъ радугу, то онъ сдѣлается женщиной, и, наоборотъ: женщина, перепрыгнувшая черезъ радугу, становится мужчиной. Но, если бы даже была къ тому возможность, такого эксперимента никто не рѣшился бы произвести: по повѣрью народа, перепрыгнувшій черезъ радугу умираетъ или черезъ 3 дня, или черезъ 3 недѣли, или 3 мѣсяца, но ни въ какомъ случаѣ не будетъ жить долѣе 3-хъ лѣтъ.

Какъ только завидятъ радугу, дѣти начинаютъ кричать:

ცისარტყელა კპრაჭელა,
 Радуга разноцвѣтная,
 ჩემი კაპის ჩანაჭერა!
 моего платья лоскутокъ!
 ვისაც ჩემი ნიძლევი მარობდეს,
 кто мнѣ пари долженъ,
 ქახალი და ბელატი გაუჩინე!
 плѣшивымъ и лысымъ сдѣлай (его)!

Раскрытие неба. Въ Рачѣ сохранилось вѣрованіе, что иногда раскрывается небо на нѣсколько секундъ. Счастливецъ, замѣтившій это явленіе, получить все, чего только пожелаетъ онъ въ этотъ моментъ.

Звонъ на небо. Каждую ночь, по повѣрью рачинцевъ, когда запоютъ первые пѣтухи, слышенъ съ неба глухой колокольный звонъ. Услышать этотъ звонъ можетъ только человѣкъ святой жизни; грѣшныя люди не могутъ удостоиться этого счастья.

Учитель Горійскаго городского училища *Георгій Джанаридзе.*

АДЫГСКІЕ (ЧЕРКЕССКІЕ) ТЕТСТЫ.

А. Кабардинскіе тексты.

1. Отцовскіе друзья.

Зым - ханыз-гор см'ат; ханызир јі-земаннѣо
Одинъ ханъ старшій какой-то (когда-то) былъ; ханъ старшій его знаменитымъ
смснтѣм, шүшес коѵ, нѣху-лѣйкнѣо хевѣм
состоялъ когда, (на) набѣги отправляясь, (изъ) фамилій лучшихъ въ странѣ
јісхер јі-бусо сѣтѣс; јі'узке ѣыз хури смтн-
живущіе его товарищи были; потомучъ человекъ старшій ставши, пересталъ
сѣжым, јі-кор језым нѣхри-нѣх ѣн-цѣрнѣо хуѣс,
выѣзжать когда, его сынъ самого болѣе человекъ именитый сталъ,
былым кнѣо, былым јіто, шү-гупо шүшес ко-
богатство приносъ, богатство отдавалъ, верхомъ съ партией (на) набѣги от-
ме, кес кнѣо кѣнѣожо. Лоре сѣнто,
правлялся если, рабовъ приносъ (и) возвращался. Такимъ образомъ находясь,
ханым јі-кори нѣзері-цѣрном - тето, ханызрі, цнхум
хана сынъ такимъ же именитымъ оставался, ханъ старшій (и), съ людьми
кахемнѣезо јі-нѣсѣс смсо, ханызрым јі-
прекративъ всякія сношенія (въ) своей кунацкой сидѣ, хану старику въ его
гү Аллѣным кѣѣкрі, кѣкѣс: „Мн сыкор ссе
сердцѣ Богъ напомнивши, догадался (задумалъ): „Этотъ мой сынъ меня
нѣхри-нѣх цѣрнѣо нѣх ѣнриѣо хуѣс, былыми водо кѣѣотъ,
болѣе именитъ (и) болѣе вліятельнъ сталъ, богатства много находятъ,
водо јетнз; hao мн кѣкѣѣнѣокохем зым је-
(и) много дарить; но (изъ) этихъ пріѣзжающихъ людей (къ нему) никого изъ
хѣсѣѣокаѣм, ссе кѣзднзекѣуѣ, ѣейкнѣоѣхем јаснѣс.
нихъ я вижу не, со мною время проводившихъ, изъ фамилій хорошихъ состоявшихъ.
Мн кѣкѣѣнѣокохем караѣнѣ-мнѣо кѣсѣкнѣс.
Эти пріѣзжающіе люди къ нему (что) обманываютъ жестоко выйдеть (должно-быть).
Мнхер кѣзерн-пнѣыр касѣѣѣѣсѣри“, жіѣѣ, гупснсо
Они между собою вѣрны какъ, я желалъ бы узнать“, говоръ, думалъ,

кăѡтăр мирс: Ззы махо јі-корі демисо шу-
 (что) нашедшій это есть: Въ одинъ день его сынъ не бывши дома (и) на гра-
 шес ѡѡо, неѡѡ ѡмхѹхе јі-дес сымнѡо, сѹ-
 бежъ отправившись, (и) прочихъ людей (въ) его дворѣ тамъ не бывшихъ, на
 бѹм кăѡекрі, ззи пхедекез кыѹмѡи зернѡе-
 задній дворъ вышедши, одинъ деревянный чурбать длинный порядочно отыскать
 ѡтрі, сѡком коѡмѣѹарі ззи ѡмхѹ хуѹ-јі-ѹаде
 себя заставивши, въ бурку завернутый, (какъ) одинъ человекъ убитый его трупъ
 зѹѡѡпхѡ, мн-хуме гумисено, іһрі ѹаѡес језир
 внутрь завязанный, (такъ что) этого кромѣ не узнать, отнесши (въ) кунацкум самъ
 зѹѡесми јі-ѡѡмѹе сѡв сѹмѣежѡѡ. Јі-кор кăкозме,
 (гдѣ) живущій свою кровать подъ положилъ. Его сынъ возвращается когда,
 сепсѹхіз-неѹзѹм, јі-’асехер зѹтѹхме, јі-де зѹѡес
 слѣзаетъ съ коня когда, свои оружія снимаетъ когда, его отецъ, (гдѣ) живетъ,
 ѹаѡесѹм кăоѡе, зѹзѡѹнре сѹа-сѹтѡе, сѡемз јі-
 (въ) кунацкум приходитъ когда, нѣсколько постоятъ когда *), выходитъ у него
 хăзеті. Абы ходо кăсѹсѹѹеѡе: ѹм снѹкѡѡ, ссе зѹѡе
 обычай. Такъ примѣрно, войдетъ когда: человекъ я убилъ, мою старость подъ
 охѹрсѹз смхѹрі, губѹмм кѹхесѹкѡе, нобе жѹлем
 бездѣльникомъ я ставшій, гнѣвъ возымлю когда, сегодня изъ родной стороны
 демнѡкодекнз-хѹнокăмі; блаѡа зѹкăѡдзезеѡодни сѹ’аме јіжăі
 намъ не убѣжать вѣстѣ нельзя; близкіе, чтобы съ нами бѣжать, есть если, слажи
 сѡо, дѹкамнѡмхѹѡесѡ ѹадері зернѡѡѡпсѹкѹѡѹм
 скорѣе, пока еще никакой человекъ не знаетъ трупъ и, мною спрятанный тамъ
 тетѡ; деѹѡезежі ззи хекѹ дѹѡеѹѡз“, жăѡѡ.
 оставаясь; мы съ тобою отправимтесь, (въ) одинъ край мы переселимся“, говора.
 Хăннзѹм һар мурадо јі-сѡс тетѡ; јі-корі
 Ханъ старшій то желаніемъ своимъ сдѣлалъ, (на немъ) оставаясь; его сынъ
 касѹжѡѡ пѹзер сѹѡѡ, бѹнѹмир-јі-ѹѡѡ кесѹр-јі-
 возвратился, верховныхъ войско сопровождал (его), богатствами съ и плѣвниками
 пѹсо. Кăсѹдѹѡѡзѹм хăннко ѡѹеѹм јі-’асе зѹдѹхрі
 на крупахъ. Возвратился когда ханъ молодой, свое оружіе съ себя снявши,
 хăннзѹм јідеі кăкѹѡѡ, кăко зерн-хăбзем ходо. Хăнн-
 къ хану старому къ нему пришелъ, хаживая своему обыкновенно подобно. Ханъ

*) По обычаю младшій долженъ стоять предъ старшимъ.

зми мор како снѣваум јі-михабѣхе зми баш
старый его идущаго тамъ увидѣлъ когда, его безъ привычекъ (всикихъ) одну ланку
цнѣу јі нате јіріѣкурі, гупсисо смсо знѣуіѣѣс.
маленькую (подъ) свой лобъ подбивъ, вдумавши сѣдя тебѣ показался.

Мо ѣалер знѣауіре смтрі, кафекижно смхоідем: „миде зсе
этотъ книжа нѣсколко и постоявъ, уходитъ началъ когда: „сидя-то
караве“ жіарі јіріѣгазери кѣжрі'ано кѣверіѣпезѣхор
вернись“ сказаъ и заставилъ вернуться, сказаъ отъ себя приготовленія

каѣжрі'ам, ханнко цнѣум јіѣс-хурі нахъ блаѣфо,
тамъ сказаъ когда, ханъ молодой повѣривши и къ лучшему знавommeу су-
нахабмнхоіѣам, јідеі корі, смѣжрі'ам,
чему, побольше имъ пунимъ одаренному, къ нему поѣхавши, тамъ сказаъ когда,

зми-жу'ап кѣхохужѣакѣм: „бмннн кѣептѣме бм-
ннсколко носочувствовалъ не (горю хана): „богатство подарилъ ты есле, богат-
лим остнѣнн“ кѣжрі'ѣс мнѣуме. Падреі знѣхоуѣхері, хао
ствомъ тебѣ отплату“ сказаъ только. И друзья, въ котормъ ѣдѣлъ, то же

кѣхоуѣхѣс. Зи жмлем ханнком смѣо зндѣзевѣкоднѣманн,
самое отвѣтали. Свою родню (съ) ханомъ вмѣстѣ, чтобы намъ потерять,
блаѣо јѣм каземнко; кѣзезері јідеі кѣ-
знавommeхъ ннѣющнхся у него не оказывается; возвращается въ свой домъ и при-

коарі јі-дем смѣжрі'ам: „Снп уане-теѣѣе“ жіарі
ходитъ къ своему отцу (в) сказаъ когда: „Моего коня осѣдлай“ сказаъ
тернѣѣхері, јі-коре језуре, неѣоѣ бусе јімнѣо,
и заставилъ осѣдять коня, съ снномъ самъ, другого провожатымъ не дѣлал,

жеснн декрі, јіпоу ханнзмн см-земаннѣо-снто, земаннм
ночью вмѣхавши, прежде ханъ старый (когда) былъ знаменить, время
ј-бусе ѣмнѣѣѣ тнсмѣзо зми Тамбіеко го-
къ товарищу старнѣу хорошему проводящему въ покоѣ одному Тамбіеву ка-

рнм јідеі днѣарі, смгем, цнхѣ кмѣѣкрі јіраѣблаѣері;
кому-то на домъ заѣхавши, позвалъ когда, человекъ выходить и принимать;
ханнкозмр хао кмсм еѣннм корі зми ѣѣѣс, ѣѣѣ ѣмнн-
ханъ старый это оказывается когда, пойдя одну кунацкую, сплщему старнѣу

ѣнн смжнраѣам, гуѣоре кѣсрі, 'апѣ зерпешкрі, зѣ-
хоромеу тамъ сказади когда, радуясь преда, другъ друга обнявши, за-

төпсүмүзүс. Жуке зүпнү сити сәһүхүм, Тамбийкор кә-
палаһи. Потомъ плакать я т. под. тамъ кончили когда, Тамбиевъ саро-

'уңсәс ханымым: „Сит кәхуяр, зү'ушан, һүзеритнсәре
силъ у хана старика: „Что случилось, ситәһһий, ты покою предался ужъ

һодсәти! сит һүигү кәһизәр? ситсә һүкәзә?“ жиәри.
даһи! — что въ твоёмъ сердцѣ вспомнилось? почему ты отправился?“ сказаь.

Ханымым сәло сүвур пәсәо сүвү миһүме,
Хана старого ишоша сопровождающій стремлянный сопровождает не ишәе,

ји-коо јисәхеркәм.
за (его) сына зһәлъ һовсә һе.

Тамбир сә'уңсүм, ханымр кәпсәһери жиәс миһас,
Тамбиевъ спросилъ когда, ханъ старий заговоривши сказаь воть что,

ји-корі зерһсәнто: „Иһи! јигі сә сн зһсә охүрсив сүхүри,
его сынъ стол же: „Да! теһеръ я свою старость подъ несчастный ставши,

тубзһем кәхесһикә, сәури һм снһүкәс, һмо снһүәри
раздраженія һәберу я когда, я ударивши челоһәа убиь, челоһәа убитого

сәһркәм, зәкоһһспхери сәпсәсүжәси, дһкамһһһху, хәвур дәмһб-
я зһәлъ һе, я сһазавъ я сһратәлъ, һока һе увәһи, роднну һе оста-

һһне һуһокаһи: хәвум зһкһзһдһзәкодһмәз, жһсәри, снкәсәкүәр
вһт һельзә: һзъ роднни вһсәтә со мһою бһги, сһазавъ, һрһкәһһһ

раси, сәхо, снмһзәгуво, жу'ап кәзәт“, снжһәм: „Аһһә,
за тһмъ, скорһе, мена һе задерживәә, отһәтә даһ“, сһазавъ когда: „Конечһо,

аһһә, снһнебдһкодһһһн, һобе жһп'әми, снһзһмрә,
конечһо, я вһсәтә сь тобою брошу роднну, сегодһә сһажешь тн еслн, я готовъ,

зһн сн фһзһз зәзәкәснһһси снһзәс“, кәжһриәс Там-
одну свою жәну старую я һосажу һа круһъ лошадә, я отправлһсә“, сһазавъ Там-

биһком. Тамбиһко кәзһоһом, кәзәрһсүгузһм һодо кәснсә-
бһзә. Тамбиевъ, кь которому һрһхәлъ, һакнһтә һәдһһсә, тәкнһтә оһазәһсә

кнм, ји-гуәпә һүри, дәкһзәри Кундәтһко ји-һнзәзәуәм
когда, һнзъ довольһһй ставши, вһфхавши (кь) Куднһетову своему другу сүщәму

јдеи снһком һодо кәхәпәсәһмфәс. „Һүиһод, снһһодс; „зәе,
его доһъ һрһхәлъ когда, мһогу бһлъ ему радъ. „Твоә гнбәлъ, мһо гнбәлъ; „һу,

кәзә!“ снжһбәм, сн фһзһз зәзәкәснһһси снкә-
отправлһсә!“ сһазавъ тн когда, свою жәну старуху һосажу һа круһъ коһә (һ) я

зѣнѣ“, жiārī; Кундетикорі, зернсмугуām ходо кiснѣсѣмм,
 поѣду“, сказавши; Куденетовъ, какимъ надѣялся, такимъ оказался когда,
 гупешко смѣхурі, пiлѣ хуіѣрi кiдѣмiрi Анзорнко ji-
 довольный очень сдѣлавшись, время назначаетъ и уважаетъ къ Авзорову своему
 нибзѣгуз, тiснжiām, jдѣи смiком,
 товарищу старому, который подѣ старость отдыхалъ, въ его домъ прiхалъ когда,
 надрекем нахри-нах кiкiоѣфiре, жiг'ано, зикiхусири,
 другихъ больше любезно, можно тебѣ подумать, себя сдѣлаши,
 мир кiжмириас: „Знущен, нуікоднiере сiбоднiес, нуіѣлѣ-
 это сказалъ: „Сiятельный, ты гибнешь гдѣ, (и) я гибну тамъ; ты умираешь
 ре, сiѣлѣс, хекум нусмииснiжкѣ, серiснсмiжнiкiām,
 гдѣ, (и) я умру тамъ, на роднiѣ ты не живешь когда, (и) я стану жить не,
 нуадѣком, сннiбдѣионс; нуснiѣем зиснзѣѣенс;
 ты идущій куда, (и) я съ тобою туда прiду; ты гдѣ умирающій, (и) я тамъ умру;
 пiлѣ кiсхoѣ: сi фнзмz зезѣѣеснiсi снiноѣлѣнo
 время назначъ: свою жену старуху посажу на врупъ коня (и) прiду къ тебѣ
 пiлѣ кiсхoѣфiām“. Анзорнком жiār смiзехехiм гуа-
 во времени мнѣ товар назначенному“. Авзорову сказавшій, слышавшій до-
 пешко смѣхурі пiлѣ Тамбiре, Кундетнiре: „фнкiкiуѣ“
 вольный очень сдѣлавшись, время Тамбiеву и, Куденетову и: „прiзжайте“
 жнхуі'ар jихуіѣрi, кiнiри мувви'або jдѣи кiкiоѣс, нехусн-
 сказавшее назначивши, уважаетъ и безъ остановки домой вернуся, къ разсѣ-
 ром кiснжo назнiжеснiм jiлѣмiнсiи hазуiмр кiвѣфi-
 ту уснiѣ прiхалъ въ эту одну ночь (и) свою старость подѣ это все сдѣла-
 ѣкiри. Ханикоамр кiкiоарi jиуне. jисоре, jиннбзѣхем
 ш. Ханъ старнiй вернувшись, въ своемъ домѣ жила, его друзьямъ-сверстникамъ
 jи-хуіѣ пiлѣер кiснсмi, нибзѣгузиснiми, jи-фнмiзхер
 сдѣланный срокъ наступилъ когда, друга старне три, своихъ жѣтъ старухъ
 jи-кѣсо jи-нго, кiсiс. Тамбiикорі, Кундетикорі, Анзорнкорі
 на врупяхъ держа, дрiѣхали. Тамбiевъ и Куденетовъ и Авзоровъ
 jи-фнмiхерi jи-кѣсо снннiсхем, фнзхер нувем
 со своими женами на врупяхъ лошадей прiхали когда, женщинами въ женскую поло-
 кiкiуiхес, жемiнiзхер наѣснiм кiкiуiхес. Махом смсхерi,
 вину пошли, (а) сами старнiи въ вупацкую пошли. День посидѣвши,

жес снхум љнзхем: „Ии, змусчен, димнгуво дезен
ночь стала когда, старик: „Да! снательный, не задерживаясь отправиться
хоиц; љм бнукѧо бреспѣжѧри, кацѣ кеднѣжауѣ зм-
надобно; человекѧ, тобою убитаго ты спрятавшѧй, достань (и) покажи намѣ, кто

снс: димниѣо канникѧм, мнхекум снсме“, снжаѧм:
родомъ есть: не узнавши останется не, въ этомъ краѣ живетъ если“, сказали когда:
„Хунс, жмжекѧм ми сѣољнѣсаѣм ѣако ѡцншнѣѧо снѣсѣ:
„Хорошо, далеко не тутъ моей кроватью подѣ, въ буркѣ завернутѧй, лежить:

каѣфхи фешѣ!“ жѧѣс. Ханнкозим: „каѣфх“ снжѧм,
достаньте (и) посмотрите!“ сказалъ. Ханъ старѧй: „достаньте“ сказалъ когда,
ѣако зекѡцншнѣр ѡљнѣсаѣм ѣеабеѣри каѣахри; снзко-
буркою обмотаннаго кровати изъ подѣ любопытствуяуть и достантъ; развер-

ѣѧхнм, пхѣдеказ каѡцнѣкѣитѣ: љнзнсми јѣгуѧо - хуѧѣ
нули когда, чурбанъ завернутѧй оказывается: старика три обидѣлись (и)

јѣки жѧѣс: „Змусчен, нунѣсче петануз нхукѧ: љм
зѧѣмъ сказали: „Снательный, старость подѣ сумасшедшѧй ты сталъ: человекѧ

сннукѣс, жнп'а снсче дикабрещѧ“. Јѣтѧни ханнзир
я убилъ, сказалъ ты, зѧѣмъ насъ ты обманулъ“. Потомъ ханъ старѧй

гуннѧри нар жѧѣс: „љм сннукѧр нхѣдеказ хуѧме,
подпугивъ это сказалъ: „Человекѣ, котораго я убилъ, чурбаномъ сталъ если,

снсче фимндере“, жѧѣри, „Нунѣнаѣо знѣсебехон, љм-ндер
отчего вы не хотите“, сказалъ; „Твоей родъ тебѣ увеличится, человекѧ трупъ

пхѣдеказ мнхунме?“ жѧѣри, мо љм зеннѣѣѣзнсми
чурбаномъ не сдѣлается если?“ сказалъ, эти люди сверстниковъ старѧихъ трое

знходе јѣѣейкѣе јѣ-снѣе снмнѧзм, јѣдѧкѧм.
подобно (хонѣ) и своимъ родомъ (и) своей личностью не было если, согласились не.

Јуѣе ханнзир кансалѣри ми псеѣе заунр жѧѣс: „Ае-
Потомъ ханъ старѧй заговоривъ эти слова нѣсколько сказалъ: „Вогъ

нмн сѣ знснѣ оѣурсмѣ сѣмнѣ, љнѣ сѣ-
момъ старость подѣ несчастнымъ меня пусть не сдѣлаетъ, человекѧ пусть

мнѣнукъ, петанузѣ сѣмнѣ, љнѣ сннунѧ-
меня не заставитъ убить, сумасшедшимъ меня пусть не сдѣлаетъ, человекѧ я убилъ

кѧм, петанузѣ сѣхуѧкѧм, науо фнкѣзедеѣ, ми се сѣѧ
не, сумасшедшимъ я сдѣлался не, только вы выслушайте, что я сдѣлалъ,

псouri kăзехесхār, вжес'анс“, жиари кăхозери мыр кăжеріас:
все отлуда взалосъ, вамъ я разскажу“, сказавъ, начинаетъ и это разсказаль:

„Мы нобе ѡандере сѣтир фѣмхуре?“ жиас.
„Съ тѣхъ поръ какъ этотъ день окончился, стоящаго вы знаете ли?“ сказаль.

„Дѣмхуркām жиі тѣвурѣкām“, сѣжа'ам: „Жиіте ссе сѣко
„Мы знаетъ не и мы видѣли не“, сказали когда: „Такъ моего моего сына
ссе свѣхри нѣх ѣернѣо нѣх ѣернѣо хуām жи-хмбар зехфхѣ?“
меня меня больше знаменитамъ ставшаго его молву вы слышали?“

жиас. „Зехетхѣс“ сѣжаам: „Жиіте хазм хмбар зехефх:
сказаль. „Слышали“ сказали когда: „Такъ того самого молву вы слышите
сѣко ѣернѣор мм ѣеритир рѣс; мм
мой сынъ именитый это прислоненный (у стѣны) себѣ ставъ; съ тѣхъ поръ

сѣзернѣтсѣз ѡандере сѣкор мардо жиім'аў
какъ я отдѣхам, переставъ (выѣзжать на добычи), мой сынъ очень безъ мѣры

ѣнхумі жиіпѣс, бѣлѣмм кодо кѣбот, псѣмѣри хабѣ ходес.
съ людьми водется, богатства много находятъ, невольниковъ тоже похожее.

Кѣботѣмм, ходѣзм бѣаѣемре нѣбзевуре жиіоѣвѣодѣзо
Находятъ сколько, столько же для знакомыхъ и друзей траещаго

сѣаў зехесхў сѣсѣсо, Алѣмм сѣгў кѣвекри кѣкѣс.
я вижу (и) слышу я сѣда, Богъ (въ) моемъ сердцѣ напомнилъ когда, задумаль.

Жи, Реббі! мм сѣком, ссе кѣкѣлѣнѣо Там-
О, Воже! что къ моему сыну, меня меня навѣщаютъ между тѣмъ какъ, изъ Там-

бѣжм жиісѣі, Кундетѣмм жиісѣі, Анзоурѣмм жиісѣі, зѣм
бѣвѣнхъ удѣла, Куднѣтовнѣхъ удѣла, Анзоровнѣхъ удѣла, (ни) одного (къ нему)

кѣкѣлѣнѣо заў-уји дѣко, бѣлѣмм жи-ѣоў сѣ-
прѣзжающаго въ походъ съ нимъ отправляющагося, богатство уносящаго я

ммѣаѣуре“, жиіаоре, ха ѣѣцкѣс кебердеі жѣлер
не вижу почему“, я говоря, этихъ родовъ трехъ—кабардинское общество—(изъ)

зео ссе кѣзбѣдетām фсѣсо зѣм зернѣбѣдемѣтир
сообца со мною находившихся, изъ вашей среды (ни) одного не находившагося

сѣсѣнхум, мм дѣбѣае жааў жиі кѣбѣ-
уваль когда, (между тѣмъ какъ) эти наши знакомые, говоря, теперь нахо-

детхем, сѣкор кѣзрараѣѣер језвѣдено зѣбзәнеѣе
дѣтсѣ, (то) моего сына обманывающихъ чтобы я сообщилъ, я, нѣкоторое время

смгупѣнсоре кѣзгупѣсѣ 'охъ тѣбзѣс. Сікор шүшес
 я думая, придуманное дѣло для васъ знаю. Мой сынъ на грабежи
 корі жылем ѣмѣо кѣдезари, сідеі кѣсѣѣем: „ѣи
 отпраившись, въ общество вмѣстѣ вернувшись, ко мнѣ зашелъ когда: „человѣка
 смхубѣсі, хекум дмннѣмъ хунокѣм, дикамыѣо, бѣзе
 я убилъ, родину не оставитъ нельзя, такъ чтобы не узнали, знакомыхъ
 хекум нндікоднѣмънн нун'аме, жіжеі думнѣегуво дефе-
 изъ родины съ нами бѣжать ты имѣешь если, ступай мы не медля, отправим-
 зезж!“ смжис'аам, сікор корі насѣдет дндем-нѣхъ бѣзе-
 тесь!“ сказалъ я когда, мой сынъ, поѣхавши тотчасъ (къ) самымъ знакомымъ
 ѣо зыснгузхем, жіжріѣ-ѣеѣе, дде кѣдѣмѣо жылем
 лучшимъ, на которыхъ надѣялся, сказалъ хотя, съ нами вмѣстѣ, изъ родины
 нндмхеѣнн блязоу јѣм сахемнѣуатем, смнеспесрі сі-
 съ нами уйти, знакомыхъ имѣющихся не нашелъ когда, я сѣвши верхомъ съ
 корі сері фндеі смнеѣуѣті, жылем знкѣздывѣ-
 своимъ сыномъ къ вамъ я пріѣхалъ было, изъ родины со мною вамъ вмѣстѣ
 ѣодыѣнн; фнкѣсхокуѣсі, беретъ берсін, сіпсер фі-
 вамъ убѣжать чтобы; вы ко мнѣ пріѣхали, очень благодаренъ, моя душа вамъ
 курмен; сікомі аде нмѣзевузнр верннѣхнѣмр језзѣѣс,
 жертва; своему сыну отцовскіе друзья старше что лучше я дальъ знать,
 фѣрі фіһуне фікуі фнѣнсмѣж “ жіѣрі, шнн уане
 и вы (въ) ваши дома вы поѣжайте вы и сидите въ покоѣхъ“ сказалъ я, лошадь осѣд-
 зетель змызі, ѣмф'асі, 'асі карітрі кіўтнѣнжѣс.
 ланую по одной, одѣяніе и доспѣхи (оружіе) подаривши, ихъ отпустилъ.
 Фнѣмз, ѣесоу кнздаѣахер, гу-зыріз ріѣетнѣшері
 Старухъ, на групахъ привезли которыхъ, въ арбы по одной посадивши,
 јі-ѣе жіз смѣнн жікуісмрі, һуне'ут зырызі
 (на) ихъ полное тѣло (по) одной одеждѣ для нихъ сдѣлавши, рабнцъ по одной
 жірітрі, жіріѣешѣѣхѣс ѣез жідеі. Ханмзрі зерыснтѣм
 подаривши, отпраивлъ на лошади каждую домой. Ханъ старнй, было какъ
 ходо тнскѣѣс. Ханько цыкурі јідем жіблѣзе смтѣ
 подобно, сѣлъ снова. Ханъ молодой, его отца его знакомые, были которые
 Тамбіікохем, Кундетнкохем, Анзорнкохем јіснѣ ' жі-
 изъ Тамбіевыхъ, Буденетовыхъ, Анзоровыхъ, своими особыми своими

благеу псоуо тѣзо кѣнмаѣс, блеге тѣрепѣцѣз-
 знакомми имѣя, живя, блаженствуя, вмѣстѣ остался, знакомыхъ прой-
 хем кабернхужрі.
 дохъ оставивши.

Переводъ.

Жилъ-былъ старый ханъ. Въ дни своей молодости и славы онъ выѣзжалъ на добычу въ сопровожденіи лицъ изъ лучшихъ и знатныхъ фамилій страны. Когда прошла молодость, онъ предался покою и уже не выѣзжалъ больше на добычу; его замѣнилъ сынъ. Молодой ханъ сталъ вскорѣ пользоваться большей славой, нежели отецъ: много всякаго добра онъ приносилъ съ собою, много приводилъ плѣнниковъ, отправляясь на грабежи; но все это онъ раздавалъ своимъ друзьямъ. Такимъ образомъ слава молодого хана все росла и росла, между тѣмъ какъ старикъ-отецъ, прекративъ съ людьми всякія сношенія, заперся на своей половинѣ дома и жилъ тамъ въ одиночествѣ. Однажды, закралось въ его голову сомнѣніе: „Сынъ мой сдѣлался знаменитѣе меня; онъ приноситъ съ собою много всякаго добра, но и много даритъ своимъ друзьямъ; однако, среди нихъ я не вижу ни одного изъ тѣхъ славныхъ фамилій, съ которыми я вѣкъ свой прожилъ. Тѣ, которые его окружаютъ, навѣрное ему льстятъ и безсовѣстно его обманываютъ. Ахъ, если бы мнѣ удалось узнать какъ-нибудь, вѣрны ли они ему и почему они безотлучно при немъ?“ Съ этою цѣлью онъ придумалъ слѣдующее средство: въ одинъ день, когда сынъ его отиравился на грабежъ, а дома было мало народу, онъ вышелъ на дворъ и, найдя тамъ бревно, длиною въ ростъ человѣка, втащилъ въ свою комнату, завернулъ въ бурку, какъ будто бы это трупъ человѣка, и засунулъ подъ кровать, стоявшую въ комнатѣ. Молодой ханъ имѣлъ обыкновеніе, по возвращеніи домой, безъ оружія являться сперва къ отцу; бывало юноша постойтъ немного предъ старикомъ, какъ бы

въ ожиданіи приказаній, а потомъ уже уходитъ на свою половину. Хану показался этотъ моментъ самымъ подходящимъ: когда сынъ, возвратившись домой, явится къ нему, онъ ему скажетъ слѣдующее: „Подъ старость я сдѣлался несчастнымъ: въ пылу гнѣва сегодня убилъ человѣка. Приходится покидать страну и бѣжать на чужбину; но намъ однимъ этого нельзя сдѣлать: проси своихъ друзей, если ихъ имѣешь, чтобы они вмѣстѣ съ нами оставили родину и бѣжали на чужбину; но только скорѣе, пока еще не узнали объ убійствѣ и трупъ не найдены; еще успѣемъ скрыться въ какой-нибудь странѣ“.

Такъ и случилось: возвратился его сынъ съ награбленнымъ добромъ и плѣнниками. Молодой ханъ, по привычкѣ, снявъ оружіе, пришелъ къ старому хану, своему отцу. Когда старикъ увидѣлъ, что сынъ его идетъ, то онъ облокотился на палку и сдѣлалъ видъ, какъ будто думаетъ тяжкую думу. Молодой человѣкъ постоялъ нѣкоторое время и уже собирался уйти: „погоди, вернись сюда!“ сказалъ старикъ. Юноша вернулся; тогда онъ ему рассказалъ то, что имъ было заранѣе придумано. Повѣривъ словамъ отца, молодой ханъ отправился къ лучшимъ своимъ друзьямъ, облагодѣтельствованнымъ имъ много разъ, надѣясь, что они не измѣнятъ дружбѣ и съ нимъ вмѣстѣ покинутъ свою страну; но, увы! друзья холодно отнеслись къ его горю и сказали: „Ты намъ дѣлалъ подарки: мы можемъ отблагодарить тебя тѣмъ же самымъ!“ И всѣ они оказались невѣрными друзьями. Не найдя въ числѣ друзей ни одного, который покинулъ бы вмѣстѣ съ нимъ страну, онъ вернулся домой и сообщилъ отцу о неудачѣ. „Осѣдай моего воня!“ сказалъ старикъ. Когда вонъ былъ осѣданъ, то старикъ-ханъ поѣхалъ ночью съ сыномъ безъ другихъ провожатыхъ къ уважаемому старцу Тамбіеву, доживавшему свои старческіе дни на покой; онъ былъ другъ стараго хана, и они провели золотое время юности вмѣстѣ, неразлучно. Заѣхали они къ Тамбіеву и позвали людей. Люди вышли изъ

дому на ихъ зовъ и пригласили пріѣзжихъ въ бунацкую. Домашніе узнали стараго хана и сейчасъ же дали знать объ этомъ почтенному старику, спавшему на своей половинѣ. Радостно поспѣшилъ Тамбіевъ навстрѣчу: старики обнялись и стали плакать. Потомъ, когда всё успокоились, Тамбіевъ спросилъ у стараго хана: „Что такое случилось, змусѣнъ; да, вѣдь, много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты предался покою! Что взбрело тебѣ на умъ? Зачѣмъ ты выгѣхалъ на старости лѣтъ?“ Молодого человѣка, сопровождавшаго хана, всё приняли за стремяннаго, и никто не предполагалъ, что это молодой ханъ—сынъ старика.

На вопросъ Тамбіева старый ханъ, въ присутствіи своего сына, вотъ что отвѣтилъ: „Я подъ старость сталъ несчастнымъ: въ пылу гнѣва убилъ человѣка; кого я убилъ, не знаю, но только трупъ я завернулъ въ бурку и спряталъ. Пока еще не узнали объ убійствѣ, слѣдуетъ бѣжать на чужбину; но одному бѣжать нельзя; я хочу, чтобы и ты бѣжалъ вмѣстѣ со мною—вотъ зачѣмъ я пріѣхалъ!“ сказалъ ханъ. Тамбіевъ на это изъявилъ полную свою готовность. „Конечно“, сказалъ онъ: „съ тобою покину родину; я готовъ бѣжать во всякую минуту, даже сегодня, если тебѣ это будетъ угодно: посажу старуху-жену сзади себя на коня и поѣду!“ Найдя въ Тамбіевѣ того, кого искалъ, довольный ханъ отправился въ Куденетову, который точно также отълинулся на горе хана и радостно сказалъ: „Твоя погибель—моя погибель! Когда прикажешь, сейчасъ же посажу свою старуху-жену сзади себя на коня и поѣду съ тобою!“ Назначивъ срокъ Куденетову, ханъ поѣхалъ въ другу своему, старику Анворову. Тотъ его принималъ, повидимому, еще съ большимъ радушіемъ, чѣмъ первые два и сказалъ хану: „Змусѣнъ, гдѣ ты погибнешь, тамъ и я сложу свою голову; гдѣ твоя смерть, тамъ и моя смерть! Если ты не будешь жить на родинѣ, то и я не буду! Куда ты пойдешь, туда и я пойду съ тобою! Если тебя не станетъ,

то и я не останусь въ живыхъ, и самъ причиною себѣ смерть! Итакъ, назначь время, и я возьму свою старуху на коня и приѣду въ срокъ!" Ханъ назначилъ ему тотъ же срокъ, который былъ назначенъ Тамбіеву и Куденетову. Старый ханъ, несмотря на преклонность своихъ лѣтъ, все это объѣхалъ въ теченіе ночи и къ разсвѣту уже былъ дома. Сидитъ ханъ дома въ ожиданіи своихъ друзей; они приѣхали, со своими женами на коняхъ, въ назначенному времени; приѣхавши, они сами пошли въ бунацкую къ хану, а ихъ жены на женскую половину. Старики переждали этотъ день, а когда наступилъ вечеръ, они сказали: „Ну, змущенъ, теперь нечего мѣшкать: нужно бѣжать! Достань трупъ убитаго человѣка и покажи намъ: навѣрное узнаемъ, кто онъ таковъ, если только онъ житель этой страны!" — „Хорошо, трупъ не далеко: вотъ, подъ моей кроватью, онъ лежитъ завернутый въ бурѣй; достаньте и посмотрите!" сказалъ ханъ. Старики вытащили изъ-подъ кровати обернутый въ бурѣю трупъ и когда развернули, то вмѣсто человѣческаго трупа оказалось бревно! Всѣ три старика обидѣлись и сказали: „Змущенъ, что—подъ старость ты съ ума спятилъ? Зачѣмъ ты насъ обманулъ, говоря, что убилъ человѣка?" После этого ханъ сказалъ шутивнымъ тономъ: „Отчего бы убитому человѣку и не сдѣлаться бревномъ?" — „Желаемъ умножиться твоему роду, но въ чему допускать невозможное?" отвѣчали старики.

Затѣмъ старый ханъ сказалъ серьезнымъ тономъ слѣдующее: „Упаси Богъ, чтобы я подъ старость сдѣлался несчастнымъ и убилъ человѣка. Да сохранить меня Господь отъ сумасшествія! Нѣтъ, я никого не убилъ и съ ума не сошелъ; но только слушайте: я вамъ скажу, что меня побудило прибѣгнуть къ тому, что я сдѣлалъ! Вы знаете", и ханъ указалъ на сына: „этого человѣка, который все время стоитъ предъ нами?" Старики отвѣчали: „Нѣтъ, не знаемъ и не видали!" — „Вы слышали о моемъ сынѣ, который прославился больше,

чѣмъ я въ свое время?“ спросилъ ханъ. Они сказали: „слышали!“ — „Такъ вотъ это и есть сынъ мой, громава слава котораго дошла и до вашего слуха! Съ той поры какъ я предался покою, онъ ведетъ дѣятельную жизнь: добываетъ много добра и рабовъ. Но сколько бы онъ ни добывалъ, все это онъ раздастъ своимъ знакомымъ и друзьямъ. Всѣ эти его безумныя траты я видѣлъ и обо всемъ слышалъ. Тогда вотъ что мнѣ пришло въ голову: „Боже! среди окружающихъ моего сына друзей я не вижу никого изъ Тамбѣевыхъ, Куденетовыхъ и Анзоровыхъ, между тѣмъ какъ члены этихъ славныхъ семей были моими вѣрнѣйшими друзьями и товарищами. Они не бывають съ нимъ въ набѣгахъ; они не получаютъ его богатыхъ подарковъ. Когда же я окончательно убѣдился, что среди его друзей нѣтъ никого изъ тѣхъ прекрасныхъ кабардинскихъ семей: Тамбѣевыхъ, Куденетовыхъ и Анзоровыхъ, я придумалъ извѣстный уже вамъ способъ, чтобы сыну моему дать понять, что его друзья-льстецы его только обманываютъ! Вотъ почему я все это сдѣлалъ. И такъ, когда сынъ мой, бывшій въ отлучкѣ, возвратился и зашелъ ко мнѣ, я сказалъ: „Я убилъ человѣка. Намъ нужно бѣжать на чужбину. Сообщи о томъ тѣмъ изъ твоихъ друзей, которые готовы съ нами покинуть родину“. Сынъ поѣхалъ къ лучшимъ своимъ друзьямъ, но тѣ не хотѣли раздѣлить наше горе, и никто не согласился покинуть съ нами родину! Тогда я съ сыномъ поѣхалъ къ вамъ съ той же просьбой—уйти на чужбину, на что вы изъявили свое полное согласіе; за это я вамъ очень благодаренъ. Теперь располагайте моею жизнію, если въ этомъ явится необходимость. Вы доказали сыну моему, что „отцовскіе старые друзья“ лучше его новыхъ. Теперь вернитесь по своимъ домамъ!“ Онъ каждому изъ нихъ подарилъ по лошади съ сѣдломъ, полное одѣяніе и оружіе и отпустилъ домой; женъ же, которыхъ привезли старики съ собою, онъ посадилъ каждую въ арбу, подарилъ по платью и одной рабынѣ и отправилъ

домой съ должнымъ почетомъ. Старый ханъ снова предался отдыху и сталъ доживать свой вѣкъ въ покоѣ и довольствѣ. Но съ тѣхъ поръ молодой ханъ завелъ новыхъ друзей среди Тамбиевыхъ, Куденетовыхъ и Анзоровыхъ, повинуль прежнихъ льстецовъ, сталъ жить да добро наживать уже съ новыми друзьями, но друзьями вѣрными и надежными, каковыми были ихъ отцы.

2. Три добрыхъ совѣта.

Зем љмз тѣмнѣске горим јібнмир ршпрнѣао
(У) одного старика бѣднаго какого-то, свое семейство воспитывая
вмт јіят. Па внто јар ваѣом деѣжо
(работой кормя), быка два было. Тѣ быка два, бывшіе на пахотѣ, выѣзжал,
кѣтехорі љас. Мо вихер смѣем, ввр зеі тѣмнѣскер
ушавши, издохли. Эти быки тамъ издохли когда, быки чѣи бѣднякъ
пѣасезым јеѣе'уаѣ: „дјіпе мехуіѣе фмкѣспнѣе,
пахаря старшаго попросилъ: „нашъ впереди днями тремя вы мнѣ повремените,
невоѣ зеі змхевмнѣеѣезо: хао мехуіѣым јікоѣым смкѣ-
ниного компаньона вы не принимайте: но въ дней трехъ теченіе я не вер-
мнѣозме, фнзхоі фѣе“, жіарі: „Хунѣ“, жаарі
нусъ если, (что) вы мнѣ хотите вы дѣлайте“, сказавъ: „Хорошо“, сказавши,
раѣезѣс љмз тѣмнѣскер. Па земаным зем уоркмѣ смѣс,
отправили старика бѣднаго. Въ то время одинъ дворянинъ добрый былъ,
зем пѣм-ѣеле јібе пнмо змбедмшпезѣо; љмзвр
одного княжескаго мальчика сироту воспитывать къ себѣ увелъ; старикъ
на пѣм-ѣалем јідеі коѣѣ јікі жнрнѣс: „ссе псеѣымѣ
къ этому княжескому мальчику домой пошелъ и сказалъ: „я слова три
бжес'анѣ, вмт кѣзептнме“. — „Хунѣ, кѣзжнѣ, уѣ
тебѣ онажу, быковъ пару мнѣ ты подарншь если“. — „Хорошо, мнѣ скажи, тебѣ
һузнхоі вмт остынѣ“, жіѣѣ уоркнм јікан
тебѣ нужныхъ быковъ пару тебѣ я отдамъ“, сказалъ дворянина его воспитавшигъ
пѣм-ѣалем. „Јнѣте ха псеѣымѣвр мнрасі кѣдеу“ жіарі,
княжескій мальчикъ. „Такъ эти слова три эти вотъ послушай“ сказавъ,

ѣмз тѣмцкер хоїдѣ: „Фив фїце наѣхо
старикъ бѣднїй началъ: „На жєнцїнѣ смуглянкѣ съ глазами сѣрнми
орї гумше, фно-пльзумї кѣумваше!“ хар ззи псаѣе.
(на) ты ты не женись, кого ты любишь, заставь не жємться!“ это одно слово.

„Хет јїшпѣу пѣстї кѣпперїрезао, фїмїк, бзагемїк,
„Ничего его соль кашу, которую тебѣ предлагаютъ, хорошѣ ли, дуренѣ ли,
хублемїк гумшпхо“ хар псєвмт. „Зїм јїфмїкї хетї
ты не пройди, ты не сѣвнїи“ это слова два. „(За) чужой его жєной, кто бы

смерєц хуѣлѣвемнїо!“ хар псєвмц. Јїнї, јїгї напсєвмц
онѣ не былѣ, ты не уваживай!“ это слова три. Да, теперѣ эти слова три,
бжєс'ар бзєбїдемї, кѣпцєпєзїнц, кѣднїп
тебѣ мною сказанныя, ты закрѣпнїшь если, тебѣ пригодится, изѣ потери мѣста

хукрїхнїнц, худнмвекѣуадо“, жїѣс. „Хунс, тѣмеде,
тебя выручатъ, тебѣ не давши погибнуть“, сказавъ. „Хорошо, старина,

зєм уо кѣжжїлїя псєлєфжсїр амсвзєвупсєнкѣм јїкї
никогда тобой мнѣ сказанныя три добрыхъ слова дамъ забыть не и

звєбїденс, Allehmm жїѣме“ жїѣрї, внїтї кѣрїтрї; кѣ-
я закрѣпїлї, Богъ скажетъ если“ сказавъ, быковъ пару отдавъ; отъ

суїтнпснзм, ѣмз тѣмцкер вакоу зднѣжм, внїт
себя отпустилъ когда, старикъ бѣднїй на пашню, умель откуда, быковъ

кнхурї, кѣвошац.

пару пригнавши, вернулс.

сѣлерї канерї, наоре снторє, јїтелнкмн јїфмз ѣѣс;
Мальчїеъ оставшїсь, такъ находїсь, его воспитателя его жена умерла;

смѣем, зєм хнгебє дахе гор смїтї; кразєшено јуѣ
умерла когда, одна дѣвица красивая кака-то была; чтобы женїться вслѣдѣ

снѣем, мо псєм-сѣлє јїканнр кѣрї јїтелнк-
ношнїи когда, этотъ княжескїй мальчїеъ воспитаннїеъ поїдї, его воспитателя-

надем кразємєзнно хнгебзвр, хнгебз-фнїце наѣхо
отца, (на ней) чтобы женїть, дѣвица, дѣвицей-смуглянкой (съ) глазами

снѣзѣум, јїтелнкмн кѣрїзєшен јїдѣкѣм. Нарсѣ
сѣрнми увидѣлъ когда, своему воспитателю женїться пожелалъ не. Но

сѣлер шїпсєс куѣо, демнсо хнгебзмм, јїбнннр кѣ-
воша (на) разѣѣдм отправнншїсь, въ отсутствїи дѣвицы, ея семейство на-

пнбуаъһері крағешәс. Мо фнзмир кәннәо, ҫәлер
взавшись, заставили жениться. (На) этой женщи́нѣ (отецъ) женившись, юноша

кәсндеһезим, јізағо хури һунем ҫемнһо, һеҫеҫим
возвратился когда, досадно сдѣлавшись, въ саклю не вступая, въ кунацной

сисо, һепшмиһ-һе һунем снҫаһом, фнзим һепшпнпр ка-
сия, вещами за въ саклю послалъ когда, женщина вещей не

рнмнто, мир кәжрнәс: „Сисе һунем һукәммнворе? һујне
давъ, это сказала: „Затѣмъ въ саклю ты не идешь? твоя мать

ләме ссе снләзо снт хель? серн смһујнес: кәкуи
умерла если, моя моя вина что прибавляется? и твоя мать есмь: приходи

һујһепшпн һузхои снәме бн.— „Хунс“, жнәри ҫәлерн
твои вещи, тебѣ нужны, есть если, неси.— „Хорошо“, сказавши, юноша

кәбәс һунем. ҫәлем һепшпнхер зернвезахо снтнхуке,
пошелъ въ саклю. Юноша вещи приводитъ въ порядокъ находилса пока,

цнхх снтхер снҫекрн, језн тун јазәһо знкәснҫа-
людей находившихся выславши, самихъ двоихъ ивевннъ заставивши тамъ ос-

нерн, фнзим жнәс: „Һн, јнҫн уо һујдерн зернвнз-дндер
таться, женщина сказала: „Да, теперь твой твой отецъ что старъ очень

снҫеоре, снкәдекәбәс, јнә ммкун тегело жәмн
я знала, я вышла, что имѣть ннвннн, свалившись и умеръ если бы,

ор мнхуме кәзхујеннн зернмнар; һәо снснткә днзерн-
тебя кромѣ оставить кому что не имѣть; такъ есть когда, мы зная другъ

ҫо днҫепсоу: снв нәхрн нәхнфә һузснҫенс, нәхн-
друга, намъ давай жить: я мужа больше лучше тебя я буду оберегать, и боль-

фнмһ һусләғунс“, жнәри; „Һео, һар Аллһнм жәмнәкә, уо
ше буду тебя я любить“, сказавши; „Нѣтъ, этого Богъ да не скажетъ, ты

жәпәмн, снјетелнкмн аһходе бзегнре кәвнзес-
(и) говоришь ты если, моему воспитателю такое зло мнѣ чтобы (принести)

һенә“, жнәри јнмндо кәҫекнзәс һунем. Мо фнз
причинить“, сказавши не поддавшись, вышелъ изъ сакли. Этой женщиной

ғәурмм кәжрнәр, цнхх жәрнмнәу, һәоре снто јнте-
негодной сказанное, человекъ (никому) не говоря, такъ оставался, его

һнкрн јнканрн шүшес кәбәо, кәно, мо ате-
воспитатель и воспитанникъ на развѣды отнравнвшнсь, находясь, этому воспи-

Інк-ѣмзым **зиѣппиы** **zahyl** **јим'аме** **мыхуно** **теті:**
 татело-старыку кое-какихъ вещей нѣсколько не имѣть если, нельзя было:

Һаѣппиыпхер **јіѣмно** **пемо-јікан** **ѣалер** **һунем** **каѣѣозѣс.**
 эти вещи взять князя его воспитанника юношу домой послалъ.

ѣалер **каѣозрі** **һеѣсэм** **ѣесо,** **һунем** **јѣѣуѣс** **һеппиыпо**
 Юноша вернувшись, въ куладкой сядя, въ савлю послалъ, вещи за которыми
каѣѣкуѣхер **риѣѣмно,** **һарѣе** **рітѣкѣм** **фѣзым** **ммр** **жі'арі:**
 пріѣхалъ чтобы принести, но отдала не женщина, это сказавъ:

„**Сывоѣаті:** **каѣозѣез;** **һукѣсэмннгусе,** **һунем**
 „Я ошиблась: я возвращаюсь (сознаю вину); ты на меня не дуйся, въ савлю

какуі; **һуітелыкым** **һукѣснѣѣуѣ** **һеппиыпхері** **хехі,**
 ирйди; твой воспитатель тебя за какими сюда послалъ вещами выбери,

сері **снѣѣуі** **кож** „— „**Хунс,** **Alleһ,** **Alleһ,** **каснѣѣезѣке**
 меня проводи (и) поѣзжай“.— „Хорошо, Боже, Боже, вернулась если (созна-

каѣозтеѣ“ **жі'арі,** **һунем** **куѣо,** **һеппиы** **зыхоіхер**
 лась въ винѣ), я мирюсь“ сказавъ, въ савлю пошедши, вещи, кон нужны,

каѣѣѣэмро **пето,** **ціхү** **снѣтѣхер** **снѣѣѣрі,** **ѣалемре** **језымре**
 приготавлиая, оставался, людей бывшихъ тамъ выславши, юношу и самое

зыкаѣнѣанері, **һаргоро** **јіпере-горнѣнр** **жнрн'ѣс:** „Бжес-
 остаться заставивши, оягъ первое нѣкоторое старое сказала: „Что тебѣ

'ар **каскоѣ,** **касхумнѣеме,** **ми** **ціхүм** **ціху-фе**
 я говорю мнѣ сдѣлай, не сдѣлаешь мнѣ если, эти люди (на) челоѣка какъ

куамнпѣѣѣо, **һенѣпе** **һухесѣнѣннѣс**“, **жі'арі,** „Зам-сит **ка-**
 не смотря, безчестнымъ тебя я сдѣлаю“, сказавши, „Одно что (ни) мнѣ

зепѣмі, **һа** **оу** **жнхоп'ар** **снѣѣно,** **Alleһым** **ре-**
 ты сдѣлаешь если, о чемъ ты говоришь, чтобы сдѣлать, Богъ да не за-

мыде!“ **снжі'ам,** **фнзыр** **гуо-кіјо** **јісннхері** **језым** **зехе-**
 хочеть!“ тамъ сказавъ когда, женщина, крича-воия, свои одежды сама на себѣ

катхері **снбнм** **каѣѣѣс:** „**дјі-каннм** **lleі** **казмхнно**
 порвавши, на дворъ выбѣжала: „нашъ его воспитанникъ оскорбленіе мнѣ нанести

снһуѣ **каһері,** **кавнѣѣр** **мырасі** **ффы** **зыснѣѣте;**
 меня позади пойдя, что мнѣ сдѣлалъ, это вотъ вы мои свидѣтели есте;

јігіпету **снѣнм-јдеі** **хракоо** **кавмыѣѣѣѣо** **ззы** **дунейм** **сн-**
 сейчасъ моему мужу къ послалъ, вы не приведши, (ни) одинъ свѣтъ я

кѣтненокѣмъ“, **ѡжѣмъ**мъ **їѣѡкорі** **їелбето**: „**’охъ** **ѡмъ’асъ**“
вмѣстѣ остануся не“, тамъ сказала когда, послании нарочито: „**дѣло** **естъ**“

жѣ’арі **кѣравешѣасъ**. **Шѣ** **їѣѡѡр** **неммсо**,
сказавши, заставили привезти. **Всадникъ** который былъ посланъ, не достигши,

ѡлер **несмѣа-сѣѡе**, **зѡм** **жѡмрі’акѣм** **їетелнкѡм**.
юноша прїѣхалъ хотя, ничего сказалъ не своему воспитателю.

Уоркѡр **їїһуне** **кѣѡмѡжѡм** **ѣѡѡѡм** **ммѡ** **һунем**
Дворянинъ, домой вернулся когда, въ кунацкую не ида, въ салию

кѣѡѡѡѡжѡм, **їїѡѡѡр** **зехѡетѣѡ** **ѡмѡѡем**: „**Снт** **кѣп-**
вошелъ когда, его жена оборванной **встрѣтила** когда: „**Что** **съ** **тобѡ**
ѡмѡр?“ **жѣ’арі** **ѡе’уѡѡм**: „**Снт** **кѣѡѡѡѡм**,
здѣсь случилось?“ **сказавши**, **спросилъ** когда: „**Что** **можетъ** **мнѣ** **случиться**,

һуїканѡм **кѣѡмѡр** **пѣѡурка**; **їеї** **кѣѡмѡмнѡ**
твой воспитанникъ что мнѣ сдѣлалъ, ты видишь не; **обиду** мнѣ сдѣлать

кѣѡѡѡері: **уѡ** **ѣѡѡѡѡѡ-ѣѡ** **кѣѡмѡѡѡѡѡм!**“
(изнасиловать) мнѣ начавши: ты вещами за сюда ты послалъ когда!“

жѣ’асъ **пѡѡѡ**. „**їїнѡе** **һар’аме**, **хунѡе**, **абм** **се** **смѣурїкунѡ**“,
сказала рыдая. „**Такъ** это если, хорошо, его я я отколочу“,

жѣ’арі **бѡѡѡѡер** **кѣрїѡашері**, **һунаѡе** **їїхуїѡѡсъ**: „**Зѡм** **маѡе** **кѣ**
сказавши, **палачей** **позвавъ**, **приказаніе** имъ сдѣлалъ: „**Одну** **яму** **глу-**

ѡїмі, **бене** **гүїх** **їїѡѡѡѡѡ**: **зѡм** **пѡѡѡѡѡѡ** **горим**
бѡѡѡ вы вырѣйте, **дерезы** **возовъ** **шесть** **сожгите**: въ одно утро **какое-то**

кушпнѡѡѡ-їѡѡеї: „**һунаѡѡ** **уоркѡм** **кѣѡхуїѡѡр** **вѡѡѡѡѡ?**“ **жѡ-**
часамъ 10 **кѣ**: „**приказаніе** **дворяннѡѡѡ** **вамъ** **сдѣланное** **вы** **исполнили**?“ я

зѡ’аў, **каѡор** **хѡѡѡѡѡ** **їїѡѡ** **ѡѡѡѡ**“, **жѣ’арі**; **һа**
говоря, **кто** **прїдетъ**, **кто** **бы** **онъ** **ни** **былъ**, **вы** **бросьте** (и) **сожгите**“, **сказавши**; **это**

һунаѡѡер **бѡѡѡѡѡ** **зѡрнхуїѡѡрї** **їїѡѡѡѡѡ** **кѣжѡмрі’арї**, **їѡѡмрі** **їѡѡѡѡ-**
приказаніе **палачамъ** **что** **имъ** **сдѣлалъ**, **своей** **женѣ** **сказавъ**, **самъ** **отправив-**

рї **шѣ** **гүѡе** **кѣѡѡѡѡѡ** **їїѡѡѡѡрї** **їѡѡѡѡѡѡѡсъ**. **Һаѡ**
шисъ, (въ) **всадннѡѡѡѡ** **артель**, **откуда** **вышелъ**, **вѣѡѡѡѡѡ**, **слѣзъ** **съ** **лошади**. **Такъ**

ѡмѡѡѡе **їїѡѡ** **ѡѡѡѡѡ** **кѣрїѡѡѡѡрї** **жѡмрі’асъ**: „**Дїѡеї**
сїѡѡ, **своего** **воспитаннїѡѡѡ** **юношѣ** **заставивши** **позвать**, **сказалъ**: „**Нашъ**

ѡѡѡѡ: **пѡѡѡѡѡѡѡ** **кушпнѡѡѡ** **несї**, **бѡѡѡѡѡѡ** **кѣѡѡѡѡѡѡѡ**:
(домт.) **пѡѡѡѡѡѡѡ**: **завтра** **утромъ** **въ** 10 **часовъ** **утра** **прїѡѡѡѡѡ**, **палачей** **нхъ** **спроси**:

„Уоркым हुनाफо क़ाफ़уї'а'р врезе'а? жмі“; смжи-
„Дворянина приказаніе, которое вамъ сдѣлалъ, вы исполнили? скажи“; тамъ ска-
'ам: „хунс“ жи'ари фепнимъ кәзешнко, куажемъ јзунеуу
залъ когда: „хорошо“ сказавъ, ночью, на конѣ выѣзжая, къ аулу его сосѣдству

хуао, нехуї-сао, гузесесезамнимъ јуа јі'ао вако
ставъ, свѣтло сдѣлавшись, (за) арбы запрягающими въ слѣдъ пойдя, (на) пахоту
дѣкхем, ка'у'а'с, јешхені јефені јі'у'ао. Вако
которые выѣзжаютъ, встрѣтилъ, ѣсть, пить (уже) окончивши. (На) пахоту,

дѣкхем: „јебла'і шхе“, жа'а-схеке, јі'хоїмблავо
которые ѣдутъ: „остановись покушай“, сказали хотя, желая не остановиться,

каблехрі зыахул кәжао ѣмз тхамискем кәж-
проскакавъ мимо (ихъ), нѣсколько проѣхавъ, старикомъ бѣднымъ сказан-

рн'а пса'ер јгу-ка'к'ри, кәзезе'а: „мм вако дѣкхем
ное слово вспомнивъ, вернулся: „этѣхъ, (на) пахоту которые выѣзжа-

јі'ш'у-пасте смблекн'к'ам“, жи'ари; са'лем кәсызезе'ам,
итъ, ихъ соль-кашу я пройду не“, сказавъ; юноша туда вернулся когда,

вакохем водо гуапе јис'хури, вако межа'ері ба'х'смері
пахарямъ очень пріятно ставши, пахатной пшенной муки и бузы

водо кастері, са'лем смра'еф'им јі'ва'а'фері јі'е-
много доставши, юношу заставили пить когда, заставивши опьянѣть, (онъ) за-

жејіс. са'лер смже'им: „језмр кә'у'ш'н'н'с“ жа'ари, камне'ушо
снулъ. Юноша заснулъ когда: „самъ проснется“ сказавъ, не будя,

шп'ри зерм'е'ао ка'а'нері, вакохер језе'а.
лошадь стреноженной оставивъ, пахари поѣхали.

Вако дѣкхер смзезж'а-не'у'ам, са'лер кам'н'ушо, пега'ао
(На) пахоту ѣдущіе поѣхали послѣ когда, юноша, не просыпаясь, до обѣда

несм'ху жејіс; пега'аом-јдеі кәсм'уш'им, кәвра'уохут'ар
непробудно спавъ; времени обѣда къ тамъ проснулся когда, что его послали,

јгу-ка'к'н'з'ри гузаво феп'хорі куажемъ дела'дері беколхем је'у'а'а'с:
вспомнивъ, второпяхъ бѣжа, въ аулъ забѣжавъ, у палачей спросилъ:

„Ншшедмбе куш'н'кум-смво уоркым हुнафе кәсар
„Утромъ сегодня 10 часовъ въ дворяниномъ приказаніе сдѣланное
врезе'а?“ жи'ари; „Олехі, дымисе, пс'им हुнафе
вы исполнили?“ сказавъ; „ей Богу, мы не знаемъ, господина приказаніе

кафѣо; ѱао: „нышедмбе кулшнкум-јідеі маѣе вѹ каф-
сдѣланые; но: „утромъ сегодня часамъ утра 10 къ яму глубокую въ
ті, бене гуіх јіввесмѣ; ѱар смввесмѣа-не'узм:
вырйте, дерезы воровъ шесть въ сожгите; это тамъ въ сожгли послѣ когда:

„ѱсм јунафер бвезеѣа?“ жмзм'ао какор, јівзе“, жі-
„господина приказаніе исполнили?“ говора который придетъ, бросьте“, сказа-
'ати; језм ѱсм јіфмзмр: „ѱсм жі'ар ввезеѣа?“
но было; самого господина жена: „Господинъ что сказалъ, въ исполнили?“

жі'ари, кѣсмѣом, јідзери јідвесмѣаѣс“. смжа'ам,
говора, пришла когда, (е) мы бросивши мы сожгли“. Тамъ сказали когда,

ѣалем, ѱмleo кѣкельзераѱам гулмтери, гуапе смхурі жі-
юноша, умиселъ, который за нимъ носили, замѣтивши, пріятно ставши, ска-

'аѣ: „Імансмз, Алѱемдулілеѱ, маѣо ссе кѣсхуітам језыр корі
залъ: „Невѣрная, Богу слава, въ яму, меня для выритуу, сама пойдя,

јіхоѣаѣ; Аллѱым сі насмп трівекуѣа!“
попала; Богъ моему счастью даль побѣду!“

„Јінте ссе мибм ходо бвезаѣеке кѣскезмвекуѣа
„Такъ я это такъ, со злымъ умисломъ который за мной ходилъ,

аталнким смбвдесмзмнкѣм“, жі'ари јшм јеуорі,
съ воспитателемъ я буду жить не“, сказавъ, свою лошадь ударивъ,

кожем декрі хеѱезѣаѣ: „Аллѱым смвхуѱам см-
изъ села вѣхавши, поѱхалъ: „Богъ, меня куда принесетъ, (то) я

'уѣенѣ“ жі'арі.
встрѣчу“ сказавъ.

Декрі кѣме ѣеіме, кѣме ѣеіме,
Выѣхавъ, идетъ когда, прыгаетъ когда, идетъ когда, прыгаетъ когда,

Аллѱым јеѣе водре куѣо, маѣере куѣо језешао, јелѣо
Богъ знаетъ; долго ли ѣхавши, мало ли ѣхавши, скучая, утомленный

јікі межеѣѣо зсм губрошко јіѱѣо жмжо плѣрі,
и проголодавшись, въ одну степь большую прибывши, далеко посмотрѣвши,

зсм фыѣеѣе хуреі текѹ смлѣаум: „мибм сеіколенѣі, текѹ
одно пятно круглое немного увидалъ когда: „туда я заѣду, немного

вмввепсехунѣ, спшкін змгорік сѣотме, кѣспхінѣ“, жі'арі;
я отдохну, я съѣсть что-нибудь я найду если, я скушаю“, сказавъ;

мурад жіңірі ыңғайға жіберуім, сүкәуітем
наибрешіе сдѣлавъ, къ патну, которое увидѣлъ, подѣхалъ по слѣду когда,
бене сережо зым हुने хузыпшо кăхокăо кăçейăç.
(Изъ) деревн оградою одинъ домъ бѣлый большой обнесенный оказался.

Бене сереим-ідеі снесым, çалер јепсхрі, јіп
(Изъ) деревн оградѣ къ туда пріѣхалъ когда, юноша слѣзши съ лошади, своя
шифезапем фнзері, हुनेм: „салам-алекум“ жі’ари,
лошадь на столбъ удачно бросивши, въ домъ: „здравствуй“ говоря,

сүсөнем: „алекум-салам, јеблаге“ жі’ари хнгебз да-
зашелъ когда: „здравствуйте; милости просимъ“ сказавъ, дѣвица краси-
хо зынекопціо हुneneçым çесар, кăтегаç.
вая, одной только прикинувшись, въ домъ пустомъ сидѣвшая, приподнялась.

„Јублаге код’уі!“ хнгебзым снжы’ам, зеб-
„Тебѣ знакомыхъ много пусть будетъ!“ дѣвица тамъ сказала когда, (онъ) за-

леғаç. „Сомнжабері, теку себешк сн’аме“, çа-
шелъ. „Я (отъ) голода погибалъ, немного мнѣ дай поѣсть, есть если“, юно-

лем снжы’ам: „Alleһ, Alleһ сн’а“, жі’ари, хнгебзыр теҗрі,
ша тамъ сказалъ когда: „конечно есть“, сказавъ, дѣвица, вставши,

бахсмер вого, һелупшур вого кăҗтері, çеле мнжельар
бузы много, приностей много доставши, юношу проголодававшего

јіҗешхежăç. çалем шкен снһухім: „снпçақи: зыв-
насытла. Юноша ѣсть тамъ кончилъ когда: „я тебѣ усталъ: от-

зепсехунç текуі, снçеһукоңс, зым зео гор снҗотме“
дохну немного, я подремлю, одну тѣнь какую-нибудь я найду если“

снжы’ам, хнгебзыр кăпсальері: „Мнбидеі нăх-зауо-нăх,
тамъ сказалъ когда, дѣвица, заговоривши: „Здѣсь лучше тѣнь лучше,

зызепсеху-пе-фы снто псмно; мнбм зыснзепсеху“, сн-
отдыкъ ложе хорошее, на что ты сдѣлаешь; здѣсь отдохни“, тамъ

жы’ам: „Alleһым јіремнде уо знбзетаҗебе
сказала когда: „Богъ да не захочетъ, за тобою (съ) дурнымъ умысломъ

снннбѣельнеконо; Alleһым уо зынаспи кăпхи-
чтобы я за тобою слѣдомъ ходилъ; Богъ (въ) тебѣ чье счастье въ тебѣ вклю-

лһам һуікер ріҗежағу“, çалем снжы’ам хнгебзым јімы-
чилъ, тобою да повыситъ“, юноша тамъ сказалъ когда, дѣвица, отказы-

до хоїзѣс: „Ссе љм см'акѣм; сіјане смкѣзернѣхѣю см-
вѣлсь, начала: „У меня мужа нѣтъ; моя мать, какъ меня родила, я дѣ-
хѣмгебѣс; љм смхоїці: љм кѣсхоѣу!“ — „Ѣао, зсм љнгор
вѣца есмь; мужъ мнѣ нуженъ: мужемъ мнѣ стань!“ — „Нѣтъ, одного мужа ка-

хуимн'ао, зсм смфѣсѣхуно hamal jі'акѣм“,
кого-нибудь что не имѣешь, (ни) одно вѣрнѣ возможности имѣется не“,

ѣалем смжм'ѣм: „Јинте љно Аллѣнм смкѣзеритѣр
юноша тамъ сказалъ когда: „Такъ мужъ, которому Богъ тамъ меня отдалъ,

мн ѣеуфѣо жер рѣс; харѣе хар смт-мнзоке ссе кѣс-
этотъ, покрытый спать который, есть; но этотъ чѣмъ мнѣ мнѣ

ѣепен?“, жі'арі зсм ѣендыркокошхо жѣо крѣеѣеуѣс. „Јинте,
пригодится?“, сказавъ, одну лягушку большую снящую показала. „Такъ,

хар'амік ѣа Аллѣнм, хуїнасмн змхїѣѣѣ ѣендыркуаком
это нисколько этотъ Богъ, твое счастье, которое воплотилъ въ лягушку,

смблеко уо, зсмннзоке, смпке љнзеконо,
оставивъ за тобою, не соотвѣтствуетъ если, я за тобою чтобъ слѣдомъ ходить,

Аллѣнм ремиде“, жі'арі, кѣѣекмзо смхоїзем, хѣмгебзмр
Богъ да не захочетъ“, сказавъ, выходитъ тамъ началъ когда, дѣвица

ѣалем кѣѣеѣбенѣс, ѣалер кѣѣсмннзеѣкмно; харѣе ѣалер
за юношей бросилась, юношу чтобы оттуда не выпустить; но юноша,

зѣпхоѣрі хѣмгебзмр кѣубыдрі, јі ѣеѣцпр ј'ам рїпѣкрі,
хвативъ сзади дѣвицу поймавъ, ея волоса на свою руку наматывъ,

камнпнїке јѣоѣ смхоїзем, ѣендыркуаком јїѣер кѣзегонудрі,
плетью бьючи тамъ началъ когда, лягушки кожа лопнувши,

зсм ѣеле дахе, гѣте јї'мро кѣдекрі ѣалем ѣеѣе кѣхуїѣс:
одинъ юноша красивый, саблю держа, вышедши, юношѣ поклонъ ему сдѣлалъ:

„берекет-берсмн, уо нобе кѣсхонѣар; мн копѣкмн кѣ-
„спасибо, ты сегодня что мнѣ ты сдѣлалъ; эта потаскуха, всѣхъ

днѣпсор јїѣапѣеме јѣосеннм смнѣске, Аллѣнм
заѣжающихъ обманываетъ если, до заблужденія тамъ доходило когда, Божьимъ

јї'амнрке мн ѣендыркуаѣо белнѣо степнр
его дозволеніемъ, эта лягушки кожа, какъ гнеть которая на мнѣ лежитъ,

зегонудме, смкѣдекме, смнхурке ѣе ѣе рїкуннм,
лониетъ если, оттуда выхожу если, я убивая головъ сто, чтобъ насытилось,

зми нѣхъ хуѣммиѡу сиѣукѣс, hao jigi нобе Аллеһимъ ѣно-јі-
 одной кромѣ не хватая, я убилъ, но теперь сегодня Богомъ лю-
 жеуар һукѣсриѣлем, һухомиѣдело һукѣанте-
 бимаго тебя когда свидѣтелемъ увидѣлъ, ты не смогни обмануть, ты остав-
 нері ссе Аллеһимъ јібелѣѡ стелри степхѣо
 шись, съ меня Божье наказаніе, которое на мнѣ лежитъ, съ меня ты снявши
 кѣсѣкѣнс: беревет-берсми, псер һуікурменс: зми уо зми-
 окажешься: спасибо, душа твоя жертва есть: одно ты какъ ты
 жип'ѣо, смзерипхуми'хун; см'акѣмъ благеу, кошѣ, абм
 скажешь, (чѣмъ) я тебя для не сдѣлаюсь; вѣтъ знакомыхъ, родни, и кромѣ
 јінемисѣ; нако мнѣкоу см'амъ һухезрепленс", жі'ари,
 этого; поидемъ имущество, я имѣю если, тебѣ я покажу", сказавъ,
 ѣалер крішеѣс.
 юношу повелъ.

Переводъ.

У одного бѣднаго человѣка была пара быковъ; съ быка-
 ми онъ занимался на работу и этимъ кормилъ свою семью.
 Однажды случилось, что его быки во время тяжелой работы
 въ полѣ выбились изъ силъ и тутъ же пали. Тогда бѣднякъ
 попросилъ старшаго пахаря, чтобы онъ отпустилъ его на три
 дня домой и не занималъ бы другого до истеченія этого сро-
 ка. „А послѣ этого, если не вернусь, дѣлайте, что хотите“
 добавилъ старикъ. „Хорошо!“ связали другіе пахаря и отпу-
 стили бѣднаго старичка. Въ это время жилъ-былъ добрый дво-
 рянинъ, который, по добротѣ своей, пріютилъ осиротѣвшаго
 мальчика, княжескаго рода. Старикъ отправился къ пріемышу
 этого добраго дворянина и сказалъ: „Дай мнѣ пару быковъ,
 а я скажу тебѣ три слова, которыя тебѣ пригодятся на всю
 жизнь!“ — „Хорошо, скажи, я тебѣ дамъ пару нужныхъ тебѣ
 быковъ!“ сказалъ пріемышь дворянина. „Слушай же“, сказалъ
 бѣдный старикъ: „эти три слова слѣдующія: „на брюнетѣ съ
 сѣрыми глазами не только не женись, но и не позволяй же-
 ниться тому, кого ты любишь“, —это одно слово; „не брезгай

чужимъ хлѣбомъ-солью, кто бы ни былъ тотъ, кто тебѣ предлагать!“ — это второе слово; „за чужой женой не воломись, кто бы ни былъ ея мужъ!“ — это третье слово. И такъ, если ты будешь строго держаться этихъ словъ, то они тебѣ пригодятся въ жизни: выручатъ они тебя изъ бѣды и ты цѣль останешься!“ прибавилъ старикъ. „Хорошо, старина, я не забуду твоихъ добрыхъ словъ и, если Богъ позволитъ, всегда буду строго ихъ придерживать!“ сказалъ юноша и отпустилъ старика, подаривши ему пару быковъ. Старикъ съ парокъ вольвъ возвратился на пашню.

Юноша продолжалъ жить у своего приѣмнаго отца. Случилось такъ, что у него умерла жена. За вдовца стали сватать красивую дѣвушку; тогда приемышь поѣхалъ посмотрѣть дѣвицу, на которой хотѣли женить его приѣмнаго отца. Когда онъ увидѣлъ ее, то не позволилъ своему аталыку (воспитателю) жениться на ней, такъ какъ она была брюнетка съ сѣрыми глазами. Но когда юноша былъ въ отсутствіи, отправившись въ наѣздъ на чужіе предѣлы, то семейство дѣвицы пристало въ дворянину, и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ на ней женился. Отпраздновали свадьбу. По возвращеніи домой, юноша былъ очень недоволенъ случившимся и не пошелъ въ саклю, гдѣ была мать, но въ кунацкую, и оттуда послалъ въ саклю человѣка за вещами; но мать вещей не выдала и, отправившись въ кунацкую, сказала приѣмному сыну слѣдующее: „Зачѣмъ не идешь въ саклю? Если у тебя умерла мать, то чѣмъ же я виновата? Да и я мать тебѣ. Иди и самъ заberi, какія вещи тебѣ нужны!“ — „Хорошо“, сказалъ юноша и пошелъ въ саклю. Пока юноша возился съ вещами и укладывалъ ихъ, жена аталыка выслала всѣхъ бывшихъ въ саклѣ людей и, оставшись съ приѣмнымъ сыномъ наединѣ, сказала ему: „Я вышла за твоего отца, зная о томъ, что онъ очень старъ; но если онъ умретъ, то ты его единственный наследникъ, и тебѣ достанется все его имущество; а потому давай,

будемъ жить какъ мужъ съ женою; я тебя буду любить лучше мужа и буду доставлять тебѣ всё удобства!“ — „Не доведи Господь“, сказалъ юноша: „чтобы я сдѣлалъ то, чего ты желаешь, и этимъ причинилъ горе своему пріемному отцу!“ Не поддавшись на ея оболъщенія, онъ ушелъ изъ сакли, но никому не сказалъ и слова о происшедшемъ. Послѣ этого онъ съ отцомъ пустился въ конный наѣздъ на сосѣднюю страну. Старикъ въ дорогѣ понадобились кое-какія вещи, за которыми онъ и послалъ домой своего пріемыша. Пріѣхавши домой, юноша пошелъ въ кунацкую, а оттуда послалъ челоуѣка за тѣми вещами, какія его отцу были нужны; но мать ихъ не отдала и, зайдя въ кунацкую, сказала: „Тогда я увлеклась, но теперь сознаю свою вину и каюсь; не дуйся на меня; приходи въ саклю, отбери вещи, за которыми тебя прислалъ отецъ, а когда погостишь у меня, то уѣзжай себѣ!“ — „Богъ съ ней!“ подумалъ юноша: „если она признала свою вину и кается, то и я ее прощаю и помирюсь съ ней!“ и пошелъ въ саклю. Пока юноша отбиралъ вещи, жена пріемнаго отца выслала людей изъ сакли и, повторивъ прежнее свое предложеніе, прибавила слѣдующую угрозу: „Сдѣлай угодное мнѣ, а не то — осрамлю тебя предъ всѣми: на тебя перестанутъ смотрѣть, какъ на челоуѣка!“ — „Поступай, какъ хочешь; но не доведи Господь, чтобы я сдѣлалъ то, о чемъ ты говоришь!“ Лишь только сказалъ это юноша, женщина съ крикомъ стала рвать на себѣ одежду и выбѣжала на дворъ къ людямъ: „Воспитаникъ нашъ хотѣлъ меня изнасиловать и вотъ что со мною сдѣлалъ!“ кричала она, указывая на порванную одежду: „будьте этому свидѣтелями; сейчасъ пошлите за моимъ мужемъ и приведите его сюда, а то я покончу съ собою!“ Послали гонца за дворяниномъ и, подъ предлогомъ: „есть, молъ, очень важное дѣло!“ привезли его. Слѣдуетъ сказать, что воспитаникъ хотя и пріѣхалъ раньше гонца, но ничего не сказалъ отцу-воспитателю о случившемся.

Когда дворянинъ пріѣхалъ домой, то онъ, не заходя въ кунацкую, пошелъ прямо въ савлю. Тамъ его встрѣтила жена въ разорванномъ платьѣ. Въ изумленіи онъ спросилъ: „Что съ тобою случилось?“ — „Мало ли что можетъ случиться?“ сказала жена, рыдая: „развѣ не видишь, что со мной сдѣлалъ твой воспитанникъ: когда ты его присылалъ за вещами, онъ хотѣлъ меня изнасиловать!“ — „Хорошо! если такъ, то онъ не уйдетъ отъ заслуженной кары!“ Сказавъ это, онъ позвалъ палачей и далъ имъ слѣдующее приказаніе: „Выройте глубокую яму и сожгите въ ней шесть возовъ дерезы. Когда утромъ, часовъ въ 10, придетъ кто-нибудь и спроситъ: „исполнили ли вы приказаніе господина?“ то, кто бы онъ ни былъ, бросьте его въ яму и сожгите!“ Объ этомъ своемъ приказаніи, данномъ палачамъ, дворянинъ сообщилъ женѣ, а затѣмъ опять уѣхалъ въ ту партію наѣздниковъ, откуда былъ вызванъ. Отдохнувъ съ дороги, онъ позвалъ къ себѣ воспитанника. „Отправляйся домой поскорѣе“, сказалъ онъ ему: „съ такимъ расчетомъ, чтобы завтра утромъ къ 10 часамъ быть на мѣстѣ и передай палачамъ слѣдующія слова: „исполнили ли вы приказаніе господина?“ — „Хорошо“, сказалъ юноша и отправился еще ночью, чтобы пріѣхать въ указанное мѣсто какъ разъ къ 10 часамъ. На разсвѣтѣ, когда онъ уже приближался къ аулу, встрѣтился онъ съ крестьянами, отправлявшимися въ поле пахать. Запрягли быковъ въ арбы, крестьяне завусили, выпили бузы и собирались тронуться съ мѣста. Они предложили юношѣ хлѣба-соли, но тотъ проѣхалъ мимо, не принявъ ихъ приглашенія, боясь, чтобы не опоздать къ назначенному времени; потомъ, однако, онъ вспомнилъ слова старика: „не проходи мимо хлѣба-соли, кто бы тебѣ ни предлагалъ, не поѣвши“; онъ подумалъ себѣ: „не побрезгаю ихъ хлѣбомъ-солью!“ и вернулся назадъ. Пахари сильно обрадовались, достали пшеничный хлѣбъ *),

*) Особымъ образомъ и только для полевыхъ работъ готовится пшеничный хлѣбъ большими плоскими кругами, рад. въ 1 арш.

бузу и стали угощать гостя. Угощали они юношу до тѣхъ норъ, пока онъ не охмѣлѣлъ и не заснулъ. Пахари не стали его будить, сказавши: „самъ проснется!“, стреножили коня и уѣхали пахать въ поле.

Юноша, не просыпаясь, спалъ до обѣда. Проснувшись въ полдень, онъ вспомнилъ, что его послали съ порученіемъ, а потому вскочилъ на коня и поскакалъ въ аулъ, гдѣ въ указанномъ мѣстѣ спросилъ палачей: „исполнили ли вы сегодня утромъ, въ 10 часовъ, то, что было привязано господиномъ?“ — „Ей Богу, не знаемъ, давалъ ли господинъ еще какое-нибудь другое привязаніе, но только въ сегодняшнее утро, въ 10 часамъ, велѣно намъ было приготовить глубокую яму и сжечь въ ней шесть возовъ дерезы; затѣмъ привязано было бросить въ эту яму того, кто придетъ первый съ вопросомъ: „исполнили ли вы привязаніе господина?“ Поэтому, когда сегодня утромъ его жена первая пришла съ вопросомъ: „исполнили ли привязаніе господина?“, то мы ее схватили, бросили въ раскаленную яму и сожгли!“ Послѣ этихъ словъ палачей юноша догадался о коварномъ умыслѣ пріемнаго отца, по настоянію негодной его жены, и сказалъ съ радостью: „Безбожная! Слава Богу, попала сама въ яму, которую вырыла для меня! Богу угодно было, чтобы я восторжествовалъ надъ нею!“

Потомъ онъ рѣшился не возвращаться домой. „Если такъ“, подумалъ юноша: „то я не буду жить съ аталыкомъ, который хотѣлъ меня погубить!“ и уѣхалъ въ чужіе края; онъ утѣшался мыслію: „Что Богомъ предопредѣлено, то и должно случиться!“

Долго ли ѣхалъ юноша, коротко ли, это одному Богу извѣстно; но только, избывая отъ утомленія и голода, онъ очутился въ безпредѣльной степи. Въ этой степи, безлюдной и мертвой, онъ сталъ осматриваться кругомъ, не видно ли гдѣ-нибудь человѣческаго жилья: вдали онъ увидѣлъ какую-то

черную точку. Онъ направился туда, надѣясь тамъ найти пріютъ, чтобы поѣсть чего-нибудь и отдохнуть, такъ какъ онъ былъ сильно изнуренъ дорогой. Черная точка эта оказалась изгородью изъ дерезы, которой былъ обведенъ большой бѣлый домъ. Когда юноша подъѣхалъ въ изгороди, онъ слѣзъ съ коня, привязалъ его въ коновязи, а самъ зашелъ въ домъ, говоря: „здравствуйте!“ На его привѣтствіе отвѣчала такимъ же привѣтомъ, приподнявшись со своего мѣста, дѣвица-красавица, которая одна только сидѣла во всемъ домѣ, и радушно прибавила: „милости просимъ, заходите!“ Юноша отвѣчалъ вѣжливо, какъ это принято: „покорно благодарю“, но сейчасъ же добавилъ: „Ѣсть хочу; дай поѣсть, если есть что-нибудь съѣдобное!“ — „Конечно, есть!“ сказала красавица, достала бузы и всякихъ закусокъ и стала потчевать проголодавагося юношу. Утоливъ голодь, юноша сказалъ: „Я страшно усталъ: хочу немного вздремнуть; нѣтъ ли какого-нибудь тѣнистаго мѣста, удобнаго для отдыха?“ — „Развѣ здѣсь не тѣнь?“ сказала дѣвица: „въ чему искать лучшей тѣни для отдыха; отдохни здѣсь!“ — „Не приведи Богъ, чтобы я, отдыхая у тебя, возымѣлъ какое-нибудь грѣшное желаніе; ты должна быть утѣшеніемъ тому, кому Богомъ суждена!“ отвѣчалъ юноша. Но съ этимъ дѣвица не согласилась. „У меня нѣтъ мужа“, настаивала она: „я еще невинная дѣвушка; мнѣ нуженъ мужъ: будь моимъ мужемъ!“ — „Нѣтъ, я не могу повѣрить“, сказалъ юноша: „чтобы ты не была замужемъ; не можетъ этого быть!“ — „Вотъ мужъ, которому я отдана по волѣ Божьей“, отвѣтила дѣвица: „онъ тамъ спитъ, закутавшись въ одѣяло!“ Съ этими словами она приподняла одѣяло и показала спящую лягушку огромныхъ размѣровъ. „На что она мнѣ годится?“ прибавила она. — „Хотя бы и такъ! Если ты имѣешь супруга лягушку, то это твое такое счастье, ниспосланное Богомъ. Правда, это незавидная доля; но упаси меня Богъ даже и въ мысляхъ возымѣть какое-нибудь нечистое желаніе!“ Съ

этими словами юноша хотѣлъ уйти, но дѣвица бросилась на него и не хотѣла его выпустить изъ дому. Тогда юноша схватилъ ее сзади за косу и сталъ трепать и бить плетью. Въ это время кожа лягушки лопнула и оттуда выскочилъ юноша-красавецъ, съ саблей въ рукѣ; низко поклонившись гостю, онъ сказалъ: „Спасибо за то, что ты мнѣ сегодня сдѣлалъ! Эта негодница своимъ поведеніемъ сбивала всѣхъ заѣзжихъ съ толку, а когда дѣло уже доходило до грѣха, то, по волѣ Божьей, трескалась кожа лягушки: я оттуда выходилъ въ томъ видѣ, въ какомъ ты меня сейчасъ видишь, и убивалъ несчастныхъ. Такимъ образомъ я убилъ столько, что до ста не хватало еще одного. Но сегодня мнѣ попался любимецъ Бога: тебя не могла она соблазнить и этимъ, какъ видно, ты меня избавилъ отъ Божьей кары, которая лежала на мнѣ. Спасибо тебѣ! Я готовъ за тебя пожертвовать своею жизнію и сдѣлаться для тебя, чѣмъ угодно: другомъ или братомъ! Пойдемъ, я покажу тебѣ мой домъ и мои владѣнія!“ Съ этими словами онъ увелъ юношу къ себѣ.

3. Жалкій бродяга однимъ махомъ побиваетъ больше тысячи.

Зыи тѣамиске богумке коре пет; зыбепскыно псым
 Одыъ бѣдныи по дорогѣ нды продолжаетъ; купаться въ рѣку
 сѣдепем, жі-гебеур сым хісері, бзапем
 тутъ свернулъ когда, свою (длинную) палку въ землю посадивши, на горѣ
 кѣтрінат; зыи шӯ богурнко блеко гебеур хесао сѣ-
 зарылъ было; одыиъ верховой дорожный, проѣзжая, палку воткнувтуу тамъ
 лъауум, јзеѣафорі јепсыхрі псым деплѣас; сѣдеплем
 увидѣлъ когда, удивившись (и) слѣзши, въ рѣку заглянулъ; туда посмотрѣлъ когда,
 зыи ље јуѣо десо јлавуаѣ; сѣлауум ѣенеѣале
 одного человека, вшей убивая, сѣдя, увидѣлъ; тамъ увидѣлъ когда, посмѣшищемъ
 јсрі љм тѣамискем жі-гебеу кѣхыкрі, теры'упсыкрі,
 сдѣлавши, человека бѣднаго палку вытащивши (и) оттесавши,

жіртхя́с: „Зе́ о́вом ми́н пльи́д же́у́кі Бзеге-ба́тир“
написа́ль: „О́днимъ уда́ромъ ты́сячу во́семьдеса́ть убивае́тъ Бро́дьяга-богаты́рь“

жм'аго; снтернтхем жі-богӯ жірікожа́с. Ёнзир
говора́; та́мъ на́писа́ль ко́гда, по́ сво́ей доро́гѣ по́хжа́ль. Ста́рикъ

ка́сиде́кнзым жі-бап гу́лымнѣхо бо́гум те́на́рі
отту́да вы́шелъ ко́гда, (на) сво́ю па́лку ви́мания́ не о́браща́я, на доро́гу на́весши,

жезе́а́с. Тхамнѣкер ко́ре мжа́ле снхум, зм ну́не
отпави́лся. Вѣ́дний, и́дя, голо́днымъ ту́тъ дѣ́лался ко́гда, о́днѣ́ до́мъ

ху́знышо жіва́ко губзо́м жіто снба́рум жеко́ла́с. Пу-
блѣ́ый бо́льшой о́динокі́й въ сте́пи сто́ящій та́мъ уви́далъ ко́гда, подо́шелъ. Въ

но́у зеко́ла́м зм цнху́ десте́кам, зм хнге́бз
до́мѣ, къ кото́рому подо́шелъ, (ни) о́днѣ́ чело́вѣ́къ си́дѣ́ль не, о́дно́й дѣ́вушки

за́ко мнхуме. Па́ хнге́бзыр зе́пнблнм жі-пнпхут, не́ре на́б-
о́динокі́й кро́мѣ. Э́та дѣ́вушка бра́тьевъ се́ми се́стра бы́ла, гла́за и бро-

зере знтетнм а́на́х да́хет. Тхамнѣкер се́реім
ви вла́ствуютъ ко́гда, всѣ́хъ бо́льше краси́вая бы́ла. Вѣ́дний, къ о́градѣ́

снбзе́дежа́м жі-гебе́зур ко́бзем-жі́деі хесері́, ну́нем се́жа́с
та́мъ подо́шелъ ко́гда, сво́ю па́лку во́ротъ у́ вота́кнувши, въ до́мъ всту́пилъ

хнге́бз да́хем-жі́деі. Тхамнѣкер снсе́жа́м, хнге́бзнім јгу-ка́-
дѣ́вушкѣ́ краси́вице́ къ. Вѣ́дникъ́ ту́да всту́пилъ ко́гда, дѣ́вица со́чув-

се́зурі́ да́хе ка́жри'а́с, жі́кі жі́рісе́бла́зери жі́рісешха́с,
стѣ́е о́каза́вши, ла́ску сказа́ла, и́ е́ще (къ се́бѣ́) при́гласи́вши, на́кори́ла (и)

жі́рісе́фа́с. Тхамнѣкер снсо́, ме́журери́ ко́бзем-жі́деі сн-
на́по́ила. Вѣ́дний си́ди, послѣ́ то́го ва́къ пн́ка во́ротъ у́ та́мъ

хеса́о зе́пнблнм а́на́хнзир ка́снза́с. Ка́снснзым ко́до
воткнута́, изъ бра́тьевъ се́ми ста́рші́й при́быль. Ту́да при́быль ко́гда, о́чень

ху́со жи́'а́с: „Ми́, коле́бзу зм днде́мнжа́нім,
се́рдя́с сказа́ль: „Э́то, птн́цы (ни) о́дни ку́да къ на́мъ про́браться не мо́гутъ,

ка́ко жі́-гебе́зу ко́бзем ка́хезнса́р хетъ?“ Јі́тане гебе́зум бвѣ́ди-
при́ходя сво́ю па́лку у́ во́ротъ вота́кнувшій́ кто?“ По́томъ, къ па́лкѣ́ подо́й-

же́рі жі́тхнм се́гем ко́до пн́нері́ жі́кі мнгу́бзнже́о
да, что́ написа́но про́чита́ль ко́гда, о́чень у́страша́сь и́ (бо́льше) не се́рдя́с,

жі́-а́сі зндехрі́, жа́сем-жі́деі ко́рі фе́хус жі́ріхя́с. фе́хус
сво́е ору́жіе съ се́бя сня́вши, го́стю къ и́дя, при́вѣ́ствие о́тда́ль. При́вѣ́ствие

снрахнми һаҕеми ззи зыҕеҕејакәм. Јітәне ҕалер јі-
отдано было когда, гость (ни) одно шевельнулся не. Потомъ юноша (у) своей
пиппхум је'уиҕас: „мир теке кәкре, хет сис“ жі'ари; „сҕе-
сестры спросилъ: „этотъ откуда ида, кто есть“ сказавши; „я знаю

кәм!“ жі'ас хыгебзм. Јітәне ҕалем жі'ас: „Мнбм јі-гебеу
не!“ сказала дѣвица. Потомъ юноша сказалъ: „(На) этого палкѣ,

кобзем 'утым јітхас: „Бэеҕе-батыр ззе оҕом мин пльнҕ
у воротъ стоящей написано: „Бэеҕе-батырь однимъ ударомъ тысячу восемь-

је'уи“ жм'аго; „јинте һар'аме, зибелнһо кәҕекннҕ“ жі'ас
десять убиваетъ“ говоря; „такъ оно если, головорѣзъ окажется“ сказала

хыгебам. Аби хето, һадреј јшпыр кәснзас. Кәснзмнзм
дѣвица. (Въ) томъ находиас, другой ея братъ прибылъ. Туда прибылъ когда,

аби хуҕо кәриҕезә-сҕаке бапным јітхәм сегем, 'уви-
этотъ сердасъ началъ хота, на палкѣ написанное прочиталъ когда, пере-

азри кәкәри селам һаҕем кәрихас. Һадреј зешнехн-
ставши (и) прядя, привѣтствие гостю отдалъ. (И) другіе братьевъ млад-

ҕетхури зорихуас һа һахнзтнм ходес. Зешнахнзблр
шихъ пять стали эти старшіе оба подобно. Братьевъ старшихъ семь

жешним зе'нҕезри јі-һаҕем жытенире јі'ау јіҕеһаҕас; јіузке
ночью собравшись, своего гостя, почетъ имѣя, угостили; потомъ

псedyгнзм зем мнкохеме хунотекәм, һаҕем селам
утромъ на войну не отправиться если, было нельзя, гостю прощание

кәрәхри һунемі кәранері јі'асі, јіҕасі, јішм зе-
отдавши, въ домѣ оставили свое оружіе, свою одежду, свою лошадь пе-

рахоҕри зем коҕ. Зешнблр зем сезем,
режнннннн, на войну йдутъ. Братьевъ семь на войну отправились когда,

хыгебзмр кәҕекри, снһунем пы пҕезоле дахе кәсншри
дѣвица вышла, изъ конюшни лошадь бѣгую красивую оттуда выведши,

уане дмҕеке сҕенәо триһәри, һунем сҕеһазри, жн
сѣдло золотомъ покрытое положивши, въ домъ вернувшись, мужскимъ

снҕннке зхуапери, 'асе кәдмьһәри, кәҕекнәри, шнм шеҕри
платьемъ одѣвшись, оружіе надѣвши, выйда, на лошадь сѣвши

јеори хеһазас тһамнҕкер һунем кәдннері.

(и) ударивши, отправилась, бѣднаго въ домѣ оставивши.

кооре зем снесым, мншур кэздмкэр,
 Ёдучи на войну, мѣста достигла когда, зотъ верховой откуда прѣіхалъ,
 јимѣо кэлъо, јіѣсагоре, змснѣке дехрі немез ревеѣатит
 не зная, смотря, удивляясь, въ одно мѣсто свернувъ, намазъ ракагата два

јіѣрі, зем јіхнѣарі, ѣріѣмкыр јіхлѣасі; језым
 сѣблавши, въ войско углубившись, разгромивши, суматоху произвелъ; сама
 ззы лазе-јеммко кахеѣіарі кэкозре пет; зешмб-
 (ни) одно дѣло не иди, выбѣжавши, (онъ) возвращаясь продолжаетъ; братьевъ

лым анаѣхым: „змснѣсир везвѣенос“, жі'арі, јішабэе кэзе-
 семи старшій: „кто онъ, я узнаю“, сказавъ, свой лукъ на-

'уѣарі, кэснѣелном јі'а, шхомлакер зері'нѣым,
 ведши, пустилъ (стрѣлу) когда (въ) его руку, возжи держалъ когда,

кэзмбхерізэс. Шем јікі јіѣі ѣехо кэпнѣмкрі, кэ-
 тебъ произнѣлъ. Стрѣлы (конецъ) и ея головку скоро отдернувши, вы-

хехмзрі, біатовѣе быдо кэпхезрі кэкозэс јідеі. Кэснѣым,
 тащивши, платкомъ крѣпко перевязавши, вернулась домой. Прѣіхала когда,

јі'ар дахо јіпхері 'аѣе фнѣлѣазэс јі-
 свою руку красиво перевязавши, перчатки изящно перчатки надѣла, (такъ) что-

мнѣмхухено. Јуэке лемстер јіѣтері тѣамнѣем јі'ам зэкоѣнѣ-
 бы не узнать. Потомъ, ножицы взявши, бѣдному руку развере-

ріхрі, ѣмнѣсир пежо, јіѣетнѣснэс.
 дивши, кровь-ручей взаправду, (его) посадила.

Зешмблмр кэснэзо, мобн ј'ар ѣаѣарум хнѣбзым
 Братьевъ семь прѣіхавши, его руку тамъ увидали когда, у дѣвнцы

је'уѣсэс: „Сыт днѣасем кэснѣар?“ жэ'арі. „Сѣкэм“,
 спросили: „Что съ нашимъ гостемъ случилось?“ сказавши. „Я не знаю“,

жі'ас хнѣбзым: „нобе фѣе фнѣснѣѣа-неѣуым,
 сказала дѣвица: „сегодня, вы вы отсюда выѣхали послѣ того когда,

кэзэе'ури шпні, уані, смнѣні смхрі декрі мего
 (онъ) попросивши у меня лошадь, сѣдло, одежду взявши, выѣхавши такимъ

кэкозэо смсэс. — „Alleh, Alleh! нар дде кэтѣсэс: темашо,
 вернувшись сидитъ“. — „Боже, Боже! это мы узнали: дѣйствительно,

јіѣебэу јіткэм — тет-с!“ жэ'ас зешмблнмнѣк: „Но-
 (на) его палкѣ что написано — (это онъ) есть!“ сказали братьевъ семь и: „Се-

бе зем нахеџари кӳднѳари јимѳо змѳиѳе
 годна въ войско въхавши, (онъ) ѳдетъ откуда, не зная, въ одну сторону
 дехри немез ревеџатнѳи кӳри, кашесмари кезеу-
 вавернувши, намазъ ракагата два сдѳавши, сѳвъ на лошаѳ снова, по-
 атир водо ѳно кӳри, бѳи ми зсм кашмиѳениѳо
 зоеватъ очень хорошо сдѳавши, врага (ни) одного тамъ не лошаѳвши,
 језими лзе-јемнѳо кӳхеѳари кӳоѳ-снѳум: „зп-
 самъ дѳла не дошедшій (невредимый) выхавши, ѳхатъ сталъ когда: „ето
 смѳ зеѳеѳен!“ змс'ари, си шаѳе зп'уснѳари снѳкӳельнѳи
 онъ, узнаю!“ я сказавши, мой лукъ наведши, я пустилъ вслѳдъ было
 хар'ас зпну'ар. Бѳирнѳ мѳбѳи ѳалеѳ јихѳлѳам,
 это (стрѳлу) его раннвшу. Врагъ и этимъ увѳиѳемъ, которое положено,
 јивегуѳери 'укнзӳс“, жи'ас нӳхмзѳнм.
 испугавшись, ушелъ“, сказалъ старшій.

Абы јуѳе зешмбѳнм ѳмбарнѳпо јѳоуӳс, јѳаѳем ѳн-
 Этого послѳ братьевъ семь вѳсть большуѳ разгласилъ, ихъ госта хра-
 реу хельп, јѳшнѳху заѳори јиратӳ ѳно.
 бростъ проглядываѳтъ какъ, свою сестру единственнуѳ (ему) дали въ жени.

ѳаоре тѳезо псоо, псоми ѳеѳ кӳхуӳѳо, кӳснѳнѳно:
 Такъ блаженно живъ, всѳ почести ему дѳлаъ, тамъ боясь его:
 „ої, ої, Бѳеге-батиръ зсе 'оѳом мнн ѳѳиѳѳе јехуѳ!“
 „аї, аї, Бѳеге-батиръ однимъ ударомъ тысячу восемьдесятъ убиваетъ!“
 хужа'ау, ѳн ѳерно хуо, зсм жѳде зе ка-
 про него говорѳ, человекъ знаменитый ставши, одно селеніе войско при-
 ѳори кӳоѳельнѳс, днннзѳельнѳо, днннзѳельнѳо,
 шедши оружило, оттуда не позволяя выхидѳтъ, оттуда не позволяя смотрѳтъ,
 калем дѳкѳр ју'ко. ѳѳллем јѳѳен јимѳѳезо, бѳјѳм
 за ограду выходилъ кто, убивал. Селеніе дѳлатъ (что), не зная, врага его
 јѳ-кару пемѳлѳснѳѳе гуѳо снѳум, нӳх ѳн пѳаѳпенкер
 снѳѳ протнвѳтъся какъ, думатъ стали когда, больше мужей достойныхъ
 хахри, зсе 'оѳом мнн ѳѳиѳѳе зпнуѳ Бѳеге-батиръ
 выбравши, однимъ ударомъ тысячу восемьдесятъ (что) убиваетъ, Бѳеге-батиръ
 јдеї жѳллем ѳаѳе зпхуӳсѳезѳно јѳеѳуӳс. ѳѳѳоѳер снѳ-
 къ въ селеніи гостемъ дѳя нихъ сдѳлѳтъся послали. Посланные туда

зем жіуневуо снесмм, јепснхасеґ теућ
 Къ войску близко туда прїѣхали когда, слѣзали съ лошадей немного

пхен-һо. Бзеге-батыр жіюмле кастѣо жіпхмм,
 поѣсть чтобы. Бзеге-батырь, свой провіантъ, достали который, и онъ ѣлъ когда,

снс теућ һе-самнрнм снрнтнм, псомі жіюмлем
 часть немного собакъ-москѣ тамъ отдалъ когда, всѣ изъ своего провіанта

снс кастері самнрнм кратас, һам хомпшпре пет.
 часть взявши, москѣ отдали, собака не мочь съѣсть продолжаетъ

Здепснхам теућ сншхері шеснзрі, ззи
 (хотя). Гдѣ слѣзали, немного тамъ поѣвши, съвши верхомъ снова, (ни) одинъ

теућ жіуо нѣхрі зем жіуневуо каснхум, һаргоро
 немного ѣдучи, еще болѣе къ войску близко стали когда, опять

капснхххері Бзеге-батыр пѣнабзо зштефрі џе
 слѣзши съ лошадей, Бзеге-батырь голымъ тебѣ совсѣмъ раздѣвшись, вшей

јепло снхозем, псомі затефрі џе јеплоу хоіѣхас.
 смотря тамъ сталъ когда, всѣ раздѣвшись, вшей смотрѣть начали.

џе јепло знзһупре снсѣо Бзеге-батыр пѣнабзо
 вшей смотря, нѣсколько и посидѣвъ, Бзеге-батырь голымъ тебѣ совсѣмъ

кавснлетрі хоре-хако карем знрнзрі, снфепхозм,
 вскочивши съ мѣста, (на) жилистаго жеребца вороного вскочивши, ускакалъ когда,

һадрехері кавснлетрі, пѣано пнхем знразрі, Бзеге-батыр
 другіе и съ мѣстъ вскочивши, голыми на лошадей вскочивши, Бзеге-батыря

ји'уз жіто фепхоѣхас. Бзеге-батыр жеоре пшнм кәрнзи-
 ло его слѣду стол, поскакали. Бзеге-батырь скача, лошадь сброситъ

хннке шнне снхум ззи знг снзнрто знг кудамер
 какъ, боятся тамъ сталъ когда, одно дерево мимо лети, дерева вѣтку

ј'убндо, пшнр знснжежо, језнм ззи кәбенен жімурадә-
 схватывая, лошадь мимо скакать заставляя, самъ одно оставить думалъ

снѣке, мнхо, кудамер кәгуфнкрі зерн'нго хеһажас, жерзе-
 хотя, не случаясь, вѣтку отломивши, держа, поскакалъ, скачущій

пнто. Һадреі ји'уз жіто, жехем: „һа кудамер
 постоянно. Другіе (по) его слѣду стол, летѣли которые: „эту вѣтку

језнм хојо кәста!“ жіфестрі, кудамершо знрнз кәпафнкрі,
 самъ, нуждаясь, взялъ!“ подумавши, вѣтви большой по одной отломивши,

Бзеге-батыр кельсепожас. Бзеге-батыр жіпе
 (за) Бзеге-батыремь сідомь мчась послакали. Бзеге-батырь ихь впереди
 жіто псорі іцанехо кудаешхохері жі'нро, жехоре, калем жіу-
 стоя, всь голыми вѣтви большія держа, свача, города близ-
 незу хуахоу, калем кәдесицири зып кәсисисим,
 ко ставши, изь города заржавши, одна лошадь тамь заржала когда,
 хоре-хабо Бзеге-батыр знтесир, шибзир кәзде-
 жилистый жеребець, Бзеге-батырь сідьль на которомь, (за) кобылой, заржала.
 сесамке жіазері, калем кәісека серејим жебас зерн-
 откуда, повернувшись, крѣпости устроенный заборь перепрыгнуль съ всад-
 зетесо. „Бзеге-батыр жісар дері диденос!“ жа'ари
 нивомь на немь. „Бзеге-батырь, сдѣлать что, ми и ми сдѣлаемь!“ сказавши,
 һадрехері кецо кудаме белецешхохер жі'нро кельебас.
 другіе, коротко вѣтви мохнатыя большія держа, перепрыгнули за нимь.
 зео калем десам жо іцене шухер кәцабадум ззи.
 Войска, въ крѣпости бывшія, этихь голыхь верховыхь увидали когда, одна-
 белһ дидем хуазадері калер казанері етері жізе-
 кара важная (въ умѣ) сраивши, крѣпость оставивши, испугавшись, вер-
 зері кәздыкам козас. Нар жікатехіко, бним
 нувшись пришли откуда, убѣжали. Такимь образомь пойдя, врагомь
 жіста сһарі кәфистезас Бзеге-батыр. Јітане звездатесам
 занятый городь намь отнял оная Бзеге-батырь. Потомь раздѣлись гдѣ,
 кашезрі зыраехопезрі, сһешхо жі'аго жіде ка-
 приведши сн'ва, заставивши одѣться снова, почеть большой имѣя, домой при-
 шезас жиллеу зыптам.
 везло снова общество, (его) увозило которое.

Жиллем белһ жітріхрі, жі-һунем кәсисиса-
 (Съ) общества несчастье сн'ва, въ своемь домѣ тамь сѣлъ снова
 қам, не'уз вод мицео, не'оц ззи куазе зыво кәхуаре-
 когда, послѣ много не прошедши, другой одинь ауль пословь заставили
 коас. зыво куазем кәрекуам жа'ас мир'ас: „Дди
 прийти. Послы, ауломь были посланн которые, сказали это есть: „(На) нашей
 куазе сһгум ззи копәсе кәхуцәсм; дызерицекозиркам: ци-
 аульной землѣ одинь кабань появился; намь дасть ходить не: чело-

хў дѣмми быным дѣмми, кѣхумр језыр дде тхо-
вѣкъ, выйдеть если, скотина выйдеть если, убивающаго самого ми ми
хумркѣм; Аллехми хуи неф кѣтѣнѣахо;
(можемъ) убить не; Богъ твой взоръ добрый да на насъ тамъ обратитъ;

зернѣилео мм копѣсер тхохумнѣ, ддѣ цѣкуи, ддѣ
все общество сущее, этого кабана намъ убить какъ, наши магне, наши
јѣни динѣлеу“. ѣнѣоу кѣкор зѣе’уѣр
великіе ми (васъ) просимъ“. Послами сущіе, пришли которые, просившіе

Бзеге-батыр јѣнкхер рѣти, на хері јѣшнѣхум јѣе’узѣс,
у Бзеге-батыря его шурьевъ были, тѣ они у своей сестры попросили,
јѣ-ѣыр зернѣконѣ. Фызым кѣгеуѣс јѣе’коно. Бзеге-ба-
своего мужа послать какъ (бы). Женщина общалась послать. Бзеге-ба-

тыр кон сѣхум, . һадре ’аѣ дѣлѣам немѣс,
тыр ѣхать туда сталъ когда, другого оружія (на него) надѣтаго помимо,
ззы сѣпхо зѣсѣлѣкѣо сѣе дѣсѣе хѣдѣам
одинъ ножъ большой умѣло наточенный, въ ножнахъ золотомъ штыхъ

јѣло, крѣтѣс јѣфызым. Бзеге-батыр шѣ
лежа (вложенный), (ему) отдала его жена. Бзеге-батырь, (взъ) верховыхъ

гупышхо сѣро језері, козе копѣсер зѣсѣ’ам
компанія большая вмѣстѣ отправившись, аульный кабанъ находится гдѣ,

сѣнесым ком јѣкѣхѣнѣр, сѣ’уѣсѣс. ком јѣкѣхѣ-
туда прѣехали когда, кабанъ выходитъ откуда, спросилъ. Кабанъ, выходитъ

кѣнѣр, кѣсѣра’ам, Бзеге-батыр ку’ѣс. ком цѣнх је
гдѣ, тамъ сказали когда, Бзеге-батырь пошелъ. Кабанъ чѣловѣка или

ѣеју’ан кѣлѣауме кѣхѣк хѣзѣти; Бзеге-батыр ’уто сѣлѣ-
скотину видѣлъ если, выходитъ обыкновенно; Бзеге-батыря, стоя тамъ,

зум, кѣхѣзѣс зѣхнѣфѣтхен јѣгузо; һарѣе Бзеге-
увидаль когда, выбѣжалъ, разорвать въ клочки думая; но Бзеге-

батыр кулаі хохурі ком јѣтхнѣе кѣхорі тѣсо јѣтѣаку-
батырь удобно сдѣлавшись, кабана на спину понавши, сѣдя, его уха

мнт ј’нѣо сѣпхѣзѣс, жыле зѣлѣаум јѣѣе’алемѣто:
два держа, поскакалъ, люди, видѣли которые, настоящее чудо сущее:

„Бзеге-батыр ком тѣтѣнѣрі, хѣлѣзао кѣзѣнѣ“, жѣ’ѣо.
„Бзеге-батырь (на) кабана сѣвши, ѣлѣчи бѣгаеъ“, говоря.

Бзеге-батыр ком тесо кәрмәшһоре жіһепсирі
 Бзеге-батыр на кабанъ суда, бѣгая заставивши выбиться изъ силъ,
 жітәне жі-зын тһакуме зын 'амке жі'нзо, һадреі зын 'амке
 потомъ его одно ухо одной рукой держа, другой одной рукой
 сешхор кәрхрі, коһесезыр кәһнбзәс. кор сһнукә-
 ножъ большой вынувши, кабана старого тебѣ зарѣзалъ. Кабана тамъ убили
 не'узъм, сһншхор жі'ау жідеі кашезрі, псһзори
 послѣ того когда, почетъ большой имѣя домой привезли, княжескую власть
 кратрі, псоу тһезоу, жылем кахенезәс: „oi, oi, Бзеге-
 давши, жить блаженствовать въ народѣ остался: „ай, ай, Бзеге-
 батыр ззе 'офом мнн ільмс зһну'“, жа'аго.
 батырь однимъ ударомъ тысячу въ семьдесятъ убиваетъ“, говоря.

Переводъ.

Одинъ бродяга шелъ себѣ по дорогѣ и, изнывая отъ
 зноя, страшно усталъ. Желая освѣжиться, онъ рѣшился вы-
 купаться въ рѣкѣ, которая протекала недалеко; но прежде
 чѣмъ спуститься съ берега, онъ воткнулъ въ землю свою
 длинную палку на мѣстѣ, возвышенномъ и замѣтномъ отовсюду.
 Проѣзжалъ мимо всадникъ и, увидѣвъ воткнутую палку, слѣзъ
 съ коня, чтобы узнать причину этого. Въ удивленіи огляды-
 ваясь кругомъ, онъ посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ рѣка;
 тамъ увидалъ онъ мужчину, сидѣвшаго на берегу и убивавша-
 го вшей. Желая посмѣяться надъ нимъ, онъ вытащилъ палку
 изъ земли, немного оттесалъ, выровнялъ верхній конецъ и
 сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Бродяга-богатырь убиваетъ од-
 нимъ махомъ 1080!“ Потомъ онъ воткнулъ палку на свое
 мѣсто и поѣхалъ дальше. Выйдя изъ рѣки, нашъ нищій вы-
 тащилъ свою палку и, не обративъ никакого вниманія на над-
 писъ, пошелъ своей дорогой. Идя все дальше и дальше, онъ
 сильно проголодался. Къ счастью, онъ замѣтилъ большой бѣ-
 лый домъ, который одинъ только находился среди безпредѣль-
 ной степи. Онъ рѣшился войти туда. Въ домѣ томъ никого не
 было, кромѣ одной дѣвицы, сестры семи братьевъ; брови у

нея были шелковистыя, а глаза имѣли неотразимую прелесть; однимъ словомъ, она была писанная красавица. Подойдя къ дому, бѣднякъ воткнулъ свою палку у воротъ въ землю, а самъ зашелъ въ домъ къ дѣвушкамъ-красавицѣмъ. Когда она увидѣла бѣдняка, то сжалась надъ нимъ, сказала нѣсколько ласковыхъ словъ, навормила его и напоила. Въ то время когда старикъ сидѣлъ въ домѣ, вернулся старшій изъ братьевъ; онъ замѣтилъ воткнутую у воротъ палку и, зайдя въ домъ, въ гнѣвъ разразился слѣдующими словами: „Кто это могъ проникнуть сюда, куда нельзя пробраться и птицамъ? да и этого ему еще мало: онъ воткнулъ у воротъ свою палку!“ Сказавъ это, онъ съ негодованіемъ подошелъ къ палкѣ, но, прочитавъ надпись на ней, испугался, пересталъ сердиться и, снявъ оружіе, пошелъ, чтобы привѣтствовать гостя. Но старикъ на его привѣтствіе не обратилъ никакого вниманія и даже не пошевелился. Тогда юноша спросилъ у своей сестры: „Откуда онъ и кто онъ такой?“ — „Не знаю!“ отвѣчала дѣвица. Затѣмъ юноша прибавилъ значительно: „На его палкѣ, воткнутой у воротъ, написано: Бзеге-батыръ убиваетъ однимъ махомъ 1080!“ — „Если такъ, то онъ навѣрное какой-нибудь необыкновенный храбрецъ!“ сказала сестра. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ слѣдующій братъ; онъ тоже началъ было сердиться, но, прочитавъ надпись на палкѣ, присмирѣлъ и пришелъ, чтобы привѣтствовать гостя, какъ этого требуетъ приличіе. Съ остальными пятью братьями случилось то же самое, что и со старшими братьями. Всѣ семь братьевъ ночью собрались и угостили гостя на славу. На слѣдующій день утромъ имъ предстояло отправиться на войну, и потому они переодѣлись, перемѣнили оружіе и лошадей и, попрощавшись съ гостемъ, остававшимся у нихъ въ домѣ, уѣхали всѣ вмѣстѣ. Но лишь только братья уѣхали, дѣвица вышла, вывела изъ конюшни бѣлаго коня, осѣдала его золототканнымъ сѣдломъ и, зайдя въ комнаты, переодѣлась въ мужскую одежду. Въ блестящихъ

доспѣхаетъ она сѣла на своего коня и, ударивъ его плетью, была такова. Нищій остался одинъ только во всемъ домѣ.

Когда она пріѣхала на поле битвы, то никто не зналъ, откуда взялся этотъ всадникъ; всѣ любовались его молодецкой посадкой. Всадникъ отъѣхалъ въ сторону, совершилъ намазъ въ два земныхъ поклона, а потомъ сталъ сражаться, бросившись въ средину свалки. Враговъ онъ разгромилъ и обратилъ въ беспорядочное бѣгство, но самъ остался цѣлъ и невредимъ. Онъ уже собирался уѣхать съ поля битвы къ себѣ домой, когда старшій изъ семи братьевъ, желая узнать, кто этотъ всадникъ, натянулъ свой лукъ и пустилъ въ него стрѣлу. Пущенная стрѣла пронзила ему лѣвую руку, которой онъ держалъ поводья уздечки; но всадникъ въ одинъ мигъ отломилъ конецъ стрѣлы и, выдернувъ изъ руки, вѣршею навѣршею перевязалъ руку платкомъ и поѣхалъ домой. Пріѣхавши домой, всадникъ-дѣвица хорошо забинтовала руку, а сверху надѣла перчатки, такъ что нельзя было узнать; затѣмъ она взяла ножницы и изрѣзала бѣдному старику руку; такъ онъ и сидѣлъ со своей рукой, изъ которой сочилась кровь.

По возвращеніи съ войны домой, братья сейчасъ же увидѣли бѣдняка съ окровавленной рукой и спросили у своей сестры: „Что случилось съ нашимъ гостемъ?“ Сестра отвѣчала: „не знаю, но сегодня послѣ вашего отъѣзда онъ попросилъ у меня коня, сѣдло и одежду и, взявши все это, куда-то ѣздилъ; затѣмъ онъ вернулся и вотъ тутъ таимъ и сидитъ!“ — „О, Боже! теперь-то мы его узнали: онъ дѣйствительно тотъ же самый храбрецъ, о которомъ было написано на палкѣ!“ закричали въ одинъ голосъ всѣ семь братьевъ. „Сегодня онъ пріѣхалъ на поле битвы“, сказалъ старшій изъ братьевъ: „но мы не знали, откуда онъ; отъѣхавъ въ сторону, онъ совершилъ молитву въ два земныхъ поклона, сѣлъ снова на коня и сразился такъ храбро, что уничтожилъ совсѣмъ непріятеля, но самъ остался цѣлъ и невредимъ. Онъ собирался уже уѣв-

жать съ поля битвы, но я, желая узнать, кто онъ, натянулъ лукъ и, пустивъ стрѣлу, ранилъ его въ руку! Непрiятель, уstraшенный разгромомъ, который произвелъ въ его рядахъ незнакомый витязь, отступилъ, оставивъ насъ въ покое!»

Послѣ этого, семь братьевъ разгласили по всему свѣту, какимъ необыкновеннымъ мужествомъ обладаетъ ихъ гость, и породнились съ нимъ: отдали свою единственную сестру за него замужъ.

Такимъ образомъ, онъ съ женою жилъ въ довольствѣ, пользуясь всеобщимъ уваженiемъ; народъ его боялся и говорилъ про него: „Бзеге-батырь убиваетъ однимъ махомъ 1080!“ Однимъ словомъ, онъ сталъ знаменитымъ человекомъ! Тогда случилось, что одно селенiе было обложено со всѣхъ сторонъ непрiятельскимъ войскомъ; нельзя было выйти изъ ограды, ни даже, какъ говорится, высунуть свой носъ оттуда: враги убивали всѣхъ жителей, попадавшихся имъ въ руки. Жители совсѣмъ растерялись; они не надѣялись своими силами отстоять свою свободу. Тогда они выбрали изъ своей среды людей самыхъ почтенныхъ и послали къ Бзеге-батырю, убивающему однимъ ударомъ больше тысячи, чтобы онъ принялъ ихъ подъ свою защиту. Когда посланные прибыли къ нему, то обратились къ шурьямъ Бзеге-батыря со слѣдующей просьбой: „Поплите къ намъ своего зятя: на насъ пошелъ врагъ, который намъ причиняетъ много бѣдъ! Не можетъ ли зять вашъ насъ избавить отъ врага? Мы отъ лица всего населенiя прибѣгаемъ подъ вашу защиту!“ На это братья отвѣчали: „Зять насъ не послушается, да и свазать ему этого мы не посмѣемъ; но мы попросимъ сестру; если она согласится—наше счастье!“ Братья сообщили сестрѣ о томъ, какое бѣдствiе претерпѣваетъ селенiе, и что жители прислали за Бзеге-батыремъ. Сестра обѣщалась попросить мужа, чтобы онъ помогъ имъ, чѣмъ только можетъ. Черезъ день сестра пришла къ братьямъ и объявила о томъ, что Бзеге-батырь обѣщался пойти. Она дала

наставленіе, какъ обходиться съ нимъ: „Вы должны во всемъ ему подражать“, сказала она: „дѣлайте то, что онъ будетъ дѣлать!“

Они сочли нужнымъ захватить съ собою собачку-моську, и повезли ее на лошади. Когда наступило время къ выступленію, для Бзеге-батыря осѣдали вороного чудо-коня (изъ породы—алп). Онъ выѣхалъ въ сопровожденіи шурьевъ и другихъ всадниковъ на войну съ непріателемъ, осаждавшимъ селеніе. Когда они приблизились къ войску, то слѣзли съ лошадей, чтобы немного закусить. Закусывая, Бзеге-батырь бросилъ собачкѣ кусочекъ изъ того, что онъ ѣлъ, и всѣ его спутники сдѣлали то же самое: бросили моськѣ по кусочку, хотя собачка и не могла всего съѣсть. Закусивши, снова сѣли и поѣхали; когда уже подѣхали совсѣмъ близко къ непріятельскому лагерю, опять слѣзли съ коней, а когда Бзеге-батырь раздѣлся донага и сталъ искать вшей въ одеждѣ, и другіе сдѣлали то же самое. Посидѣвъ немного надъ этимъ занятіемъ, Бзеге-батырь быстро поднялся, вскочилъ голымъ на своего вороного чудо-коня и понесся во весь духъ; другіе, подражая ему, сдѣлали то же самое: вскочили голые на коней и понеслись за нимъ. Несясь во весь опоръ, Бзеге-батырь, боялся упасть съ лошади и потому хотѣлъ схватиться за вѣтвь дерева, подъ которымъ онъ долженъ былъ проскочить, такъ чтобы коня пропустить межъ ногами, а самому остаться на вѣткѣ, и этимъ спасти себя отъ паденія. Но его предположеніе не оправдалось: вѣтка не выдержала его тяжести и, отломившись, осталась въ рукѣ быстро несущагося Бзеге-батыря, отчего конь понесся еще съ большей быстротой! Скачущіе за нимъ подумали, что, вѣдь, не даромъ же онъ захватилъ съ собою вѣтку, и, отломивши по большой вѣтви, помчались во весь опоръ за Бзеге-батыремъ. Впереди летѣлъ Бзеге-батырь, а за нимъ всѣ другіе—голые, съ большими вѣтвями въ рукахъ, и уже очутились у села, занятаго непріателемъ. Вдругъ вороной

жеребецъ, на которомъ сидѣлъ Бзеге-батырь, слышавъ ржаніе кобылицы въ укрѣпленномъ лагерѣ непріятеля, понесся прямо на лагерь, перепрыгнулъ, со всадникомъ на немъ, черезъ ограду, которой былъ обнесенъ лагерь, и такимъ образомъ очутился въ непріятельскомъ лагерѣ. „Что Бзеге-батырь сдѣлалъ, то и мы должны дѣлать!“ сказали всадники и перепрыгнули одинъ вслѣдъ за другимъ черезъ ограду, имѣя въ рукахъ по большой густолиственной вѣтви. Увидѣвъ голыхъ воиновъ, вооруженныхъ вѣтками, непріятель подумалъ, что это ниспослано на нихъ какое-нибудь особенное испытаніе: испугавшись этого необыкновеннаго войска, онъ бросилъ свой лагерь и убѣжалъ туда, откуда пришелъ. Такимъ образомъ Бзеге-батырь освободилъ отъ непріятеля селеніе и тѣмъ спасъ его жителей. Потомъ жители селенія привезли его опять на то мѣсто, гдѣ онъ со всадниками раздѣвался, попросили его одѣться и съ большимъ триумфомъ повезли домой.

Избавивши селеніе отъ страшной бѣды, Бзеге-батырь по-прежнему сталъ жить въ своемъ домѣ. Немного спустя къ нему прислалъ какой-то другой аулъ пословъ. Присланные отъ аула сказали слѣдующее: „Въ окрестностяхъ нашего аула появился дивій кабанъ и не даетъ ни людямъ ни животнымъ проходу: тѣхъ и другихъ, какъ только поважутся, онъ растерзываетъ, и мы не можемъ ничего подѣлать съ этимъ хищнымъ животнымъ! Да обратитъ Богъ на насъ твое милостивое вниманіе; мы отъ мала до велика просимъ тебя убить этого кабана!“ Посланные просили Бзеге-батыря черезъ шурьевъ, а тѣ попросили сестру, чтобы она уговорила мужа. Сестра обѣщалась его послать. Когда Бзеге-батырь сталъ готовиться въ путь, то, кромѣ того оружія, которымъ онъ былъ увѣшанъ, жена дала ему отточенный большой ножъ въ ножнахъ, вышитыхъ золотомъ. Бзеге-батырь съ большой партіей всадниковъ поѣхалъ въ тотъ аулъ, который столько натерпѣлся отъ кабана. Приѣхавши туда, онъ попросилъ указать ему то мѣсто,

гдѣ кабанъ обыкновенно бросается изъ лѣсу на людей или скотину. Онъ отправился туда. Какъ только кабанъ увидѣлъ Бзеге-батыря, то бросился на него, желая его растерзать, но Бзеге-батырь, съ большой ловкостью вскочилъ на спину кабану, схватилъ его за уши и поскакалъ на немъ верхомъ, на удивленіе всего народа. Народъ кричалъ: „Ай, Бзеге-батырь на кабанѣ катается!“ Такъ онъ катался до тѣхъ поръ, пока кабанъ не выбился изъ силъ, а потомъ, держась одной рукой за одно ухо, другой вынулъ ножъ и зарѣзалъ его. Убивъ кабана, онъ возвратился домой съ большими почестями. Народъ далъ ему княжеское достоинство. Онъ сталъ жить въ покоѣ и полномъ довольствѣ. Среди народа не умолкала слава о томъ, что „Бзеге-батырь однимъ ударомъ убиваетъ больше тысячи!“

4. Нарунъ-Незнайко.

Зымъ ѡнѣ горнымъ зымъ коѡнѣ зако
 Одинъ человекъ хорошей нѣкѣй одного сына маленькаго единственнаго,
 јі'ар зикѡнрѣ шнѣузшше зымъ махо
 нѣмѣ котораго, съ собою туда взять, лошадей трави безъ въ одинъ день
 ѡуѡ, зымъ шнѣе тѣамнѣе цѣку бѡгумъ телѡ смѣ
 поѣхавши, одного жеребенка бѣднаго маленькаго, на дорогѣ лежа, встрѣ-
 'уѣемъ, јікоѡнвумъ гумъ зырѣрѣ шнѣе цѣвумъ-
 тили когда, его сынъ маленькій, изъ арбу сбросившись, жеребенку маленькому
 јдеі жеоре корі вѣо бѣдеѡлѣасъ: „зымъ дѣмнѣе ѡуно-
 е, бѣгомъ пойдя, плача, подлечь: „никакъ намъ не повезти нель-
 камъ!“ жѣ'арі. „Сыто дѣѡнно ммъ шнѣе нѣкоѡеръ?“
 змѣ“ сказавши. „Что намъ сдѣлать (изъ) этого жеребенка полумертваго?“
 јдемъ жѣ'а-ѡѣке, јімѣдо гумъ кѣрнѣлѣарі јдеі
 его отецъ сказалъ хотя, отказываясь, въ арбу положить заставивши, домой
 кѣздешері, смѣоре зымъ махомъ нѣхрѣ зымъ махомъ
 съ собою привезши, тамъ воспитывая, одинъ день больше одинъ день
 нѣхѣ ѡуре шнѣе хѣрзнѣе кѣхѣасъ шнѣе нѣкоѡѡѣ
 лучше становясь, лошадь великоѣнная вышла (изъ) жеребенка, полумертвымъ

ѡгум траѡтнѡмъ. Шшир шши ѡрно хури алѡе
на дорогѣ которыи былъ иже найдеть. Ломадь ломадью именитою ставши, алья-

јігеувѡ абш тето-снито вѡмахо гор
(породоѡ) замѣщанной (принянной) это соблюдалъ столъ, въ оцнѣт день какой-то,

ѡалем јідегі демысо језыр гупнѡ корі, кѡкѡзѡ, јі-
юноши отецъ отсутствуя, (а) самъ на свадьбу пошедши, возвратившись, своей
не-јдеі снѣсѡазнм, јіге лѡмъ кѡшѡ, зернѡе-
матери къ туда зашелъ снова когда, мать человека привезши, позволяетъ

рыѡашо снѡлабум, јігу јеуорі, јіш шес-
улаживать что, тамъ увидалъ когда, его сердце ударивши, на свою лошадь

рі декрі хѡгарі ззи тѡмахоке кѡкуѡ хетѡс, јіне
сѡвши, вышедши, ухвативши, одну недѣлю страствуя былъ, на свою мать

јепленке јісѡе теһуќнпмѡ. Ззи тѡмахор снѡсѡнм
смогрѣлъ когда, себя ради стыдѡсь. Одна недѣля прошла когда,

јісѡн-јимѡсѡо. јіне цнхум иешенше јіхѡсннннке
(что) дѣлать не зная, свою мать (предъ) людьми стыда безъ дѣлать (когда)

һуќито хури, јідеі кѡкѡзѡс. Кѡкѡзѡ јіһуне јіс-сѡе
стыдиться ставши, домой вернулся. Вернувшись, въ своемъ дохѣ жилъ хотя,

јінем јіinne јемнѡлѡфо һаоре снито
на свою мать его глаза не могли смотрѣть хорошо, такимъ образомъ стоя

снхум, јінемре сѡсеѡ јінем кѡшмере шиво хури:
тамъ сталъ когда, его мать и любовникъ, матерью приглашаемый, бояться ставши:

„мнбш дѡе 'аѡекоденѡ дѡе нехѡпо змгорке дымнһуќме,
„отъ этого мы погибнемъ, мы прежде чѡмъ-нибудь мы не убоимъ если,

лѡ'арі, ѡалер зернһуќннем, јілабнм зеѡалѡћѡс. Лабнмо
сказавши, юношу отъ себя убить какъ бы, заговоръ отъ себя сдѣлали. Заговоръ

зеѡалѡћѡр мнр'ас: „ѡалер днһуќннм, јіпѡеке һапнмо
сдѣланнѡй этотъ есть: „Юношу убить прежде чѡмъ, раньше эту лошадь судую,

зерншпер дымнѡекодеме, ззи тхоһуќнннкѡм ѡалер“,
возится съ которок, мы не уничтожимъ если, одно (не) намъ убить не юношу“,

лѡ'ас јінем јісѡсѡлнм. Пар зерндрѡеодннмом јіама-
сказалъ его матери любовникъ. Эту отъ себя намъ уничтожить какъ, ихъ спо-

һр һар'ас: уо снмгеешко змѡ; 'авѡго дунѡснм тезыр
собъ это есть: ты большой много сдѣлайся; лѡварства на свѣтѣ находятъ какія,

пхузєблахнѣ; харѣеке ззи себєп кѣпхомнѣхо
 для тебя испробуютъ; но одно (ни) полезнымъ тебѣ не приходится

знѣ. Жуке ззи 'азєро самнзотнѣке ссе
 что, сдѣлается. Потомъ одного (ни) лѣкарства тамъ не найдутъ когда, а

хнбаро жмлем смзѣ'унѣ: „алпнѣ жефеме ху-
 молву въ народѣ здѣсь я распространю: „альпа крови выпьеть если, ви-

знѣно!“ жмсанѣн; аби смром хуїлѣм хуїко жемн'уї-
 здоровѣть!“ и скажу; въ это время твой мужъ, твоего сына не распро-

смзнхо хуїком јіалпнр пхуїхукнѣ!“ жї'аѣ. „Хунѣ“,
 сивни, твоего сына альпа въ твою пользу варѣжетъ!“ сказалъ. „Хорошо“,

жа'арі зєбѣдєкмарі фнзним сммєгєшхо знѣаѣ маѣе:
 сказавши, разоидясь, женщина большой много сдѣлалась (и) умираеть:

„сммєгєшхо!“ жа'аго. жн харзним јїфнзнр сммаге
 „больна много есмь!“ говори. Человѣка знатнаго его жена больна

смхум, дунєм 'азі 'азєруї кѣтрамнно хо-
 тамъ стала когда, на свѣтѣ (ни) лѣкарей (ни) лѣкарствъ не оставитъ о ней

гузєвѣс, харѣе знѣ себєп хомнѣхо, хохунн
 побєзпокоились, но никакой пользы для нея не оказывал, подходящее

јїзотнѣке мнгузєзо, куазєм хнбаро зєрахо хоїаѣс; модє
 найти какъ, не надѣясь, въ сєлєнн (сѣ) молвою носитъсѣ началъ; тутъ

ззи горнм жї'аѣ: „мн фнз сммагер алпнѣ жефеме,
 однѣ кто-то сказалъ: „эта женщина больная, альпа крови выпьеть если,

хузнѣно“, жа'аго; фнзним јїлѣм смзєхнхнм јїком
 выздоровѣть“, говори; женщины мужъ тамъ услышалъ когда, своего сына

кѣрїгері жрї'аѣ: „хуїнер алпнѣ жефеме
 къ себѣ призвавши, отъ себя сказалъ: „твоя мать, альпа крови выпьеть если,

фнхузнѣносі; хушн хохуїкі јїлѣ
 хорошо выздоровѣть; (потому) твою лѣмалъ для нея зарѣжъ (и) ея кровью

жєвѣфе!“ кѣжрї'аѣ јїком. „Хунѣ, хозуїмнѣс“, жї'арі,
 напої!“ сказалъ своему сыну. „Хорошо, для нея я зарѣжу“, сказавши,

ѣалєр јїдєм-јїдєі кѣѣкѣмарі јіалпнз цнлєум-јїдєі
 юноша своего отца отъ выїдѣ, своему альпу старому маленькому къ

кѣрї јїо тнєсѣс: „Аллєнн смрѣнехуаѣс: хусѣахуїмнѣнос“ жї'ао
 поїдѣ, плача, сѣлѣ: „Богъ меня разорилъ: тебѣ мнѣ зарѣжутъ“ говори

пнѣо. Јітане Аллѣмм јі'амыр ѓалем алпвр кѣпселѣс;
 (и) плача. Потомъ по Божьему дозволенію съ юношей альпъ заговорилъ:
 кѣселѣсем кѣжрі'арі мвр'ас: „Нуммшине, смѣале!
 тамъ заговорилъ когда, сказанное воть это есть: „Ты не бойся, мой юноша!
 ссе смѣфану'мнкѣм, хао нујінем хоре сере-ці јі'ѣауу
 меня меня тебѣ убить не, такъ твоя мать тебя и меня здѣсь (чтобы) видѣть
 мнѣхур, змсѣпѣке дн'у'кме, хузнѣс; хао смѣнт-
 не дѣлающаяся, куда-нибудь мы уйдемъ если, выздоровѣетъ; такъ здѣсь стоятъ
 ѣе дері Аллѣмм жі'аме, нујінем днкѣздмннѣауу
 когда, мы, Богъ скажетъ если, твоей матери насъ гдѣ (бы) не увидѣть,
 змсѣпѣе днкѣонѣ. Дјі'у'кѣке хунор мвр'ас: нобе
 куда-нибудь мы поѣдемъ. Намъ уходитъ какъ, дѣлающееся это есть: сегодня
 пнегеоне'узым кѣспесі дндереѣм; „тене 'у'корі?“
 полуденнаго намаза послѣ (на) меня садъ, мы выѣдемъ; „куда поѣхавши?“
 жі'ау нујідер кѣ'у'пѣме: „сіпнм теу'у кразні'маннѣо
 говоря, твой отецъ спроситъ если: „на моей лошади немного погарцовать
 смдоѣ, ссе кѣѣозме ѣезѣезезно!“ жі'а, губѣом
 я выѣзжаю, я вернусь когда, насколько я заставлю зарѣзаты!“ говоря, въ поле
 हुदै; змзаһуре кѣпкудн, јі'тане ффн пѣанте кѣдѣле-
 выѣзжай; нѣкотрое время ты поѣзди, потомъ въ вашъ дворъ вско-
 деаі, ффн бже-упе нуѣадм нујіде кѣсепн, жі'а:
 чи, вашимиъ дверями къ ты подсколи, твоего отца вызови, скажи:
 „снјіне јі'ѣауу мнѣхур сер-ці: ссе се'ужез; Аллѣмм
 „моя мать видѣть не дѣлающаяся меня здѣсь: я уѣзжаю; Богъ,
 смзднннм, смѣонѣ! језнри ссе смѣммнѣа-
 меня куда бы ни везъ, я поѣду! (и) она меня меня здѣсь не будетъ
 зуѣке хузнѣс!“ жі'а кѣзеу днкѣезез! Дде
 видѣть когда, выздоровѣетъ!“ скажи, ударь меня, насъ заставъ уѣхать! Мы
 кѣсезезѣе, уі! сјі! жа'ансі кѣткѣлезнѣс, һарѣѣаке да-
 отсюда уйдемъ когда, аі! вост! скажутъ: (аа) тобой погонятся, но насъ
 хобидннкѣм“. — „Хузнѣс, һар'аме“, жі'арі ѓалем, алпнм знри-
 ннѣ поймать не“. — „Хорошо, такъ если“, сказавши юноша, альпъ отъ себя
 жн'ам ходоо ззын кернѣху јірнѣху смнн'ау
 -сказалъ какъ, такъ, что одно (не) убавлять, (не) прибавлять, тамъ не имѣетъ что,

зырї јідеі касыдеќым кайельнїхъ-сшаке, јїхомн-
сдывавши, изъ дому оттуда выхалъ когда, погнались хотя, умѣя не пой-
быдо каќомере кайео, зым-мезнз горым коцїрїрре-
мать, поѣхать если до ушаду, въ одинъ лѣсъ старшїй какой-то пробираться

пет; алпыр кавн'арї, лебекоху зырї зе-
продолжартъ; алыпъ остановившись, ноги раздвигаетъ что, сдывавши, по на-
рылекошнсысм зыш каре уане-зетель мезым кайекъ-
стоящему заржалъ когда, одна лошадь вороная осыдланная изъ лѣсу вышед-

рї вогум јїеке кавувае јїкї зыбредмѣоѣас. Шпш карем
ши, по дорогѣ впереди стала и подпустила. Къ вороной лошади

сыбреднѣем алп пѣцеопль цмкѣу зытеспр кайп-
тамъ подѣхалъ когда, алыпъ гнѣдой маленькїй, на которомъ сидѣлъ, за-

саѣерї жї'ас: „Мыр ссы смкошс: хусыхоим
говоривши, сказала: „Это моя моя родня есть: тебѣ понадобится когда,

бзотнзмнс; јїш совѣу смс теѣу кайекї хутынсмз“.
ты найдешь; изъ ея лошади гривы часть немного выдерни (и) отпусти“.

Зернжн'ам, ходео шпш-совум цм теѣу кайнкрї јутын-
Сказала какъ, такъ изъ лошади гривы волоса немного выдернувъ, отпу-

снзас.

стала.

Абм блекры зысашуыр јїкуо харгорео шпш зы-
Этого проѣхавши, одно мѣсколько проѣхавъ, снова лошадь, си-

теспр 'увнѣрї смсысм зыш пѣцеоле уане-
дѣлъ на которой, остановившись, заржала когда, одна лошадь бѣлая осыд-

зетель амѣ јїф'асї теѣо мезым кайекрї вогу-
ланная одного человека съ доспѣхами находясь, изъ лѣсу вышедши на дорогѣ

пемке кавурї зымнїео зерїекоѣоѣас. секолем
впереди остановившись, не двигался, къ себѣ подпустила. Туда подошелъ когда,

шпш зытеспр кайсаѣерї жї'ас: „Мырї ссы смшне-
лошадь, сидѣлъ на которой, заговоривши, сказала: „Этотъ мой мой старшїй

кнзас! шпш хухоѣ смхум бзотнзмнс! јїсовѣу
братъ есть! лошадь тебѣ нужна станеть когда, ты найдешь! изъ ея гривы

смс теѣу кнхекї хутынсмз“, смжї'ам совум цм
часть немного выдерни (и) отпусти“, тамъ сказала когда, изъ гривы шерсть

тєкү кәхнїрі п̄сезолері жінӯтпснз̄ас. п̄сезолер снтуп-
немного выдержавши, блага коня отпустилъ. Благо коня тамъ отпу-

снз̄а-не'узм̄, мезнм хе̄рї энз̄аһу-дмде жіуо
отпел послѣ того какъ, изъ г̄су внѣхавши, довольно долго поѣхавши,

ззм̄ хан горнм̄ жікоме жіушево смнеснм̄, алпн п̄це-
одного хана н̄скоого (к̄) его аулу близко туда прїехали когда, альпн гн̄-

бош̄лоу знтеспр̄ капсаєері жі'ас: „Пігі жігі сері
дой, на которомъ сидѣлъ, заговоривши, сказалъ: „Да, теперь (у) меня

снсокум̄ цнм̄ заһул̄ кәхе̄кї сүтпснз̄; жі'ане је
изъ моей гривы волосъ н̄сколько выдерни (н) меня отпусти; котомъ или

ссе је смпнех̄нз̄хем̄ жісн̄с̄ һузкоі х̄уме, һуз-
а или моихъ братьевъ старшихъ ихъ часть тебѣ нужны стануть если, тебѣ

хоі х̄ум жісовү кәхепк̄а цнм̄ сн̄с мафем̄
нужнымъ сдѣлашагося (изъ) его гривы выдернутыхъ волосъ часть на огнѣ

јеҗеу, тене һусн̄с'амі кәпхосн̄с̄ уо һузхоір.
погрѣй, гдѣ ты ни былъ бы, тебя для прибудеть тебѣ тебѣ нуженъ кто.

Уо мн̄ кожем̄ дн̄а; кәс̄опсаєе, снт̄ кәбжа'амі,
Ты въ этотъ аулъ зайди; тамъ заговарятъ когда, что (ни) тебѣ сназали бы,

жму'ап̄ јемнт̄: „нарун!“ нн̄х̄уме һупсеєево кәсм̄х̄уке.
отвѣта не давай: „нарун!“ не иначе тебѣ говорить случится когда.

Һушхене жа'амі: „нарун!“ жі'а т̄снм̄ шхе. Һулезе-
Тебѣ ѣсть скажутъ если: „нарун!“ говори, садъ (н) ѣшь. Тебѣ рабо-

но жа'амі: „нарун!“ жі'а һарнн̄х̄уме ззм̄ жіху-
тать скажутъ если: „нарун!“ говори, этого кромѣ одно (ше) ихъ ради

жумн'а. Жн̄ь х̄уме һух̄упо, жао ко'ӯпснме:
не говори. Деревьевъ защитникомъ тебѣ сдѣлаться, говори, спросятъ если:

„нарун!“ жао х̄аннм̄ жіжн̄ьнм̄ жеоре ко; абн̄ һусн̄во̄е:
„нарун!“ говоря, въ хана его садъ б̄гомъ иди; туда ты пойдешь когда:

„жн̄ь х̄уме х̄унос!“ жа'ансі, х̄аннм̄ һурїжн̄ь
„садовнм̄ сторожемъ будетъ!“ скажутъ, хана тебя отъ себя сада

х̄умо һукаєенен̄с̄, жі'ас. „Х̄унос!“ жі'арі ф̄алер̄ шпнм̄
сторожемъ тебя оставятъ“, сказалъ. „Хорошо!“ сказавъ, конюша, съ лошади

јепснх̄рї жісн̄зн̄рї энснх̄рї шпнм̄ жірн̄пх̄нз̄рї, жісовумі
сн̄зши, свою одежду снявши, къ лошади привязавши, ея изъ гривы

ци заһул кӑхыҗри, шпир јутпичари робенека
 волосъ нѣсколко вырвавши, лошадь отпустивши, въ войлокъ старый
 цӑкӑ сьзо кожей кӑдеҗӑс. Кожем сьдеҗем се-
 маленый переодѣвался, въ аулъ зашелъ. Въ аулъ зашелъ когда, при-
 лам кӑзнхами. җеҗоҗ җну'ап јирмитто: „нарун!“
 вѣстивше отъ себя вынулъ если (кто), кроҗь отѣта не давал: „нарун!“
 җри'ӑс; „тенеке һукӑкре?“ җи'аго, кӑ'уҗсам: „нарун!“
 отъ себя говорилъ; „откуда ты идешь?“ говора, спросили если: „нарун!“
 мӑхуме җну'ап јирмтӑкӑм. Һаоре хет сьтӑе кӑ'уҗсам:
 кроҗь отѣта отдалъ не. Такъ кто о чемъ бы (ни) спрашивалъ:
 „нарун!“ мӑхуме җну'ап јирмитторе ханым јибҗеу 'уҗӑо,
 „нарун!“ кроҗь отѣта не отдавал, къ халу въ его дворъ пришед-
 . кӑзре'уҗсмиҗе: „зихоир Нарун?“ җи'ае јибҗо
 ши, разспрашиваютъ когда: „нужно что, Нарун?“ говорятъ если, дѣлал,
 зихом: „парун!“ нах кӑҗиримнау; „җиҗ хуме
 ему нужно что: „нарун!“ больше (онъ) не говори; „садовымъ сторожемъ
 һухун!“ җа'ари, кӑсе'уҗсмм, „нарун!“ җи'ари җеоре җиҗым
 ты будешь!“ сказавъ, спросили когда, „нарун!“ сказавъ, бѣгомъ въ садъ
 ськом: „җиҗ хуме хуноҗ!“ җа'ари псҗӑй теу
 пошелъ когда: „садовымъ сторожемъ будешь!“ сказавши, балаганъ почти
 хуасҗри ханым јиҗмӑ песоу каҗенӑс. Зинаһуҗре
 сдѣлавши, хана его садовымъ сторожемъ оставили. Нѣсколко времени
 җиҗ хумӑо јиҗир. јибҗото җиҗири хадери зехиһу-
 садъ сохранивъ, свою лошадь найдя, садъ и огородъ отъ себя потон-
 теме фѣф сьхум, меҗе теу јибҗри зм
 тать если (бы), пріятно тамъ стало когда, огонь немного сдѣлавши, въ одну
 зеп горим шпир карем јисокум сьсир маҗем сир
 ночь. какум-то коня вороного изъ его гривы часть на огнѣ тамъ погрѣлъ
 роум, шпир карер кӑсри бзиҗым кӑкери'уҗӑс; кӑсмиҗе-
 когда, лошадь вороная, приближавъ, за плетнемъ остановилась; стала
 рн'увем теҗри сьҗмно, 'аҗео, теҗыр кӑтырхри сьҗмноыр
 когда, вставши, одежды, оружя, лежали что, съ себя снявши, одежду
 зисҗтаҗери, 'аҗер зигуҗҗари, шпир псҗри хадер
 на себя надѣвши, оружје на себя надѣвши, на лошадь сѣвши, огородъ

јіһуто хеѣаѣ; змзаһуі снһутем јепсмхизрі
 топтать вѣхалъ; нѣскольго тамъ потопталъ когда, слѣзши (съ лошади),
 зитеѣзрі шпрі јутиѣмаѣ, јісоку цм кѣхікрі. Хано
 раздѣвшись, лошадь отпустилъ, его гривы волосы вправъ. Ханъ,
 зм-жмъ-хумем, пхујіѣ јі'ати; јінехіѣ дидер
 садъ котораго охранялся, дочерей трехъ имѣлъ; (всѣхъ) младшая самая
 кѣѣкѣо, јілебуаѣ јіхаде пес Нарунъ цм-
 вышедши, видѣла ихъ огорода сторожемъ Наруномъ старымъ ничтож-
 еум јіѣа псоурмъ. Псединъмъ хадем кѣхадері: „ми-
 нимъ дѣлавное все. Утромъ въ огородъ вошедши: „этотъ
 хадер змһутѣр ситъ“ жа'ау, кѣуіѣ-снхум; „На-
 огородъ вытоптавшій кто?“ говоря, спрашивать стали когда; „На-
 рун!“ жи'ау хадер кѣжмѣо хойѣаѣ, һармнхуме зм
 рунъ!“ говоря, (по) огороду бѣгать началъ, этого кромѣ одного (ни)
 жму'ап јірмито. „Аллеһимъ Нарун мѣо һуѣѣ!“
 отвѣта не отдавалъ. „Богъ Наруна несчастнымъ тебя сдѣлать да за-
 жа'ари кѣхохуѣері јікнѣаѣ һамахом. Жѣс снхум
 ставитъ!“ сказавъ, его побранивши, вышли въ тотъ день. Ночь стала когда,
 Нарун горимъ маѣ јіѣрі пѣѣодем јісокуцѣр
 Нарунъ какой-то огонь разведши, бѣлаго коня (изъ) его гривы волосъ
 маѣем снрмѣом пѣѣодеѣр кѣсрі бѣжнм
 на огонь погрѣлъ когда, бѣлий конь старый, приближавъ, за плетнемъ
 кѣѣѣернһуем, Нарун кѣікуаѣері, змкнхуаѣері пѣѣодем
 тамъ сталъ когда, Нарунъ подождя, одѣвшись, на бѣлаго коня
 кѣпесрі хадер һале-мѣо змхнхутері ннмн јепсмхизрі
 сѣвши, огородъ окончательно вытоптавши, съ лошади слѣзши,
 јісоку снѣ кѣхікрі јутиѣмаѣ. На жепнми ханнком
 его гривы часть выдернувши, отпустилъ. Въ эту ночь хана
 јіпху нехнѣем кѣлебуаѣ. Неху снрі псединъмъ
 его дочь младшая (его) видѣла. Разсѣтъ ставши, утромъ
 цмххер хадем кѣдеһари: „мыр сит зѣбѣһутѣр?“
 люди въ огородъ зашедши: „это кто заставившій вытоптать?“
 жа'ау, хуѣо снхоіѣхем: „нарунъ!“ жи'ау хадер кѣжмѣо
 говоря, браниться начали когда: „нарунъ!“ говоря, по огороду бѣгать

jitās. Jiсenerеi жешим шши шщеропъ кáхоуам
 дался. Въ третью ночь на лошадей гвѣдуу, приближала къ нему которая,
 тешищери, хадем ззи кáшмишенизо jihутāс. На жеш
 стьни, огорода одно (не) тамъ не оставляя, витонталь. (И) въ эту ночь

горшми ханым jipхū нехмсем кáвезуāс. Jiсenerеi махomi
 каку-то хана дочь младшая (его) увидала. Въ третій день

jipe кмсе змезершым ходео зшоре кáхоншино кá-
 (въ) первый (разъ) какъ себя дѣлалъ какъ, такъ дѣлал, обругать, по-

зеоно цмх кáдашхер смхоизем: „нарун!“ жi'аў хадем
 драться люди, зашли которые, тамъ начали когда: „нарунъ!“ говоря, въ огородъ

хебедезри кáзмшо хетāс; мехопсом мобихем смт жа'амi,
 забѣжавши, бѣгать дался; день дѣлнй они что ни говорили,

„нарун!“ нāх жму'ап jipmнто.

„нарунъ!“ крохъ отвѣта не отдавал.

Ханым jipхū нехмсо Нарун jифеў смтахер змье-
 Хана его дочь младшая, Нарунъ дѣлать спускается что, отъ себя

бор кáгоуāt, харше jиппихū нехмхер дести:
 видѣла которая, была влюблена, но ея сестры старшiа сидятъ дома:

нахем капубидмрт ъм дэконмр. Абм-щѣеке jи-шпихухем
 онъ задержали замужъ выйти. Этого для (на) своихъ сестеръ

jишнāс: „смше ъм фидемкоре?“ жi'арi. Шпихū нехм-
 набросилась: „зачѣмъ замужъ вы не выходите?“ сказала. Сестры стар-

зо нар змжирм'ам jифе-жемиво jiki jиппихū нехмсер
 шiа это ея сказанное считая неприличнымъ и еще ихъ сестру младшую

jифе-делоу: „Нар тао жит'ан, дшјдем ззи смжм-
 считала глухой: „Это какъ (тебѣ) скажемъ, нашъ отецъ ничего здѣсь не

мм'аке“, жа'аў смхум хмгебш нехмсем жi'āс:
 говорить когда“, говорить стали когда, дѣвица младшая сказала:

„ѣмконшо нар дшјдем зержāv'анор вжāс'анс
 „Пословъ безъ это нашему отцу отъ себя вамъ сказать какъ, вамъ я скажу,

фнкáзде'уме“, смжi'ам; „хунс, дшноде'унс;
 вы меня послушаетесь если“, сказала когда; „хорошо, мы послушаемся;

кáжм'а!“ жа'арi кáжрае'āс. „Jинте жiс'анор нар'ас:
 скажи!“ сказала, позволили себѣ рассказать. „Такъ, я скажу что—это есть:

хадем дивреѣн, несмѣ каѣсдмврѣк: зыр
въ огородѣ мы тебѣ зайдемте, огурца три мы тебѣ сорьемте: одинѣ

хуѣао, зымн јѣо, зыр мнхѣ хуѣао; ханесмѣри
тебѣ спѣлнѣ, одинѣ (въ) кору, одинѣ не спѣлнѣ сдѣлавннсе; эти огурца три

сеѣнннм јѣдмврѣѣннм хуне'утнм днјѣдем ходмврѣ-
въ тарелку мы тебѣ положимте, съ рабннѣй нашему отцу мы тебѣ непрѣмннно
рѣн! На жѣс'ам ходе, несмѣ ѣаѣке, дн-
пошлемте! Это мною сказанное какъ, огурца три туда понесутъ когда, нашѣ

јѣдем 'акнѣ јѣ'ахеме, ѣнм днзѣрнхоір јѣсѣнѣ. — „Хунѣ“
отецъ умѣ ннѣветъ еслн, мужѣ нашѣ нуженѣ что, узнаетъ.“ — „Хорошо“

жа'арѣ, зѣшнпхуѣснмн зѣдѣстѣсрѣ зѣрнжа'ам ходоѣ
сказавшн, всѣ сестѣрѣ тебѣ трѣе, согласнвннсе, отъ себѣ сказанн какъ, такъ

јѣдем снхуѣннм, гуѣнѣтѣс јѣпхухѣр ѣнм
въ нхѣ отцу туда ему отнеснн когда, прнвѣлѣ во зннн ианѣ, его дочѣрамѣ мужѣй

зѣрнхоім. Ханнм јѣпхухѣм ѣнм зѣрахоір снсѣм
нужно что. Хана его дочѣрамѣ мужѣм нужны что тамѣ узналѣ когда,

хунаѣе јѣѣсѣ ѣнху јѣзннм јѣннлѣем снсѣр кѣзѣхо-
прнказанѣе сдѣлалѣ, люди въ самого его общѣствѣ живущѣе собралнсе

снмно, жѣсѣ махуѣс јѣпхе-јѣфе јѣсннно, јѣпхухѣмннм јѣзннм
чтобы, нощн трѣ, днн трѣ, ѣду-пнтѣе устроилн чтобы, его дочѣрн н сама

ѣназ, ѣно кѣхѣхннм зѣрѣрѣтннор. Дунѣнм
каждаѣ, (за) мужа, выберѣтѣ котораго, отъ себѣ выдѣстѣ что. На сѣнѣ

пѣсно уоркоі сн'а псѣрѣ кѣве'уѣсѣ ханнм нѣѣѣу јѣтѣр
кннзѣлѣ, двѣряне естѣ которнѣ, всѣ собралнсе, каномѣ время назначенное

кѣснснм фнз-кѣзннпѣн знгу-хѣтѣннмнн знка'уѣдѣрѣ: „ѣа-
тамѣ наступнло когда, женнтся думалѣ это, нардѣвннсе: „хан-

ннм јѣпхум днкѣхнхннѣ!“ жа'арѣ кѣкоѣс јѣпхе-јѣфѣм.
скаѣ его дочѣ насѣ выберѣтѣ!“ сказавѣ, прѣѣхалн на ѣду-пнтѣе.

Јѣперѣ махо јѣпхе-јѣфѣр снзѣхѣнѣ-махом, ханнм
Въ первый дѣнѣ ѣда-пнтѣе тамѣ началѣсь днѣмѣ когда, хана

јѣпху нѣѣнннм бѣе јѣ'нѣо жнлѣе ве'уѣсѣм, јѣхѣнѣрѣ
дочѣ старшаѣ, чѣру держѣ, въ общѣство, собралѣсь которѣе, вошѣднн,

кѣѣуѣорѣ знѣ кѣхнхрѣ, бѣе јѣ'нѣрѣ јѣрѣтѣс;
ходѣ, одного мужчнну выбравшн, чѣру, держѣла которуѣ, отдалѣ;

сыритыи: „Alleh, Alleh ханым маъхе хофесен жіротас!“
отдала когда: „Боже, Боже, ханъ зятя достойнато нашелы“

жа'ау гүфе сыхум псыо ханым маъхе хоуяр
говорить, радуюсь, стали когда, князь, хану зятель сдѣлался который,

жыллем жікекзрі ззи сине тнсмие жіас. Ји-
язъ общества выдѣя, въ одномъ мѣстѣ сидѣние (пріютъ) сдѣлалъ. Во

тене махом ханым жіпху куритыр бзе жі'нбо хеһарі жі-
второй день хана дочь средня, чару держа, выдѣя, ея

шмлхү нехнзмнм ходо ханым маъхо хофесено зыгорым бзер
сестра старшая какъ, хана вятю достойному какому-то чару

жірітрі кәхейнзас. Јісенереі махом ханым жіпху нехнсем, бзе
отдавши, вышла. Въ третій день хана его дочь младшая, чару

жі'нбо жылле зехосам жіхеһас. сахедем жыллер са-
держа, (въ) общество, собралось которое, зашла. Зашла когда, общество ря-

тырхо жісеуврі ханым жіпхү нехнсер рыку'ас, крнко-
дами поставивши, хана его дочь младшая отъ себя пошла, обратно

зас, хаоре мехуо һунейке рнко, кәрнкозо
прошла, такимъ образомъ для три цѣлыкъ отъ себя ходя, обратно ходя,

зыкор жімнзото лыхоу сыхум: „кәмнколә сн'аме
кого-то не находя, искать стала когда: „(кто) не явившійся есть если,

кәфшале: тһамеке безуа, жнвм'ао“ сн-
вы привезите: бѣдный ли, богатый ли, тебѣ не говоря (безъ разбору)“ тамъ

жа'ам: „Ззи цнхү кәмнколә сн'акәм, һао Нарун:
сказали когда: „Одного (не) человека не явившагося нѣтъ, только Нарунъ:

җалехем жімнзасао гедесым җахуасі снтс“ жа'ау; ха-
мальчики, безнокая (его), въ курятникъ загнали (и) стоять“ говоря; хан-

пыс нехнсем снзехнхым гедесым җеладері бзер
ская дочь младшая тамъ услышала когда, въ курятникъ забѣжавши, чару

Нарун жірітас. „Alleh, Alleh бзер Нарун жірітас“ жа'арі
Наруну отдала. „Боже, Боже, чару Наруну отдала“ сказавши,

жыллемі гуауо жіснхүрі ханым снжыра'ам,
обществу неприятно тамъ сдѣлавшись, хану тамъ отъ себя сказали когда,

гуауо снхүрі губзнірі һар жі'ас: „Гііур
неприятно тамъ сдѣлавшись, разсердившись, это сказавъ: „Невѣруно

непе-тех љейкѹекодри Наруні зедѹеѹо дефхуі зѹм
обезчещивающую и родъ теряющую, и Наруна имѣсть въ выгоните, одиѹъ
гедесиз горим ѹеѹреѹиѹе “ жи’ари деріѹехуаѹс
куратникъ какой-нибудь тамъ вы посадите”, сказавши отъ себя заставилъ прогнать

јіпху неѹиѹер јіѹ кѹхіѹари зериѹеѹо. Іадрей
свою дочь младшую, (ѹъ) ея мужемъ, выбрала котораго, имѣсть. Другихъ

јіпху неѹиѹиѹер ѹиѹиѹиѹо јі’аго ѹиѹо хаѹа-
своихъ дочерей старшихъ двухъ, почетъ большой имѣя, (за) мужей, выбрали

хеѹ јирѹтри јуѹиѹеѹаѹс, дунеі-наѹиѹиѹеѹе јіѹѹгуѹо.
которыхъ, повывавши, отпущалъ, свѣта счастьемъ тамъ надѣясъ.

Хаѹиѹком јіпхуѹер ѹиѹ ѹиѹиѹа-не’уѹиѹи коѹ
Хана его дочерей замужъ выдалъ послѣ того когда, немного

миѹеѹо жиѹлем зе кѹѹуѹаѹері кезаѹ-ѹиѹхум ѹиѹху жиѹлем
погода въ народу войско пришеди, воевать стало когда, люди въ народѣ

јіѹ пеѹри маѹоѹе зем деѹо заѹѹ пеѹиѹаѹѹаѹе јіпху-
живущіе, всѣ днемъ на войну выѹѹжал, вода, по вечерамъ уби-

кѹаѹем јіѹкоѹѹ јіпѹ јіпѹпѹиѹиѹиѹѹ каѹо кѹдеѹаѹхерѹ.
тихъ ихъ вещи, ихъ лошадей, ихъ вещи старыя приноси, возвращались снова.

Јуѹѹе зѹм пеѹиѹаѹѹе горимъ зехѹер кѹдеѹеѹаѹѹо зѹм
Потомъ въ одинъ вечеръ какой-то войны возвращалъсѹ когда, о войнѣ

јіѹгуѹѹ кѹѹраѹазем, хаѹиѹком һар жи’аѹс, гуѹѹѹу-јіѹѹо:
разсуждать тамъ начали когда, ханъ это сказалъ, сожалѣніѹ дѣляя:

„Наруниѹѹ тѹаѹиѹѹеѹер ниѹериѹдеѹмиѹѹ, ниѹдеѹѹ-
„Наруѹъ старій, бѣдѹиѹѹаѹа, въ виду того что не выхѹдишь (на войну); вымѹлъ

теѹе тѹаѹиѹѹеѹем зѹм ѹиѹгунѹиѹѹ је неѹѹѹ кѹѹаѹиѹен
если бѹ, бѣдѹиѹѹиѹѹ, одинъ зѹпѹѹъ старій или прочее годѹаѹеѹеѹя-ѹму,

зѹм ѹиѹѹиѹиѹѹ гор кѹѹиѹиѹѹѹ“. Хаѹиѹмъ жи’ар Нарун
одну одежду старую какуѹ-нибудь принесъ бы“. Ханомъ сказанное Наруна

јіѹѹиѹѹиѹмъ ѹиѹѹеѹхіѹиѹмъ пеѹедѹиѹѹиѹѹиѹмъ јешѹиѹиѹдері: „зем ѹиѹиѹѹо-ке
его жена услышала когда, утромъ побранивши: „на войну ты иди-же,

зѹѹѹаѹиѹѹѹѹѹ!“ жи’ари деѹхуѹѹс.
несчастній!“ сказавъ, погнала.

Нарун зем деѹѹиѹно ѹиѹзем, јіѹѹиѹѹк
Наруѹъ на войну: пойти оттуда отправился когда, за свой полкъ

ззи гідєз цмвў дельһари језѧс, џалехери џенако
одинъ тодоръ старый маленькій вложивши, отправился, мальчики глумлясь
јі'уз снто; кооре мезим сннесим џалехер кѧве-
его (по) слѣду состоя; иди до лѣсу туда дошли когда, мальчики тамъ

рпсєтмзри језим нзакѧ мезим хеһари ззи пхе текуи кѧпи-
отставши, самъ одинъ въ лѣсъ зайдя, одинъ дровъ немного нару-
'уісри мафе јісри шши карем јисовум кмхкѧ шши
блвши, огонь разведши, коня вороного изъ его гривы вырванную лошади

сокур мафем смривом шши карер кѧсѧс хаснџатим.
гриву на огнѣ тамъ погрѣлъ когда, лошадь вороная пришла тотчасъ.

Шши кароў кѧсѧм џм фаџоу телри
(На) лошади вороной пришедшей мужчины нарядъ, лежалъ который,

кѧсџатарери, 'асери кѧдмџари шшим шесри, зем је-
на себя надѣвши, оружіе надѣвши, на лошадь сѣвши, на войну пога-

кури куѧс. Шў зєрєпєсѧр кѧуѧр зем ка-
нувши, поџхаль. Верховой наряженный, пріџхаль который, въ войско за-

хмһари јігате 'апсє бегур кѧрмхри һалєкмр бнім
џавши, свою саблю съ ручкой шероховатой вынувши, гибель наприятели

јізем јіхлџѧс, јі'акоџри гате
его войску причинилъ, (съ) своей рукой внутренней (ладонью) (отъ) сабли

'апсє бегум кѧснудѧго јіхєкмаре-пет џанникор брєдєѧ-
ручки шероховатой подбитой, выџжающій находилъ, ханъ подско-

дери јіблатоку хуізѧс: „јі'агу џєхудѧр рмшкєс!“
чвши, свой платокъ ему бросилъ: „свою ладонь подбитую себѣ обвязать!“

жі'ари. Блатоку јігѧри јістери, кѧмуви'ау цмво јєкури
сказавъ. Платокъ брошенный взявши, не останавливаясь, бѧгомъ взявши,

зем јіхєкмзри козѧс: „Алєһ, Алєһ, мир снт шў
изъ войска выџавши, уџхаль: „Боже, Боже, этотъ какой всадникъ

һалєкет!“ жа'аў жмшлєр кѧєкмнери. Нарумр мезим см-
чудесникъ!“ (люди) говоря, общество оставилъ. Нарумъ въ лѣсъ туда

хеһазим јіш јєсмхмзри, јуісмсмзри ззи пхе
заџхаль когда, (со) своей лошади слѣзши, (ее) отпустивши, одну дровъ

пхеһанѧ теку јіснб јіриџари куажем дџєзѧс.
вызавку старую немного (на) свою спину положилъ, въ аулъ зашелъ.

Јі'узре махорі јіперей махом ходо на́хн бели́н жип-
И назадъ (другой) день, первый день будто, побольше бѣда ты могъ бы
'ано ꙗ́вляем тесо јі́рекуа́с. Јі́снерей махорі на́хри
сказатъ, на бѣломъ конѣ сѣдя, повелъ. И третій день, еще болѣе

ѣмъкузи́е хело ꙗ́вляем тесо јей рнѣшхо за-
храбрости выказывая, на гнѣдомъ конѣ сѣдя, колота—отъ себя угощая—во-
орі зері јі́сегузери 'у́кнза́с мир жа'ау:
вавши, войско въ малодушіе заставивши внасть, самъ у́халъ, это (враги) говоря:

„Дде ми дибјім снтке дезерн, шеһид,
„Мы (съ) этимъ нашимъ врагомъ чѣмъ мы радѣлаемъ, убитый ли на войнѣ,

һаме меле́нк зыгор махо кәсі ко́ор кадозау
или ангелъ кто-то день приходящій (каждый) прѣвзающій, съ нами воюя,

лазер кәтхмьһау! Пао сменѣе дде кәздыкәм див-
губель въ насъ владивал! Такъ есть когда, мы оттуда мы пришли, мы тебѣ

рево́з кәна́ текур дн-зетпраннһу́езн-по!“ жа'ари
вернетесь, остались которые немного, пока насъ не убили совсѣмъ!“ сказавъ

'у́кнза́с, абн на́х кәминзезоу́. зео жаллем каизәо сн-
отопли, этого кромя не воюя снова. Войско, съ народомъ воювавши было

та́р сн'у́кнзм, вод мнѣо ханнм јінер һузо
которое, оттуда ушло когда, много не дѣлая (прохода), хана его глаза болѣть

хо́зері ззи 'азево хуамнзото, һафиз хуа́с. һафиз
ставши, одного (не) средства для него не находя, слѣпой сталъ. Слѣпой

сн'хуа́-не'у́зм: „бленеше себеп хуно́с!“ снжа'ам
сталъ послѣ того когда: „олена молово полезно будетъ!“ сказали когда,

жипер гуа́с: „бленеше гувукәм: дде димнзотнкім,
народъ обрадовался: „олена молово трудно не: ми ми не найдемъ если,

ханнм јиме́ке не́хнзнтнм дунеім тетхеме камнзото
хана его зятя старшіе два, на свѣтъ существуетъ если, не нашли чтобы,

кафененкәм јікі казотннс!“ Melke не́хнзнтнм: „аһаиме кәд-
оставать не и найдутъ!“ Зятя старшіе двое: „конечно, най-

зотнн!“ жа'ари јішре јіуанере зетпразһари језа́с
демы!“ сказавши, на своихъ лошадей свои сѣдла положивши, отправились

бленеше каһмно, һарсе кодрі какуда́с јікі јімі језм-
олена молово принести, но долго провѣдвали и ихъ лошади и са-

хері јешахеџ. Melke нехызгыр сеза-не'узым ззи
 ми утомилась. Затыа старшіе двое отиравились послѣ того когда, одиыъ
 мехо гор Наруні јѣфзыр кахогубамри дехуаџ: „Эм-
 дель какой-то Наруна его жена на него разсердившись, погнала: „Одв

џа мнзо хун ори худеџир-ке, бленеше зыкуаџо:
 голова несчастной да будетъ, ты и ты выѣзжай-ка, оленя молоко отыскивать:

бзотннومه џџере!“ жї'арі. Фызым бар онжї'ам
 тебѣ найти какъ, ты знаешь ли!“ сказавъ. Женщина это тамъ сказала когда,

Нарун јѣкпѣк ззи гїдеџ цыкѣу дельпарі декуаџ,
 Нарунъ за полая одиыъ топоръ старшїи маленькїи воткнувши, вынелъ,

мезым хеџарі мефе текѣ јїџрі, шпш карем јїсоку
 въ гѣсъ зашедши, огня немного сдѣлавши, коня вороного (изъ) его гривы

џмџ џпрїџеум, шпш карер кѣсрі зыкѣхуапері
 часть тамъ погрѣлъ когда, лошады вороная приближавши, одѣвшись,

тецмџарі губзоом јїџаџ, бленеше зыхо. Губзо кѣз-
 (на нее) сѣвши, въ степь поѣхалъ, оленя молоко ища. Степь, разѣџ-

декуџым, јїмеџхебуџым пеџо ззи јїмнзотн-
 жалъ по которой, своихъ своихъковъ двухъ истомленныхъ, одного (не) не найти

џџо јї'уџаџ. џауџем: „салам-алекум! тене фџ-
 мотни, встрѣтилъ. Тамъ встрѣтилъ когда: „саламъ-алекумъ! откуда вы

кѣџре? тене кѣџмџкуџре? снт кѣџефѣуџо уџоџу
 ѣдете? гдѣ тутъ вы разѣџнаете? зачѣмъ здѣсь вы ѣдите (и) какое дѣло

фн'ар?“ жї'арі џе'уџџым: кѣџкуџрі ззи
 вы выѣщїе?“ сказавши, тамъ спросилъ когда: зачѣмъ ѣдитеши, одного (не)

зерамнзотарі, јїшп, јїџм зерешар, кѣџџира'ам;
 не находятъ что, ихъ лошади, ихъ люди утомлены что, тамъ сказали когда;

„се кѣџхоззотнџ бленеше фџшхе мнхур цыкѣу
 „я весь для найду оленя молоко, на ваши ягдѣщи нечѣтъ маленькую

зырив тезивџаземе“, кѣџрі'аџ. „џао бар тао хун,
 одной по вы дадите приложить если“, отъ себя сказалъ. „Нѣтъ, это какъ можно,

џао невоџ бџннм зомнїе нукоџме, џо-
 но, кромѣ (этого), скота, припасовъ (прюмантъ) тебѣ нужно если, тебѣ от-

тннџ бленеше кѣдетн“, жї'а-џџаџе, Нарун јїмнџе
 дадимъ, оленя молоко намъ отдашь (если)“, сказали хотя, Нарунъ не хотѣтъ

снхум земельхевутыми таувел жісәс жіпхе дамнзе
сталъ когда, зяти оба рискъ сдѣлали на свои ягодицы тавро

терафезено: „снт, жізе јекнн?“ жнхуа'амке. Мо
позволить приложить: „что, вреда произойти?“ для нихъ сказали когда. Эти

тумік таувел ґаснм, Нарун жіке-зип жіабери
двое рискъ тамъ сдѣлали когда, Нарунъ свой въ карманъ волѣвши,

ззи стаһуґ цығу кәрнхри жісеплґри мотумі жісоншеґ
одинъ камень маленькій вынувши, тебѣ накаливши, этихъ двухъ ихъ штаны

зксрнґехри, жіпхехем дамнзе змрнз тирнзери жі'утып-
заставивши снять, на ихъ ягодицы тавру по одному положивши, отгу-

снзәс, жіпхе јетәґо. Дамнґер ґатырнзем, ше-
стиль, свою ягодицу скреби. Тавро тамъ положиль когда, верхомъ

снзри кәздамытавун знґыґеке кобадери шнбзыше ка-
сѣвши, гдѣ бы не видѣли, въ одну сторону забѣжавши, кобылье молоко для нихъ

хуиґәс: „бленешәс“ жі'ари. Модрехемі мобн кәзриґейпәр
принесъ: „оленье молоко есть“ сказавши. Другіе (тѣ), онъ обманулъ что,

жімґәґо: „бленешәс!“ жа'оре, гуфоре каһә-сґеке ханнм
не зналъ: „оленье молоко есть!“ говоря, рахуль, принесли хотя, хава

жінем ззи себеп хоһуґкәм снтходнз ґамнхуамі:
глазямъ одной (ни) пользы сдѣлали не, сколько тамъ ни мазали бы:

снто? жіпаме: шнбзышетн! Земелхнтнм шнбзышпер
почему? ты скажешь если: кобылье молоко было! Двумъ зятямъ кобылье молоко

жірнґри, сјутнпснзм Нарун језери ззи блене зе-
отдавъ, оттуда отпустиль когда, Нарунъ отправившись, одну лань себѣ тамъ

ґес кәґотри рнхуәери жісепснри јубндрі жіпрі шер
живущую найдя, погнавшись, утомивши, поймавши, подошвыши, молоко

кәһри кәкожәс жіфнз-јдеі. Фнзмн-јдеі кәснкожнм,
принесши, вернулся своей женѣ къ. Женѣ къ туда вернулся когда,

„нарун!“ нәх жізм'ау снтәр кәпсавері жі'әс: „Мн
„нарунъ!“ крокъ, не говорящій былъ который, заговоривши, сказалъ: „Это

шнше кәснәр бленешо ханнм жіне'узмн себеп
молоко, принесъ которое, оленье молоко: хава глазной боли (къ) польза

хоһуно жнхуа'әр расі: моблатнґурі тепхуі, һн
будеть что, говорили о которомъ, (это) есть: этимъ платкомъ наврәй, отнеси

һујідем-јідеі!“ Фызмм мор псаюў снзехіхім гуфезошхо
твоему отцу кь!“ Жена его говорящаго услышала когда, радость большуя
ј'а снхум, Нарун кәпсаьери жі'ас: „Ссе смкәзернпселәр
кнѣтъ стала когда, Нарунъ поговоривши сказалъ: „Я я отъ себя говорилъ что,

зымм жеум'а, јіво хухке һао шшер һнѣ ко“,
одному не ты не говори, время пока будетъ, но молоко отнеси (и) иди“,

снжі'ам гуасем шшер фендым зернто кәстері бла-
тамъ сказалъ когда, княгиня молоко въ бурдюкѣ, какъ есть, взявши, плат-

тово Нарун зем ханым кәсритмзәрі тырнпхорі је-
комъ, Наруну на войнѣ ханомъ отданъ былъ который, накрывши, отпра-
зері јідем-јдеі куйс. Ыгум коо кәзлезуа псорік
выивнсь, своему отцу кь пошла. По дорогѣ идущую, видѣлъ кто, всѣ

кәсенека̄с: „Нарун јіфмзмм ханым бленаше хоіһ“,
послѣдился надъ ней: „Наруна его жена хану оленье молоко для него

жа'ао. Нарун јіфмзир һуне јідер зиселым снне-
несетъ“, говоря. Наруна его жена въ домъ, ея отецъ лежить гдѣ, дошла

снм бзем бламнзек ху'ас ханым јимдо. Јуакә мо фм-
когда, въ двери не пропускатъ стали, ханъ не желал. Потому эта жен-

зыр пнѣаў смхозем цнхухем јігу кәсезурі
щина плакать тамъ стала когда, люди (въ) своемъ сердцѣ пожалѣвши,

ханым јелео хоізері снрафезеһас шео кнѣәрі
у хана просить ставши, туда позволимъ зайти, молоко, принесено которое,

јінем смснрафезахом, Alleһмм јіамнрке һаснһаттм
на глаза тамъ помазать заставили когда, Божьен его волею тотчасъ

јіне фм хузәрі кәплери блатово ппнем трахәо см-
его глаза хорошіе ставши, посмотрѣвши, платокъ, съ молока снятымъ лежить

зыр кәсмлазум кәцнхузәрі зернзосар абм снжі'азас,
который, увидалъ когда, узнавши, ошибся что, это тамъ сказалъ снова,

Наруні јпхурі кәрмзешезәрі һадреі јімаһехем һәхрі
Наруна и его дочь заставивши привести обратно, другихъ его зятей больше

һәхрфо јлазо хузас; ханым јінер снхужә-не'уанм,
лучше смотрѣть началъ; хана его глаза выздоровѣли послѣ того когда,

Наруні кәпсележао знзәһуре снтао јітане ззимехо гор
Нарунъ говорятъ нѣсколько будучи, потому въ одинъ день какой-то

ханым жри'ақ: „Мо һумелхитир сїідем кә'апкә псҗ-
 хану сказаль: „Эти твои два вяти отъ моего отца бѣжавше рабы
 ъмҗ: дмдамнҗн жітельсі! кәзептмзніе синоеуї!“
 суть: наше тавро (на нихъ) лежить! миѣ ты возвратилъ какъ бы, а прошу!“
 снжі'ам, ханым жімиде ху'ақ: „Һар тао хун“, жі'арі.
 тамъ сказаль когда, ханъ не хотѣтъ стать: „Эго какъ можно“, сказавъ.
 „Јінте' һуїфеқ мнхуме каші жіпхе ссе жи-
 „Такъ тебѣ вѣрнимъ не дѣлается если, позови, (на) ихъ ягодицѣ я говорю
 хосә дамнҗем ходе телме јеплі кәзетмз; темнҗме
 какое, тавро, такое лежитъ если, посмотри, миѣ возврати; не лежитъ если,
 һузхої дндер кәзефе!“ снжі'ам; „хунҗ!“ жі'арі,
 тебѣ нужно что, со мною сдѣлай!“ тамъ сказаль когда; „хорошо!“ сказавши,
 ханым жімелхитрі кәрашері, жіпхем сеплҗым
 хана его зятей обонхъ заставивши позвать, ихъ ягодицы посмотрѣль когда,
 дамнҗе Нарун зернҗм'ам ходо тело кәсҗфеқым, псҗлҗир
 тавро, Нарунъ сказаль какъ, такъ лежитъ что, увидѣль когда, рабы
 зейм ззи 'химнҗлҗазнҗфо жірітмзәс. Ми змхмбар кәжм-
 чы, одно не ввоя, возвратилъ. Этогъ, его вѣсть рассказали ко-
 тә сҗезә цнҗко, „нарун!“ мнхуме жнзмн'аў
 торую, мальчикъ старый маленькій, „нарунъ!“ кромѣ не говорилъ что
 снҗтәм, ханым жімәлхехері жіпснҗо, језым нәх меҗх
 былъ который, хана зятя его рабами, самого кромѣ зятя
 псҗлҗапені ханым жімн'аў, ханым мнҗко жі'арі, жі-
 пригоднаго ханъ не имѣя, ханъ нмущество, имѣль которое, его
 ханмҗор жіртрі псоо тхезо акымҗо церно
 ханскія отличія (ему) отдавши, живя, блаженствуя умно-хорошимъ, знаменитымъ
 кәнезәс: „ої, ої, Нарун!“ жнрнҗе'аў. „Нарун“ снҗфа-
 остался: „ай, ай, Нарунъ!“ заставляя говорить. „Нарунъ“ тамъ его
 сҗр, „нарун“ мнхуме зернҗмнҗмо снҗснҗтәр рәс.
 прозвалъ что, „нарунъ“ кромѣ не говори состоящій былъ.

Переводъ.

Однажды, богатый человекъ поѣхаль со своимъ един-
 ственнымъ маленькимъ сыномъ въ степь за травкою. На до-
 рогѣ они увидѣли полуживого жеребенка. Мальчикъ съ арбы

бросился въ жеребенку, усѣлся подлѣ него и сталъ со слезами на глазахъ просить отца взять его на арбу: „я не могу жить безъ него!“ съ рыданіями молилъ мальчикъ. „Къ чему намъ полуживой жеребенокъ!“ говорилъ отецъ; но мальчикъ своими просьбами добился того, что отецъ положилъ жеребенка на арбу и привезъ домой. Дома его стали кормить, и онъ съ каждымъ днемъ набирался тѣла и дѣлался лучше; по всему видно было, что изъ него выйдетъ прекрасный конь. И, дѣйствительно, изъ него вышелъ конь на рѣдкость, и всѣ признавали въ немъ породу „альпъ“ *). Однажды, когда сынъ, въ отсутствіе отца, возвратился со свадьбы домой, то засталъ мать свою съ постороннимъ мужчиной; это было ему ужасно неприятно, и ему даже было стыдно самого себя. Послѣ такого случая онъ не хотѣлъ больше видѣться съ матерью, а потому, осѣлавъ своего вѣрнаго коня, поѣхалъ въ степь и ѣздилъ цѣлую недѣлю. По истеченіи недѣли, онъ не зналъ, что дѣлать съ собою, а ѣздить долѣе онъ стѣснялся, чтобы какъ-нибудь не разгласить поступка матери и этимъ не опозорить ее, и потому вернулся домой. Но онъ не могъ попрежнему съ сыновней любовью смотрѣть на мать свою: ему было совѣстно. Видя, что сынъ относится въ матери враждебно, мать и любовникъ стали его опасаться. „Онъ можетъ быть причиной нашей гибели!“ говорили они: „нужно, во что бы то ни стало, его предупредить и принять свои мѣры!“ И они задумали его погубить. Вотъ на чемъ они порѣшили: „Прежде всего мы должны убить его коня“, сказалъ любовникъ матери: „раньше этого, мы съ юношей не покончимъ! Вотъ способъ, какъ намъ отдѣлаться отъ его коня: ты притворись серьезно больной; какія только есть на свѣтѣ лѣкарства, всѣ испробуютъ ради тебя; но ты притворяйся, что ничто не помогаетъ. Затѣмъ, когда уже не останется ни одного лѣкарства, котораго бы не испробовали, я распущу слухъ,

*) Самая высокая порода лошадей.

что ты выздоровѣешь только тогда, когда выпьешь крови коня изъ породы альпъ. Тогда твой мужъ, даже не спросивши своего сына, заволетъ для тебя его коня-альпа!“ — „Хорошо, я согласна!“ сказала мать. Женщина притворилась больной; она чуть не умираетъ: „я очень больна!“ повторяла она со стонами. Когда жена челоуѣка, выдающагося по своему положенію, заболѣла, то въ ней пригласили всѣхъ лѣкарей и доставляли всѣ лѣкарства, какіе есть на свѣтѣ, но ничего не помогало, такъ что всѣ лишились надежды найти подходящее средство. Потомъ по аулу сталъ ходить слухъ, что есть какое-то средство и, наконецъ, кто-то сказалъ: „Эта больная женщина выздоровѣетъ только тогда, когда выпьетъ крови альпа!“ Когда этотъ слухъ дошелъ до мужа больной, то онъ позвалъ сына и сказалъ: „Твоя мать можетъ только тогда выздоровѣть, когда выпьетъ крови альпа, а потому зарѣжь своего коня и напои ее кровью его!“ — „Хорошо, зарѣжу“, сказалъ сынъ, уходя отъ отца, и пошелъ къ своему коню-альпу, усѣлся подлѣ него и сталъ плакать, приговаривая: „Богъ на меня послалъ несчастье: тебя зарѣжутъ, не спросивъ даже моего согласія!“ Но вдругъ какимъ-то чудомъ конь-альпъ заговорилъ съ нимъ человѣческимъ голосомъ и сказалъ: „Не бойся, мой юноша, меня не зарѣжутъ, но внай, что твоя мать тебя и меня терпѣть не можетъ, а потому, если мы отсюда удалимся, она выздоровѣетъ; если Богъ поможетъ, мы уйдемъ въ такое мѣсто, гдѣ бы она насъ не могла видѣть. Вотъ какъ мы это устроимъ: сегодня послѣ обѣда сядь на меня, а если отецъ спроситъ о томъ, куда ѣдешь, скажи: „Хочу въ послѣдній разъ покататься на своемъ конѣ; по возвращеніи домой зарѣжу его“. Затѣмъ, поѣдивши по полю, возвратись домой, вызови на дворъ отца и скажи ему: „Моя мать терпѣть меня не можетъ, а потому я уѣзжаю: поѣду туда, куда Богъ занесетъ; когда меня не станетъ, мать выздоровѣетъ“. Съ этими словами ударь меня палкою и сейчасъ же выѣзжай. Когда мы

уѣдемъ, они за нами погонятся, но мы помчимся такъ быстро, что имъ насъ не нагнать“. — „Хорошо!“ сказалъ юноша и поступилъ такъ, какъ было указано конемъ-альпомъ, безъ всякаго измѣненія съ своей стороны. Когда они выѣхали изъ дому, за ними погнались, но не догнали. Долго ли, коротко ли они ѣхали, но наконецъ они вѣхали въ большой лѣсъ. Въ лѣсу вдругъ конь остановился, оставилъ свою ногу и заржалъ во всю мочь: изъ лѣсу выбѣжалъ вороной конь, совсѣмъ осѣдланый, забѣжалъ впередъ и, остановившись какъ вкопанный, далъ возможность подъѣхать къ нему. Когда они подъѣхали къ вороному коню, гнѣдой конь, на которомъ сидѣлъ юноша, заговорилъ: „Этотъ конь мой братъ; когда тебѣ понадобится, онъ явится; но прежде чѣмъ его отпустить, вырви изъ его гривы нѣсколько волосъ!“ Какъ конь сказалъ, такъ юноша и сдѣлалъ: изъ гривы караго коня выдернулъ нѣсколько волосъ и отпустилъ его.

Послѣ этого они еще немного проѣхали; тогда конь остановился, оставилъ ногу и заржалъ: изъ лѣсу выбѣжалъ бѣлый конь, совсѣмъ осѣдланый, съ одеждой для всадника, забѣжалъ впередъ, остановился и стоялъ до тѣхъ поръ, пока они не подъѣхали къ нему. Тогда гнѣдой конь сказалъ: „Это мой старшій братъ; когда тебѣ понадобится, онъ къ твоимъ услугамъ; но прежде чѣмъ его отпустить, выдери изъ его гривы нѣсколько волосъ“. Юноша выдернулъ изъ гривы бѣлаго коня нѣсколько волосъ и отпустилъ его. Затѣмъ они миновали лѣсъ, выѣхали въ поле и вдали замѣтили аулъ какого-то хана. Когда они приблизились къ аулу, гнѣдой конь-альпъ сказалъ: „Теперь и меня отпусти, вырвавъ изъ моей гривы нѣсколько волосъ; а потомъ когда понадобится тебѣ кто-нибудь: я или братья, то ты на огнѣ согрѣй волосы изъ гривы того, кого изъ насъ желаешь имѣть; тогда мы явися къ тебѣ, гдѣ бы ты ни былъ. Зайди въ этотъ аулъ, и если будутъ спрашивать, то о чемъ бы тебя ни спросили, отвѣчай

только одно слово „нарунъ“. Это будетъ продолжаться до той поры, пока не наступитъ время тебѣ заговорить. Если спросятъ: „будешь ѣсть?“, скажи „нарунъ“, сядь и покушай! Если спросятъ: „будешь работать?“, отвѣчай „нарунъ!“; кроме этого, ничего не говори, что бы ни спрашивали. Если спросятъ: „будешь караулить садъ?“, скажи „нарунъ!“ и бросься бѣгомъ въ садъ хана. Когда побѣжишь, они догадаются, что желаешь быть въ саду караульщикомъ и оставятъ тебя караулить ханскій садъ“. — „Хорошо“ сказалъ юноша, слѣзъ съ коня, раздѣлся и одежду привязалъ къ луку; затѣмъ отпустилъ коня, вырвавъ изъ гривы нѣсколько волосъ. Самъ онъ въ поношенномъ войлочномъ халатѣ отправился въ ауль. Когда онъ вошелъ въ ауль, то что бы ему ни говорили, онъ отвѣчалъ только „нарунъ“: и на привѣтствія, и на вопросы, и на насмѣшки. Его привели къ хану; и тамъ, о чемъ бы его ни спрашивали, онъ отвѣчалъ только „нарунъ!“; при этомъ, если отъ него спрашивалось что-нибудь ему нужное, то онъ это дѣлалъ, хотя и отвѣчалъ, какъ и на прочіе вопросы, только „нарунъ!“ Когда у него спросили о томъ, будетъ ли онъ караульщикомъ сада, то онъ, отвѣтивъ „нарунъ“, побѣжалъ въ ханскій садъ; такъ и догадались, что онъ желаетъ быть караульщикомъ въ саду: сдѣлали ему въ саду небольшой шалашъ и оставили его караульщикомъ. Недолго онъ пробылъ караульщикомъ, и ему захотѣлось вызвать караго коня, чтобы вытоптать огородъ и садъ хана; поэтому онъ въ одну ночь развелъ костеръ и погрѣлъ на огнѣ волосы изъ гривы караго коня; карый конь очутился тутъ какъ тутъ—за плетнемъ сада, ожидая всадника. Тогда онъ переодѣлся въ ту одежду, которую привезъ ему конь, надѣлъ на себя оружіе, сѣлъ на коня и вытопталъ часть ханскаго сада и огорода, а затѣмъ слѣзъ съ коня, снялъ съ себя привезенную имъ одежду и отпустилъ его, вырвавъ изъ гривы нѣсколько волосъ. У хана, владѣльца сада, были три дочери. Въ ту ночь, когда

Нарунъ топталъ садъ и огородъ, младшая дочь случайно ночью вышла на дворъ, и ей пришлось быть свидѣтельницей всего, что творилъ юродивый ихъ караульщикъ. Когда утромъ пришли въ садъ и стали спрашивать: „Кто вытопталъ садъ?“, онъ только отвѣчалъ „нарунъ“ и бѣгалъ, какъ угорѣлый по саду. „Будь ты проклятъ, Нарунъ (такъ его стали звать)!“; такими словами бранили, бранили его и ушли изъ сада. Въ этотъ день не добились отъ него толку. Когда настала опять ночь, Нарунъ развелъ огонь и погрѣлъ на огнѣ волосы бѣлаго воя: тотъ явился тотчасъ и сталъ за плетнемъ сада въ ожиданіи всадника. Нарунъ переодѣлся, сѣлъ на воя и снова вытопталъ садъ и огородъ; затѣмъ онъ отпустилъ воя, выдернувъ изъ гривы нѣсколько волосъ. И въ эту ночь его видѣла младшая дочь хана. Когда утромъ пришли люди и стали спрашивать: „Кто это вытопталъ?“, онъ отвѣчалъ „нарунъ“ и бѣгалъ по саду. Въ третью ночь онъ сѣлъ на гнѣдого воя, прибывшаго къ нему, и до тла вытопталъ садъ. И въ третью ночь его продѣлки видѣла младшая дочь хана. Въ третій разъ уже, когда пришли въ садъ, то не только бранили его, какъ и раньше, но хотѣли его побить, но онъ не дался имъ въ руки, а только бѣгалъ по саду и говорилъ: „нарунъ“: другого отвѣта отъ него не могли добиться.

Младшая дочь хана, видѣвшая все, что дѣлалъ Нарунъ, была влюблена въ него, но не могла выйти за него замужъ. Помѣхой были старшія сестры: въ силу народнаго обычая ей нельзя было раньше старшихъ сестеръ выйти замужъ. Чтобы добиться своей цѣли, она пристала къ сестрамъ. „Зачѣмъ не выходите замужъ?“ укоряла она ихъ; старшія сестры, которымъ она это сказала, нашли этотъ вопросъ неприличнымъ и сочли свою младшую сестру дурочкой. „Что же намъ дѣлать“, сказали онѣ: „когда объ этомъ отецъ ничего не говоритъ!“ Когда сестры стали такъ отговариваться, младшая сказала: „Если вы меня послушаетесь, то я вамъ скажу, какимъ образомъ

дать знать отцу о нашемъ желаніи, не прибѣгая для этого къ постороннему лицу". — „Хорошо, слушаемся!“, сказали сестры. Тогда младшая предложила имъ пойти въ огородъ, сорвать три огурца: одинъ переспѣвшій, другой спѣлый и третій еще недоспѣвшій; эти три огурца положить на тарелку и послать съ рабыней отцу. „Лишь только нашъ отецъ увидитъ эти три огурца“, прибавила она: „то, если онъ умень, сейчасъ же догадается, что мы желаемъ выйти замужъ!“ Сестры согласились и такъ сдѣлали, какъ она имъ посоветовала. Когда ханъ получилъ отъ дочерей три огурца, то догадался, что онѣ желаютъ выйти замужъ, и потому распорядился устроить пиръ, на который бы явились всѣ его подданные. Пиръ долженъ былъ продолжаться трое сутокъ, и дочери его на этомъ пиру должны были выбрать себѣ жениховъ по душѣ-по праву. Въ назначенный ханомъ срокъ собралось много народу: князей, дворянъ и другихъ. Женихи явились на этотъ пиръ разряженные, въ той надеждѣ, что счастливый выборъ выпадетъ на ихъ долю.

Въ первый день, когда начались пиршества, старшая дочь хана пошла между гостей съ завдравной чашей въ рукѣ, чтобы выбрать себѣ жениха; наконецъ остановилась предъ однимъ мужчиной и передала ему чашу, что было знакомъ того, что она въ мужа выбираетъ именно его. Народъ заволновался и сталъ говорить, что ханъ нашелъ себѣ достойнаго зятя. Князь, на долю котораго выпалъ счастливый выборъ — быть зятемъ хана, оставилъ общество и остановился у знакомаго, что требовалось по обычаю. Во второй день съ чашей въ рукѣ пошла средняя дочь и выбрала, какъ и старшая, жениха, достойнаго ея руки. Въ третій день пошла съ чашей въ рукѣ младшая дочь. Когда она ходила между гостями, всѣ стояли рядами; она прошла всѣ рады туда и обратно и такъ искала въ теченіе трехъ дней, ходя взадъ и впередъ, но не находила того, кто ей былъ нуженъ. Тогда ханъ распорядился: „пришлите всѣхъ, кто не явился на пиръ, безъ различія —

богаты ли онъ, или бѣденъ!“ На это приказаніе хану отвѣчали: „Нѣтъ никого, который бы не явился на пирь: остался только Нарунъ; несчастнаго преслѣдовали насмѣшками ребяташки, и онъ зашелъ въ курятникъ, гдѣ и сейчасъ находится“. Когда это услышала младшая дочь хана, то побѣжала въ курятникъ и отдала Наруну чашу. Народъ въ ужасѣ говорилъ: „Боже, чашу отдала Наруну!“ Сейчасъ доложили хану о неудачномъ выборѣ младшей его дочери. Онъ очень огорчился и въ гнѣвѣ сказалъ: „Невѣрную дочь, обезчестившую себя и мой родъ, прогоните съ избранникомъ ея со двора и помѣстите куда-нибудь въ курятникъ“. Приказаніе хана было исполнено въ точности: выгнали позорнымъ образомъ со двора младшую дочь и ея мужа. Двухъ старшихъ сестеръ выдали за тѣхъ, кого онѣ выбрали, и проводили съ большимъ почетомъ; всѣ были увѣрены въ томъ, что эти зятя достойные люди, и что ханъ не могъ лучше пристроить своихъ дочерей.

Вскорѣ послѣ выхода замужъ дочерей хана возгорѣлась война: непріятель подступилъ къ аулу. Всѣ жители ежедневно выходили за ворота, чтобы помѣряться съ врагами силами; цѣлый день они сражались, а вечеромъ возвращались, принося съ собой добычу: оружіе и коня убитаго въ сраженіи. Только одинъ Нарунъ оставался не при чемъ. Въ одинъ вечеръ, по возвращеніи съ поля сраженія, когда заговорили о войнѣ, ханъ высказалъ свое сожалѣніе по поводу этого. „Бѣдный Нарунъ!“ сказалъ онъ: „отчего онъ не идетъ сражаться: онъ принесъ бы себѣ съ поля битвы старый зипунишко, или какую-нибудь одеженку, чтобы прикрыть свою бѣдность!“ Когда жена Наруна услышала то, что сказалъ ханъ, то обругала своего мужа и погнала его на войну, говоря: „Иди же на войну, несчастный!“

Отправляясь воевать, Нарунъ заткнулъ за поясъ небольшой топоръ; увидѣвши это, мальчишки стали глумиться надъ

нимъ и бросились за нимъ бѣжать въ догонку. Когда онъ дошелъ до лѣса, они отъ него отстали. Въ лѣсу Нарунъ нарубилъ дровъ, развелъ огонь и на огнѣ погрѣлъ волосы изъ гривы караго коня: въ мгновеніи ока предъ нимъ очутился карый конь. Нарунъ надѣлъ бывшую на конѣ одежду и оружіе, сѣлъ на него и поѣхалъ на поле битвы. Въ блестящихъ доспѣхахъ явился всадникъ на полѣ битвы; обнаживши свою саблю, съ шереховатой ручкой, онъ сталъ наносить удары направо и налево, и причинилъ большой уронъ неприятельскому войску. Онъ рубилъ съ такимъ остервененіемъ, что шереховатой ручкой подбилъ себѣ ладонь. Когда всадникъ уѣзжалъ уже съ поля битвы, то ханъ, замѣтивъ ссадину на рукѣ, подскочилъ къ нему и бросилъ платошь, желая, чтобы онъ имъ перевязалъ свою руку. Всадникъ взялъ платошь, но не остановился, и поѣхалъ прямо во свояси. Когда онъ уже исчезъ изъ виду, воины въ удивленіи говорили: „Боже, что это за всадникъ чудесный?“ Нарунъ заѣхалъ въ лѣсъ, слѣзъ съ коня и, отпустивши его, возвратился домой въ аулъ съ вязанкой дровъ на спинѣ. Второй день онъ отличился такими же подвигами, сражаясь на бѣломъ конѣ. Въ третій день онъ, сидя на гнѣдомъ конѣ, выказалъ еще большую храбрость. Поражаемый ударами его мощной руки, неприятель сталъ отчаиваться въ успѣхѣ и отступилъ со своимъ войскомъ. „Какъ намъ справиться съ врагами?“ говорили въ неприятельскомъ войскѣ: „ежедневно къ нимъ на помощь является не то духъ убитаго на войнѣ *), не то ангелъ, который безпощадно уничтожаетъ насъ! Пока еще всѣхъ насъ не перебили и остались кое-какія жалкіе остатки, давайте вернемся туда, откуда пришли“. Враги съ тѣмъ и ушли. Немного спустя послѣ ухода неприятельскаго войска, ханъ заболѣлъ глазами: не помогало ему никакое лѣварство, и онъ ослѣпъ. Послѣ этого разнесся

*) По понятіямъ народа убитые на войнѣ пользуются почти такой же святостью, какъ и ангелы.

слухъ, что есть одно только средство вылѣчить хана отъ слѣпоты—это промыть его глаза оленьимъ молокомъ. Народъ обрадовался и всѣ стали говорить: „Это наше счастье: найти оленье молоко не трудно; если мы не найдемъ, то его, во что бы то ни стало, найдутъ зятя хана.“ Тогда старшіе зятя сказали: „Какъ не найти? конечно, найдемъ!“, велѣли осѣдлать своихъ коней и поѣхали за оленьимъ молокомъ. Долго-долго они ѣздили, выбились изъ силъ сами и утомили своихъ лошадей, но не могли достать молока. Вслѣдъ за отъѣдомъ старшихъ зтей, жена Наруна напустилась на мужа слѣдующими словами: „Несчастный, ступай и ты искать оленьяго молока! Быть-можетъ и найдешь какъ-нибудь!“ Тогда, Нарунъ взявъ топоръ, заткнувъ за поясъ и вышель. Зайдя въ лѣсъ, онъ развелъ костеръ и сталъ грѣть на огнѣ волосы изъ гривы караго коня. Конь явился передъ нимъ тутъ какъ тутъ. Нарунъ одѣлся, сѣлъ и поѣхалъ въ степь искать оленьяго молока. Въ степи, по которой онъ ѣхалъ, повстрѣчались съ нимъ оба его свояка; они не могли найти оленьяго молока, и были страшно уставшіе. Конечно, они его не узнали. Послѣ обоюдныхъ привѣтствій Нарунъ спросилъ: „Откуда вы ѣдете? Что вамъ здѣсь нужно? По какому дѣлу вы ѣздили?“ Когда они ему рассказали о цѣли своей поѣздки и о томъ, что они ея не въ состояніи были достигнуть, хотя выбились изъ силъ сами и лошади сильно утомились, то онъ отвѣчалъ: „Я найду вамъ оленье молоко, если только позволите мнѣ въ ягодицѣ каждого изъ васъ приложить небольшую печать!“— „Нѣтъ, какъ это можно!“ сказали свояка: „но сколько хочешь: скота или другого богатства, мы тебѣ отдадимъ; дай намъ только оленьяго молока!“ Нарунъ не согласился. Тогда оба зятя рѣшились позволить приложить въ своимъ ягодицамъ по печати, говоря: „Что тутъ такого? пусть уже прикладываетъ!“ Когда они изъявили на то свое согласие, Нарунъ полѣзъ въ карманъ и досталъ маленькій камень;

потомъ онъ навалилъ его на огнѣ и, заставивъ свояковъ снять штаны, приложилъ къ ягодицамъ обоихъ свое тавро. Получивъ тавіа мѣтки, они усердно стали почесываться сзади. Добывшись своей цѣли, Нарунъ сѣлъ на коня, уѣхалъ куда-то въ сторону, чтобы скрыться отъ глазъ своихъ свояковъ; въ чащѣ онъ подоилъ гдѣ-то кобылицу и принесъ молоко, выдавая его за оленье. Свойки повѣрили ему и возвратились домой въ той надеждѣ, что везутъ оленье молоко; но сколько они ни промывали глаза хана привезеннымъ молокомъ, ничего не помогало; это было молоко не оленье, но кобылье! Отпустивъ, какъ было сказано, своихъ свояковъ, Нарунъ поѣхалъ исцѣлять оленьяго молока: онъ нашелъ лань съ маленькимъ дѣтенышемъ; погнавшись за ней, онъ ее уморилъ до того, что ему легко удалось ее поймать и выдоить. Такимъ образомъ, онъ досталъ оленьяго молока и со своей добычей отправился домой. Вернувшись къ женѣ, Нарунъ, не говорившій до сихъ поръ ничего, кромѣ слова „нарунъ“, сказалъ: „Это молоко — оленье: оно, какъ говорили, исцѣлитъ хана отъ слѣпоты, а потому наврой его вотъ этимъ платкомъ и отнеси къ своему отцу!“ Платокъ былъ тотъ же самый, который получилъ онъ отъ хана. Когда жена Наруна услышала это, то сильно обрадовалась, но Нарунъ послѣшилъ свѣчать ей: „Никому не говори до поры-до времени о томъ, что я сталъ говорить, а только ступай и отнеси молоко!“ Жена Наруна взяла молоко, какъ оно было въ бурдюкѣ, наврыла тѣмъ платкомъ, который Наруну отдалъ ханъ въ сраженіи, и пошла къ отцу. По дорогѣ всѣ видѣвшіе ее издѣвались надъ ней и смѣялись, что вотъ, молъ, жена Наруна несетъ хану оленье молоко! Когда жена Наруна дошла до той комнаты, гдѣ лежалъ ханъ, то приближенные не хотѣли ее пропустить, потому что ханъ не желалъ ее видѣть у себя. Но когда бѣдная женщина стала плакать, то приближенные жались и упросили хана, чтобы онъ принялъ ее и принесеннымъ молокомъ промылъ свои

глаза. Ханъ уступилъ просьбамъ: принялъ къ себѣ младшую дочь, и лишь только онъ промылъ молокомъ свои глаза, то, по волѣ Божьей, сейчасъ сдѣлался изъ слѣпного зрячимъ и увидѣлъ свѣтъ Божій. Тутъ онъ замѣтилъ платокъ, которымъ накрытъ былъ бурдюкъ, и тотчасъ догадался, что это тотъ же самый платокъ, который имъ былъ отданъ незнакомцу-витязю. Теперь уже ему не трудно было и сообразить, кто этотъ витязь. Сознавая свою ошибку, онъ велѣлъ привести къ себѣ Наруну съ женой, что было немедленно исполнено. Обязанный Наруну своимъ выздоровленіемъ, ханъ его приблизилъ къ своей особѣ: онъ ему сдѣлался дороже, чѣмъ раньше были старшіе зятя. Разъ, улучивъ какъ-то удобную минуту, Нарунъ сказалъ хану: „Эти два твоихъ зятя—рабы, бѣжавшіе отъ моего отца; на нихъ наложено наше тавро, а потому прошу возвратить мнѣ ихъ, какъ непокорныхъ рабовъ!“ Ханъ этому не хотѣлъ вѣрить и сказалъ: „Какъ это можно! Этого не можетъ быть!“ — „Если ты мнѣ не вѣришь“, сказалъ Нарунъ: „позови ихъ и посмотри на ихъ ягодицы, и если на нихъ не окажется такого тавра, о которомъ я говорю, то ты со мною сдѣлай, что ты захочешь; но если тавро наше найдется, то возврати мнѣ ихъ по принадлежности!“ Ханъ позвалъ своихъ зятей и, заставивши снять штаны, посмотрѣлъ на ихъ ягодицы. И, дѣйствительно, на ягодицахъ оказалось то тавро, о которомъ говорилъ Нарунъ, а потому, не возражая противъ явной очевидности, онъ призналъ своихъ зятей сбѣжавшими рабами отца Наруну и возвратилъ ему ихъ. Такимъ образомъ, жалкій молодой человекъ, о которомъ сообщалось, что онъ только умѣетъ говорить слово „нарунъ“, сдѣлался владѣльцемъ такихъ рабовъ, какъ зятя хана; какъ любимому своему зятю, ханъ передалъ ему свое богатство и свое ханское достоинство. Нарунъ сталъ жить въ довольствѣ, пользуясь славой своихъ подвиговъ и необыкновеннаго ума, что, однако, не мѣшало всѣмъ, при видѣ его, повторять:

„Ай, ай, Нарунъ!“ Его назвали Наруномъ оттого, что онъ прежде говорилъ только одно слово „нарунъ“.

5. Воспитанникъ великана.

Зыи псн беі гор сн'ат, бынмо-мыво јам
 Одиъ князь богатый какой-то былъ, скотину-имущество имѣющій,
 јібзыре јимнсежо, бекоі हुनेго тоѣ јі'ао; бми јіфнз
 ихъ числа не зналъ, нукеровъ семействъ двадцать имѣлъ; дѣтей (отъ) его жены,
 зако мнхѹ зыи јатнкѡм. Паоре снто јігу-кѡкѡс:
 одной крѡмѣ, (ни) одного имѣлъ не. Такъ будучи, въ его сердце пришло
 „Јинте ссе смѣме сн'ар беголым кахунезын
 (вздумалъ): „Такъ, я я умру если, я имѣю что, нукерамъ имъ останется,
 нѡ'акѡм, хао снснтке снѡодмі снѡоденс; хет јіѣере
 (и) больше нѣтъ, а потому я погибаю если, я погибну; кто знаетъ ли,
 себеп кѡсхохун зыгорым снрнѣѣеномі: се-
 пользу меня для сдѣлаетъ одинъ кто-нибудь, мнѣ встрѣтится если: я от-
 зенсі, Аллехым смзднѡам снѡон“ жі'арі беголнті
 правлюсь, Богъ меня понесетъ куда, я пойду“ сказавши, нукеровъ двухъ
 зыснѡурі језѡс. кооре, кооре зыи кнрш јіѡс,
 съ собою взявъ, отправился. Ёдучи, ёдучи въ одно гористое мѣсто пріѣхалъ,
 зыи цнхѹ снмн'аѹ оѣе заѣо.
 одного (не) человѣка тамъ не было гдѣ, курганы (только) рисовались гдѣ.
 Јі'узке зыи оѣешхо декоірі зыпльнѡс: „зыи гор
 Погомъ на одинъ курганъ большой взлѣзши, обозрѣлъ: „одно что-нибудь
 снѡаун!“ жі'арі. Зыпльнѡре зыѡо, снпльем зыи
 я увижу!“ сказавъ. Осматривая далеко, тамъ посмотрѣлъ когда, одно
 ѡнѣе маѣ снѡаун: „мо ѡнѡаѣем сеѡоленс
 пятно малое, тамъ увидалъ когда: „въ этому пятну я поѣѣду,
 сеѡоднѡемі“ жі'арі језері снѡон жнѡо кѡ-
 я погибъ бы хотя“ сказавъ, отправившись, туда поѣхалъ когда, садомъ ова-
 ѣкѡс. Жнѡ-ѣаунр हुне ѡегум ходо हुбаті: јепснхрі
 задось. Деревьями подт, хаты полъ какъ, укатано было: слѣзши,
 јпш жнѡ кудамам рпхрі, теуі јпхрі, жнѡым
 свою лошадь въ дерева вѣтѣхъ привязавши, немного поѣвши, на дерево

декоірі зпльнѣоу тесре-пет зым зыпхо кѣзѣс,
вгѣши, осматриваясь, сидящимъ находясь, одинъ вѣтеръ большой подулъ,
жнѣур ветрѣудре жп'ано, шыр кѣзѣфо. Пѣно
дерево потрясая, ты могъ бы сказать, лошадь заставляя плясать. Князь,
жнѣым тесыр зым кѣрѣмзыхн-ѣебе, жнѣым зырѣшкѣрѣ
на деревѣ сидѣвшій, вѣтеръ не сбросилъ чтобы, за дерево ухватившись,
тесоре зыр нѣх маѣе хуре сувн'азым зым
сидѣ, вѣтеръ, больше малымъ дѣлаясь, тамъ пересталъ когда, одинъ
лѣм абераво: „селам-алекум“ жѣ'арѣ кѣболѣс. „Алекум-
человѣкъ величавый: „селамъ-алекумъ“ сказавъ, подошелъ. „Алекумъ-
селамъ“ жѣ'ас пѣсмнѣ. „Цѣхѣ цѣмѣ мѣбѣ смтѣм хукѣ-
селамъ“ сказавъ князь и. „Человѣкъ маленький сюда что тебя при-
дѣ? цѣхѣ цѣмѣ мѣбѣ смтѣм'акѣм! кѣсм-фѣм жѣхѣбѣкѣм?
несло? люди маленькіе здѣсь находятся не! дохѣть тоже ихъ законъ не?
Мыр жѣнѣз ѣнналеѣ! Смт хуѣмурѣд? кѣзѣм'а себѣп
Это великановъ страна есть! Что твое намѣреніе? скѣти, пользу,
смпхохѣфме смпхохѣунѣ“, смжѣ'ам жѣнѣзм;
я тебя для оказать могу если, я тебя для омажу“, тамъ сказавъ когда великанъ;
„дѣо мурадѣ сѣ'акѣм, смзуѣсерѣ смкѣдедѣѣсѣ: хуѣнеф
„Нѣтъ, цѣмѣ я нѣмѣю не, я заблудившись, я заѣхѣлъ: твоя милость,
кѣсѣхѣоме смдѣммѣѣеуѣдо зым сммѣшх см-
на меня тутъ обратится если, я пока не погибѣ, одинъ (не) меня не смѣлѣ, меня
мѣцѣо, зѣгѣ кѣзѣебѣзѣуѣ смдѣеѣѣмз“, жѣ'ао жѣнепс
не взялъ, дорогу отъ себя покажи (и) мнѣ дай выѣхать“, говоря, со своими слезами
кѣзѣехѣ жѣнѣзм пѣмр жѣе'уѣс. „дѣо зым гухѣл хуѣмм'ао
на глазахъ у великана князь просилъ. „Нѣтъ одной цѣмѣ ты не имѣл,
хукѣзѣкѣм! тао хун кѣзѣжумн'ао: хункѣм! ссе сѣсебѣп
ты поѣхѣлъ не! какъ мочь мнѣ не говоря: нельзѣл! я (за) моею пользою
кѣзерѣнѣон, хѣлме; пѣнхре? кѣзѣжѣ'а жѣ'арѣ, кѣерѣ-
отъ себя придѣ, лицо есть если; ты знаешь? мнѣ скажи“ говоря, тамъ приу-
рѣзм жѣрѣ'ас: „Ссе см'ам жѣбѣнѣер сммѣѣѣзо:
дѣлѣ когда, отъ себя сказавъ: „Я (имущество) я нѣмѣю, числа я не зналъ:
смбѣеѣ, харѣе смѣебе, сѣ'ар кѣхонено зым бнѣ
я богатъ, но я умру если, я нѣмѣю что, кому бы осталось, одного (не) дѣтей

сі'атекāмі; абн чеке снкāзāс, хет жі'сере ззи 'amal
я имѣлъ не; этого ради я отправился, кто знает ли, одинъ способъ
гор кāззотмнemi, жнс'арі", снжі'ам; „jinte
какой-нибудь я найду если, мнѣ сказавъ", тамъ сказалъ когда; „такъ

нар гуўу?" жі'ās јиннзм: „нузтес меім мн
это трудно?" сказалъ великанъ: „ты себя сидишь ябловъ на которой, яблово

пнвї, пхї: бзетнц!" снжі'ам, меір кāпльмнā-чеке,
сорви, съѣшь: найдешь!" тамъ сказалъ когда, яблово осмотрѣлъ хотя,

мн пнто јізеуāкām. „Мнбм ззи пнткām", жі'ās
яблово оставаясь видѣлъ не. „На этой (ни) одно остается не", сказалъ

пснм. „део пнтс" жі'арі јиннзмр кāкуāлері змѣеннкор
князь. „Нѣтъ, остается" сказавъ, великанъ, подошедши, одну сторону

кāснреснсм ззи-м кāпїрехуāс. Јїтанї кāснресн-
тамъ потрусилъ когда, одно яблово сбросилъ. Опять тамъ потрусилъ

снм, ззи-м кāпїрехуāс. Іаоре кāреснсм кāпїрехоре
когда, одно яблово сбросилъ. Такъ трусилъ когда, сбрасывая,

мнїль кāснпїрехум јиннзм нар жі'ās: „Мы мн-
яблова четыре оттуда сбросилъ когда, великанъ это сказалъ: „Ѳти яблова

їльр нуїфнзире уоре снфшкѣ куїль фзотнносї:
четыре твоя жена " ты тамъ пойдете когда, снма четыре, вы найдете:

нанāхнсе-дыдер ссе кано кāзет", снжі'ам
этого младшаго очень (самаго) мнѣ въ воспитанники отдай", тамъ сказалъ когда,

„хунс" жārї'ās јиннзм. „Јинте јїгі језез јиннзо
„хорошо" отъ себя сказалъ великану. „Ну, теперь, уѣзжай, великанъ

саїо кўāхерї кāкожхерї модеке ззи тне-
на охоту, ходили которые, пошедши туда (съ той стороны) одинъ заяцъ

кумекнн кāхезāс; жіс'ансі, снсезрапхоѣ уо мнбмке
выбѣжалъ; я скажу, тамъ я тебя погравлю когда, ты вотъ сюда

декнж, закоімнзелаѳо" жі'арі зогў кāзерїдекнзмнор кārї-
поѣзжай, имъ не показываясь" сказавъ. дорогу, выхъать по которой, отъ себя

зелагурї језмр јиннзмн јїпезāс јїреїцено, пснрї кā-
показавши, самъ великанъ навстрѣчу вышелъ обмануть, князь вы-

декнзрї јїдеї кāкожāс.
ѣхавши, домой вернулся.

Псыр кәснсмжә-не'узым мезиһль боһым
Князь, прїѣхалъ послѣ того когда, мѣсяцевъ четырехъ въ теченіе
куһль кәротәс жікі беголхем кано жіһәс; псым
сыновей четырехъ прїобрѣлъ, и нукары (ихъ) воспитывать взялъ; князя
жіко нәхмѣ-дидері кано беголхем жіһәт: ка-
его сынъ младшїй самїй воспитанникомъ нукарами былъ взятъ: воспи-
но зырїтәр смзупсезрі. Мезиһль-не'узым зыбзе-
танникомъ отдалъ что, тамъ забывши. Мѣсяцевъ четыре послѣ вѣтеръ боль-
шо кәздікә жімнѣо кәкоури һунехер псеуҗехер
шой, взявшїйся откуда, не зналъ, подулъ съ силой, дома (и) всѣ постройки
жікуто быһмхер псым хезо жылерн гуҗежіо зыбзе-
валя, скотину въ воду бросаю, населеніе въ малодушіе впадалъ, вѣтра
не'узым жіто жімнѣо жіко нәхмѣр кано зерн-
послѣ сейчасъ же, великанъ, своего сына младшаго воспитанникомъ отдать
тно жіҗегуҗәр кәснсм жылем зыраҗеҗнн
общался которому, туда прибылъ когда, населеніе, себѣ объяснить
жімнѣо жіҗеҗтәр һарҗеке псым: „се соҗе; фымншыне!“
не зналъ, испугалось, но князь: „я я знаю; вы не бойтесь!“
смжї'ам пмынезахекәм.
тамъ сказалъ когда, бояться стали не.
Жї'уҗке жімнѣо кәкуәм псым кжәрі'ас:
Потомъ великанъ, пришелъ который къ князю, отъ себя сказалъ:
„Пуіко нәхмѣо кано кәзептно жыһоһаҗәр
„Своего сына младшаго воспитанникомъ мѣ ты отдать ты сказавшїй когда-то,
кәзет: смкәҗекуәрік һар'ас!“ смжї'ам,
отъ себя отдалъ: я за этнмъ прїшедшїй и этотъ есмь!“ тамъ сказалъ когда,
псым пежо зернҗегуҗәр жігу-кәзрі: „Хунҗ“ жі'әс.
князь, дѣйствительно, общался что, прїпомннвыи: „Хорошо“ сказалъ.
җелеҗжү кано жімнзм жіһнер беголхем
Мальчикъ, воспитанникомъ великанъ взять (долженъ) котораго, нукарами
кано жіһәо смтн; псым жіҗәкәрі кәрыҗеҗнзрі
въ воспитанники взять былъ; (потому) князь пославши, заставивши принести,
жімнзм җелеҗнззер смрїтнм, беголхем водо
великану мальчнна малюсенькаго, тамъ отдалъ когда, нукарамъ очень

кѹао јіснхѹаѿ јікі завегусаѿ: „дѣкан трихрі, Allehem
досадно тамъ стало и обидѣнсь: „нашего воспитанника отнявъ, Богъ
јеѿе змрнтѣр јіѿекодѣс!“ жа'ао. Јізнзмм ѿеѿеѿуѿур
знаеть (кому) отдавшій, потерялъ!“ говоря. Великанъ, мальчѣа маленькаго

кано јіһрі ѿожѣс.
воспитанникомъ понесши, ушелъ.

Јізнзмм кано јіһѣр јіпоре ѿнто, ззм махо
Великанъ воспитанникомъ взятаго воспитывалъ будучи, одинъ день

горым језнр демисо, ѿеѿеѿмѿур зеіже ѿнхѹа-
какой-то самого не будучи дома, мальчѣа маленькій бѣгать сталъ
не'узнм, мо ѿеѿе јеуеѿе ѿмѿур шеснм јіб-
послѣ того когда, зтотъ мальчѣа повѣса маленькій къ конюшнѣ ся две-

зем 'уѿедѣс; ѿн'уѿадем пшшм ѿѿеѿуалѿу ѿетнр
рѣмъ подбѣжалъ; туда подбѣжалъ когда, конь бѣжнѣ, стоявшій тамъ,

кѣхѹѣрі, абре-мнво бзем 'уѿнр кѣ-
на него набросившись, огромный камень въ дверяхъ лежалъ который, тебѣ

һузрі ѿалем кѣтріѿехѹаѿ јікі јіѿеме-
бросивши, на мальчѣа бросилъ и его заставилъ знать въ обмо-

хѣс. Јізнѿоу јітелнкр кѣснѿознм, мор ѿнѿѣѿум
рогъ. Великанъ воспитатель, туда вернулся когда, его тамъ увидѣлъ когда,

ѿтері һар жі'ас: „Alleh, Alleh, смѿбонехѹртгі,
испугавшись, это сказалъ: „Боже, Боже, я несчастнымъ чуть (не) сдѣлался,

мнбм снтѿе һукѣкѹа!“ жі'аго. Јітелнкрм псм тнрнѿемі,
сюда затѣмъ ты пришелъ!“ говоря. Его воспитатель, воход (его) обладающій,

снтмі кѣѿеѿуѣс, јікі жѣрі'ѣс јіканнм:
чѣмъ (подобнымъ), воскресилъ (его) и отъ себя сказалъ своему воспитаннику:

„Снѿале, шеснмке һумнѿо: пшхем уоһуѿмѿѣс“ жі'арі.
„Мое дѣтя, въ конюшнѣ ты не ходи: лошада тебѣ уѿубѣтъ“ сказавъ.

Һарѿе ѿалер јітелнкрм јемндео: ѿѣѿо мезнм
Но мальчѣа своего воспитателя не слушалъ: на охоту въ лѣсѣ

ѿнѿом зеі демекубі јіѿтері шеснм ѿорі
туда отправился когда, кизеловнхъ пѣлокъ семь взявъ, въ конюшню пойдя,

пшшм ѿѿеѿуалер кѣсншрі теѿмѿѣс.
коня бѣлаго выведши, сѣлъ.

снтейцмшем ꙗꙗеулер дунеим теѣмзо хуаꙗ мо
 Тамъ онъ сѣлъ когда, бѣлнй (конь) со свѣта уходитъ сталъ, этого
 ѓеле цнѣу тесыр кѣрнхно, харѓе кѣхозн-
 мальчнга маленькаго сннцаго сброснть желая, но его онъ сброснть
 хѣкѣм. ѓале цнѣум шпшн ꙗꙗеулем зей демекубнр
 могъ не. Мальчнкъ маленькнй на конѣ бѣломъ кнзловнхъ палокъ семъ
 снтырнкутем нѣссамбрѣс нкн зехрнѓемѣс ѣнро
 тамъ нзломалъ когда, усннрнлъ, а также далъ поняты, мужества
 хельнр? ѓалем нѣер нннѣ-нтелнкм
 прогнлнваетъ (сколькo)? Мальчнкъ (что) дѣлающнй, велнканъ-его воспитателъ,
 кѣснѣагум гузаво кѣснзрн хар нѣаꙗ: „На, снѓале снт
 тамъ нзддалъ когда, торопясь прнбнвшн, это сказаль: „Ахъ, мое днтя, что
 нѓе-ре? шпшн бзагем зехуѓехнкрн!“ — „нао, днѣаде, бу-
 ты дѣлаешъ? лошади скверной тебя давнн убнть!“ — „Нѣтъ, нашъ отецъ, ты
 мншнне: ссе снхннкѣм“ нѣаꙗ: „нѣекнѓе днзертннѓо
 не бойся: меня меня убьеть не“ сказаль: „раньше, мы другъ друга не звалъ,
 знгор кѣзнѓа-ѓеке“ нѣаꙗ нкннм. Абн нннхнѣ нн-
 что-то сдѣлалъ хотя“ сказаль его воспитанннкъ. Этого послѣ ве-
 ннзнм нкннр шуо мезнм ѓаѓо зндншо
 лнганъ своего воспитанннка верхомъ въ лѣсъ на охоту съ собою брать
 хонѣс, нншнукем кельнпѓо, шнхнннѣ
 началъ, верхомъ ѣзднлъ когда, прнсматрнвалъ, верхомъ можеть ѣзднть что,
 мнгуѓо зернѓеласем-ѓеке. Нарѓе зернѓегуѓам нѣхрн-нѣ-
 не думая, онъ мальчнкъ есть потому что. Но надѣялся чѣмъ лучше
 хнѓо кѣѓкѣс. ѣнго нкннм хельнр снѓем
 оказалъ. Мужества въ его воспитанннкѣ есть сколько, тамъ узналъ
 нкннм нѣрнѣаꙗ: „Ннн снѓале, ссе уо
 когда, своему воспитанннку отъ себя сказаль: „Ну, мое днтя, ннѣ ты
 кон хусхохннкѣм, куоуѓ нукѣшѣкѣм, нао цнх
 снномъ ты меня для будешь не, за сына н тебя я взялъ не, но нзъ лндей
 цнѣум лѣс кѣкѣ хѣбзетн: лѣс нхѣме,
 маленькнхъ снльнне выходяты, обнчѣй былъ: снльннй ты станешь если,
 сншннѣснѣ нннѣ пѣстннм нѣсес тоѓ хуаꙗсн
 монхъ братьевъ двухъ, велнкановъ царемъ лѣтъ двадцать есть

җеро јі'мнр кәсхобреҗупсизми, жіс'ари, һукәшәр
 ливенными, содержимыхъ заставишь освободить, я сказавъ, тебя принесий
 һар'асъ, жі'асъ јиннз җәлем јителкым. „Һар гуркәм,
 этотъ есмь“, сказавъ великанъ, мальчика его воспитатель. „Это трудно не,
 діяде, шире 'асере кәсетъ“ жі'асъ җәлем. Јиннзмр
 нашъ отецъ, коня и оружіе дай“ сказавъ мальчикъ. Великанъ,
 җеҗері шшм-кере дахем, дмсе уанер тельо кәҗншәс,
 зайда, коня бараго красиваго, золотое сідло лежа, оттуда вывелъ,
 'асі критәс. җәлер шесс абі јиннз патсннмм-
 оружіе далъ. Мальчикъ верхомъ сѣлъ нему великановъ царю
 јдеі воно језәс. Җогум здеком јиннз-ахо,
 къ ѡхать отиралися. По дорогѣ себѣ ѡхалъ когда, великаны-пастухи скота,
 шнхо, шпахо кә'уҗе хуәс. Мо јиннзхем мо
 лошадей пастухи, телатъ пастухи встрѣчаться стали. Эти великаны этого
 цмк-дндер кәсәлабуке јіҗеҗәзорті жа'арт: „Мо
 маленькаго очень тамъ увидѣли коҗдъ, удивлялись (и) говорили: „Этотъ
 цмк-дндер тене ко-ре? „һуи“, жіпаме һудирнос! Смот-
 малюсенькій куда ѡдетъ? „гопъ“, тебѣ сказать еслн, ты проглотить! Чтѣ
 пере јігу хельнр?“ жа'оре җеле цмнур јіҗегубәрі
 его цѣль проглядывающая?“ говоря, мальчика маленькаго рассердивъ,
 зираҗеһукас хомеіхо. Јиннз ахо шнхохр
 заставиш ихъ убить, желая не вовсе. Великановъ пастуховъ табунщиковъ
 смһуым јібнлымхер кәхурі јиннз јителкым
 тамъ убилъ когда, ихъ скотину пригнавши, къ великану своему воспитателю
 јдеі кәкоҗәс. Кәсмкожым јителкымр је'уиҗәс:
 домой вернулся. Туда вернулся когда, его воспитатель (его) спросилъ:
 „Јинте сіҗәле, јікірі һукүә-ке?“ жі'ари; „Һао смнесин
 „Итаъ, мое дити, еще (не) ты похалъ?“ сказавъ; „Нѣтъ, мнѣ доххатъ,
 ммхер кәсҗенако кәспнзуәлҗері саҗелекәкәм. Језнхері
 они мнѣ надсмѣхаться мнѣ навязавшись, мнѣ насильно дали не. Самихъ
 смһукас јібнмнрі кәсхус, насті зеіс?“ жі'ари
 я убилъ, ихъ скотину я пригонялъ, на возьми (и) себѣ держи!“ сказавъ,
 бнлымнр кәрітрі језнр һаргоро јиннз патсннмм-јдеі куәс.
 скотину давъ, самъ опять великановъ царю къ похалъ.

Јинџ патсѣнѣмм-јдеі кѳри занѳо јіпѳанѣтем шуо де-
Великановѣ царю къ помедши, прямо въ его дворѣ веркомѣ за-

ѣері јепсмхѣс, јинџ патсѣнѣмр зѣѣлѣ һунем кѳри
ѣхавши, слѣзъ съ коня, великановѣ царь лежить гдѣ, комнату пойдя,

ѣеѣѣс. Ђуноі зѣѣѣѣѣм хѣтебзѣс део зехеѣегум
зашелъ. Въ комнатѣ, зашелъ куда, дѣвѣцы три, шѣючи, на земляномѣ полу

тесті хоѣејікѣм: „ММ ѣмх ѣмѣур тене кѣ-
сидѣли, его ради шевельнулся не: „этотъ человекѣ маленький откуда при-

кѣ!“ жа'арі кѣѣнекѣс. Ђуноѣ зѣѣѣѣѣм јинџ патсѣ-
ѣхалъ!“ сказавъ, посмѣлись. Въ комнатѣ, зашелъ куда, великановѣ царь

ѣмр ѣео сѣлѣт: кѣреушѣс. Мор кѣснущим зѣтѣсрі
сія лежалъ: (его) разбудили. Онъ тамъ проснулся когда, умывшись,

ѣар јі'ѣс: „ММ ѣмх ѣмѣур тене кѣкѣ, сі-зѣ-уѣѣе
это сказалъ: „Этотъ человекѣ маленький откуда прѣѣхалъ, моей одной взятки

нѣко хѣнос: „һуѣ“ јіс'ансі шхѣсѣс“ јі'арі „һуѣ“
(порціи) половина будетъ: „гоѣ“ я скажу (и) сѣѣѣс“ сказавъ, „гоѣ“,

сѣјі'ам: „Ссе уо һусхѣсѣс!“ јі'арі ѣеѣ ѣмѣур
тамъ сказавъ когда: „Я тебя тебя я сѣѣѣс!“ сказавъ, мальчикѣ маленький

јинџ патсѣнѣмм кѣсенеѣѣѣом, ву'о ѣленепем
великана царю тамъ пощечину далъ когда, кувѣромѣ въ уголь

дѣзѣс. „Алѣѣ, Алѣѣ, мир дѣ зѣрѣтѣѣѣсѣм теткѣм:
забросилъ. „Боже, Боже, этотъ намъ, тебѣ кажется какъ, (такимѣ) есть не:

дѣзѣтѣрѣһуѣкѣносѣс“ жа'ѣс псѣміѣ. Јі'уѣѣ сѣшѣнѣхем
насъ всѣхъ переѣѣѣт“ сказали всѣ. Потомъ тамъ устрѣшились когда,

кѣ'уѣѣсѣс: „Сѣт һузхоір, һуѣсѣѣуѣр“ јі'арі јинџ
спросили: „Чтѣ тебѣ нужно, ты (зачѣмъ) прѣѣхавшій“ сказавъ великановѣ

патсѣнѣмр. „Јинѣо сѣшѣнѣмѣнтѣо мѣ јіѣес ѣѣсѣм
царь. „Великаны мои старшіе брата два эти лѣтъ двадцать

ѣеро ѣнѣмр озѣѣтѣпѣсѣмѣно сѣкѣѣе-
пѣѣнѣми ты содержишь которѣхъ, ты мнѣ отпустилъ чтоби, (вотъ) я прѣѣхавшій

кѣуѣр рѣсі: коітѣсѣс“ јі'ѣс. „ѣео, ѣар хѣно 'амѣ јакѣм“
за чѣмъ есмь: мнѣ отпусти“ сказавъ. „Нѣтъ, этому сдѣлаться есть не“

јі'ѣс јинџ патсѣнѣмм. „ѣар һумидеме һуѣ-
сказавъ великановѣ царь. „Этого ты не хочешь если, съ твоими

хухері орі нузерисѣмнор мнр'ас" жі'арі
 дочерьми тобою и тебѣ отъ себя .я сдѣлавъ вотъ что есть" сказавши,
 камшпѣнр жікуаѣ ѣале цѣмум. цѣку-
 камшевой плети ручку сжалъ въ рукахъ мальчикъ маленький. Тамъ сжалъ
 зым камшпѣнр плѣнзо, хузо, фѣнцо кѣснѣжаѣс
 когда, изъ камшевой плети ручки красное, бѣлое, черное заставилъ вытечь—
 зехомндо. Јинз патѣнм мо ѣале цѣкум жіѣар
 различное. Великановъ царь, этотъ мальчикъ маленькій сдѣлалъ что,
 снѣаузм шмнері жіхнѣбз нехнѣер жіѣакорі унѣібзері
 тамъ увидалъ когда, испугавшись, свою дочь младшую пославши, ключъ
 жірітрі мм жінзмѣнр кѣѣеріѣепнѣаѣс. Јинзо кѣѣа-
 отдавши, этихъ великановъ двухъ заставилъ вывести. У великановъ, вывели
 шнѣахем жіѣеѣер кѣкіхао, снѣрннм жіѣммнѣо снѣтн; насн-
 которыхъ, ихъ волосы обросли, одежды не одѣты были; тот-
 ѣатнм жіѣері жірімнѣеупсо жіѣакѣм, снѣрнн
 часть ихъ головы не побрили чтобъ, смягчился не (согласился); одежду
 кабзі кнрамнто жіѣакѣм. Јі'уѣке жіѣес тоѣннм жіѣрафо
 частую не дали чтобъ, смягчился не. Потому лѣтъ двадцать убытокъ
 жіѣарі кѣммнхо жіѣакѣм: жіѣрафо днѣе
 сдѣланный вынуть не (взять) чтобы, смягчился не: убытокъ (за) золота
 гут кѣіхаѣс.
 воза два вынулъ.

Јікошхері, днѣе гутрі кѣпезрі жіѣнннн-јдеі
 Своихъ братьевъ, (и) золота воза два привезши, своему воспитателю къ
 кѣкѣзѣс ѣале цѣмвр. Јинзо ѣале цѣкум кѣпезѣ-
 вернулся мальчикъ маленький. Великан, мальчикъ маленький привелъ ко-
 хер жішнѣннзм јеуѣѣс: „Мн дѣ днѣкѣзмнѣѣа
 торныхъ, своего брата старшаго спросилъ: „Этого насъ насъ приведшія
 ѣале цѣмвр хет?" жі'арі; „нар знтетнр мнр'ас" жі'арі
 мальчикъ маленький кто?" сказавъ; „это состоящее это есть" сказавъ,
 зернѣнт псорі жіжі'ѣа. „Фѣ абн ховннѣпѣхе зым
 было какъ, все разсказалъ. „Вы ему, что бы ни сдѣлали, (ни) одного
 сн'акѣм" жі'ѣс. „Јнтѣ нар'аме хунке" днѣсер жікурменѣс",
 есть не" сказавъ. „Такъ, это если, хорошо" наши души его жертвой суть",

жа'аҫ мо кәшезә јинмзхем. Абм не'уз зэм мехо
сказали эти приведенные великань. Этого послѣ въ одинъ день

горьм јинмз нехмзмм јиканмм жәри'аҫ: „Јікі
какой-то великанъ старшій своему воспитаннику отъ себя сказалъ: „Теперь,

сіҫале, кызжі'а сідеі һуҫ'ано һеме һујіде һу-
мое дитя, мнѣ स्वाжи, меня у ты будешь, или къ твоему отцу (и) твоей

јіне јідеі һукожмво? һу һуфеҫыр, пхосҫенос.“
матери домој ты пойдешь? тебѣ тебѣ хочется что, тебя ради я сдѣлаю.“

смижі'ам ҫәлем һар жи'аҫ: „Јинте һар'аме діјіде,
тамъ сказалъ когда, мальчикъ это сказалъ: „Такъ это если, нашъ отецъ,

зэм невоҫ кәсхоҫҫеном смхоікәм: сјіте-
одного (не) больше меня для ты сдѣлалъ чтобы, я хочу не: моиъ воспита-

лмко смкәзах'мвәм јідеі смнеҫесмз!“ жи'аҫ.
тебя, я былъ отобранъ отъ которыхъ, нихъ до меня проводи!“ сказалъ.

„Хунҫ!“ жа'ари, ҫәлем биммыр пемҫыр водо кратрі кра-
„Хорошо!“ сказавъ, мальчику богатства рабовъ много давши, по-

пезежәҫ. Ҫоғум жыллери језм зепһсери смҫо кәтеҫеҫәо:
везли. Въ дорогѣ съ народомъ (и) сами брата три вмѣстѣ потрусивши,

„Алһе, Алһе, сіҫале фмз јим'а хунокәм“,
(похавши): „Боже, Боже, моему мальчику жены не имѣтъ нельзя“,

жи'ари јинмзмм һар жи'аҫ. „Моде һмсе-ше геҫү
сказавъ, великанъ это сказалъ. „Вонъ тамъ невѣстку увезти (гдѣ) свадьба

см'асм: абм коо фмз кәмишо хунокәм“ жа'ари здне-
есть: туда ъдучи, жену не привезъ чтобы, нельзя“ сказавъ, добха-

сәм зехов'ари ҫәлер геғум фмзмше јіҫекуаҫ.
ли гдѣ, тамъ остановившись, юношу на свадьбу жену привести послали.

Мо ҫәле цмвур геғум смҫом хәте паһакәм,
Этотъ мальчикъ маленький на свадьбу туда пошелъ когда, вниманія обратилъ не,

ханмм јіпхухер ым јіритырті. Ханмм „мм тмҫем, јеҫе-
хана его дочерей замужъ выдавали. Ханъ „этотъ ровъ, перепрыгнуть

мре сағем тежомре смпхур јестмнос!“ жи'арт,
кто, (и) въ мишень попадетъ кто, (за того) мою дочь я выдамъ!“ говорилъ,

һарҫе тмҫем јеҫені сағем техоні зэм
но ровъ перепрыгнулъ (кто) бы, въ мишень попалъ (кто) бы, одного

кахеми́коре кезүр јини́зим јікан ҫале ҫи́вум
не оказывался, очередь великановъ ихъ воспитанника мальчика маленькаго
јдеі кәсми́м, јіу́з-дыде јити, кәҫепхори́ тигем
до тамъ настала когда, (онъ) позади очень былъ, помчавшись ровъ

ка́лбас, зе'о́кри саҫер јікутас. ҫале ҫи́вум
перепрыгнулъ, обернувшись (выстрѣливъ), мишень выбилъ. Мальчикъ маленький
һар зери́ҫам жи́ллер јиҫеһелебелнкәс јікі жа'ас: „Тао хун,
это сдѣлалъ что, общество взбудоражило и сказали: „Какъ можно,

ми саби́јим ханни́м јіпхур јето, јетинкәм, де
этому ребенку хана его дочь отдали чтобъ, отдадимъ не, среди насъ
псн тхетс, орк тхетс“, жа'ао снхоізем ҫале
князья находятся, дворяне находятся“, говорить тамъ начали когда, мальчикъ

ҫи́вур шердакми́м језа́вери ханни́м јіпхур кәпхуатери́
маленькій къ возвышенію подскочивши, хана его дочь схвативши,

каҫезе́жим, жи́ллер кәкелезә-ҫеке, кельсемеһао: зихе-
оттуда ухалъ когда, общество погналось хотя, догнали не но: выхалъ

һа́ гупни́м кахеһезәс, фми́з кәһри́.
откуда, въ партію въхалъ (возвратился), жену принеся.

Фми́з кәшео ҫале ҫи́вур кәснко́зим гупни́р
Жену привезя, мальчикъ маленький оттуда вернулся когда, партія

каҫезә́с јірогү кәтеһезәс. ҫале ҫи́вум јі-
отправилась (и) по своей дорогѣ похала. Мальчика маленькаго его

дем јікуажем јіҫунеҫо кәсми́м увн'ахери́, ҫалемре
отца его аула близко туда пріѣхали когда, остановившись, мальчикъ

јителнкме́ре јізако куажем кәднһери́ ҫале ҫи́вум јі-
и его воспитатель, одинъ въ аулъ въхавши, у мальчика маленькаго его

телнкми́м јідеі сепснхәс. ҫале ҫи́вур каҫсанфмр-
воспитателей дома слзли съ лошадей. Мальчика маленькаго узнатъ

текәми́: јителнк-анни́м һар жи'ас: „Ми́ кәкүар сн-
могли не: его воспитательница-мать это сказала: „Этотъ пріѣхавшій мое

дыҫе сфос; зншеҫе јиннз белецешком кәшезә
солнце, мнѣ кажется; повезъ кто, великанъ лохматый большой привезъ,

сфосри́ снко́ семипль хунокәм“, жи'ас: „Сине-
мнѣ показавшись, а иды мнѣ не посмотрѣть нельзя“, сказала: „Мой свѣтъ

фыннеме сѣзмно҃с: јінаѣм јідеі дьрко јі'ати " жи'ари куа҃с:
 есть если, я узнаю: на збу у него шрамъ былъ " сказавъ, пошла.

јиннзѣм ка҃шеза̄ чаем-јдеі. ко́ри ка́пльнелѣм, жи'оре-
 великанамъ приведенному мальчику къ. Пошедши осмотрѣть, говоря,

јінаѣм дьрко јі'ар ка́хи҃сѣсѣс. „Alleh, Alleh, сѣнефнне
 на его збу шрамъ есть что, наша. „Боже, Боже, мой свѣтъ

ка́кожа҃с!“ жи'ари ка́змшеза̄мі језѣм ча́лемі јебоо хоіза҃с
 возвратился!“ сказавъ, привезеннаго самаго мальчика цѣловать начала

јітелѣнк-аныр. Псѣм хыбар ра҃сѣсѣс јіко-
 его воспитательница мать. Князю вѣсть заставили почувствовать, его сынъ

јиннзѣм јіѣар ка́зрѣкожа̄р јікі је'уи҃сѣс: „Тене сѣ'ано,
 великаномъ взятый вернулся что, и (его) спросили: „Гдѣ будетъ нахо-

хуеі, һеме дідеі?“ жа'ари. „Абы ссе сѣтке сѣ-
 диться, у тебя, или у насъ?“ сказавъ. „Этому я чѣмъ я распор-

хут“, жи'ас псѣм: „језыр здѣхоім сѣ'анс: куаже јі'ас,
 жаюсь“, сказавъ князь: „самоу хочется гдѣ, тамъ будетъ: ауль имѣеть,

псѣтъ јі'ас сѣпне сѣехо јетѣнсі: сѣехо јірепсѣ!“ жи'ас
 рабовъ имѣеть, мѣсто отдѣльно отведемъ: отдѣльно пусть живетъ!“ сказавъ

псѣм. сѣпне сѣехо јіратрі језѣм куаже јі'ао, псѣтъ јі'ао,
 князь. Мѣсто отдѣльное отдавши, самъ ауль имѣя, рабовъ имѣя,

псѣо, тѣжео ка́неза҃с јиннзѣм кано јіѣнза̄ ча́ле
 живя, блаженствуя, остался великаномъ въ воспитанники взятый мальчикъ

цѣмѣу псѣм јікор.—Пар зерѣдѣмѣеуо бзеге҃о дѣмѣмѣа-
 маленькій князя его сынъ.—Это мы не видѣли какъ, дурное мы не уви-

дѣе.

димъ да.

Переводъ.

Жиль-быль одинъ богатый князь; у него было несмѣтное
 количество скота; имѣлъ онъ двадцать нукеровъ, но семья его
 была самъ-другъ: онъ и жена; дѣтей не было. Однажды князь
 призадумался: „Послѣ моей смерти все мое богатство перей-
 детъ въ нукерамъ, а потому не лучше ли мнѣ попытаться
 найти наслѣдника: быть-можетъ, кто-нибудь и поможетъ; по-
 ѣду по бѣлу свѣту исвать счастья; бояться и дорожить мнѣ

нечѣмъ, хотя бы я и погибъ въ погонѣ за счастьемъ! Поѣду туда, куда Богъ понесетъ!“ Онъ отправился, взявъ съ собою двухъ нуверовъ. Долго ли онъ ѣхалъ, коротко ли, но наконецъ, онъ очутился въ степи, усыпанной курганами, гдѣ не было ни одной человѣческой души. Онъ взобрался на высокій курганъ съ цѣлю осмотрѣть окрестности, не видать ли чего нибудь. Обозрѣвая мѣстность, онъ далеко-далеко увидѣлъ небольшое черное пятно. Онъ направился туда, подумавши: „Поѣду туда, хотя бы мнѣ пришлось погибнуть!“ Пятно это оказалось фруктовомъ садомъ. Садъ содержался въ большомъ порядкѣ: было такъ чисто, какъ все равно на полу сакли. Приѣхавши въ садъ, князь слѣзъ съ коня, привязалъ его къ вѣткѣ дерева, закусилъ немного, а затѣмъ влѣзъ на дерево, чтобы съ вышины обозрѣть окрестности. Въ это время поднялась такая буря, что ломала все со страшной силой. Князь боялся, чтобы вѣтеръ его не сбросилъ съ дерева, и потому онъ обхватилъ своими руками стволъ, выжидая, пока буря не стихнетъ. Когда стало совсѣмъ тихо, къ князю подошелъ великанъ и поздоровался съ нимъ. Князь отвѣтилъ ему на привѣтствіе. „Маленькій человѣкъ, что тебя сюда принесло?“ сказалъ великанъ: „въ этой мѣстности нѣтъ такихъ людей, какъ ты: сюда они не могутъ добраться! Это страна великановъ. Что за цѣль у тебя? Объясни; если я въ силахъ тебѣ помочь, помогу!“ — „У меня нѣтъ никакой цѣли; попалъ я сюда нечаянно, заблудившись, а потому помоги мнѣ отсюда выбраться, пова меня не съѣли или не похитили великаны!“ Со слезами на глазахъ просилъ князь у великана показатъ ему дорогу. „Нѣтъ, какъ это можно, чтобы ты безъ всякой цѣли сюда приѣхалъ“, сказалъ великанъ: „не можетъ этого быть: у тебя есть кака-нибудь цѣль; скажи, быть-можетъ, я помогу тебѣ ея достигнуть!“ Такимъ образомъ, великанъ заставилъ князя сообщить о своей цѣли. Князь сказалъ: „Я настолько богатъ, что не знаю счета своему богатству, но такъ

какъ я не имѣю ни наслѣдника ни наслѣдницы, то я поѣхалъ исеять того, кто мнѣ поможетъ въ этомъ горѣ!“ — „Такъ развѣ это трудно?“ сказалъ великанъ: „сорви яблоко съ той яблони, на которой ты сидишь, поѣшь и будутъ у тебя дѣти!“ Князь осмотрѣлъ яблоню, но ничего на ней не увидѣлъ: „Нѣтъ ни одного!“ сказалъ князь. „Нѣтъ, есть!“ отвѣтилъ великанъ и, подойдя къ яблонѣ, встряхнулъ дерево: упало одно яблоко. Потомъ встряхнулъ опять, упало другое яблоко. Такимъ образомъ, упали четыре яблока; тогда великанъ сказалъ: „Когда эти четыре яблока вы съ женою поѣдите, у васъ будутъ четыре сына; самаго младшаго изъ нихъ я прошу тебя отдать мнѣ на воспитаніе!“ Князь на это отвѣчалъ: „Хорошо!“ — „Ну, теперь уѣзжай: великаны, которые были на охотѣ, возвращаются. Я ихъ отклоню какъ-нибудь отъ тебя, сказавши, что вонъ съ той стороны выскочилъ заяцъ. Когда они побѣгутъ туда, ты съ этой стороны выѣзжай, скрываясь отъ нихъ, чтобы тебя не видѣли“. Показавъ дорогу, великанъ самъ побѣжалъ навстрѣчу великанамъ, чтобы ихъ обмануть, а князь съ яблоками возвратился домой.

Послѣ возвращенія князя домой, ровно чрезъ четыре мѣсяца, онъ уже имѣлъ четырехъ сыновей, которыхъ нуверы забрали къ себѣ на воспитаніе. Въ числѣ другихъ сыновей былъ взятъ и самый младшій, такъ какъ князь позабылъ о своемъ обѣщаніи великану. По истеченіи четырехъ мѣсяцевъ вдругъ поднялась буря, разрушившая зданія и погубившая многихъ животныхъ. Народъ былъ въ отчаяніи. Когда буря унялась, появился въ селѣ какой-то великанъ. Народъ отъ страха не зналъ, что дѣлать; никто не могъ объяснить себѣ небывалое появленіе великана. Тогда князь успокоилъ ихъ, говоря: „Не бойтесь, я знаю, кто онъ, и зачѣмъ пришелъ!“

Этотъ великанъ былъ тотъ же самый, которому князь обѣщалъ дать своего младшаго сына въ воспитанники; буря была предвѣстницей его прихода. Пришедшій великанъ ска-

залъ князю: „Я пришелъ взять твоего младшаго сына, котораго ты мнѣ обѣщался отдать въ воспитанники; прошу исполнить свое обѣщаніе!“ Вспомнивъ свое обѣщаніе, князь сказалъ: „Хорошо“ и послалъ въ домъ къ нукерамъ, съ приказаніемъ отобрать отъ нихъ мальчика и отдать пришедшему великану. Нукеры этимъ были сильно опечалены и остались недовольны своимъ княземъ; они говорили: „князь нашего воспитанника отобралъ, и Богу только извѣстно, кому онъ отдалъ его: на вѣки вѣчные погубилъ его!“ Великанъ ушелъ, взявъ ребенка, и сталъ его у себя воспитывать.

Мальчикъ подростъ и сдѣлался очень рѣзвымъ. Однажды, въ отсутствіе великана, который былъ на охотѣ, мальчикъ побѣжалъ въ конюшнѣ и сталъ у дверей. Бѣлый конь, стоявшій въ конюшнѣ, какъ только почувствовалъ близость мальчика, бросился къ нему съ цѣлю убить. Двери были заложены большимъ камнемъ, который отъ толчка копы откатился и ударилъ стояшаго тутъ же мальчика, отъ чего послѣдній, лишившись чувствъ, упалъ въ обморокъ. Возвратившійся съ охоты великанъ-воспитатель засталъ своего воспитанника лежащимъ въ обморокъ и сказалъ: „Боже! онъ чуть меня не сдѣлалъ несчастнымъ. Зачѣмъ ты сюда пришелъ?“ Великанъ кое-какъ привелъ въ чувство мальчика и сказалъ въ назиданіе: „Сынъ мой, не подходи близко къ конюшнѣ: лошади тебя убьютъ!“ Но мальчикъ не послушался своего воспитателя; когда тотъ пошелъ на охоту, онъ взялъ семь кизилowychъ палокъ, вывелъ бѣлаго коня изъ конюшни и сѣлъ.

Конь сталъ бѣситься, желая, во что бы то ни стало, сбросить своего юнаго сѣдова. Но не тутъ-то было; онъ долженъ былъ покориться его волѣ: юноша объ его голову поломалъ всѣ семь кизилowychъ палокъ и этимъ ему внушилъ понятіе о своемъ мужествѣ и заставилъ его слушаться. Когда великанъ, возвратившись домой, увидѣлъ продолженіе мальчика, то сказалъ: „Сынъ мой, что ты дѣлаешь!? Дикій конь убьетъ

тебя! — „Нѣтъ, отецъ, не бойся; онъ меня не убьетъ, хотя раньше, по моей оплошности, онъ мнѣ надѣлалъ много неприятностей!“ отвѣчалъ мальчишъ. Послѣ этого случая великанъ сталъ брать мальчиша съ собою на охоту и слѣдить за нимъ, боясь, чтобы съ нимъ не случилось какого-нибудь несчастія, потому что былъ слишкомъ еще молодъ. Но въ немъ оказалось болѣе мужества, нежели онъ могъ предполагать. Узнавши качества своего воспитанника, великанъ сказалъ: „Ну, мое дитя! ты не можешь сдѣлаться мнѣ сыномъ, да и не для того я тебя взялъ, чтобы тебя усыновлять; я зналъ, что между маленькими людьми случаются иногда замѣчательные силачи, и потому рассчитывалъ, что изъ тебя выйдетъ силачъ и ты освободишь моихъ братьевъ, находящихся уже двадцать лѣтъ въ плѣну у царя великановъ. Вотъ для чего я тебя и взялъ!“ На это юноша отвѣтилъ: „Это не трудно: освобожу братьевъ, дай мнѣ только коня и оружіе!“ Великанъ тотчасъ же вывелъ вороного коня подъ золотымъ сѣдломъ, вынесъ прекрасное оружіе и отдалъ своему воспитаннику. Юноша сѣлъ и поѣхалъ къ царю великановъ. По дорогѣ ему стали встрѣчаться пастухи-великаны, табунщики-великаны, съ огромными стадами, которые, видя маленькаго человѣка, надсмѣхались надъ нимъ: „Куда ѣдетъ этотъ карликъ“, говорили они: „его сразу можно проглотить. Зачѣмъ онъ ѣдетъ?“ Эти насмѣшки разгнѣвали юношу, и онъ, безъ всякаго желанія съ своей стороны, перебилъ этихъ великановъ, забралъ ихъ стада и вернулся домой къ воспитателю съ полдороги. Когда онъ вернулся, воспитатель спросилъ: „Ну, чтожъ, мое дитя, отчего ты еще не поѣхалъ?“ — „Я не могъ доѣхать; вотъ великаны привазились ко мнѣ и, надсмѣхаясь, не дали проѣхать. За ихъ дурности я ихъ перебилъ, а стада пригналъ къ тебѣ. На, получи и пользуйся!“ Сдавъ воспитателю пригнанные стада, самъ онъ опять поѣхалъ туда же: къ царю великановъ освободить братьевъ своего воспитателя. Приѣхавши къ царю

великановъ, онъ прямо заѣхалъ во дворъ, слѣзъ съ лошади и зашелъ въ тотъ домъ, гдѣ помѣщался самъ царь. Въ комнатѣ, сидя на полу, шили три дѣвицы; онѣ не обратили никакого вниманія на появленіе юноши, даже не приподнялись съ мѣста, а только смѣясь надъ нимъ, сказали: „откуда взялся этотъ маленький человекъ?“. Въ той самой комнатѣ спалъ царь великановъ: его разбудили. Проснувшись и умывшись, онъ сказалъ: „Откуда взялся этотъ карликъ? Онъ такъ малъ, что составляетъ едва половину моей ежедневной порціи; его ничего не стоитъ мнѣ проглотить!“ Царь разинулъ ротъ и хотѣлъ проглотить юношу, но тотъ, сказавъ: „Я тебя слѣмъ самъ“, далъ ему такую пощечину, что онъ кубаремъ полетѣлъ и очутился въ дальнемъ углу комнаты. Царь ужаснулся и сказалъ: „Боже, онъ перебьетъ насъ всѣхъ“, и спросилъ юношу: „Что тебѣ нужно? За чѣмъ ты пріѣхалъ?“ — „Я пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы освободить своихъ двухъ братьевъ великановъ, которые находятся у тебя въ плѣну двадцать лѣтъ: отпусти ихъ“, сказалъ юноша. „Нѣтъ, этого нельзя“, сказалъ царь великановъ. „Если ты съ этимъ не согласишь, то вотъ что я сдѣлаю съ тобою и съ дочерьми!“; сказавъ это, юноша въ рубахъ сдвинулъ ручку плети, отчего оттуда потекла разноцвѣтная жидкость. Царь испугался, далъ ключи младшей дочери и послалъ освободить плѣнниковъ. Плѣнники были обросшіе волосами и оборваны, а потому юноша потребовалъ, чтобы царь заставилъ ихъ побрить и одѣть въ чистую одежду; кромѣ того, для пополненія убытковъ, понесенныхъ вслѣдствіе двадцатилѣтняго плѣна, юноша потребовалъ отъ царя два воза золота. Царь исполнилъ и это послѣднее требованіе изъ боязни, чтобы онъ ихъ всѣхъ не стеръ съ лица земли.

Юноша возвратился къ своему воспитателю, привезши съ собою его плѣнныхъ братьевъ и два воза золота. Великаны, освобожденные имъ изъ плѣна, спросили у старшаго брата: „Кто такой этотъ юноша, который насъ освободилъ изъ

плѣна и привезъ домой?“ Брать имъ рассказали все, какъ было, и добавилъ: „Вы ему всѣмъ обязаны и потому ничего не жалѣйте, чтобы его отблагодарить!“ Братья отвѣчали: „Если такъ, то мы за него готовы пожертвовать своею жизнію!“ Спустя нѣкоторое время, въ одинъ прекрасный день воспитатель-великанъ повзвалъ своего воспитанника и сказалъ: „Ну, дитя мое, скажи, чего хочешь: будешь жить у меня или уѣдешь къ родителямъ? говори, я сдѣлаю то, что тебѣ больше нравится“. Юноша отвѣчалъ: „Отецъ, мнѣ больше ничего не нужно, только доставь меня моимъ аталыкамъ (воспитателямъ), отъ которыхъ ты меня взялъ“. Великанъ съ этимъ согласился; онъ одарилъ его богатствами и рабами, составлявшими цѣлый аулъ, и со своими братьями повезъ юношу домой. На пути вдругъ старшій великанъ и говорить: „Боже, какъ же мы повеземъ нашего воспитанника: обязательно нужно его женить!“ Онъ настоялъ на своемъ и отправилъ воспитанника жениться. Въ это самое время нѣкій ханъ выдавалъ свою дочь замужъ за того, кто перепрыгнетъ на лошади ровъ, довольно большой ширины, а также попадетъ въ цѣль. По этому поводу ханомъ былъ устроенъ свадебный пиръ, куда съѣхались удалые женихи со всего конца обширнаго ханства состязаться, чтобы получить руку дочери хана. Между ними были князья и дворяне, достойные царственной руки; но, увы, никто изъ нихъ не могъ перепрыгнуть рва; всѣ позорнымъ образомъ падали въ него—этому была очевидцей ханская дочь, которая съ трона слѣдила за дѣйствіями состязавшихся жениховъ. Наконецъ, очередь дошла до героя нашего разказа, юноши, стоявшаго позади всѣхъ; онъ ударилъ плетью коня, понесся, какъ вихрь, и очень легко перепрыгнулъ чрезъ злополучный ровъ, а затѣмъ на скаку обернулся, выстрѣлилъ и выбилъ цѣль! Народъ взбунтовался, всѣ вдругъ заговорили: „Какъ можно, такому маловососу не отдадимъ дочери хана: среди насъ, въ лицѣ князей и дворянъ,

есть болѣе достойные женихи; лучше отдадимъ имъ, нежели этому малокососу!" Услышавъ такіе толки, юноша, не долго думая, подскочилъ къ трону, гдѣ сидѣла ханская дочь, схватилъ ее и увезъ на лошади. Всѣ погнались за нимъ, но не могли догнать: въ одинъ моментъ слѣдъ его исчезъ.

Юноша вернулся съ женою туда, гдѣ его ожидали великаны и другіе. Послѣ этого, всѣ вновь пустились въ путь. Неизвѣстно, долго ли, коротко ли они ѣхали до аула, гдѣ жили всѣ родные юноши. Когда они пріѣхали близко къ аулу, то юноша въ сопровожденіи одного своего воспитателя, оставивши другихъ за ауломъ, въѣхалъ въ аулъ и остановился у бывшихъ своихъ аталыковъ. Его не могли узнать, хотя и подозрѣвали, что юноша-гость есть тотъ младенецъ, который былъ взятъ великаномъ. Тогда мать-аталычка сказала: „Этотъ юноша, кажется, свѣтъ своихъ очей; дайте мнѣ пойти къ нему, я узнаю его, потому что у него долженъ быть шрамъ на лбу!“ Старушка пошла и стала разсматривать юношу; наконецъ, замѣтивши на лбу шрамъ, бросилась цѣловать юношу и обнимать; въ знакъ особенной радости она цѣловала и великана, привезшаго юношу. Она съ величайшимъ восторгомъ прибѣжала изъ кунацкой и сообщила, что вернулся свѣтъ ея очей. Послали къ князю людей сообщить о возвращеніи сына, а также спросить, гдѣ онъ будетъ жить: у него—отца или у аталыковъ. На послѣднее князь отвѣчалъ: „Я не желаю и не могу вмѣшиваться въ его дѣла: у него есть свой аулъ, свои рабы и онъ будетъ жить, гдѣ ему угодно, а мы для поселенія отведемъ ему мѣсто“. Какъ князь сказалъ, такъ и сдѣлалъ: отвели ему особое мѣсто, гдѣ онъ поселился со своимъ ауломъ и сталъ жить отдѣльнымъ отъ отца хозяйствомъ.—Если мы всему рассказанному не были свидѣтелями, да не доведется намъ не испытать горя!

В. Бяхскіе тексты.

а) Хакучинскай гаворы.

6. Хакучинець Маршановъ и чортъ.

Лішре жі'унере зетърьлѣхѣри „бісміллаһ“ жі'орі
На своѣ лошади свое сѣдло положиши, „бісміллаһ“ сказавши,
пнесѣѣ; решесі Шехале; уһаѣ нигем; жіһі
на лошади сѣлѣ; ѣдетъ къ Шахе устьямъ; тебѣ поѣхалъ по берегу; ѣдетъ
Ордане; зднеснем несмъ; пшаѣо пѣаѣур кеіхрі
(въ) Ордане; доѣхатъ (могъ) куда, (туда) доѣхалъ; облако видимое, спустившись,
лѣм жісѣасмѣ пшаѣор ктеһуваѣ. Шпблер буро
надъ человека его головы макушкой облако стало. Громъ гремѣтъ
снхѣзем Мершеннм бѣгур рымито, 'уемне жіѣсто,
сталъ когда, Маршанову дорогу не давал, убить его стращаецъ,
жіеке бѣгу рымито Мершеннр кыѣови'а. „Ми шпблем
впереди дорогу не давал, Маршанова останова. „Эта молнія
сиднм паіче бѣгу кызымто сн'уемно кнснѣѣар,
чего ради, дорогу не давал, меня убить тамъ привязавшася,
снги?“ жірі знепнпелѣмнѣ. һазиро жіѣе
почему?“ сказавъ, самого себя осмотрѣлъ. На газырѣ на своей груди
жімн сѣпѣмн шетаннм жіер капѣо һа-
лежацій туда посмотрѣлъ когда, чорта, съ глазами смотрящими, въ га-
зыр цнеум јсо ріѣѣѣо. һазырнм јспр шпблем ріѣе-
зырѣ маленькомъ сидя увидѣлъ. Въ газырѣ сидящаго молнія пора-
'уемнѣп, һаѣоо кнзхуѣнѣѣ жікі жіу'аѣ шпблем:
зитъ далъ не, гостемъ (его) себя у оставилъ и еще сказалъ молніи:
„Сн'уѣ, сн'уа, снѣаѣе остыѣтеп“. Мершеннм ар
„Меня убей, меня рази, своего гостя тебѣ я выдамъ не“. Маршановъ это
снзи'а-не'узмн шпблем пшаѣор жіѣтезмѣ. Шетаннр
тамъ сказалъ послѣ того когда, молнія облако взяла снова. Чортъ
мезнм хеһазнѣ: „ујаеке нобе кнсѣѣѣам
въ гѣсь ушелъ: „въ будущемъ (впереди), сегодня меня для ты сѣлалъ что

јџатирке увуџаф **плазун**, **јіорі**. **Мершенпр** **јізогу**
ради встрѣтишь что, ты увидишь, сказалъ. **Маршановъ** по своей дороги.

рнко тето **зи** уне **фмзипфѣ** **шу-зетесо**
 блучи находясь, одинъ домъ красивый старнй большой на лошади сидѣ

ѳѣџаб; **унеѣ** **виѳѣџаим** **шетаноѣ** **јутпипсџаим**
 въѣхалъ; въ домъ, онъ въѣхалъ который, чорта, имъ отпущеннаго,

јідебре **јіпипхумре** **тхео** **ѳесо** **’уѳаб**. **Шетан** **’љнџоѣ**
 отецъ и сестра пишущими сидѣ, встрѣтилъ. **Чортъ** старикъ,

Мершенпр **зи’уѳам** **Мершенним** **кызри’аб**: „**Се** **см-**
Маршановъ встрѣтилъ котораго, **Маршанову** сказалъ: „Я, моего

кор **пнблем** **јемнџе’у’ко** **кнхобзенџым**, **абн** **јџатирке**
 сына, молиніи поразить давъ не, тебя для оставилъ, этого ради,

мм **спнхуо** **зи** **нех** **дахе** **ѳмннаѣ** **столым**
 эту мою дочь одной красивѣе которой нѣтъ (и) за столомъ сидитъ

бѣдесыр, **узот**; **абн** **уѳемеіме** **днзпн** **легеннпфѣр**
 которая, тебя отдаю; этой ты хочешь не если, серебряный тазъ большой

узот **блеџе** **ѳето**.
 отдаю, какъ другу тебя отдаю“.

Мершенним **шетан-фмз** **јимдо** **днзпн** **легеннпр** **кнѳтаб**;
Маршановъ чертовку-жену не хотя серебряный тазъ взялъ;

шетанним **јпнхум** **ју’аб**: „**Мершенпр** **се** **укинссннпсте**:
чорта **дочь** **сказала**: „**Маршановъ**, **меня** **ты** **меня** **не** **пугайся**:

бнпым **хелнпе** **сппфѣхун**. **Арѳаџе** **Мершенним** **јідѣ-**
богатства **источникомъ** **я** **тебя** **для** **буду**“. **Но** **Маршановъ** **захе-**

рѣп. **Мершенним** **шетан** **хнгебвнм**: „**У** **легни** **каме-**
тѣл **не** **(ее)**. **Маршанову** **чертова** **дѣвица**: „**На** **свой** **тазъ** **кинџа-**

ке **дамыџе** **тедѣ!**“ **кирн’уџ**. **Мершенним** **јікамер** **кнрпхрп**
ломъ **тавро** **положи!**“ **сказала**. **Маршановъ**, **свой** **кинџалъ** **вннуџъ**,

легенним **дамыџе** **тырнзџаб**; **јитне** **Мершенним**: „**уіуане**
на **тазъ** **тавро** **положилъ**; **потомъ** **Маршанову**: „**къ** **своему** **сѣду**

кепх **легеннпр!**“ **кнѳра’ом**, **Мершенним** **легеннпр** **уанем**
привяжи **тазъ!**“ **тазъ** **сказали** **когда**, **Маршановъ** **тазъ** **къ** **сѣду**

јівепхмѣ. **Шетан** **љнзпнр** **кепсаѳері** **кну’аб**: „**Мершен** **мо-**
привязалъ. **Чортъ** **старикъ** **заговоривъ**, **сказалъ**: „**Маршановъ**, **эти** **вер-**

пу кавохер уо уірус?“ јорі; Мершенмр сн-
 ховне, ѣдутъ которне, твои твои товарищи?“ сказавъ; Маршановъ, тамъ
 вепъекни псорі водмзрі Мершенни јшним
 оглянулся посмотрѣть когда, все исчезнувши, у Маршанова на его лошади
 легенмр јекепхаго јогум зеритетѣм ходего
 тавъ привязаннымъ (къ сѣдлу), на дорогѣ ѣхавшимъ былъ какъ, такъ
 китеѣезицъ.

трусилъ онъ вновь.

(Записано со словъ жителя с. Кичмая, Лахедига Нагиди).

Переводъ.

Осѣдлавъ своего коня, сказалъ: „бисмилахъ“ *) и поѣхалъ
 къ устьямъ рѣки Шахе **). До Ордае, куда можетъ дойти,
 доѣхалъ. Облако, насколько видно, сгустилось надъ его голо-
 вою и стало грозной тучей. Громъ сталъ гремятъ. Молнія
 Маршанову не давала ѣхать дальше по дорогѣ, грозя его
 убить, и, такимъ образомъ, остановила Маршанова на пути.
 „Чего ради эта молнія не даетъ мнѣ ѣхать дальше и все
 грозить поразить меня?“ сказалъ Маршановъ и осмотрѣлъ
 вокругъ самого себя. Заглянувши въ газырь, находящійся на
 груди, онъ увидѣлъ, что оттуда высматриваетъ своими глазами
 чортъ. Молнія хотѣла убить его, и онъ искалъ тамъ спасенія.
 Маршановъ не далъ молніи поразить того, кто въ газырѣ си-
 дѣлъ: онъ чорта принялъ за своего гостя ***) и сказалъ молніи:
 „Хотя бы ты меня убилъ, хотя бы поразила, но своего гостя
 не выдамъ!“ Послѣ того какъ Маршановъ это сказалъ, молнія
 перестала сверкать, и облако поднялось вверхъ. Спасенный
 Маршановымъ чортъ ушелъ въ лѣсъ, сказавши на проща-

*) Начинаю именемъ Бога.

Авт.

**) На этой рѣкѣ находится въ горахъ сел. Кичмая, населенное хаку-
 чинцами, а при устьѣ—посѣ Головинскъ, на берегу Чернаго моря. Авт.

***) У черкесовъ существуетъ обычай, покровительствовать своему гостю и
 защищать его, кто бы онъ ни былъ: знакомый или незнакомый, богатый или
 бѣдный. Измѣнить гостю составляетъ позоръ цѣлой фамилии и даже племени.
 Этотъ обычай сохранился и теперь, но съ значительными ослабленіями. Авт.

ніе: „Впередѣ ты встрѣтишь кое-что въ награду за то, что ты мнѣ сегодня сдѣлалъ!“ Маршановъ, ѣдучи по дорогѣ, замѣтилъ бѣлый домъ, куда онъ и заѣхалъ; въ домѣ, онъ встрѣтилъ пишущихъ отца и сестру того чорта, которому онъ спасъ жизнь. Чортъ-старикъ сказалъ Маршанову: „Ты защитилъ моего сына отъ молніи; потому я за тебя отдаю свою дочь, красивѣе которой нѣтъ на свѣтѣ—вотъ ту, которая сидитъ за столомъ; если ея не хочешь, то вотъ тебѣ этотъ большой серебряный тазъ!“

Маршановъ не пожелалъ имѣть жену-чертовку, и взялъ себѣ серебряный тазъ. Дочь чорта сказала: „Маршановъ, ты меня не пугайся: буду для тебя источникомъ богатства!“ Но Маршановъ не захотѣлъ имѣть ее своей женою. Дѣвка-чертовка сказала Маршанову: „На тазу сдѣлай своимъ кинжаломъ мѣтку!“ Маршановъ вынулъ свой кинжалъ и сдѣлалъ мѣтку на тазу. Потомъ ему посоветовали привязать тазъ къ сѣдлу. Маршановъ привязалъ тазъ къ сѣдлу. Тогда старикъ-чортъ сказалъ: „Маршановъ, тѣ верховые, которые ѣдутъ, это твои товарищи?“ Когда Маршановъ оглянулся, все исчезло, а только Маршановъ, съ привязаннымъ къ сѣдлу серебрянымъ тазомъ, очутился на той же дорогѣ, по которой ѣхалъ.

7. Преданіе о лѣсѣ Тхашагъ.

Тѣсаѣр	тѣле'уѣ	снт;	Тѣсаѣр	чѣлѣр
Тхашагъ	Богу прошенія мѣсто	было;	Тхашага	населеніе (во-
кетесмао	смсѣ;	ар	зезмпѣоѣр	іпсѣм
кругъ)	расположившись,	сидѣло;	это (населеніе)	уничтожившій,
азѣм	кѣврѣ іпхѣ;	ар	зѣпхѣзѣр	кѣсѣм
въ томъ году	придя, уничтожилъ;	это	покорило войско	которое, въ горы
дѣкѣм;	чѣпым	кѣсѣм	тезѣлѣзі	теѣахѣс;
забралось;	на ночь на горѣ	привалъ	устроили	и лежали; въ этомъ мѣстѣ,
дѣсѣм	сѣло	зѣр	уѣно	сѣхум
лежало гдѣ,	лежа, войско	уходитъ	стало	когда, старуху
				пѣнницу
				донага

ценырі жіве'угежі. Нмузир жі'уціено жіве'уго
раздѣвши, плясать заставило. Старуху раздѣвши, заставлятъ танцовать
снхум: „зер. бекодн!“ јорі бзе сшахоке дуде
стало когда: „войско погубн!“ сказавъ на нарѣчнн особомъ, молитву
кіѣа: „Сепхмуво, се'увуфе, зе нобе хомнѣке смзе-
вознесла: „ войско, сегодня поневогѣ меня заста-
ѣ'угыр бекодн“. зер ітане бегрі зетелѣд.
вляеть плясать которое, погубн“. Войско послѣ этого, попухши, повымерло.
„Мы зер смѣемнкоде, псао смѣожме, чем—
„Въ этомъ войскѣ я не погибнувъ, живымъ я возвращусь если, корову—
курмен Тѣаѣснм кнхостнпсннѣ“. Ітане ннорі іхекізнѣ
жертву для Тѣашага для (него) я пуцу“. Потомъ старуха вышла (изъ вой-
а ѣврі кожнѣ адрехер зетелѣжі.
ска), и этотъ человекъ вернулся, (а) другіе всѣ умерли поголовно.

А ѣо кожѣм чемнѣе деѣор
Этотъ человекъ, возвратился который, корову трехгодовалую красивую,
пешн физыр іпѣ ѣо кі'утнпсрн какоѣтнѣ. Ар
ситцемъ бѣлымъ шею обмотавъ, пускавши, приходилъ обыкновенно. Эта
кнзнвоке чнло кнзхеѣер Тѣаѣснм кевоѣо
приходила когда, население, приходило къ которому въ Тѣашагъ, собираясь
јуко снтнѣ. Јірі іѣері ікошо снтнѣ; ар чемо ка-
(а) убивая было. Мясо и кожу дѣла было; эту корову, приходила
воѣыр. Чемыр како знѣаѣум: „Ахнне ічем, ѣе-
которая обыкновенно. Корову, идущей видѣлъ кто: „Ахнны корова, прихо-
рнн!“ јоѣ зехоснрт. Чемыр јѣеснѣ іѣеснѣ бекнх-
дящая сама!“ говоря, собирались. Корова года два, года три, не прошло
ке каворт.
пока, ходила (каждый годъ).

(Записано со словъ старика Тавая Гугажова).

Переводъ.

Лѣсъ Тѣашагъ *) былъ мѣстомъ жертвоприношеній. Во-
округъ этого лѣса расположилось селеніе. Непріятель пришелъ
въ томъ году съ южной стороны и разорилъ это селеніе.

*) Этотъ лѣсъ находится въ верховьяхъ р. Шахе.

Непріятельское войско, разорившее селеніе, поднялось на возвышенности и ночью сдѣлало приваль на горѣ. Когда уже войску понадобилось уходить, воины раздѣли старуху-плѣнницу донага и заставили ее плясать. Негодующая старуха на какомъ-то непонятномъ языкѣ помолилась Богу: „Боже карающій, молю Тебя, погуби враговъ, заставившихъ сегодня меня плясать голой!“ Послѣ этой молитвы войско поголовно попухло и вымерло, кромѣ одного воина. „Если я вернусь невредимымъ домой“, молился тотъ: „то, въ знакъ благодарности за спасеніе, пущу корову въ Тхашагъ и принесу ее Богу въ жертву!“ Богъ смилвался, и онъ одинъ уцѣлѣлъ изъ всего войска.

Старуха исчезла, а уцѣлѣвшій человекъ ушелъ домой. Въ благодарность за спасеніе онъ пустилъ красивую трехгодовалую корову, съ бѣлой матеріей на шеѣ; такая корова являлась ежегодно. Когда корова приходила, населеніе собиралось въ Тхашагъ и, по обычаю, рѣзало ее. Первый, кто видѣлъ, что корова идетъ, восклицалъ: „Это корова Ахины, которая приходитъ сама, безъ принужденія“, а затѣмъ народъ собирался для молитвы. Корова являлась въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ. Ее называли коровой „Ахины“.

8. Борьба со змѣемъ.

Шехапе блазор кнувоъѣері, ар кнмнувоъѣам
(У) Шаке устьевъ змѣя положившись, онъ положился когда,
мн пснѣом уневосятъ деснѣ. Цифир зеникоур-ба, орк-
на этомъ берегу дворовъ двѣсти жило. Люди спорять же, дво-
хер ѣмѣе зеттрахо зеникоур-ба, аш федо
ряне, мужество другъ у друга отнимая, спорять же, (въ) этомъ (аулѣ) также
оркхер зеникоу хури і'уѣ: „Мегум имн'уѣме де
дворяне спорить ставши, сказали: „Маговъ не убьете если, мн

тѣ'у'кшпт“. Цѣфхер кмѣ'у'сѣрі унафе јѣмъ: блабор зм-
 ин убемъ“. Люди, собравшись, распоряженіе сдѣлали: змѣя убить
 'у'кшм псм пайсѣр ратно. љѣа'пехем керезул тет,
 кто, (тому) рѣчные доходы отдать. На возвышенностяхъ караульные стояли,
 цѣф змнѣсѣ кмднѣаме іравѣезмно. Шегеблер
 люди, не знаютъ которые, зайдутъ если, (ихъ) вернуть чтобы. Змѣя,
 љаозе атем халъхуишо хельмъ; блешхор сако
 на соломенномъ стогу, (дѣтнейшей) родивши, лежалъ; змѣя большой, на охоту
 корти бсегеі кіхуѣ снтѣб. Мафе хилъѣас, јанер
 ходивши, рыбъ для нихъ приносить бывало. Огонь (онъ) подложилъ, мать,
 хм кyo кето; јтане боне ('у'бо) кіѣабури кечезѣас. Ме-
 къ морю идя находясь; потомъ, дымъ увидѣвши, приближала. Ма-
 гум бѣзур кіапсеѣ іріпхмі, блабор Мегум кѣлнзере-
 говъ бугая веревкой привязавши, змѣя за Маговымъ гоняться продол-
 пет бѣзум кн'у'сѣб; бѣзум кмсм'у'сѣм, бѣзур гузавеме
 жая, бугая встрѣтилъ; бугая тамъ встрѣтилъ когда, бугай, торопится если,
 знгпр кмзѣно хуѣамс; а блабом знгм кмснзмі-
 дерева (крутомъ) бѣгать стала; этотъ змѣя по дереву обвился
 шекім Мегур шію бѣделадері сешхоке јорі зепі'у'п'сѣас.
 когда, Маговъ, верхомъ подскочивши, пашкой ударивъ, перерѣзалъ
 снзепі'у'п'снм љн кіѣр Мегум кмсе-
 (надвое). Тамъ перерѣзалъ когда, кровь, вышла которая, до Магова дотрону-
 љн'уснм језмі ішрі зетѣѣас. Катоу зері'у'кѣр
 лась когда, онъ и конь умерли. Сабля, убить былъ которой (змѣя),
 махубнѣке јлат.
 дней семь точилась.

Переводъ.

Въ устьѣ рѣки Шахе завелся змѣя. Въ тѣ времена, въ
 этой мѣстности жило двѣсти дворовъ *). Ссоры между людьми
 бывають часто. Тамъ, дворяне между собою спорять изъ-за
 того, кто изъ нихъ храбрѣе; поспорили однажды дворяне о
 томъ, кто бы могъ убить змѣя, и порѣшили: „Если Маговъ

*) Въ настоящее время въ с. Кичмѣй 50 дворовъ.

не убьеть, то мы убьемъ“. Люди собрались и рѣшили дать тому, кто убьеть змѣя, доходы отъ береговъ рѣки. На возвышенностяхъ стояли караульщики, чтобы людей, не знающихъ о присутствіи змѣя, не пускать на берегъ и возвращать ихъ обратно. Въ копнѣ соломы змѣй вывелъ дѣтенышей. Когда змѣй охотился за рыбой въ морѣ, Маговъ поджегъ эту копну. Увидѣвъ дымъ, змѣй прибѣжалъ; но раньше этого Маговъ привязалъ веревкой бугая. Когда змѣй бросился за Маговымъ, то наткнулся на бугая, который, испугавшись чудовища, бѣгалъ вокругъ дерева и обматывалъ веревку. Такимъ образомъ, гоняясь за бугаемъ, змѣй обвился вокругъ дерева; тогда Маговъ верхомъ подскочилъ и шашкой перерубилъ его пополамъ. Но змѣиная кровь, хлынувши ручьемъ, коснулась ногъ Магова: онъ и его конь погибли. Сабля, которой онъ убилъ чудовище, точилась семь дней *).

9. Непрiятельское войско и слѣпой.

Каноко цѣмр хакуѣмр јіпхіно каѣорт; чылем ар сѣ-
 Конововъ князь хакучевъ поворать шель; населеніе, это тамъ
 захакім декрі јежежас зи ѣмз неф киданері. зер
 услышало когда, выдѣл, сбѣжало, одного старика слѣпца оставивъ. Войска
 чылем кісехінем зне самнротым ѣмз нефым
 въ населеніе пришли когда, ничего тамъ не нашли когда, у старика слѣпого
 је'уіѣас: „чылер тене куа?“ жа'арі. „Се сннефс: снсеркым“
 спросили: „населеніе куда ушло?“ говоря. „Я а слѣпъ емь: а знаю не“
 жі'ас ѣмзым. „Арме, тшіхі кытхоѣот!“ жі'ас зем.
 сказалъ старикъ. „Такъ если, намъ поѣсть намъ найди!“ сказала войско.

Переводъ.

Князь Конововъ шель поворать хакучевъ. Когда жители
 объ этомъ услышали, то, бросивъ свои жилища, искали убѣ-

*) Могла и сабля Магова, по увѣренію разначика, сохранилась до сихъ поръ. Ает.

жища въ лѣсныхъ тущобахъ, оставивъ только одного слѣ-
пого старика. Войско пришло въ брошенное семеніе, но, не
найдя никого, кромѣ слѣпого старика, воины спросили: „Куда
ушли жители?“. Старикъ отвѣчалъ: „Я слѣпъ: не знаю!“ —
„Если ты не видѣлъ, куда они ушли, то найди намъ, пожа-
луйста, поѣсть чего-нибудь!“ сказали воины.

10. Молодецъ—Јаферим.

Зи шапсѣмѣнсѣ горе зи пша-горем мечит
Одинъ лансугскій князь нѣкто въ одинъ вечеръ какой-то, къ мечети
бчеум кеколао сѣсо, чалехер гегуо утхети—јіпѣино јігу-кевнѣу
дверямъ пришедши, сѣди, мальчики играя стояли—смотрѣть вздумалось;

јпѣо сѣсо џапине зереѣем, зи чале се
смотря, сѣди, въ чижики играютъ какъ, одинъ мальчикъ (послѣ) троекратнаго
тефеѣо сѣнтірѣахом, се „јаферим!“ јірау’аѣ.
попаданія въ цѣль тамъ попалъ когда, трижды „молодецъ!“ (ему) сказали

А псѣр сѣсо зи ѣнз гор кмуѣаѣс. „Мн
(мальчикъ). Этотъ князь сѣди, одинъ старикъ нѣкто подошелъ. „На этихъ
чалем сјапѣо сѣснстн: зи чалем се „јаферим!“
мальчиковъ я смотря, я сидѣлъ: одному мальчику трижды „молодецъ!“

рјауѣ: се јлес тоѣнѣ сѣсѣаѣм: се нех „јаферим!“
ему сказали: я лѣтъ восемьдесятъ я прожилъ: трехъ кромѣ „молодецъ!“

кнсауон слѣкаѣп.“ — „Ар сито куауѣ?“ јіорі је’уй-
миѣ сказали чтобы, я смогъ не.“ — „Это какъ сказали?“ сказавъ, спро-

ѣнѣ адреј ѣнзер. „Јгі фес’он слѣкнштѣп: пшнѣаѣе-
силъ другой старикъ. „Теперь вамъ я сказать я смогу не: вечеромъ

фмкакуі; фес’ун!“ ірнуаѣ. Аш-деім пшнѣаѣем јѣко-
вы придите; вамъ я разскажу!“ имъ сказалъ. Нему къ вечеромъ собра-

ѣаѣі. „Јгі!“ јіуаѣ: „се јаферимнѣсѣр кнзирисѣар-
лись. „Теперь!“ сказалъ: „я молодецъ трижды я принесшій (заслужившій)“

меѣоѣ: пшнѣаѣе аѣшеми’узним, засі мнѣу-
такъ: вечеромъ въ сумерки намаза послѣ, намазъ ночной (еще) насту-

ѣапо, зм зеке вѣц горі кегаѣ: шаум см-
лигъ не, одинъ (съ) бородой длинной нѣкто позвалъ (вмзвалъ): на дворъ я вы-
ѣм-сѣаке, кмсхоблегаѣп унем. „Себлеженоп:
кожу хотя, приналъ моего приглашенія не въ саклю. „Я ириму приглашенія не:

ѣусо ухуптме неко!“ зеуом кмздырї
товарищемъ ты сѣлаешься если, пойдешь!“ сказалъ когда, откуда овъ пришедши,
смммѣго снѣзѣѣ. Тнкогомке пѣдмз нехусаѣом
я не зналъ, я съ (нимъ) поѣхалъ. Мы все ѣхали пока, утромъ на разсвѣтъ

зм уне горым те см’уѣем ѣѣарї знка’умре
одинъ домъ нѣкоторый мы тамъ встрѣтили когда, зашедши, нѣсколько и
кнѣетрї рїо кнѣѣкнзѣ. Тезм јїтане тнкогомке
тамъ постоятъ, плача, (онъ) вышелъ. Мы ѣдемъ; потомъ, мы все ѣхали пока,

зм мазе федмз днѣуоѣо зм хн горым дн’уѣѣѣ;
одинъ мѣсяцъ приблизительно мы ѣдучи, одно море какое-то мы встрѣтили;

те см’уѣем: „їїї. јї хнм уш фѣзм-
мы тамъ встрѣтили когда: „да, теперь въ море твоей лошади переднія ноги

тнр хѣѣ’уvm снксемзѣѣке умхѣ’уго ѣнтн!“ ју’орї
дѣ поставъ (и) я прїѣду пока не, ты не двигаешься, стой!“ сказавши,

јеснр хнм іш хнферї зепнрнснѣѣѣ; зепнрнснѣї
самъ въ море свою лошадь загнавши, переплылъ (море); переплываетъ,

чѣп-мафнїѣ кетмъ; јатфенереї мафем шмѣѣ мнн
ночи-дня четыре оставался; въ пятый день кобылицъ тысячу (табунъ

федмз кнѣрї кеѣоѣѣѣ; кмснсмзнм
въ 4000 головъ) около пригнавши, вернулся; туда (до меня) доѣхалъ когда,

зм змнѣѣѣїо снхето смѣѣѣѣѣ, „јафернм!“ км-
одно (не) не шевелась я участвуя, тамъ увидѣлъ когда, „молодецъ!“ мнѣ

сіуѣѣ; јапе „јафернм“ кмснѣїѣр арарїс.
сказалъ; первый разъ „молодецъ“ тамъ сказанное это есть.

Аш јузнм хнм снкнѣкнзн; теуре тнкеѣуѣо:
Этого послѣ изъ моря я выхожу; немного мы уѣхали послѣ того какъ:

„Мы шнхер зер кн’туѣшт ікї тн’уѣннѣ сене-
„Этихъ лошадей владѣлецъ насъ встрѣтитъ и насъ убѣдетъ что, я предчу-
гої“, ју’ѣзеум: „кн’туѣеме, ар офе ѣїшхн-
ствую“, сказалъ послѣ того когда: „насъ встрѣтитъ если, это дѣло какъ ѣд-

зѣм? тебе'аштѣне? — „Аштѣме:
щѣ (пустое)? намъ вы дадите кулакомъ побить не?“—„Кулакомъ побилъ бы
јаферым!“ кысмугъ; јафымитир аш-јдеі кешѣгъ ар
если: молодець!“ мнѣ сказала; молодца два этому къ мнѣ привезъ этимъ
ікеѣно.

ступаая (путежъ).

Ітане шпхер зер кмд'усѣгъ. Кагі: смшѣгъ.
Потомъ лошадей владѣлецъ насъ встрѣтилъ. Кричить: меня позовалъ

шпхер зеім: „А! шперыѣм маф уі тѣмаде: јдеі
лошадей владѣлецъ: „Э! прислужникъ, счастливый твой господинъ: къ нему
ѡжі, шым јаніко кызитѣмно јеу!“ ж'а. Се кеѡзі
иди, лошадей половину мнѣ вернулъ чтобы, слажи!“ сказала. Я возвращаюсь

тѣмадем сес'оум: „ЗЫ ШМ јестынеп!“
(и) господину тамъ я сказалъ когда: „одной (ни) лошади ему я отдамъ не!“

ју'ѣгъ; се какуі, веснуотежым: „јазшане фелѣв
сказалъ; я прихожу, отъ себя я ему рассказалъ когда: „ихъ треть хотъ

кысіретѣз, јаніко кысімитѣме!“ ју'ѣгъ. Јтане
мнѣ возвратитъ пусть, половины мнѣ не возвращаетъ если!“ сказалъ. Потомъ

тѣмадем сес'оум: „ЗЫМ јестыштоп! абм нехі
господину тамъ я сказалъ когда: „ничего ему я отдамъ не! этого кромѣ,

зыкеумѣре'утѣп!“ ју'ѣгъ: „ар мнх'уме
тебя не отдавайся отпускать!“ сказалъ: „этому не сдѣлаться если (нате),

соон“. ЗЫМ рѣтно сымдем: „те зеѣе-
я ударю (убью)“. Ничего отдать тамъ не согласился когда: „мы давай

зао!“ кр'у'ѣгъ. Зезеоним кысѣтѣнем: „заве
сразимся!“ онъ ему сказалъ. Для поединка тамъ остановились когда: „борода

кыѣым“ ју'ѣгъ: „шмт тѣфе'ук тѣзирѣзо: језѣ
длинная“ сказала: „лошадей двухъ вы зарѣжете намъ по одной: самъ

ішхышт сері спхышт!“ Шмт јіфез'укр'і сѣдѣзым
сѣѣсть и я я сѣѣмъ!“ Лошадей двухъ нихъ для зарѣзавши, утромъ

јѣзирѣзо јарѣѣшкыѣ. „Іһі“, ју'ѣгъ: „ігі смшперыѣм
ихъ по одной имъ далъ повѣсть. „Іа“, сказалъ: „теперь, мой прислужникъ,

ігі те тѣзезеопт; тѣзезеаом ітезі,
теперь мы мы сразаться будемъ; мы тамъ сразаться будемъ когда подлѣ,

еж каони: сібе кытрірефешт; еж ј'тане аб'хобешфе
онъ ударить: въ мою грудь попадетъ; онъ потомъ палець большой

ј'наѣ кыта'уни: „кеу!“ јішт. Се сеоу јіаб'хо
къ своему лбу приставить: „беи!“ скажетъ. Я я ударяя (и) его палець

бешфе пмы'удо ј'наѣ сытезѣафеке сулуком измс
большой отрывая, въ его лобъ тамъ попаду когда, сулука *) полныхъ три

лым сисо сикоимѣрехохю сикезафі зыр
крови состоя, мнѣ ты не давая падать (изъ сѣдла), мнѣ дай выпить, одну

онакем јеукепхнзі сышез шым сизернѣпхѣо!“
къ сѣдла лукъ привяжи (и) меня поведи на лошади меня связаннымъ!“

Пшедзым зезаохі: зеріу'ам ходего сѣмѣ. Кесфнзм шы-
Утромъ сражаются: имъ сказано какъ, я сдѣлалъ. Я погоняю лоша-

хер; кесфнхеу сикекозоу, ѣри кеспезоі адрері
дей; я гнавши (ихъ), я возвращаясь, (и) человека я везу, (а) другого

сес'ѣо, унеу зисѣау рмо кивѣкнзѣм се
я тамъ похоронивъ, въ домъ я заходя, плача (онъ) вышелъ изъ котораго, я

кесымѣ. Зы ѣыз гори кнѣки: „сесабсі!“ ју'аѣ:
я пріѣхалъ. Одинъ старикъ какой-то выходитъ: „здравствуйте!“ сказалъ:

„сид хыбар?“ лы сулуко онакем іпхѣр кыпсхрі
„какая новость?“ Кровь въ сулукъ къ сѣдла лукъ привязанную я отвязавши,

јестаѣ. Зесетем зеке јубдри ріфрі
ему я отдалъ. Отъ себя я отдалъ когда, зубами схвативши, онъ выпивши,

і'а јннбе сифезмѣ: јасенереі „јафернмѣр!“ аш-
свою руку по своему животу помазалъ: третій (разъ) „молодецъ!“ этому

јдеі кыснсіу'аѣ. Јгі арі јафернмсісѣр кызернснѣгер.
къ тамъ мнѣ сказали. Вотъ такъ молодець трижды я принесшій.

(Записано въ аулѣ Красно-Александровскомъ со словъ 60-лѣтняго старика).

Переводъ.

Одинъ шапсугскій вназь, сидя у мечети, увидѣлъ, что мальчики играютъ; ему захотѣлось посмотреть, какъ они играютъ. Мальчики играли въ чижика. Когда одинъ изъ играющихъ три раза попалъ въ чижика, другіе товарищи сказали

*) Сумка для воды.

ему троекратно: јаферим—молодецъ! Въ это время къ князю подошелъ другой старикъ, который ему выразилъ свое удивленіе въ слѣдующихъ словахъ: „Я сидѣлъ здѣсь и смотрѣлъ на этихъ играющихъ мальчиговъ: когда одинъ изъ мальчиговъ три раза попалъ въ чижика, ему трижды сказали: молодецъ! а я за свою восьмидесятилѣтнюю жизнь могъ удостоиться этой лестной похвалы только три раза“.— „Какъ и за что ты удостоился этой похвалы?“ спросилъ старикъ, которому онъ выразилъ свое изумленіе. „Теперь я не могу рассказать: приходи ко мнѣ вечеромъ; я тебѣ расскажу“. Вечеромъ старикъ пришелъ къ князю послушать рассказъ его о томъ, за что онъ удостоился похвального слова—молодецъ. „Мнѣ“, заговорилъ князь: „три раза сказали: „молодецъ!“ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: вечеромъ одинъ длиннородный человекъ вызвалъ меня изъ дому; я вышелъ къ нему и предложилъ ему свои услуги и хлѣбъ-соль, но онъ отказался и сказалъ: „Нѣтъ, не хочу; если можешь быть мнѣ товарищемъ, поѣдемъ сейчасъ со мною. Хотя я не зналъ, кто онъ, но не отклонилъ его просьбы и поѣхалъ съ нимъ. Ъхали мы до самаго разсвѣта, нигдѣ не останавливаясь, и приѣхали къ какому-то дому; мой товарищъ вошелъ въ этотъ домъ, а я оставался и ожидалъ его на дворѣ. Наконецъ товарищъ мой вышелъ оттуда въ слезахъ, и мы опять поѣхали дальше. Ъхали мы цѣлый мѣсяцъ, пока не доѣхали до казого-то моря. Когда приѣхали къ морю, товарищъ приказалъ мнѣ вѣхать въ море, такъ чтобы переднія ноги моей лошади находились въ водѣ, и стоять, не измѣняя этого положенія, до тѣхъ поръ пока онъ не вернется, а самъ онъ отправился за море. За моремъ онъ оставался четверо сутокъ, а на пятны сутки вернулся съ табуномъ лошадей въ четыре тысячи головъ. Я же все время стоялъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онъ оставилъ меня, отправляясь за море, какъ это ни трудно было для меня. Товарищъ мой остался

мною очень доволенъ за это и сказалъ: молодецъ!“ Вотъ за что я удостоился въ первый разъ этого слова!

На возвратномъ пути товарищъ сказалъ мнѣ: „Я думаю, что съ нами встрѣтится хозяинъ этого табуна, и тогда намъ не сдобровать!“ Я же на это отвѣчалъ: „Это не бѣда: мы съ нимъ сразимся и сложимъ головы, а не отдадимъ ему табуна“. Онъ этому очень обрадовался и сказалъ: „Если на дѣлѣ окажешься такимъ, то ты молодецъ“. Вотъ за что удостоился я во второй разъ слова—молодецъ! Предположеніе моего товарища оправдалось: мы наткнулись на врага.

Хозяинъ табуна позвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „Эй, стремянной, иди и скажи своему господину, чтобы онъ мнѣ возвратилъ половину моего табуна!“ Я пошелъ и передалъ эти слова товарищу, но онъ не согласился и сказалъ: „Не отдамъ ни одной лошади“. Они долго вели чрезъ меня переговоры между собой, но товарищъ мой стоялъ упорно на своемъ: онъ не согласился ни на какія уступки и даже разсердился на меня, когда я пришелъ къ нему съ предложеніемъ врага возвратить одну треть табуна, и сказалъ: „больше не приходи ко мнѣ отъ него, а не то убью!“ Когда я передалъ хозяину табуна о томъ, что мой товарищъ не соглашается ни на какія уступки, онъ вызвалъ его на бой. Товарищъ мой не отвергъ его предложенія. Когда оба рѣшили попытать свои силы въ единоборствѣ, длинно-бородый сказалъ: „Зарѣжь и приготовь для насъ обѣихъ двухъ лошадей, потому что я и мой противникъ должны предварительно до единоборства съѣсть по одной лошади“. Я въ точности исполнилъ приказаніе длинно-бородаго: зарѣзалъ двухъ жирныхъ лошадей и далъ каждому изъ нихъ по одной. Послѣ сытнаго завтрака длинно-бородый сказалъ мнѣ: „Теперь, мой товарищъ, мы будемъ сражаться; первымъ выстрѣлить противникъ и ранить меня въ грудь; но потомъ онъ приложитъ большой палецъ ко лбу и скажетъ: „Бей!“ Я выстрѣлю и попаду прямо въ па-

лець, приложенный ко лбу, и онъ упадетъ съ лошади; тогда ты подбѣги къ умирающему, наполни его кровью три сумочки и кровью изъ двухъ сумокъ напои меня, поддерживая меня на сѣдлѣ; третью сумочку привяжи къ луку моего сѣдла, къ которому не забудь и меня привязать, а затѣмъ отведи меня къ мѣсту нашего привала. Враги сразились; я исполнилъ приказанія длинно-бородаго до мельчайшихъ подробностей. По окончаніи боя между врагами, я убралъ мертвое тѣло противника и предалъ его землѣ, а самого длинно-бородаго, опасно, но не смертельно раненаго, отвелъ къ мѣсту привала. Мнѣ было не легко, потому что теперь я долженъ былъ ухаживать за больнымъ, и гнать табунъ въ 4000 головъ. Обратный путь мой съ тяжело больнымъ и табуномъ тянулся очень долго и былъ весьма мучителенъ для меня, но я терпѣливо перенесъ всѣ труды и лишения: наконецъ, дотащились мы до того дома, гдѣ длинно-бородый останавливался на непродолжительное время и плакалъ. Когда я подъѣхалъ къ дому, то оттуда вышелъ какой-то старикъ и сказалъ: „Здравствуй! что новаго?“ Въ отвѣтъ на это я отвязалъ отъ луки сѣдла сумочку съ кровью и далъ ему, а онъ однимъ залпомъ выпилъ эту кровь, погладилъ себя, въ знакъ особеннаго удовольствія, по животу и сказалъ мнѣ: „молодецъ!“ Вотъ за что я въ третій разъ удостоился похвалы, выраженной словомъ „молодецъ“.

11. Ешовъ Батыныко.

Еше Батынык нарто ъыікуѣ љаѣо феѣу-
Еше Батыныко, молодець, мужъ громкій, завистливый, бѣдный много
безъ жебесыр жељаф; мекуфер ічи анер
старый, свою храбрость сознающій защитникъ; сына шелуха его конь, сто-
іічель, днсер іѣернѣ. Урпем кырігуаз, Пѣвзям кырідекі:
его потникъ, золотого его стремя. По Урупу направляется, по Кубани выѣзжаетъ:

„Нартеми јамелаху, бе Тѣа змрїрехун!“ ју’аѣ.
 „Нартовъ ихъ овецъ пастухъ, много Богъ да заставитъ пастн!“ сказаль.

„зи мелпр ѡмѣхуа“, ју’аѣ; „зи мелнбѣн келеа“, ју’аѣ;
 „чей баранъ храбрн“, сказаль; „чѣя овца хвостъ волочитъ“, сказаль;

„зи синафер чм уас“, ју’аѣ. „Се ѣаѣ воза!“ ју’аѣ:
 „чѣя агвенка шура въ коня дѣно“, сказаль. „Я гостъ рѣдкїи!“ сказаль:

„Нартым јї’унем се смрї’уїѣаѣу: ѣмбар кмсаѣ!“ ју’аѣ.
 „Нартовъ ихъ домъ я я спроситъ иду: новостъ мнѣ разскажи!“ сказаль.

„Урпым урїозо Псѣзмим урїеко: нартим јї чема-
 „По Урупу ты направляяся, по Кубани ты выѣзжай: нартова ихъ коровъ
 ѣом узм’уѣеке ѣмбар кујопт!“ ју’аѣ. Нар-
 пастуха ты встрѣтитъ когда, новостъ тебѣ онъ разскажетъ!“ сказаль. Нар-

тымим јї чемаѣом см’уѣем, кпрїу’аѣ: „Се ѣе-
 товъ ихъ коровъ пастуха тамъ встрѣтилъ когда, онъ ему сказаль: „Я каше-

стемеѣѣ, се ѣе ѣембу; Урпем урїозо Псѣзмим урї-
 варъ есмъ; я постель стелю; по Урупу ты направляяся, на Кубанъ ты вы-

декмѣ нартым јї’унер пѣаушт: уне ѣѣеу пѣѣф,
 ѣдешъ если, нартовъ ихъ домъ ты увидишь: домъ покосившїйся, четырехуголь-

уне фнз кмѣ: Тѣаѣа ѣѣѣаѣ. Нартымим јїпсмѣм
 ннѣ, домъ бѣмнѣ дннннѣ: въ Тѣашаѣ его днннн. Нартовъ ихъ водовоска

псѣсм кмсмѣаум кувунер кмѣрїзн: унем кеѣозн;
 рабыня тамъ увидала когда, мѣдннн кувшннѣ она бросаетъ: домой вернулась;

кувунер кмѣмзо: „кувунер смѣѣа убатере?“ јорї
 кувшннѣ бросая: „кувшннѣ затѣмъ ты бьешь (ломашь)?“ сказаль,

Сетенеї гуаѣер ѣмгебзм кмсмгуѣаѣ. Сетенеї гуаѣер кмсм-
 Сатаней книгннн на дѣвку тамъ надулась. Сатаней книгннн тамъ наду-

смгусем: „Уасхої смкан, зи чу каѣоу сѣѣуретї
 лась когда: „Уашкой я клянусь, одного верхового ѣдущаго я увидѣла (вотъ)

арї!“ ју’аѣ: „јчнѣ ѣнѣ ос’опт: чум
 того!“ сказала: „его лошади и мужа (видъ) тебѣ я разскажу: надъ верховннмъ

їѣаѣнѣум веѣо смѣах, чум јчм пхе-
 надъ его головою (сверху) вѣзда мерцаетъ, верховому на его лошади кру-

смн мезаѣе кнннрезе, чум јѣегум ѣѣннм
 пѣ мѣсяцемъ свѣтитъ, верхового изъ поѣ его коннта выходитъ что

лишезо горено огум ређе; љмо тесим феде
(это) облако кучей, на небо подимається; человекъ, сидитъ который, подобнаго
нарт існхеп, љм дежу! Сетенеі гуаѣем зымѣе-
изъ нартовъ вовсе нѣтъ, человекъ хорошиі! Сатаней княгиня угра-

ѣараѣі, пхечакем ѣсенним змкырнѣсѣрі кепсељѣ.
шается, (стоя) на ходуляхъ, на подпорку облогодившись, (къ нему) замовила.

„Нартим јі’унем се смрї’уѣсау!“ јорї ке’уѣѣизъ Еѣе Ба-
„Нартовъ ихъ домъ я а спроситъ иду!“ сказавъ, спросилъ Еше Ба-

тнннкор. Ітане: „Нартим јі’унем урн’уѣсакоме бѣо-
тнннко. Потомъ: „Нартовъ ихъ домъ ты спроситъ идешъ если, ты най-

тнн: јеблаѣі, се смче ѳернѣсир пхозн’уѣмн, сенеѣ
дешъ: заходи, я жеребенка трехгодовалого тебя для я зарѣжу, вина бѣлаго

вадер кнпхозѣнн; пѣсе дахерї кнпхозѣтнн,
кадку тебя для я заставаю принести; рабыню красвою тебя для я найду,

се кнѣфеімї, се кеѣѣтнн“. — „Сеѣејешхакоп, се
я а (тебѣ) понадоблюсь если, меня ты найдешъ“. — „Я пировать иду не, я

гегоѣо ѣаоп!“ јорї змѣегусѣі Еѣе Батн-
на свадьбу иду (какъ) брачный гость не!“ сказавъ, надулся Еше Батн-

ннко. Сетенеі гуаѣі: „Тѣе јреѣкоджи!“ ју’ѣз јѣегубзн.
ннко. Сатаней княгиня: „Богъ да уничтожитъ!“ сказала (и) сердится.

Еѣе Батнннком ічн кнрїѣѣазн: унем ѣсено ѣетхер
Еше Батнннко свою лошадь поворачиваетъ: у дома подпорки, былн какі,

кнѣсрїѣетекуѣ. Ітане Сетенеім ју’ѣз арі: „Нартим уа ѣн-
развалилъ. Потомъ Сатаней сказала это: „Къ нартамъ ты за-

хнѣаке анепем укнѣнфо унаѣе кахепхо уакї-
ѣдешъ когда, столомъ предъ ты тамъ тѣнцѣя, распоряженіе ты выносѣя, ты отту-

хнѣкнж!“

да заставъ (себя) выйти!“

Іпао нартнм ѣарахі, кнѣѣзѣз;
Свои шапки нарти съ головы снимають (и) вышли навстрѣчу;

нартнм ѣахнѣем ѣѣо зепнзе јасрї ра-
къ нартамъ зашелъ когда, бурки, одну къ другой прикинутыми сѣлавши, они

ѣеблеѣнѣ. Катер зеднхрї нартнм ѣеахнм,
пригласили къ себѣ. Пашку снявъ, нарти тамъ сѣлаи когда (рукой),

јіфемм'ато јрісімъ. Нарты зешпблмм
 будучи въ состояніи поднять не, ихъ свалило (съ ногъ). Нартовъ братьевъ семь,
 јіфемм'атиґер кистезі јікмпк дльґазмъ. Ітане
 не могли поднять что, поднимаетъ (и) за свой поясъ вложили. Потому
 шегнблмсыр хесо бзесфе сан јто кратиґ јра-
 съ змѣями *) тремя сиди, (въ) чаркѣ большой вино находится, они отдали, онъ
 бефено. Сано кратиґыр рісмъ шегнблмсыр
 выпили чтобы. Вино, они отдали которое, онъ измѣрилъ (выпилъ), змѣй трехъ
 пеґакеке рікулрі јукмъ, јукі бзєр ґезызмъ. Ітане
 усомъ краемъ прижавши, онъ убилъ, (а) убивъ, чашу оттуда вышвырнулъ. Потому
 нартм Еґе Батыник ја'укин ја'орі бзєр фасмъ, бзєр.
 нарти, Еше Батынко убить (себѣ) сказавъ, двери затворили, двери,
 снфасм лєдакеке депкыр хіґелетрі ґеґзмъ,
 тамъ затворили когда, пяткой саманную стѣну высадивши, вышелъ,
 мефнблмр јкозиґи занґєго. Сосрмкозм: „пґасє јеттн!
 дней семь проґхалъ прямо. Сосруку старому: „рабнию ему мы дадимъ!
 коі кнґфезезез!“ ју'аґ. Мефнблмке јкуґєр
 иди, намъ къ заставѣ вернуться!“ сказали. Въ дней семь, (тотъ) проґхалъ что,
 Сосрмкозм мефенкөке јк'аґ. „Кыздебзезезме пґасє
 Сосрмко старыи въ днѣ половину проґхалъ. „Со мною ты вернешься если, рабнию
 куатышт кыздебзезез“, јріу'аґ сннеснм.
 тебѣ дадутъ, (а потому) со мною вернись“, ему онъ сказалъ, туда пріѣхалъ когда.
 Ітане кидиґезезі ја'уне кахе несухіе кеґо-
 Потому, съ нимъ возвращается, до ихъ дома конца пришелъ пока не, вер-
 змѣ: „цмфмбзаге см'а: пґасєр јеттнштоп!“ јуі гусо
 нулси: „человѣкъ дурной ест: рабнию ему мы отдадимъ не!“ говоря, дуась,
 зєхакіґ. „Кнґтмнґме пґасєр, зетед'уґєшт!“ ја'орі
 услышали. „Намъ не дасть если рабнию, (ихъ) вмѣстѣ мы перебьемъ!“ сказавъ,
 катехєр ја'лмъ, нартм ја'унем кнґґарі зм нермбге
 сабли они поточили, къ нартамъ въ ихъ домъ зашедши, одного человекѣа
 зако нех каммґано зєтыра'у'к'аґ: „мнбм фєднзо тґ'ар
 единственнаго кромѣ не оставляя, вмѣстѣ убили: „этого словно, мы сдѣ-
 аз нермбге заком ре'отєж!“ ја'орі.
 лали что, онъ одинъ человекъ единственный онъ пусть расскажетъ!“ сказавъ.

*) Змѣя, известная своей лживостью.

Ахер змѣа Есе Батынкор, нарти Чемыхоэ
 Эти, сдѣлаи которме, (быи) Еше Батынко (и) нарта Чемыхо стараго
 јѣау.
 его сынъ.

Чемехоэыр Псизн јазмбзуке ситѣа; гуасери
 Чемыхо старый (этотъ) Кубани на ея одномъ берегу стоялъ; княгиня,
 региѣо усмъ Псизн јазмбзуке. Чемыхом јѣхуапсери
 стирая, сидѣла Кубани на ея другомъ берегу. Въ Чемыхо влюбившись,
 неспир псмм кызепирмиз гуасем јинбафем китри-
 (онъ) сѣма чрезъ воду перебрасываетъ, княгинѣ на ея живота кожу бро-
 зѣа; јтане чм'уем ѣсо зм џмфи имѣо зм гуасер
 силъ; потомъ въ землянкѣ, живя, одинъ (ни) человекъ не знаа, одной княгини
 мнѣуме иѣа. А жифетѣ псорик змѣаер а Че-
 кромѣ, воспитала. Это вамъ рассказанное все сдѣланное этого Че-
 мнѣоэым јчалер ари.
 мнѣо стараго его сынъ это (есть).

Нартым јисѣо кызенаэыр јтерат.
 Нартовъ ихъ часть (имъ) оставленный его (Сосруко) отецъ былъ.
 Јтер кеѣоѣ Сетене гуасе кмзриѣа: „се нобе
 Его отецъ возвращается (и) Сатанѣ княгинѣ рассказалъ: „мною сегодня
 слезуер ѣаламер: зм чале кекуи нартм зм
 мною видѣнное чудо (есть): одинъ юноша приходитъ (и) изъ нартовъ одного
 касмбеннзмзеп: јуѣа“. Ар см'ом Сетенеі гуасем
 тамъ оставилъ не: убилъ“. Это тамъ сказалъ когда, Сатанѣ княгиня
 јуисм: „А чалер уі некуспре уі конре, тар
 спросила: „Этому юношѣ тебѣ родственникомъ или тебѣ сыномъ быть, что
 кахепхре?“ јори, кмѣуисм; „се коме неѣмф!“
 ты выбираешь?“ сказавъ, тамъ спросила когда; „ниѣ сыномъ если лучше (бы-
 ло бы)“ связалъ.
 ју'ѣа.

Переводъ.

Ешовъ Батынко изъ рода нартовъ, богатырь какихъ
 мало, человекъ рыцарный, храбрый защитникъ; сѣномъ вскор-
 мленъ его вонь, столонъ на спинѣ его лошади расвинуть

щотникъ, его стремена золотыя. По Урупу направляясь, на Кубань выѣхалъ. Тамъ онъ встрѣтилъ пастуха нартовъ, со стадомъ овецъ. „Пастухъ нартовъ, да умножить Богъ твое стадо!“ сказалъ онъ: „чье оно?“— „Чей баранъ глава стада, овца волочить хвостъ, а шкура барашки цѣною въ коня!“ — „Я рѣдкій гость, ищу дома нартовъ: если знаешь какия-нибудь новости, расскажи мнѣ!“ — „По Урупу направляясь, выѣдешь на Кубань и встрѣтишь пастуха коровъ; онъ тебѣ скажетъ вѣсть!“ сказалъ пастухъ. Когда Батыныко встрѣтилъ пастуха коровъ, тотъ ему сказалъ: „Я кашеваръ нартовъ, ихъ постельникъ. По Урупу направляясь, на Кубань жогда выѣдешь, увидишь домъ нартовъ; домъ этотъ покосившійся, четырехугольный, бѣлый и длинный: длиною въ лѣсъ Тхашагъ“ *). Витязь подъѣхалъ къ этому дому. Рабыня нартовъ по воду шла, а когда его увидала, то бросила мѣдный кувшинъ и убѣжала домой, оставивъ и кувшинъ; увидѣвши это, княгиня Сатаней въ сердцахъ сказала: „Зачѣмъ ты бѣшь кувшинъ?“ Тогда рабыня сказала разгнѣванной княгинѣ Сатаней: „Клянусь Уашхо (небомъ), что я видѣла витязя верхомъ на конѣ! Расскажу, каковъ онъ по своей виѣшности: надъ его головой звѣзда мерцаетъ; на спинѣ его доплати мѣсяцъ свѣтитъ; пылъ изъ-подъ копытъ коня цѣлымъ облакомъ къ небу поднимается; ему подобнаго витязя между нартами я не видала: это настоящій богатырь!“ Княгиня Сатаней принарядилась, на ходули стала и, облокотившись объ колонну, вступила съ нимъ въ бесѣду. „Я разыскиваю домъ нартовъ“, сказалъ Еше Батыныко. „Если ты разыскиваешь домъ нартовъ, то его и найдешь, а пока заходи ко мнѣ; я для тебя велю заколоть трехгодовалого жеребенка, прикажу принести кудушку вина и красивую рабыню найду для тебя; да и я къ твоимъ услугамъ“ отвѣчала княгиня Сатаней пріѣзжему витязю. „Я не пріѣхалъ пировать и браж-

*) Объ этомъ лѣсѣ сказано выше.

ничать на свадьбахъ!“ сказалъ въ гнѣвъ Ешовъ Батыныко. На это княгиня Сатаней въ сердцахъ отвѣтила: „Да провались ты, если ты такой гордый и не хочешь заѣхать!“ Ешовъ Батыныко повернулъ коня, но мимоходомъ повалилъ всѣ колонны дома. Тогда Сатаней сказала: „Когда прійдешь къ нартамъ, то желаю тебѣ поплясать предъ ихъ столомъ и не получить отъ нихъ ни на что согласія!“

Когда онъ пріѣхалъ къ нартамъ, тѣ его встрѣтили съ обнаженными головами; дорогу ему застлали бурками и пригласили къ себѣ. Свою шашку онъ отдалъ нартамъ, но они не могли ея поднять и свалились съ ногъ отъ тяжести. Шашку, которой не могли поднять семь братьевъ нартовъ, онъ взялъ и заткнулъ себѣ за поясъ. Потомъ ему дали пить чашу съ виномъ, а въ винѣ были три ядовитыхъ змѣи. Вино онъ выпилъ, но змѣй протенуль концами своихъ усовъ, а затѣмъ вышвырнулъ чашу, въ которой было подано вино. Послѣ этого нарты, желая убить Ешо Батыныко, дверь затворили. Но витязь пяткой пробилъ стѣну и вышелъ на дворъ. Затѣмъ онъ совершилъ въ одинъ пріемъ семидневный путь. Тогда нарты сказали Сосруко: „Сосруко, мы ему дадимъ рабыню, ступай верни его къ намъ!“ Путь, который витязь прошелъ въ семь дней, Сосруко совершилъ въ половину дня. Догнавши витязя, Сосруко сказалъ: „Если ты со мною вернешься, то нарты тебѣ обѣщались дать рабыню, а потому вернись назадъ“. Ешовъ Батыныко съ нимъ вернулся и пришелъ къ нартамъ въ домъ. Тутъ оба витязя услышали, какъ нарты между собою переговаривались: „онъ плохой человекъ, мы ему рабыни не отдадимъ“. — „Если рабыни не отдадутъ, то мы ихъ всѣхъ перерѣжемъ“, сказали оба витязя и, съ отточенными саблями, зашли въ домъ нартовъ. Всѣхъ они перерѣзали, кромѣ одного человека, котораго оставили лишь за тѣмъ, чтобы было кому передать свѣдѣнія объ ихъ подвигѣ. Это все совершили Ешовъ Батыныко и Сосруко, сынъ нарта Чемыхо (пастуха коровъ).

Этотъ Чемыхо находился на берегу Кубани какъ разъ въ то время, когда на противоположномъ берегу сидѣла княгиня Сатаней, стиравшая въ рѣкѣ бѣлье. Чемыхо возымѣлъ желаніе къ княгинѣ, и она зачала. Потомъ княгиня родила сына въ землянеѣ, такъ что никто объ этомъ не зналъ, и воспитала его тамъ. Все, что нами сказано, совершилъ сынъ Чемыхо вмѣстѣ съ Ешовымъ Батынныковымъ.

Ешовъ Батынныко оставилъ изъ нартовъ только отца Со-сруко. Старикъ пришелъ къ княгинѣ Сатаней и рассказалъ обо всемъ. „Удивительное дѣло пришлось мнѣ сегодня видѣть“, замѣтилъ старикъ: „одинъ юноша пріѣхалъ и перебилъ всѣхъ нартовъ до послѣдняго“. Когда онъ это сказалъ, Сатаней спросила у него: „А чего бы ты желалъ: имѣть этого юношу сыномъ, или родственникомъ?“ — „Я бы желалъ его имѣть сыномъ!“ отвѣчалъ Чемыхо.

12. Отрывокъ изъ хакучинской пѣсни.

Дуѣпшмо пшмо асьено хеч,
 Дуешовъ князь изъ львиной породы происходитъ,
 Адерер земнко чызо ѣндебѣ;
 Другой, неизмѣнно выѣзжая (съ нимъ), человекъ хорошій;
 Чатыгър зедырахіѣ,
 Сабли двѣ вмѣстѣ вынули,
 Чатыгър зедырахі.
 Сабли двѣ вмѣстѣ вынимають.
 „Һай, һай!“ жури, каралым хеҺаб,
 „Ай, ай!“ сказавъ, въ государство вѣхали,
 Дыщцевоум зы пчеур смѣ—
 Дыщцековъ одинъ дворъ (тамъ) есть—
 „Ныгър пѣмо укознне?“ јеоу, јуб,
 „Глаза два ты повеси, ты вернешся?“ сказавъ, сказали,
 Термиканым кырабездэмъ.
 Темиркана заставили вернуться.

Апъ јудим дигер кивдиѣкымъ,
 Этому послѣ солнце восходитъ гдѣ,
 Эмъ эмъ горъ кыкуѣр: воренисмъ кыривеѣмъ,
 Одинъ мужъ какой-то пришелъ: круга три заставляеть сдѣлать,
 Ынхумъ іѣша фыриботы:
 Храбреца его голову ихъ заставилъ снять:
 Жехафемъ іѣетнлѣбъ....
 На полъ комнаты положилъ....

Князь Дуеншовъ, львиной породы, выѣзжаетъ вмѣстѣ съ храбрымъ Темиржаномъ, своимъ неизмѣннымъ товарищемъ. Оба витязя вынимають свои сабли и во главѣ отряда врываются въ непріятельскій аулъ — туда, гдѣ находится дворъ Дышцекова. Воины побоялись за участь Темиржана: „Не снесешь своей головы!“ сказали они ему и заставили его вернуться. Съ восточной стороны появился незнакомый витязь; желая съ княземъ помѣряться силами, онъ сдѣлалъ три круга, но былъ убитъ въ единоборствѣ. Дуеншовъ велѣлъ отрубить ему голову и бросить на полъ сабли....

Замѣтка.

Помѣщенные въ настоящемъ выпускѣ адыгскіе тексты сообщены миѣ г. *Нико Тамбиевымъ*, доставившимъ для XII выпуска Сборника текстъ сказанія „Редеда“. Первые пять текстовъ составлены на кабардинскомъ нарѣчій, а именно на говорѣ заубанскихъ кабардинцевъ, которые хотя и пользовались много выраженій, свойственныхъ только къхскому нарѣчію, но сохранили тѣмъ не менѣе всѣ почти отличительныя черты чистаго верхне-адыгскаго нарѣчія; всѣ эти тексты записаны со словъ 60-лѣтняго старика Кизилбека Тамбиева. Остальные тексты, начиная съ 6-го до 12-го, составлены на ниже-адыгскомъ или къхскомъ нарѣчій, а именно на хакучинскомъ говорѣ; текстъ 13-й составленъ на абадзехскомъ говорѣ того же нарѣчія.

Закубанскіе кабардинцы, потомки (такъ называемыхъ *блмыль* кабардинцевъ, выселившихся съ средней Малги, еще при Ермоловѣ, живутъ въ трехъ аулахъ по Зеленчуку, Куб. обл. *).

Хакучи или хакучинцы жили на верховьяхъ рѣкъ Аше, Псезуапѣ и Шахе, впадающихъ въ Черное море. По отзывамъ лицъ, заставшихъ еще черкесовъ на западномъ берегу Кавказскаго перешейка **), народность хакучей образовалась изъ абревовъ, т. е. бездомныхъ людей сосѣднихъ горскихъ племенъ: абадзеховъ, шапсуговъ, убыховъ и другихъ. Что въ составъ этого племени входили разнородные элементы, видно изъ хакучинскаго говора, заключающаго въ себѣ характерныя особенности не только говоровъ всѣхъ этихъ племенъ, но и кабардинскаго нарѣчія. Это черкесское племя, жившее на границѣ между адыге и убыхами и отличавшееся въ прежнее время своею воинственностью и даже грабительскими инстинктами, сохранилось въ небольшомъ числѣ на верховьяхъ рѣки Шахе. Въ настоящее время хакучи живутъ въ аулѣ Китмай, состоящемъ изъ 50 дворовъ, и въ большомъ поселѣ Красно-Александровскомъ, рядомъ съ поселенцами русскими. Эти остатки хакучей, уцѣлѣвшіе отъ поголовнаго почти выселенія черкесовъ, утратили въ настоящее время свои воинственныя наклонности и живутъ мирными хлѣбопашцами и садоводами, среди своихъ разноплеменныхъ сосѣдей, явившихся въ Черноморскомъ округѣ на смѣну выселившихся черкесовъ. Ихъ насчитывается не больше 500 человекъ въ обоихъ названныхъ селеніяхъ ***).

Л. М.

*) См. въ XII вып. Сборника моихъ статей „О народѣ адыгѣ вообще и кабардинцахъ въ частности“.

**) М. Я. Ольшевскій. Записки о Кавк. войнѣ съ 1854 по 1866 г. Русская Стар. в. 10 т. 1895 г.

***) По сподру статистическимъ даннымъ о населеніи Западнаго края, изд. Закавказ. Статист. Комитетомъ. Тиф. 1893 г.—ихъ насчитывалось 429, а представителей другихъ черкесскихъ племенъ въ Вельяминовскомъ отдѣлѣ того же округа — 952.

б) Абадзехскій говоръ.

13. Пѣсня о выселеніи горцевъ въ 1864 г.

Сит ченошѣт; сит тѣ ама!?
Что дѣлать будемъ; что намъ (за) возможность?

Се сифедо дечхыр арѣш!
Мнѣ мнѣ подобно выступающимъ хвала!

Како меде: се кабаѣо!
Иди сюда: со мною повидайся!

Урусуме траѣазѣм:
Русскіе насъ прѣтѣсмили:

Небѣ шѣтѣмъ аѣаѣазѣм!
Душъ пятьсотъ погябло!

Евдокимов генералѣм!
Евдокимовъ генералъ

Татѣамѣсехер тетѣуѣаѣаѣ!
Насъ бѣднѣхъ насъ окружилъ!

Абмзѣхмхер какоѣазѣм,
Абадзехи возвратились (пришли),

Урусумъ нерѣѣѣѣм.
Русскимъ глаза вытравили (наперекоръ).

Афедѣ заѣо нѣбѣмъ сѣѣѣѣм;
Подобной битвы никогда я видѣлъ не;

Мухаелѣмъ ѣѣекѣсѣм:
Михаилъ пришелъ съ войскою:

Тетѣ ѣѣмъ рѣѣазѣмѣм;
Наше дѣло въ уаѣѣѣмъ пришло;

Неѣо, неѣо Стамболѣма,
Пойдемъ, пойдемъ въ Стамбулъ,

Султанъ Меѣѣдѣмъ нѣзѣмъма!
Султана Меджида въ нѣзамъ!

Что мы станемъ дѣлать? Какъ намъ быть? Всѣмъ выступившимъ, подобно мнѣ, на войну хвала! Если хочешь видѣть послѣдствія страшной войны, то явись сюда: русскіе насъ одолѣли; пятьсотъ храбрецовъ уже погябло; генералъ

АБАДЗЕХСКАЯ ПѢСНЯ

о выселеніи горцевъ въ 1864 г.

Во - роі - да , ваш - во - роі - да ,

he - ha , во - роі - да ! Сыт че - но - шит ;

сыт ті а - мал ? he - ha , во - роі - да !

Іев - до - кі - мов ге - не - ра - лы - мі ,

he - ha , во - роі , да ! Та - та - мы - се - хер

те - ті - вы - ча - hāγ , he - ha , во - роі - да !

Послѣ каждаго стиха припѣвъ : „heha....“ и пр.

Евдокимовъ окружилъ насъ со всѣхъ сторонъ. На помощь намъ пришли, наперекоръ русскимъ, абадзехи и открыли огонь. Подобной битвы я никогда не видѣлъ въ моей жизни. Пришелъ съ войскомъ *Михаилъ* *), отчего наше дѣло совсѣмъ погибло. Намъ не остается ничего другого, какъ пойти въ Стамбулъ, чтобы служить въ низамѣ султана Меджида.

Замѣтка.

Пѣсня эта записана въ Зугдидахъ, Кутаисской губерніи, отъ старика-армянина Меливома Петросова Киливиана, долгое время жившаго (40—64 гг.) среди черкесскихъ племенъ, близъ Анапы, и занимавшагося тамъ табакководствомъ. Записана она по слуху, съ несомнѣнными многочисленными ошибками, предполагаемыми тѣмъ болѣе, что пѣвецъ былъ беззубый, шепелявый старикъ, съ весьма неяснымъ произношеніемъ. Стихотворный размѣръ пѣсни, примѣняя его къ музыкальному такту, — двухдольный, съ удареніемъ на первой половинѣ (хорей). Первоначальный переводъ сдѣланъ этимъ армяниномъ при помощи языка мингрельскаго. Пѣсня пѣлась подъ унисонное сопровожденіе пятиструнной, т. н. „эрзерумской“ скрипки, строй которой такой: 1 струна—sol, 2-я—re, 3-я—sol, 4-я—do, 5-я—sol.

Хр. Гроздова.

Текстъ возстановленъ при помощи В. Х. Кусинова, владеющаго кяхскимъ нарѣчіемъ какъ роднымъ, и офицера милиціи И. Багова, природнаго черкеса. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ пришлось отступить отъ первоначальной записи Х. Н. Гроздова, но отъ этого всѣ особенности этой любопытной пѣсни нисколько не пострадали.

Л. Л.

*) Несомнѣнно рѣчь идетъ о Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, бывшемъ Намѣстникѣ края.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Помещаемый вслѣдъ за адыгскими текстами Объяснительный словарь, по примѣру такого же словаря въ XII выпускѣ Сборника, имѣетъ цѣлью дать объясненіе значенія и этимологическаго состава словъ въ порядкѣ текстовъ, а не въ алфавитномъ, для болѣе удобнаго пользованія ими; объясненія эти сопровождаются во многихъ случаяхъ грамматическими замѣтками. Въ настоящемъ словарѣ рассматриваются главнымъ образомъ только тѣ слова, которые не встрѣчаются въ моемъ Русско-Кабардинскомъ словарѣ (XII выпускъ Сборника) или встрѣчаются въ другихъ значеніяхъ и сочетаніяхъ. Сообщеннымъ адѣсь лексическимъ матеріаломъ я надѣюсь со временемъ воспользоваться для адыгско-русскаго словаря, обнимающаго оба нарѣчія адыгскаго языка: верхне-адыгское или кабардинское и нижне-адыгское или кяхское *).

1. Къ тексту „Отцовскіе друзья“.

Стр. 153 а) **) земанго знаменитый = жацху: земан время (араб.); шупес грабительскій набѣгъ; шу зонъ и шен уводить; хекъ страна = синале; ѳскер отъ гл. смн жить, сидѣть 43. II. 9 и 105. I. 8; ѳтгмн стоять, быть; ѳтгнѳннмн отъ тѳнѳннмн переставать выѣзжать (на грабежи); см ставится при навлонемн временно-последовательномъ, ср. Грамм. § 72 + тнн переставать = ѳен, см. тѳемн 165. I. 20 — ѳнн дѣлать — зн выражаетъ повторительность дѣйствія, см. Грамм. § 59 —

*) *Бесленевскаго* нарѣчія можно не считать отдѣльнымъ, такъ какъ оно составляетъ между верхне-и нижне-адыгскими нарѣчіями среднее или переходное.

**) а) относится къ верхней половинѣ страницы, б) — къ нижней.

суфф. м примѣта нѣк. временно-послѣд.; *kāho*, см. *kāhen*; *kēs* (военнопленный) рабъ, въ разл. отъ *hune'ut* домашній слуга и псмъ вѣрностной; *воре* такимъ образомъ—*haуора*; *hāze-r(i)* этотъ самый, такой же—*har-jezyr*; *дѣрмо* или *дѣо*, дѣго, см. *дѣ* 56 II 24; *тето* отъ *тетин*, совпадаетъ по значенію съ *петин*;

b) *каземнѣзин*: ка представка для обозначенія соверш. вида—мы отрицаніе—*хелан* 171 II 26—*зи* повтореніе дѣйствія, стало-быть: не углубиться снова—прекратить всякія сношенія; *hасес* кунацкая (комната для гостей); *кākjас* отъ *kākjн* догадаться—*каден*; *зырнѣо* или *зырно*, *зыго*; *быкм* съотъ, въ знач. *бежажа* богатство; *hao*—*hарша*; *кākелькон* посвятить, ср. 125 I 28: *ка*—*ке* конецъ, *цѣль*—*лѣ* голень, *слѣдъ*—кон итти; *кākдызекуѣ* отъ *kākздекон* вмѣстѣ пойти, провести съ кѣмъ-нибудь время: *кѣ*—*зи* примѣта причастной формы—зиде выражаетъ совмѣстность дѣйствія (перестановка!)—*кон* итти; *кессефазери* слѣдуетъ перевести: я *послѣдствіи* *ихъ* *узнать*, отъ *кассинан* желать узнать: *кассин* *узнать* 173 II 1—кор. *фн* встрѣчается въ удвоеніи въ гл. *фесин* желать и, поставленный какъ инфиксъ между составными частями сложнаго глагола, служить для выраженія *желанія* (особая видовая форма).

Стр. 154 а) *дес* дворъ—*дсанте*, въ *кях.* нар. *шау*: *десин* быть дома 38 II 23; *сѣб*, собст. *назадъ*—задній дворъ; *пхедеке* деревянный чурбанъ: *пхе* деревянный и *дейн*, см. *декејин* 140 II 12; *зернѣзотри*: *зи* себя—*ри* мѣст. *вор*. 3 лица—*ра* означаетъ принужденіе—*ротин* находить, *коцмѣлѣри*—*коцмѣлѣр* отъ *коцмѣлин* завертывать—*коцмѣлин*; *хуме* *кромъ*—*фек*, ср. *хумен* 179 I 7 и др.; *какозме*, *зитхме*, *какоме*, *сѣтме*, суфф. *ме* въ знач. *русс.* *если*; *снѣомкѣз-пѣнузин*: *сн* относится въ суфф. м въ *пѣнузин* и выражаетъ послѣдовательность времени, см. Грамм. § 72—гл. *псмхизин* слѣзать съ коня всякій разъ (*пѣ* ложе, съ пропускомъ *e*)—*син* сидѣть,

см. јепсмхін; змтхін съ себя снимать (оружіе); јіде=јі-һаде; џа-џттин предъ головою—лицомъ другого кого-нибудь по-стоять; џмкџмн выходитъ, ср. кџџџмн 30 I 3;

б) ходо=ходего; абм=һар; охурсмз бездѣльникъ, несчастный: 'охұ дѣло—смз подѣ влияніемъ татар. яз. вм. ше = 'охунше; губџм кџхесхике—прич. форма съ суфф. Һе служить для выраженія средства или орудія (безъ џн), и можно перевести: тѣмъ, что я возмѣлъ гнѣвъ (Грамм. § 68); демн-кодџмз, ср. козми 174 I 12 и кодџми 58 II 4; каснџми возвратится 129 I 20, ср. џазџми 19 I 2 см.; знкџбдезџе-кодми (обст. цѣли), собст.: чтобы тебя заставили итти съ нами вмѣстѣ: зм представка—ка—б=уџ—дез=змде вмѣстѣ—џа—кодми 136 II 11; џехо=џџго; днкамнџхухеџо накл. образности со значеніемъ предѣльно-временнымъ пока: собст. слѣдуетъ перевести: пока мы человекомъ не узнаны (ср. днкамнџхуху стр. 156 а, и днкамнџзовіо стр. 160 а); мџо=џмџуо; џмсмн сажать на крупѣ лошади; зерн-хабџем, см. 94 II 22;

Стр. 155 а) јирџџкурі, собст. заставивъ подбить—подставивъ; миде-зџе, см. 167 I 20; кџџџ'ан сказать (рі мѣст. корень 3-лица); кџзеріџапеџахер отъ кџџапеџен удостовѣрить, приготовить: ка—зм примѣта опред. причастія: рі мѣст. кор. 3 л.—џа—пеџ вѣрное—хе множество (Грамм. § 40)—р указатель; нџх'абм-змхоі-џџм, собст. больше имъ нужнаго сдѣланному=болѣе имъ нужнымъ одаренному; змн-џуап никакого отвѣта—нисколько; кџ-зе-б-тџ-ме отъ гл. катми подарить; остнџми: о=уџ—с=ссе—тнџми(с) отъ гл. тнџми (тнџми) оплачивать; махуме иначе—только; змх'окуџахері опред. прич. прош. вр. страд. зал. съ примѣтою множ. числа хе (относится къ һадреі, а не къ 3 л. единст. ч.), примѣтою отчужденія ху и конечнымъ і въ значеніи союза и; кџхохун уподобиться—отвѣтять; змдезџекодџмкџми ср. стр. 154 б;

б) кџџезџері и кџџозрі собст. дѣеприч. формы; јіџоу=јіџе; земаным тнсмзми проводить время въ покоѣ, ср. 158

II 2 сн.; снген звать въ домъ, ср. 129 II 2 сн.; заблажен (заставлять себя) принимать какъ родного; hao=hauo;

Стр. 156 а) зетепезизѣс: зм-де вмѣстѣ—пне носъ—ѣнн плавать—зми, собст. зидепмѣзми снова приниматься вмѣстѣ рыдать; жуѣке=жа'уѣке; въ ѣнн и снті конечное і имѣеть значеніе русскаго союза и; ѣахухым отъ хухни оканчивать, см. хуѣен 97 I 5 сн.; кѣ'уиѣсн спросить; зи'уѣан употребляется въ обращеніи въ лицамъ царскаго рода; снт кѣхуѣр собст. прич. прош. вр. страд. зал.: что случившееся?; хузери'тисмзри: ху-зери-тисм-зми, ср. 158 II 29 и 175 II 21, собст. слѣдуетъ перевести: ты покою предавшись; кодѣти: код много—ѣнн дѣлать—ті примѣта давнопрош. вр. съ гласнымъ і; снт ка-ѣнзѣр что вспомнившееся?; кѣзен отправиться, ср. (је)зен 104 II 3; ѣеѣе стремянный; ѣехен знать доподлинно; мыраѣ =мыре; иhi=неѣ; змѣѣе=змѣѣѣа; губѣмѣа бѣшенство, раздраженіе; зеѣоѣипхен связывать въ узелъ, ср. 140 II 7 и 150 II 10; дикамиѣнху, ср. стр. 154 b; дебѣнн оставить крышу—домъ; знкѣдмѣѣоѣднѣмѣзми бѣжать вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь, ср. стр. 154 b;

б) раѣи=нарарѣ; Alleѣ ради Бога, конечно; недѣмѣоднѣмн уѣзжать съ кѣмъ-нибудь: представка не или ни (означаетъ *глазъ*) въ соединеніи съ дм имѣеть значеніе совмѣстности дѣйствія; зеѣаѣѣсн сажать на крупѣ лошади; смнезѣѣ=смнезѣснѣ отъ незѣснн вмѣстѣ отправляться 37 II 7 сн.; кѣзхоѣом отъ кѣѣкон: кѣ—зн (при причастіи)—хо=ху означаетъ отчужденіе—ѣон; гуапе=разн; код гибель, ср. 50 II 10 сн.; зе разъ, ну! кѣзен отправиться, ср. (је)зен 104 I 16;

Стр. 157 а) гупешхо: гупе довольный—шхо большой, очень; хуиѣри назначивши, отъ хоѣнн 77 II 18; кѣдѣкѣмнн уѣхать, ср. 30 I 24; тѣснмѣзми отдыхать подѣ старость, ср. 102 I 34, 158 II 29; кѣѣхоѣѣѣре отъ кѣѣхоѣин происходитъ, быть 135 II 25 и ѣмр(е) являющійся сколь *возможно* любезнымъ (отн. суфф. ѣм ниже); кѣхуѣсн выдѣлать, сдѣлать, ср.

130 I 14; һуікоди́пере изъ һу(i)—коди́н—пе *ложно* означае́тъ нахожде́ніе въ извѣстномъ мѣстѣ, ср. 68 I 12—ре вопро́сит. частица, см. Грамм. § 80; һуздекон: һуз-зи-декон вѣхатъ куда-нибудѣ (де выражае́тъ здѣсь направле́ніе въ извѣстному мѣсту); ноколен прѣвзхатъ къ кому-нибудѣ по его слѣдамъ: но (см. выше 156 b)—кон итти—бе голень (такъ нога, лапа);

b) жăху'ан говорить другому опредѣленное, срокъ назначать; кăкозни возвратиться; зауи все=псури́к, собст. означае́тъ: нѣсколько; кăсэзи успѣтъ прѣвхатъ; һаззжесни: һа(р) тотъ же самый—ззи одинъ—жесъ ночь—и; кăсэсин наступать (о времени); кăсефмрекон пожела́тъ заставить себя пройти, см. закон 178 I 37; кăсин прѣвхатъ, ср. 133 II 16; синисхемъ отъ несни 39 II 4 см.;

Стр. 158 а) дезен отпра́вляться отсюда (представя́ де имѣе́тъ отноше́ніе къ мѣсту); брукко отъ һуки́н: б=уа—һукоо =һукоо (Грамм. § 71); запсужни заставля́тъ прѣтатъ; кăддэжауи заставля́тъ здѣсь показатъ; висно, ср. 123 I 6 см.; хунс хорошо; кăсехни доставатъ, ср. 56 I 18; себерри, см. 57 I 4; кăкоцки́кити давнопрош. вр. съ конечнымъ і (а ассимилировалось), отъ гл. кăкоцки́кн заворачиватъ; јгуао хун обяжаться; јки, ср. јкер, 124 I 21=јетане; шетануз сумасшедшій;

b) фимидере отъ ффе ви—ми не—де, ср. (ји)ден 178 II 8 см.—(ре) вопро́с. частица; сини'азни отъ си'азни быть опять; јуде=ја'уде; һауо только, лишь, но, такъ; кăзде'уи выслушатъ;

Стр. 159 а) кăзехесни взя́тъся, ср. вехосни 163 II 31; кăхоізен начатъ; ми нобе ѡндере, собст. прѣчастная форма отъ гл. ѡен вончиться: де прѣчта навл. предѣльно-временнаго (къ прѣчтѣ относится указ. мѣст. ми)—р указатель и е суфф., см. 123 I 9 и потому можно перенести: съ окончившимся этимъ днешъ; ми ѡндере съ окончившимися (выѣздами в) — съ прѣстановле́ніемъ выѣздовъ на добычу; јинте=

пате; назн=на-језн; кершир, ср. 132 II 16; раџ отъ (ji)уан 36 II 23; мардо=дяде; јим'ау не им'я=безъ м'ры; јип'аџ, см. 156 I 23; һабн тоже; ходызн, ср. 37 I 28; џакодызн продолжать издерживать, тратить (хоі для другихъ);

б) Реббі Богъ, очевидно отъ еврейско-христіанскаго рабі учитель; кѳкелькон навѣстить; ззи=зырѳ; кабадетн найтись при комъ, ср. 78 I 31; језреџено достигабельное навл. безъ шаке; знозанеке нѣкоторое время, собст. высчитываніемъ: зн представка прич.—бзи или бзи высчитывать 164 I 18 —ке падеж. суфф. прич. формы;

Стр. 160 а) the-бзе-џ Божья рѣчь есть—кстати приду мано, подходящее; каџан войти, ср. 25 II 29; һаснџет тот-часть: һа-снџат; диде-нах для выраженія самой высокой степени качества; ка-д-сазо, см. 30 I 11 сн.; берекет берси (араб.) обиліе да дасть Богъ;

б) џм'ф'асі имущество, одѣяніе: џм-фм-'асі=асе; хуіџн дѣлать для другихъ (і при ху или хо является; повидимому, примѣтой множ. ч.); џез голова одна, каждый: џа—ззи; џне часть, удѣль; theзн блаженствовать; theреџнз пройдоха, плуть; канызн остаться вмѣстѣ съ кѳмъ-нибудъ; какехужн оставить, ср. хеіжн 67 II 4 сн.

2. Къ тексту „Три добрыхъ совѣта“.

Стр. 186 а) рырп'азо состоитъ изъ двухъ глаголовъ: ини воспитывать и лаџен работать, работая воспитывать, кормить (съ повтореніемъ мѣст. корня ри предъ обоими глаголами); декојн выџзжать; пѳеасез старшій пахарь (нанимающій уже отъ себя рабочихъ); кѳтехон упасть на (землю); дјіе: дде-јапе; мехо=махо; кѳп'мьен завѣсить, отложить, повременить, ср. 76 I 16; зеі участникъ, компаньонъ; хеџаџазен принимать (на службу), ср. 98 II 26; јікоџ течение (времени), ср. 160 I 18;

б) џено знобџедызн братъ въ себѣ на воспитаніе: зн—

бѣа грудь (отъ котораго образовалось *ѣа*)—ды выражаетъ общество (мѣст. корень 1 л. мн. ч.)—шен вести—зѣм выражаетъ повтореніе (ср. кор. бжн, означ. *счетъ*, въ гл. кабжнжн повторить 115 II 14); *жікі*=*жіке*, въ значеніи союза *и*, подѣ влияніемъ вяхскаго нарѣчія (въ Грамм. § 99 обозначены соединительные союзы *ре* и *ріе*, но отъ перваго пужно выдѣлить мѣст. указатель *р* и остается гласный *е*, который и представляетъ собою соедин. союзъ, а отъ втораго—тотъ же мѣст. указ. *р* и суффт. *к* и останется гл. *і*; такимъ образомъ, гласные *е* или *і* соотвѣтствуютъ русс. союзу *и*); *кѣзептѣме* если мнѣ ты подаришь, отъ *катын* подарить: *кѣ-ссе-уѣ-тѣн-ме* (при двухъ мѣст. корняхъ косвенное дополненіе стоитъ впереди); *кѣде'ун* послушать;

Стр. 167 а) *орі*=*уѣ-р*; *фызшен* вести женщину, жениться; *кѣпеэазен* предложить (отн. *пе* см. 156 а); *кѣдмш* потеря мѣста: *кѣд* потеря—*ше* ложе, мѣсто; *кѣхезнн* спасти, выручить, ср. 28 II 20; *дыѣакоаден* позволять здѣсь погибать, ср. 116 I 5; *кѣзѣпѣ* мнѣ тобою сказанное, ср. 6 II 21; *жуѣ*=*жа'уѣ*;

б) *ѣмѣан* набрасываться, идти во что бы то ни стало; *жітелнк*=*жі-ателнк*;

Стр. 168 а) *заѣо* досадно; *хельен*, см. знач. *хельѣан*; *зѣгазехон* приводитъ въ порядокъ, см. *зехон*; *ѣнтмхуке*, см. Грамм. § 70 (*хуке* поставлено позади); *ѣмѣаін* высылать; *кѣдекон* выйти (замужъ);

б) *тегело*=*тоел* (араб.); *жѣмн'аке* да не скажетъ, въ значеніи описательной формы повелительнаго накл.; *зѣегіѣ* зло=*баагеѣа*; *кѣльѣан* принести; *га'ур* невѣрный, негодный;

Стр. 169 а) *теті* прош. несов. вр. отъ гл. *тѣн* (собст. происшедшее отъ удвоенія того же самаго корня); *жіѣмн*=*жі'нѣмн*, ср. 101 I 17; *казнгусен* дуться на в.-н.; *кѣѣмѣакоон* послать куда-нибудь; *кѣзетѣзнн* помириться;

б) *петнн* оставаться, ср. 37 I 27, Грамм. § 62; *знкѣ-*

џиџани заставитъ остаться; кѣхоџни сдѣлать въ угоду кого; џнхѣ-фе шкура человѣка: ффе принимаетъ значеніе сравнительной частицы *какъ*; капџиџни продолжать посмѣтривать; џенапе безчестный: џа собака—нне глазъ—нпе носъ; хеџн-џни дѣлать, ср. 50 I 21; ремџе отъ (џ)ден 178 II 8 сн.; зџм-снт одно что—что бы ни; жѣху'ан говорить для кого-нибудь; зекеѣатѣри: зе—хеѣ 99 II 14—нтѣни 145 II 4; ка-џен, ср. 132 I 5; џигпету сейчасъ: џиги-петни; кѣџашезни заставить привести; зџм дунеџм (ни) одинъ свѣтъ—ни за что на свѣтъ;

Стр. 170 а) сикѣтниненокѣм отъ катни ср. 54 II 32—не=ну составляетъ примѣту союзнаго залога; џебето нарочито; пџиџни=џни: отн. предствки ни 167 а: нар'аме: нар—'ан быть—ме;

б) бевоџ палачъ, собст. нукеръ; бене дѣреза; куџшиџк вм. куџшиџк (тюрк.) утреннее время—10 ч. утра; несни при-бывать, см. Словарь; кѣзехо'упџни спросить у кого-нибудь;

Стр. 171 а) блаџни останавливаться: блаџо близво; жа'ѣ-џѣѣке въ уступительномъ накл. џѣѣке вм. џѣѣ; каџеџни про-скакать мимо, см. блеџни; кѣџѣо, см. 129 I 26; џигу-каџин вспоминать; ваџо дѣџин итти, ѣхать на пахоту; меџаџа пшени-ная муџа, см. 73 II 18; баџснме=маџснме 12 I 6;

б) џезни поѣхать 149 I 13; сџѣѣѣ-не'уџни накл. послѣ-довательно-временное, слѣдуетъ собств. перевести: *послѣ того когда поѣхали* (Грамм. § 72); шеџаџо время до намаза—обѣ-да; неснхѣ непробудно: нне глазъ—снни истуканъ—хун дѣ-латься; шеџаџом-џдеџи, собст. время сейчасъ *послѣ обѣда*; кѣџ-рауохутѣр: кѣ-зе(ры)—ѣо отъ џи онѣ—хун гнать, посылать; гуџаво=гуџавого; нншеџеџе=ннпсеџеџе: нобе-псеџе(гѣѣ); куџ-шиџкум-сџѣо во время куџшыџка, т. е. въ 10 ч. утра;

Стр. 172 а) џасџѣен зажигать; зен бросать, ср. 75 II 19; џнлео отъ џал, ср. 150 I 14; кѣџниџен носить за кѣџм-нибудь: кѣе конецъ, цѣѣль—ѣе голень (ѣаџо пятя)—џен но-

силь, ср. 29 I 4, 111 I 1; *имамна* (араб.-тюрк.) = *имамнина*; *Алһемдуликһ* слава Богу (араб.); *јікозми* попадать въ яму, см. 122 II 14; *тригеуақ* отъ тиракон заставить побѣдить, дать побѣду;

b) *бзэгъа* злой умыселъ; *брадесман* вмѣстѣ жить; *бъа* грудь — десман; *кожем* = *куажем*; *хедези* уѣзжать; *бен* здѣсь означаетъ: утомляться, ныбиваться изъ силъ; *фмѣве* лютно, см. 128 I 10; *текү* немного; *кожен* заѣзжать по слѣдамъ;

Стр. 173 а) *физин* набрасывать удачно: *фм* хорошо — *зин* или *зен* бросать, см. 60 I 21; *зизеконціо* только одна преринувшись: *пцмго* 131 I 5; *категин* приподыгаться, ср. 22 I 3; *велевша* ближе съезъ — заходить, см. *блэве*; *см'а* есть; *безъ с*, въ виду того, что въ концѣ періода есть *с*;

b) *целупылу* праности, закуски (этимологія слова не изв.); *вашхезин* насыщать, ср. 172 I 20; *зауо тѣнъ*, ср. 53 I 26; *мимбиде* отъ *миде* здѣсь и *бм* = *бе* много (относится въ послѣдующему *нах* и различно отъ *мимбиде* 85 II 12 см.) — *і* *кавъ* соед. слогъ *и*, *оа*; *нах* — *зауо* — *нах* лучшая тѣнь, слѣдуетъ замѣтить поствоповку прилагательнаго между *нах*, *нах* (безъ *рі*) для выраженія сравнительной степени прилагательнаго опредѣлительнаго, см. Грамм. § 88; *нуікер* = *уарке*;

Стр. 174 а) *казѣжкон* родить; *мво*; см. 12 II 34; *кас* — *срешен* буд. вр. съ пропускомъ *с*, въ виду *с* въ концѣ сложнаго предл.; *вар'амій* это несколько = *хота* (*мій* имѣеть значеніе *хотя* въ кахскомъ нарѣчьи); *зихіжва*; см. *хездан*; *см* — *блѣко*, см. *блѣин*; *амвун* высеждать, соответствовать; *кайсебе* — *ени* броситься за кѣмъ-нибудь; *ке-деб(ақо)* шагъ; *зепкѣвин* хватать сзади; *дыцадсми*; *заѣзжать*, см. *дыдан* и *дыцайе*; *белмдо* какъ гнеть, ср. *белмге* 147 II 16; *тебми* лезать, ср. 67 II 10, 76 II 16;

Стр. 175. *снѣальин* свидѣтелемъ видѣть — встрѣчать: *сн* — *бат* свидѣтель 149 II 17 — *пѣын* видѣть; *бухомиселю*; *дун* мочь — *раделен*, см. Словарь; *зиптеми* остаться.

3. Къ тексту „Жалкій бродяга“.

Стр. 181 *коре* = *коо*; *пет* = *пете*; *внзвейсьмно* = *внзвепськин*; *деѣн* = *дехн* 149 II 5; *гебеу* длинная палка, пива; *бзапе* выступъ возвышенности; *гора*: *бзы армо* — *пие нось*; *каѣрина* отъ *каѣнини* (съ удвоеніемъ послѣдняго слова); см. *каѣн*; *жукѣо* = *жнукѣо*; *ѣнеѣале* посмѣшище, см. 80 I 30; *калекин* вытасить, ср. *хекн* 54 I 16; *те'унскнн* оттесывать, ср. 188 I 6;

Стр. 182 а) *бзеге* въ знач. бродяга; *каѣноѣнн* вѣсти откуда-нибудь, ср. *каѣоин* 30 I 24; *пшмѣ* = *пѣн*; *тетхен* надписывать, ср. *тетхър* 77 I 3; *гулмтхкин* = *гулмтхен* 132 I 6; *теѣн* наносить, *вогум* на дорогу, *наосить* стоны, т. е. *итти*, ср. *ѣан* 41 I 1; *колен* подходить, приближаться; *дестрѣкам* = *дестрѣкам* преходящее время, см. Грамм. § 41; *внпнбнн*: *вн* возвр.; *мѣст.* *увнвнвнвн* на внугреннюю связь — *пшн* родной братъ, употребляется у *забук.* *кабардннцвн*, а у остальныхъ сохранилось только въ сложныхъ словахъ 11 I 22 — *бнн семь*; *знтѣтнн* *собств.* причастная форма отъ *тегнн*: властвуютъ (сердцами) которой; *анѣѣ* *дажот* безусловно-превосходная степень (предст. *а*: указываетъ на множ. ч.); *кобѣ* = *куабѣ*;

б) *жнгу-каѣоун* означать сочувствіе, ср. 110 I 2; *жнрнге-блаѣрн* отъ гл. *жаблазнн* приглашать въ себя; *блаѣо* близкій (см. выше); *снжесѣо* = *снжесѣго* (Грамм. § 71) отъ *хесен*; *жнѣн* сердиться; *дндемннѣннн* *де-деѣн*, 16 II 8 — *вор.* *ѣн* (ср. *ѣѣнн* 178 II 32), поставленный какъ суффиксъ, служить для выраженія *возможности* (особая видовая форма, ср. стр. 153 б); *зндехнн* снимать съ себя, ср. *дехн* 150 I 19; *ѣѣхус* = *хѣхѣ*, въ соединеніи съ *жѣнн* съ привѣтствіемъ сдѣлаться, *снзнѣйтн*, *снзнсходнтельно* привѣтствовать, см. 159 II 31;

Стр. 183 а) *знжѣхѣнн* шевелиться, ср. 182 I 21; *теѣе* откуда = *денеке*; *'утнн* стоять 74 II 14; *знбелнѣо* *головорѣзъ*, ср. *белнге* 147 II 16; *каѣрнѣѣ-сѣѣѣ* отъ *каѣѣѣн* соорудить

—начать 157 II 23; 'увмазми переставать, см. 'увм'а 100 II 4;

b) зешнехисетхурі: зм-шши-нахмсе=нахмз старшій—тхурі; зм'нфезми собираться снова, ср. 122 I 19 фмзен отпра-вляться съ известнаго мѣста; фмхунем: фм-хуне домъ, конюш-ня; псеболе бѣлый=хуз; кѣфшши вывести откуда-нибудь, ср. кѣшши 26 I 26; феземн покрывать, ср. 120 II 27; фмфазми возвращаться, ср. фѣжан 25 I 29; змхуанен одѣваться 96 II 7; кѣдмѣхан надѣтъ (оружіе), ср. 77 I 8 сн., собст. прич. форма съ представкою зм и постпозитивнымъ і, въ знач. сою-ва и; кѣфѣкзми выйти 20 I 3; хефазен отправляться, ср. 104 I 16; кѣдмнен оставить (дома);

Стр. 184 а) кѣдѣкин пріѣхать, прибыть 30 I 10; кѣлжен посмотреть, ср. 32 I 5 сн.; рекезат поклонъ (араб.); љѣш-кін уничтожать, громить, ср. љѣшми 176 I 30; жіхлѣхѣсі отъ хефжан 118 I 2; зм лазе жемѣо ни на одно дѣло не ида— не вредя; кахефмзми выбѣжать, ср. хѣшми 171 I 5; зезфеенос вм. зезвенс (вставное о въ буд. времени) отъ зезафен узнавать 56 I 19; кѣзе'ульѣарі отъ кѣ'ульхан навести лукъ, см. 'ульха 114 II 13, собст. причастная форма; кѣкежми выпустить (стрѣлу); кѣзмхезен пронзить, ср. 11 II 20; ше обонечниѣъ стрѣлы, ср. 7 I 26; кѣпшѣмкін отдернуть, ср. кѣпшкін 105 II 21; кѣхехмзми вытащить, ср. кѣхми 28 I 6; блаток заимст. изъ русс. *платокъ*; кѣпхен перевязать 109 II 10; фмльфезми извѣстно надѣвать перчатки: фм хорошо—'але перчатка—фезми отъ фен 122 I 27, ср. фажми 27 II 18;

b) зѣкоцмкін 140 II 6; фѣтисмзми усадить, см. фѣтисми; фѣсидѣкѣ-нехузми накл. *послѣдовательно-временное*, см. Грамм. § 72 (хуз собст. позади); смхрі собст. у меня взявши, см. хми 42 II 8; мего: мм-го(ре)=міпходего, кѣтѣс, собств. мы узнали отъ кѣфен 173 II 2; темашо дѣйствительно, ср. 156 II 8;

Стр. 185 а) нахефари: на выражаетъ совмѣстность—хе-

цан въѣзжать, ср. дцан 26 I 7; кащмифеннцѣо отъ каца-
нмцн пощадить снова 183 I 2 сн.: ка—щн ставится не
только при накл. врем.-послѣд., но и при накл. образности
прош. вр.—ца—нне—щн; јѣгузери отъ гагузен=гагубзн;
'укизн уходитъ, см. 'укин;

b) боуен разглашать, ср. боу 64 II 6; гхезо=уогуриго;
кѣхуаѣо отъ кащн и хуа въ залогѣ отчуждающемъ, но съ
признакомъ множ. ч.; кѣщнши убоятся в.-н. гдѣ-нибудь;
хужѣ'ан говорить про в.-н. (ср. жѣху'ан стр. 157 b); кѣва-
ѣщнши окружить людьми: кѣва—ѣщн человекъ—ѣе голень, ср.
ѣащн 67 I 24; пѣщпен достойный; змхуащншно: зм-ху(а)-
щн-щн;

Стр. 186 а) щк шуринъ; невѣаюу: не (объяснено выше)
—в=уѣ-ѣа-ѣон; кѣтхоуѣам: ка-т=дде-хо-ѣон; белнц(е) несча-
стіе, ср. 147 II 16 (встрѣчалось выше стр. 183 а); днхевѣ-
ѣекннѣе собст.: чтобы намъ вы дали выпутаться: дде—в=ѣѣе-
ѣа-ѣа (удвоение)—хекнн 54 I 16—ѣе признакъ дополнительна-
го наклоненія послѣ глаголовъ со знач. *просить*; зермщншо:
зерм увазываетъ на взаимность; змѣхудоѣмз: зм-ѣѣе-ху-десщнн,
ср. десщн 152 II 4 сн.; днхуткѣм: дде—хетнн 117 II 13—
кѣм; кѣтхудеме, собст. *для насъ* захочетъ если: ка-дде-ху-ден
хотѣтъ, ср. (ј)ден 178 II сн.; ѣе'уаѣо отъ ѣе'уѣон просить,
ср. 137 I 5; кѣзернѣкуѣр прич. форма отъ каѣон прійти;
јіјхолье'уно: јі его, јі-хо для него (для селенія) и ѣе'ун;

b) зермдезеѣкономѣи какъ съ нимъ обходиться—вопрос.
предложеніе, съ вопр. нар. *какъ*, выражается формой неопре-
дѣленнаго накл. съ двумя наставками: (о)м и частицей ѣе или
ѣи, ср. Грамм. § 81 прим.: зе(рм)де съ нимъ (признакъ союз-
наго залога) и зеѣон обходиться; кѣахуѣѣс=кѣхуаѣѣс; фѣерм-
дезеѣонер мѣр'аѣ вамъ съ нимъ обходиться такъ (есть) нужно
—собст. причастіе буд. врем.; тао змщнн собст. какъ (бы ни)
представляющій(ся): тао накл. образности отъ тнн=таго или
даго, змщнн=змщнн; ѣе-самѣр, ср. 2 I 31; здамнше отъ зе-

дешен, см. дешен 44 II 26; хунотекѣми сослагательное накл., ср. Грамм. § 47; неѳоѳ вромѣ, см. 138 I 5; хоре отъ хо жыла 43 I 3 сн.;

Стр. 187 а) шхен-до=шхен-сѣаке Грамм. § 67; кратѣс отъ катин дати; хомышхре-пет описательная форма накл. образности наст. вр. посредствомъ гл. петин, собст. слѣдуетъ перевести: не нуждающимся ѣсть продолжаетъ: хо представка отъ гл. хојин имѣтъ надобность, нуждаться 122 I 23, ср. зихоі 89 I 16, отъ котораго произошелъ корень ху для выраженія отчуждающаго зал.—ми не—шхен кушать; здепснхам: зн представка въ причаст. формѣ—де имѣтъ отношеніе къ мѣсту—пснхін слѣзати съ лошади; ꙗценабзо: ꙗцене голый—б=уѣ—зо=зего совсѣмъ 156 II 11; знѣсѣни раздѣваться;

б) каѣшкетин вскочитъ съ мѣста 24 I 8 сн.; знзин вскакивать на коня, ср. 32 II 12; сѣпхозахеѳ посвакали: сѣиб задъ—хун гнать—зн повтореніе—хе множество, ср. сѣпхон мчаться 122 I 9; казихин сброситъ, ср. 88 I 2; знг=жнѣ; шкне=шннен; сѣзмрто отъ сѣжнн, см. Словарь; знсѣжезо: зн-сѣжнн и ѳа; кастен взять 16 II 16; знрнз=знрнзго; ка-пнсѣнкн отломитъ 68 I 21;

Стр. 188 а) кельсѣпхожѣ изъ кельжен гнаться за кѣмъ 32 I 3 сн. и сѣпхон 122 I 9; жехоре отъ гл. жен, съ примѣтой множ. ч. хе; хуахоѣ отъ гл. хун, съ примѣтой множ. ч. хе; кѣдеснснн заржать откуда-нибудь: калем и потому де; кѣснснсм первое сн въ накл. врем.;

б) белнц кара, ср. татар. бала (ср. стр. 186 а); днде очень, важный; кѣвднкѣм см. кѣдекн 30 I 24; јікѣтехіко изъ техон попадать въ цѣль и каѳон пойти; каѣтезнн опять отнять; зндѣтеѣм отъ зндѣтнснн, ср. 141 I 7 сн.; знѳахопе-знн заставить снова одѣться, ср. 96 II 7; кѣтнсѣазнн снова садиться, ср. 148 I 18; днзернѣвозрнкѣм отъ ѳакознн давать ходитъ 105 II 3;

Стр. 189 а) каѳахнн обратитъ вниманіе, ср. 18 II 11;

тхонумнѣ въ дополнительномъ предложени послѣ гл. *пр-*
ситъ ставится къ вм. простого неопредѣленнаго (см. 186 а);
ддм цмкуні, ддм јині постпозитивное і имѣеть значеніе соедин.
союза и; неммсо: нне взоръ—мм не—смн дѣлать, стало-быть:
ввора не дѣлал—помимо; вефелнѣо отъ фелнкін: фен умѣть и
лмн точить 168 II 9; хедекін вышивать, см. ден 182 II 6
сн. и јіден 30 I 9;

б) лмн лежать, ср. 67 I 11; јікәхекпер отъ кәхекін
выйти и вопр. частицы пер(е); зехмфитхен: ффе шкура—ткі
хребеть: снимать съ кого-нибудь шкуру, разорвать въ клочки;
кулаі удобно, ср. 48 II 17; јіфеламето отъ јіфес 30 II 13
сн. и һаламет 181 II 10; теґмшан садиться верхомъ; хеґа-
зми ѣхать опять 171 II 26;

Стр. 190 запсмн заставлять выбиваться изъ силъ, ср.
141 I 9 сн.

4. Къ тексту „Нарунъ“.

Стр. 196 змґмрї отъ смґун 157 II 28; шм-һуз-м-ше
лошади травы безъ—за травою; змґен бросаться; бґедевоґһан:
бґаде-воґһан, ср. воґжин 67. I 24; жи'а-сґаке уступительное
накл., съ пропускомъ суфф. прош. вр. с, см. Грамм. § 75;
кәз(м)дешен съ собою привести 129 II 14; смґоре==(см)по-
горе; харзине: харе хорошій, ср. осет. хорс и нне глазъ,
с.-б. хорошъ на видъ;

Стр. 197 а) траґотнґам причастіе отдаленно-прош. вр.
отъ ґотнн находить 81 II 13; јігеувѣо *подходя* 131 II 14;
гушн'а свадьба, ср. 15 I 19, 149 I 16; смґазиим заходить
туда-нб. снова, ср. 20 II 12; јіне==јіане; зеривериґапо за
собою ему позволяетъ изгибаться—ухаживать 54 II 22; хеґан
уґажать, ср. 171 II 26; хетнн подлежать, быть 117 II 13;
теһуґмтнґмн стыдиться, ср. 162 II 32; непе срамъ, стыдъ,
160 I 15: нне глазъ—пше носъ;

б) 'аґеґоден погибать, ср. 168 II 24: 'аґе оружіе ('а

рука—ѣмн дѣлать)—кодин погибать; лагм заговоръ; зисмльѣан между собою или отъ себя дѣлать—*взаимный залогъ* 117 II 1; ѣалер деһуѣмнем *прежде чѣмъ* убить юношу—*наклонение предварительнаго дѣйствія* съ представкой де и наставкой м, Грамм. § 70; змшен возитъся—зал. *возвратный*, см. гл. шенѣ зеридрекодинном *какъ* намъ ее уничтожить—*косвенный вопросъ*, Грамм. § 81 Прим.; тельми существовать, находится;

Стр. 198 а) пхузѣблахмнѣ для тебя испробуютъ: п=уѣ —ху для—змблехн раскупать 144 I 5; харѣкеке=харѣка; кѣ-п-хо-ми-хо отъ хоѣун подходить кому-нб. 119 I 24; ѣмзѣуѣнѣ отъ ѣмѣн'уѣн распространять, см. ѣм'уѣн 21 I 16; альпѣ крови альпа: алн отъ ал дикій—ппе носъ и лѣм кровь; је-мн'уѣмѣмко: је—мн—'уѣмн 142 II 24—зм—хн, ср. хоѣзен начинать 81 II 7, с.-б.: спрашивать, снова начиная—разспрашивая; зебѣадеѣмзми снова расходиться 145 I 22; зисѣмн дѣлаться 41 I 3 сн.; хѣрѣмне знатный, ср. 14 II 14: хѣр узелковатый—зм—нне глазъ; 'азі 'азеуѣи оба эти слова соединены постпозит. союзомъ і, при чемъ въ словѣ 'азе конеч. гл. е выпалъ; кѣтѣмни отставать отъ ч.-н., оставлять ч.-н., ср. кѣтѣнен 102 I 30; хогузавен заботиться о комъ-нб., ср. гузавен 112 II 3 сн.;

б) хоѣунм жіѣотниѣе мнгуѣезо *и не надѣясь найти подходящее*—дополнительное неопредѣленное послѣ гл. *надѣяться* выражается причастной формой съ ѣе (ср. выше 186 а), въ другихъ случаяхъ эта форма можетъ быть передаваема косвенными вопросами съ част. *какъ*; гуѣази снова надѣяться 77 I 5 сн.; въ хѣбаро конечный звукъ о придаетъ значеніе обстоятельственнаго выраженія—*съ молвою*; моде=миде; смзехмхмн отъ гл. зехехн слышать 175 II 2 сн.; кѣгек позвать (къ себѣ), ср. ген 16 II 9; ѣмхуѣын *отрно*—совершенно выздоравливать: ѣм вѣрно, ср. 30 II 18—хуѣмн 27 I 7; һу-с-ѣм-һуѣмнос 49 II 7 тебя мнѣ *отрно* зарѣжутъ—*какъ* въ этомъ, такъ и въ предыдущемъ глаголѣ ѣм придаетъ особый

отгвнѡвъ глаголу—*увтрениности* (ср. выше фм какъ инфиксъ и суффиксъ);

Стр. 199 а) кѧпсажен заговорить, ср. 45 I 11 сн.; хао но; змсѡеке=змсѡе; джкѧддмьѡун *идь* (бы) насъ не увидѣть—второе дн выражаетъ отношеніе къ мѣсту, ср. Грамм. § 79 Прим.; деѡекни заставлятъ выѣхать, ср. 30 I 10 сн.; тене=дене; крѧшнѡежно отъ кѧшнѡежни погарцоватъ на лошади: кѧ—шшм—ѡа—жен—о;

б) ѡезѡезно я *наѡрное дамъ* зарѣзатъ: фм вѣрно—ззе—ѡа—ѡазин 147 II 18; бже дверь—упе губа, здѣсь вторая составная часть уже въ значеніи предлога *къ*; жаден подскакивать; кѧѡшшен вывести, вызвать; серсі: ссе—р—см; 'ужежн уѣзжать; смзднѡм *куда бы ни несъ*: ссе—зм примѣта причастія—днѡан 51 II 5; кѧуен ударить 172 II 1; кѧѡежени заставить уѣхать 177 I 8; кѧткелезенис за нами погонятся; кѡѡахун убавлятъ: ке вм. кеѡ короткій—ѡа—хун дѣлаться; ѡахун прибавлятъ, ср. ѡнѡун 129 I 10;

Стр. 200 а) мѡрі накл. образности отъ ѡни; кѧкельпѡхун погнаться: кѧ—ѡельн 32 I 3 сн.—цѡхун 116 I 21; јихомнбыдо: хо отъ хојн хотѣтъ, умѣтъ—убыдн 130 I 24; кѧѡн лѡѣхатъ, ср. 127 I 15; кѧѡѡо умирая—до упаду; ѡѡнрмѡрепет собст. пробирающіеся продолжаютъ (см. стр. 187 а); лебеко—хун раздвигатъ ноги 182 I 11; зермѡѡеко—смсѡсм: зе(рн)см-м *коль скоро, лишь только*—примѣты наклоненія *немедленно наступленія дѡйствія*: леѡо право 127 II 2—смсѡн ржать; бѡаднѡан подѣзжать, ср. 106 II 2 и 117 II 6; јуѡнсмѡѡс 145 II 3 сн.;=јиһуѡнсмѡѡс;

б) јіѡ'асі: јі-һаѡфе-'асе; знхун двигатъся, ср. 32 I 3 сн.; кѧхеки һуѡнсмѡѡ въ постпозитивномъ *і* замѣчается значеніе соед. союза *и*;

Стр. 201 а) суѡнсмѡѡ=снһуѡнсмѡѡ; ѡеуен грѣтъ, ср. 35 I 14: ѡа-'уен застигатъ 50 I 19, ср. (је)уен битъ; кѧпхосмнс, см. касн 133 II 16;

b) *тиса* шхе оба слова соединены посредством *и*; *хуме* и *хумо* входят въ составъ *сказуемаго*, отъ *хум* защитникъ, *сторожь*, см. 51 I 34;

Стр. 202 а) *гобенек* *войлокъ* (заимств.); *селам* *кяхин* привѣтствіе вынуть, сказать 28 I 6;

b) *пес* *сторожь*, ср. 161 II 20; *какері'уваѳ* отъ *каке'увен* остановиться, ср. 100 II 2; *смырно 'аѳео* конечное *о* представляется какъ бы признакомъ множ. ч.; *катехин* снять;

Стр. 203 а) *психизин* слѣзать съ лошади; *ѳаѳин* заставлять сдѣлать;

b) *кахуѳен* побранить, ср. 74 I 14; *жімзаѳ* отъ *козин* или *кожин*; *смыром* = *смыреум*; *каікуаѳен* подойти, приблизиться, ср. 129 I 16: *ка—кон—'а* рука—*ѳе* голень—*р—і*; *зикахуаѳен* одѣться, ср. 96 II 7; *халек* опустошеніе (заимств.); *мжо* на бѣду—окончательно; *смірі* отъ *смин* = *сми'ан* быть;

Стр. 204 а) *тецшан* садиться на лошадь (безъ сѣдла): *ци* волосъ, шерсть—*сша* голова; *жісенереі* *махомі* и въ третій день; *кміѳе* *вератцѣ* 17 II 20, при *ходео* имѣеть значеніе *точно*; *кахонин* обругать; *нах* *вромѣ*, ср. 33 I 27; *Нарун жіѳеу* *смыахер* *змыѳор* опредѣлительное предложеніе съ дополнительнымъ: *которая* видѣла, *что Нарунз дѣлаеть* (*смыахер* = *смыахер* вин. множ. ч. отъ *смы*); *ѳин-декон-н-р* здѣсь какъ дополненіе: *выходъ* *замужъ*;

b) *жіѳе-жемико* и *жіѳе-делоў* первая составная часть отъ *ѳен* считать, думать, ср. *ѳеѳин* 164 I 19 и *жіѳеѳ* *смин* 172 II 9; *тао* = *даго*;

Стр. 205 а) *дмыѳеи* *повелительное наклон.* *будущаго* вр. 1 л. множ. ч., при чемъ отношеніе ко 2-му лицу, подобно русс. *те*, выражается мѣст. *корнемъ* 2-лица: *де—в* *вм.* *уа—ѳа—шан*, ср. *дешан*; *касмыакин* сорвать плодъ, ср. 160 I 7 *сн.*; *хоѳаѳаѳин* *непремѣнно* *посылать*: удвоеніемъ *ѳа* выражается *настойчивость* *требованія*, ср. 125 I 21; *жі'ахеме* множ. ч. по отношенію къ отцу, какъ знакъ *уваженія*; въ

зешпхуісіммі гласные і послѣ шпхү и суфф. м служатъ для связи; зедестен соглашаться насчетъ ч.-н., см. кастен;

б) кăзехосн собраться 156 I 6 сн.; въ махуіс нужно выдѣлить союзъ і, влияющій также въ словѣ махо на переходъ конечнаго о въ у; зерірітнор причастная форма въ дополнительномъ наклоненіи (Грамм. § 66, Прим. 2), съ представкой зм и двойнымъ мѣст. корнемъ рі-рі, являющемся послѣ зм, въ значеніи русс. мѣст. 3 лица и того же мѣст. какъ дополненія: *ее омъ* выдасть что; въ формѣ уоркоі конечное і имѣеть не только значеніе союза и, но и служить, повидимому, примѣтой множ. числа; то же значеніе пріобрѣтаетъ конечный о въ формѣ пемо; кăзм'уѣен собраться, собст. означаетъ *встрѣтиться* 115 II 11; въ пазеу конечное ү имѣеть значеніе союза и; змгухеѣммі отъ гухеѣмн думать, намѣреваться, ср. 42 II 17 и гуѣмтен 15 II 31; змка'уведын нарядиться отъ हुзедн 49 II 34; кăкоѣмн пріѣхать, ср. 134 II 19; смзехеѣд-махом, собст.: когда начался день, отъ хеѣан 116 I 32: признакъ наклоненія м присоединень къ махо;

Стр. 206 а) хоѣасен достойный 39 II 17 (см. ниже стр. 233 б); жіѣене=жітуане; курнт средній, ср. 174 II 19; въ сазеѣем поставлена примѣта множ. ч. хе, въ виду послѣдующаго жмле, имѣющаго собирательное значеніе; ржкү'аѣс вм. ко'аѣс; крмкăзăѣс отъ кăѣознн;

б) हुнеііе домами, дѣльми (отн. значенія і во множ. ч. см. выше); ржко вм. коо или коре; кăшеѣмн привезти, ср. 129 II 11; беѣуа богатый, ср. 9 II 9 сн.; гедеѣс вуритнннѣ; ѣмхун загонять, ср. 45 I 4 сн.; ѣмладен забѣжать, ср. 44 II 7; гуауо неприятно, см. 85 II 9, ср. 85 II 12;

Стр. 207 а) ѣмѣаіцѣдан сажать куда-нибудь; деѣахун прогонять; въ кăхихăрі слѣдуетъ выдѣлить і: въ формѣ жірттрі заключается два мѣст. 3 лица—дополненія и подлежащаго: *илъ омъ* повывававши;

б) котх вещь (повидимому, заимствовано); гузан обсуждать, см. разные значенія этого гл.; низеридемкѣ слѣдуетъ перевести: *амьсть* не выходить, отъ деѡн выходить; кѣсѣапен годящійся, годный: кѣ—сѣа голова—пше носъ, собств. означаетъ: *приодиться*; амсѣаммѡз несчастный: ззи—сѣа—мѡз горемыка 33 II 11—зи старый; кмѣк поясъ, ср. 127 I 20;

Стр. 208 а) кѣсѣмтѣзи тамъ отстать, см. 161 II 24, ср. 105 I 16; мзакѡ одинъ, при чемъ и является евфоническимъ призвукомъ, подобно мѣри на стр. 200 а; фѣсоу отъ фѣсе нарядъ 177 I сн. (у въ концѣ служить для связи, при чемъ е переходитъ въ о); фѣпемн наряжать, разукрашать 131 I 15; бегу шероховатый, ср. 63 I 33;

б) хельѣан причинять, см. другія значенія этого глагола; 'авоц ладонь: 'а рука—воц внутренний; жікемзаре-пет описательная форма накл. образности наст. вр. (стр. 187 а); хузен бросать кому-нибудь (і служить для связи); снт съ пропускомъ ходе: кавой; ршхенѣ съ пропускомъ представки ка; кѣзихнимн (отъ себя) оставить, ср. 100 I 4 сн.; хеѣазмн куда-нибудь снова заѣзжать; пхѣѣанз вязанка сухихъ дровъ 31 I 12;

Стр. 209 а) жі'уз==жігуане; хельни выказывать, ср. 57 II 25; рмѣешко отъ фашхен; фѣгузми заставлять впасть въ малодушіе, см. губзми; 'укмзми уѣзжать, ср. 'укін; зефми плакаться—раздѣлываться; шейнд (араб.) убитый на войнѣ; ѣаме или је, отъ ѣен нести, собств.: *если нести*; кѣсі каждый, отъ гл. касми 133 II 14, ср. 58 II 2 сн.; Паѣе работа, гибель 139 II 25; днзетнрамнпуѣези-по отъ змдепукмзми (всѣхъ) вмѣстѣ перебивать: дде насъ—зетн==змде всѣхъ вмѣстѣ (признакъ союзнаго залога)—ра мѣст. кор. съ признакомъ множ. ч.—пуѣин убивать—зм повтореніе дѣйствія—по==ке *пока* признакъ предѣльно-временнаго наклоненія, ср. Грамм. § 70;

б) казауен повоевать, см. зауен; кѣзаузми повоевать сно-

ва; въ зео конечное о имѣть значеніе союза *и* или *же*; *һа-физ* (араб.) слѣпой; *аіваіме* конечно: *аі эй—һаі=һеё* уже—ме если;

Стр. 210 а) *һудекыр-ке* при повелительномъ наклоненіи *ке*, со вставнымъ *р*, имѣть значеніе русскаго *ка*; *һмхуѳон* отыскивать, см. *һмхун* 143 II 1; *бротмноме һѳере тебѣ* найти *какъ*, ты знаешь ли? вопрос. предложеніе съ частицей *какъ* передается неопред. накл. съ наставкой *ме*;

б) *какхуѳен* или *какоѳен* развѣзжать 162 I 10 (де связано съ суфф. *м* въ причаст. формѣ); *һимһротмѳао* не могли найти: *һи-ми-һротни-ѳм* (отн. корня *ѳм* см. выше стр. 182 б); *уоѳоу* вм. *'оѳу* съ конечнымъ *у* въ значеніи союза *и*; въ *каѳѳѳкуѳо* (отъ гл. *ка(ѳи)кхуѳен*) одна изъ примѣтъ вопроса—указатель *р* не поставленъ, въ виду нахождения его въ слѣдующемъ глаголѣ *ѳм'ар*, но зато остался гласный *о=e*, котораго нѣтъ въ *ѳм'ар*; *пхе* повязка, здѣсь въ значеніи *ѳиѳ* ягодица; *тезмвраземе* отъ гл. *тезазен* дать прикладывать, ср. 131 I 7: те представка *на*, *при—зи себѣ*—в отъ *ѳфе—за—зен—ме*, слѣдуетъ перевести: если вы *себѣ* дадите приложить;

Стр. 211 а) *таукеі=токеі*; *һіѳе* вредъ=земаң, ср. *һіѳо* пора 123 I 9; *(је)кми*, ср. *(һи)кин* 111 II 4—гл. *кми* или *кин*, въ различіе отъ *кон*, разсматриваетъ результатъ движенія (*ке конецъ*); *һікезми=һізіміке*, *заьми* 143 II 16 (отъ гл. *һми* точить);

б) *самхуамі* форма накл. *тавая же*, *какъ* и въ косв. вопросѣ, Грамм. § 81, отъ гл. *ѳмхон* 69 II 9 см.;

Стр. 213 а) *капекіи* бѣжать (о рабѣ); *казептизіміе* отъ *каптизи* возвратить, ср. 54 II 32, дополнительное наклоненіе съ *ке*, послѣ гл. *просить*, можно передать по-русски: союзомъ *чтобы* съ изъяв. накл. или однимъ неопредѣленнымъ: *чтобы мнѣ ты возвертилъ* (стр. 186 а, 198 б); *тао=даго*; *жмхос'а* опредѣлительное причастіе безъ именного суфф., въ виду

м въ послѣдующемъ дамнѣем: жѣ—хо для другого или о другомъ—ссе—'ан; һузхоі тебѣ отъ меня нужно что—сюда же относится р въ днде-р очень;

б) зм хемнѣдзмѣо ничего не имѣя возможности съ своей стороны возразить: хмнѣан 37 I 32—ми не—зм снова, съ своей стороны—ѣмъ выражаетъ возможность (см. выше стр. 182 б); жзмнм'аў мнѣ не говорящимъ: жѣ—ззе—мм—'аў=='ао.

5. Къ тексту „Воспитанникъ великана“.

Стр. 225 а) мнхў кромѣ; кахунезнн буд. вр. безъ з; нѣ'акѣм: нѣ, см. нѣхмбе 10 II 13—'ан имѣть—кѣм отрицаніе; смснтѣе собст. состоявши—поэтому; һаѣен встрѣчаться, наткаться, ср. знач. һаѣе;

б) кврш=курш 179 I 11; оѣе гора, курганъ=уаѣа; змснн обрисовываться, выдаваться, ср. 128 II 3; колен итти по слѣду—подѣвзжать; сеіѣодмѣемі хотя бы я и погибъ—накл. *уступленія*, соответствующее русскому уступительному предложению, вводимому союзомъ *хотя* съ частицей *бы*, въ различіе отъ *хотя* съ изъявит. накл. Грамм. § 75, отъ гл. ѣодмѣен погибать, ср. 116 I 5; жнѣо=жнго, конечный гл. о употребляется въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имя сущ. входитъ въ составъ сказуемаго; зегў=зегуз;

Стр. 226 а) кѣзми подуть (о вѣтрѣ), ср. 104 I 17; зетрнудре вм. зетрнудыр потрясающій—прич. наст. вр. съ зм и р, отъ тннудмн потрясать, ср. знач. һудмн; жнѣано ты могъ бы сказать: жѣ—п=уѣ—'ан—о (наклоненіе *возможности*); ммбм=мнде; кѣсмѣм мочь доѣхать, возможность доѣхать (отн. суфф. ѣмъ выше стр. 182 б);

б) смпкохўѣме если я тебѣ могу оказать, отъ хохун для другого сдѣлаться—кому оказывать; въ мурадѣ конеч. і, по видимому, составляетъ примѣту множ. ч.; һуінеѣ твой добрый глазъ—твоя милость: һуі-нне-ѣм; кѣсѣхѣме условное накл.

неніе съ отгѣнкомъ скромно выраженнаго желанія, въ знач. русс. *не ли?* отъ *кѣхун*, ср. 32 I 39; отн. формы *сидими-реуадо* см. стр. 154 b; въ *сидими*хъ недостаетъ дн и конеч. о, въ виду имѣющихся этихъ примѣтъ въ *сидими-реуадо* и *сидими*о; *кезехо* на глазахъ: *кез*=*тюрь*. *гѳс*; *хельн* быть на-лицо, ср. 135 I 12; *кѣвази* принудить, ср. 132 I 8;

Стр. 227 а) *меі* лѣсная яблоня, ср. 184 I 19; *питын* (петын) *оставаться* принимаетъ почти значеніе гл. *быть*; *кѣпирѣхун* сбросить (плодь съ дерева), ср. *капихун* 101 I 3;

б) *сидими*хѣ *когда вы пойдете* накл. временное, относящееся къ будущему времени (примѣты *си* и *ке*, см. Грамм. § 68); *ханѣхѣ-дидер* самый младшій—это самая высшая степень качества; *кано*, собст.: воспитанникомъ; *кѣсет*: *кѣ*—*зе*—*ссе*—*тын*, собст.: *отдай мнѣ*; *јинмао*: что здѣсь говорится о многихъ лицахъ, видно изъ примѣты *хе* въ двухъ слѣдующихъ глагольныхъ формахъ, не говоря о конечномъ *о*; *језез* глаголы средніе въ повелительномъ накл. принимаютъ *је*; *кѣозхері* собст. *вернувшись*; *пизин* выходить навстрѣчу: *пше носъ* и *зен* отправляться;

Стр. 228 а) *какун* подуть съ силой, см. знач. *кун*; *ле* постройка, ср. 33 I 5; *гузејин* впадать въ малодушіе; *јито* давая—сейчасъ, отъ *тин*; *зврасѣин* объяснить себѣ;

б) *јигү-кѣзин* припомнить, ср. 132 I 22; *ѣелецкѣзер* собст. мальчишка *малаго старого*—*маленькаго*;

Стр. 229 а) *куао* пройдя—досадно, ср. 39 I 3 сн.; *зе-зен* бѣгать *себѣ*, ср. (је)зен 138 II 21; *јеуеѣ* знающій бить—повѣса; *шеѣ* конюшня, ср. 63 I 3; *'уладен* подбѣгать, ср. 116 II 10; *кѣхужин* наброситься на в.-н., ср. 75 II 20, см. *кѣхельхан*; *кѣтвѣрахун* бросить, ср. 11 II 18;

б) *сибзанахурті* я *чуть* не сдѣлался несчастнымъ: *ссе*—*бза* грудь—*вне* глазъ—*хун* дѣлаться *хуже*, несчастнымъ 160 II 10 сн. (понятіе о возможности наступленія какого-нибудь дѣйствія или состоянія, заключающееся въ русскомъ нарѣчій

чуть или *едва*, выражается въ кабар. языкѣ примѣтой не и суфф. *i*); демекубі *палка* отъ даме плечо—кун бить—(би семь; тецмшан=тегмшан садиться безъ сѣдла (ср. стр. 204 а);

Стр. 230 а) кәрізхино отъ кәзихин желать сбросить: кә-зми-хојін желать 42 II 22 (входя въ составъ глагольной формы, подобно фѣмн, служить для выраженія *желанія*), кә-хоізхә-кәм его съ себя сбросить онъ не долженъ былъ—не могъ: ка—хо отчужденіе—зми—хојін въ знач. *мочь* 154 II 23 (кор. глагола хојін, какъ наставка глагола, служить, подобно фѣмн, для выраженія *возможности*); ґасамбрин усмирять: ґа-сабир (араб.) мирный 71 II 22; жіпекіґе=жіпеке;

б) змдишен брать съ собою, ср. 11 I 8 сн.; жіпмуѣм какъ верхомъ ѣздить, вопрос. предложіе, съ перестановкой суффиксовъ, отъ гл. шнуен верхомъ ѣздить, ср. 183 II 7 сн.; шнуфмн мочь, умѣть верхомъ ѣздить;

Стр. 231 а) гуґо важно, трудно=ґаґо, ср. 50 II 25; здеком причаст. форма, съ предст. зм, слѣдуетъ перевести: *подождите*; каґалаґуке, слѣдуетъ перевести: *увидятъ когда*; шкахо пастухъ телать, ср. 108 I 6 сн.;

б) хомеіхо: хојін желать—ми не—хо удвоеніе кор. глагола, для выраженія рѣшительнаго нежеланія, ср. 85 II 23; дырин проглатывать, ср. 32 I 14; въ һукуә-ке частица ке въ знач. *развѣ не*, слѣдуетъ перевести: *развѣ ты не поѣхалъ?* (ср. усшхинке, Сосруко, стр. 9 въ XII вып. Сборника); ґа-ґејін давать слѣвать, ср. 155 I 32; кәпмууґден навязываться; наґтен: нне глазъ—ґтен вять;

Стр. 232 а) зефегү земляной полъ, ср. 121 II 10; въ ґуноу конеч. ү (е ассимил.) служить для связи: а въ комната; уґда вятка, порція;

б) ненефмн давать пощечину: нне глазъ—пне носъ—фмн, ср. (жі)фмн 79 I 18; ву'о кувыркомъ, отъ ву'ун; въ дзетпріһуґенос насъ всѣхъ перебьеть—зетп=зиде;

Стр. 233 а) һузериґмнор прич. буд. вр.; въ каммши-

ѣмр вторая составная часть ке означаетъ (вонецъ) *ручка*; кѣ-
кѣихин обрастать, ср. кѣкин; дан соглашаться, ср. 156 II 9
сн., да'он 124 I 43 и (ѣ)ден 155 II 4 сн.; (ѣ)срафо убы-
токъ=зерар;

b) хоммѣаѣ слѣдуетъ перевести: для него *не желая* дѣ-
лать, ср. хоѣаѣен 133 II 17 и стр. 206 а: хо—ѣа отъ ѣѣин
—ѣин дѣлать;

Стр. 234 а) смѣказах'мрѣм отъ которыхъ я былъ ото-
бранъ=ссе-кѣз'мрѣн—ху; кѣтеѣзѣо отъ кѣтеѣзѣин потрусить
на лошади, поѣхать, ср. 169 II 21;

b) денесми доѣзжать; хѣте вниманіе, пеѣин обращать-
ше носъ—ѣин нести; тѣѣе ровъ; саѣе мишень, цѣль; въ же-
леніи и техоніи заключается примѣта сослаг. накл.: русс. *бы*
соотвѣтствуетъ въ кабард. *нѣ* (ср. выше стр. 229 b);

Стр. 235 а) ам'укин оборачиваться см. 'укин 106 I 6;
ѣаѣалебалѣкин взбудоражить, см. 163 I 28; тхетѣ отъ де ѣ
хетин 176 II 23, собст. *съ нами* участвуютъ; шердаким
чердакъ (тюрк.);

b) неѣине свѣтъ, ср. 82 I 20;

Стр. 236 а) кѣпѣнепѣин посмотрѣтъ внимательно (съ-
удвоеніемъ); кѣхѣаѣсн найти, ср. 81 II 13; хутин распоря-
жаться, ср. 144 II 3;

b) зерммѣѣѣуо, слѣдуетъ перевести: мы не *видя*; дѣ-
ммѣаѣу-ке при повелительномъ накл. ке соотвѣтствуетъ русс.
да (ср. стр. 210 а).

6. Къ тексту „Маршановъ и чортъ“.

Стр. 244 а) ѣшпре въ кабар. ѣшпѣм, по аналогіи съ
ѣѣ'унере; ѣѣ'орі=ѣѣ'арі (гл. 'он='ан дѣлать, безъ предст. *жѣ*
=ѣе, означающей собст. *уста*: дѣлать устами—говорить);
шесѣѣ прош. сов. вр.=шесѣѣ; рѣшесі=шес(і), здѣсь гл. ше-
сми имѣетъ также знач. *пхатъ верхомъ*; Шѣхѣпе устье Ша-
хи, собст. *носъ рѣки Шахе*; уѣаѣ отъ ѣин нести 86 II 16,

здѣсь въ знач. нестись, ѣхать; нмге морской берегъ; кеіхрі см. кеіхін 164 II 8; жісѣаѣмке отъ жісѣа голова—ѣм почти —ке конецъ; ктеһувѣз отъ кѣ—тн—һувин 160 II 19; бу-хон=буахон; рымто=жимто; јѣасто вм. јѣасто страдая, отъ ѣастн 138 II 8; јеке=јіеке; кмѣови'а безъ конеч. ѣ; сидым=сытым;

б) пайче=пайѣе; шмбле громъ, молнія=уаѣе-ѣопек; ѣн-һан привязываться, ср. ѣнан наступать; јорі, см. выше јі'орі; знепнпльеһмзѣ, ср. 100 I 8=знепнпльһмзѣ повѣств. форма гл.; јнер капля *глаза смотря*; ріеѣз(о)=јіплье; јспр собст. *который* сидитъ; ріеу'жмѣен не даль поразить, отрицаніе еп =кабар. кѣм; һаѣоо=һаѣо (ассим.); кмзхуренѣз: км=кѣ—зм—ху—занин, см. 100 I 4 сн.; јіу'ѣз=жі'ѣз; остнѣтен не дамъ *взять*: о=уѣ—с=се—тнн давать—ѣтен взять 16 II 17—еп=кѣм; смзн'а отъ зм'ан=кабар. жѣ'ан; кмѣѣѣѣм отъ км—се—ѣе=ху—б отъ уѣ—ѣми;

Стр. 245 а) һатарѣе ради=пайче (см. выше); ріеѣо=мако *идеть*; тетнн=петнн; шѣе=шхо; въ знеѣнаім слѣдуетъ выдѣлить і, служащее для связи; въ шетануѣ такое же значеніе имѣетъ ѣ, со вставнымъ о; јемѣѣу'ѣго собств. не поразить давъ; кѣсхобренѣз (оставлено каб. хо вм. ѣе) отъ казанин 100 I 4 сн., относится въ *дочери*; бѣадеснн сидѣтъ *возлѣ*: бѣа грудь (указываетъ на близость къ предмету)—деснн; узот тебѣ я даю: у=уѣ—зо=се—тнн давать; уѣмеіме: у—ѣе...і отъ хојін—ми (переходъ и въ е)—ме; ѣето *вамъ* даю—мѣст. множ. ч., въ знаѣ уваженія;

б) укмсѣннмѣте ты меня *тутъ* не пугайся, отъ гл. каѣтнн испугаться, собст. замерзнуть, въ разл. отъ каѣтен взять; хеімпе источникъ, отъ хеін 38 II 14 и нне носъ; тез отъ тезен 112 II 22;

Стр. 246 а) знепнпльѣкм оглянулся когда (гл. *посмотрѣть* слѣдуетъ выбросить) 95 I 6 сн.

7. Къ тексту „Преданіе о лѣсѣ Тхашагъ“.

Стр. 247 б) тѣаѣ'уіе: тѣа Богъ—ѣ'уи просить—ле
ложе, мѣсто; чиле=жиле; кетескѣиъ расположитья; зезыпхо-
ѣār уничтоженное—прич. давнопр. вр., отъ зепхін связывать,
уничтожать 150 II 10; (j)іпсе югъ=кабле; азыѣм: азы=је-
зыѣо кабар. јілес годъ; ішхіѣ отъ шхын поѣдать—покорять;
зышхіѣзезер сложное слово изъ шхын и зев, образовано по
образцу прич. формы; чешим=жесым; теѣаѣнеѣиъ устраивать
приваль, отъ тѣѣан накладывать и зи повтореніе, ср. ѣапсе-
хѣ 129 I 29; тѣиъ лежать, ср. тѣго 76 II 25;

Стр. 248 а) ја'уіѣиъірі отъ ('у)іѣиъиъ раздѣвать дона-
га, ср. іѣане 33 I 11 сн.: ппе носъ—ѣ'уи блестятъ 9 I 21
—ниѣ глазъ; 'уген плясать, ср. кабар. вафѣен и гегун; дуѣе
молитва, въ кабар. употребляется немез (перс.); Сепхнуко на-
званіе языческаго божества, значеніе котораго, повидимому,
сглажено вліаніемъ христіанской и магометанской религій, но,
если судить по составнымъ частямъ этого слова (пхе повязка
—'уіи убивать), это было божество карательное, *мститель-*
ное; се'уіѣе заключаетъ въ себѣ корень гл. ѣ'уи молить
колѣнопреклоненно ('уи), ѣон итти и ѣиъ дѣлать, стало-бытъ:
я дѣлаю, совершаю колѣнопреклоненную молитву; хоміѣѣе=
жерѣѣе поневолѣ, насильно; кыхостыпснѣе отъ гл. тпснѣи
пускать, ср. кабар. деѣаіи (у Люлье: тхуншинерь); имор(і)—
ниѣ=ни'у-з; хѣіѣиъиъ выходитъ снова; въ зетеѣаіи—зете=зиде;

б) деѣу красивый=дахе; шѣиъ ситецъ; фыз бѣлый=хуз;
ѣиъ обматывать, ср. значенія ѣиъ; какоѣиъиъ отъ каѣон
прійти—ѣиъиъ состоятъ, бытъ—выражаетъ привычное дѣй-
ствіе (ѣиъиъ является въ роли вспом. глагола)—приходила
обыкновенно; кысѣѣѣе, собст. *придетъ когда*; јуѣо-ѣиъиъ уби-
вало *обыкновенно*; сюда же относятся: іѣошо (вм. јігошо)-ѣиъ-
иъиъ и каѣо-ѣиъиъ; Ахіне, вѣроятно, имѣетъ мнѣологическое
значеніе; ѣерѣиъ отъ ѣѣиъ умѣтъ, приходитъ добровольно 174

II 22; бекнѣке навл. предѣльно-врем. (Грамм. § 70), причемъ примѣта хуке поставлена въ видѣ наставки, отъ гл. бекнѣ 137 II 28: бекнѣ—кнѣ.

8. Къ тексту „Борьба со змѣемъ“.

Стр. 249 б) км'узоуѣнен положиться, ср. зоуын; псмѣо болотистый берегъ рѣки, ср. 'уфе; цѣмѣр=цѣмхур; зенико-кур-ба отъ зеникоуон спорить: нѣко половина 102 II 2—зеуон ходить 178 I 37, т. е. спорить—ба означаетъ: вообще, же=каб. ка ставится, подобно каб. кѣм или кѣх. еп послѣ глагола (р вставное); аш дател. п. мѣст. 3 л. ар (въ кабарнѣтъ этой формы); федо=ходего;

Стр. 250 а) тн'уѣшт сложная форма будущаго времени съ *шт* (штт) отъ вспомог. гл. ѣштн (см. выше въ другомъ значеніи)=каб. нс; паѣсе доходы=фаѣде (араб.); пегебл=блабо; хеѣхоѣн рожать, ср. ѣхон; хеѣын, ср. ѣмѣын; кѣхуѣ-ѣтѣѣ для нихъ приносилъ *обыкновенно*; зоне='узо; кечезѣѣс=каб. кѣѣзѣѣс, отъ кѣѣзѣѣн прибѣжать; бѣзу бугай; кмѣи-зерепет=кѣѣзеппетерт;

б) шѣо=шѣго; јорѣ=јеуорѣ; кѣтоу съ конеч. у въ значеніи союза и и ассим. е=ѣате.

9. Къ тексту „Войско и слѣпой“.

Стр. 251 б) шхнн въ знач. *покорять* на стр. 247 б; кѣѣхѣнем, въ каб. кѣѣхѣнан появляться 127 I 19; въ смѣр-кѣм встрѣчается постпозитивное кѣм, какъ въ кабардинскомъ нарѣчѣи—вообще же въ этомъ анекдотѣ встрѣчается больше, чѣмъ въ другихъ хав. текстахъ, отличительныхъ чертъ кабардинскаго нарѣчѣя.

10. Къ тексту „Молодецъ—Јаферим“.

Стр. 252 а) пша=псмѣшѣа (встрѣчается ниже); бѣдверь=бѣе; кекоѣын прийти по слѣдамъ; чѣле=ѣале; 'утхетн *подъльвали*, отъ утнн 119 II 9, въ связи съ геуо означаетъ:

то и дѣло играли; жігү-кеііи въ сердцѣ расти—вздумать; цапмне игра въ чижливи, ср. каб. цапе грязь; зересем отъ сїи дѣлать—играть; тефеѳо попаданіе въ цѣль, соотвѣт. каб. техон попадать въ цѣль; теѳахон заставлятъ попадать въ цѣль;

б) кмундзес=кѣдѣс отъ кмунан подойти, въ каб. кѣдан вторгаться; рјауѳ=каб. жра'ѣс или жа'ѣс; ѳесен проживать на свѣтѣ, ср. псе'ун и ѳаѳе жизнь 43 I 28; с-лѣкаѳ-еп, ср. каб. лѣкін 155 I 32; куауѳ=кѣжра'ѣс; с-лѣкм-шт-еп я не смогу; фе-с-'ун=ф-жѣ-с-'енс; кмзырншар отъ кмнен 132 I 6; мегоѳ=науо;

Стр. 253 а) мнѳуѳапо еще не наступаетъ: ми не—ѳу относится къ по отъ ѳунен назрѣвать 77 II 17—ѳа принужденіе; шау=ѳсанте; кмблеѳен принять приглашеніе см. блаѳо; дедн ѳхать съ кѣмъ-нибудь; тнѳогомѣ отъ ѳон: тн=де—ѳого ѳлучи—м—ѳе; наслоеніе на форму навл. образности признака врем. навл. м съ ѳе означаетъ *совпаденіе непрерывавшагося дѣйствія*, передаваемое по-русски союзомъ *пока*, съ нарѣч. *все*; ѳеднз почти, приблизительно=тежѳ 127 I 4; дм-куоѳо=куого или ѳого; ѳемѳнр: ѳе=пше носъ—ѳм голень вм. ѳако нога—ѳѳ два; смѳесмѳѳѳе отъ кмсзнн прїѳхать обратно: см=ссе—ке=кѣ—смзнн—ф=ѳу—ѳе примѣты *предельно-временнаго* навл. поставлены позади глагола (см. выше);

б) хеѳері=хеѳарі; зепсмѳкін переплывать море, ср. (жі)смкін 111 I 25; кмѳрї=кѣхрї; меѳм=махо; зеѳаѳеїн шевелиться; кмснз'ѳр=кѣснз'ѳр; ар-ар-с; кнѳуѳшт: км=кѣ—т=де—'уѳен—шт=штт или ѳшт; сенегої отъ негон предчувствовать: ссе—нне глазъ—гу сердце—ї служить для связи; оѳе='оѳѳ; ѳеїшхнзм: ѳеї=ѳаје—шхнн—зм;

Стр. 254 а) теѳѳе'аштмпе: те=де—б предъ ѳ является вм. уѳ—'ашт='ашет кулакъ ('а рука—ше безъ—ѳѳ два)—ше въ знач. вопрос. частицы пере; 'аштетме вм. 'аштетеме; кес-ѳаѳ отъ каѳен приносить 132 I 6; ікеѳмѳо отъ каѳекон итти извѣстнымъ образомъ; кагі отъ каген врыгнуть, ср. каго'ун

27 II 2, см. ген и кеген 16 II 9; шпермѣи прислужникъ: отъ пшы господинъ—һын нести; тһамаде господинъ, ср. груз. тавад князь (тһемедез, сказка „Апемезъ“ XII вып. Сборника); зесму'отежим: ззе—сн въ м—'он=(жѣ)'ан—тыжын отплачивать 113 II 6, 'отыжын (зын) *на словахъ передавать*; шане=сәне;

б) зыкеумызе'утыпс *тебя* не отдавай отпустить: зм—у=уѣ—мы не—ке'утыпсны отпустить 104 I 20; соон=сеуенс; ритмно ему отдать; зезеон драться, драка, поединокъ; јез-м-к и самъ;

Стр. 255 а) еж или скорѣе: јез въ влх. онз; каоні=кауонс 93 I 18; кытриѣфешт, ср. техон и кѣтеѣахон; абхо=ахуа-м—бе много—шфе=шхо большой; кыты'уя приставлять; пизы'уден отрывать; сн-ко-і-мы-ѣе-хохјо отъ кѣхохин падать 107 II 8; онаке лука сѣдла=уанаке; је'укепхкјі *къ ней ты привяжи*: је—у=уѣ—ке-пхен-зм; зезаохі примѣты множ. ч. а. и хе; кесфнзы, въ каб. кѣхузын;

б) фесабсі здравствуйте: ффе—саб отъ сабыр (араб.) мирный—сны быть, с.-б.: *миръ вамъ*; кыпскрі отъ кып(н)хен отвязать (мѣст. корень ссе находится, какъ инфіксъ, между обѣими составными частями глагола).

11. Къ тексту „Ешовъ Батыныко“.

Стр. 258 б) ѣы-і-куз мужъ громкоголосый, см. куз вой 20 II 8; феуубез: фаѣо блѣдный—бе много—зм старый, с.-б.: *интвный*; јебѣснр: бѣа. грудь, храбрость—сн чувствовать, сознавать; јеѣаф отъ һаффе кольчуга, защита; (і)чичел=ши-ѣаѣсез: јі—чі=шши—сн дѣлать—ѣы бровь—сдѣлать таѣъ, чтобы спину лошади не изранить (по-шансугски: шечез); км-рјуаз, ср. каѣазен навертываться 115 I 16;

Стр. 259 а) ѣе-ѣын хвостъ точить—волочить, ср. ѣежнхун 117 I 11; уас=уасе; вѣзаг=ѣаѣо; у-зм-'уѣе-ке, собст. ты *встрѣтишься*; кујошт: км-уѣ-је-'он-ш(н)т; цестемеѣсѣ:

песте-м-и-џни дѣлать—с отъ сџни бытъ; џмжмџн стлать по-
стель, ср. џмжџн 122 II 30;

b) ікеџаџ=јі-џмџаџ; кукун мѣдный кувшинъ (каб. ко-
шми, вях. пханок); кмџмџн выбросить, ср. 26 I 13; кмзе-
гусџн надуться на в.-н., см. 40 II 5 (можно допустить чте-
ніе: кмгубџаџ *разсердилась*); пџеу покосившійся=пџеуше, ср.
33 I 30; пџеф четырехугольный, фе=хе; Уаџџо, повидимому,
название языческаго божества, владычествующаго небомъ: уа(фе)
вожа, сводъ неба—џџо сѣрый 165 I 17, въ соединеніи съ јі-
кан слѣдуетъ перевести: Уашха его приемышь, т. е. влянусь
Уашхой, или: *оџ Богу* (ср. сказ. Сосрузо, Прим. 7, XII вып.
Сборника); слѣзубеті соотв. преждепрош. вр. въ каб.—рт;
јџмџе и џмџе, соотв. шџфе и џмџфе (см. сказ. Пшибадиново,
XII вып. Сб.) (џџе жиръ 43 II 4, а фе вожа 61 II 18);
іџџамкум=каб. јіџамке; веџо=ваџо; пхеџе спина=каб. тхіџе,
ср. пхе перевязка 45 I 13; кмџџен засвѣтить, ср. 160 II 1;

Стр. 260 а) пшаџо=пџаџо; горено=хуреіго; огу=уафе
(устарѣвшее слово, см. сказ. Пшибадиново, стр. 23, XII в.
Сб.); реџе отъ џен; феде=ходе; јі-џм-х(е)-еп=џм'акџм; зеџе-
реџараџі отъ зџџеџараџен украшаться, см. 173 II 8 сн.;
пхечакі=пхџвакі (см. Пшиб. XII вып. Сб.); џесене=џџаџо;
зџкџаџен облокотиться, см. зџџеџаџен; кепсеџџн заговорить;
блаџџн заходить въ гости: блаџе близкій; сџмче=шџџе 43 I 3;
џерџсџр отъ џер плѣнникъ, пойманный 173 II 5 и сџм тря;
сенеџ бѣлое вино: сене=сане—фџм=ху-з (молодое—старое)
(Пшибад., XII в. Сб. сенехур); вадер (ср. Пшибад., 25. 5);
пџџџе: пџџм господинъ—џџн работать; кмџџџџн повадобиться=
кџџџџџн; феџешџаџџн итти пить-џсть: фџџен пить—шхен џсть;

b) геџуџџн итти на свадьбу; џаоп: џау—еп; зџџџегусџн
надуваться, сердиться; џџкодџџн уничтожать, ср. 174 II 5;
кџџаџаџен повернуть, ср. џаџен 115 II 1; кмџмџегекун раз-
валить, ср. 140 II 3; анеџе край стола; ка-хе-п-хо *ты вы-*
нося, отъ кахехџн; кіхџџекџџџн заставить (себя) выйти сно-

ва откуда-нибудь; i-пао=паа шапка; шахин снимать съ головы; кипезми выйти навстрѣчу; хеџан заходить; зепизен бросать одну къ другой—сряду: зепитго 160 I 32—зен бросать; бабаџен приглашать къ себѣ; сеажым когда *взлѣм*, вм. са'ихым, отъ 'ихми 11 8 сн.;

Стр. 261 а) жіфемм'ато: жі-фи-ми-'атми поднимать, ср. ка'атми 118 I 4; жісімъ отъ сѣми измѣрять, сваливать (съ ногъ)=худми; кмстезми поднимать: км-стен брать—зм; дельџан владывать=(жі)льџан; хесми сидѣть=џсми; пеџакеке: пеџа=паџе—ке край—ке средство; пікулі: куя ударять—шм мясо, т. е. пронзивши, прижавши; жікі=жікі и; фасмъ=каб. хоџми; хеџелетми высаживать: хе вы—џа принужденіе—же голень, пятка—тми давать; жетми: је-т=де-тми(с);

б) жіџаџ=жікуџа; кмздебевезме: км-зде вмѣствъ (со мною), б=уџа—џаземн возвращаться 19 I 2 сн.; куатишт: к(а)—у=уџа—а примѣта множ. ч.—тми давать—шт отъ џитми; каке конецъ, низовье (также названіе части страны, населенной адыге); въ несукѣе примѣта навл. хуке поставлена позади; џмф=џмху; жіу=жі'аго; кытмигме: км-ти=де-ми-тми давать—ме; кате-хер=гате (въ шапс. чате); нермбге=нермбге всякій человекъ, ср. 119 I 21: вне глазъ—џа грудь;

Стр. 262 а) жіџау=(жі)џау; регіџо отъ гіџми стирать=змџми (въ шапс. и абадз. говорѣ гмџми); усми сидѣть=џсми; кмзепирми отъ кмзепизми перебросить, ср. зепрмижми 109 I 15; чм'унем=џмнуне;

б) жірат: жі-наде-р-џт; некусмире: некү родственникъ=кош—сми быть—ре вопр. частица; кон сыномъ быть; тар=ситре; кахепхре: кахехин выбрать—п=уџа—ре; кон и коме примѣры именного значенія глагола.

12. Къ отрывку хавучинской пѣсни.

Стр. 265 б) асџен=наџен (тюрк.); хеч=хек, ср. кџехекин 135 II 8 сн.; земико неизмѣнно=земнѣу несладно;

ѡижен выѣзжать, ср. (же)жен 127 I 14; змдмхн вмѣстѣ вынимать, ср. 28 I 6; карал=kрал (поср. турец. изъ слав.); хѣнан = дмѣнан; пчеу=пѣсанте; смѣ=см'а; укозми(е)=хукозмиц; жеоу = жорі (выше); јуб=ју'аб, јіу'аб (выше), ж'а(с); кмзидѣемъ отъ кмѣемъ, ср. 22 I 13; бoren=хуреі, ср. боруемого поочередно 122 II 11 (здѣсь говорится о тоекратной схваткѣ во время единоборства); фыработы *васъ* заставляеть снять; жехафе=каб. зефегу (перестановка, съ фонет. измѣненіями); батиьн власть=теьнан.

13. Къ абадзехской пѣснѣ.

Стр. 268 а) ченопит: чен=ѡнн—пит отъ гл. ѡитин; ді = дде; смфедо=се-ходо; дечхир, въ каб. дезхир отъ дезин выступать, ср. зер жеѡс 29 I 7 см.; аріш хвала, въ кабар. ѡитху (этимологія слова не извѣстна); меде=миде; каѡаѡо= каѡаѡу; травазимъ отъ базин притѣснять, ср. 29 II 18 (н въ концѣ является для связи); небзе, здѣсь въ значеніи *человѣкъ* (нне глазъ—ба грудь), ср. набза близорукій и выше нерибге стр. 261 в; штфм=ѡитху; аѡаѡамъ, отъ аѡаѡен погибать = а=а рука—ба принужденіе—ѡен издыхать; татѡамнѡехер, въ каб. тѡамнѡе; тетіуѡаѡаѡаѡ: те на—уѡчен=уѡен преграждать 127 II 28—ѡмн нести, стало-быть: теуѡеѡмн нести вокругъ прегражденіе—окужать;

б) каѡѡимн=каѡѡимн; нерибѡѡимн: нне глазъ—ба принужденіе—ѡнн дѣлать, стало-быть: неѡачин (=неѡаѡин) вытравлять глазъ, дѣлать наперекоръ, ср. неѡѡго наоборотъ 78 II 29; аѡедм изъ а=на—ѡедм=ходе; заѡо=зауо; нмѡ(н) нивогда=вѣк, ср. нмѡ тѡнъ 170 I 21 и производныя слова, въ знач.: другъ, товарищъ; јізе-кисаѡм отъ зе войско и кмсн наступать 80 I 33 наступать съ войскомъ, ср. зер касаѡ 80 II 23; теті=деі; вазехуѡ заставляеть дѣлаться хуже, приходитъ въ упадокъ, ср. 160 II 18; въ повел. накл. неѡо представва не обозначаетъ совмѣстность дѣйствія.

ГРАММАТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Дополненія къ „Кабардинской грамматикѣ“. Тифлисъ, 1890.

1. Въ адыгскомъ (черкесскомъ) языкѣ существуетъ собственно *одно* спряженіе. Упомянутыя въ § 36 Грамматики *разряды* глаголовъ различаются по мѣстоименному корню 3-го лица, входящему въ качествѣ представки или вставки (префикса или инфикса) въ составъ глагольной формы *); мѣстоим. корень можетъ при нѣкоторыхъ глаголахъ вовсе отсутствовать или недоставать только въ единств. числѣ. Присоединеніе или включеніе мѣстоим. корней: *je* (ji), *ma* (me), *pe* (pi) зависитъ главнымъ образомъ отъ того, имѣетъ ли переходящій глаголъ при себѣ прямое дополненіе (1-й разр. гл.), или нѣтъ (2-й р.), но также отъ залога глагола и вообще отъ характера предложныхъ представокъ (3-й и 4-й разряды).

Относительно глагольной представки *je* (ji), требующей послѣ себя мѣстоим. кор. *pe* (pi), слѣдуетъ замѣтить, что она составляетъ собственно мѣстоим. кор. 3-го лица и употребляется только при тѣхъ глаголахъ **), которые принимаютъ при себѣ косвенное дополненіе въ дат. падежѣ; напр. *jetmɨn* давать кому-нибудь (тѣмъ означаетъ *давать*), *jiɾitɔc* ему онъ далъ, *jezen* дожидаться чего-нибудь (итти навстрѣчу чему-нибудь), *jeuen* бить кого-нб. (соб. накладывать кому-нибудь).

2. Любопытное явленіе въ адыгскомъ языкѣ представляютъ примѣты членовъ предложенія (§ 51 Грамм.). Таковыми

*) Konjunktes Pronomen у проф. Шухардта.

***) Въ Русско-Кабардинскомъ словарѣ (Тиф. 1890) эти глаголы помѣщены въ неопредѣленномъ накл. подъ буквами *je* (ji); но въ настоящее время я отдѣляю эти представки отъ глагольной основы, и потому глаголы могли бы быть помѣщены въ словарѣ подъ другими буквами.

примѣтами, присоединяемыми въ существительному въ видѣ наставки (суффикса), служатъ мѣст. корни 3-го лица *м* и *р*, при чемъ въ глаголу въ видѣ представки (префикса) присоединяются мѣст. корни: *је* (*ји*) или *ма* (*ме*).

Рассмотрю нѣсколько примѣровъ.

а) *пѣмъѣвр* *мавве* крестьянинъ *пашеть* (соб. крестьянинъ-*то онъ* *пашеть*)

пѣмъѣм ѣвр *јѣвве* крестьянинъ землю *пашеть* (собств. крестьянину *земля-то она* *пашет(ся) **)

пѣвр *машхе* господинъ *вусаеть*

пѣм ѣкор *јѣшх* господинъ *хлѣбъ* *вусаеть*

ссе *нунер соѣ* я *строю* *домъ*

уѣ *нунер воѣ* ты *строишь* *домъ*

надем *нунер јеѣ* отецъ *строитъ* *домъ*

лѣѣем *маѣе* *јеѣ* работникъ *разводитъ* (соб. *дѣлаеть*) *огонь* *гегуаѣом* *уеред(вр)* *жѣе* *пѣвведъ* *поеть* (соб. *говорить*)

пѣввнн

пѣмъѣм *ахше* *јет* крестьянинъ *платитъ* (соб. *даеть*) *деньги* *макуаом* *уз(вр)* *пе'уиѣ ***) *косарь* *коситъ* *траву*

пѣѣем *пѣар* *ја'уѣ* плотникъ *вытесываетъ* *бревна ****)

ссе *ганер* *хмгебзм* *јестѣѣ* я *передалъ* *рубашку* *дѣвнѣѣ* *физм* *пѣм* *јирѣѣ *****) *женщина* *пьеть* (соб. *еет она...*) *воду*

вуѣем *наѣ* *јеѣ* *кузнаѣѣ* *дѣлаеть* *подкову*

пѣмбѣѣѣом *пѣхер* *јехѣ* *табуницнѣѣ* *гонитъ* *лошадей*

пѣмбѣѣѣом *ѣаѣо* *јед* *табуницнѣѣ* *шьеть* *бурву*

*) Въ обихъ фразахъ, какъ въ подлежащемъ, такъ и въ дополненіи, указатель *р* можетъ быть опущенъ, но тогда не будетъ указанія на известный предметъ (*крестьянинъ-то*, *земля-то*); аналогичныя явленія существуютъ и въ другихъ языкахъ, напр. греческомъ.

**) Мѣст. кор. заключается въ е представки ПН.

***) Множество *бревенъ* выражено здѣсь глагольной формой, а не множественнымъ числомъ существительнаго.

****) Такъ какъ гл. *фѣен* *пнть* въ пѣкоторыхъ случаяхъ принимаетъ послѣ себя и косв. дон. въ дат. *надежѣ*, то является при немъ мѣст. кор. *ре* (примѣры на стр. 306).

ѣмгебэм гане јед дѣвица шьетъ рубашку
шим гур јеше лошадь везетъ телѣгу
ѣмѣм пѣар јакуѣе работниѣе рубить дрова

смагем ѣни јіреф больной пьетъ (соб. его онѣ...) дѣ-
карство

пѣмфем уоздѣер пеѣане слуга зажигаетъ свѣчу
ѣгуѣом шимѣр јеѣѣ ямщикѣ погоняетъ лошадѣй
нанем пѣур ѣм-јірет мать выдаетъ дочь замужъ (соб.
мужу ему она даетъ)

устазем сохтер јіреѣаге *) учитель учить (соб. его онѣ...)
учениѣа

дмѣуѣем ѣмнер јікѣтѣѣѣ волеѣ растерзалъ ягненѣа
дмѣуѣем шимр јіѣѣѣ волеѣ сѣѣѣлъ человекѣа
ѣмѣер ѣалер јеѣепѣк работниѣе купаетъ ребенѣа
шим пѣмр јеѣ лошадь несетъ господина.

Какъ изъ этихъ фразъ видно, существительное, соотвѣт-
ствующее подлежащему въ русскомъ предложеніи, принимаетъ
м, а прямому дополненію—р, между тѣмъ какъ въ глаголь-
ному сказуемому присоединяется је (ji). При такомъ построе-
ніи фразы русское прямое дополненіе является въ адыгскомъ
подлежащимъ съ р или безъ него, подлежащее русскаго пред-
ложенія *косвеннымъ дополненіемъ* въ дательномъ падежѣ съ
м (но *логическимъ* подлежащимъ, что видно изъ занимаемаго
нимъ мѣста въ предложеніи), а переходящій глаголъ приобрѣ-
таетъ значеніе *страдательнаго* залога.

На это своеобразное явленіе адыгскаго языка обратилъ
вниманіе извѣстный нѣмецкій ученый проф. Шухардтъ въ со-
чиненіи: Über den passiven Charakter des Transitivs in den
kaukasischen Sprachen. Wien, 1895, и прослѣдилъ его и по
другимъ кавказскимъ языкамъ.

*) Гл. јаген *учить* принимаетъ послѣ себя, кроѣ праѣаго дополненія,
и косв. въ дат. пад., и потому является *ре*.

Страдательное значеніе переходящаго глагола видно изъ того, что онъ не допускаетъ страдательнаго оборота, по образцу русскаго языка или древнихъ.

ѣмѣм пѣ(р) якуѣ работниѣ рубитъ дрова (собст. работниѣу дрова рубат(са))

ѣмѣе пѣер якуѣ дрова рубитѣя работниѣомѣ.

По смыслу обѣ эти фразы одно и то же, только вторая представляетъ собою болѣе позднее явленіе языка.

Прим. Подобное построеніе черкесскаго предложенія замѣчается только тогда, когда дѣйствіе глагола обращено на предметъ *неодушевленный*, или на такой *одушевленный* предметъ, который не можетъ явиться въ роли логическаго подлежащаго. Первый случай ясно виденъ изъ помѣщенныхъ выше примѣровъ. Что же касается второго случая, то его можно пояснить на слѣдующемъ примѣрѣ: сохтем устазер јирѣаге ученикъ учитъ учителя—такъ сказать нельзя, такъ какъ это противно общепринятому порядку.

в) цѣир јіпѣмѣм јоуе господинъ бьетъ своего раба (соб. господинъ-то своему рабу ему онъ жаладываетъ); но допускается и перемена оборота:

цѣмѣир јіпѣм јоуе рабъ бьетъ своего господина
тетер бѣм текуѣ полководецъ разбилъ непріятеля, а также:
бѣр тетем текуѣ непріятель разбилъ полководца
ѣмгебамр ѣалем јоубоу дѣвица цѣлууетъ ребенка, а также:
ѣалер ѣмгебамр јоубоу ребеновъ цѣлууетъ дѣвицу
вуѣер уадемѣе цѣхѣм јеуѣ кузнецъ ударилъ молотомъ
человѣка

днгуѣер шим језакѣ волеъ укусилъ лошадь

'азер смагем јо'азе врачъ лѣчитъ больного

цѣир цѣмѣм јогге господинъ зоветъ раба (соб. кричитъ рабу)

свер ѣемѣ ѣоф или јѣффе теленовъ сосетъ корову.

Существуетъ въ адигскомъ языкѣ цѣлый рядъ глаголовъ,

которые при себѣ имѣют *косвенное* дополненіе въ дат. падежѣ, между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ они принимаютъ *прямое* дополненіе.

Прим. При этихъ глаголахъ, въ большинствѣ случаевъ, можно допустить обратное построеніе фразы, — косвенное дополненіе сдѣлать подлежащимъ, а презженое подлежащее — косв. дополненіемъ.

с) псир машкѣ господинъ вусааетъ; но, если связать:

псирм јешх, то сейчасъ же слѣдуетъ ожидать вопроса: *что* вусааетъ? — *сако* хлѣбъ

лѣнфер медеу работникъ повинуется

лѣнфер псирм јоудеу работникъ повинуется господину

сидежхум језагү (но не: мајагү) братъ видитъ (вопросъ: *что*?)

сидежхум лшпхүр језагү мой братъ видитъ сестру

наддер магуфе отецъ радуется

наддер магуфе јіком кѣнпредехум-сѣаке отецъ радуется
успѣху своего сына (собст. тому, что его сыну
удается).

Какъ изъ этого видно, при глаголахъ переходящихъ ставится представка *ма* (ме) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они *могутъ* быть употреблены безъ прямого дополненія, т. е. когда они сами по себѣ выражаютъ дѣйствіе, не требующее дополненія; представку же *је* (ји) принимаютъ тѣ переходящіе глаголы, которые безъ прямого дополненія не употребительны; такъ, послѣ језагү слѣдуетъ поставить вопросъ: *кого* видитъ?

д) хнгебзим гане(р) јед дѣвица шьетъ рубашку; но также: хнгебзир гане јед.

Въ первой фразѣ выражается то, что видитъ *говорящее* лицо, а во второй — то, что видитъ *другое* лицо, при чемъ можно дополнить: *свабуу* я вижу, *свабуаѣ* я видѣлъ (т. е. говорить о своемъ наблюденіи лицо, къ которому обращаются

съ вопросомъ), въ виду чего кегебзир представляется какъ бы дополненіемъ къ этому глаголу.

шим псир ііреф лошадь пьеть воду (соб. лошади (дат. п.) вода-то ей она пьет(ся)); но также:

шим псим јеффе (соб. лошадь-то къ водѣ она припала).

Въ первой фразѣ выражается то, что подлежить нашему непосредственному наблюденію, а во второй—то, что происходитъ, несмотря на сопротивленіе съ чьей-либо стороны (не дають пить: *однако*, она пьеть).

Прим. Такъ какъ во многихъ случаяхъ замѣчается переходъ мѣст. корней *м* и *р* то къ подлежащему, то къ дополненію, чѣмъ выражается едва уловимый отгнѣозъ мысли, то слѣдуетъ всегда имѣть въ виду мѣсто, занимаемое отдѣльными членами предложія: подлежащее (логическое или синтактическое) стоитъ впереди, затѣмъ идутъ: прямое дополнение (логическое) и косвенное дополнение въ дат. п.; послѣднее мѣсто занимаетъ обыкновенно сказуемое; постановка косвеннаго дат. въ твор. падежѣ зависитъ отъ логическаго ударенія. При двухъ мѣст. корняхъ косв. доп. стоитъ впереди; напр.: *казе-п-тме* если *мнѣ ты* подарить, но не всегда: *с-jo-ye* я его бью.

3. *Сослагательное* наклоненіе, кромѣ отгнѣченнаго въ § 47 Грамм. случая, можетъ выражать *возможность* или *нѣрѣшительность*; признакомъ его служитъ суфф.: *но* и *ні*: *жмѣано ты могъ* сказать (тексты 226 а), *желені* (кто) *перепрыгнулъ бы* (тексты 234 б).

4. Случаи употребленія *повелительнаго* наклоненія, кромѣ обозначеннаго въ § 49 Грамм., слѣдующіе:

а) въ значеніи *поощренія* ставится 1-е лицо множ. ч. наст. вр. (въ русскомъ буд. вр. соверш. вида), при чемъ отношеніе къ 2-му лицу, подобно русс. *те*, выражается мѣстоименнымъ корнемъ 2-го лица: *дм-в-вѣѣм* *зайдемте* (соб. *мы тебѣ* *зайдемъ*—205 а);

б) въ значеніи *побужденія* или *предупрежденія* употребляется 2-ое или 3-ье лицо, съ присоединеніемъ частицы *ke* (подобно русс. *ка*): *hudekır-ke* *ıyızжай-ка* (210 а), *жежи'а-ке да* не скажетъ!

5. Кромѣ перечисленныхъ въ Грамм. отъ §§ 51—57 залоговъ, слѣдуетъ еще отмѣтить слѣдующіе:

а) залогъ *союзный*, для выраженія совмѣстности нахождения въ извѣстномъ мѣстѣ или участія въ дѣйствіи, обозначается или предавками: *эм-де* (*эм*—возвратное мѣстоименіе, *де* означаетъ отношеніе къ мѣсту): *эмде-пеьмзас* принялись *вмьсть* рыдать (156 а), или: *нм-де*: *см-не-б-де-ёодькин* я *вмьсть* съ тобою брошу родину (156 б), или однимъ *нм* безъ *де*: *см-не-зе(н)с* я отправлюсь *вмьсть* (156 б и 157 а), *см-кѧ-тн-не-но-кѧм* я *вмьсть* не останусь (170 а).

Прим. *Вмѣсто* и является е, подъ влияніемъ мѣст. корня 1-го или 3-го лица;

б) залогъ *отчуждающій*, означающій дѣйствіе на пользу другого лица или направленное на него (въ русс. послѣдній случай передается посредственнымъ дополненіемъ), выражается посредствомъ *ху* для единст. ч. и *хуа* для множ., присоединяемаго къ глаголу въ видѣ предавки (*каеъ* вставка между возвр. мѣстоименіемъ и глаголомъ; ср. Добавленія къ Грамм. VII): *хуаѧапскін* *купать для друиъ* (Сосруко, стр. 4), *эмхуаѧнзми* *для ниъ* слѣваться (185 б), *хужа'ау* *про него* они говоря (185 б).

Прим. Кор. *ху* заключается въ глаголѣ *хойн* *долженствовать, имѣть надобность, нуждаться*; онъ ставится впереди повтореннаго мѣстоименія: *абм ху-і-тннс* онъ ему дастъ (*аф-ху-і-тн* въ *ках.* нарѣчіи).

6. По отношенію къ *видамъ* глагола (Грамм. §§ 58—63) можно замѣтить слѣдующее:

а) видъ *совершенный* образуется посредствомъ предавки

ка (кѧ, ке, кі: гласный измѣняется, смотря по вліянію при-
соединеннаго въ нему мѣстоим. корня)*).

Прим. Кор. ка можно поставить въ связь съ корнемъ
гл. кун избить;

в) видъ *повторительный* образуется посредствомъ суфф.
зѣ (**): отъ сѣн — сѣзѣн дѣлать снова, передѣлывать.

Прим. Кор. зѣ какъ самостоятельное сущ. означаетъ:
вѣтеръ, какъ бы выражая этимъ *дуновение*, *порывы вѣтра*;

с) видъ *понудительный* образуется посредствомъ преф.
или инф. ба (у закуб. кабардинцевъ и какцевъ слышится ба),
который можетъ и *удваиваться* для выраженія *настоящас-
ти* требованія: ходивбегеѣ мы тебѣ (хо-в) *непрѣменно* по-
шлемъ или пошлемте!

Прим. Кор. ба, повидимому, происходитъ отъ баа грудь
(б почти не слышно въ произношеніи), выражая какъ бы *на-
давливаніе* грудью, *напоръ* (понужденіе), но также и *примбли-
женіе*. Есть нѣсколько глаголовъ, въ которыхъ б слышится
въ началѣ явственно: баадѣданъ подступать, подъѣзжать; ба,
какъ суфф. существительныхъ, имѣютъ почти значеніе обра-
зовательнаго суффикса: отъ баба близкій — бабага близость,
отъ гу сердце — гува мѣднѣ, надежда (отъ послѣдняго уже
образуется гл. гуван возимѣть надежду);

д) видъ *возможности* образуется посредствомъ суффи-
ксовъ: фѣ или хо (перваго суфф. въ какскомъ нарѣчій нѣтъ):
дѣдѣмѣцафѣмъ въ намъ (птицы) пробраться не *могутъ* (182 в),
ѣмѣботнѣфѣ не *могши* найти (210 а), *какоизнѣхѣкамъ* его съ
себя сбросить онъ *не могъ* (230 а);

е) видъ *желательный* образуется посредствомъ тѣхъ же
фѣ и хо, но входящихъ въ составъ глагола (какъ инфлексъ):

*) Представка је или суфф. жу не имѣютъ того значенія, о которомъ
сказано въ § 58 Грамм.

**) Въ § 59 Грамм. помѣщенъ суфф. жѣм, но у закуб. кабардинцевъ
слышится зѣм.

касѣазері я, *пожалавши* узнать (153 б), кăрізмкіно онъ, *желая* сбросить (230 а);

f) для выраженія вида *уверенности* и *необходимости* служить кор. ѓм, но какъ префиксъ: ѓѣхузмносі *вѣрно* выздороветь (198 б), ѓезвезезмно *навѣрное* я дамъ зарѣзать (199 а). Кор. хо приобретаетъ болѣе самостоятельную роль: усѣшкху-пхент (Сосруко, 12) тебя узнать я долженъ бы *).

Прим. 1. Кор. ѓм, въ удвоенномъ видѣ, существуетъ въ гл. ѓѣмн *желать*, а какъ префиксъ входитъ въ составъ глаголовъ: ѓѣхун продерживать (продѣвать) нитку, ѓѣкин уклоняться, ѓѣнен обвиснуть, ѓѣсн казаться, ѓѣун вскисать; изъ кор. хо образовался гл. хоїн *желать, долженствовать*, а какъ префиксъ онъ встрѣчается въ: хоїзен начинать, хоѣн оказывать, хоїен жаждать и др. (ср. *Прим.* въ 5, б).

Прим. 2. Описательное желательное накл. съ ѓѣмн отмѣчено въ § 64 прим. 2 Грамм.

7. Наклоненіе *дополнительное*, кромѣ отмѣченныхъ въ § 68 Грамм. случаевъ, образуется при посредствѣ падежнаго окончанія ке отъ причастія будущаго времени (съ переѣтной м въ н) и ставится послѣ глаголовъ: 1) въ значеніи *просить*: мн бмі дихевзевезѣмнне, зержмлло *насе* вифхудоснз (отъ) этого врага намъ вы чтобы дали выпутаться, всѣмъ между собою селеніемъ гостями (просителями) вимъ дѣаемся (186 а); мн конасер тхохуннне динюлеу этого кабана убить мы всѣ вмѣстѣ просимъ (189 а); јшмпхум желеуздс јѣыр зермзеконке у своей сестры попросили ея мужа отъ себя послать (189 а); 2) въ значеніи *надѣяться*: хохунм јјротнне мнгузесо и не надѣясь найти подходящее (198 б).

8. Въ наклоненіи *достигательномъ* (§ 67 Грамм.) сѣаке иногда сокращается въ хо: шхен-хо чтобы поѣсть.

9. Наклоненія *обстоятельственнаго времени*, сообразно

*) Въ Добаменяхъ къ Кабард. грамматикѣ (стр. VII) къ формѣ хент неправильно присоединенъ мѣст. кор. п=уѣ.

съ моментомъ дѣйствія или состоянія, преднамѣренностью въ дѣйстви, и отгѣнками возможности, условности или причинной связи, можно раздѣлить на:

а) накл. *временного совпаденія* (§ 72 Грамм.) означаетъ дѣйствіе или состояніе, во время совершенія котораго наступаетъ дѣйствіе, выраженное связуемымъ главнаго предложенія; оно соотвѣтствуетъ русс. обстоят. предложеніямъ времени, вводимымъ союзами: *когда, въ то время какъ (когда), между тѣмъ какъ*, и имѣеть признакомъ суфф. м: ссе дінуем сѣм-сѣам, дінуер сѣс *въ то время когда я былъ дома, нашъ домъ загорѣлся*;

б) накл. *временной зависимости* (§ 68 Грамм.) означаетъ дѣйствіе или состояніе, отъ совершенія котораго зависитъ наступленіе дѣйствія главнаго предложенія (въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ отгѣнкомъ условности или причинной связи); оно соотвѣтствуетъ русс. обстоят. предложенію, вводимому союзомъ *когда*, и имѣеть по отношенію къ буд. вр. соверш. вида привпаками представку *сн* (кор. *вспом. гл. сн'ан* и *сущ. сн'а* *время*) и наставку *ке*: *шпр сн'сѣке, сѣшю капсехунс когда ты продашь лошадь, то купишь пашку*; а по отношенію къ прошед. вр. соверш. вида—ту же представку *сн* и наставку м: *надем бунезум шпр сн-рн-м, бунезум жідеі жівасѣс* *когда отецъ далъ сосѣду лошадь, сосѣдъ вернулся домой*;

с) накл. *временной непрерывности* (§ 69 Грамм.) означаетъ дѣйствіе или состояніе, продолженіе котораго служитъ побужденіемъ къ дѣйствию главнаго предложенія; оно соотвѣтствуетъ русс. обстоят. предложенію времени, вводимому союзомъ *пока*, и имѣеть признакомъ наставку: *ху-ке* (отъ *вспом. гл. хун* и *ке*): *псн'бир губвом сн'л'ае-хуке, ссе псн'ца с'конс* *пока крестьянинъ работаетъ въ полѣ, я схожу за водой*.

Прим. Если выражается продолжительность непрерывнаго дѣйствія, то въ какскомъ нарѣчій къ формѣ накл. образности, въ видѣ наставки, присоединяется м съ *ке*: *тн-*

кого-м-ке... ʒio kифэйкизиꝯ пока мы все ѳхали..., плача онъ вышелъ (253 а);

d) накл. *предельно-временное* (§ 70 Грамм.) означаетъ предѣлъ дѣйствія или состоянія, отъ котораго зависитъ наступленіе или прекращеніе дѣйствія главнаго предложенія; оно соотвѣтствуетъ русс. обстоят. предложенію времени, вводимому союзомъ *пока не*, и имѣетъ признаками представку *ху* съ наставкой *ке*, присоединяемой къ формѣ неопредѣленнаго наклоненія: сабір јин *ху-хун-ке*, јанем јинѳс *пока* ребенокъ *не* выросъ, мать его кормила. Въ сложныхъ глаголахъ признакъ наклоненія *ке* вставляется между составными частями глагола, при чемъ представка нѣтъ налицо, и глаголъ ставится въ накл. образности: јимѳі..., дикамициꝯху-ке-ѳо скажи..., *пока* мы человѣкомъ не узнаны (154 б).

Прим. Въ каксомъ нарѣчій роль *ке* играетъ *по*: диветрамниꝯхукези-по *пока* насъ совсѣмъ не убили (209 а);

e) накл. *предварительнаго дѣйствія* выражаетъ, что прежде совершенія извѣстнаго дѣйствія должно наступить дѣйствіе главнаго предложенія, т. е. дѣйствіе придаточнаго предложенія *отмлааетъ* до совершенія дѣйствія главнаго; оно соотвѣтствуетъ русс. обстоят. предложенію времени съ союзомъ *прежде чѣмъ*, и имѣетъ признакомъ суфф. *м*, при чемъ предварительность дѣйствія выражается нарѣчьемъ *јіпекѣ* (ставится *посады* глагола и пріобрѣтаетъ значеніе *послѣдова*): ѳалер. динхуйнни *јіпекѣ*... *прежде чѣмъ* какъ не убить юношу... (197 б);

f) накл. *быстрой пріостановки дѣйствія* (§ 72 Грамм.) означаетъ, что вслѣдъ за дѣйствіемъ связуемаго придаточнаго предложенія *немедленно* наступаетъ дѣйствіе главнаго; оно соотвѣтствуетъ русс. обстоят. предложеніямъ времени съ союзами: *какъ скоро, какъ только, лишь только*, и имѣетъ признакомъ *м* съ представкой *зи* (происходитъ отъ числительнаго *зи* *разъ* и имѣетъ послѣ себя мѣстном. кор. *ре*): зермжеко-

сидимъ *лишь только* онъ по-настоящему варжалъ (200 а); при представлѣнн ка немедленность дѣйствія уже не выражается преф. зв: уй како-м, бжас'енс *коль скоро* ты придешь, я тебѣ скажу;

г) накл. *предельной продолжительности* означаетъ продолженіе дѣйствія придаточнаго предложенія до известнаго предѣла, послужившаго началомъ дѣйствія главнаго предложенія; оно соотвѣтствуетъ русс. обстоят. предложенію времени съ союзомъ съ *тѣхъ поръ какъ (когда)* и имѣеть признакомъ де съ мѣст. корнемъ ре: ми нобе Жан-де-ре съ *тѣхъ поръ какъ* этотъ день прекратился... (159 а), (ср. Словарь, 123 I 9);

h) накл. *последовательнаго дѣйствія* (§§ 71 и 72 Гр.) служитъ для выраженія дѣйствія, по окончаніи котораго наступило дѣйствіе главнаго предложенія, и потому имѣеть значеніе только для прошедшаго совершеннаго времени; оно соотвѣтствуетъ полному русс. придаточному обстоят. предложенію времени, вводимому союзомъ *посль того какъ (когда)*, или замѣняемому посредствомъ *дъепричастія* прош. сов. времени, и имѣеть признакомъ суфф. рі; наклоненіе это употребляется при *томъ же* подлежащемъ въ предложеніяхъ придаточномъ и главномъ (или въ придаточномъ предложеніи, по которому первое придаточное подчинено): куазер жахунѣ-рі, абрехем зарапсқуаѣ *разработавши* ауль, абреки скрылись; жмз ху-рі, смтисѣжмим, жікор... жм-цѣрмо хуаѣ (ханъ) старикомъ ставши, пересталъ выѣзжать когда, его сынъ знаменитымъ сталъ (153 а). Довольно часто русское *посль того* выражается посредствомъ не'уа ('уа означаетъ *позади*), присоединяемаго къ прошедш. соверш. времени (безъ с): снзеза-не'уам-м *посль того какъ* поѣхали... (171 б).

Прим. Суфф. рі происходитъ отъ указателя *p* и гл. *i*, имѣющаго значеніе соединительнаго союза; поэтому въ периодической рѣчи можетъ слѣдовать цѣлый рядъ такихъ формъ, передаваемыхъ на русскій языкъ *дъепричастіями*: каѣзезари...

какоґри... сѣжирі'ам:... жи'ари тернѣзѣри, жікоре језире... деґри... ззи Тамбіеко горим жіде дѣґари, сѣгем... 'аѣе зе-рапѣґри, зетепегнѣд возвративши... и приґа... сказаѣ ко-гда:... сказаѣ и заставивъ осѣдлатъ коня, съ сыномъ своимъ и самъ (ханъ)... выѣхавши... въ одному Тамбіеву наѣому-то на домъ заѣхавши, позваѣ когда... другъ друга обнявши, вмѣстѣ заплывали (155 б).

10. Наклоненіе *образности* (§ 73 Грамм.) служитъ для выраженія обстоятельства образа дѣйствія; по формѣ оно, подобно русскому *дѣепричастію*, можетъ быть рассматриваемо какъ *отглагольное нарѣчіе*, но имѣетъ свои особенности: оно имѣетъ не только два времени—настоящее и прошедшее совершенное, но лица и числа; наклоненіе это образуется въ наст. времени присоединеніемъ суфф. го или о (последній у заубанскихъ кабардинцевъ и въ кяхскомъ нарѣчій), происшедшихъ отъ архаической формы (г)оре, а въ прош. сов. времени—присоединеніемъ въ основѣ прош. сов. вр. тѣхъ же суфф. го или о, или для большей выразительности—(г)ори: сѣнибзеѣум је'ар с-нѣм-о, ддідеі казѣзевѣдс *держа* друга за руку, я вернулся домой; пѣжѣмр, губромъ махонсоум сѣллазе-о, још работая весь день въ полѣ, вѣрстѣяннѣ устаетъ; зѣ'ахоз шмст, бѣлымъ кадѣхуѣго одинъ старикъ-пастухъ сидѣѣ, свотину пригнавши (Соср. 4 изъ XII вып. Сб.); јеушигоѣ-ори, мешес ударивши свою лошадь, онъ садится верхомъ (Соср.).

Прим. 1. Встрѣчается, въ особенности въ кяхскомъ нарѣчій, и *описательная* форма дѣепричастія наст. вр. посредствомъ всп. гл. петин *продолжатъ* (не оканчиватъ), *находиться*, при чемъ отъ привака наклоненія остается только суфф. ре: хомншх-ре-пет не нуждающимся ѣсть продолжаетъ (187 а).

Прим. 2. Накл. образности употребляется очень часто при *отдѣльныхъ подлежащихъ* въ предложеніяхъ придаточномъ и главномъ и потому подходит по значенію не столько къ независимому дѣепричастію, употребляемому въ русскомъ

языкъ преимущественно при глаголъ безличногъ (напр. *увидя то, на мысли волеу вспаю...*), сколько въ независимымъ формамъ причастій и дѣепричастій во франц. языкѣ: *çaleri, ка-нері, наоре сѣторе, жітелкым жіфиз љас мальчикъ, оставшись, такъ находясь, его воспитателя его жена умерла (167 b); çaler шүсес(о) кӯао, хнгезым жібныр... краешас юноша на разѣзды отправившись, дѣвицы ея семейство... его (отца) заставило жениться (168 a); мо фмзир кашао, çaler касидедезим, жізабо хурі, हुнем сѣмышо, һесесым сѣсо,... сѣзаком, фмзым... каримто, кажриас... на этой женщиныгъ онгъ (отецъ) женившись, юноша возвратился когда, ему досадно сдѣлавшись, въ саклю не вступая, въ кунацкой сида,... послалъ когда, женщина... ему не давая, связала (168 a). Иногда, впрочемъ, не только при наклоненіи образности, но и при обстоят. предложеніяхъ времени замѣчается независимая конструція: жіпоу ханымъ сѣземанишо-сѣто прежде хану старому такъ знамениту сущу (155 b); жітелкым жіфиз сѣзем, звн-хнгез-дахе-гор сѣиті его воспитателя его жена умерла когда, одна дѣвица красивая какая-то была (167 b).*

Прим. 3. Обстоятельственное выраженіе *совмѣстности* (въ § 98 Грамм.) выражается суфф. *о* и ставится послѣ нѣкоторыхъ глаголовъ (въ особенности, *хоізен начинать, хун стать*), требующихъ въ русскомъ языкѣ послѣ себя *глагольнаго дополненія* въ неопредѣленномъ наклоненіи: *хмбар-о зерашо хоізас съ молвою носиться начали (198 b); посредствомъ о* выражается также русс. *творительный сказуемаго*: *жы-о кѣсѣас садомъ оказалось (225 b); но такую же роль играетъ гл. е: жы-хум-е хунос садовымъ сторожемъ будетъ (201 b). Съ этой формой наклоненія образности не слѣдуетъ смѣшивать накл. *дополнительное* съ суфф. *о*, присоединяемымъ къ окончанію неопредѣленнаго накл., см. § 66 Грамм.*

11. Кромѣ указанныхъ въ § 74 Грамм. случаевъ употребленія накл. *причины*, слѣдуетъ еще отмѣтить передачу

его посредствомъ одного суфф. *йе* (безъ *сѣа*): охурсив сміури губзми кѣхесхмѣ бездѣльниномъ я ставши *тѣмъ*, что я гнѣвъ возымѣлъ (154 b).

12. Накл. *уступленія*, кромѣ отмѣченнаго въ § 75 Грамм. случая, образуется также посредствомъ *сѣаке* и соотвѣтствуетъ русс. обстоят. предложенію уступленія, вводимому союзомъ *несмотря на то что*: вабо дѣкхем... жа'а(с)-сѣаке..., каблєжрі... на пахоту которые ѣдутъ... сказали *несмотря на то что*..., просказавъ мимо... (171 a).

Прим. Уступительное накл., въ значеніи русс. *если бы* и передается суффиксомъ *мі* условнаго наклоненія: мо фміажем секоленс, сеікодмѣ-мі къ этому пятну я подѣду, *если бы* я и погибъ (225 b).

13. Накл. *мѣстное* (ср. § 79 Грамм.) выражается не только ворнемъ *сѣм* (встрѣчается въ сущ. *сѣм земля* *), но также кор. *ди* (*де*), выражающимъ вообще отношеніе къ мѣсту: дикѣзидиммѣаун насъ гдѣ (*бы*) не увидѣтъ (199 a).

Прим. Иногда отношеніе къ мѣсту выражается посредствомъ *йе* (отъ сущ. *йе ложе*): нуікодм-йе-ре, сікодм-йе-с ты гибнешь *идѣ*, и я *тамъ* гибну (157 a).

14. *Косвенные вопросы* (въ *Прим.* § 81 Грамм.), вводимые частицей *какъ* и относящіяся къ будущему времени, передаются по-адыгски причастіемъ будущаго времени, при чемъ падежъ зависитъ отъ глагольнаго сказуемаго главнаго предложенія: фзерндезекопор мир'ац *какъ* вамъ съ нимъ обходиться, вотъ имѣете (186 b); нар зерндзекодном јіамаіар нар'ац *ее* (ѣту) *какъ* намъ уничтожить, его способъ это есть, т. е. способъ уничтоженія (197 b); бботном(е) йѣре и *какъ* тебѣ найти, ты знаешь ли? (210 a); змиржі'ари, зерндзекономкі, нунафе кѣахуѣас... и имъ сказавшая, *какъ* съ нимъ обходиться, приказаніе имъ сдѣлала... (186 b).

* ВЪ Грамм. ошибочно кор. *сѣм* приведенъ въ связь съ кор. *сѣм* гл. *сѣм'ан* (*сѣмн*) *быть*.

15. *Отрицательные* глаголы въ какскомъ нарѣчїи принимаютъ еп=каб. кѣм: јсыр шиблем різе'уѣмъ-еп сидящаго молніи онъ далъ поразить *не* (244 б).

16. Понятіе о *множествѣ* (къ *Прим.* § 86 Грамм.) выражается или формой существительнаго, или глагола, или, наконецъ, другими словами въ предложенїи, какъ: числительнымъ, мѣстоименіемъ: ханым јіпхухер ѣн-јірітірті хана его *дочерей* замужь они повывадали (234 б); јіныз-о љако куахері великаны *и* на охоту *ходивши* (227 б); жа'ао снхоізем,... жмлер какељезѣ-сљаке, келесемн-љао *говорить* начали когда,... общество погналось хотя, догнало не но (235 а); нартым ја-'ахом сн'уфес нартовъ *ихъ* пастуха тамъ встрѣтилъ (Шибадиново, 21 а); ныбзеуѣмъснмі јіфмзсхер јікесо јі'мљо, касѣс друга старые *три*, своихъ женъ старухъ (на) своихъ крупахъ ихъ держа, прїѣхали (157 б); псно уоркоі сн'а псорі кѣзе'уфѣс князь и дворянинъ, есть которые, *все* собрались (205 б).

17. Къ отмѣченнымъ въ § 87 Грамм. *прилогамъ* можно сдѣлать слѣдующія дополненія:

1) прилогъ ше *безъ* встрѣчается и безъ суфф. м (н): шнхузн-ше *безъ* травы;

2) ља *за* происходитъ отъ сља *голова* (съ пропускомъ с);

3) *во время* передается посредствомъ снљо (отъ корня вспомог. гл. сн'ан (снн) *быть*): кушмкум-снљо въ утреннее *время* (въ 10 часовъ утра);

4) *къ* передается также посредствомъ уѣе (соб. означаетъ *уба, входъ*): бже-уѣе *къ* дверямъ (199 б);

5) *подъ* переводится љаљнр или љаљ (соб. означаетъ *дно*): жнљ-љаљнр *подъ* деревьями;

6) *близо* выражается частицей јунезљ (јуне *край*): јі-куажем јіјунезљ *близо* его аула (235 б).

18. *Сравнительная* степень *опредѣлительная* (къ § 88 Грамм.) выражается посредствомъ частицъ нѣх-нѣх, между

которыми ставится сравниваемое существительное: нăх-зау-нăх лучшая тѣнь (173 в).

19. *Относительно-превосходная* степень (къ § 89 Гр.), выражается посредствомъ нăх, поставляемымъ между примѣтой множ. числа и прилагательнымъ: ha-хнгебѣр... а-нăх дахет эта дѣвушка... *всѣхъ* красивѣе была (182 а); зепнблнм а-нăх-м-зър кăснзăс (изъ) братьевъ семи *всѣхъ* старшій (самый старшій) прибылъ (182 в). *Безусловно-превосходная* степень выражается посредствомъ нăх и днде, между которыми ставится прилагательное: нăх-м-ѣе днде *самый* младшій.

20. *Числительныя количественныя* (въ § 92 Грамм.), въ соединеніи съ сосчитываемыми предметами, ставятся *позади*, *впереди* же стоятъ, если это одушевленные предметы, префиксы зе (отъ *jezm самъ*): зе-шнбл семь братьевъ, зе-шнх шесть братьевъ (въ русс. *самъ-шостъ* имѣетъ обособляющее значеніе).

21. Нарѣчіе *какъ* выражается иногда постпозитивнымъ фе (отъ ффе *кожа, видъ*): цмху-фе куампльнзо (на) человѣка *какъ* они не смотря. Русскія нарѣчія *чуть* и *едва*, означающія близость дѣйствія, которое предупреждается случайными обстоятельствами, выражаются по-адыгски частицами бѣа (*чрудъ*) и не (вне *глазъ*): см-бѣо-не-хуртї и я *чуть* (не) сдѣлался несчастнымъ (229 в).

22. Отъ *соединительнаго* союза (§ 99 Грамм.) ре слѣдуетъ выдѣлить мѣстоим. указатель р и остается гл. е, который и представляетъ собою соединительный союзъ, а отъ союза рїк, если выдѣлить тотъ же указатель р и суфф. ѣ, то останется гл. і; такимъ образомъ, гласные е и і соответствуютъ русс. союзу и; они присоединяются къ каждому соединяемому ими имени или глаголу: 'аз-і 'азеѣу-і врачи и лѣкарства (198 а); но иногда они присоединяются только къ первому: тмс-м шхе сядь и ѣшь (201 в). Для і примѣровъ въ текстахъ очень много. Сюда же можно отнести и глаг. формы на рї, представляющія собственно соединеніе указате-

ля *p* въ причастіи (но не опредѣлительномъ) съ постпозитивнымъ *i* (см. выше 9. г. *Прим.*). Соединительный гл. *i* соотвѣтствуетъ абхазскому постпозитивному *j* (соб. означаетъ *съ*).

При соединеніи неопредѣленныхъ формъ глагола играетъ роль соединительнаго союза и постпозитивное *o*: *kāxonni-o kāseon-o* обругать и подраться (204 а).

У заубанскихъ кабардинцевъ употребляется иногда, подъ вліяніемъ вяхскаго нарѣчія, въ значеніи соединительнаго союза *jiki* или *jike* (166 б).

Русское *то... то* выражается по-адыгски суфф.: *ме... ме: дѣкри, ко-ме жеи-ме* выѣхавши, *то ѣдетъ, то прыгаетъ* (172 б).

Русс. *или* выражается посредствомъ *heme: hudei heme* *дидеі у тебя или у насъ* (236 а); *или... или—је... је* (въ абхазскомъ *ja*): *је сее је смшнехмэхем жісис...* или я или моихъ братьевъ старшихъ ихъ часть... (201 а).

Союзъ *но* выражается постпозитивнымъ *hao* (примѣръ стр. 316, 16).

23. Къ особенностямъ *периодическаго* построенія рѣчи относятся слѣдующія:

1) *ззи тхаммѣке... коре-пет,... смдецым,... жі-гебеур фим хісері, бапем катріпāt* одинъ бѣднякъ... идя... свернулъ когда, свою палку въ землю посадивши, на горѣ зарылъ-было (181 б); *фалер... јецсмхрі,... эмсмхрі,... жіріпхмарі,... кэхмкірі... јутмцмарі фмво кәдецәс* мальчикъ,... слѣзши,... снявши,... привязавши,... вырвавши... ее отпустивши, переодѣваясь, зашелъ (202 а). *Общее подлежащее* сложнаго предложенія ставится въ началѣ, а *сказуемое* въ концѣ (какъ и въ тюркскихъ нарѣчіяхъ); къ подлежащему примыкаютъ его опредѣленія, обстоятельства образа дѣйствія, времени и мѣста, а затѣмъ идетъ прямое дополненіе съ опредѣленіемъ, съ сопровождающими дѣйствіе глагола обстоятельствами, и, наконецъ, *сказуемое*. Вообще же, слѣдуетъ замѣтить, что адыгскій языкъ

при распределеніи придаточныхъ предложений, выражаемыхъ причастными конструкціями или такъ называемыми дѣспричастіями, придерживается порядка послѣдовательности описываемыхъ событій;

2) аби блѣкрі, змзаһуһр жікуо, шши... 'уви'арі, сьсисшм, змш пѣеуоле... тело, мезим кѣхекрі... кѣ'уврі, змимхео, зері-ракољѣс этого (мѣста) мимо проѣхавши, одно нѣсколько проѣзжая, лошадь... остановившись, заржала когда, одна лошадь бѣлая... находясь, изъ лѣсу вышедши... ставши, не двигаясь, къ себѣ подпустила (200 в). Придаточныя предложения періода, со *своими* собственными подлежащими, ставятся *впереди*, согласно естественному теченію событій, а потомъ идетъ главное предложеніе съ подлежащимъ въ началѣ и сказуемымъ въ концѣ, между которыми располагаются второстепенныя предложения, связанные общимъ подлежащимъ;

3) жі'аѣ жіниѣ-патсиһим сказалъ великановъ царь (232 в). Изъ этого и другихъ подобныхъ примѣровъ видно, что иногда бываетъ обратный порядокъ не только въ сложномъ предложеніи, но и въ простомъ. Это бываетъ, большею частію, при передачѣ разговорной рѣчи, для поддержанія связи между отдѣльными частями разсказа;

4) зем сьнесым, јепсиһахеѣ, шхен-һо въ войску (братья) пріѣхали когда, слѣзли, поѣсть чтобы; жінизим жіканһр мезим... змдишо хоіѣѣс... нимуфьнике мигуго, зеріѣлаѣем-ѣеке великанъ своего воспитанника въ лѣсъ... съ собою братъ началъ,... верхомъ можетъ ѣздить что, не думая, онъ мальчикъ есть потому что; Бзеге-батыр, јіѣамиле каѣтѣо, јішхим, сьсѣ текѣ һе-самһрим сьрһтим, псомі... каѣтері, самһрим кратѣс, һам хомшхре-пет Бзеге-батырь, свой провіантъ (они) доставши, онъ ѣлъ когда, часть немного собакъ-мосьѣѣ отдалъ когда, всѣ... взявши, мосьѣѣ отдали, собака не мочь ѣсть продолжаетъ (хотя) (187 а). Обстоятельства цѣли, причины и уступленія ставятся послѣ сказуемаго главнаго предложенія;

5) çalері канері, haore çиторе, жітєлїккım жіфїз ж̄аç мальчєвъ оставшїсь, такъ находясь, его воспитателя его жена умерла (167 b). Этотъ періодъ служить примѣромъ соединенїя двухъ предложенїй, связь между которыми весьма поверхностная (только посредствомъ прїтяж. мѣст. жі);

Прим. Въ этомъ предложенїи заслуживаетъ вниманїя ассимиляція гласныхъ *e* и *i*, служащихъ для связи, и присоединенїе указателей тоже для созвучїя.

6) Alleh, çm'a(ç), жи'арї... жіçешжеж̄аç конечно, есть, сказавъ... насытила (173 b). Если въ периодической рѣчи сказуемое главнаго предложенїя имѣетъ конечное ç, то оно можетъ быть пропущено въ сказуемомъ придаточнаго предложенїя.

24. Въ заключенїе скажу нѣсколько словъ о мѣстоименїи 3-го лица.

Въ адыгскомъ языкѣ мѣст. 3-го лица, въ смыслѣ русс. онъ, нѣтъ налицо; изъ помѣщенныхъ въ § 24 Грамм. мѣстоименїй только мѣст. *i* имѣетъ несомнѣнно значенїе мѣст. 3-го лица, но оно не существуетъ самостоятельно, — отдѣльно отъ глагольнаго сказуемаго.

1) Мѣст. абм (въ кях. нарѣчїи аç или жеç, жеж) указываетъ на предметъ *больше близкій*, а мѣст. мобм — на предметъ *больше отдаленный, неизвѣстный* дѣйствующему лицу; первое соответствуетъ русс. *этотъ*, а второе — *тотъ*, но оба употребляются и какъ мѣст. онъ: абм (мобм) çакор жіделхум жет онъ (этотъ, тотъ) даетъ хлѣбъ своему брату (соб. хлѣбъ ему... онъ дает(ся)); мо фїзр абм çмьафум ту женщину онъ увидѣлъ когда (соб. та женщина ему была видна когда) (Сосрубо, въ XII вып. Сб., 3); ссе абм шмїссе хусо'ати (отъ 'атин разсказывать) я ему (этому) разсказываю сказку; сїдежхум мобм *) çако жет мой братъ даетъ ему (тому) хлѣба;

*) Въ Грамм. на стр. 11 въ томъ же примѣрѣ *ошибочно* напечатано: мобм.

абм ссе ситѣ смхут (по отношенію въ) *нему* я чѣмъ я рас-
поряжаюсь (236 а); абм јинкз патсѣдѣм-јдеі коно језѣс *нему*,
веливановъ царю, *къ* ѣхать онъ отправился (231 а); абм
ѡо... хунокѣм *ему* ѣдущему... нельзя (234 b); јідакѣм абм
хотѣлось не *имъ* (Ашемезъ, 44 а); с-а абм смѣсѣбѣ-сѣакѣ (отъ
сѣмун сопоставлять) меня *съ ними* (соб. *имъ*) меня ты срав-
нилъ потому что (Сосруко, 5 b) *); абм јі-шифер харѣ *этого*
его лошади (вм. болѣе краткаго выраженія: *его*, безъ *этого*)
видѣ таковъ есть (Пшибадинокѣ, 23 а); мобм ј'ар сѣбаѣум
(*того*) *его* руку увидѣли когда (184 b). Какъ изъ этихъ при-
мѣровъ видно, абм и мобм употребляются только въ *косвен-
ныхъ надежахъ*—родительномъ и дательномъ **); они встрѣча-
ются при глаголахъ переходящихъ съ прямымъ дополненіемъ,
и при глаголахъ, имѣющихъ при себѣ, кромѣ прямого, кос-
венное дополненіе въ дат. падежѣ или только одно косвен-
ное дополненіе; въ первомъ случаѣ, съ точки зрѣнія русскаго
языка, они являются подлежащимъ, а съ точки зрѣнія адыг-
скаго, въ виду страдательнаго оборота въ такихъ предложе-
ніяхъ,—*дательнымъ дѣйствующаго* предмета; въ послѣднихъ
двухъ случаяхъ они являются косвеннымъ дополненіемъ: да-
тельнымъ отношенія въ лицу или дательнымъ цѣли, при чемъ
можетъ стоять и дательный дѣйствующаго предмета (на пер-
вомъ мѣстѣ); при существительныхъ они встрѣчаются какъ
опредѣленія. Въ роли мѣст. 3-го лица абм встрѣчается го-
раздо чаще, чѣмъ мобм.

2) Мѣст. језм (соб. опредѣлительное *самъ*) замѣняетъ
абм въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ глаголъ принимаетъ прямое до-
полненіе: језым хыгебзер језаѣу *онъ* (самъ) видитъ дѣвицу.

3) Мѣст. мор есть собственно указательное *тотъ*, въ
различіе отъ мѣст. мор *этомъ*: мор кѣсѣм'ушым *онъ* (тотъ) проснул-

*) Эта фраза въ текстѣ *неточно* переведена.

**) Твор. абмѣ имѣетъ значеніе нарѣчія: *туда, оттуда*; и въ формѣ
абм (набм) имѣетъ это мѣст. значеніе нар.: *тамъ*.

ся когда (232 а); мор меллѣзе онъ (тотъ) работаетъ; ханнзм мор како смлаву м ханъ старый его (того) ѣдущаго увидѣлъ когда (155 а). Мѣст. мор употребляется только въ *именительномъ падежѣ*; оно ставится при глаголахъ среднихъ и тѣхъ переходящихъ глаголахъ, которые могутъ стоять и безъ прямого дополненія; при глаголахъ переходящихъ оно является въ роли прямого дополненія только съ точки зрѣнія русскаго языка, а съ точки зрѣнія адыгскаго—*подлежащимъ* въ *именительномъ падежѣ*.

Прим. Иногда и мор встрѣчается въ значеніи мѣст. 3-го лица онъ: мор кесанемі кеколері онъ (этотъ) въ башнѣ подождя (Соср., 9 а).

4) Мѣст. нар, какъ указательное при существительномъ, означаетъ *тотъ же самый*, а безъ него—*этотъ*, но часто употребляется и какъ мѣст. 3-го лица онъ: нар јшмм кѣ'уй-смжс онъ со своимъ конемъ посовѣтовался (Соср., 8 в); нар зе-пнхъ хурт оно (это) братьямъ шести равнялось (Соср., 6 а); обурснвс нар вредный есть онъ (Ашемезъ, 49 в); нар Сетанеі јлавуѣс его С. она увидѣла (Соср., 3); нарі шмцеке јстері ее (собаку) и лошади шей (на... шею) вздвпш (186 в); кѣ-детпанн дхојес нар намъ привлечь намъ нужно его (Пшиб., 24 в). Мѣст. нар употребляется въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и мор, но встрѣчается гораздо чаще.

Прим. Не слѣдуетъ смѣшивать нар какъ мѣст. 3-го лица, съ указательнымъ, которое употребляется и въ косвенныхъ падежахъ: на жеш горн-мі ханнм јпху нахнсем кѣле-вуѣс въ ту же самую ночь вакую-то хана дочь младшая (его) увидѣла (204 а); на махо-м въ тотъ же самый день (Ешан., 74 а).

Какъ изъ этихъ примѣровъ видно, между нар и абм, съ одной стороны, и мор и мобм, съ другой—существуетъ полная аналогія. Эти мѣстоименія восполняютъ другъ друга и замѣняютъ другъ у друга недостающіе падежи.

Въ мѣст. а-би и мо-би слогъ би представляетъ собою, повидимому, окончаніе 2-го падежа мѣстоименій ha-p и mo-p (соотвѣтствующаго родительному и дательному), для образованія котораго въ адыгскомъ склоненіи служитъ суфф. м.

Мѣст. ha-p и аби могутъ быть сопоставлены съ абхазскими указ. мѣстоименіями, употребляемыми также въ значеніи мѣстоименій 3-го лица—арі и абрі. Эти мѣстоименія, очевидно, общи языкамъ абхазскому и адыгскому, но промежуточнымъ звеномъ не могли служить жившіе между обоими этими народами убыхи, въ языкѣ которыхъ онъ выражается inja *).

ЗАМѢТКА

О фонетическихъ особенностяхъ хакучинскаго и абадзехскаго говоровъ
кяхскаго нарѣчія.

На 105 страницѣ Кабардинскихъ текстовъ (XII вып. Сборника) въ статьѣ: „Замѣтка о кяхскомъ нарѣчіи адыгскаго языка“ были высказаны наблюденія надъ *бжедухскимъ* говоромъ этого нарѣчія. Въ настоящее время я имѣю возможность это сдѣлать и по отношенію къ *хакучинскому* и отчасти *абадзехскому* говорамъ. Еще на стр. 267 настоящаго выпуска было замѣчено, что хакучинскій говоръ заключаетъ въ себѣ характерныя особенности не только говоровъ разныхъ кяхскихъ племенъ, но и кабардинскаго нарѣчія. Это дѣйствительно замѣтно не только въ фонетикѣ этого говора, но и въ его морфологіи; нѣкоторыя особенности послѣдней, насколько онѣ не вошли въ составъ помѣщенныхъ выше грамматическихъ замѣтокъ, излагаются попутно въ настоящемъ очеркѣ.

Вокализмъ.

1. Въ хакучинскомъ говорѣ, какъ и въ другихъ говорахъ кяхскаго нарѣчія (и у закубанскихъ кабардинцевъ), за-

*) Усларъ. Абхазскій языкъ, Т. 1887, стр. 92 Приложеніи.

мѣчается наклонность къ переходу отъ центрального гласнаго звука *a*, съ одной стороны, къ промежуточному звуку *e*, а того послѣдняго къ *i*: мекъ вм. макъ, вево вм. ваго, гуаѣ вм. гуаѣ, а съ другой—къ промежуточному *o* и даже къ *y*: 'он (безъ жѣ) *) вм. жѣ'ан; јорі или јіорі, јеурі вм. жі'арі; јуѵ, но и ју'ав (јі'уѣѵ) вм. жі'аѣ.

2. Замѣчается наклонность къ пропуску гл. *i*: јсо вм. јісо, јто вм. јіто, јѣсто вм. јіѣсто, јкеке вм. јікеке.

3. Постановка *n* или *i* въ концѣ слова—не въ значеніи соединительнаго союза: бнѣмм-н, каѣоѣмѣјит-і.

4. Въмѣсто дифтонга *уѣ* *ты* является форма *уо* и даже *о*.

5. Вставка *o* въ будущемъ времени и присоединеніе конечнаго *o* въ суфф. *n* неопредѣленнаго наклоненія: зевреѣен-о-ѣ, змрепсѣмм-о.

6. Пропускъ гласнаго *ы* въ вспом. гл. сѣтѣн, служащемъ для описательной формы будущаго времени: тѣ'уѣм-ѣ(н)т или тѣ'уѣм-шт вм. дѣ'уѣмѣ.

Консонантизмъ.

7. Голосовой передне-язычный *d* въ обоихъ говорахъ переходитъ, согласно съ бжедухскимъ говоромъ, въ безголосный *t*: зетезѣјі вм. зедеѣѣс и, наоборотъ, безголосный *t* въ голосовой *d*: сѣдѣм вм. сѣтѣм.

8. Безголосный проторный звукъ *ѣ* (съ отсѣченной отдачей) переходитъ въ сложный согл. *ч*, котораго въ кабардинскомъ нарѣччіи нѣтъ: чале вм. ѣале; въ тотъ же звукъ переходятъ въ абадзехскомъ говорѣ всегда, а въ хакучинскомъ—обыкновенно голосовой проторный согласный *з*: дечхѣр вм. дезхѣр, че вм. зе и голосовой проторный *ж*: чѣле вм. жѣлле,

*) Уклоненіе отъ словообразованія этого слова: жѣ'ан составлено изъ двухъ корней: жѣ=ѣѣ уста и 'ан дѣмать ('а рука); стало-быть: *дѣмать устами—говорить*; въ хакучинскомъ говорѣ гл. 'он принимается въ 3 л. је (ji).

бче в. бже, чеш в. жес. Въ этомъ оба говора сходятся съ бжедучскимъ.

9. Въмѣсто безголоснаго проторнаго звука q является въ хаучинскомъ говорѣ ш: шане в. шане, а вмѣсто этого послѣднаго—ч: чѣ в. шѣ.

10. Сложный же проторный звукъ ч является (какъ и въ бжедучскомъ) вмѣсто задне-язычныхъ палатализованныхъ k и g: хеч в. хек, чате (но и кате) в. гате; палатализованное ч слышится вмѣсто k, стоящаго предъ гл. а (произносимаго со щелканіемъ языка): чaxe (нижніе адыге) в. kaxe. Въ хаучинскомъ говорѣ эти переходы не послѣдовательны.

11. Въ абадзехскомъ, какъ и въ бжедучскомъ говорѣ, передне-язычный проторный звукъ ж (з) переходитъ въ глагольныхъ формахъ въ сложный звукъ ц: какоцазѣ в. какожац.

12. Задне-язычно-небные x и x̣ (произносимый съ храпніемъ) переходятъ, какъ и въ бжедучскомъ говорѣ, въ зубо-губной ф: цифе в. цмхѣ, фмз в. хуз, шфе в. шхо, мефм в. махо, офе в. охѣ, при чемъ замѣчается и повышение тона гласныхъ, сопровождающихъ зубо-губной ф, съ переходомъ: а въ е, у въ и или е, и о въ е; хотя перехода х въ язычно-небный k, какъ въ бжедучскомъ говорѣ, не замѣчается, но есть примѣры въ хаучинскомъ его перехода въ голосовой проторный звукъ б: дебу в. дахе.

13. Одинъ изъ безголосныхъ гортанныхъ шумовъ—h переходитъ въ хаучинскомъ, правда, непослѣдовательно въ безголосный же зубо-губной ф: хефері в. хефарі.

14. Замѣчается отсутствіе гортаннаго шума h: узот в. хузот.

15. Зубо-губной ф, повидимому, очень рѣдко переходитъ въ хауч. говорѣ въ ḳ: псмхо в. псмфе.

16. Въ хаучинскомъ говорѣ замѣчается непослѣдовательность въ употребленіи ъ и ъ́, е и е́ и даже часто замѣ-

на одного другимъ: ѡм вм. ѡм человекъ и, наоборотъ, ѡм вм. ѡм кровь.

17. Въ обоихъ говорахъ бросается въ глаза въ окончаніи прош. сов. времени и прош. повѣствовательномъ замѣна с посредствомъ ъ, что составляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и морфологическое явленіе кавскаго нарѣчія вообще (въ кавучинскомъ эта замѣна не послѣдовательна): шесаѡ вм. шесаѡ, уѡѡ вм. уѡѡ.

18. Въ 3-мъ лицѣ единств. гл. наст. вр. вм. јі является рі: ріпѡѡ вм. јіпѡѡ и даже вм. ма (ме): рѡпѡсі вм. мѡшес, рѡко вм. мако.

Л. Л.

СПИСОКЪ ВОЛѢ ВАЖНЫХЪ ОШЕЧАТОКЪ ВЪ АДЫГСКИХЪ ТЕКСТАХЪ.

1. Начиная съ 166 до 233 страницы во всѣхъ глагольныхъ формахъ съ сѡ—м (обстоят. предл. времени) въ переводѣ поставлены нарѣчія мѣста: *тамъ, туда, оттуда*; нарѣчія эти слѣдуетъ *выбросить*.

2. Представки сѡ и сѡ не вездѣ поставлены тамъ, гдѣ слѣдуетъ: сѡ имѣетъ отношеніе къ *мѣсту*, а сѡ—къ *времени*.

3. На 206, 207, 228 и 229 стр. подъ нѣкоторыми глаг. формами съ рѡ, напр. рѡку'ѡѡ, рѡко поставлено въ переводѣ *отъ себя*: это *лишнее*.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Нужно читать:
154	19 сверху	обычай	обычаемъ было
"	15 снизу	я ставшій	я ставши
155	17 "	свою	одну
"	5 "	выходить и принимаютъ	выйдя, его они принявши
"	3 "	это	такъ
157	4 сверху	и уѡзжаетъ	уѡхавши

157	13	снизу	уѣжасть и	уѣжавни
158	9	"	если	когда
159	15	"	напомнилъ когда	напомнивши
169	4	"	ффм	ффе
181	10	"	фм	фм
183	7	"	вышла	вышедши
184	1	сверху	фнесим	фнесым
"	5	"	ѣриѣмѣр	ѣриѣмѣри
197	15	"	јіѣн	јіѣн
202	8	снизу	смирвоум	смирвоум
204	18	"	сидятъ	сидѣли
209	13	"	него	нихъ
211	15	"	тамъ	имъ
228	9	"	отъ себя	мнѣ
231	6	сверху	дай	мнѣ дай
233	4	снизу	ховмиѣапѣ	хомиѣаѣ
245	14	сверху	<i>который</i> слѣдуетъ поставить въ скоб., <i>оно</i> слова даде въ предыдущей строкѣ <i>наверху</i> .	
"	2	снизу	ѣмѣр	ѣмѣр
246	2	сверху	уо—твой	тебѣ
262	5	"	ѣтѣб	ѣтѣб
272	16	"	дикамнѣовиво	дикамнѣо
280	3	"	слова: наѣмѣ старшій— <i>лишнѣ</i> .	

*
**

Остальные опечатки въ текстахъ *исправлены* въ Объяснительномъ словарѣ.

ПОПРАВКИ.

На страницѣ 66, строка 13 снизу, напечатано: „1721 г.“; слѣдуетъ читать: „1725 г.“

На стр. 71—72 отъ словъ: „Свидѣтели сего суть“, до словъ: „Написана сія грамота“ въ текстѣ допущены пропуски. Безъ пропусковъ это мѣсто слѣдуетъ изложить такъ:

Свидѣтели сего суть: Германозишвили цинамдзгваръ Доментій, Мгалоблишвили цинамдзгваръ Елисе, Гедеванишвили моларетъ-ухуцесъ Паата, Чармеули шталмейстеръ Гавріилъ, архиіакопъ Сагинашвили Елисе, Деканозишвили моуравъ двора Іорамъ, тупмалъ (привратникъ) Кристесія, тавилдаръ (помощникъ главнаго казначея) Азмайпарашвили Кайхосро. Мѣсяца іюля 20-го написана сія грамота.
